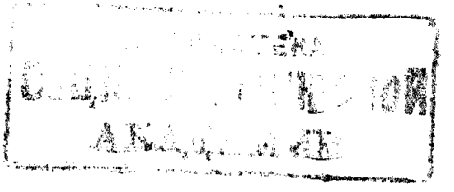
ИЗЪ ИСТОРІИ
ИНОСТРАННЫХЪ ИСПОВѢДАНІЙ
ВЪ РОССІИ
ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Дм. Цвѣтаева.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.



21715

По первоначальному плану сочиненіе наше должно было обнимать собою исторію протестантства до временъ Петра Великаго. Между тѣмъ болѣе подробное изученіе предмета по матеріаламъ московскихъ архивовъ и частныхъ и общественныхъ книгохранилищъ постепенно приводило насъ къ убѣжденію, что, при настоящемъ положеніи этого вопроса въ исторической наукѣ, полная его исторія за названный періодъ не возможна безъ предварительнаго изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ его. И чѣмъ пристальнѣе мы всматривались въ избранный предметъ, тѣмъ число такихъ вопросовъ становилось больше, и неизбѣжность монографическаго изложенія ихъ дѣлалась все осязательнѣе. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія мы разработали, въ видѣ отдѣльныхъ этюдовъ, вопросы: положеніе протестантовъ до временъ Петра Великаго (общій очеркъ), вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ XVI и XVII вѣкахъ, протестантство при царевнѣ Софьѣ, построеніе первой каменной протестантской церкви въ Московской Нѣмецкой Слободѣ, Московскія протестантскія кладбища, браки протестантовъ съ православно-русскими, дѣло генерала Николая Баумана. Въ интересахъ сравнительнаго изученія мы ознакомились съ протестантствомъ въ Польско-литовскомъ королевствѣ, что̀ отразилось въ нашей статьѣ „Протестантство въ Польшѣ и Литвѣ, въ его лучшую пору.“ Но болѣе всего наше вниманіе занято было пока вопро-

сомъ о протестантскихъ церквахъ и духовенствѣ въ эпоху XVI и XVII столѣтій въ связи съ тою степенью вѣроисповѣдной свободы, которою иноземцы пользовались въ Московскомъ государствѣ. Плодомъ посильныхъ занятій этимъ предметомъ и является первая часть настоящей книги. Матеріалъ, сюда относящійся, изложенъ нами какъ по даннымъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ сохранились документы Посольскаго, Иноземскаго и другихъ приказовъ, вѣдавшихъ дѣлами иноземцевъ, такъ, гдѣ было то необходимо, и по сказаніямъ иностранныхъ писателей о Россіи, при чемъ мы пользовались и всѣми другими относящимися сюда изданіями и сочиненіями, которыя могли имѣть подъ рукою.

Изученіе этой стороны исторіи протестантства въ Россіи привело насъ къ параллельному и одновременному разсмотрѣнію вопроса о построеніи въ Москвѣ перваго католическаго костела и обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ. Благопріятное условіе продолжительнаго пользованія какъ изданными, такъ и неизданными матеріалами того же Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и обращеніе нами главнаго вниманія на пункты, менѣе изслѣдованные, дѣлаютъ, быть можетъ, не лишнимъ настоящее изложеніе и послѣ именитаго труда графа Толстаго „Римскій католицизмъ въ Россіи.“ Нѣсколько неизданныхъ архивныхъ документовъ, имѣющихъ важное значеніе въ этомъ вопросѣ, помѣщаются нами въ Приложеніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Протестантскія церкви и духовенство.

Стр.

Глава I. Кирки и свобода богослуженія протестантовъ съ появленія въ Россіи первой лютеранской общины до перенесенія московскихъ кирокъ въ Ново-Иноземскую Слободу..... 1.

Глава II. Протестантскія общины съ ихъ церквами и пасторами, со времени устройства Московской Ново-Иноземской Слободы до соединенія существовавшихъ въ ней трехъ лютеранскихъ общинъ въ двѣ, Старую и Новую..... 99.

Глава III. Протестантскія церкви и духовенство въ періодъ построенія московскихъ каменныхъ кирокъ..... 192.

КНИГА ВТОРАЯ.

Сооруженіе перваго католическаго храма въ Москвѣ.

Глава I. Напрасныя попытки католиковъ имѣть въ Москвѣ свое духовенство и костелъ..... 279.

Глава II. Временное пребываніе іезуитовъ въ Московской Ново-Иноземской Слободѣ и отправленіе ими богослуженія въ домѣ, купленномъ тайно на средства австрійскаго императора Леопольда..... 310.

Глава III. Водвореніе католическаго духовенства и построеніе каменнаго костела въ Москвѣ..... 382.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Стр.

I. Дѣло по прошенію генералъ-поручика Петра Гордона съ другими иноземцами католическаго вѣроисповѣданія о молитвенномъ домѣ и пастырѣ. 1684 года..... III.

II. Дѣло по прошенію патеровъ Франциска Лефлера и Павла Яроса о постройкѣ каменнаго католическаго костела въ Московской Ново-Иноземской Слободѣ. 1695 года ..... V.

III. Дополненіе къ Дѣлу о Московскомъ каменномъ костелѣ, написанное Московскою Посольскою канцеляріей въ 1721 г... XLVIII.

IV. Допросъ купцу Францу Гасконію о постройкѣ имъ каменнаго зданія для костела въ Московской Нѣмецкой Слободѣ. 1695 года..... L

V. Копія съ жалованной грамоты Московскому костелу, приписываемой католиками Петру I и непризнанной нашимъ правительствомъ достовѣрною. 1705 (?) года..... IV.

VI. Дѣло по челобитью настоятеля Московскаго костела Павла Пешке о выдачѣ ему копіи съ грамоты Петра I о костелѣ. 1797 года ..... LVIII.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРОТЕСТАНТСКІЯ

ЦЕРКВИ И ДУХОВЕНСТВО.

ГЛАВА I.

Кирки и свобода богослуженія протестантовъ съ появленія въ Россіи первой лютеранской общины до перенесенія московскихъ кирокъ въ Ново-Иноземскую Слободу.

Образованіе въ Москвѣ первой лютеранской общины. — Гансъ Миссенгеймъ, Иванъ Рокита; Тиманъ Бракель, Иванъ Веттерманъ, «нѣмецкій пасторъ Илія», Христіанъ Шрафферъ, Христіанъ Бокхорнъ. — Кирки у Первой или Старой Московской лютеранской общины: основанная и разрушенная при Грозномъ, построенная при Годуновѣ и уничтоженная войсками Лже-Димитрія I, выстроенная во времена Михаила Ѳеодоровича въ Бѣломъ-городѣ и замѣнившая ее церковь въ Земляномъ-городѣ, на участкѣ иноземца Іоста Кивета. —Пасторы: Іоакимъ Скультетъ, «Иванъ», Бернардъ Кегель, Вальдемаръ Гюллеманъ, Мартинъ Беръ, Антоній Веберъ, Георгъ Оксе, Мартинъ Мюнстенбергъ, Валтасаръ Фадемрехтъ — Раздѣленіе лютеранской общины на двѣ.—Церковный вопросъ. во Второй или Новой лютеранской общинѣ. — Пасторы: Яковъ Нигенборгъ, Иванъ Юстровъ, Иванъ Ивановъ, Иванъ Якоби.— Шведская кирка.—Посолъ Иванъ Мёллеръ и пасторъ Георгъ Листеманъ. — Реформатская община и ея церковь въ Бѣломъ-городѣ.— Ричардъ Джемсъ, Генрихъ Ингенгеферъ, Иванъ Булеусъ, Иванъ Кравинкель. — Жалобы московскаго духовенства на близость кирокъ къ православнымъ храмамъ.—Приказъ о снесеніи кирокъ и безуспѣшныя старанія протестантовъ остановить выполненіе приказа.—Андрей Келлерманъ, Андрей фонъ-Менгденъ, Петръ Марселисъ.—Позволеніе построить Лютеранскую церковь за Земляными-городомъ, въ огородѣ Никиты Зюзина.—Реформатская или Голландская кирка въ Земляномъ-городѣ и безуспѣшность ходатайства голландскаго посла Конрада Бурга о перенесеніи ея въ Бѣлый-городъ.—Московскія кладбища.—Свобода богослуженія внѣ Москвы. Кирка въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Договоры нашего правительства о свободѣ вѣроисповѣданія съ Англіей, Ганзой, Швеціей, Голштиніей и Даніей для жившихъ въ Россіи иностранныхъ купцовъ. — Посѣщеніе пасторами протестантовъ, жившихъ вдали отъ Москвы, съ цѣлію отправленія у нихъ богослуженія и иныхъ церковныхъ требъ.

Протестантство, въ своемъ первоначальномъ движеніи, предѣлы котораго тогда трудно было угадать, скоро пе-

реступило границу, отдѣлявшу Московское государство отъ Западной Европы. Успѣхи на Западѣ и недостаточное знаніе Россіи породили въ нѣкоторыхъ его западныхъ адептахъ неумѣренныя мечты относительно пріобрѣтеній въ Москвѣ. Является мысль о возможности основанія здѣсь протестантскихъ общинъ не изъ однихъ иноземцевъ протестантовъ, но и изъ природныхъ Москвитянъ, о сохраненіи личной вѣры и пріобрѣтеніи свободы богослуженія для тѣхъ, кто изъ протетастантовъ явился и явится въ Россію, и объ обращеніи въ протестантство православно-Русскихъ. Съ такой цѣлію еще въ 1552 году присылается къ намъ «типографщикъ» Гансъ Миссенгеймъ отъ датскаго короля Христіана III.

Заявивъ о своей ревности къ распространенію славы Сына Божія въ своемъ и чужихъ государствахъ, Христіанъ извѣщалъ царя Ивана Васильевича: «мы осмѣлились склонять къ тому же самому и тебя, возлюбленный братъ. Потому посылаемъ къ тебѣ искренно нами любимаго слугу и подданнаго нашего Ганса Миссенгейма съ Библіей и другими книгами (вѣроятно, съ Аугсбургскимъ исповѣданіемъ и катихизисомъ Лютера), въ которыхъ содержится сущность нашей христіанской вѣры. Если приняты и одобрены будутъ тобою, митрополитомъ, патріархами, епископами и прочимъ духовенствомъ это наше предложеніе и двѣ книги вмѣстѣ съ Библіей, то оный слуга нашъ напечатаетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ означенныя сочиненія, переведя на отечественный вашъ языкъ, такъ что такимъ способомъ можно будетъ въ немногіе годы споспѣшествовать пользѣ вашихъ церквей и прочихъ подданныхъ, ревнующихъ славѣ Христовой и спасенію своему». Излишне и упоминать,

что Иванъ Васильевичъ не воспользовался совѣтомъ Христіана [1].

На Бихавскомъ реформатскомъ соборѣ (1550 г.) было положено отправить въ Москву изъ Польско-Литовскаго королевства двухъ миссіонеровъ. Миссія явилась въ 1570 году въ посольствѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа. Кромѣ оффиціальнаго порученія о дружественныхъ отношеніяхъ между Россіей и Польшей, нѣкоторые члены посольства получили отъ своихъ собратьевъ по вѣрѣ тайные наказы позаботиться о сближеніи съ Русскою церковью и попытаться склонить къ протестантству самого царя. Съ состоявшимъ при посольствѣ пасторомъ Богемскихъ братьевъ, Иваномъ Рокитой, который хорошо владѣлъ славянскимъ языкомъ, у Грознаго, по окончаніи политическихъ переговоровъ, дѣйствительно завязались пространныя религіозныя пренія, въ присутствіи посольства, бояръ и духовенства; изъ устныхъ пренія превратились въ письменныя. На протестанство, какъ на вѣроученіе, Грозный высказалъ взглядъ самый строгій. Въ протестанствѣ слѣдуетъ видѣть незаконное уклоненіе отъ церкви, въ его пастыряхъ — самовольныхъ похитителей учительскаго права, въ послѣдователяхъ — людей, не понимающихъ религіозной истины; словомъ, оно ниже даже католичества, о которомъ государь также былъ

[1] Проф. Снегиревъ, О сношеніяхъ датскаго короля Христіана III съ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ, въ Русск. Истор. Сборн. 1840, т. IV, кн. I, стр. 117—131. Распространенное мнѣніе, что результатомъ этого посольства было начало книгопечатанія у насъ, вѣско опровергается Румянцевымъ, Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, I, 9—16.

весьма невысокаго мнѣнія; распространеніе такого лжеученія среди православныхъ было бы нарушеніемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Оттого Иванъ Васильевичъ закончилъ свою полемику такимъ обращеніемъ къ Рокитѣ: «мнѣ нельзя не считать тебя еретикомъ, потому что все твое ученіе неправо предъ Христовымъ ученіемъ, и Церкви Христовой во всемъ мудрствуешь противно; ты не только еретикъ, но и слуга антихристовъ діавольскаго совѣта. Ты лишь лютеранинъ и есть еще хуже тебя; но и тебѣ впредь ученія своего въ нашей землѣ не объявлять. И о томъ молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ нашъ Россійскій народъ отъ тьмы невѣрія вашего» [1].

Приговоръ, произнесенный московскимъ государемъ, былъ роковымъ и выражалъ мнѣніе общее. Не о распространеніи и пріобрѣтеніи себѣ послѣдователей среди Русскихъ должны были думать протестанты, а о томъ только, чтобы попавшіе въ Россію и жившіе въ ней пользовались неприкосновенностью вѣроисповѣданія. Стѣснять

---

[1] Полемика съ Рокитой издана на латинскомъ языкѣ въ сборникѣ Ласицкаго и у Одерборна, на славяно-русскомъ А. Поповымъ въ Чт. Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1878, II, 1—61, и подробо обслѣдована Никольскимъ, Матеріалы для исторіи противолютеранской богословской полемики сѣверовосточной Русской церкви 16 и 17 столѣтій, Тр. Кіев. Дух. Акад. 1864, I, Рущинскимъ, Религіозный бытъ Русскихъ, М. 1873, 281—289, преосв. Макаріемъ, Исторія Русской Церкви, VIII, Соколовымъ, Отношеніе протестантизма къ Россіи, и др.; о миссіонерскомъ порученіи Рокитѣ у Gindely, Geschichte der Böhmisch. Brüder, II, 89. См. также нашу статью: Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго, въ Ж. М. Н. Пр. 1883, X, 185—187.

ихъ личной свободы Грозный и не желалъ; но весьма возможно, что неумѣстныя пропагандическія попытки Миссенгейма и Рокиты побудили Ивана Васильевича отсрочить дозволеніе протестантамъ свободы общественнаго богослуженія. Разрѣшеніе построить кирку онъ выдалъ не ранѣе, какъ, повидимому, убѣдился, что отъ нея не произойдетъ особеннаго вреда, что она будетъ служить на потребу однимъ природнымъ протестантамъ и не превратится въ оплотъ и орудіе пропаганды. До тѣхъ же поръ протестанты должны были довольствоваться домашнимъ богослуженіемъ, совершаемымъ тѣмъ или инымъ пасторомъ, попадавшимъ въ Московское государство въ качествѣ плѣннаго или члена при посольствѣ.

Плѣнные, по преимуществу изъ Ливоніи и Швеціи, послужили самымъ прочнымъ матеріаломъ въ дѣлѣ организаціи въ Москвѣ первой лютеранской общины и едва ли не главнымъ орудіемъ устройства при ней церкви. На нихъ Грозный посмотрѣлъ, какъ на контингентъ, изъ котораго можно набрать тѣхъ «знатцевъ», достать которыхъ онъ первоначально надѣялся путемъ приглашеній и найма, но въ чемъ такъ упорно воспрепятствовали ему западные сосѣди. Въ войнѣ съ Швеціей онъ прямо издалъ строгій приказъ [1] не продавать плѣнныхъ и тѣхъ, кто изъ нихъ знаетъ какое-нибудь искусство или ремесло, доставлять къ нему. Воюя съ Ливоніей, наши точно вычерпывали оттуда мѣстный нѣмецкій элементъ. Полонъ отводился внутрь Россіи громадными партіями, иногда по тысячамъ, причемъ переводили по преимуществу моло-

[1] Доп. къ Акт. Историч. I, № 102.

дыхъ, красивыхъ и знатнѣйшихъ. Какъ ни много погибало ихъ отъ холода, голода и другихъ причинъ, плѣнныхъ можно было видѣть не по однимъ городамъ, въ Москвѣ, Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Псковѣ, Великомъ Новгородѣ, Угличѣ и др., но и въ глухихъ мѣстностяхъ; большія толпы ихъ справлялись и въ только что покоренныя области Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ. Такъ какъ значительная часть плѣнныхъ обращалась въ крѣпостные, то такихъ помѣщали, конечно, въ русскихъ домахъ; другихъ, остававшихся свободными, селили и отдѣльно, подобно тому, какъ прежде католиковъ. Возможно, что подъ столицей селили ихъ частію за Москвой-рѣкой, въ Наливкахъ, куда Василіемъ III были выселены всѣ жившіе при немъ въ Москвѣ иноземцы, иныхъ помѣщали на Болвановкѣ, но главнымъ образомъ на правомъ берегу Яузы, близь ея устья, гдѣ вскорѣ находимъ цѣлое селеніе, «Нѣмецкую Слободу» (D. Deutschen Flecken, D. Deutschen Slaboda).

Чтобы лучше устроить свой бытъ, многіе обращались въ православіе и смѣшивались съ Русскими, иные поступали на русскую службу, причемъ знатные дворяне получали почетныя мѣста и выгодныя помѣстья. Такъ наприм. Каспаръ Эберфельдъ сдѣлался весьма вліятельнымъ совѣтникомъ государя, Юрій Фаренсбахъ счастливо водилъ наши войска противъ Татаръ, Элертъ Крузе и Иванъ Таубе помогали Ивану Васильевичу въ составленіи и проведеніи плановъ, какъ легче покорить Ливонію.

При взятіи Феллина былъ плѣненъ (1560 г.) старый магистръ Ордена Вильгельмъ Фюрстенбергъ. Ему было дано на прокормленіе мѣстечко Любимъ, въ Костромской области, гдѣ у него была собственная прислуга и три

лютеранскихъ пастора. Видя трудности вполнѣ покорить себѣ Ливонію, Іоаннъ задумалъ подчинить ее себѣ пока на правахъ вассальныхъ, и съ этой цѣлію предложилъ (1564 г.) Фюрстенбергу возвратиться на свою родину и господствовать надъ нею, подъ условіемъ подчиненія московскому государю, какъ верховному сюзерену. По однимъ извѣстіямъ, Фюрстенбергъ будто бы отказался отъ того, по другимъ, уже собрался было въ походъ, какъ застигла его неожиданная смерть [1].

---

[1] Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 310—312, 316; Monumenta Livoniae antiquae, 11, 59 — 79; Scriptor. Rer. Livonicarum, II, 144; Oderborn, Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita. Witebergae, 1585, л. X. 2—3, Карамзинъ, IX, гл. II и примѣч. къ ней; Соловьевъ, VI; Костомаровъ, Ливонская война въ Историч. Монографіяхъ, III. О поселеніи плѣнныхъ собственно въ Наливкахъ прямаго указанія нѣтъ, о помѣщеніи ихъ на Болвановкѣ можно догадываться изъ словъ Горсея (Записки о Московіи, Библ. д. чтен. 1865, Февраль, 48), объ образованіи изъ нихъ Нѣмецкой Слободы, близъ устья Яузы, говорятъ Исаакъ Масса (Isaaci Massae Chronicon въ Rerum Rossicarum scriptores exteri, II, 44, русскій переводъ «Сказанія Массы», С.-Пб. 1874, 92), Конрадъ Буссовъ (C. Bussovii Chronicon въ Rer. Ros. script. ext. I, 8, 11; русск. переводъ, недостаточно точный, «Лѣтопись московская Мартина Бера» въ «Сказан. Современниковъ о Д. Самозванцѣ» Устрялова, С.-Пб. 1837, I) и Петрей (Peter Petrejus de Erlesunda, Historien und Bericht von dem Grossfurstenthumb Muschkow. Lipsiae, 1620, 3, 10; переводъ Шемякина Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда. М. 1867, 2, 7). Эта Слобода лежала отъ города, по словамъ Массы, на одну англійскую милю, по Буссову, на четверть мили отъ города и на половину нѣмецкой мили отъ царскаго дворца, по Петрею, на четверть мили отъ Краснаго Села, по Яузѣ, на которой иноземцы построили водяныя мельницы. О

Плѣнные пасторы были и правили богослуженіе не при одномъ Фюрстенбергѣ. Еще нѣсколько ранѣе плѣненія магистра, именно по взятіи княземъ Петр. Ив. Шуйскимъ Дерпта, были переведены (зимой 1559 г.), въ числѣ другихъ дерптскихъ гражданъ, католическій епископъ Германъ и лютеранскій пасторъ при киркѣ св. Іоанна Тиманъ Бракель. Это первый, извѣстный по имени, пасторъ въ Россіи. Онъ оставилъ сочиненіе Christlich Gesprech von der grawsamen Zerstörung in Lifland, durch den Muscowiter vom 58 Jahr her geschehenn (1579 г.), гдѣ въ рифмованной формѣ изображенныя имъ бѣдствія, постигшія Ливонію, объясняетъ карой Божіей за нравственную распущенность ея жителей. Посвящено оно одному изъ люнебургскихъ покровителей Бракеля, и въ посвященіи авторъ сообщаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ подробностей изъ своего пребыванія въ Россіи.

Называя себя пророкомъ, который долженъ проповѣдывать покаяніе, возвѣщать волю Божію и испытать на себѣ всю тяжесть кары, онъ говоритъ: «Въ 1559 году, по ложному доносу одного Москвитянина, я, въ узахъ и желѣзныхъ кандалахъ, былъ поведенъ изъ Дерпта, гдѣ служилъ, въ Московію, безпощадно, безъ всякаго разслѣ-

---

разсылкѣ Грознымъ плѣнныхъ въ «пустынныя мѣста» государства много говорятъ ливонскіе лѣтописцы и упоминаетъ Михаилъ Шиле (M. Spiele (sic), Relation въ Sammlung Wichmann's 1, 463, переводъ Шемякина, подъ заглавіемъ «Донесеніе о поѣздкѣ въ Москву придворнаго римск. императора, Михаила Шиле, въ 1598 г.» въ Чт. Им. Об. И. и Др. Рос. 1875, II); есть извѣстіе, впрочемъ, довольно позднее, что плѣнныхъ, за недостаткомъ домовъ, размѣщали будто бы также по монастырямъ (примѣчаніе Татищева къ Судебнику Грознаго).

дованія, въ сильную стужу, въ самую неудобную пору, предъ праздникомъ Очищенія Маріи [1]. Хотя я не зналъ за собой вины, но съ прочими грѣшниками я отъ Бога заслужилъ это, такъ я смотрѣлъ (на свою долю) и долженъ былъ терпѣливо сносить ее.

«Но подобно тому, какъ Господь въ своемъ совѣтѣ ведетъ и сохраняетъ святыхъ своихъ, что̀ сказалъ и Давидъ въ IV псалмѣ, такъ и меня, самаго ничтожнаго, удостоилъ Онъ своей чудесной помощи и избавилъ отъ всякаго недостатка, такъ что я долженъ превозносить, благодарить и прославлять Его повсюду и всегда. Ибо когда я, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, былъ приведенъ во Псковъ, первый русскій городъ, Онъ, милосердый Богъ, внушилъ и поручилъ утѣшить насъ двоимъ членамъ своей Святой, по обстоятельствамъ мѣста, скрытой и тайной церкви, Русскимъ по происхожденію и языку. Они пришли и попросили хозяина дома, куда помѣстили насъ, позволить взойти къ намъ, чтобы показать и продать тамъ кое-что изъ своего товара (это были сапожникъ и перчаточникъ). Когда имъ дозволили, они, улучивъ время поговорить съ нами наединѣ, начали —

1. Прежде всего утѣшать наше сердце словомъ Божіимъ, что возложенный на насъ крестъ слѣдуетъ намъ носить съ христіанскимъ смиреніемъ, помня ученіе и образъ Христа и безвредность въ этомъ мирѣ святымъ, и чтобы мы не сомнѣвались въ милости и помощи Божіей.

2. Затѣмъ они успокоили наше тѣло: такъ какъ мы были взяты изъ Дерпта внезапно и отведены точно узни-

---

[1] У насъ праздникъ Срѣтенія Господня, 2 февраля.

ки, не успѣвъ захватить съ собой, чѣмъ бы защитить руки и ноги отъ сильной стужи, то они снабдили насъ теплыми перчатками и сапогами.

3. Наконецъ утѣшили и нашъ кошелекъ, ссудивъ насъ доброй деньгой на дорогу, около 12 талеровъ, по русскому счету.

«Вооруживъ насъ противъ унынія сердца и опасности здоровью и жизни, милосердый Богъ милостиво умалилъ и страданія нашего узничества. Когда насъ, въ желѣзныхъ оковахъ, привели въ Великій Новгородъ на княжескій дворъ, всемогущій Богъ вложилъ въ сердце князя приказать тотчасъ же снять съ насъ узы и вести въ Москву уже безъ оныхъ. Господь устроилъ, что и въ Москвѣ мы не имѣли недостатка въ утѣшеніи. Онъ воспользовался Нѣмцами, Поляками, также и Русскими, потому что Онъ держитъ въ своей рукѣ всѣ сердца человѣческія. Словомъ, невозможно охватить мыслію всѣ великія благодѣянія Божіи, тѣмъ менѣе о нихъ разсказать.

«Не долго спустя послѣ несчастнаго прибытія въ Москву, я и многіе другіе, также глубоко опечаленные, нашли тамъ въ тѣлесной немощи нашей пособника въ лицѣ одного богобоязненнаго, благочестиваго и разумнаго мужа, медика по своему званію, родомъ Поляка, который, послѣ трехгодичнаго узничества, 27 лѣтъ христіански, въ супружествѣ, велъ свое хозяйство. Своими добрыми дѣлами и разнообразною помощью бѣднымъ и плѣннымъ онъ пріобрѣлъ у всѣхъ хорошую славу. Узнавъ о моемъ несчастномъ прибытіи, онъ, за поручительствомъ одного московскаго боярина предъ моимъ надсмотрщикомъ, что я буду возвращенъ, велѣлъ привести меня къ себѣ, бе-

сѣдовалъ со мною о душевномъ спасеніи и сѣтовалъ (между тѣмъ какъ я самъ нуждался въ совѣтѣ и утѣшеніи), что онъ въ этихъ нечестивыхъ мѣстахъ цѣлыхъ 30 лѣтъ сряду не могъ, къ своему сожалѣнію, пріобщиться тѣла и крови Христовыхъ по прямому установленію Его, такъ какъ тутъ не было христіанскаго проповѣдника. Но вотъ я предсталъ, какъ учитель евангельской правды, и онъ не хочетъ усомниться въ томъ, что Господь усмотрѣлъ его продолжительное бѣдствіе, многократныя воздыханія и сильное сердечное желаніе, и восхотѣлъ его утѣшить, успокоить и насытить. Поэтому онъ просилъ меня, чтобы я не отступалъ отъ своего служенія и чтобы совѣсть его была успокоена словомъ Божіимъ и спасительнымъ причащеніемъ истиннаго тѣла и крови Спасителя.

«Выслушавъ его съ удивленіемъ и радостію (такъ какъ встрѣтить подобныхъ лицъ я въ этихъ мѣстахъ не ожидалъ), я объяснилъ ему свое положеніе и недостачу у меня всего къ тому нужнаго. На это онъ отвѣчалъ, что онъ доставитъ чашу, хлѣбъ и вино отъ епископа Германа фонъ-Везель, бывшаго въ Дерптской епископіи и теперь плѣнника, только бы я отправилъ свою службу. Я испыталъ его совѣсть и вѣроисповѣданіе (потому что въ Польскомъ царствѣ много сектъ), и, нашедши его вѣру согласной съ апостольскимъ и пророческимъ ученіемъ, его исповѣдь о существѣ, пользѣ и принятіи таинства правой, я согласился совершить служеніе и, по мѣрѣ возможности, отправилъ его.

«По пріобщеніи истиннаго и присущаго тѣла, драгоцѣнной крови Христовой въ хлѣбѣ и винѣ, онъ поднялъ глаза и руки къ Господу и громко прославлялъ Его за то, что онъ утомленную и жаждущую его душу насы-

тилъ, напоилъ и опять возстановилъ св. тѣломъ и кровію Сына Своего. И затѣмъ обратился ко мнѣ: «теперь я истинно вѣрую, что Господь направилъ тебя сюда болѣе для моего утѣшенія, нежели для твоего наказанія».

«Такимъ же образомъ и другимъ, если позволялъ случай, я проповѣдывалъ тамъ въ домахъ слово Божіе, пріобщалъ св. таинъ и крестилъ дѣтей, родившихся у плѣнныхъ Лифляндцевъ; равно, я навѣщалъ и утѣшалъ плѣнныхъ и больныхъ, и такъ у меня была тамъ какъ-бы своя церковь, каѳедра и алтарь, сколь ни тяжело и ни странно складывались обстоятельства».

Плѣненіе Бракеля было непродолжительно: осенью слѣдующаго (1560) года онъ былъ отпущенъ; жилъ затѣмъ въ Дерптѣ, Эзелѣ, Люнебургѣ и другихъ мѣстахъ, и померъ въ 1602 году въ Ригѣ [1].

Съ пребываніемъ Бракеля въ Москвѣ можно соединить начало Московской лютеранской церковной общины, [2] хотя въ ней еще и невидно какой-нибудь строго-опредѣленной организаціи. Нѣкоторую опредѣленность и устойчивость она могла пріобрѣсть не ранѣе, какъ появи-

---

[1] Fechner, Chronik, 1, 33—39; Das Inland, 1851, № 44. Замѣтимъ только, что имя плѣненнаго епископа не «Hermann Weiland von Wesel», но, какъ значится на его печати, Hermann Wessal.

[2] Къ этому приблизительно времени отнесъ ея начало еще Grot (Bemerkungen, 1,233), по которому, она «явилась около 1560 или 1565»; проф. Снегиревъ (Пр. Об. 1862, IX, 30), неправильно переведя его выраженіе «die erste Lutherische Gemeine», отнесъ къ этимъ годамъ появленіе «первой лютеранской кирки»; первымъ пасторомъ при ней Соколовъ (Отношеніе протестантизма къ Россіи, 5) называетъ «Виттермана». Ближе къ правдѣ рядъ пасторовъ ея начинать съ Бракеля, который жилъ и дѣйствовалъ ранѣе Виттермана и о которомъ у данныхъ авторовъ не упоминается.

лась у ней своя кирка и постоянно живущее въ Москвѣ духовенство.

Въ 1564 году было переведено въ Россію изъ окрестностей Шмильтена, Вендена, Вольмара и Роннебурга болѣе 3000 человѣкъ [1]; конечно, тутъ находились и пасторы; несомнѣнно, былъ захваченъ одинъ пасторъ при переведеніи въ слѣдующемъ году всѣхъ жителей Дерпта, когда ихъ взяли по обвиненію въ измѣнническихъ замыслахъ.

«Лѣтомъ 1565 года, такъ записалъ ливонскій лѣтописецъ [2], Московитъ увелъ въ плѣнъ всѣхъ дерптскихъ гражданъ и жителей, съ женами и дѣтьми, и разселилъ ихъ по отдаленнымъ московскимъ городамъ: во Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ и Угличѣ. Въ Дерптѣ у нихъ былъ пасторъ магистръ Иванъ Веттерманъ, мужъ весьма ученый, кроткаго и смиреннаго нрава, истинный апостолъ Господень; онъ отправился съ ними въ ссылку, пасъ свое стадо, какъ вѣрный пастырь, и, если не было лошади, ходилъ пѣшкомъ изъ города въ городъ, такъ какъ его овцы были разсѣяны, посѣщалъ ихъ и постоянно пріучалъ къ страху Божію, къ ихъ дѣтямъ опредѣлялъ учителей, какихъ только онъ могъ пріискать, на обязанности которыхъ было также во всѣхъ городахъ читать по воскреснымъ днямъ печатныя проповѣди».

По словамъ того же лѣтописца, о Веттерманѣ, какъ

---

[1] Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, IX, 41. Richter, Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, II, 60.

[2] Nyenstädt, Livländische Chronik, въ Monumenta Livoniae antiquae, II, 67—69. Ср. Полн. Собран. Рус. Лѣтоп. IV, 316.

ученомъ и способномъ мужѣ, узналъ самъ Грозный и велѣлъ допустить его къ осмотру Кремлевской въ Москвѣ библіотеки, состоявшей изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ, полученныхъ будто бы отъ греческаго патріарха, когда еще Русскіе принимали Христіанскую вѣру; библіотека была заперта и замурована болѣе 200 лѣтъ [1]. Согласно царской волѣ, дьякъ Андрей Щелкаловъ, Никита (?) Висковатый и Фуниковъ пригласили пастора и съ нимъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ Ливонцевъ, которые знали русскій языкъ: Ѳому Шрёффера, Іакима Шредера и Даніила Бракеля, и въ ихъ присутствіи велѣли вынуть нѣсколько книгъ. Взявъ ихъ въ

[1] По словамъ Arndt'a (Der Liefländischen Chronik Andrer Theil. Halle im Magdeburg, 1753, 258), она была привезена изъ Рима и лежала скрытою болѣе 100 лѣтъ. На этомъ основаніи Карамзинъ (IX, 52) предполагалъ, что книги привезены оттуда царевною Софьею. Едвали однако такое количество книгъ могло попасть сюда изъ одного какого-нибудь мѣста. Въ Москву стекались богатства изъ многихъ пунктовъ, русскихъ и иноземныхъ. Не завезены ли сюда и книги, кромѣ какъ изъ Константинополя и Рима, еще и изъ присоединенныхъ къ Москвѣ русскихъ удѣловъ, не исключая и Новгорода со Псковомъ? Новгородскія идеи и книги распространялись же въ Москвѣ, и прежнія княжескія библіотеки не могли же пропасть совсѣмъ. Не была библіотека также замурована ни 100, ни 200 лѣтъ. Не задолго до Веттермана осматривалъ ее Максимъ Грекъ и также былъ пораженъ громадностью и цѣнностью библіотеки. Погибла она, вѣроятно, при сожженіи Москвы Поляками въ 1611 году. Ср. свѣдѣнія и мнѣнія о ней въ изслѣдованіяхъ Clossius'a, Die Bibliothek des Grossfursten Wassilij IV Iwanowitsch und des Zaren Iwan IV Wassiljewitsch въ d. Dorpater Jahrbüchern, 1834, III, 289—304, и у проф. В. С. Иконникова, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ, 1869, 56—58.

руки, Веттерманъ увидѣлъ здѣсь сочиненія знаменитѣйшихъ авторовъ, которыя, вслѣдствіе гибели Птоломеевой и другихъ библіотекъ, были извѣстны на Западѣ по одному названію, и какъ ни былъ бѣденъ, желалъ бы пожертвовать своимъ платьемъ, лишь бы пріобрѣсть это сокровище и передать въ лютеранскіе университеты. Но дьякъ предлагалъ ему перевесть одну изъ книгъ на русскій языкъ, обѣщая опредѣлить къ нему, кромѣ трехъ упомянутыхъ лицъ, нѣсколькихъ Русскихъ и хорошихъ писцовъ, и обнадеживая, что всѣмъ имъ будетъ отъ государя хорошее содержаніе: пища, питье, жилище, почетъ. Въ слѣдующій день Нѣмцы совѣщались, что если они переведутъ одну книгу, то имъ поручатъ другую, затѣмъ третью и т. д. безъ конца, до ихъ смерти, и Веттерманъ долженъ будетъ оставить своихъ духовныхъ дѣтей; потому они рѣшили дать такой отвѣтъ: патріархъ Ананій послалъ изъ Іерусалима Птоломею 70 переводчиковъ, людей образованнѣйшихъ и хорошо знающихъ и понимающихъ родъ письма, слѣдовательно и это дѣло нужно поручить не простымъ людямъ, но разумнѣйшимъ и знакомымъ съ языкомъ сочиненій. Выслушавъ ихъ, Щелкаловъ, Фуниковъ и Висковатый повѣсили головы, разсуждая, что лишь донесутъ государю такой отвѣтъ, онъ навяжетъ работу имъ на шею и уморитъ ихъ за ней. Они согласились сообщить государю, и Нѣмцы должны были подтверждать то, что пасторъ плохъ, языкъ ему извѣстенъ недостаточно и что онъ болѣе знакомъ съ торговлей; этимъ они всѣ надѣялись освободиться отъ работы. Нѣмцы просили довѣрить имъ недѣль на шесть одну книгу; но Щелкаловъ отвѣтилъ, что если узнаетъ объ этомъ царь, то всѣмъ имъ будетъ плохо,

потому что онъ тогда догадается, что они боялись работы. Книги, покрытыя уже густымъ слоемъ пыли, опять были заперты въ ихъ трехъ подвальныхъ комнатахъ [1].

Изъ другихъ пасторовъ, также безпрепятственно исправлявшихъ религіозныя нужды Ливонцевъ, извѣстенъ «нѣмецкій пасторъ Илія», умершій 30 апрѣля 1570 года и похороненный на подъ-московномъ иноземномъ кладбищѣ; если вѣрить надгробной на немъ надписи [2], онъ пользовался между своими большой и хорошею славой. Вмѣстѣ съ герцогомъ Магнусомъ, взявшимся за дѣло, не выполненное Фюрстенбергомъ, въ кратковременное его пребываніе (1570 г.) въ Москвѣ, находились его придворные проповѣдники Христіанъ Шрафферъ и Христіанъ Бокхорнъ. Шрафферъ служилъ правою рукою герцога по его политическимъ дѣламъ; онъ пріѣзжалъ въ Москву и въ слѣдующемъ году, по хлопотамъ о денежной субсидіи его господину на военныя издержки. Выслушавъ Бокхорна, Грозный подарилъ ему богатую одежду и дорогую золотую цѣпь, и снисходительно отозвался о лютеранствѣ. Вмѣстѣ съ своимъ господиномъ Бокхорнъ, по извѣстію Хитрея, прожилъ при московскомъ дворѣ около трехъ лѣтъ. Такъ какъ пребываніе Магнуса въ Россіи

---

[1] Nyenstädt увѣряетъ, что все это онъ слышалъ отъ самого Веттермана, и потому нельзя признать вѣрными разсказы Arndt'a (258) и Richter'a (II, 60), будто бы Веттерманъ привелъ въ порядокъ царскую библіотеку, слова Карамзина (IX, 52), что Грозный велѣлъ пастору разобрать ее, и Снегирева (Прав. Обозрѣн. 1862, IX, 32; Москва. Изд. Мартынова, 1875, I, стр. XX), будто бы Веттерманъ былъ царскимъ библіотекаремъ. Ср. Fechner'a Chronik, I, 48—49.

[2] О ней см. ниже, въ трактатѣ о московскихъ кладбищахъ.

длилось не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то тутъ, если только этому извѣстію придавать какое-либо значеніе, слѣдуетъ разумѣть жизнь Бокхорна въ Ливоніи, гдѣ по-часту и подолгу бывалъ и нашъ дворъ [1].

Отпускъ съ Магнусомъ части дерптскихъ гражданъ и другихъ ливонскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ и Веттермана, не произвелъ никакихъ существенныхъ измѣненій: плѣнныхъ осталось въ Россіи еще много, и убыль возстановилась вновь прибывшими. Иноземнымъ посламъ, при возвращеніи ихъ изъ Москвы, не разъ встрѣчались татарскіе отряды, которые гнали толпы ливонскихъ плѣнныхъ и продавали ихъ дорогою за самую ничтожную плату. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что тѣ, которые жили въ Москвѣ, кромѣ того, что пользовались службою плѣнныхъ пасторовъ у себя на домахъ, еще собирались для богослуженія въ какомъ-нибудь частномъ домѣ; по крайней мѣрѣ ниоткуда не слышно жалобъ, чтобы Грозный стѣснялъ ихъ въ вѣрѣ, хотя и не дозволялъ пока имъ выстроить себѣ кирку. Количественный перевѣсъ между иноземцами былъ на сторонѣ лютеранъ, и ихъ община, повидимому, поставила себѣ задачею добиться разрѣшенія на устройство для себя храма, не смотря на то, что обстоятельства, на первый взглядъ, мало тому благопріятствовали. Измѣны Таубе, Крузе и другихъ знатныхъ

---

[1] D. Chytraeus, De Russorum religione и проч. въ сборникѣ Ласицкаго De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione. Spirae, 1582, 237; P. Oderborn, Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita. Witebergae, 1585, л. E. 7—8, X. 2—3; Fechner, I, 76, 82, 85; Busse, Herzog Magnus, König von Livland. Leipzig. 1871; также въ нашей статьѣ: Марья Владимировна и Магнусъ Датскій, Ж. М. Н. Пр. 1878, кн. III.

Ливонцевъ (въ началѣ 70-хъ годовъ) поколебали въ царѣ то расположеніе, какимъ пользовались многіе плѣнные, такъ что разъ онъ выразился предъ меклембургскимъ посломъ: «Нѣмцы мнѣ извѣрились» [1]. Но это была пора, когда Грозный смотрѣлъ крайне недовѣрчиво и на многихъ изъ природныхъ Москвитянъ, такъ что, въ припадкѣ болѣзненной къ нимъ подозрительности, онъ назначилъ правителемъ государства крещеннаго татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича. На кратковременное правленіе (февраль 1575—сентябрь 1576 г.) этого иноземнаго царя и выпало устройство первой въ Москвѣ кирки.

Она [2] явилась въ концѣ 1575 или началѣ 1576 года.

---

[1] Dr. Uheling's Sendung nach Nowgorod im J. 1572, въ F. S. v. Bunge's Archiv, I, 324.

[2] Вопросомъ объ этой и объ остальныхъ древнихъ московскихъ киркахъ, ихъ началѣ, судьбѣ, мѣстѣ, числѣ, устроителяхъ и т. п., занимались всего болѣе и очень многіе. Büsching, Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen in Russland. Altona, 1766—1767, 1—11; Grot, Bemerkungen uber die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche. St.-Petersburg u. Leipzig, 1797, I; Muralt. Chronik der vereinigten französischen und teutschen reformirten Gemeinde in St.-Petersburg. Dorpat, 1842; Jungblut, Die Gründung der evangelisch-lutherischen Kirchen in Russland. St.-Petersburg, 1855; Busch, Materialen zur Geschichte und Statistik des Kirchen— und Schulwesens der Ev-Luth. Gemeinden in Russland. St. Petersb. 1862; Lemmerich, Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St.-Petersburg. S.-Petersb., 1862, 1; Dalton, Geschichte der Reformirten Kirche in Russland. Gotha, 1865; Posselt, Der General und Admiral Franz Lefort. Frankfurt am M. 1866, 1—11; Fechner, Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. M. 1876, 1—11; проф. И. Снегиревъ, О началѣ и распространеніи

«Случилось, писалъ 1-го мая 1576 года Паули, повѣренный герцога Магнуса, и еще нѣчто (прежде рѣчь шла о вызовѣ рудокоповъ) полезное, которое для меня и моихъ можетъ служить къ доброму благосостоянію, о чемъ охотно хотѣлъ бы написать вамъ пояснѣе, но обстоятельства времени не позволяютъ на этотъ разъ; объ одномъ однако не могу отъ радости умолчать предъ вами, что великій князь разрѣшилъ Нѣмцамъ здѣсь въ Москвѣ собственную церковь и допустилъ имъ держаться своего чистѣйшаго ученія Евангелія по Аугсбургскому исповѣданію и устраиваться сообразно съ этимъ ученіемъ» [1]. По какому случаю и кто выпросилъ у царя это разрѣшеніе, сказать что-нибудь опредѣленное трудно [2]; здѣсь прежде всего, конечно,

---

лютеранскихъ и реформатскихъ церквей въ Москвѣ — Москвитянинъ, 1843, VI; Правосл. Обозрѣн. 1862, IX; Соколовъ, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. М., 1880, и другіе. Изъ всѣхъ ихъ отдаемъ предпочтеніе труду пастора Fechner'a, какъ самому документальному и осторожному; въ остальныхъ слишкомъ много не провѣренныхъ критикой фактовъ, неправильностей, противорѣчій и сбивчивости, отчего вопросъ дѣлается по мѣстамъ крайне запутаннымъ. Чтобъ предупредить повтореніе ошибокъ, мы, по мѣрѣ силъ и возможности, постараемся указать и разъяснить ихъ.

[1] Это письмо Паули, хранящееся въ Ревельскомъ Городскомъ Архивѣ въ спискѣ, по всей вѣроятности, доставленномъ туда изъ Данцига, издано и прокомментировано Фехнеромъ (Chronik, I, 89—92) и по своей непосредственности можетъ служить несомнѣннымъ источникомъ къ опредѣленію времени возникновенія въ Москвѣ первой кирки, хотя большинство историковъ и безъ того относило ея появленіе къ 1575 году, только основанія ихъ имѣли характеръ болѣе гадательный.

[2] Grot (1,233), Jungblut (3), Lemmerich (1, 19), Снегиревъ (Пр. Об. 1862, IX, 30) и друг. все приписываютъ ходатайству

значило личное мнѣніе Грознаго, который, хотя въ религіозномъ отношеніи и считалъ протестантство ниже католичества, однако, при всѣхъ измѣненіяхъ отношеній, постоянно держался ближе къ протестантамъ и думалъ, что они лучше умѣютъ слушаться его царскаго запрещенія — не распространять свое вѣроисповѣданіе между православными. Въ войнѣ съ Ливоніей онъ достаточно

Магнуса; но это случилось послѣ того, какъ Магнусъ впалъ въ царскую немилость (объ отношеніяхъ Грознаго къ Магнусу см. въ указанной выше нашей статьѣ: Мар. Владим. и Магн. Датскій, Ж. М. Н. Пр. 1878, III), и потому ихъ мнѣніе принять не возможно. Въ качествѣ устроителя ея называетъ намъ себя извѣстный Горсей. «Между тѣмъ какъ Шведы», писалъ онъ, «брали Нарву и Ивангородъ (взяты въ 1581 г.), царскія войска вошли далеко въ Шведскую землю и произвели тамъ много грабежа и разоренія, увели множество плѣнныхъ Ливонцевъ, Французовъ, Шотландцевъ, Датчанъ и нѣсколько Англичанъ... Царь размѣстилъ и поселилъ большую часть ихъ въ Москвѣ за городомъ; я имѣлъ тогда доступъ при дворѣ и былъ хорошо знакомъ и уважаемъ лучшими временщиками и должностными лицами того времени и своимъ ходатайствомъ и посредничествомъ испросилъ имъ позволеніе построить себѣ церковь и много способствовалъ ея украшенію; доставилъ имъ ученаго проповѣдника; каждое воскресенье отправлялось у нихъ богослуженіе по лютеранскому вѣроисповѣданію, и собирались митинги. Въ короткое время они освоились съ Русскимъ народомъ, заслужили его расположеніе и жили мирно, но печалились, сожалѣя о потерѣ состоянія, друзей и отечества» (Записки о Московіи сэра Джерома Горсея. Библіот. для чтенія 1853 г. мартъ, 48). Данное извѣстіе, важное для характеристики тогдашняго религіозно-общественнаго положенія плѣнныхъ, не заслуживаетъ вѣры относительно личнаго участія Горсея: если въ немъ передается не о другой какой-нибудь киркѣ, то оно слишкомъ расходится съ несомнѣнно правдивымъ извѣстіемъ Паули о времени появленія кирки

присмотрѣлся тамъ къ киркамъ, могъ понять ихъ значеніе и предположить, что онъ легче заставитъ плѣнныхъ и служащихъ при немъ протестантовъ прикрѣпиться къ Москвѣ, менѣе жалѣть о родинѣ и не стремиться туда, если у нихъ будетъ здѣсь свой храмъ. Медлить же съ своимъ разрѣшеніемъ о построеніи кирки могла побуждать Ивана Васильевича значительная неясность религіозныхъ тенденцій протестантовъ. Такія посольства, какъ Миссенгейма изъ Швеціи и пастора Ивана Рокиты

и о лицахъ, для которыхъ она была устроена; да и роль Горсея совсѣмъ не была такою значительною, какою, по своему тщеславію, старается онъ обрисовать ее. Еще неправдонодобнѣе разсказываетъ Поссевинъ, будто бы лютеране и кальвинисты выманили себѣ позволеніе построить кирки (по его словамъ, двѣ) обманомъ, выдавъ себя за католиковъ (De rebus Moscoviticis. Antverpeп, 1587, 100), такъ какъ Грозный-то именно и положилъ прочное основаніе различенію протестантовъ отъ католиковъ и предпочтенію первыхъ послѣднимъ. Ближе къ правдѣ повѣствованіе Петрея. Онъ отмѣтилъ: послѣ измѣннническаго бѣгства Таубе и Крузе «Нѣмцы сдѣлались ему (царю Ивану Васильевичу) подозрительны и не пользовались такимъ высокимъ почетомъ, какъ прежде, и хотя онъ довѣрялъ имъ уже не такъ много, однако къ тѣмъ, которые жили въ Москвѣ и служили ему, относился хорошо и справедливо, давалъ имъ жалованье и необходимое содержаніе, чѣмъ они жили, и не терпѣли нужды, также получили они свободу построить въ четверти мили отъ города деревянную церковь, въ которой чистое лютеранское ученіе сообщалъ и проповѣдывалъ ихъ собственный проповѣдникъ» (Peter Petrejus de Erlesunda, Historien und Bericht von dem Grossfurstenthumb Muschkow. Lipsiae, 1620, 251—252; рус. перв. 164—165). Весьма вѣроятно, что при своемъ разрѣшеніи Грозный имѣлъ въ виду по преимуществу состоявшихъ у него на службѣ, а слѣдовательно, они собственно, надо полагать, просили о томъ, какъ это постоянно случалось и въ послѣдующее время.

изъ Польши могли породить въ немъ совершенно основательное подозрѣніе, не кроется ли въ протестантизмѣ такихъ же пропагандическихъ стремленій, какъ и въ ненавистномъ ему католичествѣ. И какъ ни отшатнулся онъ отъ многихъ своихъ и какъ ни чувствовалъ важность для себя иноземной опоры, онъ не могъ, конечно, дозволить протестантамъ завести свою церковь, пока не выработалось въ немъ достаточно прочное убѣжденіе, что она не превратится въ средство совращенія Русскихъ въ иновѣріе.

Рядъ пасторовъ ея открываетъ Іоакимъ Скультетъ [1], бывшій придворный проповѣдникъ герцога Магнуса. По словамъ Фагеція [2], онъ проповѣдывалъ ученіе по Аугс-

---

[1] Busching, I, 4—5, пас г. Беккера Pastores ecclesiae evangelicae Moscuensis ad templum prius quod exstructum ligneum antea 1626 lapideum 1684 въ издан. нами Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи, I, № XV, стр. 176.—Ссылаясь на Busching'а, Карамзина и Fechner'а, Соколовъ (стр. 6) пишетъ: «первымъ пасторомъ ея былъ Бекгорнъ, потомъ Іоакимъ Скультетъ». Указанные имъ авторы не говорятъ подобнаго. На основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ о пребываніи въ Россіи Бокхорна (Bockhorn), именно сообщеній Хитрея и Одерборна, повторяемыхъ потомъ различными писателями (см. выше, 16—17 стр.), еще можно сказать, что Бокхорнъ былъ въ Россіи въ началѣ 70 годовъ, т. е. за нѣсколько лѣтъ до построенія кирки, и не болѣе. Г-на Соколова едвали не ввело въ заблужденіе слѣдующее выраженіе предъ тѣмъ цитуемаго имъ Grot'a (1,234): «Ioachim Scultetus, der Nachfolger des Christian Boccorn beym Herzog von Hollstein, war der erste Prediger dieser Kirche».

[2] Revidirtes instrumentum pacis ecclesiasticum. Reval, 1717, D. Vorrede, 8—9; о мѣстонахожденіи и характерѣ этой открытой

бургскому вѣроисповѣданію сначала на островѣ Даго и въ Лифляндіи, особенно въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, въ Каркусѣ и Оберпаленѣ, потомъ въ Великомъ Новгородѣ и Казани. Умеръ въ 1587 году. Въ числѣ ближайшихъ его преемниковъ были Іоаннъ (фамилія неизвѣстно) и Бернардъ Кегель. [1]

Есть основаніе полагать, что церковь была построена тамъ, гдѣ жили протестанты, т.-е. въ ихъ селеніи, на правомъ берегу Яузы, недалеко отъ устья [2]. Она была деревянная, небольшая, безъ колокольни и колоколовъ [3], и

нами книги-рукописи см. въ Моск. Вѣдом. 1882, № 319, и предисловіе къ Памятникамъ, I, стр. XIV—XVI.

[1] Памятники, I, № XV. Въ 1584 году, по словамъ P. Oderborn'a (Ioan. Bas. vita. Wittebergae, 1585, л. X 3) проповѣдывалъ и училъ въ Москвѣ нѣмецкій проповѣдникъ родомъ изъ Тюрингіи; но кто, имени не означено.

[2] Grot (I, 233) и за нимъ Muralt (6), Jungblut (3), Busch (213), Снегиревъ (30—31) и друг. указываютъ ея мѣсто въ Земляномъ-городѣ, на Поганомъ, нынѣ Чистомъ прудѣ; сличеніе извѣстій о ней, сдѣланное Фехнеромъ (Wo stand die erste lutherische Kirche in Moskau? Chronik, II, Beilage № 1), ведетъ къ болѣе вѣроятному заключенію, что она находилась въ этомъ мѣстѣ за чертой города. Съ своей стороны мы присоединимъ лишь одну поправку: по старѣйшей изъ извѣстныхъ доселѣ описей Москвы, именно 1621 года (Архивъ Моск. Оружейной Палаты, рукоп. № 666/1161, л. 58, ср. л. 270), Поганый, нынѣ Чистый прудъ лежалъ не въ Земляномъ, а Бѣломъ городѣ. Отчетъ объ этой отысканной нами Описи помѣщенъ въ Моск. Вѣдом. 1885 г. 17 марта, № 75, въ нашей статьѣ: Новые матеріалы къ исторіи Москвы.

[3] Что она была деревянная, объ этомъ говоритъ Petrejus (Historien, 1620, 252), объ остальномъ можно догадываться изъ послѣдующей ея исторіи.—Утвержденіе Соколова (6), что «о внѣш-

простояла не долго, лѣтъ около пяти. Горсей пишетъ: «Въ это время (то-есть, во время его отсутствія изъ Россіи, около 1580—1581 г.) царь разгнѣвался на Нѣмцевъ или Ливонцевъ, которыхъ онъ поселилъ съ женами, дѣтьми и семействами за Москвою; это были все купцы, переселенные изъ Нарвы и Дерпта, и дворяне хорошихъ родовъ: до сихъ поръ они пользовались свободою религіи и имѣли церковь (church there). Іоаннъ отрядилъ ночью 1,000 своихъ тѣлохранителей ограбить и обобрать этихъ иностранцевъ; ихъ раздѣвали донага, надъ женщинами производили насиліе, молоденькихъ и красивѣйшихъ дѣвушекъ увели съ собою; нѣкоторые убѣжали въ англійскій домъ, гдѣ ихъ скрыли, одѣли и спасли, съ опасностью навлечь на себя царскую немилость» [1]. Въ этомъ общемъ разгромѣ церковь была разрушена. Къ концу своей жизни Грозный, почти безъ разбора не щадившій ни своихъ, ни чужихъ, какъ поводомъ, воспользовался теперь по отношенію Ливонцевъ ихъ высокомѣріемъ, тщеславіемъ и дерзкими поступками, которые они стали позволять себѣ [2].

немъ впдѣ церкви упоминаетъ одинъ Бушингъ», нельзя признать точнымъ, такъ какъ Бюшингъ повторяетъ лишь извѣстіе Петрея.

[1] Записки Горсея, Библ. для чт. 1865, № 5, стр. 39.

[2] Такъ объясняетъ это Маржеретъ (Состояніе Россійской державы, въ Сказ. современ. о Димитріи Самозванцѣ, Устрялова. С.-Пб., 1837, III, 28—29), прибывшій въ Москву около 1601 года. Извѣстіе Поссевина (De reb. Moscov. 1587, 100), что поводомъ къ тому послужило обнаруженіе указаннаго выше обмана, изобличаетъ лишь тенденціозность іезуита Антонія. Очевидно, съ его словъ Маржеретъ говоритъ также о разрушеніи собственно двухъ кирокъ, что потомъ принято было нѣкоторыми историками, какъ дѣйствительный фактъ, а Карамзинъ (IX, 261) одну изъ нихъ счелъ лютеранской, другую реформатской. Если и придавать

Впрочемъ, оставшаяся за Нѣмцами привиллегія на продажу вина, меду и другихъ напитковъ, доставлявшая имъ сто на сто, скоро вознаградила убытки потерпѣвшихъ, изъ которыхъ, къ тому же, многіе въ началѣ царствованія Ѳедора Ивановича, согласно завѣщанію Грознаго, были отпущены на свою родину. Слушать проповѣдь и къ богослуженію оставшіеся ходили по прежнему, въ частный домъ [1], деревянный и довольно помѣстительный, въ архи-

---

извѣстію о двухъ божницахъ значеніе, по развѣ въ смыслѣ догадки Lemmerich'a (Geschichte, I, 19), что слѣдуетъ разумѣть здѣсь старый лютеранскій молитвенный домъ и лютеранскую кирку, да и то съ оговоркой, что прямаго указанія на существованіе отдѣльнаго молитвеннаго дома еще не отыскано.

[1] А не церковь, какъ думаетъ нѣмецкій переводчикъ Одерборна (H. Ratel, Wunderbare Erschreckliche Unerhörte Geschichte... des.. Ioan Basilidis Leben. Görlitz, 1596, 106) и за нимъ историки московскихъ кирокъ, за исключеніемъ Fechner'a. Въ латинскомъ подлинникѣ (P. Oderborn, X 3): «in magna quadam domo lignea».. Только, понимая здѣсь подъ domus — домъ, а не кирку, и можно будетъ объяснить разсказы современныхъ Годунову иностранныхъ писателей о построеніи имъ лютеранской церкви; иначе пришлось бы допустить, что новая кирка была опять разрушена при Ѳедорѣ Ивановичѣ, на что нѣтъ нигдѣ указаній и о чемъ иностранные писатели не преминули бы, конечно, упомянуть. Къ тому же, протестантамъ, наученнымъ горькимъ опытомъ, едва ли не было желательнѣе, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, удовольствоваться простымъ домомъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ обыкновенныхъ жилищъ, чтобы не возбуждать противъ себя новаго неудовольствія. Какъ только была построена при Годуновѣ церковь, современники готчасъ даютъ описаніе ея особенностей; между тѣмъ они ничего не говорятъ объ этомъ строеніи — опять какъ бы намекъ на то, что оно не отличалось отъ другихъ домовъ. Думая, что Одерборнъ говоритъ о церкви, а не о домѣ, и ссылаясь на Fechner'a, Со-

гектурномъ отношеніи, нужно думать, ничѣмъ особеннымъ не отличавшійся отъ остальныхъ домовъ. Пасторъ отправлялъ здѣсь свои обязанности совершенно свободно.

Вновь построена кирка уже въ царствованіе Годунова, когда опять прибыло въ Москву много иностранцевъ и Годуновъ старался оказывать имъ покровительство. Среди ласкаемыхъ имъ иноземцевъ особенною честью пользовались у него доктора, которые, по словамъ современника [1], «имѣли все, кромѣ церкви; поэтому они просили и получили дозволеніе выстроить, по своему желанію, храмъ (erlangten auch Zulass, nach ihren Gefallen eine Kirche zu bauen) въ Нѣмецкомъ мѣстечкѣ, лежащемъ внѣ Москвы, на четверть мили. На церковное зданіе доктора жертвовали честно, какъ равно и среди послѣднихъ Нѣмцевъ не нашлось для того скряги. Они выстроили, къ славѣ Господа Бога, такую церковь, что затѣмъ самъ царь предпочелъ эту нѣмецкую кирку многимъ своимъ церквамъ для похоронъ въ

коловъ (7), правда, описываетъ внутренній видъ строенія, будто бы словами Массы: приводимыя имъ слова принадлежатъ не Массѣ, который ничего не упоминаетъ ни о внутреннемъ, ни о внѣшнемъ видѣ кирки, а неизвѣстному по имени автору Warhafftige Relation, вѣроятно, спутнику принца Ивана Датскаго, и относятся къ церкви, построенной въ 1601 году, то-есть послѣ Грознаго и Ѳедора Ивановича. Два извѣстія о совершенно различныхъ предметахъ онъ принялъ за описаніе одного предмета и второе извѣстіе отнесъ не къ тому автору.

[1] Conr. Bussowii Chronica въ Rerum Rossicarum Scriptores exteri, I, 11; ср. русскій переводъ Устрялова въ Сказаніяхъ современниковъ о Дм. Самозванцѣ, С.-Пб. 1837, I, 16—17.

ней брата датскаго короля, герцога Ивана [1]; при этомъ случаѣ онъ велѣлъ построить колокольню [2] и повѣсить три колокола, чтобы звонить при похоронахъ умершаго князя и его людей [3]. Отъ собранной суммы, за расходами по построенію церковнаго зданія, осталось столько, что нѣмецкая община, кромѣ прежнихъ пасторовъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ ней изъ Ливоніи въ Россію въ качествѣ плѣнныхъ, могла нанять еще пастора Вальдемара Гуллемана, изъ Вестфаліи, и студента Мартина Бера изъ Нейштада [4], которые прибыли сюда въ этомъ [5] году; оба они, къ славѣ Бога, не жалѣли трудовъ на наставленіе и обученіе, такъ что въ скоромъ времени составился церковный хоръ изъ 6—8 голосовъ, и сами доктора не стыдились участвовать въ немъ. Многіе добродушные люди часто плакали съ радости, что милостивый Богъ

---

[1] Причина того была другая, именно, что иновѣрцевъ у насъ тогда не только не хоронили при православныхъ храмахъ, но даже не впускали ихъ сюда и для простаго осмотра. См. наше изслѣдов. въ Ж. М. Н. Пр. 1883, IX.

[2] Конечно, небольшой навѣсъ, собственно для колоколовъ.

[3] Колокола были повѣшены только на время похоронъ Ивана и затѣмъ опять сняты. Gyldensternes Dagbog, Historisk Calender. udgiven of Engelstoft og I. Möller. Kjöbenhavn, 1814, 169. Имѣть колокола на иновѣрныхъ храмахъ у насъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, не дозволялось очень долго. На запросъ Верховнаго тайнаго совѣта, при Екатеринѣ I, было ли дозволеніе иностранцамъ имѣть при своихъ церквахъ колокола, Коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣчала отрицательно. Соловьевъ, 1868, XVIII, 333.

[4] По мнѣнію Fechner'a (II, 444), подъ ними слѣдуетъ разумѣть упомянутыхъ выше Ивана и Кегеля. Woldemarus Huellemanus у Устрялова (I, 17) названъ «Германъ Губеманъ».

[5] Рѣчь идетъ о событіяхъ 1600—1601 года. Ibid, I, 122—123.

допустилъ ихъ дожить въ Москвѣ до такого счастливаго времени». [1]

Другой современникъ [2] оставилъ намъ еще болѣе точное указаніе на мѣсто церкви и годъ ея построенія и присоединилъ слѣдующее описаніе ея внутренняго вида: «Въ четверть мили (ohngefehr ein Viertelweges) отъ города Москвы, на юго-востокъ, лежитъ городокъ Слобода, въ которой живутъ только Нѣмцы. Его царское величество въ 1601 году дозволилъ построить тамъ церковь и жить имъ по ихъ нѣмецкой вѣрѣ. Тотчасъ выбрали они мѣсто и построили на немъ церковь изъ сосноваго

---

[1] Ближайшими виновниками построенія церкви, такимъ образомъ, по Bussow'y, были царскіе врачи; Is. Massa (Chronikon въ Rer. Ros. Script. ext. II, 32, русск. перев. 66) указываетъ однако на другихъ лицъ, именно на ливонскихъ купцовъ, плѣненныхъ при Грозномъ. Перечисляя щедрыя милости къ нимъ Бориса, онъ говоритъ: «также дозволили (имъ) имѣть церковь, въ которой они могли, по своему обряду, молиться Богу, (какимъ дозволеніемъ) они и воспользовались». Буссовъ, какъ гость Бера, пастора этой кирки, конечно, зналъ обстоятельства дѣла болѣе, чѣмъ Голландецъ Масса, защитникъ торговыхъ интересовъ иноземцевъ и реформатъ по вѣроисповѣданію. Не безъ причины же въ надгробной рѣчи надъ Каспаромъ Фидлеромъ, однимъ изъ лейбъ-медиковъ Годунова, было сказано (Petrejus, Historien, 1620, 252, рус. пер. 165), что онъ выхлопоталъ у царя Бориса дозволеніе о свободѣ лютеранской проповѣди и былъ строителемъ и покровителемъ этой церкви, хотя и нельзя согласиться съ ораторомъ, будто Каспаръ выпросилъ такое разрѣшеніе первый: кирка и лютеранское богослуженіе были и прежде его.

[2] Warhaftige Relation der Reussischen und Muscowitischen Reyse und Einzug des Herren Johansen des jungern, въ Busching's Magazin, VII, 275—276; русск. перев. въ Чтен. М. Общ. Ист. и Др. Рос. 1867, IV.

дерева. Въ ней, по нѣмецкому обряду, алтарь, надъ которымъ золотыми буквами написаны десять святыхъ заповѣдей Божіихъ и нѣкоторыя изрѣченія изъ Священнаго Писанія [1], а возлѣ небольшое распятіе съ изображеніемъ на немъ Христа; и такъ, слава Богу, проповѣдуется слово Божіе, преподаются Св. Тайны, и поется по ученію и постановленію Лютера» [2]. Въ смутное время

---

[1] По Дневнику Гильденстерна, онѣ были написаны на отдѣльной доскѣ, соединенной съ алтаремъ кускомъ чернаго сукна. Historisk Calender. 184.

[2] Büsching (I, 6), Grot (I, 234—235), Müller (Sammlung Rus. Gesch. 1760. V, 91), Jungblut (4), Busch (214), Dalton (116) и Снегиревъ (33) утверждаютъ, что эта кирка была построена по просьбѣ Густава, причемъ мѣсто ея опредѣляется въ Бѣломъ-городѣ, у Покровскихъ воротъ, близь церкви св. Николая на Столпахъ; что она была построена здѣсь, повторяетъ также Соколовъ (10). Приведенными нами свидѣтельствами достаточно ясно опредѣляется ея мѣсто—за городомъ, въ иноземскомъ селеніи; Густаву же не для чего было хлопотать о неіі, хотя Петреіі (Historien. Lipsiae, 1620, 253, въ русск. переводѣ 166), на словахъ котораго основано данное мнѣніе, главную роль при построеніи ея дѣйствительно и приписываетъ Густаву. «По случаю ежедневнаго умноженія Нѣмцевъ, говоритъ онъ, Густавъ, сынъ короля Эриха XIV, послѣ большихъ стараній и просьбъ добился у в. кн. Бориса Годунова позволенія сломать старую церковь (основанную при Грозномъ) и на мѣсто ея построить новую, больше и лучше. Всѣ оказывали пособіе этому и жертвовали деньгами по средствамъ и состоянію каждаго: Густавъ 100 талеровъ, каждый изъ докторовъ по 40, потомъ и всѣ другіе, дворяне и не дворяне, смотря по своему жалованью отъ великаго князя и по расположенію къ слову Божію». Петреіі писалъ послѣ Буссова и автора Relation, Густава не засталъ, разсказывалъ о немъ по слухамъ и, очевидно, рѣзко ошибся: кирка, основанная при Грозномъ, давно уже не

Нѣмецкая Слобода запустѣла и выгорѣла, церковь была сожжена (1610 г.) войсками Лже-Дмитрія II, Поляки и Литовцы разорили и каменный, выведенный подъ алтаремъ,

---

существовала, такъ что въ началѣ царствованія Годунова, какъ можно видѣть изъ свидѣтельствъ современниковъ, не было никакой кирки; въ 1601, къ которому относится возстановленіе церкви, Густавъ былъ уже, повидимому, у Годунова въ немилости, и во всякомъ случаѣ (см. наше изслѣдованіе: Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода М. 1884, гл. III). онъ принадлежалъ не къ лютеранской, а къ католической вѣрѣ и дѣйствовалъ у насъ въ ея интересахъ. Grot (1, 235—236), Muralt (6), Снегиревъ (33 — 34) и др. разсказываютъ о построеніи Густавомъ еще другой кирки, въ Кремлѣ, именно, по Снегиреву, «на площади близъ Николо-Гостунскаго собора», Jungblut (7), Busch (214) относятъ это къ царствованію Лже-Димитрія I, Posselt (1, 217, сн. 441) говоритъ о кремлевской киркѣ, безъ точнаго обозначенія времени ея возникновенія; Lemmerich (1, 23) утверждаетъ, что при Лже-Димитріѣ 1 былъ построенъ въ Кремлѣ лютеранскій молитвенный домъ. Что кирки не было построено здѣсь при Густавѣ, ясно изъ того, почему принцъ Иванъ Датскій, бывшій въ Москвѣ непосредственно за Густавомъ, былъ похороненъ въ слободской лютеранской церкви. На другой день послѣ смерти принца, Семенъ Годуновъ замѣтилъ (29 окт. 1602 г.) датскимъ посламъ: такъ какъ въ городѣ одни русскіе храмы и нѣтъ ни нѣмецкой кирки, въ которой было бы прилично похоронить герцога, ни нѣмецкаго проповѣдника, который бы совершилъ отпѣваніе, и все это находится въ Нѣмецкомъ мѣстечкѣ, то онъ думаетъ, что тамъ, гдѣ обыкновенно совершается нѣмецкое богослуженіе, они и похоронятъ его (Gyldensternes Dagbog, 158). Важно также, что самъ Петрей (Historien. 253, 10) знаетъ только одну, будто бы «перестроенную» при Годуновѣ, церковь и мѣсто извѣстной ему московской лютеранской кирки прямо указываетъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Главнымъ основаніемъ мнѣнія о построеніи и освященіи кремлевской кирки или особаго молитвеннаго дома при первомъ Самозванцѣ служитъ слѣдующее свидѣтельство Bus-

сводъ, гдѣ стоялъ гробъ герцога Ивана, и отъ церкви почти не осталось никакихъ видимыхъ слѣдовъ. Когда братъ Ивана, датскій король Христіанъ IV, обратился

---

sow'a (Rer. Ros. 1,46): Diesen 10 May (1606 г.) ist die erste Evangelische Luttersche Predigt mit Zulass des Kaysers Demetrii aufm Schlosse Moscau gehalten worden, durch Herrn Martinum Beern Neustadiensem, darum dass es den Herrn Doctorn, Capitainen und andern Teutschen, so auf Kayser warten mussen, nach der Kirchen im Teutschen Flecken zu weit war. Такимъ образомъ здѣсь упоминается только о томъ, что съ соизволенія Лже-Димитрія I была сказана (по Rer. Ros. 10-го, по списку Устрялова, 11-го мая 1606 г.) въ Крѣмлѣ («aufm Schlosse Moscau», по переводу Устрялова, 1, 77, «во Дворцѣ») пасторомъ Беромъ первая лютеранская проповѣдь для докторовъ, капитановъ и другихъ, состоявшихъ при особѣ царя, Нѣмцевъ, которымъ было слишкомъ далеко ходить въ церковь въ Слободѣ, и нѣтъ ни слова объ отдѣльной кремлевской киркѣ. Историки продолжили ея существованіе до временъ Михаила Ѳеодоровича, именно одни до 1614, другіе до 1632 года. Еслибъ она стояла здѣсь, неужели допустили бы это послѣ низверженія Самозванца?! Поэтому необходимо согласиться съ Фехнеромъ (Chron. I, 164—165), который, раскрывъ истинный смыслъ словъ Буссова, отнесъ всѣ эти разсказы о псевдокремлевской киркѣ къ области баснословныхъ. Впрочемъ, совершенно правильно понималъ извѣстіе Буссова еще Арцыбашевъ (Повѣствованіе о Россіи, М. 1843, III, стр. 340, прим. XXI) и даже самъ Снегиревъ (Москвит. 1843, VI, 273, Прав. Обозр. 1862, IX, 34), только у историковъ московскихъ кирокъ прошло это незамѣченнымъ, или, какъ Снегирева, который вѣрно передалъ слова Буссова, привело къ почти невѣроятному противорѣчію. Рабски слѣдуя Grot'y въ разсказѣ о построеніи кремлевской кирки при Годуновѣ и о разрушеніи ея при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Снегиревъ, совершенно неожиданно, вставляетъ въ срединѣ этого разсказа, «что 1606 года пасторъ Мартинъ Беръ, съ дозволенія государя (т. е. Лже-Димитрія I), говорилъ во дворцѣ проповѣдь для капитановъ, докторовъ и

къ Михаилу Ѳедоровичу съ просьбой отпустить королевичево тѣло въ Данію, то въ Посольскомъ приказѣ отвѣчали (8 февраля 1637 года) посланному: «въ великое разоренье Московскаго государства отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, палату и гробницу королевичеву, ради золота, серебра и всякой утвари, въ чемъ тѣло его положено, эти люди разорили, палата та засыпана землей и есть ли на томъ мѣстѣ королевичево тѣло, о томъ подлинно не вѣдомо». Чтобы найти королевичевы останки, понадобились особые поиски [1].

другихъ Нѣмцевъ, которымъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу». Зачѣмъ же ходить имъ въ Слободу, если, по его же словамъ, кремлевская кирка, построенная при Годуновѣ, была разрушена только при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, т. е. слѣдовательно во времена Лже-Димитрія I должна была стоять здѣсь невредимой?

[1] Bussow, 12, перев. Устрялова, I, 18; Моск. Главн. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Датскія, св. 9, 1637 г., № 1: «Пріѣздъ въ Москву датцкаго гонца Николая Голмера съ просительною королевскою грамотой объ отпускѣ въ Данію умершаго въ Москвѣ въ 1602 году датцкаго королевича Ягана». Буссовъ говоритъ, что хотя кирка была сожжена, но сводъ и гробница уцѣлѣли, и на этомъ, вѣроятно, основаніи Соколовъ (13) утверждаетъ, что гробница была сожжена Поляками во времена Михаила Ѳедоровича. Архивныя данныя не подтверждаютъ этого. Отдавшись подъ покровительство Самозванца II и затѣмъ оставивъ Россію, ни Беръ, сообщавшій свѣдѣнія Буссову, ни самъ Буссовъ, очевидно, не видали того, что̀ осталось въ Москвѣ послѣ катастрофы. Соколовъ (13) признаетъ еще, что эта гробница будто бы была подъ киркой, стоявшей въ Бѣломъ-городѣ у церкви св. Николая на Столпахъ; Снегиревъ (30—31) «временную могилу» для тѣла покойнаго принца отводитъ въ киркѣ, стоявшей «въ Земляномъ городѣ, на Погаиомъ, что нынѣ Чистый, прудѣ»; то же говоритъ и Jungblut (3). Очевидцы и современники похоронъ (авторъ Warhafftige Relation, 275 — 277;

Въ составѣ пасторовъ замѣчается перемѣна. Уроженецъ Нейштадта на Орлѣ, лейпцигскій студентъ Мартинъ Беръ, по приглашеніи (1601 г.) московскою общиной, нѣсколько лѣтъ занимался обученіемъ дѣтей въ Нѣмецкой школѣ, и въ 1605 году старшій пасторъ Вальдемаръ Гуллеманъ, съ которымъ тотъ вмѣстѣ прибылъ въ Москву, поставилъ его въ пасторы. При Самозванцѣ I имъ сказана была (10 мая 1606 г.) проповѣдь въ самомъ Кремлѣ, для служившихъ при царской особѣ лютеранъ, т. е. для докторовъ, офицеровъ и другихъ; при Василіѣ Шуйскомъ онъ написалъ форму присяги Фридриху Фидлеру, который обѣщалъ Василію отравить Болотникова. Затѣмъ, во времена Самозванца II, застаемъ его въ Козельскѣ, съ небольшою общиной, около полсотни человѣкъ. Онъ покинулъ Москву, вѣроятно, вслѣдствіе того, что его тесть Конрадъ Буссовъ, пользовавшійся при Годуновѣ и Лже-Димитріѣ значительнымъ положеніемъ и не устроившійся при Василіѣ, примкнулъ ко второму Самозванцу. Знатные члены общины получили помѣстья, самъ Беръ до того хорошо

Massa, 44, рус. перев. 92; Petrejus, 10, рус. перев. 7, и друг.) прямо называютъ мѣстомъ гробницы церковь въ Нѣмецкой Слободѣ, близъ Яузы, и нѣкоторые изъ нихъ подробно описываютъ погребальную туда процессію. Вотъ какъ, напримѣръ, опредѣляетъ мѣсто этой церкви Петрей, въ своемъ описаніи окрестностей Москвы, предъ ея разореньемъ: «Близъ города Москвы лежитъ большое селеніе, въ которомъ до 700 крестьянъ и ремесленниковъ, оно называется Красное Село; въ четверть мили пути отъ него, на рѣкѣ Яузѣ, лежитъ Нѣмецкая Слобода, гдѣ живутъ иностранцы, которые построили изъ дерева свою собственную церковь и имѣютъ богослуженіе, тамъ есть также и лютеранскіе проповѣдники... Въ этой церкви покоится славный и высокородный князь, герцогъ Иванъ, родной братъ Христіана IV».

устроился, что всѣ они возбудили къ себѣ зависть русскихъ дворянъ и мѣстнаго духовенства. По подозрѣнію въ измѣнѣ, Самозванецъ приказалъ привести этихъ Нѣмцевъ въ Калугу и утопить въ Окѣ; отъ явной смерти спасло ихъ лишь заступничество Марины, которую Беръ просилъ чрезъ ея фрейлинъ, своихъ духовныхъ дочерей. Поживъ не много въ Калугѣ, Беръ ушелъ (1611 г.) въ Ригу, мѣсяцевъ 7 служилъ полковымъ пасторомъ въ Дюнамундѣ. Здѣсь или въ Ригѣ его тесть при помощи зятя составилъ, неправильно приписывавшуюся самому Беру, «Московскую лѣтопись съ 1584 по 1612 годъ». Затѣмъ Беръ опредѣлился къ церкви св. Іоанна въ Нарвѣ, гдѣ присутствовалъ (1615 г.) въ судебномъ процессѣ надъ вѣдьмой, кончившемся казнью подсудимой чрезъ сожженіе. Суровою манерой своей проповѣди онъ не снискалъ себѣ любви прихожанъ. По поводу ея, какъ видно изъ его же памековъ, они отзывались: «пасторъ сварливъ, желченъ, непріязненъ, недружелюбенъ, мы не можемъ долѣе терпѣть его и не хотимъ болѣе имѣть, чтобы ни было съ нами, худо или хорошо». Однако онъ служилъ въ Нарвѣ долго: его имя читается въ Альбомѣ Олеарія, гдѣ онъ подписался (28 янв. 1634) нарвскимъ пасторомъ и пробстомъ сосѣдняго округа и присоединилъ латинскій гекзаметръ: Omne solum forti patria est, ut piscibus aequor— смѣлому всякая земля отечество, какъ рыбѣ море. Олеарію онъ сообщилъ (1636 г.) нѣсколько анекдотовъ изъ русской жизни, судя по обнародованному Олеаріемъ, не приглядаго для Русскихъ свойства; померъ онъ въ 1646 году [1].

---

[1] Bussow, 11. 46, 104 и слѣд; Petrejus, 211; русск. пер. 225;

О Вальдемарѣ Гуллеманѣ, послѣ ординированія имъ Бера, не упоминается; изъ этой эпохи извѣстенъ по имени еще пасторъ Антоній Веберъ, по смерти котораго Московская община оставалась нѣкоторое время безъ проповѣдника [1]. Между тѣмъ одинъ купецъ, Карлъ Молинъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, привезъ съ собой бочара Георга Окса [2]. Не имѣя проповѣдника, община выбрала его пасторомъ, въ котораго ординировалъ его нижегородскій пасторъ Ѳома Христіанъ.

Это случилось по минованіи опасностей, когда вступилъ на престолъ Михаилъ Ѳедоровичъ и разбѣжавшіеся иноземцы снова начали собираться въ столицу, разселяясь по различнымъ частямъ Бѣлаго и Земляного города, гдѣ казалось имъ удобнѣе, именно, по преимуществу въ сторону прежней Нѣмецкой Слободы, на Покровкѣ и ея окрестностяхъ. По Описи Москвы 1621 («ρ҃к҃о҃») года, въ Бѣломъ-городѣ, налѣво отъ «Покровки» (т. е. той части ея, которая нынѣ называется Маросейкой), если идти

Olearius, 1696, 95, русск. пер. 170; Das Inland, 1836, № 36, 1848, № 38, 1851, № 44; Kunik, Aufklarungen über Konrad Bussow und die verschiedenen Redaktionen seiner moskowischen Chronik въ Bulletin de la Classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. 1851, VIII, №№ 20—24; Fechner, II, 444—447.

[1] По Becker'у (Памятники, I, № XV), онъ служилъ до 1619 года, но Busching (II, 183) утверждаетъ, что онъ померъ въ 1609 году и что у общины послѣ того нѣкоторое время не было проповѣдника; о неимѣніи общиною пастора говоритъ и Olearius, 1696, 167, рус. перев. 373.

[2] Бочаромъ называетъ его Olearius (1696, 167, рус. перев. 373); на томъ основаніи, что онъ былъ знакомъ съ латинскимъ языкомъ, Іержемскій (Grot, I, 241) отрицаетъ это.

по переулку отъ церкви Николая Чудотворца (нынѣ ц. Николы въ Блинникахъ), близь земельнаго участка, принадлежавшаго Златоустовскому монастырю, въ «Тупикѣ» (теперь, быть можетъ, Мало-Златоустовскій переулокъ) находились дома лютеранскаго причта: «дворъ нѣмецкаго дьячка Якова Юстрова, вдоль четырнадцать саженъ съ третью, поперегъ двѣнадцать саженъ; дворъ нѣмецкаго попа Юрья Томосова, вдоль тринадцать саженъ, поперегъ восемь саженъ» [1]. «Мірскаго двора» или кирки въ

---

[1] Архивъ Моск. Оруж. Палаты, рукоп. 666/1161: «Опись московскимъ дворамъ и списки земель данныхъ подъ постройки въ 7128—7140 (1620—1632) годы», другое заглавіе: «Опись дворамъ Каменнаго и прочихъ частей города Москвы 128 и 129 годовъ». л. 73, 74. Данное мѣсто рукописи Снегиревъ (Москвитян. 1843, VI, 276, Прав. Об. 1862, IX, 40) приводитъ въ такомъ видѣ: «въ описи дворовъ въ Москвѣ, 1620 и 21 годовъ, на Покровской и Фроловской улицахъ показано ««нѣсколько дворовъ нѣмчиновъ, нѣмецкихъ поповъ и дьячковъ»»; то же, безъ критическаго комментарія, буквально повторяетъ за нимъ Fechner, I, 196—197. Во всей рукописи слова «нѣсколько» нѣтъ, каждый домъ называется отдѣльно, и нѣмецкаго духовенства означено только два дома — одинъ «попа», другой «дьячка», а не «нѣсколькихъ поповъ и дьячковъ»; «нѣсколькихъ поповъ» тогда въ Москвѣ и не жило постоянно, исторические документы (Памятники, I, XVI, Olearius, 1647, 193) называютъ одного Георга Оксе. Мѣстомъ означенныхъ домовъ въ Описи названъ «Тупикъ», сосѣднія съ нимъ мѣстности названы—выше: «Съ Покровки отъ Николы въ переулокъ... Противъ Николы на Покровкѣ (л. 66)... Златоустовскаго монастыря» (68),—ниже: (также) «Въ Тупикѣ» (л. 95)... Церковь Пречистые Богородицы у Котельника (98)... Въ Патріаршей Слободкѣ, что на Поганомъ прудѣ» (л. 101) и проч. Собственно «на Фроловкѣ» (л. 60) не означено ни одного иноземскаго двора, но въ сосѣднихъ переулкахъ, около ц. Гавріила Архангела, ихъ до-

Описи не означено. Но такъ какъ домъ кистера былъ просторнѣе, чѣмъ пасторовъ, и въ ближайшее затѣмъ время кистеръ церкви старыхъ Нѣмцевъ жилъ именно при своемъ храмѣ; то можно предположить, что «дворъ нѣмецкаго дьячка» служилъ теперь мѣстомъ для богослужебныхъ собраній, церковью. «Нѣмецкій попъ Юрій Томосовъ» (сынъ Томаса, Ѳомы), лицо, конечно, тожественное съ Георгомъ Оксе, и былъ при ней пасторомъ. Только что опредѣлившись на это мѣсто, Оксе, въ своей запискѣ о современныхъ ему церковныхъ старостахъ, подъ 1620 годомъ называетъ имена ея старостъ, Самуила Бернарда и Мартина Тёллинга [1]; съ этого же 1620 года начинаются церковныя книги общины [2], изъ которыхъ Мил-

---

статочно. Неточность у Снегирева произошла, вѣроятно, отъ того, что онъ рукописи не видалъ, а кто-нибудь сказалъ ему о содержаніи въ ней; этимъ же можно объяснить и то, почему онъ не воспользовался ею въ своемъ историческомъ описаніи Москвы, гдѣ начало многихъ церквей, которыя означенны въ Описи, онъ отнесъ къ значительно позднему времени. См. также выше, стр. 23, прим. 2.

[1] Заглавіе записки: Welche bey meiner Zeit alle Jahr Kirchen Vorsteher gewesen. Небольшой лоскутокъ ея сохраняется въ Архивѣ Моск. Михайловской кирки и отпечатанъ у Fechner'a, I, 192, 197—198.

[2] Отсюда еще можно предположить, что кирка могла существовать нѣсколько и ранѣе 1620 года; но нѣтъ основанія, вмѣстѣ съ Соколовымъ (13), утверждать, что до 1622 года «она простояла около 40 лѣтъ»: къ концу смутной эпохи никакой кирки въ Москвѣ не осталось, кирка, построенная при Грозномъ, была разрушена при немъ же. Еще непонятнѣе, почему тотъ же авторъ указываетъ мѣсто этой простоявшей около 40 лѣтъ «старой» кирки въ Земляномъ-городѣ, когда онъ самъ же за нѣсколько страницъ выше призналъ (9) вѣрнымъ изслѣдованіе Fechner'a, что

леръ сдѣлалъ свои выписки [1]; книги, бывшія до смутной эпохи, если только велись онѣ, вѣроятно, погибли вмѣстѣ съ прежней церковью.

Такая храмина была, конечно, мала и незначительна, и все же она могла удовлетворить нужды своего небольшаго прихода. Община стала быстро увеличиваться только по заключеніи Столбовскаго (1617 г.) и Деулинскаго (1618 г.) договоровъ. Если въ концѣ XVI вѣка въ одной иноземной дружинѣ считалось у насъ до 2500 человѣкъ, а въ началѣ XVII столѣтія однихъ плѣнныхъ полагали до 4000 человѣкъ, не включая сюда прибывшихъ добровольно, причемъ значительная доля ихъ жила въ подъ-московной Нѣмецкой Слободѣ; то теперь, послѣ московской разрухи, наканунѣ Деулинскаго перемирія, когда для спасенія отъ Владислава, правительство вооружало жителей Москвы, иноземцевъ, считая и съ вновь

церковь, построенная при Грозномъ, находилась въ Нѣмецкой Слободѣ. т. е. за городомъ. Тою же вымышленностію страдаютъ (Fechner, I, 184—185, 187—188) повѣствованія другихъ историковъ о снесеніи въ 1614 г. Лютеранской кремлевской кирки на Моховую, гдѣ теперь Университетъ, о сломкѣ Лютеранской и Реформатской кирокъ въ 1616 году, какъ равно и сообщеніе Снегирева (34—35), будто бы «въ 1616 году бывшія въ Москвѣ лютеранскія церкви раздѣлялись на старую и новую». Такое раздѣленіе случилось позднѣе. Какъ увидимъ, и хронологическія ошибки обусловлены главнымъ образомъ тѣмъ, что событія, переданныя Олеаріемъ, историками отнесены къ болѣе раннему времени, чѣмъ слѣдовало.

[1] Изданы нами въ Памятникахъ, I, № XVI. Хотя онѣ составлены Миллеромъ какъ бы начерно, нѣсколько спѣшно и для себя, пользовавшіеся ими историки (Dr. Posselt, I, 218—219, Past. Fechner, I) сильно настаиваютъ на ихъ интересѣ и точности.

прибывшими, нашлось въ ней всего около 200 человѣкъ. Въ 1620 году иноземческихъ дѣтей было крещено въ киркѣ 24, въ 1622 году ихъ крещено уже почти вдвое болѣе, 46 [1]. Быстрое приращеніе общины, вѣроятно, и побудило Оксе и его прихожанъ улучшить свою церковь, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. «Въ этомъ (1622) году — писалъ пасторъ — домъ Божій строился по моему настоянію предъ общиной [2], при содѣйствіи почтенныхъ, предусмотрительныхъ и уважаемыхъ лицъ, Генриха Бока Старшаго и Генриха Келлермана, которые отнеслись съ готовностію къ этому святому и богоугодному дѣлу, наблюдая за работами и собирая деньги съ прихожанъ, охотно жертвовавшихъ на то». Оксе означаетъ и имена 27 жертвователей, съ указаніемъ количества данныхъ ими денегъ. Всего собрано около 63 рублей; самъ Оксе внесъ 5 рублей; между другими

---

[1] Warhafftige Relation, 273, 275; Собр. госуд. гр. и дог. III, № 40; Памятники, 1, 183; Устрялова, Русское войско до П. В., въ Годичн. торжеств. Актѣ въ Им. С.-Петербургск. Университетѣ 8 февр. 1856 года. С.-Пб. 1856, 58—59.

[2] Въ подлинникѣ собственно: ist das Gottes Hauss gebawet worden auf mein anhalten. По той причинѣ, что еслибъ не было церкви, не понадобилось бы, полагаетъ Fechner (I, 198), никакого «настоянія» пастора предъ общиной объ ея постройкѣ. Дѣйствительно, это рѣзко расходилось бы съ обычаями протестантскихъ приходовъ, гдѣ подобными дѣлами вѣдали не пасторы, но выборные представители, и потому слова Окса вѣроятнѣе понимать въ смыслѣ поновленія, украшенія, быть можетъ, даже разширенія церкви, а не постройки ея. При этомъ понадобилось бы предположеніе, что прежнее зданіе или сгорѣло, или покинуто, и. ч. объ одномъ бракосочетаніи 1620 года Оксе прямо отмѣтилъ (Памятники, I, 178), что оно совершено было въ церкви (in der Kirche).

жертвователями упоминаются Иванъ Риттеръ, прежде учитель моск. школы, потомъ пасторъ общины въ Нижнемъ-Новгородѣ, докторъ Валентинъ Бильсъ, Генрихъ Келлерманъ, Елисей Англеръ, Павелъ Грабау, Павелъ Вестгофъ, Давидъ Рутцъ.

Киркою пользовались иноземцы всѣхъ исповѣданій, лютеранскаго и реформатскаго, и различныхъ націй. Въ Метрической книгѣ о крещенныхъ въ 1624 году отмѣченъ [1] весьма любопытный въ этомъ отношеніи фактъ: «къ этой общинѣ принадлежало очень много Англичанъ, Шотландцевъ и Ирландцевъ, почти болѣе, чѣмъ Нѣмцевъ, и большинство ихъ были военные». Между вступившими въ бракъ упомянутъ, подъ тѣмъ же годомъ, англійскій пасторъ, который, конечно, отвлекъ къ себѣ часть Англичанъ, чѣмъ и можно объяснить одновременное съ тѣмъ сокращеніе числа крестившихся въ Лютеранской церкви. Существованіе ея наше правительство однако считало нужнымъ скрыть отъ иноземныхъ правительствъ. Возобновленіе ея совпало съ сватовствомъ Михаила Ѳедоровича за племянницу Густава Адольфа, Екатерину, маркграфиню бранденбургскую, по вѣроисповѣданію лютеранку. На требованіе Густава, чтобы будущей царицѣ и ея людямъ имѣть свою кирку, бояре отвѣчали: [2] «костелы иныхъ вѣръ въ Московскомъ го-

---

[1] Памятники, I, 184.

[2] Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Шведскія, св. 32, г. 1623, № 2: «Отправленіе въ гонцахъ переводчика Андрея Англера въ Швецію съ грамотой отъ ц. Михаила Ѳеодоровича къ шведскому королю Густаву Адольфу, извѣщающею о желаніи государя вступить въ супружество съ родственницею его княжною Екатериной». Также въ нашемъ сочиненіи: Изъ исторіи брач-

сударствѣ никогда не бывали и впредь то статися не можетъ, потому что то нашей православной вѣрѣ противно».

Отъ пожара 1626 года церковь погибла, и прихожане построили новую, деревянную, въ Большомъ или Земляномъ городѣ (Скородомѣ), близь Земляного вала, за Фроловскими (нынѣ Мясницкими) воротами, на мѣстѣ, купленномъ общиной у вдовы Іоакима Люмзена и втораго ея мужа Іоста Кивета; церковные старосты при ея построеніи были Елисей и Андрей Англеры [1], переводчики въ Посольскомъ приказѣ. Не долго спустя, при пасторѣ Мартинѣ Мюнстенбергѣ, наши оффиціальные документы означали (1638 г.) это ея мѣсто въ Огородной Слободѣ, вблизи стоящей до сихъ поръ церкви св. Харитонія въ Огородникахъ; при киркѣ жилъ тогда ея кистеръ, старый и увѣчный, рядомъ прилегалъ дворъ пастора; неподалеку, за Старымъ Деревяннымъ городомъ, по линіи между Сыромятною и Мельнишной слободами, лежала Иноземская Слобода, заключавшая около полсотни домовъ [2].

ныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода. М. 1884, 64.

[1] Rüsching, II, 184; Fechner, I, 203; ср. Акт. Ист. III, № 225; Собр. гос. гр. и дог, III. № 116 (тѣ части, въ которыхъ иноземцы-челобитчики опредѣляютъ (въ 1643 г.) мѣсто ихъ прежней кирки).

[2] Переписная книга города Москвы 1638 года. Изданіе Моск. городской думы М. 1881, 255—256, 285—286. Перепись составлена на случай обороны столицы и въ ней отмѣчено: «Да въ Огородной Слободѣ некрещенныхъ Нѣмецъ приходской дворъ, на немъ Слобода Нѣмецкая, а въ немъ живетъ нѣмецкой пономарь, старъ и увѣченъ, ружья нѣтъ. Дворъ нѣмецкаго попа Мартына Мартынова» (стр. 255) и проч. Затѣмъ въ итогахъ: «Загородныхъ 4 двора... Да нѣмецкой приходской дворъ, въ немъ ропата, въ

Георгъ Оксъ (или Оксе, Оссе) отличался начитанностію и умѣлъ пользоваться собраніемъ проповѣдей. Свои обязанности онъ выполнялъ дѣятельно и исправно велъ церковныя книги, цитатами цѣлыхъ строфъ обнаружилъ знакомство съ латинскимъ языкомъ; былъ женатъ два раза, на вдовахъ. О первомъ бракѣ онъ записалъ въ Церковной книгѣ: «24 мая (1621 г.), я, Георгъ Оссе, служитель Святаго Евангелія и этой общины, публично сочетался бракомъ съ почтенной и благочестивою госпожей Анной Дёсбергъ, оставшейся вдовою послѣ почтеннаго любителя искусствъ и весьма уважаемаго Аренда Клауссена фонъ-Штеллингверфта, его царскаго величества лейбъ-медика и переводчика. Вѣнчалъ школьный учитель Яковъ Нигенборгъ». Во второй разъ онъ женился (7 сент. 1626 г.) на вдовѣ Евѣ Гротъ. Къ старости, когда ему надоѣло читать и заниматься, онъ началъ разсказывать съ проповѣднической каѳедры такія баснословныя вещи, что община уволила (1634 г.) его отъ должности и назначила ему съ женою пожизненное содержаніе. О характерѣ его можно заключить изъ нѣкоторыхъ весьма нескромныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ въ метрическихъ книгахъ.

Преемникомъ ему община выбрала и подготовила учителя своей школы, Мартина Мюнстенберга, родомъ изъ Данцига, человѣка способнаго и трудолюбиваго. Бывши

немъ живетъ пономарь нѣмецкой, старъ и увѣченъ, ружья нѣтъ. Да дворъ нѣмецкаго попа» (255) и проч. «За Старымъ Деревяннымъ городомъ, промежъ Сыромятной и Мельничной Слободы, дворы иноземцевъ Литвы и Нѣмецъ... И въ той въ Иноземцевской Слободѣ дворовъ всѣхъ 51 дворъ, да дворъ вдовій (285, 286).

школьнымъ учителемъ общины и гувернеромъ дѣтей шведскаго въ Москвѣ агента (6 іюня 1631—20 августа 1632 г.) Ивана Мёллера (Ioh. Möller), Мюнстенбергъ часто произносилъ проповѣди съ церковной каѳедры. Ознакомившись съ его проповѣдническимъ даромъ, община отправила (1633 г.) его въ Ревель за полученіемъ ординаціи въ пасторы [1]. Женатъ онъ былъ на Аннѣ «Моллеръ», быть можетъ, дочери шведскаго агента, что могло служить къ обезпеченію его общественнаго положенія и средствъ. Ему принадлежало (1638 г.) два дома, одинъ въ Огородной Слободѣ, близь его кирки, другой въ Бѣломъ-городѣ, на «Покровкѣ», близь церкви Николая Чудотворца (на Маросейкѣ), и два человѣка прислуги [2]. Это не спасло его отъ невзгодъ. По словамъ Олеарія, ему очень много пришлось испытать огорченій отъ долговъ, надѣланныхъ имъ вслѣдствіе пособія другимъ и послѣ московскаго пожара, въ которомъ онъ потерялъ остатки

---

[1] Памятники, I, № XV, стр. 176, № XVI, стр. 179—180, 185; Olearius 1647, 194, 1696, 167, рус. перев. 372—373; Busching, II, 184; Fechner, II, 447—448.—Изъ Excerpta (Памятники, 185) видно, что Церковная книга, веденная Оксе, оканчивалась на 9-мъ февраля 1634 года, когда, слѣдовательно, и была прервана его пасторская дѣятельность; Мюнстенбергъ названъ (ibid) пасторомъ въ 1633, а учителемъ въ 1629 году, но когда началось его учительство, не отмѣчено.

[2] Въ «Переписной книгѣ города Москвы 1638 года» значится: «На Покровкѣ у Николы Чудотворца, что противъ Покрова.. (дворъ) нѣметцково попа Мартына Мартынова, у нево людей Ивашка Татаринъ да Филька Ивановъ, съ пищальми (стр. 137)... Въ Огородной Слободѣ... дворъ нѣмецкаго попа Мартына Мартынова, людей у него Ивашка Татаринъ да Филка Нѣмчинъ, у него двѣ пищали» (стр. 255).

своего имущества; огорченія отъ русскихъ кредиторовъ будто бы даже преждевременно свели его въ могилу. «Съ горя и заботъ онъ заболѣлъ, и умеръ, не достигши и 36 лѣтъ своей жизни».

Извѣстіе тенденціозное. Пасторствовалъ Мюнстенбергъ значительное время, былъ главнымъ въ Россіи пасторомъ и подъ конецъ жизни имѣлъ при себѣ помощника Валтасара Фадемрехта. Въ Альбомѣ [1] того же Олеарія подъ 30 сентября 1634 года онъ записался «пасторомъ Нѣмецкой общины въ Москвѣ и пробстомъ евангелическихъ церквей въ Россіи», а подъ 24 февраля 1639 года стоитъ: «Анна Моллеръ господина Мартина Мюнстенберга законная жена» и «діаконъ Нѣмецкой общины въ Москвѣ и директоръ ея школы Валтасаръ Фадемрехтъ». Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (9 іюля 1639 г.) Мюнстенбергъ приводилъ къ присягѣ одного изъ нѣмецкихъ переводчиковъ [2]. Можно предположить, что это не было на послѣднемъ годѣ его жизни: Фадемрехтъ называетъ себя «пасторомъ» не ранѣе 1645 года [3]; самъ Олеарій, въ послѣдній разъ бывшій въ Москвѣ въ 1643 году и составлявшій свое сочиненіе чрезъ года 2—3, замѣчаетъ: «теперь у нихъ пасторомъ Валтасаръ Фадемрехтъ... прежній ихъ проповѣд-

---

[1] Хранится въ Моск. Румянц. Музеѣ, извлеченіе сдѣлано въ Das Inland, 1851, № 44, стр. 767—772: A. Schiefner, Ueber das Stammbuch von Adam Olearius.

[2] «147 г. іюля въ 9 день переводчикъ Андрей крестъ цѣловалъ. Попъ былъ Мартынъ». Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881, 55. — Сообщеніе Becker'а (Памятники, I, 176), что Мюнстенбергъ померъ въ 1635—1636 гг., поэтому невѣрно.

[3] Памятники, I, 185.

никъ, въ наше время, былъ г. Мартинъ Мюнстенбергъ» [1]. Принявъ извѣстіе Олеарія о времени и причинѣ смерти Мюнстенберга и зная, что въ 1629 году онъ былъ уже учителемъ, пришлось бы допустить, что онъ опредѣлился въ учителя слишкомъ молодымъ. Равнымъ образомъ будетъ не понятно, почему не помогла своему пастору община, къ членамъ которой принадлежали богатые купцы и царскіе доктора, люди также весьма обезпеченные, пользовавшіеся значеніемъ при дворѣ и въ церковныхъ дѣлахъ своей общины принимавшіе самое дѣятельное участіе. И если община, вмѣсто того, позаботилась такъ скоро пріискать ему помощника и преемника и въ то же время не оказала ему, какъ прежде Оксу, ни матеріальной, ни нравственной помощи, то ясно, что здѣсь служили виною не одни русскіе кредиторы.

Родившись въ одномъ съ Мюнстенбергомъ городѣ и подобно ему начавъ свою служебную карьеру со школьнаго въ Москвѣ учителя, Фадемрехтъ, сдѣлавшись пасторомъ, скоро вошелъ въ кругъ мѣстной нѣмецкой торговой аристократіи. Съ нимъ мы встрѣтимся много разъ.

Еще при пасторѣ Оксѣ часть его прихожанъ образовала (1626 г.) отдѣльную общину, выстроивъ себѣ церковь въ Бѣломъ (Царь) городѣ [2]; весьма вѣроятно, что членами ея были по преимуществу жившіе въ этой части Москвы, которымъ ходить въ Скородомъ казалось далеко и неудобно, и что къ нимъ примкнули недавно прибывшіе и вновь переселявшіеся въ Москву. На службу къ себѣ они пригласили учителя школы при Первой общинѣ, Якова

---

[1] Olearius, 1647, 194.

[2] Fechner, I, 203—204.

Нигенборга (или Пейенбурга). Въ записи бракосочетанія его въ 1632 году съ дѣвицею Елизаветой Кальтгофъ, въ Церковной книгѣ онъ названъ просто «пасторомъ Нѣмецкой общины въ Москвѣ». Ни его община, ни выстроенная ею церковь, слѣдовательно, еще особаго названія не носили; хотя здѣсь собственно, нужно думать, кроются первыя зерна извѣстной въ послѣдствіи времени, такъ называемой, Новой лютеранской общины и Новой при ней церкви, или, какъ ее первоначально называли, «Кирки новыхъ Нѣмцевъ». Благодаря ей, численность перваго прихода сократилась весьма значительно: въ 1624 году, подъ которымъ упомянутъ англійскій пасторъ, бракосочетавшихся въ церкви этого прихода было 10 паръ, въ 1626 году, т. е. въ годъ образованія Второй общины, были всего 5 паръ; крещенныхъ въ 1624 году считалось 35, въ 1626 году 24 человѣка [1].

Спокойно просуществовала церковь всего до года 1632. Интересенъ поводъ, по которому она была разрушена, какъ передаетъ о томъ Олеарій. Предъ осадою Русскими Смоленска, для которой было много нанято за границей иностраннаго войска, нѣкоторымъ изъ служанокъ въ купеческихъ домахъ [2] посчастливилось выйти за мужъ за нѣмецкихъ офицеровъ. Новыя лейтенантши, капитанши и т. п. не хотѣли за богослуженіемъ въ церкви занимать мѣсто ниже бывшихъ своихъ госпожъ, купчихамъ же показалось крайне обиднымъ видѣть впереди себя своихъ прежнихъ служанокъ. Уступить не хотѣли ни та, ни

[1] Памятники, I, № XVI, стр. 179—180, 184.

[2] Въ русскомъ переводѣ П. Барсова (стр. 369—370) купеческія служанки (d. Kaufleute Mägde) названы купеческими дочерьми; ошибка повторена потомъ Рущинскимъ, Религіозн. бытъ Русскихъ, 216.

другая сторона, и возгорѣвшійся споръ перешелъ однажды въ драку. Мимо кирки проѣзжалъ патріархъ и, узнавъ о причинѣ этой свалки, сказалъ: «Я думалъ, въ церковь Нѣмцы ходятъ съ благочестивыми мыслями, чтобъ отправлять свое богослуженіе, а не сводить свои тщеславные счеты». Въ тотъ же день кирка была срыта, и построить ее дозволено уже «за бѣлою стѣной, въ чертѣ Большаго города» (Скородома) [1]. Впрочемъ, общинѣ какъ-то опять удалось завести церковь въ прежней части Москвы. Не-

---

[1] Olearius, 1647, 193; 1656, 317; 1696, 166. — Busching (I, 6—7) и Dalton (4, 116) относятъ это событіе къ 1616 году, Grot (I, 236) и за нимъ Jungblut (7—8) къ 1614-му, то же, хотя нѣсколько и глухо, повторяетъ Снегиревъ (34). Патріарха тогда у насъ не было, дѣлами временно вѣдалъ Крутицкій митрополитъ Іона и свободный патріаршій престолъ берегли для митрополита Филарета Никитича, томившагося въ польскомъ плѣну, откуда онъ возвратился и былъ поставленъ въ патріархи въ 1619 году. Olearius въ изданіи своего сочиненія 1656 года говоритъ о разрушеніи, какъ о случаѣ, бывшемъ «за двадцать лѣтъ тому назадъ», въ эпоху осады Смоленска (стр. 317): Смоленскъ былъ осажденъ осенью 1632 года, хронологическій счетъ въ изданіи идетъ отъ 1654 года (на стр. 33—о царскомъ переводчикѣ Гансѣ Гельмсъ Олеарій выражается, что «онъ, говорятъ, живетъ и правитъ свою должность еще теперь, въ 1654 году»; снес. также стр. 221 и 240). Значительная часть нанятыхъ въ 1631 году полковникомъ Леслн военно-служилыхъ иноземцевъ прожила въ Москвѣ около полугода (Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1631—1632 г.; Соловьевъ, изд. 2, т. IX, 220—224), и въ Церковныхъ метрикахъ о бракахъ находится ясный намекъ (Памятники, I, 180) на то, что въ 1632 году было много бракосочетаній офицеровъ съ незнатными невѣстами. Все это прямо указываетъ на совершеніе событія никакъ не ранѣе 1632 года, незадолго до кончины (1 окт. 1633 г.) патріарха Филарета.

сомнѣнно, у нея была она тамъ весною 1643 года [1] и именно, какъ намъ кажется, на Покровкѣ.

Въ надгробной рѣчи (6 сентября 1632 г.) надъ Мёллеромъ [2] московскій пасторъ Георгъ Листеманъ воскликалъ: «когда его знатные люди просили, не можетъ ли честной нѣмецкій приходъ, чрезъ заступничество королевскаго величества шведскаго предъ царскимъ величествомъ, имѣть, согласно своему желанію, здѣсь въ Москвѣ свою божественную службу опять въ самомъ городѣ — и, о, вѣчный Боже! какъ онъ позаботился о славѣ Божіей, навострилъ перо, чтобъ храмъ и жилище Божіе опять было бы перенесено въ городъ!»

Расположеніемъ шведскаго правительства у насъ тогда очень дорожили. Въ войнѣ съ Польшей наши старались опереться на сочувствіе и помощь Швеціи; за наборомъ ратныхъ людей Лесли былъ прямо направленъ въ Швецію и порученъ покровительству Густава[3]. Однако утверждать, чтобы упоминаемая въ 1643 году кирка «новыхъ Нѣмцевъ» въ Бѣломъ-городѣ явилась здѣсь именно вслѣдствіе ходатайства Мёллера, трудно: Листеманъ о результатѣ ходатайства умалчиваетъ, а другихъ указаній на связь нѣтъ, какъ и вообще нѣтъ данныхъ о существованіи Лютеранской Бѣлгородской церкви въ тридцатыхъ годахъ, послѣ разрушенія ея Филаретомъ. Едвали не построена она была лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ и,

---

[1] Акт. Истор. III, 385.

[2] Издана въ Ригѣ въ 1632 году, извлеченіе изъ нея у Fechner'a, I, 211—212.

[3] М. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Шведскія, карт. 39, г. 1631, № 3.

притомъ, безъ должнаго разрѣшенія правительствомъ. Покрайней мѣрѣ мы увидимъ ниже, съ какою легкостію она была потомъ уничтожена и съ какою настойчивостью старались выгородить себя изъ круга ея прихожанъ хлопотавшіе за кирку Первой общины, сваливая всю вину постройки Бѣлгородской церкви на Нѣмцевъ новопріѣзжихъ.

Судя же по тому, что рядъ пасторовъ, повидимому, не прерывался, самая община могла существовать постоянно. По прежнему продолжалъ править свою службу первый пасторъ общины, Нигенборгъ. На него пала очередь привести къ присягѣ двухъ переводчиковъ—въ 1638 году переводчика Василія Александрова и 18 іюля 1643 года переводчика Матвѣя Елисѣева, причемъ въ первый разъ онъ записанъ: «приводилъ попъ Яковъ Юстремъ сынъ Ніенборхъ», во второй просто: «попъ былъ Яковъ Ніенборхъ». [1] Нѣкоторое время едва ли не сотрудничали ему также пасторы «Иванъ Юстровъ» и «Иванъ Ивановъ». Въ виду того, что они были тѣсно связаны съ жившими въ Москвѣ Датчанами, лицами новопріѣзжими, и что у Старой общины были свои пасторы, естественно предположить, что они принадлежали къ пасторамъ Второй общины, если только не было при нихъ какой нибудь особой группы прихожанъ.

Просясь о своемъ отпускѣ изъ Россіи, Иванъ Юстровъ на разспросѣ (въ апрѣлѣ 1635 г.) въ Посольскомъ приказѣ сообщилъ о себѣ: «пріѣхалъ онъ къ Москвѣ съ своимъ своякомъ Давыдомъ Николаевымъ назадъ тому лѣтъ съ восемь, а имени своего въ Посольскомъ приказѣ не записалъ, потому что русскаго обычая не зналъ, и

[1] Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи, 55.

жилъ онъ на Москвѣ у иноземцевъ въ попахъ, а нынѣ хочетъ ѣхать въ свою землю и бьетъ челомъ государю, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ бы отпустить за рубежъ въ Свою на Новгородъ или на Псковъ и дать ему свою государскую проѣзжую грамоту, чтобы его по городамъ воеводы пропускали безъ задержанія». Его не задерживали.

Названный Давыдъ Николаевъ, который также присоединялъ просьбу объ отпускѣ своего свояка чрезъ Швецію, былъ «прикащикъ датскаго короля» Давидъ Рутцъ. Отъ Христіана IV Датскаго у насъ ожидали того же, чего и отъ Густава [1], и домъ Рутца считался посольско-торговымъ дворомъ Даніи. Домъ этотъ стоялъ у него на «Покровкѣ»; купилъ онъ его весною 1628 года, т. е. вскорѣ послѣ основанія Второй церкви, и разширилъ въ 1631 году. [2] Благодаря своему общественному положенію, возраставшимъ матеріальнымъ средствамъ и близости своего дома къ мѣсту этой церкви, онъ могъ принимать въ ея судьбѣ еще болѣе серьезное участіе, чѣмъ

---

[1] Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Датскія, 1632 г., № 1. «Переводъ съ грамоты къ ц. Михаилу Ѳедоровичу отъ дат. кор. Христіана IV о капитанѣ Адамѣ Колгозе, договорившемся съ бывшими въ Даніи русскими послами нанять въ россійскую службу три тысячи солдатъ, и отпускъ отвѣтной на оную грамоты».

[2] Тамъ же, 1635 г. № 2: «Дѣло по челобитью датскаго въ Россіи прикащика Давида Миколаева Рудца о пропускѣ за границу свояка своего Ивана Юстрова, бывшаго въ Москвѣ пасторомъ»; 1641 г. № 4: «Память изъ Земскаго приказа въ отвѣтъ на запросъ, въ которомъ году прикащикъ короля дацкаго Давыдъ Николаевъ Руцъ на Покровкѣ дворъ купилъ». Также въ нашемъ изслѣдованіи: Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи. М. 1885, 27—30.

прежде въ судьбѣ церкви Старой общины; хотя, за недостаткомъ данныхъ, и нельзя сказать прямо, дѣйствительно ли принадлежалъ онъ ко Второй общинѣ и что побудило его отпустить свояка за границу.

«Иванъ Ивановъ» извѣстенъ тѣмъ, что ссужалъ Фильгобера, придворнаго проповѣдника у королевича Вальдемара, книгами во время борьбы (1644—1645 г.) этого съ русскими полемистами [1]. Наконецъ у общины является (въ 1648 г.) пасторъ Иванъ Якоби, сынъ котораго, Генрихъ, опредѣлился на русскую военную службу [2].

Хлопоча о судьбѣ кирки Второй лютеранской общины и, быть можетъ, не достигнувъ тутъ желаемаго, Мёллеръ, пользуясь благопріятными для его двора политическими обстоятельствами, основалъ церковь на своемъ Шведскомъ подворьѣ (въ томъ же Бѣломъ-городѣ, въ нынѣшнемъ Леонтьевскомъ переулкѣ [3]), такъ сказать, Посольскую, пожертвовавъ на то значительную сумму. Въ ней совершенно потомъ отпѣваніе надъ нимъ, пасторомъ ея былъ хоронившій его Листеманъ [4]. Такъ какъ никакихъ слѣдовъ договора нашего правительства со шведскимъ о дозволеніи построенія церкви нѣтъ, то

---

[1] М. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Датскія, карт. 24, 1645 г., 15 августа, въ «Отпускѣ изъ Москвы датскаго королевича Волдемара». Ни объ Иванѣ Юстровѣ, ни объ Иванѣ Ивановѣ до сихъ поръ въ печати не упоминалось.

[2] Памятники, I, 187, 5—6.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Шведскія дѣла, св. 34, 1628 — 1631 гг. № 2: «Дѣло объ отводѣ мѣста между Тверской и Никитской улицъ въ приходѣ Николы во Гнѣздникахъ для построенія Шведскаго подворья». Вѣроисповѣдное полож. прот. купццовъ, 21 и слѣд.

[4] Fechner, I, 210—211.

нужно предположить, что Мёллеръ поступилъ такъ, разширивъ смыслъ Столбовскаго договора о домашнемъ богослуженіи для шведскихъ купцовъ, и наше правительство было вынуждено смотрѣть на то какъ бы сквозь пальцы. Марселисъ [1] указывалъ на нее въ 1643 году. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

Неоднократно посѣтившій Москву, во вторую половину царствованія Михаила Ѳедоровича, секретарь голштинскаго посольства Олеарій [2] отмѣтилъ тотъ фактъ, что сво-

---

[1] М. Гл. Архивъ Мин. Иност. Дѣлъ, Дѣла Датскія, карт. 13—14, 1642—1644 гг., № 8.

[2] Судя по его Альбому (Das Inland, 1651, № 44), онъ былъ четыре раза: въ 1634, 1636, 1639 и 1643 гг. Плодомъ посѣщеній явилось сочиненіе Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise, изданное авторомъ въ Шлезвигѣ въ 1647 и 1656 годахъ, послѣдній разъ съ измѣненіемъ заглавія, значительными дополненіями и поправками въ текстѣ; дополненія и поправки дѣлались авторомъ на основаніи слуховъ, достигавшихъ до него изъ Россіи, потому у него передается о многомъ, что случилось уже послѣ его поѣздокъ въ Москву. Въ хронологіи событій онъ часто держится не столько прямаго указанія на то, въ какомъ году они случились отъ Р. Хр. или отъ того времени, какъ авторъ былъ въ Россіи, а отъ времени приготовленія имъ къ печати изданій; въ изданіи 1647 г. ведется счетъ отъ 1646 г., въ изданіи 1656 г. считается съ 1654 года, вслѣдствіе чего многія изъ событій въ этихъ изданіяхъ указаны различно. Изданіе 1656 года было выпущено Олеаріемъ еще подъ 1663 годомъ, причемъ 56 переправлено на 63, вставлено нѣсколько предварительныхъ тексту листовъ и измѣнено и дополнено приложеніе; что же касается разсказа о Россіи, то въ немъ измѣненій нѣтъ, текстъ и страницы тожественны. Все это необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи года передаваемыхъ Олеаріемъ фактовъ. Въ наукѣ весьма распространено еще довольно роскошное по времени Гамбургское изданіе 1696 года, бывшее послѣ смерти Олеарія; русскій переводъ И. Барсова сдѣланъ

бодою богослуженія, кромѣ лютеранъ, пользовались тогда также и реформаты. Состоя по преимуществу изъ Англичанъ и Голландцевъ, эти послѣдніе, когда ихъ число при Михаилѣ Ѳедоровичѣ опять возросло, употребили, дѣйствительно, усиліе, чтобы въ церковно-богослужебномъ отношеніи мало-по-малу обставить себя отъ лютеранъ возможно независимѣе. Свои пасторы у нихъ бывали временно, пріѣзжая съ послами. Такъ, находился (1619 г.) пасторъ въ свитѣ англійскаго посла Томаса Финча, докторъ Ричардъ Джемсъ. 19 января 1619 года посольство было почетно встрѣчено въ Москвѣ и помѣщено въ Китай-городѣ, въ Большомъ Посольскомъ дворѣ, въ августѣ выѣхало обратно; корабль, на которомъ оно намѣревалось отплыть изъ Архангельска, потерпѣлъ крушеніе, часть посольства отправилась сухимъ путемъ, Джемсъ съ остальными провелъ зиму въ Холмогорахъ. Своимъ пребываніемъ въ Россіи этотъ старательный оксфордскій ученый воспользовался, чтобы собрать о ней свѣдѣнія и изучить русскій языкъ; свои наблюденія онъ описалъ въ особомъ сочиненіи и привезъ въ Англію матеріалы по части языка и литературы, именно нѣсколько пѣсенъ и собраніе русскихъ словъ съ обозначеніемъ ихъ значенія на англійскомъ языкѣ. Между пѣснями отличаются интересомъ плачъ царевны Ксеніи Годуновой, плачъ по поводу несчастной кончины юнаго героя кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго и пѣснь на пріѣздъ Филарета Ники-

---

съ изданія 1663 года. Благодаря Имп. Публич. Библіотекѣ и Моск. Рум. Музею, мы пользовались экземплярами всѣхъ этихъ изданій.— Годъ рожденія Олеарія полагаютъ между 1599—1603 годами; померъ въ 1671 году.

тича въ Москву изъ польскаго плѣна. Изъ сохранившихся проповѣдей Джемса характерна одна, сказанная (1621 г.) имъ въ Оксфордѣ по возвращеніи изъ Россіи; въ ней описывается тотъ пьяный разгулъ, какого проповѣдникъ былъ очевидцемъ въ Москвѣ на масляницѣ, упоминаются пестрая и сырная недѣли. Былъ (1620 г.) также пасторъ въ свитѣ Джона Мерика. Но вотъ въ 1624 году, какъ мы видѣли, упоминается даже о бракосочетаніи въ Москвѣ англійскаго пастора. Какъ звали его и по какому случаю онъ очутился здѣсь, въ метрикѣ не означено: но то обстоятельство, что одновременно съ тѣмъ замѣтна убыль въ числѣ прихожанъ единственной въ то время въ Москвѣ лютеранской церкви, какъ бы указываетъ, что онъ остался здѣсь на жительство и съ него, быть можетъ, начинается рядъ постоянныхъ въ Москвѣ реформатскихъ пасторовъ, хотя, впрочемъ, подъ слѣдующимъ, 1625, годомъ пасторъ Оксе отмѣтилъ о себѣ, что онъ въ первый разъ теперь окрестилъ одного мальчика по англійскому обряду и на англійскомъ языкѣ. Совсѣмъ ли оставилъ Москву англійскій пасторъ, или на время, быть можетъ, для совершенія церковныхъ требъ внѣ Москвы, рѣшить нельзя. Какъ бы то ни было, у общины вскорѣ (1629 г.) является своя церковь, для которой она выбрала мѣсто въ той же части Москвы, гдѣ находилась церковь Второй лютеранской общины, въ Бѣломъ городѣ, только не на Покровкѣ, а неподалеку отъ нея, на Поганомъ прудѣ. Служилъ въ ней магистръ Генрихъ Ингенгёферъ, Саксонецъ, изъ Герцберга. Прибылъ онъ въ Россію въ качествѣ полковаго лютеранскаго пастора, во время войны подъ Смоленскомъ; по случаю смерти Густава Адольфа говорилъ (1633 г.) проповѣдь на Шведскомъ подворьѣ

и вскорѣ послѣ того принялъ реформатство; свою жену, дочь извѣстнаго виттембергскаго богослова, д-ра Фёрстера, къ перемѣнѣ вѣры онъ однако не принуждалъ, и она по прежнему осталась лютеранкой. Чтобы оправдать свое обращеніе въ реформатство, онъ, къ досадѣ московскихъ лютеранъ, написалъ сочиненіе, отпечатанное имъ въ Бременѣ: «Schlüssel zu der rechten Meinung von den verschlossenen Thüren (Johan: 20)»; сочиненіе вызвало полемическій отвѣтъ со стороны борнскаго суперъинтендента докт. Давида Авербаха, подъ заглавіемъ: «Falscher Calvinischer Schlüssel, mit welchem der Apostata M. Heinricus Inchenhöffer die rechte Meinung von den verschlossenen Thüren Joh: 20. aufzuschliessen vermeinet, und vergeblich sich bemühet». За Ингенгёферомъ слѣдовали Иванъ Булеусъ и Иванъ Кравинкель. Первый въ архивныхъ дѣлахъ названъ (26 іюня 1647 г.) «Голанскіе земли гостей и торговыхъ людей пасторъ Яганко Бюлеусъ»; Голландецъ Кравинкель пріѣхалъ въ Архангельскъ въ 1649 году и чрезъ полгода былъ въ Москвѣ. То обстоятельство, что голландскіе пасторы оттѣснили прежнихъ англійскихъ, стояло, конечно, въ связи съ начинавшимся перевѣсомъ въ торговлѣ Голландцевъ надъ Англичанами.

Первоначально реформатами была, по свидѣтельству Олеарія, выстроена собственно небольшая деревянная часовня, потомъ, не испросивъ на то разрѣшенія правительства, они приступили къ постройкѣ большой каменной церкви и довели было ее до крыши. Обстоятельства между тѣмъ измѣнились: не успѣли они докончить своей постройки, какъ надъ ней и надъ всѣми вообще проте-

стантскими кирками разразилась (въ 1643 г.) правительственная гроза [1].

---

[1] О пасторахъ у Olearii, 1647, 194 — 195; 1656, 320; 1696, 167—168; въ Памятникахъ, I, 179, 183; у Гамеля, II, 241—246. Fechner'a, II, 512—513; о мѣстѣ и судьбѣ у Olearii, 1647, 193; 1656, 318; 1696, 166, и въ «Переписной книгѣ г. Москвы 1638 года», 143.—Grot (I, 442) и за нимъ Снегиревъ (36) и Dalton (4, 126—127) первымъ пасторомъ считаютъ Булеуса (1629—1648 г.), вторымъ Кравинкеля (съ 1649 г.) и ничего не знаютъ объ Ингенгеферѣ. Если бы Булеусъ былъ пасторомъ съ 1629 по 1648 г., то во время пріѣздовъ Олеарія онъ былъ бы въ Москвѣ и этотъ, конечно, назвалъ бы его, между тѣмъ въ изданіи 1647 г. Олеаріи говоритъ объ одномъ Ингенгеферѣ, въ Переписной книгѣ 1638 года также называется только одинъ «Индрикъ», т. е. Генрихъ Ингенгеферъ. Но и Ингенгеферъ не былъ первымъ пасторомъ: церковь явилась въ 1629 году, Ингенгеферъ перешелъ въ реформатство не ранѣе 1633 года. При голландскомъ посольствѣ 1630 года состоялъ пасторъ Овитіи Аббема (Scheltema, Rusland en de Nederlanden. Amsterdam, 1817, I, 129), но едвали и онъ могъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ Реформатской церкви. Имени перваго пастора ея, такимъ образомъ, пока неизвѣстно. — Что касается мѣста Реформатской церкви, то, вслѣдъ за Олеаріемъ, историки опредѣляли его вообще въ Бѣломъ-городѣ; разсмотрѣвшій этотъ вопросъ ближе, Fechner (I, 238—239), увидѣлъ его собственно на Покровкѣ и одновременно съ тѣмъ мѣсто церкви Второй лютеранской общины счелъ на Поганомъ, нынѣ Чистомъ прудѣ. Сличеніе источниковъ, извѣстныхъ даннымъ изслѣдователямъ, съ источниками, неизвѣстными имъ, приводитъ къ обратному заключенію, именно, что на Покровкѣ была собственно Лютеранская кирка, а на Поганомъ прудѣ Реформатская. Къ помѣщенію Лютеранской кирки на Поганомъ прудѣ дали поводъ разсказы Grot'a (I, 233—234, 240 — 242, 254 — 265), писателя на этотъ разъ крайне недостовѣрнаго. Самый Прудъ онъ полагалъ въ Земляномъ-городѣ, начало кирки отнесъ ко временамъ Грознаго,

Близость кирокъ къ православнымъ храмамъ крайне соблазняла религіозно-нравственное чувство нашихъ предковъ. Къ тому же, протестанты, захватывая русскія дома въ лучшихъ и наиболѣе покойныхъ мѣстахъ сто-

---

конецъ — ко второй половинѣ XVII вѣка и считалъ ее церковью Старой общины: здѣсь ошибка на ошибкѣ (о раннемъ см. выше, стр. 18–19, 26 и слѣд., о позднемъ—ниже, въ повѣствованіи о Бауманѣ и Фокеротѣ). Помѣстивъ эту церковь на Поганомъ прудѣ и изъ документовъ по поводу жалобъ (о нихъ будетъ рѣчь послѣ) московскаго духовенства въ 1643 году на то, что Нѣмцы «на Покровкѣ и Поганомъ прудѣ накупили многія мѣста и также имѣютъ нѣсколько церквей» (Fechner, I, 231), убѣдившись въ существованіи въ 1643 году въ Бѣломъ-городѣ болѣе одной кирки, Фехнеру естественно было предположить мѣсто другой протестантской церкви, Реформатской, уже не на Поганомъ прудѣ, а на Покровкѣ. На которомъ изъ этихъ мѣстъ находилась та или другая церковь, данные документы не опредѣляютъ. Мѣсто Реформатской кирки ясно обозначено въ неизвѣстной изслѣдователямъ «Переписной книгѣ г. Москвы 1638 года», въ которой читаемъ: «Покровской сотни.... (дворъ) нѣмецкой мірской; живетъ нѣмецкой попъ Индрикъ» (143), неподалеку отъ этого двора, въ той же Покровской сотнѣ, названъ домъ «Нѣмчина Петра Марселиса». Эта Покровская сотня находилась тогда на Поганомъ прудѣ, потому что въ жалобѣ отъ того же 1638 года московскихъ купцовъ на захваты иноземцевъ (Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Англійскія 1638 г., № 1, св. II: «Дѣло по челобитью россійскихъ купцовъ на англійскихъ и другихъ націй торговыхъ людей о недопущеніи ихъ торговать внутри Россіи») читаемъ: «А дворовъ на Москвѣ у иноземцовъ:.. дворъ Давыдка Миколаева (Рутца) на Покровкѣ, дворъ Петра Марселиса на Поганомъ прудѣ». Если же Реформатская церковь стояла на этомъ Прудѣ и была здѣсь одна, то другая протестантская кирка, Лютеранская, была, слѣдовательно, на Покровкѣ. Только при такомъ предположеніи и будутъ понятны слова пастора Листемана и жалобы духовенства на существованіе

лицы и перебивая имъ у русскихъ покупателей, своими средствами наживы причиняли нашимъ значительный матеріальный ущербъ; иные изъ нихъ, нанимая себѣ квартиры у своихъ и у Москвичей, продавали всякіе това-

---

кирокъ на Погановомъ прудѣ и Покровкѣ. — Затѣмъ объ исторіи Реформатской церкви. Busching (I, 6—7, II, 199—200) и Dalton (4, 116—118) начало ея относятъ ко временамъ Годунова и будто бы она стояла до 1616 года, когда, по приказу патріарха, была разрушена, потомъ вскорѣ возстановлена внѣ бѣлыхъ стѣнъ, и опять уничтожена, чтобы въ 1635 или 1638 году явиться въ Новой-Иноземской Слободѣ; мысль о такихъ частыхъ превратностяхъ въ ея судьбѣ особенно развита у Dalton'a; о постановкѣ ея въ 1630-хъ годахъ въ Нѣмецкой Слободѣ передаютъ еще Grot (I, 435) и Снегиревъ (36). Что она не была при Годуновѣ, ясно изъ молчанія о ней современныхъ Борису писателей, изъ которыхъ Голландецъ и ревностный реформатъ Massa, какъ справедливо замѣтилъ еще Fechner (I, 188), конечно, не преминулъ бы упомянуть, такъ какъ онъ неоднократно говоритъ (русск. пер. 66, 92, 95) о Лютеранской киркѣ и свободѣ вѣры для протестантовъ. Годъ появленія кирки достаточно неопровержимо опредѣляется сохранившимся въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ (Дѣла Протестантскія 1629 г) изображеніемъ печати Реформатской церкви: на немъ стоитъ 1629 годъ; время разрушенія указываетъ Олеаріи, когда въ изданіи своего сочиненія 1647 года говоритъ: (193) «за три года предъ тѣмъ» (vor 3 Jahren), т.-е. предъ тѣмъ, какъ онъ подготовлялъ изданіе своего сочиненія. Въ послѣдующихъ изданіяхъ годъ разрушенія Реформатской кирки не опредѣленъ, но нѣсколько выше сказано, что разрушеніе Лютеранской церкви въ Бѣломъ-городѣ случилось «за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ», что дало историкамъ поводъ отнести то и другое событіе—разрушеніе какъ Лютеранской, такъ и Реформатской кирокъ—къ одному году; пользуясь же только позднѣйшимъ изданіемъ и означенные въ немъ годы считая со времени пребыванія Олеарія въ Москвѣ, Büsching, естественно, ошибся въ хронологіи событія, отнесши разрушеніе къ 1616 году.

ры, оптомъ и въ-розницу, безпошлинно. Московскіе и иногородные купцы не разъ жаловались правительству на незаконные убытки, наносимые имъ иноземцами; въ 1638 году челобитная была покрыта нѣсколькими сот-

---

Послѣдующіе историки, не справившись поближе съ Олеаріемъ (о чемъ ясно, между прочимъ, свидѣтельствуетъ ихъ молчаніе объ Ингенгеферѣ), повторили и развили мысли Busching'а, усиливъ его неточности еще болѣе. Такъ, снесеніе Реформатской церкви въ Ново-Иноземскую Слободу сочтено въ 30 годы, между тѣмъ какъ Слобода явилась не ранѣе 1652 года; самое посѣщеніе Олеаріемъ Россіи Grot (I, 236) отнесъ даже къ 1614 году.

Въ значительной степени снова повторяетъ ошибки этихъ своихъ предшественниковъ г. Соколовъ (15), раздѣляя разсказанное Олеаріемъ одно и то же событіе на два и относя первую половину къ XVI вѣку. «Олеарій, пишетъ онъ, передаетъ слухъ или преданіе, что кальвинисты еще въ 16 столѣтіи построили деревянную часовню—(капеллу), внутри бѣлой стѣны или бѣлаго города и начали возлѣ нея строить изящную каменную церковь и когда она была доведена уже до крыши, вдругъ, по приказанію патріарха, была разрушена, такъ какъ они строили ее безъ разрѣшенія царя и патріарха. Но этимъ глухимъ и неопредѣленымъ слухамъ Олеарій самъ мало довѣряетъ». Авторъ ссылается на «Olear. 369 и 370». Указываемыя имъ страницы находятся не въ нѣмецкихъ подлинникахъ, а въ русскомъ переводѣ, и нигдѣ, ни въ подлинникахъ, ни въ переводѣ, нѣтъ и намека на какое-то мало раздѣляемое Олеаріемъ преданіе изъ XVI вѣка. Вотъ это мѣсто: «Кальвинисты, также (т.-е. какъ и лютеране) внутри бѣлой стѣны, начали было строить изящную церковь, возлѣ бывшей тамъ деревянной часовни, и постройка эта доведена была уже почти до крыши; но такъ какъ патріархъ и великій князь на постройку соизволенія своего не давали и смотрѣли только на нее какъ бы сквозь пальцы, то патріарху и пришло однажды на мысль приказать разрушить сказанную церковь, вмѣстѣ съ нею и бывшую тамъ деревянную часовню. Такимъ образомъ кальвинисты въ про-

нями купеческихъ подписей; въ началѣ сороковыхъ годовъ жалобы повторились. Съ купцами иноземцы легко совладѣвали, почти все ограничивалось простымъ опросомъ и формальнымъ имъ выговоромъ отъ правитель-

---

долженіе нѣкотораго времени ходили слушать проповѣдь въ Лютеранскую церковь, пока снова не получили дозволенія имѣть свою собственную» (рус. пер. 370). Переводъ этотъ сдѣланъ по изданію 1663 года; въ изданіи 1647 года о разрушеніи кирки сказано, что оно совершилось «за три года предъ гѣмъ» и послѣднія слова читаются такъ: «Кальвинисты за два года ходили слушать проповѣдь въ церковь къ лютеранамъ, пока они не получатъ собственную» (193). Данное свидѣтельство Олеарія не оставляетъ, такимъ образомъ, ни малѣйшаго сомнѣнія относительно времени передаваемаго тутъ событія: разрушеніе совершилось въ началѣ сороковыхъ годовъ XVII вѣка; и разсказъ Соколова о преданіи изъ XVI вѣка, очевидно, навѣянъ ошибочными разсказами прежнихъ историковъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ приписалъ Олеарію то, чего у него нѣтъ. И хотя въ томъ же примѣчаніи авторъ полемизируетъ съ Бюшингомъ и Дальтономъ, ссылкой на свидѣтельство Массы, но все это, какъ и самые цитаты изъ ихъ сочиненій, заимствованы имъ у Fechner'а, I, 187—188, на котораго онъ однако въ данномъ случаѣ не указываетъ. Соколовъ продолжаетъ: «Гораздо достовѣрнѣе извѣстіе, что первая реформатская церковь была построена въ 1629 году на землѣ, пожалованной въ самомъ бѣломъ городѣ» (Цитуетъ: «Grot, 1. 434, Olear. 193. Моллеръ въ 1632 г. писалъ, что на печати этой церкви была такая надпись: «Sigil, Eccl. Reformat. Moscou. Russ. Anno 1629. Fechner 1. 205»). «Въ 1643 году, когда русскіе священники подавали жалобу на нѣмцевъ, реформаты кромѣ упомянутой церкви, имѣли еще небольшую капеллу на покровкѣ въ бѣломъ же городѣ. Но въ роковой 1643 годъ обѣ они были закрыты» (Цит. «Fechner 1, 238»). Объ этомъ только событіи и говорится у Олеарія, а не о какомъ то преданіи изъ болѣе ранняго времени. Подобное сообщеніе авторъ едвали бы допустилъ, если бы озна-

ства. Тогда мѣстные интересы взяла подъ свою защиту часть московскаго духовенства, которая сумѣла поставить вопросъ на нравственно-религіозную почву. Причты одиннадцати московскихъ церквей, въ томъ числѣ церкви Николая Чудотворца у Столпа (нынѣ въ Армян-

---

комился хотя бы съ однимъ нѣмецкимъ подлинникомъ. Правда, онъ ссылается здѣсь на «Olear. 193», страница принадлежитъ нѣмецкому изданію 1647 года; но цитата заимствована имъ изъ Fechner'a (I, 205); только Fechner знаетъ вмѣстѣ и годъ изданія (1647), безъ чего цитата мало понятна, такъ какъ въ изданіяхъ страницы различны; у Fechner'a же взяты имъ и остальныя цитаты этой группы, причемъ ссылка на «Моллера» сдѣлана крайне неправильно. У Fechner'a (ibid) говорится, что въ 199 № Портфеля Миллера находится оттискъ уже не существующей печати, и затѣмъ описанъ ея видъ—въ срединѣ лежащій на алтарѣ агнецъ, надъ нимъ въ облакахъ знакъ имени Іеговы, кругомъ слова: «SIGILL: ECCL: REFORMAT: MOSCOU: RUSS: ANNO 1629». Такой оттискъ въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ дѣйствительно есть, и, когда занимался тамъ Фехнеръ, онъ лежалъ въ указанномъ отдѣлѣ Архива, въ Портфелѣ (т.-е. собраніи документовъ) извѣстнаго исторіографа временъ Екатерины Великой Г. Миллера, въ папкѣ № 199; теперь онъ пріобщенъ къ Протестантскимъ дѣламъ 1629 года, на оберткѣ его надпись: «1629 г. № 1. Изображеніе печати Реформатской церкви въ Москвѣ». Миллеру принадлежитъ лишь честь нахожденія оттиска, что̀ случилось слишкомъ на столѣтіе позднѣе 1630-хъ годовъ, и утверждать, будто «Моллеръ въ 1632 году писалъ» (sic) о надписи на церковной печати, значитъ вполнѣ искажать фактъ и мыслъ заимствуемой цитаты. Очевидно, авторъ смѣшалъ здѣсь исторіографа Миллера съ упоминаемымъ подъ 1632 годомъ у Fechner'a (I, 210 — 211) шведскимъ агентомъ Ив. Мёллеромъ, личностями ничего общаго между собою не имѣющими, и Меллеръ, ходатайствуя о Лютеранской церкви, совсѣмъ не имѣлъ въ виду вопроса о церкви Реформатской, тѣмъ менѣе о какой-нибудь церковной печати.

скомъ переулкѣ) священникъ Прокопій Аѳонасьевъ съ діакономъ Маркомъ Мироновымъ и церкви Козьмы и Даміана (на Маросейкѣ) священникъ Ѳедосій съ діакономъ Кирилломъ подали (2 марта 1643 года) царю челобитную, [1] жалуясь, что «въ ихъ приходахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ вблизи церквей поставили ропаты, Русскихъ людей у себя во дворахъ держатъ, и всякое осквернение Русскимъ людямъ отъ тѣхъ Нѣмецъ бываетъ; не дождавшись государева указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходахъ вновь, вдовыя Нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы, и многіе прихожане хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣной, предъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ». Вслѣдствіе того духовенство просило о высылкѣ иноземцевъ изъ вновь пріобрѣтенныхъ ими домовъ, запрещеніи имъ снова покупать тамъ дворы и дворовыя мѣста и объ учиненіи особаго указа о домахъ старыхъ, а также и относительно кирокъ и держанія иноземцами Русскихъ людей.

Правительство посмотрѣло на это дѣло теперь со всею строгостію. «На Москвѣ, гласилъ, состоявшійся

---

[1] Били челомъ... церкви Миколы Чюдотворца отъ Столпа попъ Прокофей да дьяконъ Марко, да церкви Козмы и Демьяна попъ Ѳедосей, дьяконъ Кирилъ, съ товарыщи, девяти приходскихъ церквей» (Акт. Ист. III, стр. 114): подавали челобитную, такимъ образомъ, не «два Московскіе священника», какъ говоритъ Соловьевъ (IX, изд. 2. стр. 425), и не «девяти приходскихъ церквей» церковнослужители, какъ означено у Снегирева (37), но одиннадцати.—Полныя имена членовъ причта церкви св. Николая Чудотворца въ «Переписной книгѣ города Москвы 1638 года,» 138.

по поводу челобитной, царскій указъ, на Москвѣ, въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и за городомъ въ слободахъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ у Русскихъ людей не покупать и купчихъ и закладныхъ на то въ Земскомъ приказѣ не записывать; а ропаты которыя у Нѣмцевъ поставлены на дворахъ близь русскихъ церквей, сломать». Изъ приказа Большаго дворца прислана была (4 марта) о томъ память въ Земскій приказъ, чтобъ исполнена была царская воля; тѣмъ Русскимъ, которые и послѣ того осмѣлились бы запродать свои дома и дворовыя мѣста, угрожалось царскою опалой.

Въ силу даннаго распоряженія, упавшаго на иноземцевъ неожиданно, такъ что они не успѣли и предотвратить его, должно было разрушить не только Реформатскую, на Поганомъ прудѣ, и Лютеранскую кирку Второй общины, бывшую на Покровкѣ, но и церковь Старой общины, стоявшую въ Земляномъ-городѣ, за Фроловскими воротами, близь Землянаго вала. Защитить Реформатскую церковь было нечѣмъ: каменную стройку реформаты затѣяли самовольно, безъ разрѣшенія высшей власти, и это имъ могли указать въ укоръ; Лютеранская церковь Второй общины находилась слишкомъ близко къ центру города, чтобы, при настоящемъ настроеніи правительства, надѣяться на успѣхъ въ ходатайствѣ за нее, да, кажется, и ея права были такъ же шатки, какъ и церкви Реформатской.

Не теряя времени, иноземцы, хотя и были застигнуты врасплохъ, старались удержать выполненіе указа покрайней мѣрѣ относительно кирки, стоявшей на окраинѣ города и пользовавшейся нѣкоторыми юридическими правами. По примѣру изъ временъ Годунова, они дѣйствовали

чрезъ придворныхъ докторовъ. Докторъ Иванъ Бѣлау, недавно прибывшій въ Россію и милостиво принятый (9 апрѣля) царемъ, чрезъ ближняго боярина Ѳ. И. Шереметева, вѣдавшаго Аптекарскимъ приказомъ, обратился со своими двумя сослуживцами къ царю съ челобитной (4 мая). «Тѣ иноземцы, докладывалось въ ней, которые, какъ жаловалось духовенство, въ Бѣломъ-городѣ, на Покровкѣ и Поганомъ прудѣ, настроили себѣ много домовъ и имѣютъ нѣсколько церквей,—новопріѣзжіе; у нихъ же, докторовъ, въ Бѣломъ-городѣ богомолья никогда не было; съизстари сходились они вмѣстѣ со служилыми иноземцами, переводчиками и торговыми людьми за Фроловскими воротами, близь Землянаго вала, гдѣ они молились и молятся Богу и проповѣдуютъ Евангеліе и въ своихъ службахъ всегда отъ чистаго сердца молятъ Бога за государево многолѣтное здоровье и за счастливое воздержаніе скипетра Россійскаго государства; о томъ дворѣ челобитчиковъ и близь его русскихъ храмовъ нѣтъ, кругомъ все огороды; имъ, докторамъ, далѣе того мѣста ѣздить изъ города невозможно, для того, что всякій часъ имъ нужно быть готовымъ для обереганія царскаго здоровья.» Поэтому доктора, «всѣ трое евангельской вѣры», просили дозволить имъ вмѣстѣ съ другими прежними иноземцами продолжать сходиться на этомъ мѣстѣ по старому, какъ то велѣно было при отцѣ государевомъ, Филаретѣ Никитичѣ. Москва разросталась; указываемое докторами мѣсто казалось правительству близкимъ, и кирка была сломана, такъ что у московскихъ лютеранъ, за исключеніемъ кирки Шведской, не осталось ни одной церкви. Поправить свои обстоятельства протестантамъ удалось, вплетя свои интересы въ дѣло сва-

товства Ирины Михайловны за датскаго коровелича Вальдемара.

Ѣздившій въ Данію въ качествѣ русскаго свата, «датскаго короля прикащикъ» Петръ Марселисъ, который занялъ мѣсто Давида Рутца, воротился въ Москву какъ разъ въ это несчастное для кирокъ время (во второй половинѣ мая 1643 года). Онъ привезъ съ собой королевскую грамоту, въ которой во главѣ условій для брака стояло требованіе для Вальдемара и его людей свободы вѣры и мѣста для сооруженія въ Москвѣ имъ своей кирки. Въ первыхъ числахъ іюня грамота была переведена въ Посольскомъ приказѣ; Марселисъ также передалъ, какъ онъ увѣрялъ въ Даніи относительно свободы вѣры. Правительству не трудно было теперь догадаться, что если оно желаетъ завлечь Вальдемара въ Москву, то необходимо поддержать за границей славу о своемъ покровительствѣ лютеранскому вѣроисповѣданію; вопросъ о московскихъ киркахъ въ его глазахъ неожиданно самъ собою соединился съ вопросомъ о сватовствѣ. Едва ли обошлось здѣсь безъ косвеннаго участія Марселиса. Какъ Гамбуржцу, представителю датскаго короля и иновѣрцу, интересы иноземцевъ и лютеранства ему были ближе мѣстныхъ, и самъ онъ отличался большею захватчивостью, такъ что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (1638 года) купцы прямо указывали правительству на неправильность занятія имъ дома на Поганомъ (нынѣ Чистомъ) прудѣ, а не много послѣ (1646 г.) жаловались, какъ онъ своею монополіей на ворванье сало разоряетъ Поморье, и наше правительство (въ томъ же 1646 г.) сочло нужнымъ сдѣлать представленіе голландскому правительству на «Амбуржца Петра Марселиса и Голланд-

ца Филимона Акема, тульскихъ и важскихъ желѣзныхъ заводчиковъ, о худомъ въ ремеслѣ ихъ успѣхѣ и о сокрытіи онаго отъ Россійскихъ людей». Съ докторомъ Бѣлау, который просилъ за кирку Старой общины, онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ: приглашеніе Бѣлау на службу въ Россію состоялось при его посредствѣ. Челобитной духовенства и распоряженіемъ по ея поводу Марселисъ, къ тому же, былъ задѣтъ лично: его домъ продолжалъ стоять на Поганомъ прудѣ, [1] т. е. въ районѣ тѣхъ церквей, причты которыхъ жаловались на иноземцевъ.

Видную роль тогда игралъ другой иноземецъ, Генрихъ Келлерманъ («Андрей Келдерманъ»), тоже занимавшійся торговлей и не разъ исполнявшій различныя порученія правительства къ иностраннымъ дворамъ; его сынъ, Андрей, ѣздилъ (1640—1641 г.) въ Данію вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳоминымъ, развѣдывавшимъ о Вальдемарѣ, и захватилъ съ собою одну нѣмецкую брошюру о войнѣ Швеціи съ Австріей, которую отецъ принесъ въ Посольскій приказъ; ее перевели и прочли государю. Съ Марселисомъ Келлерманъ, конечно, былъ знакомъ хорошо и весьма возможно, что кое-что узналъ и отъ него. Келлерманъ нашелъ, что теперь весьма удобно снова поднять вопросъ о возобновленіи въ Москвѣ лютеранской кирки

---

[1] Въ церемоніалѣ встрѣчи (26 дек. 1643 г.) Марселиса въ Москвѣ, когда онъ возвращался изъ Даніи въ качествѣ датскаго посла, впереди Вальдемара, было наказано боярамъ сопровождать его чрезъ Москву «на Поганый прудъ, на ево Петровъ дворъ». М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Датскія 1642—1644 г. № $^{8}/_{6}$. Ср. выше, стр. 57, примѣчан.

и совмѣстно съ ротмистромъ Андреемъ фонъ-Менгденомъ подалъ челобитную, въ которой, извѣщая, что отыскали удобное мѣсто для кирки за Земляным городомъ, между Фроловскими и Покровскими воротами, на пахотномъ полѣ, они просили отвести имъ этотъ участокъ изъ боярской или слободской земли, «гдѣ бы имъ впредь мочно было избу съ комнатою поставить и съѣзжаться для богомолія и евангельскаго чтенія, Бога молить по ихъ вѣрѣ». О пріисканіи мѣста они ссылались на царское повелѣніе. Когда вышелъ такой указъ, неизвѣстно; въ раннихъ документахъ касательно кирокъ не упоминается о немъ. 8 іюня, въ день чтенія въ Посольскомъ приказѣ русскаго перевода грамоты, привезенной Марселисомъ, велѣно было мѣсто, означенное въ челобитной, осмотрѣть, измѣрить и узнать, кто владѣетъ имъ, и о всемъ доложить государю. То былъ огородъ Никиты Зюзина, между Фроловскими и Покровскими воротами, за валомъ, въ 20 саженяхъ отъ городскаго рва, т. е. недалеко отъ прежняго мѣста, только по другую сторону вала, но отъ православныхъ храмовъ на значительномъ разстояніи. Прежніе просители, доктора, между тѣмъ проявляли теперь особенную ревность къ службѣ. Въ іюнѣ они удачно лѣчили Михаила Ѳедоровича отъ рожи и получили за то подарки, въ первой половинѣ іюля представляли всесильному тогда ближнему боярину Ѳ. И. Шереметеву одинъ за другимъ новыя средства къ лѣченію отъ различныхъ болѣзней. И возраженій на просьбу Келлермана теперь не слышалось. 19 іюня Марселисъ тайно представлялъ государю подробности своего посольства, а 20 числа былъ докладъ о мѣстѣ для кирки; мѣсто государь велѣлъ отдать.

Доставить отвѣтъ въ Данію опять возложили на Марселиса. Государь снова позвалъ его къ себѣ (8 іюля) тайно и убѣждалъ его вѣрно послужить ему. На слѣдующій день отвѣтная царская грамота была готова. Собственно о вѣрѣ и киркѣ въ ней говорилось: «королевичу графу Вальдемару и его всему двору и слугамъ въ вѣрѣ и въ законѣ неволи никакой не будетъ, а о томъ, что бы поволено было мѣсто, гдѣ кирку поставить, договоръ будетъ съ послами королевскаго величества, которые пріѣдутъ съ его королевскимъ сыномъ къ нашему царскому величеству къ Москвѣ, гдѣ киркѣ быть. А у предковъ нашихъ, у великихъ государей царей и великихъ князей россійскихъ, и нынѣ у насъ, великаго государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземцы разныхъ вѣръ люди, которые у насъ, великаго государя, и въ подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣрахъ и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣрамъ есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и по закону». Дѣйствительно, чрезъ три дня (13 іюля) изъ Земскаго приказа вышла данная, по которой «старымъ служилымъ иноземцамъ разныхъ чиновъ, Посольскаго приказа переводчикамъ, золотаго и серебрянаго дѣлъ мастерамъ и старымъ московскимъ торговымъ Нѣмцамъ на томъ (досмотрѣнномъ) мѣстѣ для ихъ богомолья поставить избу съ комнатою и дворъ для своего пріѣзда огородить отъ Землянаго города, ото рва въ двадцати саженяхъ». Участокъ отведенъ былъ по тридцати саженъ вдоль и поперекъ.

Церковь здѣсь была выстроена просторнѣе прежней и обнесена крѣпкимъ заборомъ. Нѣкоторое время она

служила мѣстомъ богослужебныхъ собраній для обоихъ вѣроисповѣданій московскихъ протестантовъ. [1]

---

[1] Изъ сопоставленія данной (Собр. гос. гр. и дог. III, № 116) съ планомъ Москвы у Olearii (изд. 1647 г. между стр. 114—115, изд. 1696 г. стр. 72—73) видно, что она была приблизительно противъ дома нынѣшней Яузской части, почти на срединѣ линіи между Красными воротами и такъ называемымъ Земляным валомъ (въ XVII в. этимъ названіемъ обозначался также и валъ, пролегавшій по всей нынѣшней Садовой улицѣ). —Поправки неточностей означенія этого мѣста церкви Grot'омъ (и Снегиревымъ, 38), сдѣланныя Fechner'омъ (I, 239), у Соколова (14) отразились въ такой формѣ: «На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь садовая пересѣкаетъ покровку или гдѣ стоятъ красныя ворота, была построена деревянная кирка.» Не понятно, что̀ собственно хочетъ сказать авторъ: то ли, что кирка построена на мѣстѣ, гдѣ находятся Красныя ворота и Садовая пересѣкаетъ Покровку, или же то, что основали ее на одномъ какомъ-нибудь изъ этихъ пунктовъ. Но ни то, и другое не справедливо. Красныя ворота стоятъ на Садовой при окончаніи Мясницкой улицы или, точнѣе, Мясницкаго проѣзда, Садовая, доходя до Покровки, оканчивается, и начинается тамъ нынѣшній Земляной валъ, который лежитъ отъ Воротъ на разстояніи бодѣе полуверсты. Между этими пунктами (а не на нихъ), почти по срединѣ, и стояла прежде кирка. «Изъ сличенія Грота съ Олеаріемъ, продолжаетъ авторъ (15), оказывается, что старая община не вновь построила эту церковь, а перенесла ее сюда съ прежняго мѣста». На указанныхъ имъ страницахъ говорится у Грота о Лютеранской киркѣ на Поганомъ прудѣ, будто бы явившейся при Грозномъ и просуществовавшей тамъ до второй половины XVII вѣка, у Олеарія—о киркѣ Реформатской и о снесеніи Лютеранской церкви изъ Бѣлаго-города въ Большой, въ эпоху осады Смоленска; Fechner (I, 238—239) пользуется этими цитатами для иныхъ выводовъ.—Grot (I, 239—240) передаетъ, что эту кирку выстроили на подобіе православной церкви съ колокольней и крестами, и назвали Михайловскою; но чрезъ три года послѣ ея

Миссіи о сватовствѣ посчастливилось. Вальдемаръ съ громадною свитой и многочисленнымъ посольствомъ двинулся въ предѣлы Московскаго государства. Предупреждая его пріѣздъ въ Москву, Марселисъ отправился впередъ и на разспросѣ (въ концѣ декабря того же 1643 г.) въ Посольскомъ приказѣ сообщилъ о томъ, что̀ дѣлалъ онъ въ Даніи. По его словамъ, Шведы и Голландцы распускали по Датской землѣ слухи, а иные изъ Москвы писали туда въ письмахъ и печатали въ различныхъ вѣдомостяхъ, что государь велѣлъ сломать тѣ хоромы, въ которыхъ иноземцы сходились и съѣзжались для богомолья; первые всю вину разрушенія сваливали на бояръ и дѣлали это съ цѣлію устрашить короля и ко-

---

постройки случилось мимо нея проѣзжать новому царю Алексѣю Михайловичу, который принялъ ее за православный храмъ и, по благочестивому обычаю, перекрестился. Духовникъ открылъ ему ошибку, и молодой царь велѣлъ перенести ее за городъ и запретилъ ставить при киркахъ колокольни и кресты. Въ виду того, что Олеарій ничего не говоритъ объ этомъ происшествіи, Fechner (I, 268) сомнѣвается въ его достовѣрности; во всякомъ случаѣ, разсказъ этотъ характеренъ. Развивая извѣстіе Grot'a собственно о названіи кирки, Снегиревъ (39) писалъ: «Кирка названа Михайловскою (Michaelskirche), въ честь св. Михаила Архангела: можетъ быть, такимъ ея названіемъ, соименнымъ царю, хотѣли также изъявить ему свою признательность. Данная утверждена государемъ въ день его ангела св. Михаила Малеина». Разсказъ произвольный. На то, чтобы кирка имѣла тогда такое названіе, въ документахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, самъ Grot оговорился, что «такого имени она потомъ не носила»; не совсѣмъ согласны и числа: именины правились 12 іюля, данная помѣчена 13 іюля. Не говоримъ уже о томъ, что такимъ названіемъ тогда можно было только глубоко оскорбить и встревожить государя.

ролевича, такъ чтобы Вальдемаръ, услыша подобныя вѣсти, не ѣхалъ въ Москву. Узнавъ о такихъ слухахъ, король Христіанъ IV будто бы спрашивалъ Марселиса: «Для какихъ причинъ тѣ хоромы у иноземцевъ сломали? Прежде у царя Ивана Васильевича (Грознаго) въ докончальной грамотѣ съ его отцомъ, королемъ Фридрихомъ (II), было написано, чтобы Датчанамъ въ Ивангородѣ и вездѣ кирки держать и Богу служить вольно по своей вѣрѣ [1]. Шведамъ и до сихъ поръ позволено держать свою службу въ самомъ городѣ, на ихъ дворѣ, и въ докончательной грамотѣ между царскимъ величествомъ и шведскимъ королемъ то укрѣплено и утверждено [2]. Какъ смотрѣть на это, когда оно положено при началѣ такого важнаго дѣла?» Марселисъ отвѣчалъ: «Какъ онъ началъ жить въ Москвѣ лѣтъ съ тринадцать, сколько ни запомнитъ, всѣмъ иноземцамъ было вольно держать свою вѣру. Нынѣ же тѣхъ хоромъ не стало оттого, что нѣкоторые русскіе попы били челомъ великому государю, будто бы иноземцы Русскихъ людей прельщаютъ въ свою вѣру, и иныя нѣкоторыя неправыя дѣла умыслили и въ челобитную свою написали; по ихъ челобитью государь и велѣлъ сломать тѣ хоромы и вмѣсто того поставить ихъ или иные за городомъ, гдѣ имъ, иноземцамъ, съѣзжаться для моленья. Только царское величество по-

---

[1] Договоръ заключалъ въ себѣ совсѣмъ иное. См. наше изслѣдованіе: Воисповѣдн. полож. прот купц. стр. 7, 38.

[2] Мы уже видѣли, какъ была сооружена домашняя церковь на Шведскомъ дворѣ, но ни правительственнаго разрѣшенія, ни тѣмъ болѣе договора о ея построеніи въ Московскомъ и Стокгольмскомъ архивахъ нѣтъ и нѣтъ никакихъ основаній допускать, чтобъ онъ когда-нибудь былъ.

жалуетъ, велитъ сыскать въ правду, что русскіе попы били ему челомъ ложно, и они, иноземцы, надѣются, что тогда государь пожалуетъ, снова велитъ имъ для моленья по своей вѣрѣ хоромы въ городѣ поставить попрежнему».

Очень сомнительно, чтобы такъ именно говорилъ Марселисъ королю Христіану: уже слишкомъ наивнодобродушнымъ выставлялось здѣсь правительство и рѣчь похожа не столько на дипломатическій разговоръ, сколько на косвенную правительству просьбу. За какое бы дѣло Марселисъ ни брался, онъ никогда не забывалъ себя и своихъ. Очевидно, результатъ, какого добились московскіе протестанты послѣ просьбы Келлермана, онъ считалъ не достаточнымъ, и ему хотѣлось побудить правительство возвратить иноземцамъ все утраченное ими. Понимая свое выгодное положеніе какъ посла и свата онъ могъ разсчитывать своимъ отчетомъ произвести теперь на правительство, такъ-сказать, дипломатическое давленіе; лучшимъ средствомъ къ тому ему казалось то, чтобы свалить всю вину на духовенство, обѣлить своихъ и дать почувствовать правительству, какъ важно ему въ данный моментъ поддержать за собою славу о покровительствѣ иновѣрцамъ. Наши остались при своемъ, пропустивъ на этотъ разъ какъ бы мимо ушей совсѣмъ не двусмысленные намеки Марселиса.

И мы видимъ теперь за городомъ какъ лютеранскую церковь, такъ и пасторовъ. «1645 года 15 августа (т. е. въ періодъ сборовъ Вальдемара изъ Москвы), въ послѣднемъ часу дня, стрѣльцы, десятникъ Иванъ Никифоровъ съ 5 товарищами, привели въ Стрѣлецкій приказъ московскихъ Нѣмецъ нѣмецкаго попа Ивана Ива-

нова и съ нимъ привезли на извощиковой лошади, на роспускахъ, большой сундукъ, и сказали: стоятъ они нынѣ на караулѣ у Тверскихъ воротъ, и тотъ нѣмецкій попъ Иванъ везетъ за городъ тотъ сундукъ, и началъ попъ стрѣлецкому сотнику Григорью Волоцкому говорить, чтобъ стрѣльцы пропустили его съ сундукомъ за городъ, а въ томъ сундукѣ ихъ нѣмецкія книги, которыя вмѣстѣ съ сундукомъ давалъ королевичеву попу и Нѣмцамъ на подержанье, и сотникъ Григорій Волоцкой того нѣмецкаго попа съ сундукомъ и книгами прислалъ...» Документы о задержаніи пастора обрываются здѣсь, слѣдующіе ихъ листы въ дѣлахъ Посольскаго приказа о Валдемарѣ не сохранились; но и изъ этого видно, что если Иванъ Ивановъ, какъ предполагаемъ, пасторъ Второй общины, проспался къ себѣ за городъ, то еще легче догадаться о мѣстѣ жительства пасторовъ общины Старой [1].

---

[1] Матеріалы въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ, о жалобахъ купцовъ въ Англійскихъ дѣлахъ, св. 11, о Марселисѣ въ дѣлахъ Датскихъ, св. 13 и 14, и Голландскихъ, № 2, о пасторѣ Иванѣ Ивановѣ въ Датскихъ дѣлахъ, св. 24, о киркахъ въ Протестантскихъ дѣлахъ 1643 г. и Портфелѣ Миллера, № 199, а также въ Акт. Историч. III, № 92, стр. 114—115, № 225; Собр. гос. гр. и догов III, № 116, IV, № 207, у Olearii, 1647, 193—194, 1656, 316—320, 1696, 166—167, и Fechner'a, I, 223, и слѣд., о докторахъ въ Матеріалахъ къ истор. медиц. въ Рос., №№ 151, 153—155, 212, и у Рихгера въ Исторіи медицины въ Россіи, М. 1820, II, 67 и слѣд. — Объ участіи Марселиса въ судьбѣ кирки доселѣ не было извѣстно. Возстановленіе церкви приписывать прямо просьбѣ докторовъ (Снегиревъ, 38—39, Соколовъ, 14—15, А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, С. Пб. 1883, III, 282) основаній нѣтъ: просьба Бѣлау

Что не удалось лютеранамъ, то до нѣкоторой степени сдѣлали для себя реформаты. Марселисъ могъ хлопотать за лютеранъ только по большей близости къ нимъ, чѣмъ къ православнымъ, и по тому, что на разрѣшеніе построить лютеранскую кирку онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на прецедентъ для построенія кирки реформатской; самъ же онъ, хотя и находился въ близкомъ родствѣ съ московскими лютеранами [1], судя по намекамъ Кильбургера [2], держался реформатскаго вѣроисповѣданія. Если это вѣрно, то объ интересахъ послѣдняго ему естественно было хлопотать еще настойчивѣе. Вскорѣ реформаты выстроили себѣ особую церковь въ Скородомѣ («въ Земляномъ валу»). Изданное опредѣленіе относительно мѣста кирокъ, повидимому, истолковано было въ томъ смыслѣ, что оно касалось собственно города, а не «Земляного вала», въ которомъ она была теперь построена. Недовольные тѣмъ, Голландцы шли далѣе. Чрезъ

подана 4 мая, послѣ чего кирка была сломана, данная на мѣсто послѣдовала 13 іюля, по поводу челобитной Келлермана съ Мегденомъ и послѣ различныхъ намековъ и дѣйствій Марселиса.

[1] М. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Приказныя дѣла 1643 г., св. 157, № 31: «Дѣло по челобитью Дарьи Петровой жены Марселиса съ Иваномъ Дюкиромъ о томъ, что онъ матери своей, а ея бабушки, дворомъ и животами насильствомъ завладѣлъ». Иванъ Дюкеръ, какъ видно отсюда, былъ лютеранинъ: пасторъ Фалемрехтъ называется его «духовнымъ отцомъ».

[2] Ph. Kilburger's Kurtzer Unterricht von dem Russischen Handel, wie selbiger mit aus- und eingehenden Waaren 1674 durch ganz Russland getrieben worden въ Bushing's Magazin, III, 338. Однако извѣстіе Kilburger'a (стр. 226), что Марселисъ былъ «датскаго происхожденія», неточно: онъ былъ Гамбурженъ.

свое правительство они начали хлопотать о дозволеніи имъ возстановить церковь въ прежней части столицы, въ Бѣломъ городѣ. Ѣхавшій съ оффиціальными представленіями голландскій посолъ Альбертъ Бургъ померъ на дорогѣ, въ Новгородѣ, и его мѣсто заступилъ его сынъ Конрадъ. При немъ находились пасторъ, 6 человѣкъ дворянъ и 23 человѣка прислуги. Прибывъ въ Москву, онъ заявилъ (3 іюня 1648 г.) правительству: «Высокомочные господа Генеральные Штаты славныхъ вольныхъ Нидерландскихъ земель и его пресвѣтлое высочество князь Оранскій непомѣрно и весьма подивились, когда услышали, что ихъ подданнымъ, которые здѣсь живутъ, за нѣсколько лѣтъ до сего заказано явно собираться и имѣть свою Божію службу, съ того мѣста, которое они для того купили и о которомъ повольность получена отъ высокославныхъ предковъ вашего царскаго величества, церковь сломана. И мнѣ наказали поэтому весьма служительно бить челомъ вашему царскому величеству, чтобы имъ милостиво пожаловано попрежнему держать со всею повольностью свою Божію службу. Объ этой статьѣ, которая имѣетъ за собою такое прямое основаніе, ихъ высокоможество и князь Оранскій вполнѣ надѣются, что ваше царское величество, по своему природному и далеко славному милосердію и по прямой мѣрности, не откажете, но ихъ и ихъ подданныхъ пожалуете. Съ своей стороны они объявляютъ о своемъ желаніи учинить и позволить въ своихъ земляхъ вашему царскому величеству и вашимъ подданнымъ такую же дружбу, повольность, добрый уставъ и расправу, по хотѣнью и надобности вашего царскаго величества, по мѣрѣ для нихъ возможности и подобно тому, какъ воздавано и повелѣно всѣмъ

нымъ народамъ, съ которыми они находятся въ соединеніи и дружбѣ».

Ведшіе съ Бургомъ переговоры, бояре Мих. Мих. Салтыковъ и Григ. Гавр. Пушкинъ, Богд. Дубровскій, думный дьякъ Мих. Дм. Волошенниновъ и посольскій дьякъ Алмазъ Ивановъ отвѣтили (22 іюля) ему: «Въ Московскомъ государствѣ прежде сего въ городѣ кирки не бывали, и нынѣ, мимо прежняго обычая, быть непригоже, а быть киркѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ устроена [1]».

Отвѣтъ правительства Голландцы поняли въ смыслѣ оффиціальнаго утвержденія за ними права постоянно имѣть свою церковь въ Земляномъ городѣ, покрайней мѣрѣ они въ такомъ смыслѣ потомъ ссылались на него; наши придали ему значеніе временной мѣры, впредь до болѣе цѣлесообразнаго распоряженія [2]. Уложеніемъ 1649 года [3] было строго подтверждено постановленіе Михаила Ѳедоровича о сломкѣ кирокъ съ нѣмецкихъ дворовъ и о томъ, чтобы имъ въ Москвѣ не находиться ни въ Китаѣ, ни Бѣломъ и Земляномъ городахъ, кромѣ какъ за Земляным городомъ отъ церквей Божіихъ въ дальнемъ мѣстѣ. Этимъ, свойственнымъ для нихъ, «дальнимъ мѣстомъ» оказалось вновь основанное сѣверо-восточное

---

[1] Моск. Гл Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Статейный списокъ Голландскаго двора 1647 г. 7 августа—5 сентября 1648 г., № 4: «Пріѣздъ въ Россію... посла Альберта Бурха (который, не бывъ на посольствѣ, въ Новгородѣ умеръ) и сына его Конрада Бурха, которой правилъ посольство, ходатайствовалъ... не чинить обидъ голландскимъ подданнымъ, построить въ Москвѣ кирку и проч.; тутъ же и отпускъ ихъ изъ Россіи».

[2] Тамъ же, № 5, г. 1664.

[3] Полн. Собр Зак. I, Уложеніе, гл. XIX, п. 40.

московское предмѣстье, на правомъ берегу Яузы, куда, по царскому указу (1652 г.), вскорѣ переселились всѣ жившіе въ Москвѣ иноземцы.

Имѣя свои храмы и свое духовенство, мѣстами погребенія [1] московскіе протестанты пользовались общими съ другими иноземцами христіанскаго вѣроисповѣданія. Самое старое кладбище основалось раньше первой кирки. По всѣмъ вѣроятіямъ, оно лежало близь Наливокъ, на теперешней Конной площади, у Серпуховской заставы, гдѣ найдено было (1823 г.) Калайдовичемъ нѣсколько надгробныхъ камней и откуда, нужно полагать, были занесены надгробныя плиты, открытыя (1870 г.) архим. Амфилохіемъ подъ основаніями башенъ Московскаго Данилова монастыря [2]. Надписи на нихъ на нѣмецкомъ, латин-

---

[1] Наше изслѣдов.: «Протестантскія кладбища въ Москвѣ.» 1885.

[2] Такое, вполнѣ правдоподобное, объясненіе этихъ находокъ по крайней мѣрѣ даетъ Fechner, II, Beil. XXV. Самъ же Калайдовичъ открытое имъ мѣсто у Серпуховской заставы назвалъ кладбищемъ опальныхъ иностранцевъ; а архим. Амфилохій полагаетъ, что знатные иностранцы временъ Грознаго были хоронены не только близь монастыря, но и въ предѣлахъ его стѣнъ. Къ своему выводу Калайдовичъ пришелъ, признавъ, что одна изъ отысканныхъ имъ надписей: «HIR LI... GIT BEGRABEN DER ACHBAR UND ERWIRDIG HER BERNDT SHAL VON BELL DES R. D. O. (т. е. RitterDeutsch-Ordens) KUMPTOR ZU GOLDJNG JN LIFLANDT», лежала надъ гробомъ извѣстнаго лифляндскаго ландмаршала Белля, казненнаго за дерзость царемъ Иваномъ Васильевичемъ; съ ландмаршаломъ отожествлялъ этого Белля и Спегиревъ. Противъ этого Fechner вполнѣ основательно возражаетъ: упоминаемый въ надписи фонъ-Белль былъ только кумпторъ и назывался Бернтъ (или Вернеръ) Шалль, казненнаго же звали Филиппомъ и былъ онъ ли-

скомъ, итальянскомъ, англійскомъ и армянскомъ языкахъ и относятся по преимуществу ко временамъ Грознаго и Ѳедора Ивановича. Изъ нихъ узнаемъ, что здѣсь были,

---

воинскимъ ландмаршаломъ, слѣдовательно, они не тожественны; да едвали дозволялось ставить памятники надъ могилами казненныхъ. Арх. Амфилохія убѣждало въ его мысли то, что найденныя имъ плиты (числомъ 18), судя по надписямъ, лежали надъ могилами иноземцевъ, выдающихся по своему общественному положенію. Fechner не раздѣляетъ этого мнѣнія, хотя и не указываетъ прямыхъ мотивовъ, а допускаетъ «простое предположеніе», что плиты занесены съ кладбища, лежавшаго близъ Наливокъ. Намъ кажется, что надгробныя плиты еще не могутъ служить несомнѣннымъ указаніемъ на кладбище для однихъ только знатныхъ иноземцевъ: прочныя и большія плиты, съ пространными и цвѣтистыми надписями, обыкновенно кладутся надъ могилами лицъ, отличавшихся зажиточностью или выдающимся общественнымъ и служебнымъ положеніемъ, родственники или почитатели которыхъ бываютъ въ состояніи принять на себя связанные съ тѣмъ расходы; но отсюда не слѣдуетъ, что на тѣхъ же кладбищахъ, на которыхъ находятся подобные камни, не были бы хоронены и лица простыя и бѣдныя, на чьихъ могилахъ такихъ камней класть некому. Еще труднѣе согласиться, чтобы подъ этими плитами, гдѣ найдены онѣ, нѣкогда лежали тѣла иновѣрцевъ, хотя бы то и знатныхъ. Иновѣрцевъ, по крайней мѣрѣ протестантовъ, у насъ тогда не допускали и входить въ православныя церкви; Грозный не дозволилъ обвѣнчать въ церкви даже Магнуса, короля Ливоніи, на своей племянницѣ, и женихъ вѣнчалъ пасторъ на паперти (см. наше изслѣдов.: «Магнусъ Датскій и Марья Владиміровна»; Ж. М. Н. Пр. 1878, III, 67): какъ же могло бы такъ измѣниться отношеніе къ иновѣрцамъ по ихъ смерти, чтобы разрѣшать хоронить ихъ при православномъ монастырѣ? Мы уже видѣли (стр. 30 примѣч.), какъ отнесся къ данному вопросу Годуновъ по случаю похоронъ своего нареченнаго зятя, королевича Ивана Датскаго. Другой иновѣрный принцъ, умершій въ Россіи, католикъ Густавъ Шведскій, былъ похороненъ

въ числѣ другихъ, похоронены: голдингенскій кумпторъ Бернъ Шаль фонъ-Белль, дерптскій ратманъ Тидеманъ Шрове († 31 марта 1569 г.), московскій нѣмецкій проповѣдникъ Илія († 30 апр. 1570 г.), не упоминаемый у Рихтера царскій врачъ и аптекарь Николай Броунъ († 29 іюля 1578 г). По указаніи на имя почившаго, надписи обыкновенно заканчиваются различными изрѣченіями—въ родѣ: «Боже, буди милостивъ и милосердъ къ нему», «Да станетъ наконецъ со Христомъ опять

не въ монастырѣ Дмитрія Солунскаго, какъ сказано у Буссова, но, какъ извѣщаетъ опровергающій его извѣстіе и видѣвшій могилу Петрей (Petrejus, 1620, 276, рус. перев. 180—181), близъ Кашина, за городомъ въ березовой рощѣ, «потому что, прибавляетъ послѣдній, Русскіе, по своему обычаю, никакъ не дозволятъ хоронить иновѣрцевъ, высокаго или низкаго званія, въ ихъ священномъ мѣстѣ, въ церкви или въ монастырѣ». Вообще, допустить похороны и кладбище иновѣрцевъ при православномъ храмѣ было не въ духѣ тогдашняго времени, и потому надгробные камни, отысканные подъ башнями Даніилова монастыря, могли быть принесены сюда при его перестройкѣ, какъ удобный строительный матеріалъ, съ какого-нибудь ближайшаго иноземнаго кладбища; ближайшее къ монастырю было кладбище у Наливокъ, вѣроятнѣе всего, оттуда и добыты они; какъ оттуда же, конечно, взялся камень 1595 года, найденный (1876 г.) при перестройкѣ храма Казанской Божіей Матери на Якиманкѣ, стоящаго въ той же мѣстности (Мартынова, Надгробная нѣмецкая плита подъ русскою церковью, Моск. Вѣдом. 1876 г. 19 мая, № 124): эта церковь въ сосѣдствѣ съ церковью Спасъ Преображенія, что въ Наливкахъ разстояніе между ними около трети версты. Брать же камни какъ съ своихъ, такъ и съ иновѣрныхъ кладбищъ не было рѣдкостью: такіе камни мы видѣли еще подъ церковью св. Харитонія, что въ Огородникахъ, куда плиты съ иностранными надписями могли попасть съ кладбища Ново-Иноземской Слободы.

имѣющій ожить здѣсь»; въ надгробной надписи лейбъ-медика Броуна очень цвѣтисто означено его занятіе: «Для чего умираетъ человѣкъ, когда цѣлебное средство растетъ въ саду? Противъ силы смерти нѣтъ лѣкарства въ садахъ». [1] Особеннаго вниманія заслуживаетъ надпись надъ гробомъ пастора [2]. Въ срединѣ первыхъ трехъ строкъ находилось какое то украшеніе, уже вытершееся и теперь неясное, въ срединѣ послѣднихъ трехъ строкъ изображена чаша; самая надпись означаетъ: «Здѣсь лежитъ въ Бозѣ почившій, почтенный и славный господинъ Илья, бывшій нѣмецкій въ Москвѣ проповѣдникъ святой несомнѣнной истины и святаго божественнаго слова, дожидаясь трубъ Архангела въ тотъ день, когда будутъ пробуждены живые и мертвые. Богъ да хранитъ его любезную душу подъ своимъ милостивымъ покровомъ. Аминь. Годъ 1570, 30 апр(ѣля)» [3]. Это

---

[1] Письмо Калайдовича гр. Румянцеву, отъ 20 іюня 1823 г., въ Чт. Им. М. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ, 1862, III, 175—176; Надгробные памятники иновѣрцевъ, найденные архимандритомъ Амфилохіемъ въ 1870 году въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ. М. 1871, 2—5. Камень надъ фонъ Беллемъ, найденный Калайдовичемъ, хранится въ Моск. Оружейной палатѣ.

[2] Найдена и издана, съ переводомъ нѣкоторыхъ словъ, тѣмъ же арх. Амфилохіемъ (2) и болѣе точно снова перепечатана у Fechner'a, II, Beil. XXV; въ настоящее время, съ соизволенія покойнаго Моск. митрополита Иннокентія, находится (съ 12 іюня 1876 г) при Моск. Михайловской лютеранской киркѣ.

[3] Имя этого пастора нашими археологами-историками читалось неправильно. Въ подлинникѣ:

. . . HER ELIAS
GEWESNER DUDESC =
HEN PREDICANTE IN
DER MUSC W (Fechner, II, 676).

кладбище всего ближе было сначала къ жителямъ Наливокъ, потомъ къ тѣмъ Шотландцамъ, которыхъ Грозный, по свидѣтельству Горсея, поселилъ на Балвановкѣ; но сосѣдству съ ними могли жить и иные иноземцы, хотя Горсей и не упоминаетъ о нихъ. Удаленіе иноземцевъ отъ первоначальнаго мѣстожительства могло побудить ихъ оставить это кладбище. Относящіеся къ нему памятники не заходятъ позднѣе первыхъ годовъ XVII столѣтія.

Какъ уже извѣстно, при Грозномъ явилось еще иноземское селеніе, недалеко отъ устья Яузы, погибшее въ Смутную эпоху. Отъ кладбища оно лежало по другую сторону Москвы-рѣки. Доставленіе туда покойниковъ было сопряжено съ трудностями, которыя должны были увеличиться съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича, когда протестанты разселялись по различнымъ частямъ города. Сосредоточенныя преимущественно, такъ сказать, въ Покровскомъ районѣ Земляного и Бѣлаго города, иноземцы погребались теперь ближе къ этому мѣсту, за Болвановкой и Яузскими воротами, близъ нынѣшней Таганки: покойниковъ своихъ они должны были перепосить сюда всего лишь чрезъ одну небольшую Яузу. Самыя

Издатели и изслѣдователи прочли и объяснили это такъ: двое (Арх. Амфилохій, 2; В. П. Поновленіе соборнаго храма въ Даниловомъ монастырѣ, Моск. Вѣд. 1884, № 323, стр. 3)—«господинъ Гевеснеръ Дуде», третій (Соколовъ, примѣчаній 11 стран.):—«Elias Ivesner Dudesc»; между тѣмъ какъ слѣдуетъ читать: «ELIAS GEWESNER DUDESCHEN PREDICANTE», Илья, бывшій нѣмецкій проповѣдникъ въ Москвѣ (Письмо пастора Фехнера, Моск Вѣдом. 1884, № 332), т. е. они приняли за фамилію то, что къ ней не относится.

древнія упоминанія объ этомъ кладбищѣ находятся въ чертежѣ Москвы 1627 года [1] и въ планѣ Москвы [2] Олеарія; но основаніе его, конечно, совершилось ранѣе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если допустить, что на немъ могли хорониться даже жители образовавшагося во времена Грознаго при-яузскаго иноземскаго селенія. Вообще, исторія этихъ двухъ старѣйшихъ кладбищъ, по отрывочности данныхъ, которыми располагаетъ современная наука, довольно еще гадательна. Пока несомнѣнно одно: ихъ мѣстонахожденіе, а также намѣчены нѣкоторые пункты изъ времени ихъ существованія, почему совершенно излишне теперь предположеніе [3], что иноземцевъ хоронили будто бы тогда у насъ въ подмосковныхъ «скудельницахъ» [4] и при православныхъ церквахъ.

Едва первая въ Москвѣ лютеранская община выстроила себѣ церковь, какъ то же сдѣлала лютеранская община въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Ливонская война Грознаго

---

[1] Снегирева, Памятн. москов. древностей, М. 1842—1845: Царствующій градъ Москва, м. стр. XXIV—XXV, Древніе чертежи Москвы, стр. 99, 105.

[2] Въ изданіи 1647 г. онъ вложенъ между 114—115 страницами, въ послѣдующихъ изданіяхъ перепечатанъ по тому же самому клише, безъ перемѣны. Кладбище означено на немъ за городомъ, по лѣвую сторону Яузы; по другую сторону рѣки, также за городомъ и также на значительномъ отъ нея разстояніи, очевидно, на огородѣ Зюзина, нарисованъ видъ «Нѣмецкой кирки». См. выше стр. 68—69.

[3] Карамзинъ, VII, 132.

[4] О нихъ въ статьѣ Снегирева О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи, Труды и Зап. Общ. Ист. и Др. Рос. 1827, ч. III, кн. II, стр. 235—261.

забросила значительныя партіи плѣнныхъ. Первымъ проповѣдникомъ при ней считаютъ Матвѣя Грабау, хотя, быть-можетъ, и несправедливо [1]. Какого-то пастора съ этимъ именемъ имѣла въ виду царская грамота 5 іюля 1620 года настоятелю Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ братіею. «Въ прошломъ 1619 году, по нашему указу, посланы съ Москвы къ вамъ въ монастырь два Нѣмчина, Анцъ Локманъ и Матюшка, что былъ Нѣмецкій попъ, дабы держать ихъ тамъ до нашего указа: и по нашему указу отправлена грамота на Бѣлоозеро воеводѣ Прохору Кафтыреву, по которой онъ, выбравъ двоихъ бѣлозерскихъ разсыльщиковъ, долженъ послать ихъ къ вамъ, чтобы взять у васъ, въ Кириллово, тѣхъ Нѣмцевъ, Анца Локмана и Матюшку, что былъ нѣмецкій попъ, и везти ихъ въ Тобольскъ на житье; и вы бы, когда разсыльщики придутъ, Нѣмцевъ

---

[1] Revidirtes instrumentum pacis ecclesiasticum. Reval, 1717, Vorrede, 9—10, гдѣ, послѣ сообщенія о распространеніи Аугсбургскаго вѣроисповѣданія по Россіи московскимъ пасторомъ Скультетомъ, говорится: «auch folglich diese heilige Lehre des Evangelii von anno 1594. zu Nise-Novogorod, vermittelst Bedienung des daselbigen ersten Evangel: Pastoris von der Insul Ösel, Herrn Matthias Grabau, mit mercklichem Nachdruck fortgepflantzet worden». На этомъ основаніи Büching (I, 5) и съ его словъ Murat (6), Iungblut (4), и Соколовъ (9), касавшіеся вопроса о Нижегородской киркѣ, начало ея относили къ 1594 году, и если называли перваго пастора, то именно Матвѣя Грабау; у послѣдняго изъ этихъ изслѣдователей свѣдѣнія о Нижегородской общинѣ выражены въ такой формѣ: «Въ его (Ѳедора Ивановича) царствованіе евангелическое общество въ Нижнемъ-Новгородѣ, состоявшее уже изъ ста семействъ, построило въ 1594 году открытую церковь и обзавелось школою». На сколько заслуживаетъ все это вѣры, будетъ указано ниже.

имъ передали и въ Панскій приказъ о томъ отписали». Вины ихъ неизвѣстны, какъ не знаемъ и другаго, кромѣ Грабау, пастора съ тѣмъ же именемъ. Ѳома Христіани, слѣдующій извѣстный по имени пасторъ, ординировалъ въ московскіе пасторы Оксе. Третій пасторъ, Иванъ Риттеръ, былъ взятъ общиной изъ учителей Московской школы. Своихъ отношеній къ Московской церкви онъ не прерывалъ: при отстройкѣ ея Оксомъ онъ былъ въ числѣ жертвователей (далъ одинъ рубль) и затѣмъ былъ (1626 г.) воспріемникомъ у одного изъ крестившихся въ ней. Проповѣдникъ Христофоръ Шеліусъ, изъ Ростока, занесъ (26 іюля 1636 г.) свое имя въ Альбомъ Олеарія [1].

Нижегородскую протестантскую общину голштинскій путешественникъ полагалъ самою дальней. «Здѣсь, пишетъ онъ, нашли мы послѣднихъ лютеранъ, живущихъ на Востокѣ, которые отправляютъ богослуженіе въ общественной киркѣ; община ихъ во сто человѣкъ, самымъ именитымъ былъ купецъ Гансъ Бернардъ, нашъ повѣренный. Среди нихъ много было военныхъ офицеровъ, Шотландцевъ, содержавшихъ себя частію тѣмъ, что состояли на великокняжеской службѣ, частію тѣмъ, что получали деньги въ ожиданіи назначенія, или куреніемъ и разливомъ пива и вина, что имъ дозволялось по особенной милости».

Олеарій былъ здѣсь съ 19 по 30 іюля 1636 года между этими числами онъ и записалъ свои данныя. На возвратномъ пути изъ Персіи, въ 1638 году, онъ опять остановился здѣсь на нѣсколько дней, и дополнилъ

---

[1] Акт. Арх. Экспед. III, № 113; Памятники, I, 176, 184; Fechner, I, 197; Das Inland, 1851, 770.

прежнія свѣдѣнія. «21 декабря мы прибыли въ Нижній. Посланники расположились въ домѣ нашего повѣреннаго Ганса Бернарда [1], а люди вокругъ, по сосѣдству. Какъ уже говорено, мы нашли здѣсь послѣднюю, существующую въ Восточныхъ странахъ, лютеранскую кирку, которой, по словамъ мѣстныхъ лютеранъ, было тогда уже 58 лѣтъ. Пасторъ ихъ маг. Христоферъ Шеліусъ изъ Ростока, очень образованный молодой мужъ, который служилъ у нихъ четыре года, за полгода предъ тѣмъ померъ. Когда нашъ пасторъ, въ послѣднее воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова, проповѣдывалъ въ ихъ церкви, просили они, нельзя ли намъ остаться у нихъ еще хоть дня на два и провести вмѣстѣ съ ними праздникъ: тогда, за непмѣніемъ своего пастора, они причастились бы у нашего; но, за поспѣшностью посланника Брюгемана, ихъ просьба осталась неисполненною». Изъ Нижняго посольство двинулось къ Москвѣ 23 декабря, послѣ обѣда, и праздникъ Рождества встрѣтило за пятьдесятъ верстъ отъ города, въ деревнѣ Юринѣ, гдѣ очень рано, въ два часа утра, выслушало проповѣдь, и въ тотъ же день проѣхало далѣе еще верстъ 50. Проповѣдь въ Новый годъ ему сказана была за 12 верстъ отъ Москвы, въ селѣ Пехрѣ, и 2 генваря оно было съ почетомъ встрѣчено въ столицѣ [2].

---

[1] Въ русскомъ переводѣ П. Барсова: «Посланники остановились въ домѣ нашего повѣреннаго (фактора) Бернарда Гауса (Hauss)» (стр. 1020); въ подлинникѣ: «Die Gesandten legten sich in unsers Factors Hans Bernhards Hauss».

[2] Olearius, 1647, 206, 533-534; 1696, 176, 397. — Извѣстіе Олеарія, что въ 1638 году было киркѣ 58 лѣтъ, полученное на мѣстѣ, имѣетъ преимущество предъ сообщеніемъ автора Rev. instr.,

За Нижнимъ-Новгородомъ, по Волгѣ, Олеарій [1] видѣлъ всего одного Нѣмца, престарѣлаго монаха, именно въ Астрахани. О немъ онъ сообщаетъ весьма любопытныя подробности.

«Какъ-то персидскіе купцы завезли въ Астрахань въ первый разъ виноградныя лозы, которыя одинъ монахъ посадилъ у себя въ монастырѣ, лежащемъ у огорода. Увидали, что лозы принялись и растутъ хорошо, и въ 1613 году, по повелѣнію великаго князя, тѣмъ же монахомъ разведенъ былъ настоящій садъ, который до сихъ поръ годъ отъ году все увеличивается и приноситъ превосходныя, большія сладкія грозды, которыя, вмѣстѣ

основанномъ на давнихъ и неопредѣленныхъ преданіяхъ. Для построенія кирки время Грознаго было болѣе благопріятнымъ въ сравненіи съ царствованіемъ Ѳедора Ивановича, при которомъ значительная доля военноплѣнныхъ была отпущена на родину и иновѣрцами у насъ интересовались меньше. Потому основаніе кирки съ бо́льшею вѣроятностью можно отнести къ году 1580, а не къ 1594-му. Если же основаніе кирки случилось въ 1580 году и если предположить, что Матвѣй Грабау и упоминаемый въ царской грамотѣ 1620 года «Матюшка, что̀ былъ нѣмецкій попъ»— одно и тоже лицо; то первымъ пасторомъ Нижегородской общины считать Грабау едва ли возможно. Затѣмъ, сообщеніе Соколова, что община въ 1594 году состояла уже изъ ста семействъ и имѣла свою школу, падаетъ само собою послѣ приведенія подлиннаго свидѣтельства Олеарія: изъ ста семействъ она состояла въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія, при посѣщеніи ея Олеаріемъ; а какъ велика была ея численность за 40 до того лѣтъ и была ли вообще тамъ школа, о томъ извѣстій не существуетъ.

[1] Olearius, 1647, 241; 1656, 373—374; 1696, 195, рус. перев. 455—454. Въ первыхъ изданіяхъ монаху означено 105 лѣтъ, въ послѣднемъ—106.

съ другими фруктами того же сада, посылаются частію великому князю въ Москву, частію даются воеводамъ и другимъ знатнымъ господамъ. Теперь развели виноградники также и нѣкоторые астраханскіе граждане, и нашъ хозяинъ сказывалъ намъ, что его виноградный садъ доставилъ ему въ этомъ году [1] до 100 талеровъ. Въ нынѣшнемъ же году [2] меня увѣдомляли за вѣрное, будто теперь въ Астрахани изготовляется уже столько вина, что ежегодно оттуда вывозится его въ Москву до 50 и 60 пипъ или большихъ бочекъ, и имѣется виноградный садовникъ, по имени Яковъ Ботманъ, который обучался здѣсь, въ Готторфѣ, у садовника его княжеской свѣтлости, завѣдывающаго и увеселительнымъ садомъ.

«Только что помянутый монахъ былъ тогда 105-ти лѣтъ, родомъ Австріецъ, привезенъ въ Россію плѣннымъ мальчикомъ, перекрещенъ въ Русскую вѣру и посланъ сюда въ монастырь; тогда онъ управлялъ цѣлымъ монастыремъ, могъ еще сказать нѣсколько нѣмецкихъ словъ, тѣмъ изъ насъ, которые его посѣщали, дѣлалъ много хорошаго, навѣщалъ также пословъ и дарилъ имъ плоды, выращенные его собственною рукою, и былъ еще веселаго нрава. Выпивъ двѣ чарки водки, началъ выказывать свою бодрость и плясать безъ палки, но ноги дрожали. Онъ говорилъ, что страна эта здорова, и стариковъ въ ней много.»

---

[1] Т.-е. въ томъ, въ которомъ былъ тамъ Олеарій и подъ которымъ онъ разсказываетъ это: въ 1636 году.

[2] Т. е. въ 1654, во время изготовленія къ печати изданія 1656 года (см. выше, стр. 47 и 52), гдѣ въ первый разъ встрѣчается эта прибавка; въ изданіи 1647 года ея нѣтъ.

Астрахань служила тогда у насъ весьма важнымъ поставщикомъ виноградиаго вина, откуда въ 1656—1657 годахъ было прислано его въ Москву изъ царскихъ садовъ 1379 ведръ. Обучалъ винодѣлію приставленныхъ къ нему русскихъ людей нѣкто «иноземецъ Посказаюсъ Подовинъ», судя по переводчику, чрезъ котораго велось обученіе, «Французскія земли Нѣмчину Петру Лякурту», Французъ [1].

По обычаю совершать богослуженіе на мѣстахъ остановокъ посольства, пасторъ, сопровождавшій посольство, совершалъ его и въ бытность въ Астрахани. Надобно замѣтить, что между Олеаріемъ и главою посольства Бругеманомъ возгорѣлся въ Персіи непримиримый разладъ, грозившій тому, кого въ Голштиніи признаютъ виновнымъ, весьма серьезными послѣдствіями. Неудивительно, что авторъ въ повѣствованіи о дальнѣйшихъ событіяхъ, бывшихъ на возвратномъ пути изъ Персіи, постоянно старается накинуть тѣнь на поступки Бругемана. Въ разсказѣ о вторичномъ пребываніи еще въ первомъ русскомъ городѣ, Астрахани, въ числѣ случаевъ дерзкаго и противозаконнаго обращенія Бругемана съ членами посольства, между 1 и 25 іюля 1638 года, сообщается: «за столомъ онъ однажды насильно бросился на секретаря, замахнулся на него ножомъ и въ поносительныхъ выраженіяхъ приказалъ ему встать; но въ послѣдствіи, при голштинскомъ дворѣ, предъ судомъ онъ долженъ былъ публично взять назадъ эти оскорбительныя слова. Не лучше онъ поступилъ съ нашимъ проповѣдникомъ (нынѣ пасторъ въ Стейнбекѣ, близь Гам-

[1] Акт. Истор. IV, № 138.

бурга). За строгія проповѣди объ исправленіи, въ которыхъ этотъ, по своей должности, обычныя у насъ пороки порицалъ, какъ казалось Брюгеману, слишкомъ рѣзко, онъ велѣлъ сорвать съ него красное платье, которое тотъ долженъ носить; такимъ образомъ пасторъ на возвратномъ пути, въ Шемахѣ, долженъ былъ говорить проповѣдь и совершать святыя таины въ нижней или почной одеждѣ, и притомъ въ присутствіи русскаго посла Алексѣя, которому, впрочемъ, наше богослуженіе нравилось, но о семъ случаѣ онъ выразился съ порицаніемъ и желалъ бы даже, какъ и мы, купить пастору одежду на наши деньги, еслибы нельзя было опасаться ненависти Брюгемана».

Брюгемана герцогъ присудилъ къ смертной казни; Олеарій своимъ сочиненіемъ успѣлъ обѣлить себя и своихъ единомышленниковъ; страсти поулеглись, и во второмъ изданіи этого сочиненія авторъ говоритъ о послашникѣ много сдержаннѣе. О противозаконныхъ его поступкахъ въ Астрахани съ членами посольства онъ умалчиваетъ, сообщая только одинъ, съ пасторомъ, но и то уже въ значительно смягченной формѣ. Упомянувъ о добрыхъ отношеніяхъ Брюгемана къ астраханскому воеводѣ, Олеарій продолжаетъ: «объ одномъ лишь не могу умолчать, потому что это извѣстно всѣмъ нашимъ спутникамъ посольства, изъ которыхъ многіе еще живы, именно о томъ, что посолъ Бругеманъ велѣлъ у нашего проповѣдника г. Соломона Петри сорвать одежду, которая у него должна быть красная, за то, что онъ, по обязанностямъ служенія своего, выражался довольно строго въ своихъ проповѣдяхъ объ исправленіи, въ которыхъ Бругеманъ видѣлъ намеки на себя; такъ что наконецъ на обратномъ пути, въ Шемахѣ, какъ и здѣсь (въ Астрахани), нашъ

проповѣдникъ долженъ былъ сказывать проповѣдь и совершать святое причащеніе въ однихъ исподняхъ, и это въ присутствіи русскаго посланника Алексѣя, которому было очень понравилось наше богослуженіе, но онъ порицалъ это безобразіе и хотѣлъ даже самъ, наравнѣ съ нами, одѣть пастора на наши деньги, еслибы не слѣдовало бояться неодобренія посланника».

Подвергни Олеарій новой передѣлкѣ свое сочиненіе, быть можетъ, онъ еще бы смягчилъ поступокъ Бругемана; но всего важнѣе для насъ то, что отсюда мы узнаемъ о мимолетномъ, случайномъ служеніи въ Астрахани посольскаго пастора. Петри нигдѣ не отставалъ отъ своего посольства, сопровождалъ его всюду и вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ свое отечество. Упоминаніе о новомъ, также временномъ посѣщеніи Астрахани пасторомъ, на этотъ разъ изъ Москвы, относится уже къ началу XVIII вѣка[1], хотя нѣтъ ничего не вѣроятнаго, что

---

[1] Olearius, 1647, 527; 1656, 748—749; 1696, 393, рус. пер. 1010. М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1702 года: «Пріѣздъ Іоанна Вернера Боуса для ученія дѣтей наукамъ и языкамъ».—Кромѣ извѣстій Олеарія, за весь до-Петровскій періодъ нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ о богослуженіи и пасторѣ въ Астрахани. Въ извлеченіяхъ пастора Neubauer'a воспользовался этими извѣстіями Büsching (II, 131 и слѣд), а со словъ послѣдняго составилъ историческій очеркъ общины Соколовъ (34—35), но очеркъ произвольный до размѣровъ самыхъ невѣроятныхъ. «Начало этой общины, говоритъ нашъ авторъ, довольно темно въ исторіи и нѣсколько романтично. По разсказамъ Бушинга, неизвѣстный по имени, австрійскій нѣмецъ, во время войнъ Россіи съ Шведами, еще отрокомъ захваченъ былъ въ плѣнъ, обращенъ въ православіе, постриженъ въ монашество и заброшенъ судьбою въ какой-то монастырь въ Астрахани. Аскетъ затворникъ (?), какимъ

московскіе пасторы, объѣзжая служилыхъ иноземцевъ, жившихъ внѣ Москвы, могли посѣщать иногда и живших въ Астрахани. Постояннаго же пастора и церкви здѣсь въ разсматриваемый періодъ не было, такъ какъ число протестантовъ не могло быть здѣсь значительнымъ.

онъ жилъ нѣкоторое время въ монастырѣ, сдѣлался мастеромъ виноградпаго питейнаго дѣла: отправляется (?) въ Персію, вывозитъ (?) оттуда нѣсколько сортовъ виноградныхъ лозъ, садитъ виноградникъ близъ монастыря, выдѣлываетъ вино, получающее извѣстность въ столицѣ, при дворѣ, и самый виноградникъ его поступаетъ (1613 г.) въ вѣдѣніе великаго князя. Съ тѣхъ поръ винодѣліе быстро пошло въ Астрахани, и многіе предпріимчивые его соотечественники (?), по вызову частныхъ лицъ (?) и самаго правительства, одинъ за другимъ (?) стали переселяться въ Астрахань. Напр. въ 1640 (?) г., когда самъ монахъ—виноградарь очень состарѣлся, ему было тогда 107 (?) лѣтъ, Астраханцы, по его совѣту (?), вызвали себѣ искуснѣйшаго садовника Якова Ботмана, урожденца изъ герцогства Шлезвигскаго. Это былъ второй нѣмецъ, осѣдлившійся въ Астрахани». Затѣмъ, подъ 1659 г. указавъ на «Нѣмчину Франціожскія земли Посказанса (?) Подовина» и толмача Ликурта съ ихъ русскими учениками и подъ 1702 г. упомянувъ о прибытіи сюда морскихъ офицеровъ, шкиперовъ, караблестроителей и торговцевъ, продолжаетъ: «Еще до переселенія (?) этой пестрой толпы (?), изъ садовниковъ (?) и ихъ многочисленныхъ (?) прислужниковъ, образовалась протестантская община (?) и подъ роскошными вѣтвями винограда устроенъ былъ молитвенный домъ (?). Въ первой четверти 17 столѣтія (!) юное лютеранское общество (?) хотѣло уже построить церковь (!), но нигдѣ не могли найти для ней пастора или проповѣдника. И потому должны были довольствоваться частнымъ молитвеннымъ домомъ (?), своею скромною кущею, стоявшею подъ сѣнію виноградниковъ (?), гдѣ по воскресеньямъ собирались (?) всѣмъ обществомъ и, какъ умѣли, отправляли богослуженіе (?). Давно желанный (?) проповѣдникъ, Соломонъ Перрей (?) прибылъ (?), но не на радость обществу (?). Нерадивый и корыстолюбивый (?),

Чаще, чѣмъ въ Астрахани, слышалось протестантское богослуженіе на противоположной окраинѣ государства, въ Новыхъ Холмогорахъ или Архангельскѣ. Хотя, въ силу частой перемѣны въ численности и составѣ иноземнаго элемента, почти исключительно торговаго, не завелось еще и здѣсь постояннаго духовенства; но оно бывало здѣсь довольно часто, или сопровождая западныя посольства или при проѣздѣ въ Москву по нарочному туда приглашенію. Мы уже знаемъ, какъ прозимовалъ (1620 г.) въ этой мѣстности англійскій пасторъ

онъ дозволялъ себѣ большія злоупотребленія, пропавалъ, съ аукціону, разрѣшительныя отъ грѣховъ молитвы (?), говорилъ непозволительныя рѣчи, проповѣди. Голштинскій посланникъ, съ которымъ онъ прибылъ сюда въ 1636 г., собственною властію хотѣлъ отрѣшить (?) его отъ должности, сорвавъ съ него священныя одежды. Упорный проповѣдникъ не хотѣлъ уступить (?); онъ продолжалъ (?) исправлять должность и, за неимѣніемъ у себя священныхъ облаченій, отправлялъ всѣ требы, не исключая исповѣди и миссы, въ обыкновенныхъ и даже (будто бы) спальныхъ одеждахъ. Русскій воевода (?), при всемъ своемъ уваженіи (? такъ въ подлинникѣ) къ протестантскому богослуженію, возмущенъ былъ подобнымъ безобразіемъ и подвергъ виновника (!) строжайшему наказанію (!!). Въ 1638 г., по удаленіи (?) голштинскаго посольства изъ Астрахани, выбылъ и Соломонъ Перреи». Послѣ того, какъ нами приведены подлинныя слова Олеарія и, между прочимъ, его свидѣтельство, что послѣднюю лютеранскую общину и церковь онъ видѣлъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и послѣ того, какъ самъ Соколовъ утверждалъ, что до 1640 года жилъ въ Астрахани всего одинъ Нѣмецъ, да и то православный монахъ, вся несообразность даннаго разсказа изъ жизни Астраханской «протестантской общины», еще «въ первой четверти 17 столѣтія» имѣвшей будто бы свой лютеранскій молитвенный домъ и желавшей построить свою церковь, думаемъ мы, слишкомъ очевидна, чтобы требовались еще новыя разъясненія.

Ричардъ Джемсъ; призванный изъ Голландіи въ Москву, Кравинпель, по просьбѣ архангельской общины, задержался (1619 г.) у нея около полугода. Есть извѣстіе, [1] что въ отдаленномъ Устюгѣ еще въ 1618 году у Англичанъ и Голландцевъ были свои пасторы около Ивановскаго монастыря, въ Лугу, вслѣдствіе чего то мѣсто называлось потомъ Нѣмчиновымъ ручьемъ.

Вѣротерпимость особенно имѣла случай проявляться, когда опредѣлялись права протестантовъ завоевываемыхъ нами сѣверозападныхъ областей. Сдавшимся жителямъ Дерпта было объявлено (въ іюлѣ 1558 г.): «граждане дерптскіе остаются при своей религіи Аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются какъ были, равно какъ и школы ихъ»; въ условіяхъ (1570 г.) съ Магнусомъ сохраненіе Аугсбургскаго вѣроисповѣданія обѣщано для всей Ливоніи [2]. Подобные факты тѣмъ важнѣе, что Западъ переживалъ тогда самыя ожесточенныя религіозныя войны, съ ихъ спутниками: огульнымъ сожженіемъ протестантскихъ книгъ и храмовъ, Варѳоломѣевской ночью и ауто-да-фе.

Тамъ, гдѣ было достаточное количество протестантовъ, чтобы образовать отдѣльную общину, и гдѣ жили они постоянно, у насъ вообще не стѣсняли ихъ въ отправленіи общественнаго богослуженія, дозволяя имъ

---

[1] Изъ Лѣтописи гор. Устюга Великаго. Сѣверн. Архивъ, 1822, II, 408—409.

[2] Соловьевъ, VI, 136, 242; также въ нашей статьѣ, въ Ж. М. Н. Пр. 1878, III.

имѣть церкви и духовенство. Нельзя было добиться разрѣшенія построить себѣ кирку только тѣмъ протестантамъ, которые проживали въ Россіи въ-разброску, небольшими группами, или временно, каковы иноземные купцы и тому подобные люди, хотя и таковые не были стѣснены въ личномъ вѣроисповѣданіи, домашнемъ богослуженіи и пользованіи кирками, уже существовавшими.

Въ этомъ отношеніи Московское правительство нашло себя вынужденнымъ поступить совершенно обратно практикѣ Новгорода. Между тѣмъ какъ въ Новгородѣ, въ пору его политической самостоятельности и обширности внѣшней торговли, католическій храмъ на Нѣмецкомъ дворѣ былъ дозволенъ для временно, обыкновенно не болѣе по полугоду, проживавшихъ тамъ ганзейскихъ купцовъ, Москва, все тянувшая на службу государству и старавшаяся замѣнить католиковъ протестантами, въ свободѣ богослуженія отдала предпочтеніе протестантамъ служилымъ и прикрѣпившимся къ Русской землѣ. Какіе пріемы ни употребляли западныя правительства, чтобы добиться разрѣшенія для наѣзжавшихъ къ намъ на время купцовъ строить свои кирки, постоянно получался отвѣтъ: купцы вольны отправлять службу своей вѣры у себя на дому, но особыхъ церквей строить не могутъ. Такой отвѣтъ слышали Англія, Ганзейскій союзъ, Голландскіе Штаты, Швеція, Данія и Голштинія [1]. Настроенныя купцами, разбредшимися по различнымъ пунктамъ государства, такія кирки легко могли послужить не столько къ удовлетворенію дѣйствительныхъ религіозныхъ нуждъ про-

[1] Вѣроисповѣди положен. протест. купцовъ въ Россіи.

тестантовъ, которые тамъ были не многочисленны и некрѣпки, сколько превратиться въ оплотъ и орудіе пропаганды, что̀ было бы ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ непоколебимости правъ господствующей Православной церкви. Допускаемое на практикѣ, въ жизни, протестантство въ смыслѣ юридическомъ было только терпимо. Отсюда—не только отклоненіе устанавливать договоры съ западными государствами относительно свободы купцамъ строить церки, но и полная осторожность въ формѣ дарованія религіозной свободы служилымъ и осѣвшимъ въ Россіи протестантамъ. Строители кирокъ ни разу не получали заявленія правительства, что протестанты имѣли право на построеніе церквей, напротивъ, каждое правительственное разрѣшеніе на постройку кирки принимало видъ особой, временной и частной милости, отнюдь не обязательной для правительства ни въ иныхъ мѣстахъ, ни въ другое время, ни для иныхъ лицъ.

Это однако не мѣшало правительству, въ случаяхъ, отъ которыхъ не опасалось пропаганды, свою вѣротерпимость къ служилымъ иноземцамъ простирать до того, что оно нанимало имъ или жаловало ихъ пасторовъ. Въ тѣ же самые годы, когда не дозволялось нанимать въ солдаты католиковъ и строго запрещалось привозить католическое духовенство, при наемныхъ иноземныхъ полкахъ, приведенныхъ (1632 г.) подъ Смоленскъ, находилось два «попа», получавшіе отъ правительства по 30 цесарскихъ ефимковъ въ мѣсяцъ [1]. Еще характернѣе дѣло (1642 г.) о пасторѣ Шадѣ.

---

[1] Собр. госуд. гр. и дог. III, № 85; Соловьевъ, изд. 2, IX, 390; Вѣроисповѣдн. полож. прот. купц., 34—35.

«Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу, всея Русіи, бьетъ челомъ нѣмецкій попъ Матюшка Шадъ, писалъ онъ въ своей челобитной.[1] Въ прошломъ, государь, 1641 (ѕ҃мѳ) году пріѣхалъ я изъ Нѣмецкой земли съ дохтуромъ Гарттаномъ и былъ посланъ, по твоему указу, въ Пермь Великую съ мастеромъ Аристомъ Пятцортомъ, а въ нынѣшнемъ, 1642 («ѕ҃рй») году, по твоему же государеву указу, пріѣхалъ къ Москвѣ. Милосердый государь и вел. кн. Михаилъ Ѳедоровичъ, пожалуй меня, иноземца, вели отпустить меня въ Нѣмецкую землю, дать мнѣ на дорогу свое государево жалованье, какъ тебѣ Богъ по сердцу положитъ, и свою государеву проѣзжую грамоту и подводы, чтобы можно было подняться. Царь государь, смилуйся». И государь пожаловалъ, велѣлъ (3 марта 1642 г.) тому попу Матвѣю дать своего государева жалованья сорокъ соболей, въ двадцать пять рублей, отпустить его въ Нѣмецкую землю и дать къ рубежамъ грамоты да три подводы; приказалъ государь имянно». Государева воля Посольскимъ приказомъ была выполнена: соболи, проѣзжая грамота и подводы были Шаду выданы.

Сопровождая служилыхъ лицъ или купцовъ, пасторы могли пользовать и остальныхъ, попадавшихся имъ на пути протестантовъ, случалось, что пасторы, покрайней мѣрѣ московскіе, нарочно предпринимали путешествія съ цѣлію посѣщенія жившихъ въ-разброску. Такъ поступали, напримѣръ, московскіе пасторы Веттерманъ и

[1] Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію, св. 3, 1642 г. 3 марта: «Дѣло по прозьбѣ Нѣмецкаго пастора Матвѣя Шада объ отпускѣ его въ свое отечество».

Скультетъ; въ 1619 году извѣстный Оксе, бывъ въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Ярославлѣ, окрестилъ троихъ, мальчика и двухъ дѣвочекъ, въ 1624 году обвѣнчалъ одну чету въ Серпуховѣ [1]. Въ смутную эпоху, когда часть московской общины, изъ 52 человѣкъ, измѣня Василію, бѣжала изъ Москвы и предалась Самозванцу II, ее сопровождалъ пасторъ Беръ. Щедро награжденные Самозванцемъ, перебѣжчики охотно признавали его истиннымъ царемъ, хотя въ душѣ, конечно, были убѣждены въ его самозванствѣ, такъ какъ лично видали перваго и отожествить ихъ, совсѣмъ не похожихъ другъ на друга, не могли. Но вотъ ихъ обвинили въ измѣнѣ. Самозванецъ потребовалъ ихъ къ себѣ, въ Калугу, на судъ. Предвидя бѣду, они пѣли составленную Беромъ пѣснь, гдѣ, между прочимъ, такъ выражали свои жалобы на царскій гнѣвъ и на вражду къ нимъ Русскихъ:

«. . . . Хоть исполняемъ мы свой долгъ,
Они того не примутъ въ толкъ,
Какъ имъ ни угождаемъ.

Ряды враговъ со всѣхъ сторонъ
Насъ держатъ насторожѣ.
На насъ и царь самъ раздраженъ,
И съ нимъ его вельможи.
Простой народъ не терпитъ насъ;
Кто споритъ съ нимъ, того какъ разъ
Погибель постигаетъ.

Тутъ вѣрности не чтитъ никто,
Всѣ къ правдѣ равнодушны,
Не ставятъ честность ни во что,
Закону не послушны.
Добро отсюда отошло;
Неправда здѣсь живетъ и зло. . . . .» и т. д.

---

[1] См. выше, стр. 13,23, и Памятники, I, 181, 179.

Въ молитвѣ за богослуженіемъ Беръ просилъ Бога, чтобъ Онъ заступился за членовъ и имущество его паствы, избавилъ ихъ «отъ діавола и его соучастниковъ и приверженцевъ, Турокъ, Московитовъ и Татаръ» [1].

И если это въ молитвѣ и въ годину, когда Россія безпощадно разорялась ворвавшимися въ нее иноземцами, католиками и протестантами: то нѣтъ ничего удивительнаго, если узко-эгоистическій меркантилизмъ протестантовъ проникалъ ихъ обыденныя житейскія отношенія къ Русскимъ. Не понимая народнаго духа и обыкновенно крайне самомнительные и своекорыстные, они не могли стать къ Русскимъ близко, войти въ сердечныя съ ними отношенія; эксплуатація ими мѣстнаго населенія и нравственно-религіозныя соблазны побуждали также и правительство держать ихъ подальше отъ Русскихъ, пока наконецъ не пришло оно къ мысли совсѣмъ отдѣлить ихъ, однихъ изъ нихъ выславъ на сѣверную окраину государства, а другихъ удаливъ за черту столичнаго города, въ которомъ, послѣ Междуцарствія, поселились было они.

---

[1] Bussowii Chronicon appendix, 132 и слѣд.—Элегія Бера переведена для насъ, въ стихотворной формѣ, проф. Моск. Унив. Ѳ. Е. Коршемъ. Въ этомъ переводѣ она будетъ цѣликомъ помѣщена въ изготовляемомъ нами особомъ изслѣдованіи о свойствахъ протестантскаго богослуженія въ Россіи.

ГЛАВА II.

Протестантскія общины, съ ихъ церквами и пасторами, со времени устройства Московской Ново-Иноземской Слободы до соединенія существовавшихъ въ ней трехъ лютеранскихъ общинъ въ двѣ, Старую и Новую.

Основаніе Московской Ново-Иноземской Слободы.—Старая и Новая лютеранскія и Реформатско-Голландская общины строятъ въ ней по особой церкви.—Учрежденіе въ Слободѣ новаго кладбища.—Хлопоты Голландцевъ о возвращеніи ихъ церкви на прежнее мѣсто въ городѣ.—Посолъ Голландскихъ Штатовъ Борель; пасторы Иванъ Кравинкель и Андрей Гардинъ.—Новая лютеранская община, послѣ смерти пастора Якоби.—Пріѣздъ полковника Николая Баумана съ пасторомъ Иваномъ Дитрикомъ Фокеротомъ и возстановленіе ими павшей церкви подъ именемъ Офицерской.—Опредѣленіе къ ней втораго пастора, Ивана Готфрида Грегори.—Сношенія ея прихожанъ съ западными единовѣрцами по дѣламъ ихъ церкви.—Ходатайство саксонскихъ государей за вѣроисповѣдное положеніе жившихъ въ Россіи лютеранъ и въ частности за Офицерскую общину.—Междоусобіе ея прихожанъ, поведшее къ распаденію ея прихода на двѣ отдѣльныя общины, съ пасторомъ Фокеротомъ въ одной и пасторомъ Грегори въ другой.—Пасторы Андрей Грегерзенъ и Александръ Юнгъ.—Баумановская церковь.—Отъѣздъ ея учредителя.—Дѣятельность пастора Грегори при организаціи перваго у насъ придворнаго театра.—Сообщеніе саксонскому правительству Лаврентія Рингубера о церковно-религіозномъ и нравственномъ состояніи московскихъ протестантскихъ общинъ.—Герцогъ Эрнстъ Благочестивый ходатайствуетъ предъ русскимъ правительствомъ за жившихъ въ Россіи лютеранъ и старается погасить смуты, продолжавшіяся въ московскихъ общинахъ.—Пасторъ Петръ Ранъ.—Закрытіе церкви Фокерота и соединеніе всѣхъ московскихъ лютеранъ въ двѣ общины, Старую и Новую.—Стрюйсъ о протестантскихъ общинахъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Протестантская община на желѣзныхъ заводахъ близъ Тулы.—Реформатская община и церковь въ Архангельскѣ.—Посѣщеніе пасторами военно-служилыхъ иноземцевъ въ Бѣлгородѣ и Сѣвскѣ.

Несшіе службу и занимавшіеся торговлей въ Россіи иноземцы, Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе, чтобы

ближе походить на Русскихъ и при встрѣчахъ и обращеніи съ ними избавиться отъ различныхъ непріятностей и обидныхъ прозвищъ, перемѣнили свое платье на русское. Совершая крестный ходъ по улицамъ Москвы, патріархъ замѣтилъ, что нѣкоторые, когда онъ преподавалъ благословеніе народу, кланяются недостаточно глубоко и, узнавъ, что это «Нѣмцы», сказалъ: «Грѣшно, что такимъ способомъ нечестивые иноземцы, не узнанные, могутъ восхищать святое благословеніе». Ближайшій указъ объ иноземцахъ послѣ этого былъ тотъ, чтобы они немедля скинули русское платье и носили одежду своей страны. За недостаткомъ готоваго новаго платья и умѣлыхъ портныхъ, многіе вынуждены были одѣться въ старое, доставшееся отъ отцовъ и дѣдовъ, валявшееся въ сундукахъ и бывшее часто не впору.

Неудовольствіемъ патріарха воспользовались московскіе священники и повторили свою прежнюю жалобу на опустѣніе ихъ приходовъ отъ Нѣмцевъ. Прежде, по особому расположенію «великаго князя» къ Нѣмцамъ, священники не могли добиться желаемаго; теперь же, когда на иноземцевъ вознегодовалъ самъ патріархъ, они довели дѣло до того, что вышелъ строгій указъ: кто изъ Нѣмцевъ окрестится въ Русскую вѣру, можетъ остаться въ городѣ; кто отказывается, долженъ перенестись со всѣмъ своимъ домомъ за городъ, за Покровскія ворота, на Кукуй, на старое мѣсто жительства иноземцевъ.

Названіе Кукуя обращено было въ бранное; Русскіе, при встрѣчѣ съ иноземцами, насмѣшливо посылали ихъ туда, и эти обратились къ государю съ челобитной, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою защиту и запретилъ поносить ихъ на улицахъ бранными словами. Оскорблять Нѣмцевъ

было запрещено подъ угрозой наказанія кнутомъ, нѣсколько ослушниковъ указа возвратились домой съ окровавленными спинами, и Нѣмцы избавились отъ брани. Самое названіе селенію государь перемѣнилъ на другое, назвалъ его Новою Иноземною Слободою. Каждому иноземцу, сообразно съ его званіемъ и состояніемъ, отведенъ былъ особый участокъ; Слобода распланирована правильными улицами. Имѣвшіе деревянные дома въ городѣ перенесли ихъ сюда, гдѣ было безопаснѣе отъ пожаровъ, слишкомъ частыхъ среди города. Поэтому большинство Нѣмцевъ говорятъ, что запрещеніемъ носить русскую одежду и отдѣленіемъ ихъ отъ русскихъ жилищъ и отъ ежедневнаго съ ними обращенія имъ такъ же плохо, какъ раку, котораго въ наказаніе хотѣли утопить въ водѣ.

Нѣмцы, увидѣвъ, что имъ данъ какъ бы собственный городъ, въ которомъ они могутъ мирно проживать, не поколебались перенести къ своимъ новымъ очагамъ лежащія вдали отъ нихъ кирки. Въ настоящее время въ Слободѣ у лютеранъ уже двѣ Нѣмецкія церкви, у реформатовъ одна Голландская, другая Англійская.

Такъ изображаетъ дѣло о началѣ Ново-Иноземской Слободы и возникновеніи въ ней протестантскихъ церквей извѣстный Олеарій во второмъ изданіи своего сочиненія, изготовленномъ къ печати въ 1654 году [1]; случай на крестномъ ходѣ онъ считаетъ совершившимся за годъ предъ тѣмъ, патріархъ названъ «теперешнимъ»; слѣдовательно, говорится здѣсь о событіи 1652—1653 годовъ и изъ патріарховъ подразумѣется Никонъ, несшій этотъ

---

[1] Olearius, 1656, 183—184, 317—319, ср. 1696, 92—93, 166—167, рус. пер. 163—164, 369—372.

санъ съ іюля 1652 года. Голштинскому писателю, принадлежавшему къ кругу тѣхъ западно-европейцевъ, которые всѣ причины невзгодъ съ иноземцами видѣли въ однихъ Русскихъ и русскомъ духовенствѣ, и писавшему, въ данномъ случаѣ, по слухамъ, ничего иного и нельзя было представить, какъ скользнуть по поверхности событія, ограничившись передачей наивнаго повода къ такой рѣшительной мѣрѣ правительства. Онъ не могъ ни понять дѣйствительныхъ русскихъ интересовъ, ни сообщить о томъ, что западные пришельцы своею, подчасъ чисто еврейскою эксплуатаціей мѣстнаго населенія и соблазнами его нравственно-религіозному чувству, переполнили наконецъ мѣру терпѣнія правительства, которое, истощивъ всѣ мѣры для борьбы съ этимъ зломъ, но и сознавая пользу иноземцевъ для нѣкоторыхъ изъ своихъ практическихъ задачъ, не нашло иного лучшаго средства, какъ совершенно отдѣлить ихъ отъ кореннаго населенія, подобно тому какъ это дѣлалось съ Евреями во многихъ европейскихъ городахъ. Начало оно съ членовъ Англійской компаніи, которыхъ удалило (1649 г.) изъ всѣхъ русскихъ городовъ, дозволивъ имъ пріѣзжать къ одному пограничному Архангельску, чего, впрочемъ, такъ добивались соперники Англичанъ, Голландцы; затѣмъ приступило оно къ остальнымъ проживавшимъ въ Москвѣ иноземцамъ. Ближайшимъ поводомъ къ выселенію могли служить опустошительные пожары въ Москвѣ лѣтомъ 1652 года. Въ теченіе трехъ дней, 4—5 іюня, сгорѣла громадная часть Бѣлъ-города, по иностраннымъ извѣстіямъ, болѣе 400 домовъ. Поднялся вопросъ о застройкѣ погорѣлыхъ мѣстъ и нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ планахъ улицъ; приняты мѣры противъ возобновленія пожара.

Настрого было заказано имѣть въ домахъ по ночамъ огонь; обязанность наблюденія за этимъ была возложена на особыхъ ночныхъ дозорщиковъ, которые объѣзжали городъ и заходили иногда въ самые дома, чтобы освидѣтельствовать, нѣтъ ли тамъ въ печахъ горячихъ углей. Иноземцы жаловались на убытки отъ пожаровъ, но въ то же время не желали подвергаться ночнымъ посѣщеніямъ дозорщиковъ и домогались, чтобы ихъ избавили отъ такого надзора. Это, конечно, увеличивало неудовольствіе на нихъ Москвичей. Не удивительно, что осенью того же года правительство занялось размежеваніемъ для нихъ подъ Москвой особаго селенія. «По указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, говорится въ оффиціальномъ документѣ 4 октября 1652 года, [1] Аѳанасій Ивановъ Нестеровъ да дьяки Ѳедоръ Ивановъ и Богданъ Арефьевъ строили Новую Иноземскую Слободу за Покровскими воротами, за Земляным городомъ, подлѣ Яузы рѣки, гдѣ были напередъ сего нѣмецкіе дворы при прежнихъ великихъ государяхъ до Московскаго разоренья, и роздали въ той Нѣмецкой Слободѣ подъ дворы земли, размѣря противъ наказу, каковъ имъ данъ изъ Земскаго приказа, по приказу окольничьяго Богдана Матвѣевича Хитрова».

То, что селеніе сразу же, еще до его постройки, названо въ данномъ документѣ Новою Иноземскою Слободой, не служитъ къ подтвержденію извѣстія Олеарія и о времени переименованія его изъ Кукуя въ Ново-Иноземскую Слободу [2].

---

[1] Полн. Собр. Зак. I, № 85.

[2] Отмѣтимъ кстати, что этотъ документъ 1652 года безповоротно подрываетъ и сообщеніе, будто бы Слобода явилась въ 1635

Еще невѣроятнѣе сообщеніе Олеарія о томъ, что будто бы въ Слободѣ одновременно съ Голландскою церковью была еще Англійская. Хотя то же потомъ повторилъ бывшій здѣсь въ началѣ 70-хъ годовъ Яковъ Рейтенфельсъ [1], но они оба были введены въ заблужденіе: Реформатская церковь, называясь и Голландской, стояла здѣсь одна [2]; Да и для кого понадобилась бы Англійская кирка и кто бы поддерживалъ ее послѣ разгрома Англо-Русской торговой компаніи?

Выселеніемъ иноземцевъ въ Слободу правительство не имѣло намѣренія нанести имъ вреда или существеннаго стѣсненія. Оно надѣялось этимъ лишь придать жизни иноземцевъ соотвѣтствующій характеръ, ослабить вредъ, причиняемый ими нашимъ, и удобнѣе пользоваться ими, какъ орудіемъ для достиженія своихъ практическихъ цѣлей, на содѣйствіе къ выполненію которыхъ они были призваны. На новомъ мѣстѣ оно отвело имъ участки земли вполнѣ достаточные, отъ 40 до 8 сажень вдоль и отъ 20 до 6 саженъ поперекъ, въ замѣнъ тѣхъ, какими они владѣли въ городѣ; кто не имѣлъ, тѣмъ выданы да-

---

году, встрѣчающееся первоначально у Buschig'a (II, 220) и повторенное Grot'омъ (I, 238), Possel't'омъ (I, 213), Снегиревымъ (Пр. Об. 1862, IX, 36) и др. См. выше, стр. 59, и у Fechner'a, I, 280.

[1] Iac. Reutenfels, De rebus Moschoviticis. Patavii, 1680, 113; извлеченіе на русск. языкѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1839, XXIII.

[2] Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія 1652 г. № 1; 1670 г. № 1; 1690 г. № 1. Собр. гос. гр. и дог. IV, 207; Fr. Adelung, Augustin Freiherr von Meyerberg und seine Reise nach Russland, 209; Rinhuber, № X; Kilburger, 338.

ромъ. Сюда они должны были выселяться всѣ, за исключеніемъ принявшихъ православіе; упорствовавшихъ выгоняли насильно. При надѣлѣ землею пасторы были почти приравнены къ высшимъ служилымъ иноземцамъ. Щедрость къ нимъ обусловливалась тѣмъ, что на ихъ участкахъ должны были строиться и кирки. Въ Москвѣ ихъ жило тогда трое, два лютеранскихъ и одинъ реформатскій. Старшій изъ нихъ, лютеранскій проповѣдникъ Валтасаръ Фадемрехтъ, получилъ 40 саженъ вдоль и 19 поперекъ, близъ Нѣмецкаго кладбища, и на этомъ мѣстѣ явилась у его прихожанъ кирка, вмѣсто бывшей на огородѣ Никиты Зюзина; второму лютеранскому пастору, Іоакиму Якоби, выдѣлили около 30 саженъ вдоль и 22 поперекъ, здѣсь построила кирку его община; реформатскій пасторъ Иванъ Кравинкель пріобрѣлъ 40 саженъ вдоль и поперегъ 20, гдѣ сооружена была Реформатская церковь.

Чтобы лютеранскимъ церквамъ присвоены были какія-нибудь особыя названія, изъ памятниковъ того времени не видно: обыкновенно онѣ упоминаются по фамиліи служившихъ въ нихъ пасторовъ: Кирка Фидемрехта (иногда съ прибавкой «стараго»), Кирка Якоби; Реформатская же церковь называлась также и Голландской или Нидерландской, конечно, въ силу численнаго перевѣса въ ея приходѣ лицъ Голландской національности[1]. Богослуженіе

---

[1] Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія 1652 и 1690 годовъ, Дѣла Голландскія 1664 г., № 5 и Стат. спис. № 4. Новый лѣтописецъ, издан. по списку кн. Оболенскаго. М. 1853, прилож. стр. 8—9; Полн. Собр. Зак. I, № 83; Собр. госуд. грам. и догов. IV, № 207; Памятники, 1, № 1; Theatrum Europaeum. Frankf. am M. 1663, 320—322; Rinhuber, №№ V, X.

совершалось въ нихъ свободно, безъ препятствій; только, если вѣрить Олеарію [1], на первыхъ порахъ были непріятности вслѣдствіе самоуправства жены полковника Лесли. Она позволила себѣ крайне жестокое и безразсудное обращеніе съ крестьянами въ помѣстьѣ своего мужа: до того отягощала ихъ непомѣрною работой, что у нихъ не было времени молиться по утру и въ праздничные дни ходить въ церковь, постами заставляла ихъ ѣсть мясо, побросала въ огонь образа русскихъ Святыхъ и т. п. Крестьяне пожаловались царю. Пока шли судъ да дѣло, оскорбленная въ своихъ національно религіозныхъ чувствахъ толпа Москвичей бросилась въ Слободу, напала на кирки, сорвала съ нихъ крыши, выбросила изъ нихъ алтари и проповѣдническія каѳедры. Построить новыя крыши было потомъ разрѣшено, но «не дозволялось воздвигать каѳедръ и алтарей» (?).

Въ исторіи московскихъ кирокъ это было послѣднее на нихъ нападеніе: разгрома ихъ болѣе не повторялось, и ихъ благосостояніе зависѣло уже отъ самихъ общинъ.

По сосѣдству съ участкомъ Фадемрехта основалось въ Слободѣ новое кладбище. Въ настоящее время на томъ мѣстѣ стоитъ кирка Старой или Михайловской лютеранской общины и болѣе уже на немъ не хоронятъ: по указу (1748 г.) Елизаветы Петровны кладбище переведено за городъ, къ Марьиной рощѣ. Его-то и имѣлъ въ виду Олеарій, въ разсказѣ объ основаніи Слободы отмѣчая, что «лютеране огородили себѣ очень большое кладбище (einen gar grossen Kirchoff), на которомъ они

---

[1] Olearius, 1696, 167. О разсказываемомъ имъ случаѣ разгрома другаго указанія мы не нашли нигдѣ.

и кальвинисты хоронятъ своихъ покойниковъ»; только по сопоставленіи съ нимъ Мейербергъ могъ назвать (1661 г.) на своей картѣ мѣсто за Яузскими воротами «Нѣмецкимъ старымъ кладбищемъ». Такъ какъ это новое кладбище было общимъ для протестантовъ всѣхъ вѣроисповѣданій, то кого хоронили на Старомъ кладбищѣ и хоронили ли кого — указаній нѣтъ; повидимому, оно было теперь покинуто, какъ предъ тѣмъ оставлено кладбище, бывшее близь Наливокъ [1].

---

[1] См. выше, гл. I, стр 75 — 79. Моск. Глав. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія 1690 г.: «Дѣло по прошенію докторовъ, аптекарей, торговыхъ и инаго званія людей о позволеніи имъ сломать ветхую протестантскую въ Нѣмецкой Слободѣ церковь и построить новую». Собр. гос. гр. и догов. IV, № 207; Olearius, 1656 и 1663, 319; 1696, 167, рус. перев. 372 (въ текстѣ 1647 г. о кладбищѣ не упоминается); Fr. Adelung, A. F. von Meyerberg, St. Petersb. 1827, Blatt 51 (S. 208), 63 (S. 266); Fechner, II, 677 — 679. — Воспользовавшись извѣстной брошюрой арх. Амфилохія и заимствовавъ остальныя цитаты и данныя у Fechner'а, Соколовъ (стр. 26 и прим. 117) утверждаетъ, что къ концу XVII вѣка было четыре кладбища, и въ этомъ видитъ подтвержденіе своего предположенія о томъ, что количество протестантовъ въ Москвѣ было въ это время около 20,000 человѣкъ. Но ни у Fechner'а, ни въ другомъ какомъ-либо сочиненіи рѣшительно нѣтъ даже косвенныхъ данныхъ, чтобы всѣ эти «четыре» кладбища существовали или могли существовать одновременно, а потому они и не служатъ доказательствомъ многочисленности протестантовъ: открытіе новыхъ кладбищъ и оставленіе прежнихъ тѣсно связано съ перемѣнами мѣстожительства московскихъ иноземцевъ; кладбища открывались поблизости къ ихъ домамъ. Одно кладбище, поясняетъ авторъ, находилось недалеко отъ Серпуховской заставы, на Конной площади, близь Данилова монастыря, у его стѣнъ. Разстояніе между Конной площадью и стѣнами Дани-

Какъ ни удобно было жить протестантамъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ на четырнадцатомъ году по основаніи селе-

---

лова монастыря полторы версты, а потому выраженіе «изъ-подъ стѣнъ Даніилова монастыря» весьма неточно. Авторъ продолжаетъ: «Несомнѣнно, что названная мѣстность на Якиманкѣ до половины 17 в. принадлежала обитателямъ находившейся вблизи Наливайки, или Налейки, а потомъ ею завладѣли жители нынѣшней нѣмецкой слободы». До половины 17 вѣка жители Налейки уже потому не могли владѣть никакой сосѣдней мѣстностью, что къ этому времени Налейки уже не было, а стояли тамъ Стрѣлецкія слободы, въ которыхъ еще при Олеаріѣ (Olearius. 1647, 116, рус. перев 112) жили только «стрѣльцы» и «простой народъ»; «нѣмецкой слободы» въ настоящее время нѣтъ, жители же существующей теперь Нѣмецкой улицы не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстности на Якиманкѣ и разстояніе между той и другой болѣе 5 верстъ по прямому направленію, чрезъ городъ. «Другое кладбище, говорится далѣе, помѣщалось въ нѣмецкой слободѣ, тамъ, гдѣ построена была при Грозномъ лютеранская церковь. Оно открыто одновременно съ сооруженіемъ церкви (въ 1576 г.)». Очевидно, авторъ такъ рѣшительно говоритъ, перефразируя слѣдующія весьма нерѣшительныя слова Fechner'a (II, 677 подъ буквою b): «Второе кладбище мы должны искать въ мѣстности (in der Gegend), гдѣ стояла Лютеранская кирка, построенная при Иванѣ IV въ 1575 или 76 и при Борисѣ Годуновѣ въ 1602 г., слѣдовательно, въ нѣмецкомъ селеніи; на это указываетъ, если не ошибаемся, документъ 1652 года». Fechner не опредѣляетъ точно времени появленія этого кладбища, но еслибы и опредѣлилъ, изъ документа, на который ссылался онъ, нельзя вывести прямого заключенія объ его началѣ. Въ немъ говорится только, что пастору Валтасару Фадемрехту дано «въ Новой Нѣмецкой Слободѣ подъ дворъ, мѣсто порожнее возлѣ нѣмецкаго кладбища» (Собр. г. гр. и дог., IV, № 207)—но когда явилось оно? Такъ какъ никакого свидѣтельства о болѣе раннемъ существованіи его нѣтъ и Олеарій писалъ о немъ въ 1634 г. (см. выше стр. 47, 52, 93, примѣч.), въ разсказѣ о Ново-Иноземъ-

нія у нихъ, по оффиціальнымъ даннымъ, считалось уже

ской Слободѣ, то всего вѣроятнѣе, что оно было основано одновременно съ этой Слободой, когда чиновники Земскаго приказа, распредѣляя мѣста подъ дворы, естественно заодно могли отвести мѣсто и подъ особое кладбище, которое, по выраженію Олеарія, лютеране и «огородили» себѣ. Существуй оно ранѣе, Олеарій въ своей картѣ Москвы сороковыхъ годовъ, конечно, помѣстилъ бы и его, какъ помѣстилъ кладбище, лежавшее по лѣвую сторону Яузы. Часть этой земли принадлежитъ теперь церкви Старой или Михайловской лютеранской общины, и надгробные камни, найденные здѣсь и на ближайшихъ дворахъ, не восходятъ ранѣе 1653 года (надписи съ нихъ у Fechner'a, II, 679). «Третье кладбище, утверждаетъ тотъ же авторъ, называемое у Олеарія Der Deutsche Begräbniss, было также въ нѣмецкой слободѣ, на большомъ церковномъ дворѣ, принадлежавшемъ лютеранамъ; (вблизи этого мѣста старая община св. Михаила имѣла свой участокъ земли (Grundstück)». Тутъ авторъ уже окончательно перепуталъ данныя, заимствованныя имъ у Fechner'a подъ литерой с. Fechner весьма ясно отдѣляетъ это кладбище отъ того, которое было въ Нѣмецкой Слободѣ и часть котораго принадлежитъ теперь Михайловской киркѣ; «Der deutschen Begrebnus» (а не «Der Deutsche Begräbniss», какъ пишетъ Соколовъ, не точно заимствуя у Fechner'a) на картѣ Олеарія стоитъ, какъ мы видѣли, по лѣвую сторону Яузы, на значительномъ отъ нея разстояніи, и о владѣніи участкомъ земли Старою общиной «вблизи этого мѣста» свидѣтельствъ нѣтъ; Нѣмецкая же Слобода лежала по правую сторону Яузы и здѣсь именно Старая община владѣла и владѣетъ своимъ церковнымъ участкомъ. Такимъ образомъ, г. Соколовъ смѣшалъ и слилъ въ одно совершенно различные предметы. «Наконецъ, утверждаетъ онъ, въ самомъ городѣ, близъ улицы таганки (не далеко отъ болвановскихъ воротъ) существовало особое кладбище подъ названіемъ «Der alten Begräbniss, въ которомъ, со временъ Михаила Ѳедоровича, погребались протестанты, жившіе въ центрѣ Москвы». «Der Teutschen alte begräbniss», занесенное на карту Мейерберга (Adelung, 208), лежало за Болвановкой и Яузскими

204 дома [1], тѣмъ не менѣе они были бы не прочь возвратиться вмѣстѣ съ своими храмами на прежнія, т. е. въ черту города. Для своихъ земляковъ выхлопотать это право взялся посолъ Голландскихъ Штатовъ Яковъ Борель. «Въ прежніе годы, подъ владѣніемъ предковъ вашего царскаго величества, представлялъ (13 февраля 1665 г.) онъ нашему правительству [2], подданные

воротами, въ той части, гдѣ оно означено Олеаріемъ. На немъ, дѣйствительно, погребались протестанты, жившіе въ Москвѣ; только при Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ иноземцы были выселены въ Слободу, жить имъ въ Москвѣ не дозволялось, и съ тѣхъ поръ, какъ устроилось кладбище въ Слободѣ, указаніи на похороны въ этомъ старомъ кладбищѣ нѣтъ, даже и послѣ того времени, какъ иноземцы снова начали поселяться въ Москвѣ: за ненадобностью оно, очевидно, было скоро покинуто. Гдѣ же, послѣ этого, основанія, въ силу которыхъ можно было бы утверждать, что къ концу XVII вѣка протестанты имѣли въ Москвѣ «четыре» кладбища, какъ то разсказываетъ разбираемый нами авторъ? За весь періодъ XVI—XVII вѣковъ, на основаніи извѣстныхъ памятниковъ, можно отыскать всего три кладбища, существовавшія почти въ преемственномъ порядкѣ. Если же выписки изъ документовъ у Fechner'а размѣщены подъ четырьмя литерами (что, очевидно, и сбило Соколова); то онъ самъ же оговаривается (II, 678), что свидѣтельства, помѣщенныя подъ четвертой буквой (d), относятся къ тому же кладбищу, что и свидѣтельства подъ второй буквой (b).

[1] Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, Разрядная вязка № 1, дѣло 125: „Ро̂г году Переписныя книги дворамъ въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ». Извлеченія изъ нихъ сдѣланы нами въ изслѣдов.: «Генералъ Бауманъ и его дѣло». М. 1884, 5—6.

[2] Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Голландскія 1664 г. декабрь—1665 апрѣль, № 5: «Пріѣздъ въ Москву и отпускъ... голландскаго посла Якова Бореля»; Дѣла Протестантскія 1690 г.: «Дѣло по прошенію докторовъ, аптекарей, торговыхъ и инаго зва-

высокомочныхъ Штатовъ, живущіе въ здѣшней землѣ, имѣли въ Москвѣ свои данныя мѣста, для совершенія Божіей службы; затѣмъ Нидерландская кирка была сломана, и предъ 1648 годомъ она, по указу вашего царскаго величества, построена въ Земляномъ валу, но въ 1653 году снова силою сломана, хотя и письменный отвѣтъ вашего царскаго величества въ 1648 году данъ и крѣпкая сказка учинена къ нимъ, высокомочнымъ, что кирка будетъ стоять въ Земляномъ валу, гдѣ стояла прежде: потому прошу изволенія вашего царскаго величества приказать поставить Нидерландскую кирку на этомъ ея старомъ мѣстѣ. Кромѣ того, въ 1654 году подданные ихъ высокомочныхъ, какъ бы какіе злодѣи и злотворители, весьма неудобно посреди зимы были погономъ изгнаны изъ города Москвы, такъ что съ одной стороны не мало страшились, чтобы не замерзнуть въ полѣ отъ большой стужи, а съ другой едва не были ограблены, и своихъ дворовъ и амбаровъ не могли уберечь отъ пожару и татьбы. Между тѣмъ эти подданые, которые здѣсь служатъ и торгуютъ, во всемъ себя держатъ, какъ надобно, не ослушаясь указовъ вашего царскаго величества, и ничего они не сдѣлали, за чтóбы они были достойны подобнаго. Ради этого, прошу именемъ ихъ высокомочныхъ, чтобы ваше царское величество изволили указать Нидерландцамъ впредь жить въ своихъ прежнихъ домахъ и мѣстахъ въ самой Москвѣ, какъ и прежде все-

---

нія людей о позволеніи имъ сломать ветхую протестантскую въ Нѣмецкой Слободѣ церковь и построить новую, ссылаясь на бывшую о томъ же дѣлѣ голландскаго въ Россіи посла Бореля въ 1665 году прозьбу».

гда было по дружбѣ почившихъ въ Богѣ царей и вашего величества съ ними, высокомочными, и какъ вашего величества письменный отвѣтъ къ нимъ, высокомочнымъ, въ 1648 году сказанъ». На требованія посла бояре, кн. Ив. Сем. Прозоровскій съ товарищами, отвѣтили ему: «въ Московскомъ государствѣ прежде кирки не бывали, а въ (sic) 1648 году Нидерландская кирка хотя и была построена въ Земляномъ валу, но то учинено на время, до отысканія ей болѣе удобнаго мѣста; и нынѣ она построена на пристойнѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ живутъ сами Нидерландцы, въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ, у пастора на дворѣ, и тѣ изъ нихъ, которые торгуютъ въ Русскомъ царствѣ, дворы свои имѣютъ близко и для отправленія набоженства ходятъ свободно. Что же до дворовъ, то и до 1654 и въ 1654 году у торговыхъ Нидерландцевъ были въ Москвѣ свои жилые дома, и Нидерландцы безпрестанно скорбѣли, что тѣ дворы у нихъ тѣсны и никакихъ покоевъ въ нихъ нѣтъ и за тѣснотой и отъ пожару имъ жить стало опасно. Слыша о томъ, великій государь нарочито указалъ отвесть имъ Слободу за Земляным городомъ, вблизи, на удобнѣйшемъ мѣстѣ, и дать тамъ просторныя и покойныя мѣста, гдѣ бы имъ жить. Когда былъ объявленъ указъ, Нидерландцы съ своихъ прежнихъ дворовъ на новыя мѣста пошли волею и настроили себѣ домовъ со всякими покоями; выстроивъ, многіе продавали эти дворы другъ другу, безъ заказу, и до сихъ поръ свободно продаютъ ихъ своей братьѣ Нидерландцамъ, также торговымъ Гамбургцамъ и иныхъ окрестныхъ государствъ служилымъ людямъ. И нынѣ имъ пригоже жить въ Нѣмецкой Новой Слободѣ, на тѣхъ мѣстахъ и дворахъ, гдѣ они построились».

Не добившись желаемаго, Борель, послѣ отпускной аудіенціи у государя, прислалъ въ Посольскій приказъ просьбу, чтобы государь покрайней мѣрѣ «изволилъ изъявить, что Нидерландская кирка, построенная въ Нѣмецкой Слободѣ, тамъ подлинно стоять будетъ, и пожаловалъ бы завесть при ней часы и колоколъ, для того, чтобы въ пожарное время можно было остеречь другъ друга, также объявилъ бы, что бы имъ, Нидерландцамъ, одинаково свободно было имѣть и покупать дома и въ Слободѣ и въ городѣ, какъ и въ древнія времена обычай былъ и какъ самъ государь изволилъ сказать, будто изъ города Москвы они никогда не были выгоняемы и въ Слободѣ уставили свое житье по своей волѣ.»

Наши не обратили на это вниманія; такъ Голландцы и остались на своихъ мѣстахъ, что̀ однако не мѣшало процвѣтанію ихъ церкви. Она была общею для всѣхъ жившихъ въ Слободѣ реформатовъ.

Кромѣ Кравинкеля, изъ пасторовъ ея извѣстенъ по имени еще Андрей Гардинъ, Шотландецъ; въ первую половину 70-хъ годовъ подручныхъ Кравинкелю было два пастора (по именамъ не названы ни у кого), и всѣ они довольно мирно правили свою службу [1]. Присутствовавшій

---

[1] Olearius, 1656, 320, 1696, 168, Rinhuber, 50. Такъ какъ Олеарій ничего не говоритъ о Гардинѣ въ изданіи 1647 года и въ изданіи 1656 о немъ передаетъ, какъ о жившемъ тогда въ Слободѣ (хотя ни въ томъ, ни въ другомъ изданіи не упоминаетъ о Кравинкелѣ), а «данная» 1652 года на участокъ въ Слободѣ выдана на имя одного Кравинкеля (Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія 1652; Собр. Гос. грам. и догов. IV, № 207), то нужно допустить, что Гардинъ явился въ Москву послѣ 1652 года. Поэтому же самому помѣщать его въ хронодо-

за богослуженіемъ 7 декабря 1673 года, профессоръ Брантъ [1], изъ свиты бранденбургскаго посла Скультета, отмѣтилъ, что вся кирка сосновая и въ ней, не далеко отъ двери, по обѣимъ сторонамъ, было по конусообразной изразчатой печи, съ рисунками зеленаго цвѣта.

Попеченіе о Реформатской церкви Голландскихъ Штатовъ и ея благополучіе возбуждали завистливую ревность въ московскихъ лютеранахъ и особенно въ наслѣдникахъ прежней Второй лютеранской общины, у которыхъ въ церковномъ вопросѣ не счастливилось очень долго. Мы уже видѣли, какъ еще въ пору пребыванія иноземцевъ въ самой Москвѣ эта община то вынуждалась переносить свою церковь съ мѣста на мѣсто, то совсѣмъ лишалась ея и ходила въ церковь старыхъ Нѣмцевъ, такъ что иногда трудно настаивать на органической преемственности и связи извѣстныхъ намъ о другой московской лютеранской общинѣ фактовъ, на томъ, чтобы это дѣйствительно была одна и таже община: Второю или Новой ее подъ-часъ приходится называть только потому, что рядъ пасторовъ при ней, повидимому, не прерывался и что одновременно съ нею была уже одна, прежде ея образовавшаяся община, т. е., слѣдовательно, Первая,

---

гическомъ реестрѣ пасторовъ выше Кравинкеля (Fechner, II, 515), или считать его жившимъ ранѣе переселенія иноземцевъ въ Слободу (Соколовъ, 15) основанія нѣтъ. Въ описи Нѣмецкой Слободы 1665 годъ (Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, Разрядная вязка № 1, дѣло 125) Кравинкель названъ, но о Гардинѣ не упомянуто: вѣроятно, тогда его уже не было.

[1] Brand, Reysen duch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardien, Twerien und Moscovien..., heraus gegeben durch. H. Chr. von Hennin. Wesel. 1702. 236.

Старая. Въ противоположность этой, у нея еще не сложилось прочныхъ преданій, твердой устойчивости и неотложной потребности въ своей церкви. Существованіе кирки во многомъ зависѣло отъ простаго случая, количества прихожанъ, участія къ ней того или другаго заинтересованнаго ею лица; прихожане ея, по преимуществу «Нѣмцы новые», еще не укрѣпившіеся въ Москвѣ, могли дорожить ею главнымъ образомъ развѣ за ея близость къ ихъ жилищамъ. Слабо поддерживаемая своимъ приходомъ, кирка еще менѣе могла встрѣчать поддержки извнѣ, отъ членовъ прихода Первой церкви. Изъ послѣдующей исторіи узнаемъ, что старшая община смотрѣла на младшую, какъ на соперницу, и въ теченіи долгаго времени не признавала за нею одинаковыхъ правъ гражданства и старалась вредить ея самостоятельности, притянуть опять къ себѣ; можно догадываться, что тоже недружелюбное отношеніе было и въ раннюю пору. Не безъ причины же прихожане Первой церкви въ 1643 году такъ настойчиво выдѣляли себя предъ нашимъ правительствомъ отъ прихожанъ Второй, Бѣлгородской церкви, сваливая всю вину на послѣднихъ: едвали одно простое чувство самосохраненія руководило здѣсь ими. До какой степени измѣнился, и измѣнился ли составъ Второй общины съ переселеніемъ ея въ Слободу, прямыхъ указаній нѣтъ; повидимому, господствующій въ немъ характеръ— присутствіе вновь пріѣзжихъ иноземцевъ — остался; а такъ какъ въ эту пору прибывали главнымъ образомъ люди военные [1], то этотъ классъ и долженъ былъ пре-

[1] Н. Устрялова, Русское войско до Петра Великаго, въ Годичномъ Торжеств. актѣ С. Петерб. Универ. 8 февр. 1856 года. Спб. 1856, 61—63.

обладать. Изъ всѣхъ новопріѣзжихъ иноземцевъ военные, опредѣлявшіеся на государеву службу, должны были, по условіямъ жизни, менѣе чувствовать потребность въ особой церкви: ихъ постоянно отправляли то въ одну, то въ другую сторону государства; а оставшіеся легко могли удовольствоваться церковью Фадемрехта, которая, по перенесеніи ея въ Слободу, стояла теперь въ центрѣ скученныхъ около нея иноземцевъ. Дальности разстоянія теперь болѣе не существовало, къ тому же, этою церковію, когда она находилась на огородѣ Зюзина и была одна, такъ долго пользовались, что у многихъ могла образоваться къ ней привычка. Отдѣльность Второй общины и существованіе при ней церкви болѣе обусловливалось теперь просто тѣмъ, что пасторъ Якоби былъ живъ, и наше правительство выдѣлило ему значительный участокъ земли, съ цѣлію основанія здѣсь особой храмины. Но Якоби скоро померъ (1657 г.), начинавшаяся на юго-западной границѣ воіна должна была отвлечь туда военныя силы,—и приходъ снова рушился самъ собою. Небреженіе своею церковью и привычка къ киркѣ Фадемрехта отразились настолько, что община не приложила стараній ни о пріисканіи преемника умершему пастору, ни о сохраненіи храмины. Вдова пастора, Сара Якоби, имѣя уже взрослаго сына, вышла за мужъ за подполковника драгунскаго строя Ивана Юкмана. Церковное мѣсто Юкманъ присвоилъ себѣ, въ качествѣженинаго приданаго, и выправилъ (29 марта 1660 г.) на то изъ Земскаго приказа данную. Покинутая на произволъ судьбы церковь ветшала; чтобы безпрепятственнѣе владѣть мѣстомъ, Юкманъ, быть можетъ, и нарочно приводилъ въ упадокъ прежнюю стройку. Всѣ лютеране опять ходили

въ церковь Фадемрехта. Такъ дѣло длилось до вмѣшательства въ него вновь прибывшаго военно-служилаго иноземца Баумана [1].

---

[1] Главнымъ для насъ источникомъ тутъ служитъ хранящееся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, среди Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 1670 года, «Дѣло генерала Николая Бовмана съ товарищи о построеніи въ Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ кирхи». Оно состоитъ изъ 192 листовъ въ формѣ столбца, листы въ немъ не перемѣчены и мѣстами крайне перепутаны. Существенное изъ него издано нами въ Памятникахъ, I, № 1. Изъ ученыхъ воспользовался имъ одинъ пасторъ Fechner въ своей Chronik. Mosk, 1876. I. Собственно русскіе изслѣдователи еще не пользовались имъ. Правда, Соколовъ, касается (стр. 18—20) разсказываемыхъ въ «Дѣлѣ» событій и ссылается (примѣчан. стр. 9—10) на самый первоисточникъ, но, очевидно, онъ не видалъ документа: тѣ немногіе факты, которые приведены у него, находятся у Фехнера, и самый документъ онъ цитуетъ такъ, какъ иногда, для краткости, цитуетъ его Фехнеръ, а именно: «Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Acten über Bauman 70». На подлинникѣ надпись русская. Фехнеру, какъ писавшему по-нѣмецки и для иностранныхъ читателей, было перевести ее естественно, но, конечно, не для чего было переводить ее писателю русскому. Еще неудобнѣе рабское заимствованіе имъ у Фехнера цифры 70. На языкѣ Фехнера, который не разъ ссылается на этотъ документъ, она означаетъ: «Духовныя дѣла иностранныхъ исповѣданій 1670 года»; у Соколова же безъ этихъ оговорокъ цифра совершенно непонятна: по ней найти «Дѣла» въ Архивѣ нельзя. (Замѣтимъ кстати, что и другіе цитаты о Бауманѣ Соколовымъ взяты у Фехнера же). Кромѣ этого «Дѣла», въ Архивѣ находятся относящіеся сюда документы въ отдѣлахъ: Выѣзды въ Россію (1667, № 3; 1670, № 41, 46; 1673, № 6; 1679, № 3: 1692, № 16), Подлинныя саксонскія грамоты (1662—1674, изданныя нами въ Памятникахъ, I, №№ IX—XIII), Саксонскія дѣла (1662—1674), города Любека дѣла (1656—1657 гг.), Датскія дѣла (1663, № 1; 1666, № 1; 1670,

Въ виду назрѣвавшаго малороссійскаго вопроса и благодаря стремленію Алексѣя Михайловича запутать враждебную намъ Швецію, князь Даніилъ Мышецкій, нашъ посолъ (1657 г.) къ датскому двору, имѣлъ порученіе втянуть Фридриха III Датскаго въ наступательную съ нами войну противъ Швеціи и пригласить на военную службу къ намъ полезныхъ офицеровъ. Въ Копенгагенѣ онъ встрѣтилъ полковника Николая Баумана, человѣка энергичнаго и настойчиваго, и пригласилъ его на русскую службу. Бауманъ согласился, [1] равно какъ

№ 2) и Портфель Миллера, № 199. Значительная доля ихъ доселѣ не была извѣстна. Другая группа документовъ хранится въ Готѣ, въ Камеръ-архивѣ и Герцогской Библіотекѣ, и извлечена въ Eine ecclesia militans in Moscau vor zwei Jahrhunderten. Berlin, 1863, въ обширной біографіи Beck'a Ernst der Fromme, Herzog zu Sachsen Gotha und Altenburg. Weimar, 1865, I—II, и въ Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Lavrent Rinhuber. Berlin, 1883. Нельзя не пожалѣть, что издатель послѣдняго сборника взялъ документы съ рукописи только Библіотеки и не снесся съ трудами его предшественниковъ, почему допустилъ весьма важные недосмотры. Напримѣръ, о № V, одномъ изъ наиболѣе содержательныхъ писемъ Рингубера, онъ замѣчаетъ, что, за несуществованіемъ подлинника, напечаталъ его съ копіи, написанной различными почерками. Между тѣмъ у Beck'a, I, стр. 599, прим. 831, прямо указывается, что подлинникъ этого письма находится въ Каммеръ-архивѣ, Cap. IX, Tit. III, № 10, то-есть въ томъ же городѣ, только въ другомъ хранилищѣ. Вообще, сборникъ изданъ не съ тою осторожностью и эрудиціей, какія мы привыкли встрѣчать въ нѣмецкихъ изданіяхъ документовъ.—Данный вопросъ служилъ предметомъ также отдѣльнаго нашего изслѣдованія: «Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло». М, 1884.

[1] Заимствуя изъ неточной на этотъ разъ выписки Fechner'a (I, 289) и по обычаю ссылаясь на Acten über Bauman, Соколовъ

подполковникъ Альбрехтъ Шневичъ, одинъ маіоръ и 8 капитановъ. Въ спискѣ принятыхъ Бауманъ былъ означенъ «Датскія земли полковникъ, и инженеръ, и гранатный мастеръ Миколай Бовманъ». Узнавъ отъ состоявшаго при посольствѣ переводчика иноземца Ѳедора Мейера, что московскій пасторъ Якоби померъ, Бауманъ съ согласія остальныхъ, отправлявшихся въ Россію, офицеровъ предложилъ Ивану Дитрику Фокероту (родомъ изъ Мюльгаузена, въ Тюрингіи) ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Москву и занять тамъ мѣсто умершаго пастора.

«Послѣ того, какъ по неотвратимому изволенію Божію, читается въ письмѣ его изъ Копенгагена къ Фокероту отъ 15 сентября 1657 года, у духовной общины въ Москвѣ пасторъ и духовникъ N. N. взятъ временной смертью, ей на это мѣсто опять надобно подходящее лицо, которое бы могло пасти ее и служить ей проповѣдываніемъ спасительнаго слова и должнымъ совершеніемъ высокихъ таинствъ. Будучи прошенъ и уполномоченъ отыскать такое лицо, я, нижеупомянутый, признаю и свидѣтельствую симъ моимъ открытымъ пись-

---

(прим. 76. стр. 9), пишетъ: «Генералъ Бауманъ поступилъ въ русскую службу 1654 года; въ 1657 году былъ въ Копенгагенѣ для приглашенія въ Россію воинскихъ людей». Не Бауманъ въ 1657 году, въ качествѣ прибывшаго изъ Россіи нарочнаго агента, приглашалъ другихъ на русскую службу, а самого его тогда пригласили сюда; ранѣе же онъ никогда и не былъ въ Россіи. См. издан. нами Памятники, № I, стр. 13, 25—26, а также грамоту о приглашеніи Баумана на службу (Любскія дѣла Архива 1656—1657 г.) и справку о пріѣздѣ его въ Москву (въ М. Гл. Архивѣ, Выѣзды въ Россію 1692 года, № 16.)

момъ, что Божіимъ Провидѣніемъ, по совершеніи молитвы Св. Троицѣ, призвалъ и этимъ письмомъ, на мѣсто прежняго проповѣдника, во имя Св. Троицы призываю достопочтеннаго и высокоученаго Ивана Дитрика Фокерота нѣмецкимъ пасторомъ Московской общины, который обѣщалъ, что, какъ только установленнымъ порядкомъ будетъ поставленъ, онъ вступитъ въ должность и будетъ, подобно предшественнику, служить общинѣ въ дѣлахъ ея душевнаго спасенія и уча чистому неизмѣнному слову Божію, и должнымъ образомъ совершая св. таинства, а также будетъ наставлять въ христіанствѣ изъ катихизиса и другими поученіями любезное юношество и слугъ, посѣщать бѣдныхъ и больныхъ, поучать и утѣшать словомъ Божіимъ и во всей своей жизни держаться такъ, какъ подобаетъ истинному служителю Божію, безпорочно во всѣхъ дѣлахъ. За это онъ долженъ пользоваться, какъ и его предшественникъ, всѣми правами и всѣми доходами, безъ малѣйшаго исключенія. Потому я и прошу препочтеннаго, многоуважаемаго, высокоученаго г. Ивана Сванингія, доктора и профессора богословія королевскаго Копенгагенскаго университета и суперъ-интендента въ Зеландскомъ округѣ, вышеупомянутаго г. Ивана Дитрика Фокерота посвятить и поставить въ должность проповѣдника, если онъ найдетъ его годнымъ по ученію и способностямъ». Для большаго удостовѣренія къ этой «призывной грамотѣ» Бауманъ приложилъ свою руку и именную печать.

Получивъ (18 сентября) ординацію отъ Сванингія, Фокеротъ на счетъ Баумана прибылъ (въ февралѣ 1658 года) въ Москву. Офицеры были приняты въ Посоль-

скомъ приказѣ милостиво, щедро награждены [1] и скоро назначены въ войско, отправлявшееся подъ начальствомъ боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкаго въ Малороссію противъ гетмана Выговскаго и крымскаго хана [2]. Туда они взяли съ собой и Фокерота. При осадѣ Конотопа (19 апрѣля—27 іюня 1659 года) Бауманъ отличился и за то, что тамъ «съ непріятели Татары и Черкасы бился, не щадя головы своея», былъ произведенъ въ генералъ-поручики. [3] Обезпеченный болѣе другихъ сослуживцевъ, Бауманъ содержалъ на свой счетъ Фокерота и по возвращеніи въ Москву вмѣшался въ церковныя дѣла, домогаясь вліянія на нихъ соотвѣтственно своему почетному служебному положенію.

Какъ и всѣ другіе, Бауманъ первоначально ходилъ въ церковь Фадемрехта. Но военнымъ чинамъ, которые служили въ Россіи давно, крайне было непріятно, что по служебной іерархіи выдвинулся новый человѣкъ; самъ

---

[1] «Великаго государя жалованье дано имъ на пріѣздѣ: Полковнику Миколаю Бовману кубокъ золоченъ съ кровлею въ $\overline{д}$ гривенки, ковшъ серебрянъ въ $\overline{г}$ гривенки, $\overline{к}$ бархата, $\overline{к}$ камки, сукно, $\overline{м}$ соболей въ $\overline{лє}$ рублей, денегъ $\overline{р}$ рублей» и проч. Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1692 года № 16, св. 14: «Справка» въ «Дѣлѣ по челобитью генерала Франца Лефорта о пропускѣ въ Россію иноземца Христіана Ригеля и о награжденіи его за выѣздъ».

[2] Объ этомъ походѣ см. у Соловьева, изд. 1861, XI, 62 и слѣд.

[3] Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Датскія дѣла, карт. 31, 1670 года, № 2: «Отпускъ изъ Москвы въ Данію бывшихъ въ россійской службѣ генерала Николая Боумана и полковниковъ Корниліуса и Вилгелма фонъ-Пасберговъ со служителями ихъ».

Бауманъ, назначенный генераломъ, требовалъ въ свою пользу различныхъ уступокъ. Возникли пререканія. Бауманъ пересталъ ходить въ храмъ и открылъ агитацію въ пользу возстановленія Второй церкви; въ пасторы къ ней онъ прочилъ своего Фокерота. Тѣмъ легче это было сдѣлать, что съ прекращеніемъ войны военные люди возвращались теперь въ Москву и поселялись въ Слободѣ въ небываломъ дотолѣ количествѣ. Наше правительство покидало прежнюю свою мысль пользоваться военными иноземцами только на время самой войны и затѣмъ отпускать ихъ за границу: оно находило болѣе практичнымъ оставлять ихъ въ Россіи въ качествѣ инструкторовъ, при ихъ помощи обучать ратному искусству природныхъ Русскихъ и разширить составъ войскъ «иноземнаго строя». Это значительно прикрѣпляло иноземцевъ къ одному мѣсту, дѣлало ихъ болѣе усидчивыми въ ихъ Слободѣ. Могло также случиться, что послѣ войны у возвратившихся съ похода было болѣе достатка, и многіе изъ нихъ, покрайней мѣрѣ новоприѣзжіе и члены распавшейся общины Якоби, желали, какъ и Бауманъ, играть роль значительнѣе, но со стороны жителей Слободы и старинныхъ прихожанъ Фадемрехта встрѣтили противодѣйствіе. Нашлись, естественно, лица, которыя на призывъ Баумана откликнулись весьма сочувственно и рѣшились хлопотать о возвращеніи неправильно захваченнаго вторымъ мужемъ Сарры, Юкманомъ.

Для вѣрности успѣха, челобитная правительству была составлена отъ имени прежнихъ прихожанъ Якоби, причемъ Бауманъ и всѣ вновь прибывшіе оставались какъ будто бы въ сторонѣ. Ссылаясь на то, что прежде

въ Новой Нѣмецкой Слободѣ было дано пастору Якоби мѣсто для богомолья его прихожанъ и они построили тамъ на свои деньги «богомольныя хоромы и дворъ пастору», и указывая, что теперь «полковникъ Николай Бауманъ вывезъ изъ Нѣмецкой земли иного пастора для ихъ богомолья и вѣры», «иноземцы полковники, подполковники, майоры, капитаны и всякихъ чиновъ служилые люди» просили (осенью 1660 года) государя пожаловать ихъ, велѣть «дать имъ на богомольное мѣсто данную, противъ прежняго своего государскаго указа, чтобы на немъ впредь жить пасторамъ ихъ для богомолья и вѣры, а Ивана Юкмана съ его женой оттуда сослать». Не дождавшись рѣшенія, община приступила къ возобновленію церкви. Сынъ пастора, прапорщикъ Генрихъ Якоби, подалъ челобитную въ пользу своего отчима, прося выданную на его имя данную оставить въ силѣ и воспретить Бауману и начальнымъ людямъ насильно строить богомольную хоромину.

Изъ Земскаго приказа наряжено было слѣдствіе. Мѣра двороваго мѣста сошлась съ прежнею дачей и въ длину и въ поперечникѣ, на дворѣ оказалась «богомольная хоромина двойня съ сѣньми; кругомъ двора заборы, ворота». Свидѣтели 16 человѣкъ, въ томъ числѣ голландскій пасторъ, показали, что то мѣсто дано пастору Якоби не подъ дворъ, а подъ богомольныя хоромы, которыя и были выстроены приходомъ, что пасторы всегда живутъ у нихъ на мѣстахъ, отведенныхъ подъ богомолье, и что по смерти пасторовъ тѣми мѣстами владѣютъ не жены, а вновь избранные общиной пасторы.

Судъ склонился на сторону церковной партіи. Было присуждено (12 ноября 1660 года) дворъ со всею го-

родьбой и богомольной хороминой отдать прихожанамъ для ихъ богомолья и ихъ новому пастору Фокероту и на-владѣніе имъ выдать данную; Юкману же и Генрихи Якоби пріискать себѣ въ Слободѣ другое свободное мѣсто.

Устранивъ препятствія, члены общины выстроили церковь за-ново. Главнымъ вкладчикомъ былъ Бауманъ, истратившій на то нѣсколько сотъ рублей; часть издержекъ была покрыта пожертвованіями прихожанъ, собранныхъ по сборной книгѣ. По количеству прихожанъ изъ высшихъ военныхъ она получила названіе Офицерской церкви. Богослуженіе въ ней правилъ Фокеротъ. [1]

У рѣчки Сосновки, за Конотономъ, мы потеряли (въ концѣ іюля 1659 года) цвѣтъ конницы, между тѣмъ какъ война изъ-за Малороссіи готовилась превратиться въ войну не только съ Крымомъ, но и Польшей, и потребность въ «рейтарахъ» и другихъ военныхъ иноземцахъ съ каждымъ днемъ возрастала. Ихъ принимали теперь большими партіями и безъ разбора. Съ накопленіемъ подобной массы иноземцевъ справляться съ дѣлами пастору Офицерской церкви Фокероту было труднѣе; къ тому же Бауманъ охладѣлъ къ нему. Генералу болѣе

---

[1] Памятники. 1, стр. 4—6; Rinhuber, № X. Понятно послѣ этого, насколько неточны разсказы Grot'a (I, 254—255), въ значительной степени повторенные Бушемъ (Busch, 214), Снегиревымъ и Мартыновымъ (Пр. Об. 1862, IX, 40; Москва. Текстъ составленъ Снегиревымъ при сотрудничествѣ издателя А. Мартынова. М. 1875, XXXII—XXXIII), что Офицерская церковь была построена Бауманомъ еще до основанія Ново-Иноземской Слободы, вскорѣ по его прибытіи (1647 г.) въ Россію,

нравился учитель Нѣмецкой школы въ Слободѣ, [1] Грегори, котораго онъ и пожелалъ имѣть пасторомъ.

Иванъ Готфридъ Грегори былъ сынъ маргсбургскаго медика Виктора Грегори; мать его, по смерти мужа, вышла за другаго медика, извѣстнаго въ послѣдствіи Лаврентія Блюментроста. Переселившись (октября 1658 года) въ Россію, Грегори опредѣлился учителемъ школы въ приходѣ Фадемрехта. Смѣтливость, начитанность и краснорѣчіе доставили ему къ тому времени нѣкоторую извѣстность Не терпѣвшій противорѣчій, но и не знавшій удержу въ своихъ привязанностяхъ, Бауманъ, которому понравился Грегори, настоялъ, чтобъ онъ получилъ за границей ординацію и воротился пасторомъ [2].

близь Яузы, у нынѣшняго Гошпитальнаго моста, а править въ ней службу по временамъ приходилъ Фокеротъ, «пасторъ кирки на чистыхъ прудахъ».

[1] А не «ректоръ школы общины на Чистыхъ прудахъ», и былъ, замѣтимъ кстати, посвященъ въ пасторы не въ «Данцигѣ», какъ утверждалъ Grot, I, 255.

[2] Объ этомъ фактѣ русскіе и нѣмецкіе источники значительно разногласятъ между собоіі. На допросѣ 12 сентября 1668 года въ Посольскомъ приказѣ Грегори разсказывалъ: «просили его генералъ Бовманъ съ начальными людми и дали ему письмо, чтобъ онъ ѣхалъ въ Цесарскую землю и сталъ въ пасторы, а ставъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москву». Памятники, 15. Спустя нѣсколько лѣтъ (10 марта 1673) Рингуберъ представлялъ это дѣло въ Саксонію въ такомъ видѣ: «Грегорія, какъ выдающагося оратора, сильно желалъ имѣть проповѣдникомъ генералъ. Когда онъ, для продолженія своихъ ученыхъ занятій, уѣхалъ изъ Москвы, генералъ послалъ въ догоню стрѣльцовъ и взялъ съ него клятву, что онъ вернется въ Москву пасторомъ». Relation, № X. По первому документу, Грегори просили и Бауманъ и старшины и снабдили его рекомендательнымъ письмомъ; по второму, Бауманъ одинъ насильно принудилъ его къ тому.

Въ Іенѣ онъ получилъ ученую степень магистра; въ Дрезденѣ, въ присутствіи курфюрста и сановниковъ, былъ рукоположенъ (вѣроятно, въ началѣ апрѣля 1662 г.) въ пастора.

По Саксоніи Грегори много говорилъ о положеніи протестантовъ въ Россіи и объ отношеніи къ нимъ русскаго правительства и заинтересовалъ московскими лютеранами обоихъ саксонскихъ правителей, курфюрста Іоанна Георга II и герцога Христіана. Отпуская его въ Москву, тотъ и другой послали съ нимъ по грамотѣ, въ которыхъ рекомендовали его государю и ходатайствовали за лютеранъ.

«Извѣстились мы, писалъ (16 апрѣля 1662 года) первый, объ отмѣнномъ благоволеніи вашей пресвѣтлости къ Германскому народу, и особенно къ исповѣдующимъ христіанскую вѣру по Августанскому уставу, и пасторъ Иванъ Грегори, урожденецъ нашей земли и нашъ подданный, посланный къ вамъ для священныхъ нуждъ исповѣдниковъ нашей церкви, весьма разславлялъ и хвалилъ, съ какимъ милостивымъ снисхожденіемъ разрѣшаете вы имъ въ предѣлахъ своего царства справлять общественное богослуженіе и имѣть церковь. Это ваше свойство наипристойно скипетру и державѣ вашей пресвѣтлости, и какъ угодно Господу, такъ и намъ сладко чувствовать его на себѣ. Возлагая надежду на взаимное благоволеніе, которое всегда питали наши предки и ваши предшественники, и движимые присущею намъ любовію къ живущимъ подъ вашимъ владычествомъ исповѣдникамъ вѣры, мы не усомнились возобновить старыя доброхотныя отношенія и смѣло увѣдомить вашу пресвѣтлость о нашемъ къ вамъ расположеніи. Прося о

томъ же самомъ, мы ходатайствуемъ, чтобы вы сохранили ваше доброхотство къ намъ и къ нашимъ единовѣрцамъ, какіе тамъ найдутся, впредь милостиво дозволяли имъ открытое и свободное исправленіе священнодѣйствія и держаніе для него храма въ обширнѣйшихъ владѣніяхъ, данныхъ вамъ Богомъ, и, какъ вѣрнымъ сынамъ церкви Христовой и вѣрнымъ подданымъ вашего царства, оказывали бы всякую помощь, милость и благоволеніе; и если они въ нуждѣ станутъ подавать вашей пресвѣтлости какія-либо просьбы по дѣламъ религіи, то ради насъ мы просимъ выслушивать ихъ благосклонно. Этимъ самымъ не только по всѣмъ концамъ вашего царства болѣе и болѣе будетъ возвеличиваться честь и слава Пресвятой Троицы, но и ваша пресвѣтлость будетъ имѣть служителей Божіихъ, которые станутъ открыто возносить моленія за вашу жизнь, здоровье, умноженіе вашего могущества» и т. д. Герцогъ саксонскій, въ своей еще болѣе витіеватой грамотѣ (отъ 23 мая того же 1662 года), въ сущности повторилъ то же самое: выражая благодарное удивленіе предъ милостивымъ отношеніемъ государя къ Нѣмцамъ и по преимуществу къ евангеликамъ, онъ ходатайствовалъ какъ за всѣхъ вообще жившихъ въ Россіи Нѣмцевъ, такъ въ особенности за пастора Грегори, «который добровольно подвергъ себя изгнанію, отказавшись ото всего имущества, оставилъ отчину, отеческій дворъ, племянниковъ и всѣхъ родныхъ, на своемъ пути подвергался въ жизни многимъ опасностямъ, и все это не для чего иного, но какъ послушный призванію отъ Бога».

Грамоты были въ Москвѣ переведены, и прочтены (въ концѣ октября) на Верху, во дворцѣ.

Лестно аттестованный саксонскими государями и какъ получившій ученую степень, Грегори сдѣлался предметомъ зависти старыхъ пасторовъ. Неудовольствіе возбуждалось и другими причинами. Краснорѣчивыя проповѣди Грегори привлекали къ нему массу слушателей. У Старой церкви убавилось число прихожанъ и доходовъ; это сердило Фадемрехта и оставшуюся при немъ паству. Еще болѣе вооружился противъ него его сослуживецъ по киркѣ. Не отличаясь краснорѣчіемъ и потому имѣя ограниченное число слушателей и вынужденый дѣлить теперь доходы пополамъ, самолюбивый Фокеротъ желалъ бы какъ-нибудь отдѣлаться отъ соперника. Онъ устраивалъ ему сцены и на сторонѣ очень плохо отзывался о немъ. Для проповѣди Бауманъ приглашалъ Грегори къ себѣ на домъ и старался унятъ неспокойнаго пастора. Представителями общины было взято (8 января 1663 года) съ Фокерота письменное обязательство не оглашать Грегори никакими позорными словами, ни тайно, ни явно, ни въ лицо, ни заочно, и почитать его, какъ честнаго человѣка и достойнаго пастыря своей общины. Въ томъ, что онъ сдержитъ слово, за него поручились четверо: два полковника фонъ-Подборхъ и Кригеръ, подполковникъ Дрейеръ и майоръ Болдвинъ. [1]

---

[1] Отсюда, отмѣтимъ кстати, уже можно видѣть, съ какими ограниченіями должно принимать повѣствованіе Соколова (18), будто бы Грегори былъ пасторомъ особой общины, «Саксонской», которая лишь «примыкала» къ общинѣ Фокерота и образовалась въ 1662 году по ходатайству саксонскаго двора. Въ грамотахъ саксонскихъ государей 1662 года нѣтъ и тѣни ходатайства объ основаніи новой общины, и сама она считала и называла себя, какъ увидимъ ниже, пока безраздѣльно одною «Офицерскою». «Саксон-

Видимое примиреніе между пасторами состоялось, и Бауманъ спокойно продолжалъ устройство церкви. Къ 1665 году въ ней были хорошо обдѣланные стулья, скамьи, крещальня, каѳедра и алтарь. Но церковныхъ доходовъ было недостаточто, чтобы содержать ее и существовавшую при ней школу въ томъ видѣ, какъ бы желалось Бауману. Много потративши на ея постройку, онъ разсчитывалъ теперь на вспомоществованіе прихожанъ, надѣясь тѣмъ воротить свои израсходованыя средства и выплатить купцамъ, заимообразно ссужавшимъ деньги на ея постройку и украшеніе. Надежды однако не оправдывались. Жертвованія стекались слабо. Не только не чѣмъ было выплатить лежавшій на церкви долгъ, но нерѣдко задерживалась выдача жалованья пасторамъ, начальнику школы и кантору. Бауманъ, съ группой лицъ, сочувствующихъ его намѣреніямъ, пришелъ къ мысли обратиться за пособіемъ въ Германію, съ какой цѣлію былъ посланъ туда Грегори, вмѣстѣ съ длиннымъ просительнымъ письмомъ (отъ 12 марта 1667 г.) и сборною книгой.

Какъ нѣкогда грамоты саксонскихъ государей, письмо отличалось необыкновенно высокопарной цвѣтистостью выраженій и заискивающимъ характеромъ тона, и было составлено если не самимъ Грегори, то во всякомъ слу-

---

скою» вся эта община можетъ быть названа несравненно съ меньшимъ правомъ въ томъ смыслѣ, какъ сосѣдняя съ нею, Реформатская, иногда именовалась Голландскою. Мнѣніе о такомъ раздѣленіи, очевидно, остатокъ указанныхъ выше (стр. 92, прим. 1) разсказовъ тѣхъ изъ прежнихъ историковъ, которые считали Грегори и Фокерота пасторами общинъ и церквей, находившихся даже въ различныхъ мѣстахъ: церковь Грегори стояла де въ Нѣмецкой Слободѣ, у Яузы, церковь Фокерота на Чистыхъ прудахъ.

чаѣ при его участіи. Обращено оно было къ королямъ, курфюрстамъ, князьямъ, графамъ, дворянамъ, рыцарямъ, начальствамъ, имперскимъ и приморскимъ городамъ, вообще ко всѣмъ представителямъ и покровителямъ евангелическаго аугсбургскаго вѣроисповѣданія и адресовано отъ имени «правителей, старшинъ и старостъ Нѣмецкой аугсбургско-евангелической офицерской общины въ Нѣмецкой Слободѣ подъ Москвой». Упомянувъ, что ихъ «Нѣмецкая аугсбургская евангелическая московская кирка», которая предъ всѣми другими можетъ де, по слову пророка Исаіи (LIV, 11), быть названа бѣдствующей и безутѣшной, должна теперь прибѣгнуть къ помощи заграничныхъ господъ, и сообщивъ, что по благосклонности государя, послѣ ходатайства (1662 года) курфюрстомъ саксонскимъ чрезъ Грегори, московскіе офицеры пользуются теперь привиллегіей свободно отправлять богослуженіе и имѣютъ вполнѣ благоустроенную церковь, старшины продолжали: ихъ церковное зданіе, при всемъ своемъ благолѣпіи, должно устами своихъ служителей вопіять и жаловаться всему свѣту о томъ, что не только еще не выплачено ссуженыхъ на его постройку денегъ ни генералъ-лейтенанту Бауману, ни тѣмъ купцамъ, чьимъ содѣйствіемъ пользовался генералъ, но не можетъ уплачиваться жалованье служащимъ при немъ и при школѣ. Хотя представители этой «теперь жалующейся общины» и не могутъ пенять на щедрость ея братьевъ по вѣрѣ, но такъ какъ эти послѣдніе разсѣяны по обширному пространству Россіи и, вслѣдствіе настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, едва содержатъ себя, причемъ ихъ жалованье часто задерживается болѣе, чѣмъ на годъ; то годоваго дохода церкви не достаетъ на покрытіе долговъ

ея кредиторамъ, которые требуютъ свои долги все настойчивѣе. Куда же они должны прибѣгнуть, чтобы спасти ее? Обратиться снова къ трону царя значило бы дерзко злоупотребить прежнею милостью, какъ будто они не хотятъ удовлетвориться ею: потому слѣдуетъ прибѣгнуть къ начальству и собратьямъ по вѣрѣ на ихъ родинѣ, какъ опорѣ и столпамъ ихъ религіи, чтобы тѣмъ отразить презрѣніе здѣшнихъ соотечественниковъ и ихъ укоры, будто община не можетъ найти себѣ ни патроновъ, ни благотворителей. По истинѣ, какъ магнитъ ищетъ себѣ покоя подъ полярною звѣздой, по тайному и неизвѣстному сродству, такъ и эта зыблемая на чужбинѣ церковь ищетъ удовлетворенія у свѣтилъ и звѣздъ ея родственниковъ по вѣрѣ, по тайному, быть-можетъ, и Божіему изволенію. Это и побудило ихъ, послѣ долгаго обсужденія, снарядить кого-нибудь изъ болѣе почетныхъ единовѣрцевъ. Въ виду того, что государь никого не отпуститъ изъ лицъ военныхъ, порѣшили отправить «вѣрнаго духовнаго отца и заслуженнаго пастора теперь плачущей Нѣмецкой евангелической офицерской церкви, господина магистра Ивана Готфрида Грегори», за отсутствіемъ котораго всѣ дѣла общины будетъ править его товарищъ, пасторъ Фокеротъ, съ порученіемъ молить о помощи всѣхъ ихъ соотечественниковъ и братьевъ по вѣрѣ, свѣтскихъ и духовныхъ властей, и собрать и добросовѣстно доставить подаянія на ихъ церковь. «Итакъ всемилостивѣйшія и милостивѣйшія королевскія, курфюрстскія и княжескія главы христіанскаго міра и вы, благосклонные послѣдователи и члены Аугсбургскаго исповѣданія, которымъ нашъ посланный вѣрный духовникъ и пасторъ, г. магистръ Иванъ Готфридъ Грегори, вмѣстѣ съ этою просительною грамотой отдастъ

нашъ нижайшій и всеподданнѣйшій поклонъ, въ ваши всемилостивѣйшія, милостивѣйшія и высокоблагосклонныя объятья вручаемъ мы нашу еще не обезпеченную церковь и всю нашу надежду возлагаемъ, послѣ Бога, на ваше милосердое и любящее отеческое лоно, ради Господа прося васъ, чтобы вы наимилостиво и благосклонно соизволили принять на себя всемилостивѣйшую защиту, опеку и заботу о нашемъ храмѣ и богослуженіи и пролить потокъ вашей всѣмъ міромъ прославленной благотворительности, милости и христіанской любви и досюда, до Москвы, и помогли бы своими щедрыми подаяніями и подарками обезпечить и содержать нашъ бѣдный приходъ, и такимъ образомъ не только здѣшнимъ странамъ, но и всему міру доказать, что у васъ еще почитаются честь Божія и распространеніе вашей истинной религіи. Мы съ удивленіемъ смотримъ на счастье здѣшней Реформатской церкви, о которой издали блюдутъ высокомочные господа Голландскіе Штаты такъ тщательно, какъ бы она стояла въ Амстердамѣ, и это придаетъ намъ большую надежду на подобное счастіе, которое могутъ оказать также и наши ревнители по вѣрѣ. Подумайте же вы, королевскія, курфюрстскія и княжескія главы, вы, высшіе начальники городовъ, духовныя и свѣтскія правительства, что нынѣ изъ чужбины къ вамъ является Христосъ и пламенно желаетъ быть принятымъ, возвеличьте же вашу временную славу въ вѣчную, которую вы услышите изъ устъ Христа: «Я былъ чуждъ и страненъ, и вы Меня приняли» (Матѳ. XXV, 35). Мы же своими воздыханіями будемъ нашу благодарность здѣсь возсылать до небесъ и всегда во время богослуженія поминать также и васъ въ молитвахъ къ Господу, чтобъ Онъ здѣсь, на землѣ, подалъ вамъ сча-

стливое и мирное правленіе въ вашихъ государствахъ и земляхъ, богатое благословеніе вамъ въ правленіи, торговлѣ и во всѣхъ другихъ вашихъ дѣлахъ, тамъ же, на небѣ, даровалъ вѣчный вѣнецъ и блаженную награду».

Посланіе было скрѣплено большой церковной печатью, подписями и фамильными печатями старшинъ, именно: Баумана и полковниковъ: Густава фонъ-Кампена, Фридриха Мейера, Фридриха Гершау и Христіана Либенау фонъ-Лиліенклау. Копія съ посланія была внесена въ сборную книгу, гдѣ къ ней, кромѣ упомянутыхъ лицъ, подписались еще полковники: Эрихъ Андерсонъ Луксъ и Иванъ фонъ-Гове; но три полковника: Германъ и Николай фонъ-Штадены [1] и Артемій Росформъ, отъ имени которыхъ также писалось оно, своихъ рукъ не приложили.

Нѣтъ надобности придавать значеніе словамъ посланія, будто бы московскіе офицеры получили свободу богослуженія благодаря ходатайству саксонскаго курфюрста: ею пользовались они и ранѣе, и послѣ ходатайства никакого существеннаго измѣненія въ вѣроисповѣдномъ положеніи ихъ не случилось. Цѣль льстиваго преувеличенія ясна.

Снаряженіе Грегори общиной совпало со временемъ, когда у насъ хотѣли пригласить изъ-за границы нѣсколькихъ рудознатцевъ, ювелировъ и лицъ, знающихъ суконное и красильное мастерство. Поѣздка пастора въ Саксонію представилась какъ удобная для того оказія; припомнили, что Грегори былъ прежде рекомендованъ саксонскими государями. Весьма вѣроятно, что возложить

---

[1] Въ нѣмецкомъ оригиналѣ, впрочемъ, упомянутъ одинъ Германъ Штаденъ (Beck., II, 169, Памятники, I, 27), но въ русскомъ переводѣ, который имѣется въ «Дѣлѣ Баумана», означены оба,

на него порученіе къ саксонскимъ государямъ наше правительство побудили сами члены общины. Это во многомъ могло облегчить выполненіе магистромъ ихъ собственнаго порученія о денежной суммѣ, о которомъ однако они правительству ничего не сообщили, такъ что послѣднее совершенно не знало о настоящей цѣли поѣздки пастора, за что̀ года чрезъ полтора, когда раскрылось дѣло, Бауманъ получилъ отъ правительства строгій выговоръ. Пока готовили грамоту курфюрсту Іоанну-Георгію II объ этихъ «знатцахъ» [1], случилось, что царю понадобился хорошій лейбъ-медикъ. Чрезъ своего покровителя, Баумана, Грегори началъ добиваться этого мѣста для своего отчима, Лаврентія Блюментроста. Бауманъ вошелъ (4 марта) о томъ съ письменнымъ представленіемъ въ Пушкарскій приказъ, къ боярину кн. Юрію Ивановичу Ромодановскому. Ромодановскій принялъ его ходатайство, [2] и

---

[1] Царскій указъ Ордынъ-Нащокину о заготовленіи и посылкѣ такой грамоты съ Грегори помѣченъ 26 февраля 1667 года.

[2] Въ архивномъ дѣлѣ объ отпускѣ Грегори (М. Г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію, 1667 годъ, № 3) говорится: «Въ нынѣшнемъ въ ρо̄є году марта въ д̄ день въ Пушкарскій приказъ генералъ-порутчикъ Миколай Бовманъ прислалъ съ капитаномъ зъ Болдвинымъ Фикомъ нѣмецкое писмо. А по переводу капитана Болдвина въ томъ де генераловѣ писмѣ написано имя Цысарской земли дохтура Лаврентюса Блумантройста, а тотъ де дохтуръ у саксонскаго курфиста, да Вимера, да у Голла, да у Ейзинокта надо всѣми дохтуры началной человѣкъ и судья города Милингузена». Рингуберъ писалъ потомъ (15 апрѣля 1673 года): «Въ то время у царя не было лейбъ-медика, почему Ромодановскій могъ дать призывную грамоту, кому ему было угодно. М. Грегори выпросилъ чрезъ Баумана эту грамоту для своего отчима Блюментроста» (Relation, № X). Ясны отсюда неточности Рихтера (Истор.

чрезъ восемь дней (12 марта) были готовы двѣ царскія грамоты: одна Блюментросту, «опасная», съ приглашеніемъ его на службу; другая къ курфюрсту, съ просьбой объ отпускѣ изъ своихъ владѣній съ пасторомъ Грегори различныхъ мастеровъ. О Блюментростѣ въ грамотѣ было сказано: «Да намъ же, великому государю, вѣдомо учинилось, что есть у васъ въ державствѣ Цесарскія земли дохтуръ, Лаврентій Блумантростъ: и есть ли того дохтурова воля до страны нашея ѣхать, или прежде съ обвѣщеніемъ о себѣ прибыти?» За исполненіе этого государь обѣщалъ курфюрсту «не умалять» его будущихъ прошеній, воздавать ему тѣми же мѣрами.

Благодаря царскимъ грамотамъ, Грегори явился въ Саксонію какъ бы нарочнымъ правительственнымъ агентомъ, чуть не посломъ, что̀ очень годилось ему для его прямой цѣли. Онъ побывалъ въ Дрезденѣ, Готѣ, Аугсбургѣ и другихъ городахъ и всюду былъ принимаемъ съ почетомъ. Его сборная книга покрывалась подписями очень крупныхъ жертвованій: саксонскій курфюрстъ Іоаннъ Георгъ II обѣщалъ 1.000 талеровъ, саксонскій герцогъ Эрнстъ 200, герцогъ вюртембергскій Эбергардтъ 600, маркграфъ баденскій 100, города Регенсбургъ 266, Аугсбургъ 500 талеровъ, Нюрнбергъ 389 талеровъ и 46 крейцеровъ, Страсбургъ, Франкфуртъ - на - Майнѣ и Ульмъ по 50, Эслингенъ 100 и Ритлингенъ 30 гульденовъ. Изъ государей наиболѣе дѣятельное участіе приняли саксонскіе. Курфюрстъ далъ Грегори свое письмо (3 іюля 1667 го-

---

Медицины въ Россіи, II, 242—243) и Чистовича (Истор. перв. медиц. школъ въ Россіи. 1883, XCI) въ передачѣ обстоятельствъ призванія въ Россію Блюментроста.

да) ко властямъ и городамъ всего Римскаго государства, въ которомъ просилъ ихъ оказать свое содѣйствіе какъ «Общинѣ Аугсбургскаго исповѣданія въ великомъ княжествѣ Московскомъ», такъ и самому Грегори. Жертвуя свои 200 талеровъ въ пользу этой общины, герцогъ саксенъ-готскій Эрнстъ, за свою ревность о лютеранствѣ и благотворительность прозванный Благочестивымъ, выразилъ желаніе не оставлять общину и на будущее время. Для ея процвѣтанія онъ счелъ необходимымъ имѣть при ней хорошую школу. «Если вы, говорилъ онъ Грегори, не обучите юношество христіанству, то все христіанское у васъ потеряно. Подумайте только, какъ трудно потомъ старому человѣку представить вѣчное благо, котораго онъ никогда не видалъ и въ юности о немъ ни разу не слыхалъ».

Отъ Грегори герцогъ думалъ обстоятельнѣе разузнать о положеніи лютеранъ въ Московскомъ государствѣ и о современномъ состояніи самого государства. Объ этомъ кто-то уже представилъ небольшую записку. Въ ней, между прочимъ, было сказано, что царь не только дозволилъ свободное отправленіе евангелическаго исповѣданія, но еще въ 1660 году, приблизительно въ іюлѣ, пожаловалъ Офицерской церкви то преимущество, чтобы никто изъ подданныхъ, какъ бы ни былъ силенъ, не могъ мѣшать богослуженію евангеликовъ въ ихъ церкви, подъ страхомъ потери имущества и ссылки въ Сибирь, со всѣмъ семействомъ. Очевидно, здѣсь разумѣлась уже извѣстная намъ «данная» Фокероту отъ 12 ноября 1660 года, [1] въ которой ничего не заключалось, кромѣ обычно

[1] См. выше, стр. 123, и Памятники, I, № 1, стр. 4—6.

предоставляемаго у насъ права владѣть церковнымъ участкомъ и зданіемъ. Запись для просмотра и поправокъ была передана Грегори. Нельзя не подивиться, что Грегори еще болѣе подтвердилъ это преувеличенное сообщеніе своимъ авторитетомъ. Онъ написалъ: «Его царское величество не только всемилостивѣйше дозволилъ такую большую свободу нѣмецкимъ евангелическимъ христіанамъ въ Московіи, именно въ Слободѣ, но еще пожаловалъ дарственное письмо, которое хранится въ нашемъ новоустроенномъ домѣ Божіемъ, называемомъ Саксонскою церковью, и въ которомъ стоятъ такія сильныя слова: «мы завѣщаемъ, чтобъ эта свобода, данная нашимъ нѣмецкимъ христіанамъ, сохранилась ненарушимо и всѣми нашими преемниками и налагаемъ на нихъ этимъ письмомъ, какъ духовнымъ завѣщаніемъ, проклятіе и благословеніе—проклятіе, если они нарушатъ что-либо въ предоставленной свободѣ, благословеніе, если они будутъ поддерживать и хранить теперешнюю свободу Нѣмцевъ, за ихъ болѣе, чѣмъ столѣтнюю службу странѣ» [1]. Трудно объяснить, чѣмъ собственно руководствовался Грегори въ этой завѣдомой

[1] Beck (I, 585) относитъ эту небывалую привиллегію и самое извѣстіе о ней къ 1662 году; ему слѣдуетъ Fechner (I, 299), хотя и отрицаетъ достовѣрность привиллегіи. Въ отвѣтѣ Грегори, который былъ извѣстенъ Beck'у, года привиллегіи, дѣйствительно, не означено, но въ запискѣ, по поводу которой составленъ этотъ отвѣтъ, годомъ дарованія ея прямо названъ 1660-й. Что же касается года извѣстій о ней, то въ томъ и другомъ документѣ—запискѣ и отвѣтѣ на нее—говорится о нѣкоторыхъ событіяхъ, бывшихъ позднѣе 1662 года: московскомъ бунтѣ по поводу паденія цѣнности мѣдной монеты, только-что случившемся (1666 г.) сверженіи Никона, и проч. Оба документа изданы въ Relation, №№ I и II.

лжи, если только не желаніемъ показать значеніе своей, покровительствуемой герцогомъ церкви, чтобы тѣмъ еще болѣе заинтересовать его въ ея судьбѣ: не безъ причины же онъ назвалъ ее «Саксонской», вмѣсто «Офицерской», какъ называли ее ея прихожане и самъ авторъ записки, на которую отвѣчалъ Грегори.

Дѣйствительно, герцогъ написалъ Бауману теплое письмо (отъ 9 января 1668 года), гдѣ убѣждалъ и ободрялъ его содѣйствовать общинѣ и чрезъ то «помогать распространенію божественной славы и ученія». Продолжая съ прежнимъ достославнымъ усердіемъ свои заботы и поощряя своихъ единовѣрцевъ,генералъ можетъ быть де увѣренъ, что «всесильный и великій Богъ такое доброе дѣло, служащее къ Его славѣ и распространенію истинной религіи, благословитъ и не оставитъ безъ награды», какъ и въ томъ, что герцогъ будетъ ходатайствовать за общину у курфюрста и другихъ князей и вообще не оставитъ безъ своей помощи. Въ приглашеніи Блюментроста, который стоялъ у него на службѣ, онъ увидѣлъ чуть не прямую волю Божію, чтобъ этотъ могъ сдѣлаться орудіемъ распространенія лютеранскаго ученія въ такой отдаленной странѣ, и онъ не только выдалъ ему почетное свидѣтельство (3 января), но и побудилъ курфюрста Іоанна Георга II рекомендовать его царю, какъ необыкновенно опытнаго и искуснаго врача. Слишкомъ не много потребовалось, чтобы разыграться неосновательнымъ пропагандическимъ фантазіямъ чувствительнаго мечтателя.

Отговариваясь, что пока не могъ найти въ своемъ государствѣ искусныхъ мастеровъ,курфюрстъ Іоаннъ Георгъ II въ своей грамотѣ (22 января) рекомендовалъ Алексѣю

Михайловичу Блюментроста и снова повторилъ прежнее свое ходатайство о Московской лютеранской общинѣ и о Грегори. «Весьма пріятно намъ слышать, писалъ онъ, что ваша пресвѣтлость, во имя нашей взаимной дружбы и по своему государскому жалованью къ Нѣмецкому народу, до сихъ поръ милостиво держать изволили Общину евангелической нѣмецкой церкви, также надѣемся, что и впредь, на вѣчную славу вашего прехвальнаго державства, на благо всего государства и на умноженіе хвалы Божіей въ будущіе вѣка, ущедрите вашу милость и вольность живущимъ въ вашихъ пространнѣйшихъ государствахъ, во всемъ покорнымъ нашимъ единовѣрцамъ христіанской вѣры и особенно возвращающемуся къ вашему скипетру пастору Ивану Готфриду Грегори».

Въ благодарность за участіе Бауманъ отвѣчалъ (1 іюля 1668 г.) герцогу: «Мы не въ состояніи принести болѣе высшей благодарности, кромѣ нашей благоговѣйной молитвы; но мы, по ученью Евангелія, должны, какъ прежде, такъ и въ будущемъ, возносить въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ тысячи вздоховъ къ небу, и Богъ услышитъ ихъ на небесахъ и будетъ милостивъ здѣсь, на землѣ, къ вашей княжеской свѣтлости и всему княжескому дому. Высокія и милостивыя обѣщанія, которыя ваша свѣтлость, по высшему совершенству вашей христіанской любви, выразили чрезъ нашего посланнаго, сильно побуждаютъ меня и моихъ собратьевъ по церковному управленію заботиться объ устроеніи церкви и школы съ еще болѣе ревностнымъ постоянствомъ, хотя я, какъ маловажный членъ, не могу похвалиться, чтобы въ томъ, что могло служить къ славѣ Бога, я лично для упомянутой церкви, въ ея многихъ превратностяхъ, дѣлалъ по хри-

стіанскому долгу; только одно могу сказать съ чистою совѣстью, что тайная любовь къ ея процвѣтанію, подобно магнетизму, привязываетъ меня къ этой странѣ, когда различные почетные даже короля датскаго милостивые призывы могли бы поднять меня до высшаго счастья и внѣ этой страны».

Бауману вторили его сторонники. «Вашей великокняжеской свѣтлости, писали они герцогу отъ имени всей общины, мы, странствующіе въ здѣшнемъ мѣстѣ христіане, отъ глубины нашихъ сердецъ желаемъ Божіей милости и благословенія, счастливаго, мирнаго и долгаго царствованія изъ рода въ родъ; чтобы въ вашемъ великокняжескомъ домѣ не только ваши благочестивые подданые, но и нашѣ христіанское общество могли имѣть главу, утѣшителя и защитника, къ которому могли бы прибѣгать, и отца, который бы о нихъ заботился. Самъ Богъ, повидимому, даровалъ христіанскому міру вашу свѣтлость съ тѣмъ, чтобы вы, высокорожденный князь, истинная богобоязнь котораго поддержала и сохранила почти упавшее христіанство, могъ, подобно утренней звѣздѣ, свѣтящей между темными христіанами, бросать лучи вашей христіанской любви оттуда до Москвы. Насъ утѣшаютъ не столько милостивыя подаянія, какъ посланные вашею свѣтлостью 200 талеровъ съ нашимъ вѣрнымъ попечителемъ душъ и пасторомъ, магистромъ Иваномъ Готфридомъ Грегори для постройки и содержанія нашей церкви и школы, сколько удивительный примѣръ, которому могутъ слѣдовать съ великою безсмертною славой всѣ другіе христіанскіе государи, князья и господа; еще болѣе утѣшаетъ насъ высокая и душевная радость вашей свѣтлости о возрастаніи нашей еще мо-

лодой и нѣжной церкви и милостивѣйшія обѣщанія ваши касательно будущихъ попеченій о воспитаніи новорожденной невѣсты Христа, о которыхъ мы узнали чрезъ упомянутаго пастора. Милостивѣйшій князь и господинъ, мы отъ души желаемъ, чтобы ваша свѣтлость только представилъ въ своемъ воображеніи, съ какими слезами наши любезные аугсбургскіе евангелическіе нѣмецкіе христіане радостно приняли здѣсь такія нечаянныя милостивыя предложенія, когда имъ возвѣстилъ это на своей вступительной проповѣди такъ часто называемый любезный проповѣдникъ, и у вашей свѣтлости, быть можетъ, вызоветъ это слезы радости. Никакъ не иначе! Вѣдь до сихъ поръ здѣсь считается большимъ чудомъ, что Богъ высокохвальное христіанское сердце ихъ царскаго величества, всемилостивѣйшаго государя нашего, обратилъ, къ удивленію всего христіанскаго міра, до того, что онъ насъ, иноземныхъ христіанъ, со всей нашей свободою религіи и богослуженія держитъ на своемъ милостивомъ лонѣ такъ же, какъ бы мы благоденствовали въ своемъ отечествѣ. Немалое также чудо, посланное съ неба, что Богъ побудилъ столько господъ и князей, изъ такой дали, впредь принять, точно сироту, нашу вздыхающую церковь».

Было бы однако ошибочно принимать эти «единодушныя» увѣренія за чистую монету и придавать имъ широкое значеніе. Послѣдовавшія около этого времени новыя возвышенія Баумана по служебной лѣстницѣ сильно подогрѣли старыя междоусобія, а заграничныя пожертвованія, будто бы вызвавшія такія всеобщія слезы благодарности, подлили, что̀ называется, масла въ огонь и послужили поводомъ или по крайней мѣрѣ внѣшнимъ

предлогомъ къ необыкновенно жаркой и широкой церковно-общественной распрѣ, отразившейся на судьбѣ лютеранскихъ церквей.

Въ отсутствіи Грегоре Баумапъ былъ произведенъ въ полные генералы. Обойденные по службѣ его товарищи были крайне раздражены такимъ его счастіемъ и увеличивавшеюся въ немъ запосчивостію. При встрѣчахъ и на службѣ они устраивали ему множество непріятностей и даже задумали направить противъ него заграничную поѣздку Грегори. Такъ какъ она была предпрепята по инпціативѣ Баумана, то его противники задумали повредить Бауману, заподозривъ въ глазахъ правительства и личность Грегори, и мотивы его путешествія. О Грегори была ими распущена молва, будто онъ служилъ прежде въ Польшѣ, въ Гапчевскомъ полку, откуда бѣжалъ, и его имя, какъ человѣка безчестнаго, было прибито къ висѣлицѣ. Нѣкоторымъ русскимъ вельможамъ они пашентывали, будто Грегори отправился къ германскимъ князьямъ снабженный Ромодановскимъ тайными письмами и дарами, будто онъ измѣнникъ и собираетъ на кирку, какъ будто не достаточно было того, чѣмъ она пользовалась при покровительствѣ государя, и т. п. Эти козни, веденныя тайно, втихомолку, оказали свое воздѣйствіе. Приглашенный чрезъ Грегори Блюментростъ прибылъ въ Россію (въ маѣ 1668 года) вмѣстѣ съ сыномъ, двумя дочерьми и прислугой; на подъемъ отъ Пскова до Москвы ему выдано было 20 казенныхъ подводъ; тѣмъ не менѣе мѣсто главнаго царскаго врача было предоставлено только что пріѣхавшему шведскому лейбъ-медику Ивану Костеру фонъ-Розенбургъ, хотя этотъ прибылъ и безъ предварительныхъ ему призывныхъ

царскихъ грамотъ. О Блюментростѣ же распустили молву, что онъ не докторъ и не говоритъ по-латыни. Хотя потомъ, въ присутствіи газскаго митрополита Паисія Лигарида, онъ доказалъ свою ученость и вскорѣ получилъ царское жалованье; однако, если только вѣрить Рингуберу, [1] клеветы протестантовъ сдѣлали то, что ему очень долгое время, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, не дозволялось не только завѣдывать царскою аптекой, но и заниматься практикой, даже аптекаря не готовили лѣкарства по его рецептамъ.

Все это было на руку Фокероту, для котораго личность Грегори, послѣ удачнаго исполненія магистромъ порученій какъ отъ царя, такъ и отъ общины, стала рѣшительно ненавистною. Его личные интересы и антипатіи вполнѣ совпали теперь съ настроеніемъ и дѣйствіями враговъ Баумана, и онъ рѣшительно перешелъ на ихъ сторону. Въ свою очередь, они взялись поддерживать его. Образовались два враждебные, какъ бы организованные лагеря. Фокеротъ старался пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы придраться къ своему противнику и уронить его. Вскорѣ по своемъ возвращеніи, Грегори, во время богослуженія (31 мая 1668 года), вслѣдъ за своею вступительною проповѣдью произнесъ молитву сначала за саксонскаго курфюрста и другихъ западныхъ государей, потомъ за московскаго царя. [2]

---

[1] Relation, № V.

[2] Суммируя вины Грегори, Соколовъ (19) говоритъ: «Оказалось... что Грегори... восемь лѣтъ молился въ киркѣ сперва за германскихъ князей, а потомъ и за русскаго царя». Восемь лѣтъ Грегори уже потому не могъ такъ молиться, что столько времени онъ еще не былъ въ Москвѣ пасторомъ (вступилъ въ должность

Это хотѣлъ поставить ему Фокеротъ въ вину, но поднимать судъ да дѣло по такому поводу Нѣмцамъ казалось пока неудобнымъ. Составилось (5 іюня) обычное собраніе церковнаго совѣта. Подъ предлогомъ, что деньги собраны за границей для пасторовъ и что ему не доплачено жалованье, Фокеротъ вдругъ потребовалъ отъ Грегори для себя 1,200 талеровъ, между тѣмъ какъ по условію ему слѣдовало всего 100 талеровъ. Грегори возразилъ, что деньги пожертвованы князьями и городами на улучшеніе богослуженія и изъ нихъ отнимать что-нибудь незаконно, что онъ отдастъ отчетъ въ собранныхъ деньгахъ лишь тѣмъ прихожанамъ, которые командировали его при этомъ онъ, повидимому, какъ-то двусмысленно выразился относительно того, присланы съ нимъ дѣйствительно ли наличныя деньго, или одни лишь записи пожертвованій. Фокеротъ укорилъ его въ утайкѣ суммъ. На дѣла своей церкви Бауманъ еще имѣлъ значительное вліяніе; церковный совѣтъ состоялъ еще большею частію изъ тѣхъ членовъ, которые посылали Грегори за сборомъ, и Фокеротъ былъ поунятъ: представители общины замяли ссору, стараясь усмирить зачинщика [1];

въ октябрѣ 1662 года) и подобнаго обвиненія никто не возводилъ на него; обвиняли же его потомъ, что онъ такъ молился одинъ разъ, именно 31 мая 1668 года.

[1] Rinhuber (S. 46) прибавляетъ. «Главы церкви успокоиваютъ противниковъ угрозами удалить перваго, кто возобновитъ ссору. Фокеротъ былъ отставленъ, обвиненный 1) въ томъ, что вѣнчалъ лицъ женатыхъ, 2) что крестилъ дѣтей неизвѣстныхъ отцевъ и 3) много дѣлалъ странностей, какъ человѣкъ не въ своемъ умѣ». Русскіе источники не подтверждаетъ этого: въ нихъ говорится только о временномъ замиреніи пасторовъ и о томъ, что Бауманъ желалъ замѣнить Фокерота. Памятники, I, стр. 19, 21—22.

вслѣдъ затѣмъ, подъ различными благовидными предлогами, были удалены изъ состава совѣта тѣ, которые относились къ Фокероту съ сочувствіемъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, только усилила вражду и доставила Фокероту сторонниковъ, лично заинтересованныхъ въ его распрѣ, и Фокеротъ, не довольствуясь тѣмъ, что въ интимныхъ бѣсѣдахъ съ врагами Баумана продолжалъ чернить своего соперника, разъ (23 августа) у себя на дому, въ присутствіи этихъ единомышленниковъ, прочелъ прямой пасквиль, гдѣ говорилось, будто бы Грегори былъ лишенъ въ Австріи чина, чести и права голоса, а Бауманъ и его пріятель полковникъ Отто Росформъ—папежники.

Слухи объ этомъ разносились по Слободѣ, и Бауманъ, услыхавъ о пасквилѣ, который могъ окончательно подорвать его нравственное положеніе среди протестантовъ, не стерпѣлъ и 26 августа подалъ на Фокерота челобитную въ свой Пушкарскій приказъ. Сюда былъ позванъ Фокеротъ, который однако, считая себя въ подчиненіи не Пушкарскому, а Иноземскому приказу, «учинился силенъ», въ Приказъ не пошелъ ни по первому (27 августа), ни по второму требованію (28 августа). Изъ Пушкарскаго приказа, гдѣ вѣдалъ князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій, послали (29 августа) въ Иноземскій приказъ, къ Никитѣ Ивановичу Одоевскому, отношеніе съ требованіемъ о доставленіи Фокерота.

Когда дѣло принимало такой серіозной оборотъ, приверженцы Фокерота, желая предотвратить отъ него опасность, поспѣшили (28 августа) въ Иноземскій приказъ со своею челобитной. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, писалось въ ней, бьютъ че-

ломъ холопи твои полковники, подполковники, майоры и всякихъ чиновъ начальные люди. Приходитъ къ пастору нашему Ивану Фокероту генерала Николая Баумана полку поручикъ Керстенъ Метцъ со многими людьми, и того нашего пастора они таскали по двору и жену его бранили всякою неподобною бранью и били; 28 августа тотъ же поручикъ снова пріѣзжалъ со многими людьми къ пастору, когда этого не было дома. Эта ссора, государь, чинится отъ генерала Николая Баумана, оттого, что онъ хочетъ нашего пастора отогнать и поставить на его мѣсто Ивана Готфрида Грегори. Между тѣмъ Грегори, по прибытіи изъ Нѣмецкой земли, въ киркѣ молилъ Бога сначала о здоровьѣ Римскаго цесаря и курфюрстовъ и князей цесарской земли, за твое же царское пресвѣтлое, нашего милостиваго государя, здоровье онъ молился послѣ. Это онъ сдѣлалъ потому, что въ Цесарской землѣ онъ собиралъ деньги; онъ же называлъ Русскихъ варварами. Нехорошо его и давнее прошлое. Въ Москвѣ онъ былъ судимъ въ Рейтарскомъ приказѣ, еще ранѣе того убѣжалъ изъ Швеціи, изъ полку генералъ-майора Беткера, въ Польшу, въ Ганчевскій полкъ, но сбѣжалъ и отсюда. Сама кирка не принадлежитъ Бауману. Въ 1660 году, по твоему великаго государя указу и по сыску, дана данная пастору нашему Ивану Фокероту, и та кирка построена всѣмъ приходомъ. Милосердный государь, пожалуй насъ, холопей твоихъ, вели про то сыскать повальнымъ обыскомъ всякими людьми и учинить свой государскій указъ по прежнему своему указу и быть у насъ пастору Ивану Фокероту». Подъ челобитной подписались тридцать человѣкъ; двѣнадцать полковниковъ: Германъ фонъ-Штаденъ, Петръ Фрелихъ,

Яковъ Бильсъ, Николай Балкъ и друг., пять подполковниковъ: Юрій фонъ-Менгденъ, Шульцъ и друг., остальные майоры и капитаны и одинъ прапорщикъ; капитаны Шарпфъ и Иванъ Менгденъ и прапорщикъ Андерсонъ подписать своего имени не умѣли, за нихъ подписались ихъ товарищи. На поручика Керстена Метца въ тотъ же Приказъ подалъ (30 августа) жалобу и пасторъ Фокеротъ («нѣмецкій пастурь Еганко Дидрихъ Фонкратъ»). «Въ нынѣшнемъ, государь, году августа въ 27 день, писалъ пасторъ, приходилъ Керстенъ ко мнѣ, твоему богомольцу, на дворишко насильствомъ съ какими-то многими людьми, не извѣстно за что̀ меня и жену мою били, бранили всякою скаредною бранью и впредь похвалялись всякимъ дурномъ. Вели, государь, про все то сыскать и по сыску свой государской милостивый указъ учинить».

Хотя прямыя обвиненія направлены были противъ поручика Метца, но всякому ясно было, что онъ былъ только предлогомъ, что обвинители хотѣли достать Баумана и Грегори, изъ коихъ на послѣдняго взведено было нѣчто въ родѣ государева слова и дѣла. Тѣмъ, что Грегори по пріѣздѣ изъ Германіи въ общественной церковной молитвѣ, вслѣдъ за вступительною проповѣдью, молился прежде за курфюрста саксонскаго и другихъ князей, потомъ за царя, онъ обвинялся въ униженіи царскаго достоинства; тѣмъ, что онъ называлъ страну варварской — въ униженіи Московскаго государства. Честь того и другаго у насъ берегли ревниво, не ладились договоры самые неотложные, если въ договорныхъ грамотахъ царскому титулу не отводили перваго мѣста. Оставить безъ разслѣдованія такія обвиненія было нель-

зя, и царь повелѣлъ произвести судъ въ Посольскомъ приказѣ, у боярина Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащекина, думнаго дьяка Герасима Дохтурова и дьяковъ Лукьяна Голосова и Еѳима Юрьева. Сюда и потребованы были (9 сентября) Бауманъ и Грегори, а также подававшіе на нихъ и на Метца просьбу.

Чтобы предупредить рѣшеніе, Бауманъ представилъ (10 сентября) сюда пространную челобитную, въ которой, всѣхъ челобитчиковъ выставляя своими врагами, разоблачая ихъ заднія цѣли и козни, молилъ допросить ихъ подъ присягой предъ пасторомъ старой кирки Валтасаромъ Фадемрехтомъ на слѣдующіе пункты. «Вопервыхъ, каждый изъ челобитчиковъ какой церкви прихожанинъ? И вскорѣ обнаружится, писалъ Бауманъ, что изъ нихъ прихожанъ нашей церкви не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ, остальные съ давнихъ лѣтъ въ приходѣ у пастора Валтасара, и слѣдовательно съ лукавствомъ и обманомъ мѣшаются въ дѣла нашей церкви и пристаютъ сюда противъ правды. Вовторыхъ, подписавшіе челобитную знаютъ ли ея содержаніе, читали ли или слушали ли ее и всѣ ли хотятъ и могутъ обличить и доказать по ней? Тогда будетъ ясно, что иные подписались только изъ угодничества другимъ и желая унизить его. Втретьихъ, во всемъ ли они согласны съ Фокеротомъ, особенно съ его пасквилемъ, и поручали ли ему писать и читать это ругательное письмо? Вчетвертыхъ, на какомъ основаніи они говорятъ, что Фокеротъ ихъ пасторъ, а не мой и не мнѣ подчиненный, когда я его призвалъ изъ Копенгагена и привезъ на свои издержки, а они мнѣ ничего не заплатили и его не призывали, потому что у нихъ былъ свой пасторъ,

Фадемрехтъ? Не безъ причины же, когда однажды Фокеротъ обратился съ жалобой къ покойному боярину Ильѣ Даниловичу (Милославскому), тотъ ему прямо отказалъ, замѣтивъ: ««ты подъ генераломъ Бауманомъ, и вѣдомъ и судимъ у князя Юрія Ивановича›› (Ромодановскаго). Какъ же теперь они хотятъ отнять его у меня силой?» Одновременно съ тѣмъ Бауманъ подалъ другую челобитную на полковника Олафа. Этотъ утверждалъ, что въ Москвѣ находится капитанъ Николай Зильвертонъ, который извѣщалъ, будто бы онъ служилъ съ Грегори въ одной ротѣ, откуда послѣдній сбѣжалъ, и его имя было прибито къ висѣлицѣ. Зильвертонъ собирался ѣхать на родину, за границу, и Бауманъ просилъ задержать и допросить его.

Въ Посольскомъ приказѣ начинается рядъ допросовъ и очныхъ ставокъ. Первымъ подвергся допросу (12 сентября) пасторъ Грегори.

Спустя дней десять по пріѣздѣ изъ Саксоніи вмѣстѣ съ докторомъ Блюментростомъ, показывалъ пасторъ, именно 31 мая, въ своей новой киркѣ, которая была построена Бауманомъ, послѣ проповѣди читалъ онъ, какъ было въ обычаѣ, печатную молитву за здоровье цесаря и иныхъ христіанскихъ государей, потомъ отъ своего ума молилъ Бога за здоровье великаго государя и за весь его государскій домъ, поименно, и цесаря, курфюрстовъ и князей уже не поминалъ. И то онъ сдѣлалъ безо всякой хитрости и лишь потому, что читалъ молитву по печатной книгѣ. Русскихъ онъ варварами и безчестными людьми не называлъ, въ чемъ по совѣсти клянется Евангеліемъ и ссылается на многихъ лицъ, кромѣ тѣхъ, которыя къ челобитной руки прило-

жили и написали на него свой извѣтъ. Совсѣмъ не статочное дѣло безчестить ему Русскихъ: въ Московское государство онъ пріѣхалъ добровольно, оставивъ на родинѣ отца и другихъ сродниковъ. Быть-можетъ, они вмѣняютъ въ безчестье для Россіи слѣдующее. Какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ проповѣди было въ киркѣ собраніе изъ старшинъ шести и на ихъ вопросъ: «что говорятъ въ Цесарской землѣ о великой государской милости къ Нѣмецкому народу, что позволилъ не только кирку ставить, но и отпустилъ его сбирать на нее въ другихъ государствахъ?»—онъ отвѣтилъ: «князи и иные многіе честные люди говорятъ такъ: весьма удивительно для нихъ, что въ той землѣ, въ которой народъ прежде называли варварами, нынѣ царствуетъ такой милостивый государь, что позволено ему, Грегори, ѣхать въ иное государство и сбирать на кирку деньги.» До какой степени онъ хвалилъ Московскій народъ, о томъ писано въ присланныхъ съ нимъ къ государю трехъ грамотахъ отъ курфюрста и герцога саксонскихъ и можетъ представить въ свидѣтели доктора Блюментроста, призваннаго имъ на государеву службу. Еслибы въ самомъ дѣлѣ онъ чѣмъ поносилъ и укорялъ Русскихъ или бы неправо прочелъ молитву о государѣ, то начальствующіе, какъ вѣрные царскаго величества слуги, тогда же бы обличили его и донесли, теперь же прошло мѣсяца съ три; написана челобитная, какъ учинилась нынѣшняя ссора, и подписали ее все лица, которымъ онъ возбранялъ отстать отъ ихъ злыхъ дѣлъ.

Такъ оправдывался Грегори, по даннымъ хранящагося въ Архивѣ слѣдственнаго дѣла; въ нѣмецкихъ извѣстіяхъ есть нѣкоторыя поясняющія дополненія. По нимъ,

Грегори, не отрицая того, что въ своей молитвѣ впереди поставилъ курфюрста и иныхъ князей, однако показывалъ, что за государя молился въ такихъ выраженіяхъ: «въ особенности и прежде всего за его царское величество, какъ наше высшее начальство, подъ защиту котораго Ты, о Боже, по Твоей божественной милости и благоволенію поставилъ», и т. д. Слѣдовательно, царь ставился выше всѣхъ западныхъ государей. Второе обвиненіе Грегори объяснилъ искаженіемъ его сообщенія о томъ, какъ присутствовавшіе за столомъ герцога Эбергардта въ Витембергѣ князья и графы, обращаясь другъ къ другу, говорили: мы такъ долго и постоянно считали Московскую землю варварскою, а теперь слышимъ отъ пастора совсѣмъ иное».

На очной съ нимъ ставкѣ (17, 19 и 21 сентября) изъ двадцати пяти лицъ девять показали, что 31 мая они, бывъ въ церкви, слышали, какъ магистръ молилъ о здоровьѣ сначала цесаря, курфюрста и князей, потомъ уже государя; а трое, полковникъ Германъ фонъ-Штаденъ, подполковники Шульцъ и Яковъ Гильсманъ, заявили, что 5 іюня въ собраніи старшинъ въ той же церкви въ ихъ присутствіи Фокеротъ спросилъ у магистра заслуженныхъ денегъ изъ суммы собранной магистромъ у курфюрстовъ и князей, и магистръ выразился: «иль ты думаешь, что курфюрсты въ такую варварскую землю пошлютъ деньги?» Остальные отговаривались тѣмъ, что о проступкахъ Грегори слышали или отъ Фокерота, или отъ указанныхъ выше лицъ; двое добавили: что̀ написано въ челобитной, того они не знаютъ, и отъ магистра ничего не слыхали, приложили же къ ней руку, желая,

чтобъ у нихъ попрежнему остался пасторомъ Фокеротъ.

Магистръ потребовалъ допросить Германа фонъ-Штадена съ двумя его товарищами: кромѣ ихъ, кто былъ въ собраніи и слышалъ, что Грегори будто бы называлъ Русскихъ варварами? Эти отвѣтили: «Въ то время въ киркѣ были подполковникъ Цимерманъ, подполковники Артемій Росформъ и братъ Германа, Никола Штаденъ, также полковникъ Гершау и подполковникъ Иванъ Рель.» Послѣдніе двое не были допрошены, потому что одинъ уѣхалъ въ свое отечество, а другой находился внѣ Москвы на государственной военной службѣ; первые же трое, когда ихъ привлекли къ допросу, показали въ пользу Грегори, утверждая, что такихъ рѣчей, будто онъ называлъ Русскихъ варварами, они отъ него не слыхали. Ихъ отреченіе ставило Фокерота и Германа съ ихъ двумя единомышленниками въ очень невыгодное положеніе, и они начали добиваться, чтобъ отрекшихся подвергли допросу врознь, подъ присягой у пасторовъ Фадемрехта и Кравинкеля. Къ присягѣ ихъ приводилъ Фадемрехтъ; однако они не отступились отъ прежняго и добавили, что «въ томъ клянутся они по своей вѣрѣ клятвой.»

Искусно запутывая своихъ обвинителей, Грегори приставалъ къ нимъ: если они считали его не правымъ, почему же, служа великому государю и по долгу своей присяги, они не донесли на него своевременно? Обвинители очутились въ роли какъ бы обвиняемыхъ, такъ что имъ понадобилось защищаться. Германъ съ товарищами объясняли: ранѣе они не извѣщали потому, что имъ не удалось тогда примирить Грегори съ Фокеротомъ,

но замиренные разсорились снова, пасторъ принесъ имъ на магистра жалобу, почему теперь они на магистра чѣлобитчики. Другіе отговаривались различными предлогами: кто тѣмъ, что былъ болѣнъ, иной, что поджидалъ, когда подадутъ товарищи, чтобъ ему не одному быть челобитчикомъ, третьи невѣдѣніемъ русскихъ обычаевъ и предположеніемъ, что про то извѣстятъ старшіе, которые, родясь въ Москвѣ, хорошо знаютъ мѣстные обычаи. Всѣмъ ихъ доводамъ Грегори цѣны не придавалъ и мотивы ихъ жалобъ отыскивалъ въ другомъ. Главные доношики, по его словамъ,—его прямые непріятели, за свои безчинства исключенные, по его настоянію, изъ совѣта церковныхъ старшинъ (Kirchenältesten) и изъ числа членовъ общины, между ними Гильсманъ за то, что приходилъ въ церковь пьянъ и чинилъ всякое неистовство. На это Шульцъ возразилъ, что отъ церкви онъ не отставленъ, а не ходилъ въ нее изъ-за того, что слышалъ отъ магистра непристойныя слова. Болѣе другихъ счелъ себя оскорбленнымъ Гильсманъ. Чтобъ онъ въ кирку приходилъ пьянымъ, это онъ назвалъ ложнымъ поклепомъ, и свою отставку объяснялъ опасеніемъ магистра, какъ бы не послѣдовало на него со стороны Гильсмана правдиваго доношенія. Помимо устнаго отвѣта, онъ подалъ (26 сентября) челобитную съ просьбой разыскать ложность обвиненія на него Грегори въ пьянствѣ чрезъ разспросъ военныхъ начальниковъ и всей Нѣмецкой Слободы. Въ Приказѣ ограничились тѣмъ, что ее пріобщили къ слѣдственнымъ бумагамъ.

Быть-можетъ, понявъ характеръ слѣдствія, капитанъ Николай Зильвертонъ, который ранѣе распространялъ о Грегори плохую славу, на допросѣ (19 сентября) вдругъ

перемѣнилъ тонъ и сообщилъ: съ магистромъ въ Польшѣ въ одной ротѣ рейтаромъ служилъ, но оттуда магистръ не сбѣгалъ, служилъ, какъ прилично честному человѣку, и его имя къ висѣлицѣ не было прибито; такое обвиненіе на магистра сказано ложно, и онъ, Николай, про то впервые и слышитъ. Такимъ образомъ онъ очутился прямымъ защитникомъ Грегори. Показанія (4 октября) Метца въ свою очередь должны были крайне пошатнуть правдивость жалобъ Фокерота и его партіи на насильственныя надъ ними дѣйствія. Когда его спросили: 27 августа приходилъ ли онъ на дворъ Фокерота и билъ ли и бранилъ ли тамъ пастора и его жену, Метцъ объяснилъ: въ прошломъ августѣ, по челобитію генерала Баумана, былъ посланъ изъ Пушкарскаго приказа подъячій Иванъ Чупышевъ съ двумя человѣками за пасторомъ Фокеротомъ; подъячій дома пасторова не зналъ, и генералъ велѣлъ ему, поручику, указать, гдѣ находится дворъ; онъ указалъ дворъ и пастора, но никого не бранилъ и не бивалъ, и со двора вышелъ вмѣстѣ съ подъячимъ.

Сошлись (21 сентября) и главные соперники, Фокеротъ и Грегори. Фокеротъ утверждалъ: послѣ того, какъ магистръ 31 мая молилъ прежде за курфюрста и князей, а затѣмъ за государское здоровье, онъ ничего отъ него не слыхалъ, потому что въ кирку не хаживалъ; а 5 іюня, когда въ церковномъ совѣтѣ спросилъ у магистра заслуженныхъ денегъ, магистръ ему сказалъ: «иль ты думаешь, что курфюрсты въ варварскую землю деньги пошлютъ?» Устное показаніе Фокеротъ повторилъ письменно, гдѣ привелъ и имена присутствовавшихъ на совѣтѣ лицъ. «Въ томъ, что магистръ Иванъ Готфридъ

Грегори, значилось здѣсь, 5 іюня 1668 года по спасительномъ Рождествѣ Христовомъ, въ публичномъ церковномъ совѣтѣ, когда я потребовалъ свое заслуженное при настоящей киркѣ годичное жалованье и плату за построенный мной самимъ домъ, высокомѣрно и ясно, въ присутствіи полковниковъ: Германа фонъ-Штадена, Николая фонъ-Штадена, Фридриха Гершау, Отто Росформа и подполковниковъ: Ивана Шульца, Ивана Реля, Якова Гильсмана, Ивана Валентина Цимермана, сказалъ: ««Не думаешь ли ты, что курфюрстъ пошлетъ деньги въ такую варварскую землю?»» что я отчетливо и съ большимъ смущеніемъ и ужасомъ слышалъ эти слова изъ устъ магистра Ивана Готфрида Грегори, свидѣтельствую своею чистою совѣстью и собственоручнымъ подписомъ, въ чемъ помоги мнѣ Богъ и Его святое слово.»

Судьи нашли не понятнымъ, почему онъ, слыша такія рѣчи отъ магистра, ему не возбранялъ и до сихъ поръ не извѣщалъ о нихъ. Фокеротъ извинялся тѣмъ, что онъ тогда же просилъ старшину Германа фонъ-Штадена съ товарищами вслушаться въ тѣ слова и извѣстить на магистра; а послѣ убѣждалъ не молчать и тѣхъ, коихъ не было въ церкви.

Всѣ обвиненія Фокерота Грегори объявилъ ложными, и въ подтвержденіе сослался на прежнее (8 января 1663 года) письменное обязательство Фокерота не чинить ему непріятностей. «Это письмо, отвѣтилъ Фокеротъ, нарушено тѣмъ, что генералъ Бауманъ хочетъ у кирки имѣть пасторомъ магистра, а его, Фокерота, оттѣснить.» Эта замѣтка, брошенная случайно и какъ бы вскользь, проливаетъ яркій свѣтъ на мотивы спора.

При показаніяхъ на Грегори, на очной съ нимъ ставкѣ (17 сентября), полковникъ Бильсъ обратился съ просьбой о допросѣ магистру касательно безчестія, нанесеннаго имъ всѣмъ служившимъ въ Россіи иноземцамъ: бывъ у цесаря и курфюрстовъ, Грегори называлъ ихъ бѣдными людьми, такъ что будто бы у нихъ нѣтъ средствъ построить и кирки, почему и собиралъ тамъ деньги на построеніе церкви, между тѣмъ какъ они по государевой милости пожалованы, можно имъ построить кирку и на свои средства, безъ сбору въ другихъ государствахъ. Оправданіе себѣ магистръ находилъ въ томъ, что онъ сбиралъ деньги совсѣмъ не такъ, какъ говорилъ Бильсъ. Произвести сборы ему поручили Бауманъ и другіе старшины, и по возвращеніи онъ представилъ имъ сборную книгу, гдѣ курфюрсты и другіе князья лишь написали свои имена и цифры пожертвованій, обѣщая заплатить, если означенныя ими суммы будутъ собраны въ Москвѣ. На построеніе Бауманъ издержалъ до 700 рублей, но сколько было собрано потомъ въ Москвѣ и ему возвращено, того онъ не знаетъ. «Магистръ сказываетъ, изобличалъ его Бильсъ, будто бы онъ сбиралъ деньги на построеніе кирки: она была выстроена еще до его отъѣзда изъ Москвы, на деньги общины, а не одного Баумана». «Кирка, объяснялъ Грегори, была построена, когда онъ былъ въ Москвѣ; посылали же его старшины для сбору денегъ на ея поддержку въ хорошемъ состояніи и на школу». Бильсъ: «заботиться Бауману и Грегори объ этой киркѣ не къ чему: на мѣсто для нея дана данныя пастору Фокероту, который былъ призванъ не для Баумана, но по ихъ мірскому прошенію и для всей общины.»

Обвиненіе Бильса поддержали и развили нѣкоторые изъ сторонниковъ Фокерота, требуя, чтобы Бауманъ представилъ въ Приказъ тотъ счетъ, съ коимъ онъ посылалъ магистра къ саксонскому курфюрсту и въ которомъ, какъ имъ казалось, они обезчещены. Бауманъ отвѣчалъ на это: подлинное прошеніе, посланное имъ и старшинами, за ихъ подписомъ и печатями, къ курфюрсту саксонскому съ магистромъ, оставлено тамъ, потому что ни въ какомъ государствѣ не водится, чтобы листы или грамоты, писанные къ государямъ, отсылались назадъ; но копія съ просьбы была занесена въ сборную книгу, которою курфюрстъ и другія лица, записавъ въ ней свои пожертвованія и приложа свои печати, прислали съ магистромъ къ нему, генералу и старшинамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрстъ прислалъ и свою грамоту, которую онъ писалъ къ другимъ князьямъ и вольнымъ городамъ о вспоможеніи киркѣ.

Курфюрстова грамота, сборная и кассовая книги о строеніи кирки наконецъ были принесены (25 сентября) Бауманомъ. По итогу стоимости постройки, выведенному въ классовой книгѣ, значилось: всего издержано 820 рублей, 11 алтынъ, 4 деньги; начальные, служилые и торговые иноземцы внесли 213 рблей, 3 алтына; остальные 606 рублей, 7 алтынъ, 4 деньги слѣдуетъ Бауману дополучить. Въ сборной книгѣ послѣ просительнаго письма Баумана со старшинами, было 11 подписей извѣстныхъ уже жертвователей: саксонскаго курфюрста Іоанна Георга, герцога саксонскаго Эрнста и др:.

Въ просительномъ письмѣ къ курфюрсту, какъ оно ни былъ униженно, выраженій, прямо оскорбительныхъ для чести московскихъ иноземцевъ, къ счастію партіи Бау-

мана, не было отыскано. Отъ Баумана сыпался рядъ челобитныхъ, въ которыхъ онъ, или повторяя свои прежнія обвиненія, или развиваяя ихъ и дополняя новыми, домогался управы надъ своими и Грегори соперниками. Доносители на магистра, изобличалъ онъ теперь, когда ихъ допросили порознь, все свалили на троихъ, а иные прямо сказали, что они подписали челобитную не читая и лишь потому, что были подговорены. Несправедливо обвиняя Грегори, они называютъ своимъ пасторомъ Фокерота, который однако былъ призванъ и содержанъ прежде имъ, Бауманомъ, и который теперь не достоинъ того, чтобы быть въ Слободѣ пасторомъ у иноземцевъ. Почти всѣ эти доносители принадлежатъ къ Старой киркѣ пастора Фадемрехта, мѣшаются въ дѣла чужаго прихода, стараясь очернить магистра, а его, Баумана, осмѣять и поругать; изъ нихъ Германъ Штаденъ явно попрекалъ его при другихъ, будто бы всѣ неурядицы выходятъ отъ него, называлъ его главнымъ сборщикомъ.

Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находился Фокеротъ къ Бауману дѣйствительно оставался еще не выясненнымъ, и велѣно было узнать отъ генерала: было ли къ нему объ этомъ пасторѣ порученіе отъ другихъ начальныхъ людей, когда онъ приглашалъ его въ Москву, и если было, почему нѣтъ ихъ рукъ въ пригласительномъ письмѣ. Онъ сообщилъ: когда онъ, получивъ въ Даніи приглашеніе отъ царскаго посланника, князя Данилы Мышецкаго, отправиться въ Москву, собирался въ путь, переводчикъ Мышецкаго, иноземецъ Ѳедоръ Мейеръ, передалъ ему о смерти пастора въ Москвѣ, и онъ, безо всякаго порученія со стороны московскихъ начальныхъ иноземцевъ, пригласилъ съ собою Фокерота,

выхлопоталъ для него ставленную грамоту и на свои протори привезъ въ Москву. Если же въ пригласительномъ письмѣ написано: «просили его, генерала, и полную мочь дали», то здѣсь нужно разумѣть тѣхъ иноземцевъ, которые съ нимъ ѣхали вмѣстѣ на службу къ великому государю, своихъ рукъ они не приложили, потому что все полномочіе передали ему. И онъ представилъ именной списокъ этихъ лицъ. Всѣхъ ихъ было 14 человѣкъ, изъ нихъ въ Москвѣ оказалось всего двое, они подтвердили слова Баумана; остальные находились внѣ Москвы, на государевой службѣ, или были отпущены въ свою землю.

Какъ ни искусно вели борьбу и свою защиту Грегори и Бауманъ, однако вполнѣ обѣлить себя имъ не удалось. По близости и многосторонности своихъ сношеній съ иноземцами, судьи имѣли возможность собрать вѣрныя свѣдѣнія и оффиціальнымъ, и частнымъ путемъ. Свѣдѣній имъ казалось достаточно, и они приступили къ вершенію дѣла; къ тому же приближалось праздничное время, Святки. Была составлена большая докладная выписка, и судьи, выслушавъ ее, рѣшили (22 декабря): «Въ Нѣмецкой Слободѣ, при богомольной хороминѣ быть по прежнему пасторомъ Ягану Фокероту; потому что въ прошломъ 1660 году, по указу великаго государя и по челобитью полковниковъ, подполковниковъ, майоровъ, капитановъ и всякихъ служащихъ людей, дана данная на дворъ бывшаго нѣмецкаго пастора Ягана Якуби, съ тѣмъ, чтобы быть тамъ у нихъ богомольной хороминѣ и жить пастору, ему, Ягану Фокероту. Магистру же отъ той богомольной хоромины отказать: потому что онъ пріѣхалъ въ Московское государство по призыванью (?)

одного генерала Николая Баумана, и потому, что онъ, пріѣхавъ въ прошломъ 1678 году въ маѣ мѣсяцѣ въ Москву, бывши въ богомольной хоромынѣ, послѣ проповѣди, по обычаю читалъ по печатной книгѣ молитву и молилъ Бога прежде за здоровье римскаго цесаря и курфюрстовъ, а за здоровье великаго государя Бога молилъ послѣ; да онъ же, безчестя Русскихъ людей, называлъ ихъ варварами. Бауманъ можетъ имѣть его у себя, на своемъ содержаніи, но не у богомольной хоромины. А что доведется генералу донять за построеніе богомольной хоромины съ полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей, въ томъ ему съ ними учинить счетъ; убытки и протори за перевозъ Фокерота изъ Даніи искать ему судомъ. За посылку магистра для сбора денегъ въ Саксонію, не испрося напередъ на то царскаго разрѣшенія, сдѣлать ему выговоръ. Пославши, ему во всякомъ случаѣ слѣдовало наказать накрѣпко магистру: если курфюрстъ саксонскій или иные курфюрсты и князья начнутъ писать свои грамоты къ какимъ-нибудь государямъ и случится въ тѣмъ грамотахъ писать именованье великаго государя, и онъ бы смотрѣлъ, чтобы въ нихъ именованье и титлы были написаны сполна, по его царскому достоинству и какъ самъ государь въ своихъ царскаго величества грамотахъ аттестуетъ, но магистръ того не остерегалъ: въ листѣ саксонскаго курфюрста къ инымъ курфюстрамъ и владѣтелямъ о вспоможеньи имя великаго государя написано просто: «въ великомъ княжествѣ Московскомъ», хотя именованье и титулы государя курфюрсту саксонскому и извѣстны».

Рѣшеніе было объявлено не тотчасъ. Предполагая, что, судя по характеру хода дѣла, Фокеротъ могъ проиграть,

сторонники его ко времени рѣшенія подняли самую жаркую агитацію. Въ его пользу они составили коллективную челобитную. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, писали они, бьютъ чемъ холопи твои: полковники, подполковники, майоры, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики и всякихъ чиновъ начальные люди. Въ прошлыхъ годахъ былъ пасторъ Иванъ Якоби, и какъ только его въ живыхъ не стало, на его мѣсто приговорили быть пастору Ивану Дитриху Фокероту, и по твоему, государь, указу и по сыску, въ прошломъ 1660 году была выдана изъ Земскаго приказа ему данная на мѣсто въ Новой Нѣмецкой Слободѣ, коимъ владѣлъ прежде пасторъ Якоби. Когда мы бываемъ на твоихъ государевыхъ службахъ, онъ, пасторъ Фокеротъ, къ намъ въ полки пріѣзжаетъ для нашихъ душевныхъ потребъ. Милосердый государь, пожалуй насъ, холопей твоихъ, вели, по прежнему своему указу и по прежней данной, на мѣстѣ бывшаго пастора Ивана Якоби быть ему, Ивану Дитриху Фокероту». Всѣхъ подписей подъ челобитной было до 92; за нѣкоторыхъ лицъ подписались другіе.

Представить въ Приказъ челобитную вовремя, до рѣшенія тяжбы, они не успѣли, и, быть-можетъ, не зная еще, какъ рѣшено дѣло, они подали ее на другой день (23 декабря), послѣ того какъ состоялось опредѣленіе. Подвергать какимъ-либо измѣненіямъ рѣшеніе было не для чего: оно и безъ того клонилось въ пользу Фокерота; сдѣлано лишь небольшое прибавленіе въ концѣ его: «Да и потому приговорили пастору Фокероту попрежнему быть у той богомольной хоромины, что объ немъ били челомъ великому государю полковники, под-

полковники, майоры, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики и всякихъ чиновъ начальные люди».

Тяжущихся собрали (31 декабря) въ Посольскій приказъ для выслушанія указа. Какъ ни былъ умѣренъ послѣдній, примиренія онъ не произвелъ. Всѣхъ болѣе остался недоволенъ имъ Бауманъ. Онъ тотчасъ же началъ просить, чтобы государь велѣлъ полковникамъ доплатить ему оставшіяся за ними деньги, какія значатся по находящейся въ Приказѣ строильной книгѣ, заявляя, что пока они ему денегъ не заплатятъ, онъ имъ ключей отъ кирки не выдастъ и пастора въ кирку не пуститъ. При этомъ онъ говорилъ какъ бы про себя, однако такъ, что всѣ его слышали, что изъ его прихода били челомъ всего только четыре человѣка, остальные изъ приложившихъ руки принадлежатъ къ приходу другой кирки, и потому всѣ челобитчики—лжецы, и все ихъ челобитье—ложное. Главными ходатаями противъ Баумана теперь были Бильсъ, Кегелкинъ, Юрій фонъ-Менгденъ и Гастъ. Какъ желалъ того Бауманъ, счесться въ платежѣ долговыхъ денегъ они соглашались, если только онъ скажетъ, сколько осталось за ними денегъ, и просили, чтобы государь или повелѣлъ оцѣнить хоромину со всею стройкой и по оцѣнкѣ заплатить деньги, или же приказалъ бы Бауману снести ее вмѣстѣ съ домомъ, выстроеннымъ для Грегори, а деньги, которыя ими были жертвованы, имъ возвратить назадъ. А за то, что Бауманъ безчестилъ челобитчиковъ лжецами, всѣ эти иноземцы просили на него управы.

Пререканія и ссору они вынесли и за стѣны Приказа. Бильсъ и Гастъ съ товарищами приставали къ Бауману и не разъ били челомъ государю объ отдачѣ

имъ кирки для Фокерота. Бауманъ упирался Улучивъ удобную минуту, когда государь шелъ на Іордань (6 января 1669), онъ подалъ ему челобитную. Указывая на то, что кирку онъ построилъ на свои деньги, что челобитчики принадлежатъ къ иному приходу и что объ этой киркѣ ходатайствовалъ предъ государемъ курфюрстъ саксонскій, Бауманъ молилъ о защитѣ отъ этихъ враговъ, которые хотятъ у него отнять кирку насильно, и объ избавленіи его тѣмъ самымъ отъ позора и безчестья. Ссылка на ходатайство саксонскаго курфюрста произвела свое дѣйствіе: на другой же день государь пожаловалъ челобитчика, велѣлъ ему свезти свою кирку, куда хочетъ, мѣсто очистить и выплатить полковникамъ деньги, которыя они давали ему.

Кирку Бауманъ немедленно сломалъ и перевезъ въ свой садъ, а въ Приказъ прислалъ 213 рублей, но съ оговоркой, что эти деньги давали на постройку кирки всякихъ чиновъ служилые люди и торговые иноземцы и что въ нихъ его дачи 40 рублей. Иноземцы были приглашены за полученіемъ своихъ прежнихъ пожертвованій, лишь бы прилагали роспись, кто изъ нихъ сколько жертвовалъ.

Въ суммѣ, внесенной Бауманомъ, его противники не досчитывали многаго. Бауманъ, жаловался (22 января) полковникъ Бильсъ съ товарищами, по постройкѣ кирки на мѣстѣ, пожалованномъ Фокероту, сбиралъ съ нихъ и торговыхъ людей по особой сборной книгѣ, гдѣ они собственноручно записывали свои дачи; между тѣмъ онъ сломалъ церковь, не возвративъ имъ денегъ противъ сборной книги; равнымъ образомъ, ничего не выдѣлилъ имъ изъ собраннаго чрезъ Грегори за границей. Поэтому

просили они: «вели, государь, ту сборную книгу въ Приказъ положить и выдать по ней всѣ деньги, на которыя бы мы могли построить кирку за тебя, государя, Бога молить; а въ деньгахъ, собранныхъ въ Нѣмецкой землѣ, учини свой государевъ указъ, чтобы генералъ не завладѣлъ ими одинъ». «Та книга, отвѣчалъ (29 января) Бауманъ, когда потребовали отъ него книгу, находится у подполковника Реля, который и собиралъ съ иноземцевъ деньги; до денегъ, собранныхъ въ Саксоніи, челобитчикамъ и Фокероту нѣтъ никакого дѣла: курфюрсты и иные владѣтели подписывали деньги на челобитной его и другихъ лицъ, прихожанъ одной съ нимъ кирки: челобитчики рукъ къ ней не прикладывали, они принадлежатъ къ другой киркѣ, Старой, гдѣ пасторомъ Фадем рехтъ».

Предполагая, что дѣло не обойдется безъ новыхъ ставокъ съ Фокеротомъ, его сторонники начали хлопотать объ отправкѣ его къ бѣлгородскимъ начальнымъ служилымъ иноземцамъ, которые будто бы просили его прибыть къ нимъ для духовныхъ потребъ. Ихъ умыселъ былъ понятъ, и Бауманъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ соприхожанъ, Николаемъ фонъ-Штаденомъ, Отто Росформомъ, Фридрихомъ Мейеромъ и другими, подалъ въ одинъ день съ предыдущею своею челобитною другую о задержаніи Фокерота и очной имъ съ нимъ ставкѣ. «О пріѣздѣ Фокерота въ Бѣлгородъ ему, пастору, отъ начальныхъ людей не писано, но писано генералу Бауману, что этотъ пасторъ имъ не надобенъ за его нечистоплотства: пасторъ нашего магистра Ивана Готфрида Грегори обезчестилъ, о немъ прочиталъ у себя на дому послѣ обѣдни при многихъ людяхъ поругательный листъ, въ

которомъ обезчещены и выборные старшины нашей церкви. Приглашеніе вымышлено, чтобъ Фокерота съ Москвы спровадить и отбить насъ проволочкой». Фокеротъ, повидимому, отпущенъ не былъ.

Изъ опрошенныхъ относительно количества пожертвованій только полковникъ Яковъ Бильсъ и Петръ Фрелихъ сказали, что они дали на строеньс кирки по пяти рублей, которыхъ однако порознь отъ другихъ брать не хотѣли; двое. Иванъ Кегелкинъ и Иванъ Гастъ, сообщили, что они, когда строилась Бауманомъ кирка, въ Москвѣ не были и на постройку ничего не жертвовали; остальные не несли про дачу никакихъ сказокъ. Подполковникъ Рель, на котораго сослался Бауманъ, находился въ иноземскомъ полку въ Бѣлгородѣ, и отъ сѣвскаго воеводы князя Семена Андреевича Хованскаго было потребовано допросить Реля по его «евангельской заповѣди», отдавалъ ли ему Бауманъ сборную книгу и у кого онъ, отправляясь на государеву службу, оставилъ ее. Отвѣта изъ Сѣвска получено не было. Тогда допросили жену Реля, жившую въ Москвѣ; къ присягѣ приводилъ ее пасторъ Фадемрехтъ. Она показала: сборную книгу мужъ ея предъ своимъ отъѣздомъ оставилъ выборнымъ при его киркѣ, подполковникамъ Ивану Шульцу и Якову Гильсману, у которыхъ и надобно спросить ее; въ той книгѣ былъ записанъ сборъ на кирку, школу и раздачу нищимъ. Изъ этихъ лицъ Шульцъ имѣлъ случай дать показаніе о сборной книгѣ еще на очной ставкѣ (19 сентября 1668) съ Грегори. Магистръ укорялъ его, что онъ былъ отставленъ отъ управленія въ киркѣ за неправду, и что, когда прислали къ нему старшіе за книгой, онъ отвѣтилъ имъ, будто бы отдалъ ее въ При-

казъ. На это Шульцъ сказалъ ему: онъ отъ кирки не отставленъ, и старшіе къ нему по книгу не присылывали. Другой разъ допрашивать его о книгѣ въ Приказѣ не стали, не спрашивали о ней и Гильсмана. Такъ и затерялся ея слѣдъ.

Между тѣмъ Бауманъ хлопоталъ о возстановленіи сломанной имъ кирки.

Выдѣлить для нея мѣсто изъ собственнаго участка ему казалось малымъ. Рядомъ, по переулку къ Яузѣ, лежали участки капитана Буларта и живописца Голландца Петра Инглиса. При размежеваніи земли Буларту было отведено вдоль двадцать саженъ, но онъ обгородилъ и присвоилъ еще двадцать восемъ саженъ по сосѣдству, изъ свободной земли. Весь этотъ участокъ теперь и пріобрѣлъ Бауманъ, взявъ отъ Буларта купчую данную, и еще шесть саженъ изъ участка Инглиса. Здѣсь, вблизи своего сада, Бауманъ и построилъ свою церковь. 2 февраля она была торжественно освящена [1]. Служилъ въ ней Грегори, приходъ набрался изъ сочувствовавшихъ Бауману военныхъ начальныхъ людей, бывшихъ до того ея прихожанами, когда она стояла еще на дворѣ Якоби. Садъ былъ разширенъ, такъ что церковь очутилась среди растеній, и это свое дѣтище Бауманъ назвалъ тюльпаномъ.

Оставшись безъ церкви, сторонники Фокерота вынуждены были какъ-нибудь поправить дѣло. Вскорѣ на прежнемъ мѣстѣ у нихъ было построено новое церковное зданіе.

---

[1] Объ освященіи ея 2 февраля говоритъ Миллеръ (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Портфель Миллера № 199, Памятники I, № XVIII), Grot (I, 258) относитъ это къ 1 февраля.

Такъ, совершенно неожиданно, въ Нѣмецкой Слободѣ оказались три лютеранскія церкви, каждая со своимъ пасторомъ и приходомъ: Старая лютеранская, съ пасторомъ Валтасаромъ Фадемрехтомъ, Офицерская, съ пасторомъ Фокеротомъ, и Новая или Баумановская, съ пасторомъ Грегори. Нѣкоторое время Фадемрехту помогалъ Андрей Грегерзенъ [1], изъ Цитау, въ Лузаціи.

Завистливые враги Баумана не успокоивались и не давали ему прохода. Какимъ-то образомъ они вовлекли въ свои интересы царскаго духовника. При встрѣчѣ съ Бауманомъ они поносили его и даже однажды (3 мая) прямо похвалились, что ему съ ними не сладить, и не пройдетъ де трехъ дней, какъ они получатъ положенныя имъ въ Приказъ деньги, потому что упросить государя обѣщалъ имъ самъ духовникъ государевъ. Бауманъ рѣшился на послѣднее средство: или еще разъ обратиться къ ворочавшему дѣлами въ Посольскомъ приказѣ думному дьяку Дохтурову за защитой, или же чрезъ начальника Рейтарскаго приказа, Ромодановскаго, просить объ отпускѣ за границу. «Нахожусь теперь, писалъ (4 мая 1669) онъ къ Дохтурову, въ страшной скорби, что честь свою, здѣсь въ государствѣ полученную, болѣе нести не могу, и, если изволитъ Богъ, завтра же намѣренъ ѣхать къ господину моему боярину князю Ю. И. Ромодановскому и просить его доложить его царскому величеству объ отпускѣ, потому что отъ тѣхъ полковниковъ и меньшихъ начальныхъ людей до того поно-

---

[1] Историкамъ московскихъ пасторовъ онъ не былъ извѣстенъ. О немъ упоминается въ Описи Слободы 1665 г. (М. Архивъ М Юстиціи, Разрядная вязка № 1, дѣло № 125) и Relation, № II.

шенъ, что невозможно мнѣ послѣ того служить государю, не только что съ такими непокойными врагами идти противъ царскихъ непріятелей. И униженно прошу тебя, изволь мнѣ такую милость оказать, доложи въ удобное время мое дѣло его царскому величеству, чтобъ деньги были выданы изъ Приказа не имъ, а мнѣ. Тебѣ извѣстно, какъ эти мои противники во всемъ ищутъ фальшивыми средствами и хотятъ овладѣть этими деньгами, куда одни изъ нихъ ничего не клали, другіе клали слишкомъ мало. Если жъ не сбудется, то жалобу свою мнѣ Богу и всему свѣту предложить, что я, вольный человѣкъ породы Германской, нынѣ утѣсненіе принимаю отъ подданныхъ его царскаго величества, обезчещенъ, въ своемъ правдивомъ дѣлѣ терплю притѣсненіе отъ силы своихъ непріятелей».

Враги добивали его. Они искусно истолковали въ свою пользу ссылку Баумана на Реля и показаніе жены послѣдняго. Рель, утверждали они, находился въ Кіевѣ, его жена, допрошенная подъ присягой, показала, что «сборной книги мужу ея генералъ не отдавывалъ»: ясно, если Бауманъ не кладетъ книгу, то значитъ онъ хочетъ самовольно овладѣть киркой и деньгами. Въ Приказѣ требуютъ отъ нихъ записей, кто что далъ на строеніе кирки; но безъ сборной книги имъ этого сдѣлать нельзя, такъ какъ многіе изъ жертвователей находятся внѣ Москвы, на государевой службѣ, другіе отпущены на родину, третьи померли. Пзложивъ все это въ новой челобитной, они просили выдать имъ 213 рублей подъ росписку, а въ остальныхъ деньгахъ дозволить имъ счесться съ генераломъ, когда онъ положитъ сборную книгу.

Деньги дѣйствительно рѣшено было (7 мая 1669) выдать «изъ челобитчиковъ лучшимъ людямъ», съ условіемъ, чтобъ они возвращали ихъ жертвователямъ по принадлежности, беря отъ нихъ росписки. «Лучшими людьми» были полковники: Яковъ Бильсъ, Иванъ Кегелкинъ, Маргинъ Гурихъ и Петръ Фрель, все рьяные враги Баумана.

Около года потомъ о тяжбѣ ничего не слышно. Униженный Бауманъ не поднималъ голоса, пока еще разъ онъ не захотѣлъ попробовать счастія. Въ мартѣ 1670 года онъ подалъ жалобу [1] на то, что челобитная, по

---

[1] Въ Памятникахъ, стр. 40, нами сказано: «Подлинника этой челобитной въ дѣлѣ не сохранилось; приводимъ ее по извлеченію въ «Докладной выпискѣ». Намъ потомъ удалось найти ея подлинникъ въ совершенно иномъ дѣлѣ Архива и вложить ее на свое мѣсто. Вотъ ея текстъ: «Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твоій енаралъ Миклашко Бовманъ. Въ прошломъ, государь, ҃ѕоз—мъ году били челомъ тебѣ, великому государю, полковники Германъ фонъ-Сладенъ (?) съ товарыщи составнымъ ложнымъ челобитьемъ и написали въ своей челобитной, чтобъ имъ тѣ денги выдать изъ Посолскаго приказа, коя, холопъ твоій, положилъ для спору въ Посолскомъ приказѣ, двѣсти тринадцать рублевъ, и написали въ своемъ челобитьѣ, будто они всѣ бьютъ челомъ, коп тѣ денги здавали къ кирхи на строенье, и тѣмъ своимъ ложнымъ челобитьемъ тебя, великаго государя, оболгали, безъ розыску и безъ подписной челобитной имъ тѣ денги изъ Посолскаго приказу выданы. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то разыскать, чтобъ у меня тѣ денги напрасно не пропали, и по сыску свой царской милостивой указъ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй». На оборотѣ помѣта: «ро҃п—го марта въ к҃а день государь пожаловалъ, велѣлъ про то разыскать и

которой изъ Приказа выданы деньги, ложная; въ ней написано, будто бы она составлена отъ лица всѣхъ, кто жертвовалъ деньги, между тѣмъ какъ она составлена немногими. О присылкѣ взявшихъ деньги послано было требованіе въ Иноземскій приказъ; требованіе было повторено, и однако оттуда никакихъ вѣстей не присылали [1]. Посольскій приказъ не настаивалъ.

Очевидно, правительство было утомлено этимъ дѣломъ, и Бауману ничего не оставалось, какъ добиваться отпуска. Теперь его удерживать не думали. Жена его, Маргарита, была отпущена еще 13 сентября 1669 года, близился конецъ и его у насъ службѣ. Предъ отъѣздомъ ему хотѣлось обезпечить судьбу своей церкви.

Въ своемъ новомъ видѣ она не была утверждена никакимъ юридическимъ актомъ. И вотъ ея прихожане, «иноземцы всякихъ чиновъ», обращаются (17 декабря 1669 года) къ государю съ челобитной: «Въ нынѣшнемъ году учинился споръ между ними о мѣстѣ, на которомъ стояла прежде сего кирка, и съ того мѣста они свою кирку свезли и поставили на иное мѣсто, которое уступилъ имъ генералъ Николай Бауманъ и живописецъ Петръ Инглисъ: и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ то мѣсто подъ ту кирку справить и дать имъ данную». Хотя по справкѣ выяснилось, что Бауманъ уступилъ ту землю не по закону, такъ какъ половина

указъ учинить боярину Аѳонасью Лаврентьевичю Ордину-Нащекину». За тѣмъ другой рукой: «Учинить по указу великаго государя». Далѣе идетъ Докладная выписка изъ Дѣла.

[1] Двумя требованіями въ іюнѣ 1670 года собственно и прекращается сплошная масса документовъ въ «Дѣлѣ Баумана»; въ немъ есть еще два документа, но о нихъ рѣчь будетъ впереди.

ея была захвачена Булартомъ, отъ котораго онъ принялъ ее, самовольно; однако наше правительство взглянуло милостиво. «Въ 1670 (7178) году января въ 13 день думный дворянинъ Прокофей Кузмичъ Елизаровъ, Семенъ Васильевичъ Ларіоновъ, дьяки Ѳедоръ Протопоповъ и Иванъ Рагозинъ, выписку слушавъ, велѣли... тому мѣсту быть подъ киркой и дать имъ на то мѣсто данную». На другой день она, по государеву указу, была выдана ими «иноземцамъ полковникамъ, подполковникамъ, майорамъ, ротмистрамъ, капитанамъ, поручикамъ и прапорщикамъ, которые приходятъ въ кирку, что построилъ генералъ Бауманъ» [1].

При церкви была заведена школа. Чтобъ обученіе въ ней не мѣшало богослуженію, для Грегори выписали помощника, ректора Нарвской школы, Герарда Линау. При помощи щедраго герцога Эрнста, община сдѣлала ее безплатною, куда брали богатыхъ и бѣдныхъ, юношей, служанокъ, плѣнныхъ или купленныхъ Турокъ, Татаръ, Поляковъ, холоповъ и холопокъ, и учили религіи, нѣмецкому и латинскому языкамъ, музыкѣ, счету и письму. Школа такъ быстро возросла, что надо было подумать о ея расширеніи. Денегъ герцогъ прислалъ и выразилъ желаніе поточнѣе знать о ней и о церковно-религіозныхъ дѣлахъ общины.

Такъ какъ извѣстія подобнаго рода могли быть вредны для общины или невыгодны для Русскихъ, то герцогъ

---

[1] Копіи этой данной хранятся Въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Протестантскія, 1670, № 1, и Портфель Миллера № 199, и помѣчены 14, а не 16, какъ у Fechner'а (I, 340), января 1670 (7178) года, напечатана она въ Собр. гос. грам. и догов. IV, № 69.

предоставилъ на волю прихода, сообщить ли имъ письменно, или, еще лучше, устно, съ выѣзжающими изъ Россіи.

Ни письмо, ни деньги герцогскія уже не застали въ Москвѣ Баумана, на имя котораго они были посланы: незадолго предъ тѣмъ онъ выѣхалъ за границу.

30 декабря 1670 года, государь указалъ Ордину-Нащокину отпустить генерала въ Данію, снабдивъ его изъ Посольскаго приказа царскою грамотой и пасомъ, обычными въ такого рода отпускахъ. Изъ Посольскаго приказа навели справку въ Пушкарскомъ о томъ, когда и за что Бауманъ получалъ повышеніе по службѣ. Свѣдѣнія эти были доставлены и изъ Пушкарскаго приказа, и самимъ Бауманомъ, который, кромѣ того, просилъ отпустить съ нимъ до шести человѣкъ, мотивируя, что всѣ они—лютеране, въ Православную вѣру не крещены, на государевой службѣ не были, а служили у него добровольно лѣтъ по пяти и больше. Просьба его была удовлетворена. На основаніи добытыхъ свѣдѣній составлены были двѣ грамоты: одна (22 февраля 1671 года) на имя короля Христіана V, извѣщающая его о почетномъ отпускѣ Баумана; другая (28 февраля), опасная, какъ бы въ родѣ рескрипта. Поводомъ къ отпуску выставлялось то, что Бауманъ исполнилъ тѣ дѣла, которыя онъ обѣщалъ устроить и до исполненія коихъ его задерживали прежде, несмотря на ходатайство покойнаго короля Фридриха. Во второй грамотѣ значилось: «Пріѣзжалъ къ нашему царскому величеству въ службу полковникъ Николай Бауманъ и, будучи у нашего царскаго величества въ нашемъ государствѣ, намъ, великому государю, служилъ, противъ нашихъ недруговъ стоялъ и

бился мужественно, своихъ полковыхъ людей, которые у него были въ региментѣ, управлялъ, къ бою и справѣ приводилъ, и все строилъ и дѣлалъ вѣрно, какъ годно шляхетному начальному человѣку. За это мы его пожаловали изъ полковника въ генералъ-поручики и изъ генералъ-поручика въ генералы, и наградили великимъ кормовымъ и денежнымъ жалованьемъ, по его достоинству. Нынѣ, по его челобитью, онъ отпущенъ за море, въ Датскую землю; и буде впредь похочетъ служить, велѣли дать ему для въѣзда въ наше царство опасную грамоту».

Съ выѣздомъ Баумана, какъ самаго выдающагося лица, противъ котораго велась борьба, ссоры нѣсколько поутихли, но не прекратились. Подобно тому какъ прежде внѣшнимъ поводомъ служили присылаемыя изъ Германіи денежныя пособія, такъ теперь возбудили споръ присланные Эрнстомъ двѣсти талеровъ. За отсутствіемъ главы общины, Баумана, купцы, безъ предварительнаго указанія, не хотѣли выдать денегъ остававшимся ея представителямъ.

Впрочемъ, тѣ же споры, во время которыхъ протестанты такъ часто обращались къ правительству за содѣйствіемъ, ближе ознакомили съ иноземцами нѣкоторыхъ нашихъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ. Они по необходимости присмотрѣлись къ населенію Слободы и ея внутреннему быту; изъ иноземцевъ стали извѣстны не одни купцы и служилые люди, но и пасторы, школьные учителя Особенно должны были выдвинуться люди Бауманов ской партіи, какъ наиболѣе смышленые, и изъ нихъ по преимуществу личность, служившая правою рукой Бауману, пасторъ Грегори, и его цвѣтущая шко-

ла. Въ Германіи было въ обычаѣ, чтобы въ школахъ дѣти разыгрывали какія-нибудь піесы; быть-можетъ, что-нибудь подобное было и въ школѣ при Бауманов-ской киркѣ. Самъ Грегори былъ хорошо знакомъ съ современнымъ ему положеніемъ драмы въ Германіи. [1] Не довольствуясь различными домашними играми драма-тическаго характера, «отецъ и другъ Нѣмцевъ», все-сильный Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ думалъ тогда объ устройствѣ у себя и при дворѣ театра на европей-скій образецъ. Сторонникъ Баумана, полковникъ Нико-лай фонъ-Штаденъ, былъ посланъ (15 мая 1672) имъ за границу для найма годныхъ для того лицъ: музыкан-товъ, танцовщиковъ и комедіантовъ; [2] но нетерпѣливый вельможа, не дожидаясь его пріѣзда, поручилъ Грегори написать комедію и разучить ее въ его школѣ Грегори исполнилъ его желаніе, написалъ траги-комедію «Эсѳирь» или такъ называемое «Артаксерсово дѣйство». Шесть-десятъ четыре мальчика, частію русскіе, по большин-ство иностранцы, дѣти офицеровъ и купцовъ, нѣсколько мѣсяцевъ разучивали ее по-нѣмецки и по-русски. Тру-ды Грегори раздѣляли его помощникъ по обученію въ школѣ, учитель Лаврентій Рингуберъ, русскому языку обучалъ Юрій Михайловъ, кулисы рисовалъ извѣстный намъ живописецъ Петръ Инглисъ, уступившій часть своего участка подъ Бауманов скую церковь. Вотъ какъ очевидецъ Рингуберъ описываетъ впечатлѣніе, произве-

[1] Н. С. Тихонравовъ, Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. М. 1873.

[2] Подробные документы о миссіи Штадена хранятся въ Моск Гл. Архивѣ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1671, № 3, 1672—1677, № 1.

денное на государя первымъ представленіемъ: «Представленіе состоялось 17 октября 1672 года [1] (въ Преображенскѣ). Пораженный имъ царь проглядѣлъ цѣлыхъ десять часовъ, не вставая съ мѣста. Навѣрное, это будетъ началомъ нашего счастія. [2] Царь выразилъ свою милость автору и сыну Блюментроста, лучше всѣхъ другихъ исполнившему свою первую роль. Въ тотъ же день царскій посолъ Петръ Менезіусъ пригласилъ меня быть ему сопутникомъ, и я получилъ отъ Артамона Сергѣича отпускъ».

За границей Рингуберъ сталъ лицомъ, отъ котораго получали свѣдѣнія о дѣлахъ Московской общины, заинтересовавшихъ тамъ во время дѣятельности Баумана. Желаніе герцога Эрнста подробнѣе знать объ общинѣ, выраженное имъ въ указанномъ выше письмѣ(5 января 1671), удовлетворено пока не было. Въ благодарственномъ письмѣ (31 іюля 1671 года) было обѣщано ему окончательный отвѣтъ сообщить чрезъ уѣзжающихъ купцовъ; но объ этомъ сохранилось лишь случайное упоминаніе, что письма, которыя Грегори написалъ къ герцогу и въ коихъ изобразилъ состояніе евангелической школы въ Слободѣ, попали въ руки враговъ Проѣздомъ Рингубера чрезъ Саксонію Эрнстъ и пожелалъ воспользоваться

---

[1] Проф. Тихонравовъ, которому не было извѣстно сообщеніе Рингубера, предполагалъ (стр. 5, 15), что первое представленіе состоялось будто бы въ ноябрѣ 1672 года, на нѣмецкомъ языкѣ.

[2] Прежде рѣчь шла о бѣдственномъ положеніи Лаврентія Блюментроста, которому все еще не дозволялась медицинская практика, о Грегори и о самомъ Рингуберѣ, не получавшемъ обѣщаннаго ему Грегори за обученіе въ школѣ жалованья.

для пополненія недостающихъ ему свѣдѣній. Самъ Рингуберъ, находясь въ Дрезденѣ, написалъ герцогу письмо (10 марта 1673 года), въ которомъ, сообщивъ нѣсколько данныхъ о положеніи дѣлъ въ государствѣ и случаевъ изъ жизни Блюментроста, Грегори и своей, и между прочимъ о первомъ представленіи «Артаксерсова дѣйства», просилъ сложить недоимку съ небольшаго имѣньица его вдовы-матери, жившей въ мѣстечкѣ Лука, близь Альтенбурга. Охотно согласившись на это, герцогъ поручилъ (въ письмѣ изъ Фриденштейна, 18 марта) своему секретарю и предсѣдателю Альтенбургской консисторіи Іогану Ѳомѣ, находившемуся тогда въ Дрезденѣ, не только передать объ этомъ Рингуберу, но и предложить ему, не возьмется ли онъ исполнять желательныя герцогу различныя порученія, касающіяся Московской лютеранской общины. Ѳома предложить Рингуберу не успѣлъ, потому что этотъ уѣхалъ вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ въ Вѣну ранѣе, чѣмъ было получено герцогское письмо. Тогда герцогъ написалъ (Фриденштейнъ, 28 марта) въ своему вѣнскому агенту Прауну. Этотъ переговорилъ съ Рингуберомъ и предложилъ ему для отвѣта присланные отъ герцога вопросы; послѣдніе были составлены Лудольфомъ, авторомъ извѣстнаго тогда сочиненія объ Абиссиніи, проектировавшимъ устройство пути въ Абиссинію чрезъ Россію. Рингуберъ охотно согласился исполнить порученіе.

Вопросы герцога Эрнста и отвѣты на нихъ Рингубера характеризуютъ не только то, чѣмъ собственно интересовались тогда въ Саксоніи, но и довольно многосторонне, хотя и не безпристрастно, обрисовываютъ тогдашнее церковно-религіозное и моральное состояніе

живших въ Россіи протестантовъ. Нельзя ни на минуту забывать, что Рингуберъ принадлежалъ къ партіи Грегори.

1) «Кончились ли споры евангелическаго духовенства и настоятелей церкви»? спрашивали Рингубера. Онъ отвѣтилъ: «Хотя спорное ихъ дѣло давно уже порѣшено въ Царской тайной канцеляріи (то-есть въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ), однако старая вражда еще осталась, почему они всѣ очень дурно одинъ про другаго говорятъ и клевещутъ».

2) «Исполняетъ ли магистръ Грегори опять свою должность безъ противодѣйствія»? — Онъ отправляетъ богослуженіе въ своей церкви, какъ и слѣдуетъ ревностному духовному отцу, и до сихъ поръ прилежно старается водворить дружбу между евангелическими пасторами, однако его не слушаютъ, каждый живетъ по себѣ и не ищетъ его дружбы.

3) «Есть ли у реформатовъ своя церковь»?—Есть и уже очень давно, также и свой старый пасторъ Кравинкель съ двумя другими; живутъ они мирно, богослуженіе у нихъ процвѣтаетъ, въ Царскую канцелярію ходятъ рѣдко, не то, что евангелики, которые въ продолженіе шести лѣтъ вели много большихъ споровъ.

4) «Исправно ли получаются въ Москвѣ subsidia charitativa его княжеской свѣтлости, которыя онъ не разъ посылалъ туда въ помощь евангелическимъ церквамъ»?— Насколько мнѣ извѣстно, они никогда не достигали Москвы, но постоянно давалось знать, что они оставались въ Гамбургѣ; такъ начальникъ школы лишь недавно получилъ въ Гамбургѣ свои деньги за три года.

5) «Въ хорошемъ ли состояніи находятся школы и обученіе дѣтей?»—Послѣ того какъ учитель въ сентябрѣ

1671 г. оставилъ свое мѣсто и генералъ Бауманъ ушелъ въ Германію, два попечителя, полковникъ Циммерманъ и г. Хрисріанъ Эйхлеръ, сложили съ себя должность, а г. Багерахъ, прекраснѣйшій человѣкъ, померъ, остальные старшины, полковники Росформъ, Мейеръ и Либенау, о школѣ заботятся мало. По просьбѣ Грегори я поддерживалъ ее, иначе дѣти разбѣжались бы. Съ мая 1672 года до октября я, по приказу его царскаго величества, долженъ былъ приготовлять къ представленію комедіи. Но кто теперь обучаетъ, не знаю.

6) «Обращаются ли въ нашу евангелическую вѣру какіе-либо иностранцы изъ язычниковъ или другихъ націй?»—Иногда нѣмецкими господами посылаются для святаго крещенія татарскія или калмыцкія дѣти, привезенныя офицерами въ Москву въ качествѣ плѣнниковъ; такихъ я знаю пять или шесть. Нѣмецкіе господа посылаютъ въ школу также разнаго рода рабовъ.

7) «Сколько евангелическихъ церквей находится теперь въ Россіи?»—Иностранныхъ кирокъ пѣтъ въ Россіи нигдѣ, кромѣ Московской Нѣмецкой Слободы. Теперь тамъ три евангелическія: 1) Старонѣмецкая церковь, при которой г. Фадемрехтъ и еще проповѣдникъ Александръ Юнгъ [1]; 2) Церковь магистра Грегори, въ которой онъ служитъ

[1] Вѣроятно, онъ замѣнилъ Грегерзена. Kilburger (338) и за нимъ Büsching (II, 185) считали Юнге родомъ изъ Кенигсберга, самъ онъ на своихъ отпечатанныхъ потомъ проповѣдяхъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ выдавалъ себя уроженцемъ Данцига; Becker (Памятники, № XV) сообщаетъ о немъ, что первоначально онъ былъ пасторомъ въ Норкепингѣ, въ Швеціи, и принялъ должность московскаго пастора въ 1677 году—послѣднее, очевидно, ошибочно.

одинъ, и 3) Церковь пастора Фокерота, гдѣ иногда говоритъ проповѣди и Адександръ Юнгъ».

Вмѣстѣ съ отвѣтомъ на эти вопросы Рингуберъ написалъ (15/25 апрѣля 1673 года) изъ Вѣны другое письмо на имя Іоганна Ѳомы. Въ этомъ письмѣ, указавъ на дѣло Баумана [1] и число лютеранскихъ церквей, причемъ церковь Грегори названа имъ Новонѣмецкою, онъ добавляетъ: «Реформаты, Англичане, Шотландцы и Голландцы имѣютъ свой храмъ, съ пасторомъ Кравинкелемъ. Всѣ эти пасторы ненавидятъ другъ друга. Магистръ Грегори предлагалъ имъ собраться на совѣщаніе для рѣшенія церковныхъ дѣлъ, чтобы не вселять недовѣрія къ своей религіи, рѣшая дѣла въ русскихъ канцеляріяхъ. Онъ однако ничего не добился. Нѣкоторые проницательные люди опасаются, что отправленіе религіозныхъ обязанностей будетъ нѣкогда у иностранцевъ отнято и храмы будутъ разрушены. Боже милостивый! Сколько убійствъ, прелюбодѣяній съ замужними и не замужними женщинами доходитъ до суда и разсматривается въ канцеляріяхъ и судахъ русскихъ, и тѣмъ отвращается отъ иностранцевъ расположеніе вельможъ. Я укажу на нѣсколько такихъ случаевъ, по которымъ можно судить и объ остальныхъ. Нѣкій датчанинъ или житель Гамбурга, евангелическаго вѣроисповѣданія, былъ женатъ на молодой сестрѣ какого-то полковника и въ то же время прижилъ дѣтей со свояченицей, которая, какъ незамужняя, жила въ его домѣ... Еще одинъ держалъ на жалованьѣ разбойниковъ слугами, у многихъ несчастныхъ они отняли жизнь и имущество; благодаря

[1] О немъ онъ отзывается: «Это позорное дѣло я не рѣшаюсь передать ни на словахъ, ни на бумагѣ».

взяткамъ, этотъ разбойникъ оказался невиннымъ, и это одинъ изъ именитыхъ Германцевъ. Упоминаемые случаи самые новые. Магистръ Грегори указывалъ на все безобразіе этихъ фактовъ, настаивалъ, что такихъ лицъ не слѣдуетъ терпѣть въ приходѣ, и что надобно устроить церковный совѣтъ. «Нужно оставить по старому», отвѣчали старѣйшіе; другіе: «вѣдь не всѣ такіе»; виновные: «что мнѣ смѣютъ сказать пасторы?» [1] Остальные проповѣдники не обращали вниманія. Вотъ что происходитъ въ Россіи. Обстоятельства тяжелыя». Въ заключеніе Рингуберъ просилъ «ради Бога» не разглашать о сообщенномъ, иначе ему нельзя будетъ жить въ Россіи, и обѣщалъ перевести «Уложеніе» и написать подробное сочиненіе о церковномъ и политическомъ состояніи Россіи.

На возвратномъ пути Рингуберъ былъ въ Готѣ, у герцога Эрнста. Герцогъ лично убѣдился, насколько Рингуберъ могъ удовлетворять его любознательности относительно Россіи и жившихъ въ ней лютеранъ. Заручившись должными свѣдѣніями, онъ нашелъ полезнымъ снова вмѣшаться въ дѣло. Вмѣстѣ съ дарами, Эрнстъ послалъ съ Рингуберомъ грамоту Алексѣю Михайловичу и два письма—одно всесильному тогда Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, другое своимъ московскимъ единовѣрцамъ

«Лишь только стало извѣстнымъ, писалъ (12 февр. 1674 г.) онъ Артамону Сергѣевичу, что русскій царь разослалъ своихъ пословъ къ правителямъ христіанскаго міра и склонялъ ихъ къ союзу противъ Турокъ, мы не

---

[1] Responsum fert à senioribus: Wir möchens hin olden blifen laten! et ab aliis: D'is nie mei all et a delinquentibus: wat helft mi de Pape tho seggen?» S. 48.

могли удержаться отъ того, чтобы не выразить письменно нашу по этому поводу радость и не предложить своего содѣйствія. Для этой цѣли мы призвали къ себѣ своего подданнаго Л. Рингубера, который ранѣе сопровождалъ царскаго посла до самаго Рима. Рингуберъ подтвердилъ ходившіе слухи и прибавилъ, что ты укрѣпляешь царя мудрыми совѣтами въ его похвальныхъ намѣреніяхъ. Приносимъ тебѣ за это искреннюю благодарность и молимъ, да поможетъ тебѣ Духъ Святый направлять мысли царя къ славѣ Бога и церкви. Въ надеждѣ на то, мы посылаемъ ему, въ знакъ пріязни, дары и писаніе и просимъ тебя поднесть ихъ ему, если они, по твоему разсчету, будутъ ему пріятны. Не станемъ скрывать отъ тебя, что мы усердно рекомендовали царю единовѣрныхъ намъ Германцевъ, чтобы подъ его высокимъ покровительствомъ они могли спокойно отправлять свои религіозныя обязанности на всемъ пространствѣ его владѣній, какъ до сихъ поръ и дѣлалось. Не сомнѣваясь въ твоей къ нимъ благосклонности, молимъ тебя, другъ (amice), убѣдительно, воспользуйся своимъ вліяніемъ на царя, чтобы милость его къ названнымъ Германцамъ не прекращалась и чтобы они пользовались на дѣлѣ плодами нашего заступничества. При первой возможности мы отплатимъ за это всевозможными услугами. Поручаемъ тебя божественному смотрѣнію. Благосклонный другъ твой Эрнестъ, саксонскій герцогъ».

Грамота къ государю, дѣйствительно, заключала въ себѣ усердныя ходатайства. Выражая сочувствіе Алексѣю Михайловичу за его планы борьбы противъ Турціи и обѣщая свое и своего дяди, саксонскаго курфюрста, содѣйствіе, «чтобы тому намѣренію, насколько позволитъ

случай, совершиться», Эрнестъ присовокуплялъ: «При этомъ вашему царскому величеству прилежно вручаемъ Нѣмцевъ нашей вѣры, чтобы какъ до сего времени пользовались они въ отправленіи ея вашею милостивѣйшею обороною, такимъ же образомъ они и впредь мирно получали то во всѣхъ вашего царскаго величества государствахъ. Они, мы не сомнѣваемся, будутъ вѣрно исполнять вашему величеству службы и въ военное, и въ мирное время».

Самихъ же лютеранъ герцогъ убѣждалъ прекратить ихъ споръ и установить общій христіанскій домашній, школьный и церковный порядокъ. «Мы не мало обрадовались, когда были достовѣрно извѣщены, какъ Высочайшій Богъ проложилъ путь своему св. Евангелію въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ и странахъ, что даже въ большой и прославленной царской резиденціи, въ Москвѣ, такъ же, какъ и въ другихъ его царскаго величества земляхъ и областяхъ, свободно въ общинахъ Аугсбургскаго исповѣданія проповѣдуется св. Божіе слово и правильно ,по установленію Христа, совершаются св. Таинства. Въ доброй надеждѣ, что оказанное покровительство свободному совершенію нашей религіи послужитъ къ распространенію христіанскихъ церквей и къ обращенію многихъ душъ, мы въ присутствіи г. маг. Готфрида Грегори и на послѣдовавшія ходатайства милостиво объявили, что придемъ съ кроткою помощію къ тамошнимъ христіанскимъ общинамъ неизмѣннаго Аугсбургскаго исповѣданія, для содержанія ихъ школъ и церквей, и затѣмъ будемъ продолжать сообразно найденной нуждѣ; но теперь съ особенною горестью должны были узнать, что нѣкоторые изъ нашихъ единовѣрцевъ,

какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія произвели опасныя нечестія, которыя хотя и были осуждены высшимъ начальствомъ страны, но тѣмъ не менѣе до настоящаго времени не могли быть совершенно истреблены и до основанія уничтожены. Какъ сильно поражено наше сердце подобнымъ неразумѣемъ христіанскаго общества въ вашихъ мѣстахъ—объ этомъ легко судить, и мы должны озаботиться, чтобы содѣланныя заблужденія и расколы не только не помѣшали миру общинъ и не повели бы къ большимъ соблазнамъ, но также, чтобы не повредили передъ этимъ дарованному свободному отправленію религіи. Хотя мы объ этихъ спорахъ не произносимъ никакого приговора и на отвѣтственности каждаго лежитъ, насколько онъ въ нихъ виновенъ или нѣтъ, но все же мы считаемъ это нашимъ курфюршесткимъ долгомъ, насколько отъ насъ это зависитъ, принять на себя нужды нашихъ христіанскихъ собратьевъ и предохранить ихъ отъ всякаго ожидаемаго бѣдствія, добрымъ совѣтомъ и христіанскимъ напоминаніемъ, почему мы написали также его царскому величеству и его высокому министру, совѣтуя имъ продолжить милостивѣйшую охрану чистой евангелической церкви

«Но такъ какъ дѣло главнымъ образомъ зависитъ отъ васъ самихъ, то мы также, по нашей христіанской заботѣ, были принуждены вамъ, какъ членамъ общей христіанской церкви, къ которой мы принадлежимъ, при этомъ милостовѣйше и настоятельнѣйше напомнить, чтобы вы наконецъ всѣ вообще и каждый въ отдѣльности понудили себя, отложивъ всѣ частныя страсти, вражду и непримиримость, которыя разрушаютъ христіанское

единеніе, оставить и забыть происшедшія незаконности, чтобы Богъ и Отецъ нашего Іисуса Христа былъ единогласно восхваляемъ вами, и было сохраняемо общее христіанское домашнее, школьное и церковное благочиніе.

«Мы не считаемъ непремѣннымъ присовокуплять многочисленные обширные доводы, посовѣтовавъ необходимость такого христіанскаго единодушія, ибо вы сами знаете слово Божіе, какъ не хорошо, когда образуются въ общинѣ различныя партіи, и одинъ считаетъ себя Павловымъ, а другой—Аполлосовымъ, и что вражда, ссора, зависть, гнѣвъ, брань, раздоръ, злоба, ненависть суть дѣла плоти, и что тѣ, которые творятъ подобное, не наслѣдуютъ царства Божія. Потому мы надѣемся, что вы, послѣ христіанскаго соединенія и водворенія согласія и единомыслія, впредь извѣстите насъ о вашемъ лучшемъ возстановленномъ церковномъ порядкѣ, котораго мы отъ всего сердца желаемъ, общимъ письмомъ или, если, сверхъ ожиданія, этому представятся непредолимыя затрудненія, каждая часть въ отдѣльномъ отвѣтѣ опишетъ все положеніе церковныхъ дѣлъ, чтобы мы могли лучше распредѣлять дальнѣйшія субсидіи и удовлетворять потребности евангелической церкви вообще безъ различія, гдѣ мы это сочтемъ наиболѣе нужнымъ».

Послѣднее письмо было прочтено (5 іюля 1674) московскими лютеранами въ присутствіи трехъ ихъ пасторовъ, причемъ Рингуберъ сообщилъ, что герцогъ обѣщаетъ не только пожертвовать неприсланныя имъ за послѣдніе три года деньги, но и ходатайствовать о пособіи и у другихъ нѣмецкихъ владѣтелей, и что въ Бранденбургѣ уже собраны 1.000 рейхсталеровъ. Такое участіе лицъ постороннихъ, по извѣстію Рингубера, произвело на

присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе: у многихъ навернулись слезы, иные выразили раскаяніе въ томъ, что были виновниками соблазна. Положили обсудить дѣла на общемъ собраніи, но на послѣдовавшихъ по этому поводу трехъ засѣданіяхъ не пришли ни къ какому рѣшенію, кромѣ того, чтобы каждый пасторъ описалъ герцогу состояніе своей церкви. Лютеране скоро опять обратились къ своимъ счетамъ. Единственнымъ средствомъ для умиротворенія междоусобій Рингуберъ видѣлъ, если герцогъ Эрнстъ пришлетъ въ Москву своего уполномоченнаго для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, чтобъ потомъ воздать каждому по винѣ, и возлагалъ большія надежды на письменныя сношенія герцога съ Алексѣемъ Михайловичемъ.

И Эрнстъ продолжалъ свои ходатайства. Выполняя возложенное порученіе, Рингуберъ много трактовалъ въ московскихъ придворныхъ сферахъ объ улучшеніи войска, о возможности развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ, о заключеніи тѣснаго союза между Россіею и Абиссиніей съ цѣлію общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи и проч. Для разъясненія поднятыхъ вопросовъ былъ снаряженъ нашимъ правительствомъ въ качествѣ гонца Посольскаго приказа подъячій Семенъ Михайловичъ Протопоповъ. За болѣзнію Эрнста велъ съ нимъ переговоры его наслѣдный сынъ, герцогъ Фридрихъ, а Эрнстъ послалъ съ нимъ отвѣтную государю грамоту (24 сент. 1674 г.), въ которой не преминулъ повторить прежнее. «Просимъ вашего царскаго величества милосердія къ пребывающимъ на Москвѣ евангелическимъ лютеранскимъ церквамъ и общинамъ, какъ и къ остальнымъ въ государствѣ людямъ той вѣры, чтобъ имъ позволили оставаться при прежнихъ вольностяхъ, при невозбран-

номъ держаніи своей вѣры, чтобы за ваше царское величество и за всю вашу высокую палату къ Господу Богу были всегда молитвенниками и благодарили своею службою».

Начавшись съ просьбы главнымъ образомъ за пастора Грегори и его Офицерскую общину, ходатайства саксонскихъ государей, такимъ образомъ, принимали все болѣе и болѣе общій характеръ и подъ конецъ имѣли въ виду безразличія всѣ московскія лютеранскія церкви и общины и всѣхъ жившихъ въ Россіи лютеранъ. Недаромъ Кильбургеръ, говоря (1674 г.) о московскихъ лютеранскихъ киркахъ, назвалъ Эрнста ихъ общимъ патрономъ. Наше правительство, чтобы сохранить за собою свободу дѣйствій, удерживалось отъ письменнаго отвѣта на эти ходатайства, въ своихъ грамотахъ тщательно уклоняясь отъ какихъ-либо на этотъ разъ обѣщаній или даже простыхъ упоминаній; свое вниманіе къ нимъ оно выражало инымъ способомъ. Когда Бауманъ упомянулъ о ходатайствѣ за его церковь саксонскаго курфюрста, то мы видѣли, съ какою быстротой была удовлетворена его о ней челобитная, и тѣмъ увеличено число лютеранскихъ кирокъ.

За то прискучившія правительству церковно-общественныя смуты, не улегшіяся несмотря на всѣ хлопоты герцога, едвали не послужили причиною того, что у насъ мало обращали вниманія на просьбы Баумана о вторичномъ принятіи его на службу. Путешествіе Менезіуса, въ свитѣ котораго находился Рингуберъ, было вызвано желаніемъ Алексѣя Михайловича организовать союзъ противъ Турціи. Съ этою цѣлью Менезіусъ былъ посланъ въ Германію и Италію, Виніусъ въ Англію и Францію и Украин-

цевъ въ Скандинавію. Какъ только послѣдній достигъ Копенгагена, Бауманъ тотчасъ же поспѣшилъ пріѣхать сюда изъ Любека, чтобы видѣться съ нимъ. Украинцевъ обѣщалъ побывать у него въ Любекѣ и оставить тамъ у него часть своихъ вещей. Даннымъ случаемъ и воспользовался Бауманъ, какъ поводомъ для своего письма (изъ Копенгагена, отъ 4 апрѣля 1673 года) къ А. С. Матвѣеву. Увѣдомляя его о томъ, онъ передалъ о пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ Украинцевымъ при Датскомъ дворѣ, и, въ виду подготовляемой Россіею войны, предлагалъ свои услуги. Онъ увѣрялъ, что готовъ служить царю, несмотря на весьма лестныя ему приглашенія отъ другихъ государей, и притомъ желаетъ служить ему несравненно охотнѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ, исполняя все, что ни потребуется отъ высшихъ и низшихъ офицеровъ, и просилъ благосклоннаго отвѣта. Датскій резидентъ передалъ (10 мая) письмо по назначенію; но посланъ ли на него какой отвѣтъ, неизвѣстно; повидимому, нѣтъ. [1] Прошло болѣе года, какъ Матвѣевъ почему-то пожелалъ навести справку о прежнемъ Бауановомъ дѣлѣ; быть-можетъ, на то побудилъ его возвратившійся изъ-за границы Украинцевъ. Изъ Посольскаго приказа была послана въ Пушкарскій приказъ память: «Указалъ в. г. ц. и в. кн. Алексѣй Михайловичъ отписать въ Посольскій приказъ къ боярину Артамону Матвѣевичу, да дья-

[1] Нѣмецкій подлинникъ письма хранится въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., Выѣзды въ Россію, 1673, № 6, безъ перевода и безо всякихъ замѣтокъ, кромѣ одной: « Р҃пя мая въ І҃ день листъ подалъ датской резидентъ; писанъ отъ Николая Боумана къ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву».

камъ: къ думному Григорію Богданову, Василью Бобинину и Емельяну Украинцеву, челобитье генерала Николая Бовмана о кирочномъ строеньи, что въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ, въ которомъ году, одново ли или съ иными его братьею иноземцами было и каковъ великаго государя указъ на то его генералово челобитье о томъ кирочномъ строеньи». Такъ какъ дѣло разбиралось собственно не въ Пушкарскомъ, а Посольскомъ приказѣ, то естественно, что оттуда было отписано: «Въ Пушкарскомъ приказѣ о кирочномъ строеньи въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ челобитья генерала Николая Бовмана и иныхъ иноземцевъ ничьего не бывало.» [1].

Справка была сдѣлана Матвѣевымъ наканунѣ своего паденія. Съ утратою этимъ покровителемъ партіи Грегори значенія при Дворѣ, добиться Бауману возврата оставалось еще менѣе возможности.

Пока были живы ближайшіе къ Бауману взаимные антагонисты, Фокеротъ и Грегори, то, хотя главный виновникъ споровъ и оставался за границей, о прекращеніи церковной распри нечего было и думать впредь до смерти или удаленія котораго-нибудь изъ соперниковъ. Ранѣе покинулъ свѣтъ Грегори. Онъ померъ въ іюлѣ 1675 года. Не находя въ Слободѣ достойнаго ему преемника, видные члены общины обратились къ государю съ челобитной. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьетъ челомъ твой великаго государя холопъ иноземецъ дохтуръ Ивашко Розенбургъ съ прочими дохтурами, аптекарями и лѣкарями, и всѣми иноземцами,

[1] Эти «Память» и «Отписка» лежатъ въ дѣлѣ Баумана.

которые служатъ у Двора. Между благотвореніями, здѣсь содѣваемыми, твоего царскаго пресвѣтлаго величества къ подданнымъ твоимъ иноземцамъ—не малѣйшее, что наимилостиво доселѣ благоволилъ попустить самосвободное закону нашему служительство, именно два храма, одинъ молитвенный, другой учительный. По нынѣ въ нихъ нѣтъ ни пастыря, ни учителя: въ одномъ изъ нихъ, построенномъ прежде генераломъ Бауманомъ, пасторъ нынѣ померъ, въ другомъ нѣтъ учителя съ полгода, и училище, въ которомъ наставлялись отроки, опустѣло вконецъ. Я, пресвѣтлаго твоего царскаго величества холопъ, дохтуръ Ивашко Розенбургъ, съ товарищами моими, докторами, аптекарями и лѣкарями, твоему царскому пресвѣтлому величеству всемирно и прилежно бьемъ челомъ, благоволитъ твое царское благоутробіе дать объ обѣднѣ нашей крѣпостную грамоту, да будетъ велѣно намъ и нашимъ преемникамъ постоянно держать здѣсь пастыря душъ нашихъ: потому что пастырю одного изъ молитвенныхъ храмовъ каждое лѣто приходится ѣздить изъ Москвы по полкамъ, ради чего лишаемся проповѣдей слова Божія на полулѣтнее время. Такъ какъ наше прошеніе въ честь имени Божія, въ нескончаемую по всей вселенной славу твоего пресвѣтлаго царскаго величества, въ пользу вѣчнаго спасенія нашихъ душъ и добраго воспитанія въ благоговѣйствѣ и ученіи, то крѣпко уповаемъ, что всемилостивно услышишь наше прошеніе, а мы въ томъ молитвенномъ домѣ и въ училищѣ будемъ всегда возсылать ко Господу Богу молитвы о многолѣтномъ здравіи твоего царскаго пресвѣтлаго величества и о всей пресвѣтлой царской твоей палатѣ. Милосердый государь, ц. и в. кн. Алексѣй Михайловичъ, пожалуй меня, холопа

твоего, съ товарищами моими, аптекарями и лѣкарями, вели, государь, свою великаго государя крѣпостную грамоту намъ дать на тѣ храмы, чтобы намъ вольно было вывезть изъ-за моря пастора и учителя. Царь государь, смилуйся».

Заручившись разрѣшеніемъ, челобитчики послали просьбу о пасторѣ къ кенигсбергскому богословскому факультету. Выборъ палъ на Рана.

Сынъ рюгенвальдскаго, въ Померанiи, суконнаго мастера, Петръ Ранъ былъ воспитанъ своимъ крестнымъ отцомъ, аптекаремъ по ремеслу, кончилъ курсъ въ Бреславской гимназiи, 5 лѣтъ былъ студентомъ въ Кёнигсбергѣ и 6 лѣтъ учителемъ въ домѣ профессора доктора богословiя и придворнаго проповѣдника Цейдлера. Одновременно съ предложеніемъ въ московскіе пасторы онъ получилъ приглашеніе въ придворные проповѣдники къ курляндскому герцогу; но предпочелъ первое предложеніе, и 4 августа 1675 года былъ ординированъ кенигсбергскимъ придворнымъ проповѣдникомъ Дрейеромъ въ сослуженiи четырехъ помощниковъ; чрезъ три дня (7 авг.) ему выдано о томъ свидѣтельство отъ мѣстной, Земленденской, консисторiи. На испытанiи его богословскихъ свѣдѣній онъ обѣщался всю жизнь оставаться вѣрнымъ ученiю Аугсбургскаго исповѣданія. [1]

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла иностранныхъ исповѣданій 1670 г.: приложеніе къ «Дѣлу Баумана»; 1675 г.: «Ставленная грамота, выданная изъ Самландской духовной консисторіи Петру Ранеусу, назначенному пасторомъ Евангелико-лютеранской церкви въ Нѣмецкой Слободѣ въ Москвѣ, на мѣсто умершаго пастора І. Г. Грегори». Fechner, I, 365—367; II, 494—495.

Вступительная рѣчь и умѣлое начало въ выполненіи своихъ обязанностей быстро создали Рану славу и увеличили число его прихожанъ. Подмѣтивъ въ немъ опаснаго себѣ соперника, пасторы Фадемрехтъ и Фокеротъ спѣшили возбудить противъ него подозрѣніе, обвинивъ его въ приверженности къ синкретизму, то-есть безразличію христіанскихъ вѣроученій для спасенія. Чтобы доказать свое обвиненіе, они старались заручиться свидѣтельствомъ въ томъ кенигсбергскаго проповѣдника Dr. Дамма. Вмѣсто прямаго свидѣтельства, Даммъ, съ двумя сосѣдними проповѣдниками, высказалъ предположеніе, не передалъ ли Рану ученіе, скрытое имъ предъ Замленденской консисторіей и обнаружившееся у него въ Москвѣ, Dr. Пфейферъ, родственникъ Рана, у котораго онъ жилъ въ Кёнигсбергѣ, и совѣтовалъ не медлить съ увѣщаніями, чтобы скрыть неправомысліе и не превратить споръ въ общественный, а если это не поможетъ, то обратиться къ совѣту авторитетныхъ учителей или и цѣлаго богословскаго факультета. Обнародованіе такого письма, о чемъ Фадемрехтъ и Фокеротъ прилагали всѣ стараній, ибо не только просто распространяли его, но, еслибы не воспрепятствовали имъ, прочли бы его съ церковной каѳедры, могло, при соперничествѣ общинъ, надѣлать большаго шума. Богословскія тонкости мало интересовали московскихъ протестантовъ, но выдать церковному совѣту своего пастора было неудобно и по другимъ причинамъ. Этимъ конвентъ изобличилъ бы свою несостоятельность въ дѣлѣ выбора себѣ проповѣдника, унизилъ бы свою общину предъ другими, ей враждебными; корыстолюбиво-эгоистическіе мотивы Фадемрехта и Фокерота для него были ясны, самъ Ранъ нравился ему, и со-

вѣтъ пожаловавшись Кенигсбергской консисторіи на Дамма и его помощниковъ, какъ на возмутителей общественнаго спокойствія, оправдывалъ своего проповѣдника отъ подозрѣній и тѣмъ уничтожилъ всѣ недружелюбныя намѣренія и дѣйствія противниковъ.

Эта тяжба была послѣднимъ важнымъ событіемъ въ жизни престарѣлаго Фадемрехта. Въ февралѣ 1677 года онъ померъ, прослуживъ пасторомъ около 40 лѣтъ. Онъ былъ однимъ изъ авторитетныхъ пасторовъ. Кромѣ продолжительности служенія и знанія имъ мѣстныхъ условій, его значенію среди московскихъ лютеранъ, конечно, должны были содѣйствовать его родственныя связи: жена его, Елизавета Келлерманъ, принадлежала къ одной изъ наиболѣе богатыхъ и почетныхъ въ Москвѣ купеческихъ фамилій. [1]

Послѣ его смерти обнаружилось, почему многіе изъ его прихожанъ тянули предъ тѣмъ сторону Фокерота, когда этотъ боролся съ Грегори. Фокеротъ имъ, очевидно, нравился, и они пригласили его теперь къ себѣ, обошедъ даже Юнге. Предложеніе болѣе богатой общины Фокеротъ принялъ; [2] съ 11 февраля 1677 года онъ помѣченъ былъ въ церковныхъ книгахъ, какъ совершавшій въ ней требы [3]. Собственный его приходъ новаго пастора къ себѣ не пригласилъ и распался, имѣя возможность

---

[1] Памятники, 176, 181. Grot, 260—261.

[2] Объ этомъ опредѣленіе въ первый разъ узнаемъ изъ Relation; Fechner (I, 394; II, 493) считалъ его пасторомъ только Новой церкви.

[3] Памятники, I, 181 — 182. Согласно съ своимъ взглядомъ на мѣстослуженіе Фокерота, Fechner (II, 449, 493) объяснилъ было это тѣмъ, что Фокеротъ служилъ въ отсутствіи Юнге.

частію послѣдовать за Фокеротомъ, частью примкнуть къ церкви Баумана, какъ лучше обставленной. Кирка за ненадобностію была, повидимому, нарушена.

При подобной перемѣнѣ въ пасторахъ и распредѣленіи всѣхъ московскихъ лютеранъ на двѣ церковныя группы, удерживать приходамъ и киркамъ названія по пасторамъ, учредителямъ и т. п. сдѣлалось затруднительнѣе. Общины и кирки совершенно естественно съ этихъ поръ усвоиваютъ себѣ только названія Старой и Новой. Въ первой служилъ теперь Фокеротъ съ «діакономъ» Юнге; у второй Петръ Ранъ, безъ помощника.

Въ то время, какъ такимъ образомъ складывались церковныя дѣла въ Ново-Иноземской Слободѣ, извѣстная намъ Нижегородская лютеранская община, бывшая при Олеаріѣ, мало-по-малу распалась. Мы не знаемъ, кто служилъ въ ней пасторомъ послѣ Шеліуса († 1638 г.). Послѣдующее за Олеаріемъ извѣстіе находится у Голландца Стрюйса. Онъ передаетъ, что не задолго до его проѣзда (въ іюнѣ 1669 г.) чрезъ Нижній-Новгородъ тамъ находилось у лютеранъ и реформатовъ по особой церкви и достаточной общинѣ, которыхъ онъ уже не засталъ: церкви и общины рушились, потому что «Нѣмцы» разбрелись въ разныя стороны.

Послѣднихъ единовѣрцевъ Стрюйсъ нашелъ тамъ, гдѣ Олеарій видѣлъ всего одного православнаго монаха, родомъ Австрійца, т. е. въ Астрахани. То были нѣмецкіе офицеры: они посѣтили судно Стрюйса, позвали путешественниковъ къ себѣ на домъ и нѣкоторое время всѣ они провели въ самой задушевной бесѣдѣ. Однако о томъ, были ли у нихъ пасторы, Стрюйсъ не упомина-

етъ. [1] Несомнѣнно, была протестантская община на желѣзныхъ заводахъ, близь Тулы. Хозяева ихъ, Петръ Марселисъ и Тильманъ Акема, по свидѣтельству Кильбургера, [2] держали тамъ реформатскихъ пасторовъ.

Постоянные пасторы и даже церковь являются за это время и въ Архангельскѣ. Такимъ пасторомъ былъ Голландецъ Вильгельмъ Костеръ. Судя по пригласительному къ нему письму, онъ былъ призванъ въ проповѣдники въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Вологдѣ и Ярославлѣ. Какое участіе принимала каждая изъ этихъ отдѣленныхъ одна отъ другой четырехъ общинъ въ избраніи своего проповѣдника, какъ этотъ служилъ на такомъ далекомъ разстояніи, сопровождалъ ли онъ шедшіе къ Москвѣ и оттуда купеческіе обозы или въ каждомъ пунктѣ оставался какое-нибудь опредѣленное время, указаній нѣтъ. Затѣмъ извѣстенъ сынъ ректора латинской школы въ Гаарлемѣ Авраамъ Урсинусъ, призванный въ Архангельскъ

---

[1] I. Straussens, Sehr schwere, wiederwertige und denckwürdige Reysen durch Italien, Griechenland, Liffland, Moscau, Tartarey... Amsterdam. 1678, 92, 103; ср. Die evangelisch-lutherischen Pfarre in Nischni-Nowgorod: Ullman's Mitteit. III.—Dalton (6) приписываетъ Стрюйсу сообщеніе, будто бы этотъ, за свою бытность въ Нижнемъ-Новгородѣ, 23 февраля 1669 года присутствовалъ на бракосочетаніи Корнелія Брака съ крещеною Татаркой, совершенномъ московскимъ пасторомъ Кравинкелемъ. Это невѣрно. Бракосочетаніе дѣйствительно совершено 23 февраля, только не въ Нижнемъ, а въ Москвѣ, гдѣ остановился тогда Стрюйсъ; Нижнимъ онъ проѣзжалъ 8 іюня, и ни свадьбы, ни Кравинкеля тогда тамъ не было. Struys, 73—74, 92; также въ наш. очеркѣ «Положеніе протестантовъ въ Россіи до П. В.» Ж. М. Н. Пр. 1883, IX, 98.

[2] Kilburger, 338.

въ 1670 году. При немъ, а быть-можетъ еще и при его предшественникѣ, возникла здѣсь реформатская кирка. Подъ 1674 годомъ Кильбургеръ записалъ: «У Голландцевъ въ Архангельскѣ есть общественная Реформатская церковь («Die Holländer haben in Archangel eine offentliche reformirte Kirche»)—свидѣтельство такого рода, что даетъ право отнести ея начало и къ болѣе раннему времени. Кирка была деревянная и выстроена въ Нѣмецкой Слободѣ на мѣстѣ, пріобрѣтенномъ общиной у купца Елбинга [1].

Если архангелогородскіе пасторы служили ближайшимъ къ нимъ общинамъ, лежавшимъ на сѣверъ отъ Москвы; то московскіе пасторы посѣщали и сопровождали военныя группы, бывшія на южной нашей окраинѣ. Фокеротъ, едва пріѣхавъ въ Москву, сопровождалъ уже Баумана и его сослуживцевъ въ походъ противъ крымскаго хана, къ Конотопу. Защищая его противъ Грегори, военно-служивые сторонники его, между прочимъ, писали въ одной изъ своихъ челобитныхъ (23 дек. 1668 г.): «какъ мы бываемъ на твоихъ великаго государя службахъ, и онъ, пасторъ Иванъ Дитрикъ Фокеротъ, къ намъ въ полки пріѣзжаетъ для нашихъ душевныхъ потребъ». Нѣсколько позднѣе, они домогались было освободить его

[1] Kilburger, 321; Dalton, 4, 134 и слѣд. Въ виду этого свидѣтельства Kilburger'а и за отсутствіемъ иныхъ указаній на существованіе въ это время другой какой-либо кирки, разсказъ Валеріана Никонова (Извлеченіе изъ книги: Сѣверный Дневникъ Валеріана Никонова, въ Сѣверн. Архивѣ, 1825, XVIII, 327; ср. Сѣв. Арх. 1826, XXII, 17—19) о существованіи здѣсь лютеранской церкви въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія долженъ быть оставленъ.

отъ личной ставки съ Грегори подъ предлогомъ, что военные иноземцы, живущіе въ Бѣлгородѣ, просили ихъ прислать къ нимъ Фокерота для духовныхъ потребъ [1]. Его соперникъ, Грегори также выѣзжалъ иногда изъ Москвы съ тою же цѣлію.

«Будучи на твоей великаго государя службѣ, писалъ онъ въ поданной имъ въ Посольскій приказъ челобитной, полковники и иные начальные люди писали намъ изъ Сѣвска, чтобы мнѣ къ нимъ пріѣхать крестить дѣтей и для иныхъ духовныхъ потребъ; вели, государь, отпустить меня въ Сѣвскъ и дать своего государева жалованья подводъ». Рѣшеніе (18 іюля 1674 г.) послѣдовало: «По указу великаго государя, велѣть его отпустить и дать проѣзжую; отпустить на три недѣли, выдавъ ему двѣ подводы». Кромѣ подводъ, ему данъ былъ до Сѣвска особый проводникъ. Проѣзжею грамотой (22 іюля) повелѣвалось пропускать его вплоть до Сѣвска и обратно, безъ задержанія [2].

Подобную помощь правительство могло, конечно, оказывать въ томъ лишь случаѣ, если пасторы отправлялись къ служилымъ протестантамъ; къ тому же, содѣйствіе правительства магистру Грегори падаетъ на то время, когда этотъ находился въ особой милости за устройство театра и какъ бы самъ состоялъ на государевой службѣ. Сообщеніе, [3] будто бы московскіе пасторы вообще получали тогда отъ царя опредѣленное жалованье, слишкомъ

[1] Дѣло Баумана, также выше, стр. 121, 161, 164—165.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1674 г.: «Дѣло по челобитью пастора Готфрида Грегори о пропускѣ его въ Сѣвскъ для крещенія иноземскихъ дѣтей.»

[3] I. A. Brand (1673—1674 г.), 257; Tanner (1678 г.), Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam. Norimbergae, 1680.

неправдоподобно, чтобы положиться на него. Съ тѣхъ поръ, какъ при нѣкоторыхъ изъ московскихъ кирокъ служили по нѣскольку пасторовъ, посѣщеніе ими протестантовъ, жившихъ внѣ Москвы, принимаетъ болѣе опредѣленный видъ и вмѣняется имъ въ прямую обязанность. Припомнимъ, какой мотивъ приводили челобитчики, чтобы имъ дозволили послѣ умершаго Грегори пригласить изъза границы новаго пастора: второй пасторъ при Старой церкви долженъ-де каждогодно отлучаться «на полулѣто» за Москву, имъ-де придется оставаться тогда безъ службы.

ГЛАВА III.

Протестантскія церкви и духовенство въ періодъ построенія московскихъ каменныхъ кирокъ.

Ослабленія церковно общественныхъ смутъ въ Ново-Иноземской Слободѣ.—Пасторы Иванъ Дитрикъ Фокеротъ, Александръ Юнге, Петръ Ранъ, Іоакимъ Мейнке —Ходатайство саксонскаго правительства въ 1684 году о сохраненіи за лютеранами прежней свободы вѣроисповѣданія.—Построеніе Старою лютеранскою общиной каменной кирки, вмѣсто прежней деревянной, въ 1684—1686 гг.; взглядъ на это православнаго полемиста.—Дозволеніе гугенотамъ въѣзда въ Россію подъ условіемъ неприкосновенности ихъ религіозныхъ вѣрованій.—Пасторъ Бартольдъ Фагецій.—Дѣйствія Фагеція и другихъ пасторовъ противъ пріѣзжаго мистика Квирина Кульмана.—Сближеніе протестантовъ съ Петромъ. — Внушенія государямъ со стороны патріарха Іоакима. — Постройка Ново - лютеранской каменной кирки, въ 1694 — 1695 годахъ, слухи объ участіи Петра въ этой постройкѣ. — Предостереженіе патріарха Андріана противъ увлеченій иноземщиной. — Реформатскій пасторъ Шондервуртъ. — Замѣна деревянной Реформатской кирки каменною, въ 1694 — 1696 годахъ. — Количественный составъ московскихъ протестантскихъ общинъ. — Протестантскія общины во Архангельскѣ. Пасторы при Реформатской киркѣ Авраамъ Урсинусъ, Иванъ Равенсбергъ, Людовикъ Германъ Штумпфъ; Бартольдъ Датцелеръ.—Построеніе Лютеранской кирки.— Пасторы Иванъ Блоккъ, Францъ Лоренцъ Шрадеръ, Филиппъ Михаэлисъ.—Совершеніе пасторами богослуженія на желѣзныхъ заводахъ Иванъ Энгель, пасторъ военно-служилыхъ иноземцевъ въ Бѣлгородѣ.— Отзывы иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ о свободѣ протестантскаго вѣроисповѣданія въ Россіи.

Ново-Иноземская Слобода была заселена самымъ разнообразнымъ народомъ. Жили въ ней Французы, Испанцы, Италіанцы, Австрійцы, Англичане, Голладцы, Датчане, Шведы, Ливонцы, Нѣмцы, Поляки, словомъ, едвали въ Западной Европѣ существовала какая-либо національ-

ность, у которой не было бы здѣсь своего представителя, причемъ численный перевѣсъ постоянно былъ на сторонѣ Нѣмцевъ, такъ что другіе иностранцы, для удобства взаимныхъ сношеній, должны были изучать нѣмецкую рѣчь («Hoockduijts»). Католиковъ было мало; по вѣроисповѣданію это были глав. образ. протестанты, по роду занятій преимущественно мастеровые, художники, торговцы, военные, то-есть люди или состоявшіе на государевой службѣ и добивавшіеся ея, или искавшіе заработка и прибыли, люди эгоистически-практическихъ интересовъ. Поселеніе въ одномъ мѣстѣ такой разнохарактерной и жаждущей прибытковъ компактной массы на первыхъ порахъ сильно отразилось на взаимныхъ отношеніяхъ иноземцевъ. Слишкомъ не велико было между ними число лицъ, которыя въ устройствѣ своего положенія могли опираться на свои несомнѣнныя достоинства. Знаніями отличались лейбъ-медики и т. п. люди, приглашенные въ Россію за крайне высокую цѣну, знанія видны были и въ нѣкоторыхъ пасторахъ и школьныхъ учителяхъ; большинство же не могло похвалиться ни умственными, ни нравственными качествами, въ самихъ пасторахъ меркантильные разсчеты и стремленіе играть видную роль слишкомъ были ясны. Еще въ 1647 году, Шведъ Ферберъ [1] отмѣтилъ тотъ фактъ, что «находящіеся тамъ (въ Москвѣ) Лифляндцы и другіе тамошніе урожденцы, употребляемые для прислуги, такъ лѣнивы и глупы, что ни къ чему не годятся»; что же касается «нѣмецкихъ офицеровъ», состоявшихъ

[1] Письма одного Шведа изъ Москвы въ 1647 году, Сѣверн. Архивъ, 1822, I, 154.

на русской службѣ, то «большая часть изъ нихъ негодные люди, которые не надѣялись достигнуть значительныхъ мѣстъ въ другихъ государствахъ». Нелучше охарактеризовалъ ихъ Гордонъ. «Въ послѣдніе два года (1661—1662), писалъ онъ въ 1663 году, [1] прибыло въ Россію очень много иноземныхъ офицеровъ, нѣкоторые съ женами и дѣтьми, другіе безъ того и другаго. Большая часть ихъ низкіе и дрянные люди (niederträchtige und schlechte Leute). Многіе изъ нихъ никогда не служили въ офицерскихъ чинахъ, но внѣ родины выдавали себя въ этомъ достоинствѣ». Мы уже знаемъ, какими чертами изображалъ Слободчанъ Рингуберъ въ своихъ письмахъ къ саксонскому правительству. Дипломатическое донесеніе голландскаго резидента (1676—1693 г.) Келлера, [2] что Нѣмцы, живущіе въ Слободѣ, все «хорошіе и честные люди», стоитъ одиноко и будетъ понятно, если примемъ во вниманіе роль Келлера по отношенію къ Нѣмцамъ - протестантамъ. У иноземцевъ составляется вообще взглядъ, что «старые Нѣмцы», то-есть тѣ, которые вели свой родъ отъ плѣнныхъ эпохи Грознаго и поселившіеся въ Россіи давно, были весьма неискусны и невѣжественны, лучше ихъ «Нѣмцы новые», только-что прибывшіе въ Россію. Наше правительство также не чуждо было этой мысли. У него было почти правиломъ лейбъ-медиковъ держать не долго и замѣнять ихъ новыми, нарочно призываемыми вмѣсто прежнихъ. До нѣкоторой степени это видно и въ замѣщеніи выс-

---

[1] P. Gordon, Tagebuch, I, 319.

[2] Dr. M. Posselt, Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Frankf. am M. 1886, I, 216—217.

шихъ военныхъ должностей. Захваты выгодныхъ мѣстъ и почета новопріѣзжими возбуждали зависть и ревность въ прежнихъ иноземцахъ; не обходилось и безъ пререканій и даже открытой борьбы. Совмѣстная жизнь, частная встрѣча враговъ и друзей въ замкнутой Слободѣ открывали подобнымъ дѣйствіямъ широкій просторъ. Здѣсь они знали другъ друга наперечетъ: свои родословные счеты они могли вести здѣсь легко, партіи составлялись быстро, какъ бы сами собой. Прежде, до переселенія въ Слободу, всего замѣтнѣе была торговая борьба Англичанъ и Голландцевъ; теперь, съ оттѣсненіемъ Англичанъ къ Архангельску и съ переселеніемъ московскихъ иноземцевъ въ Слободу, интересы, изъ-за которыхъ возникаетъ борьба, расширяются, глубже проникаютъ въ жизнь частную и церковно-общественную. Быстрое возвышеніе по службѣ новопріѣзжаго Баумана вызвало среди служилыхъ иноземцевъ цѣлую бурю, въ которой переплелись взаимныя интриги не только между новыми и старыми иноземцами, но и между пасторами и церковными приходами; одинъ пасторъ старался унизить другаго, одна община уничтожить сосѣднюю. Отъ свойства населенія зависѣли и свойства междоусобій. Это не была борьба ученая, научно-богословская, политическая или въ области отвлеченной морали: у людей практиковъ были житейско-практическіе и споры.

Ведя взаимную борьбу, иноземцы въ тоже время не жили особнякомъ, замкнутою другъ отъ друга жизнью. Мысль, что интересы каждаго находятся въ тѣсной зависимости отъ благосостоянія его круга, слишкомъ глубоко проникала существо иноземцевъ. Отсюда — живучесть кружковъ, партій, общинъ, стремленіе доставить себѣ

возможно лучшее положеніе и побѣду. Ихъ практическая сноровка шла здѣсь далѣе. Какъ ни враждебно относились партіи другъ къ другу, онѣ, когда дѣло ставилось такъ, что раскрытіе его сущности могло бы набросить тѣнь вообще на иноземцевъ и поколебать ихъ положеніе, въ этихъ случаяхъ были весьма сдержанны. Долго судили въ нашихъ приказахъ самую крупную иноземскую тяжбу—дѣло Баумана, и все же судьи не поняли сущности спора, рѣшивъ его такъ, какъ едва-ли бы рѣшили, если бы разгадали его: вмѣсто двухъ, они дозволили три самостоятельныхъ лютеранскихъ общины и кирки и не оградили Баумана отъ нападокъ его враговъ, которые, помимо своихъ личныхъ видовъ, его непомѣрное возвышеніе надъ своими могли находить опаснымъ для равновѣсія партій. Бауманомъ правительство въ концѣ концевъ, можно сказать, пожертвовало иноземцамъ, такъ что онъ наконецъ былъ вынужденъ оставить Россію. Стараніе показать товаръ лицомъ и скрывать все вредное для своего благосостоянія у иноземцевъ простиралось до того, что они были крайне осторожны даже въ отношеніяхъ къ сочувствующимъ имъ западнымъ единовѣрцамъ. Не одно желаніе, чтобы эти извѣстія не дошли до русскаго правительства, руководило ими здѣсь. Рингуберъ, при всей откровенности въ письмахъ къ правительству Эрнеста саксонскаго, сознавался, что онъ не рѣшится передать гнуснаго дѣла Баумана ни на словахъ, ни на бумагѣ, а когда немного проговорился, сообщивъ нѣсколько неприглядныхъ фактовъ изъ жизни Слободы, тотчасъ спѣшилъ съ просьбой, чтобы это хранилось въ глубокомъ секретѣ—иначе ему лучше и не возвращаться къ Слободчанамъ. И подобная осторожность—во вторую

половину царствованія Алексѣя Михайловича, когда благоволеніе и покровительство его къ иноземцамъ-протестантамъ были очень прочны.

Осторожность въ доношеніяхъ, охраненіе партій и взаимная сплоченность протестантовъ должны были увеличиться съ воцареніемъ Ѳедора, старшаго сына Алексѣя Михайловича отъ Милославской. Антагонизмъ слабѣлъ не только вслѣдствіе отъѣзда Баумана, смерти Грегори, обезпеченности Фокерота, но и отъ взаимнаго сближенія иноземцевъ, какъ слѣдствія продолжительной совмѣстной жизни, и еще болѣе отъ начавшихся репрессалій правительства противъ Нѣмцевъ-протестантовъ. Мало по малу при Дворѣ пріобрѣтало значеніе южнорусско-польское направленіе, особенно сильное послѣ женитьбы Ѳеодора на Агаѳьѣ Грушецкой, родомъ изъ выѣхавшей въ Россію шляхетской семьи. Ея вліянію приписывали введеніе къ намъ польскихъ обычаевъ стричь волосы, брить бороды, носить польское платье, основаніе польскихъ и латинскихъ школъ, такъ что сторонники Нарышкиныхъ, тянувшіе больше въ сѣверо-западномъ направленіи и потому стоявшіе ближе къ «Нѣмцамъ», въ дѣйствіяхъ Ѳеодора усмотрѣли сходство съ дѣйствіями перваго Самозванца. Вблизи престола вдругъ не оказалось ни одного лица, сочувствующаго протестантамъ. У Нарышкиныхъ отнято было всякое вліяніе на государственныя дѣла, «отецъ и другъ Нѣмцевъ», А. С. Матвѣевъ, былъ сосланъ въ Сибирь. Нѣмецкій театръ, заведенный первоначально не безъ цѣли, чтобы позабавить молодую супругу царя Наталью Кирилловну, по царскому указу (25 дек. 1676 г.), былъ убранъ. По военной службѣ изъ иноземцевъ пошелъ въ гору Гор-

донъ, до фанатизма преданный католицизму и другъ іезуитовъ. Трудно предрѣшить, какъ далеко зашло бы неблаговоленіе къ протестантамъ при Софьѣ, если бы не нѣкоторые практическіе разсчеты правительства и еслибы у протестантовъ, къ тому времени значительно сплотившихся, не явились такіе искусные предводители, какъ голландскій и датскій резиденты, умѣвшіе втягивать всесильнаго тогда кн. В. В. Голицына и въ интересы сѣверо-западной Европы. [1]

Тяжелыя послѣдствія измѣнившихся отношеній протестанты почувствовали скоро. Лѣтомъ 1678 года саксонское правительство получило отъ Рингубера увѣдомленіе, что въ Москвѣ съ Нѣмцами, особенно съ тѣми, которымъ благоволилъ сосланный Матвѣевъ, не обходятся уже болѣе хорошо. [2] Повторенная Бауманомъ просьба (изъ Гамбурга, 27 марта 1679 г.) о возвращеніи въ Россію осталась безъ движенія.[3] И изъ протестантовъ одни задумали выбраться изъ Россіи, другіе, болѣе осѣвшіе, озаботились, какъ бы потѣснѣе сплотиться, придать себѣ болѣе внутренней прочности, завязать оборвавшіяся связи въ высшихъ сферахъ, представить надежный противовѣсъ католикамъ. И если проэктъ [4] (11 мая 1678 г.) доктора Лаврентія Блюментроста, представленный на обсужденіе церковнаго совѣта Новой кирки, съ цѣлію организовать внутренній строй общины, повидимому,

---

[1] Подробнѣе объ этомъ въ нашемъ изслѣдованіи: «Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи», Русск. Вѣстн. 1883, XI.

[2] Ringhuber, № XXXVII.

[3] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1679 г., № 3, св. 11. Генералъ Николай Бауманъ, 57.

[4] Памятники, I, № XIX, 189—195.

принятъ не былъ; за то и междоусобія пасторовъ не находили себѣ прежней поддержки. Неспокойный Фокеротъ вынужденъ былъ довольно мирно править свою службу совмѣстно съ Юнге, повозможности не безпокоя Рана. Овдовѣвъ, Фокеротъ женился (1683 г.) на вдовѣ Елизаветѣ Грегори, рожденной Гельдернъ. Помощникъ Фадемрехта, Юнге былъ женатъ на Беатѣ Фадемрехтъ. Изъ дѣтей его извѣстны дочь, бывшая за подполковникомъ Цоге, и сынъ. Онъ былъ не безъ способностей. Надгробная его рѣчь надъ пасторомъ Раномъ отличается подборомъ случаевъ изъ жизни умершаго; но смѣшеніе несоотвѣтствующихъ понятій, неумѣстное стремленіе блеснуть научными терминами и частое уротребленіе несвойственнаго церковной каѳедрѣ языка роняетъ достоинство его проповѣди [1]; послѣднее свойство, быть можетъ, не осталось

---

[1] Отъ него извѣстны двѣ проповѣди; заглавія и мѣсто—нахожденіе ихъ указаны у Fechner'a, II, 449—451. Grot (I, 262) такъ характеризуетъ первую изъ нихъ, сказ. на погребеніи Рана. «Pastor Jung, sein (Rahn's) Freund, hielt ihm eine Leichenrede uber Gal. 2, 20, die sich auf mehr als eine Art unter den Kanzelvortragen auszeichnet. Sie ist als Handschrift 7 Bogen stark, und giebt zwar einen Beweis von den theologischen Kenntnissen ihres verfassers, aber noch mehr von seinem sonderbaren Geschmack, von seiner Jagd nach witzigen Einfallen, und von seiner Kunst die Sprache der Gelehrten in seinen deutschen Vortrag einzumischen, und durch diesen letztern das, was er in der erstern Sprache ausdruckte, durch ein sondebares Galimathias zu erklären. Wer wird es in unsern Zeiten vermuthen, dass am Ende des vorigen Jahrhunderts ein Mann auftrat, der seine Gemeine zu erbauen glaubte, wenn er ihr auf seiner Kanzel anbot: praesentissimum mortis acerbae antidotum, das ist, eine bewährte und wohlprobirte Gift-Latwerge wider den Tod und dessen Bitterkeit: Christus lebet in mir, durch Handreichung des Geistes Je-

безъ вліянія на то, что такъ долго мы видимъ его на второмъ планѣ среди другихъ его товарищей по службѣ.

Ранъ померъ 22 декабря 1682 года. На послѣднемъ году жизни онъ, вмѣстѣ съ прочими пасторами, приводилъ къ присягѣ служилыхъ иноземцевъ на вѣрность Петру Алексѣевичу; нѣмецкій текстъ присяги былъ составленъ имъ. Всѣ заботы доктора Блюментроста вылѣчить его были тщетны. Семьи послѣ него не осталось. Его жена Анна Марія Витцелинъ, на которой онъ женился вскорѣ по прибытіи въ Москву и которая родила ему сына на третьемъ году брачной жизни, покинула его вмѣстѣ съ новорожденнымъ, и Ранъ померъ вдовцомъ. [1] Община искала ему преемника. Войдя въ соглашеніе съ пасторомъ Мейнке, изъ Ніена (гдѣ теперь С.-Петербургъ), видные ея члены, Dr. Лаврентій Блюментростъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими врачами, полковниками и иными начальными военными людьми обратились къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ съ просьбой, чтобы за многія ихъ государямъ службы повелѣно было пріѣхавшаго изъ Нѣмецкой земли въ Новгородъ пастора пропустить къ нимъ на Москву, на мѣсто умершаго пастора, дать ему проѣзжую грамоту и четыре подводы. 8 апрѣля 1682 года государи дѣйствительно пожаловали ихъ, велѣли пропустить пастора къ Москвѣ безъ задержки и дать ему ямскихъ подводъ противъ другихъ такихъ же отпусковъ пасторамъ. Изъ Новгорода воевода Бутурлинъ отписалъ въ Москву, что Нѣмецкія земли пасторъ Іоакимъ Мейнке съ его людьми от-

---

su Christi zum nutzlichen Gebrauch präparirt und zugerichtet.—Jung trug kein Bedenken, die Kanzel bis zur Marktschreyerbude herabzuwurdigen.»

[1] Памятники, I, 67—68, 182, 187; Rinhuber, 234; Fechner, II, 448—450. 495—496.

пущенъ на пяти подводахъ и что велѣно ему явиться въ Посольскомъ приказѣ къ боярину князю В. В. Голицыну. На допросѣ въ Посольскомъ приказѣ Мейнке объявилъ: пріѣхалъ къ Москвѣ, къ Лютеранской киркѣ, по челобитью полковниковъ, подполковниковъ и докторовъ, потому что у нихъ пастора не стало, съ собой привезъ своего человѣка, иноземца Александра Ролена, и остановился на мірскомъ дворѣ, близь Лютеранской кирки. Такимъ общимъ отвѣтомъ не удовлетворились, и его допросили въ другой разъ.

Снова допросить его, быть-можетъ, побудили какія-то недоразумѣнія между имъ и Dr. Симономъ Зоммеромъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ маѣ 1689 года) московскій купецъ Нордерманъ, приверженецъ Кульмана, укорялъ [1] его: «И ты, пасторъ, вспомянешь, какъ ты во здѣшнее государство пришелъ, и какъ скоро подорожная назадъ отъѣзжать приготовлена была: только двѣ женщины въ тотъ день ко мнѣ пришли въ полночь, съ которыми, по ихъ прошенію, мы пошли къ посланнику фонъ-Горну и ему били челомъ, чтобъ онъ съ нами къ дохтуру Симону Зоммеру шелъ, и о прощеніи били челомъ; и онъ, Симонъ Зоммеръ, поклоняся Господу Богу, тебя простилъ». Въ чемъ была вина пастора предъ Зоммеромъ, неизвѣстно.

На второмъ допросѣ пасторъ дополнилъ сообщенныя имъ предъ тѣмъ свѣдѣнія о своей личности. Родился онъ въ городѣ Висмарѣ, учился въ Штеттинѣ, Лейпцигѣ, Виттенбергѣ; степень магистра получилъ въ Ростокѣ; выучась, возвратился въ Лифляндскую землю, въ Колывань и три года прослужилъ у генералъ-губернатора Тауберта, затѣмъ съ годъ у фельдмаршала Элорферта, отсюда

[1] Памятники, I, № VIII, 121—122.

его призвали для службы и вѣры въ городъ Ніенъ, гдѣ онъ и отслужилъ тринадцать лѣтъ. Вѣры онъ евангелическо-лютеранской. И въ нынѣшнемъ 1683 году писали къ нему изъ Великаго Новгорода живущіе тамъ иноземцы, чтобъ онъ къ нимъ пріѣхалъ для исповѣди, и на нѣкоторое время онъ, по ихъ прошенію, прибылъ къ нимъ. Здѣсь онъ услыхалъ, что въ Москвѣ пастора не стало, также старѣйшины Московской лютеранской церкви, докторъ Лаврентій Блюментростъ, полковники Іоаннъ Фонъ-Говенъ и Василій Шварцъ, съ согласія прихожанъ прислали къ нему письмо съ приглашеніемъ къ себѣ на службу, и они били челомъ государямъ о пропускной изъ Новгорода грамотѣ. Теперь, по присланной къ новгородскому воеводѣ грамотѣ, по письму и просьбѣ тѣхъ полковниковъ, доктора и прихожанъ, изъ Великаго Новгорода въ Москву онъ пріѣхалъ для службы къ той Лютеранской киркѣ и остановился близь нея на мірскомъ дворѣ. Подъ своимъ показаніемъ онъ приложилъ свою руку, подписавшись: «M. Ioachimus Meincke, Pastor an der Deutschen Kirchen».

Позванный въ Москву неожиданно, Мейнке пока прибылъ безъ семьи. Вскорѣ въ Новгородъ пріѣхала его жена съ племянницей и тремя челядинцами, коихъ велѣно было отпустить къ Москвѣ на трехъ подводахъ. «На тѣхъ, государи, взмолился пасторъ въ своей челобитной, на тѣхъ трехъ подводахъ женишкѣ, племянницѣ и людишкамъ моимъ съ книгами и со всякою домашнею рухлядью подняться не на чемъ; милосердые государи, смилуйтеся, велите дать двѣнадцать подводъ изъ моихъ богомольца вашего, прогоновъ». Отъ начальника Посольскаго приказа князя В. Голицына послѣдовалъ (26 іюля

1683 г.) приказъ дать ей шесть подводъ, въ томъ числѣ три подводы за ея проторями. [1]

Къ распрямъ съ Мейнке особыхъ побужденій у Фокерота не замѣчалось. Его энергія могла найти теперь болѣе удобное примѣненіе въ другомъ направленіи. Лишь только поселился (лѣтомъ 1684 г.) въ Москвѣ первый постоянный іезуитъ и началъ онъ совершать мессу, Фокеротъ съ своей церковной каѳедры прямо обзывалъ его «старымъ лѣнивымъ пустозвономъ, разсказывающимъ людямъ басни». [2] Вмѣсто траты силъ на взаимную борьбу, пасторы съ ихъ общинами должны были подумать скорѣе объ упроченіи своего положенія противъ видимой опасности.

Какъ бы на помощь имъ, возобновляется между тѣмъ ходатайство саксонскаго правительства за вѣроисповѣдное и государственное положеніе жившихъ въ Россіи лютеранъ. Вмѣстѣ съ планами о поднятомъ въ 1674 году абиссинскомъ вопросѣ, извѣстный намъ Рингуберъ привезъ (4 іюня 1684 г.) двѣ грамоты саксонскихъ государей—герцога Фридриха и курфюрста Іоанна-Георга III. Поздравляя молодыхъ царей съ восшествіемъ на престолъ, государи предлагали продолжить дружбу, возникшую между саксонскимъ и московскимъ дворами, побуждали идти «на общихъ христіанскаго имени непріятелей» турецкаго султана и крымскаго хана, просили оказать Рингуберу благопріятный пріемъ и дозволить ему свободный пропускъ чрезъ Астрахань въ Персію, герцогъ, съ своей стороны, обѣщалъ прислать въ Россію различныхъ

---

[1] Памятники, I, № IV: «Пріѣздъ въ Москву пастора Мейнке».

[2] Rinhuber, 234.

знающихъ людей, военныхъ, художниковъ и ремесленниковъ, а курфюрстъ «молилъ», чтобы ихъ царскія величества, по примѣру своихъ славныхъ предковъ, «призрительны были своимъ по всему міру славнымъ милосердіемъ и покровительствомъ къ Нѣмецкаго народа людямъ и къ костеламъ, которые они имѣютъ» (et illis quas habent Ecclesijs). Представленія Рингуберъ былъ удостоенъ 20 іюня 1684 года, когда у него были приняты эти грамоты. Просьбы о Нѣмцахъ обыкновенно въ отвѣтныхъ грамотахъ прежде обходились молчаніемъ; но теперь нашли небезполезнымъ успокоить саксонскаго курфюрста. «А что въ томъ же вашей свѣтлости листу писано, моляще, дабы мы, великіе государи, предковъ нашихъ государскихъ прикладомъ, по всему свѣту похвальнымъ милосердіемъ Нѣмецкаго вашего народу къ людямъ, живущимъ въ государствахъ нашихъ Россійскихъ, милостивы были и въ нашемъ царскаго величества милосердіи милостиво ихъ держать изволили: и мы, великіе государи, вашей курфюршесткоі свѣтлости объявляемъ, что вашего Нѣмецкаго народу къ людямъ, которые въ государствахъ нашихъ Россійскихъ живутъ и намъ служатъ, наша государская милость, для прошенія вашего, отъемлема не будетъ, и живутъ они въ нашемъ государскомъ милостивомъ и милосердомъ призрѣніи, никѣмъ не обидимы». Такъ какъ Рингуберъ ѣхать въ Персію и Абиссинію отдумалъ, то онъ былъ отпущенъ назадъ, послѣ прощальной аудіенціи 30 августа. [1]

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Подлинныя Саксонскія грамоты 1683—1684 г., Саксонскія дѣла, Архивъ старый, 1683 дек.—6 сент. 1684 г.: «Пріѣздъ вторичной въ Москву доктора Лаврентья Рин-

О вѣроисповѣдномъ положеніи протестантовъ однако и въ этомъ отвѣтѣ не было сказано ни слова. Объ укрѣпленіи его они заботились теперь сами. Ослабленіе внутреннихъ смутъ облегчало ихъ задачу. Заботы объ упроченіи отразились прежде всего на благосостояніи церквей. Еще при Ранѣ Новая Лютеранская кирка была возобновлена и разширена, на средства главнымъ образомъ изъ Бранденбурга, откуда получено было 500 имперіаловъ. [1] Затѣмъ возникаетъ и мало-по-малу укрѣпляется мысль о замѣнѣ прежнихъ деревянныхъ зданій каменными. Помимо красоты и удобствъ, каменная кирка крѣпче обезпечивала общественное богослуженіе отъ внѣшнихъ невзгодъ, гарантировала свободу протестантскаго вѣроисповѣданія на долгое время и самой общинѣ, у которой явилась бы такая церковь, сулила продолжительность существованія, непоколеблемость положенія.

Ранѣе другихъ обзавелась каменною киркою Старая

губера».—Въ своей критической статьѣ на Relation проф. Брикнеръ (Ж. М. Н. Пр. 1884, II, 416) сообщаетъ, что грамоты, привезенныя Рингубером къ ц. Ивану и Петру Алексѣевичамъ, какъ равно и отвѣтныя на нихъ, изданы Бюшингомъ (Büsching's Magazin, XI, 525 и слѣд.). Это не точно. У Büsching'а помѣщены грамоты, привезенныя прежде къ ц. Алексѣю Михайловичу, и при томъ не Рингубером, а Грегори и Блюменстростомъ; изъ отвѣтныхъ грамотъ Ивана и Петра Алексѣевичей Büsching'омъ данъ только нѣмецкій переводъ грамоты къ курфюрсту; ихъ нѣтъ, замѣтимъ кстати, и въ Relation.—Грамота курфюрста, какъ заключающая въ себѣ просьбу о вѣроисповѣдномъ положеніи лютеранъ, издана нами въ Памятникахъ, I, № XIV.

[1] Rinhuber, № XXXV.

лютеранская община, какъ самая древняя и наболѣе обезпеченная: ея члены, какъ уже знаемъ, были по преимуществу люди торговые, купцы, почему она прежде часто называлась и «Купеческою». Враждебные голоса противъ этого, раздававшіеся дотолѣ со стороны нѣкоторыхъ членовъ общины, теперь посмолкли; мѣсто выбрано подлѣ прежней деревянной, и вся постройка поручена Энгельсу. «Высокочтимые господа и возлюбленные покровители, читаемъ въ обращеніи [1] старшинъ къ наиболѣе почетнымъ прихожанамъ. Такъ какъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, постройка нашей церкви до сихъ поръ задержана, то нѣкоторыми предложено, чтобъ отъ всего прихода было дано г. Энгельсу полномочіе выстроить церковь на первоначальномъ мѣстѣ, возлѣ старѣйшей церкви, у кладбища, въ томъ видѣ и какъ ему заблагоразсудится, чтобы такимъ образомъ впредь никѣмъ не было возбуждаемо споровъ изъ-за постройки и мѣста церкви и то не препятствовало бы дѣлу. Итакъ, кому угодно принять это предложеніе, тотъ соблаговолитъ приложить свою руку. Слобода, 22 мая 1684 года». На приглашеніи подписалось 40 человѣкъ: Георгъ Фонъ-Менгденъ, Павелъ Яковлевъ Вестгофъ, Иванъ Гулитцъ, Николай Флюверкъ, Павелъ Грабау, Мартинъ Гурикъ, Николай Балкъ, Генрихъ Бутенантъ, Даніилъ Гартманъ, Конрадъ Канепгиссеръ, Петръ Гассеніусъ и другіе. Кристофъ Кро подписался по-русски.

Каменная кладка двигалась успѣшно: въ Метрикахъ [2]

---

[1] Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Портфель Миллера, № 199. Fechner, I, 383.

[2] Памятники, I, № XVI.

Старой общины о бракосочетавшихся подъ 28 января 1686 года значилось: «это была первая чета, которая обвѣнчана въ новой каменной киркѣ». Слѣдовательно, къ этому времени стройка была кончена и зданіе освящено [1].

Что̀ за «случайности» и за «споры о постройкѣ и мѣстѣ» каменнаго зданія препятствовали этому прежде, прямыхъ извѣстій нѣтъ; не сохранилось даже челобитной протестантовъ и правительственнаго разрѣшенія на такую стройку. Недавно за то сдѣлалось извѣстнымъ одно посланіе современнаго русскаго ревнителя, которое проливаетъ свѣтъ на похороненную исторію и, по своей жизненности, съ избыткомъ замѣняетъ сухія оффиціальные документы, передавая намъ то, что̀ едва ли имѣлось въ оффиціальныхъ данныхъ. Для полученія правительственнаго разрѣшенія протестантамъ, кромѣ простыхъ доводовъ въ пользу своей челобитной, именно, что жить имъ въ Россіи ради торговли не удобно было бы безъ общественнаго богослуженія, понадобилось подкупить еще царскаго первосовѣтника; въ Москвичахъ, справлявшихся о жизни въ Нѣмецкой Слободѣ, возбудило такое разрѣшеніе весьма серьёзныя опасенія. Не считая кирки достойными быть въ святой Русской землѣ, ревнители опасались, что теперь, съ каменной ихъ постройкой, онѣ окончательно укрѣпятся у насъ, могутъ превратиться въ оплотъ и орудіе религіозной пропаганды и соблазна, и сама Москва, допустившая ихъ въ своемъ предмѣстьи,

---

[1] Объ архитектурѣ и размѣрахъ ея извѣстій нѣтъ: видъ ея, обрисованный Grot'омъ (I, 242), относится не къ XVII вѣку, а къ третьей четверти XVIII столѣтія. Fechner, I, 384.

потеряетъ въ глазахъ Русскихъ священное значеніе: прежде, когда онѣ были деревянныя, ихъ не отличали отъ простыхъ домовъ, теперь же всякій можетъ остановиться предъ строющейся киркой—съ недоумѣніемъ относительно ея умѣстности и съ предчувствіемъ могущихъ произойти отъ нея бѣдъ. Дарованіе такой свободы вѣроисповѣданія иноземцамъ несовмѣстно ни съ религіознымн, ни съ житейскими интересами народа. Хлопочущіе о каменной киркѣ иностранные купцы служатъ не столько къ развитію, сколько къ ослабленію нашей торговли, обѣдненію нашего купечества. Высказывая это «первосовѣтнику», авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегалъ его, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ будутъ относиться къ нему православные, и убѣждалъ снова разсовѣтовать великимъ государямъ, молить ихъ, да отмѣнятъ они свое разрѣшеніе и да разрушится начатое каменное зданіе.

Судя по характеру произведенія, оно принадлежитъ перу Игнатія, архимандрита московскаго Спасова Новаго монастыря, впослѣдствіи тобольскаго митрополита, и, повидимому, возстановляетъ бывшую предъ тѣмъ продолжительную устную бесѣду. «Первосовѣтникомъ», вѣдавшимъ тогда дѣлами объ иноземцахъ, былъ князь В. В. Голицынъ: нужно думать, къ нему и направлено оно.

Это — весьма важный памятникъ тогдашней нашей литературы. Стараясь быть вѣрнымъ чисто религіознымъ основаніямъ, авторъ тѣмъ не менѣе постоянно держится и житейской, практической почвы и, располагая мысли по преимуществу въ вопросоотвѣтной формѣ, представляетъ доказательства и изъ Священнаго Писанія, и изъ исторіи, и изъ современной ему жизни. Нигдѣ съ такою полнотой и непосредственностію не отразились

взгляды тогдашняго русскаго общества на поднятый вопросъ, какъ въ данномъ сочиненіи. Направляясь главнымъ образомъ противъ лютеранъ и ихъ кирокъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ и противъ католиковъ, которые тоже стали домогаться разрѣшенія имъ построить костелъ. Чтобы цѣльнѣе ознакомить съ заключающимися въ немъ взглядами и доводами, воспроизведемъ его возможно полнѣе, послѣдовательно передавая его мысли.

Посланіе носитъ заглавіе: «Слово на латиновъ и лютеровъ: яко въ Московствѣмъ царствіи и во всей Россіистѣй земли не подобаетъ имъ костела или керки еретическихъ своихъ вѣръ созидати». Въ основу его положено изреченіе Псалмопѣвца: «Возненавидѣхъ церковь лукавнующихъ, и съ нечестивыми не сяду» (Псал. XXV). Находя въ немъ точку зрѣнія на предметъ, авторъ разсуждаетъ: «Всеблагой Богъ, по преизобилію Своей благости, не восхотѣлъ быть единымъ и создалъ новый міръ—духовный и чувственный. Все бывшее отъ Него обществуетъ Его благости. Человѣкъ, существо съ свободною волею, принялъ власть единствоватися Богу добровольно, но, преступивъ заповѣдь, не сохранилъ въ чистотѣ божественнаго въ себѣ образа, и Господь Самъ принялъ наше естество, чтобы очистить насъ и опять поставить причастниками Его Божества. И намъ необходимо снова родиться, посредствомъ Святаго Крещенія, этой бани паки-бытія, и питаться пищею, приличною рождеству, и такъ достигать мѣры совершенства. Второе рожденіе дано намъ въ Святой Православной Церкви; намъ слѣдуетъ пребывать и прославлять Бога въ Ней, а не въ церквахъ отступническихъ, по реченному: «Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея»,

и еще: «въ церквахъ благословлю Тя, Господи», въ церквахъ, разумѣется, истинныхъ, православныхъ. Велико различіе между Православною Церковію и еретической, изъ которыхъ послѣднюю должно ненавидѣть, какъ сказано: «возненавидѣхъ церковь лукавнующихъ», и какъ это было въ Ветхомъ Завѣтѣ. Тамъ сначала противопоставлялись богоугоднымъ алтарямъ богоотступническіе алтари: Господь призрѣлъ жертву Авеля, жертвѣ же Каина не внялъ; обонялъ Онъ благоуханіе съ сожженнаго Ноемъ на жертвенникѣ, устроенномъ по выходѣ изъ ковчега; извѣстна слава жертвенника, созданнаго Авраамомъ въ Виѳилѣ, на мѣстѣ, гдѣ явился Господь и обѣщалъ эту землю его потомству. По выходѣ Евреевъ изъ Египта Самъ Богъ повелѣлъ соорудить Скинію и Кивотъ Завѣта, между тѣмъ какъ отступники сдѣлали себѣ золотаго тельца. Царь Соломонъ воздвигъ затѣмъ храмъ Господу Богу въ Іерусалимѣ, и Господь освятилъ этотъ домъ; но тотъ же царь, склоненный подъ старость своими иноплеменными женами, настроилъ капищъ для ихъ идоловъ, такъ что многіе, презрѣвъ храмъ Господень, совратились въ то нечестіе. Видя Израильтянъ, погибающихъ во отступнической прелести, Езекія и Іосія цари разрушили до основанія тѣ скверныя капища, чѣмъ и избавили народъ свой отъ отступничества и снова обратили его къ Богу.

Лицо, къ которому направлена была рѣчь, обращается къ автору съ недоумѣніемъ: «Повѣдалъ ты о Божіемъ благоволеніи къ людямъ и о томъ, какъ благословится Богъ во святыхъ церквахъ, какъ отступники ставятъ, супротивно Богу, свои жертвенники на совращеніе отъ истинной вѣры; сообщилъ и о ревнителяхъ благочестія, разорившихъ ту прелесть. Но вотъ нынѣ въ православ-

номъ Московскомъ государствѣ латинскій ксензъ и лютерской ереси пасторъ съ своими единомышленниками просятъ поставить каменный костелъ латинскій и каменную кирку лютерской ереси. Слѣдуетъ ли дозволить имъ такое зданіе за то, что они, покинувъ свою землю, пришли на жительство въ Московское государство и вѣрно служатъ государямъ купечествомъ своимъ?»

Авторъ отвѣчаетъ, проводя свое основное положеніе со всею строгостію. Въ нашемъ Московскомъ государствѣ не должно быть костелу и киркѣ не только каменнымъ, но и деревяннымъ, какъ равно и латинскимъ ксензамъ и лютеранскимъ и кальвинскимъ пасторамъ, этимъ ложнымъ учителямъ, развратникамъ Православной вѣры, не должно, ради тайнаго ихъ лукавства, дозволять имъ ни ученія ихъ ереси, ни совершенія службы. Если же допустить все это изъ-за торговли; то это будетъ означать, что Православная вѣра начала продаваться православными, стала оскудѣвать въ ней твердость, неправосовѣтующіе поддались слабости, или же сомнѣваются въ ней, или даже считаютъ ее равной съ другими. Ревнители Православія не попустятъ такого еретикамъ зданія, начавшееся разрушатъ до основанія, потому что оно— нечестиво и скверно, не достойно быть на святомъ мѣстѣ святой Русской земли.

Сомнѣвающійся попросилъ на это доказательствъ. Полемистъ не замедлилъ съ ними. Попущеніе строить костелы и кирки и отправлять церковную службу лютеранамъ и католикамъ, говорилъ онъ, доставитъ облегченіе къ совращенію въ свою пагубную ересь, православнымъ—соблазнъ и поводъ къ сомнѣнію въ своей вѣрѣ. Многіе изъ православныхъ скажутъ: еслибы видѣли у латинниковъ

и лютеранъ неправую вѣру, то воспретили бы имъ строить храмы и совершать въ нихъ службу, и произойдетъ Православной вѣрѣ ругательство и укоризна. Такъ какъ принялъ въ свою Россійскую землю «явныхъ отступниковъ, проклятыхъ еретиковъ и развратниковъ», отметающихъ греческое Православіе и утверждающихъ римскую и лютеранскую вѣру, и споспѣшествовалъ, въ видахъ нечистаго купеческаго прибытка, въ построеніи костела или кирки: то значитъ желаешь вкорененія и распространенія ихъ ересей въ Россіи, а не уничтоженія. Ужасаешься ли, слыша это? Послѣ же, если бы и захотѣлъ тѣ ереси изгнать, будетъ поздно: онѣ укрѣпятся твоимъ попущеніемъ выстроить ихъ разбойническіе вертепы, о которыхъ Спаситель сказалъ Іудеямъ: «храмъ Мой храмъ молитвы наречется, вы же сотвористе его вертепомъ разбойниковъ». Храмъ Православной вѣры—домъ молитвы, а костелы и кирки иновѣрцевъ – вертепы разбойническіе. Никто не можетъ изъ истинно-православныхъ смотрѣть на ихъ вертепы и дружить съ лютерскою церковью, которая постоянно безчеститъ Православную Церковь и насъ, почитателей Пресвятой Богородицы и Святыхъ мощей. Нельзя быть у насъ такому явному врагу Божію. Большое поношеніе благочестивымъ церквамъ отъ еретическихъ бываетъ, если онѣ созданы даже и въ ихъ еретическихъ земляхъ Посмотри, что было еще прежде воплощенія Слова Божія у Израильтянъ. Когда колѣна Рувимово и Гадово и полплемени Манассіи создали себѣ особый алтарь у Іордана, то всѣ остальныя племена Израильскія, вѣрныя закону Моисееву, собрались въ Силомъ и пошли воевать на отступниковъ; но эти сказали, что они создали себѣ не для отступничества, а лишь въ воспомина-

ніе израильскаго алтаря, и имъ оставили алтарь ихъ, и они назвали его «вѣдѣніе» (Книга Іисуса Навина, XX).

Такова была въ древности твердость въ защищеніи своихъ церквей и постоянство въ вѣрѣ: почему же ты нынѣ хочешь, чтобы еретики и отступники имѣли въ Россіи кирки и костелы и еще на виду, на востокѣ предъ Москвою, точно терніе въ глазахъ, и помрачать зрѣніе Православной вѣры? Православные, ревнующіе о домѣ Божіемъ, съ горестію видятъ въ этомъ попущеніи начало основанія ересей лютеранской и латинской. Если ты оправдываешься тѣмъ, что они какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ, по ихъ лютеранской вѣрѣ; то отъ того мнѣ нѣтъ пользы, когда я гнушаюсь ихъ вѣры и не держу ихъ преданія, и твое слово неправо, просится на изобличеніе. Ты говоришь, что гнушаешься ихъ вѣры: а зачѣмъ же допустилъ завести имъ кирки? Развѣ не знаешь, что̀ написано (III Царствъ, гл. II) о Соломонѣ. Подъ старость онъ, склонившись къ иноплеменническимъ женамъ, построилъ имъ капище и идоловъ и самъ наконецъ приносилъ жертву. Разгнѣвался на то Господь и, дважды являясь ему, заповѣдалъ не ходить въ слѣдъ иныхъ боговъ. Потѣшая своихъ иноплеменныхъ женъ, Соломонъ, такимъ образомъ, совратился сердцемъ своимъ и навлекъ на себя гнѣвъ Божій: слѣдовательно, не должно быть и еретическому, иноземному зданію въ Русской землѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ. И ты, ведущій дружество, ради временной купли и подарковъ, съ латинянами, лютеранами и прочими еретиками, откажи имъ въ ихъ просьбѣ, и если имѣешь дерзновеніе къ благочестивымъ самодержцамъ, моли ихъ, да повелятъ удержать тѣхъ еретиковъ-иновѣрцевъ отъ ихъ злаго начинанія и не разрѣшать у

нихъ ни кирокъ, ни костеловъ, ни ученія ихъ вѣры: пусть еретики, покаявшись, или обращаются къ правой вѣрѣ, или же будутъ выгнаны изъ царствующаго города, а кирки ихъ разорены.

Иновѣрцы прикрываются, будто они служатъ государямъ купечествомъ; но отъ ихъ жительства въ Москвѣ и въ другихъ русскихъ городахъ нашимъ купцамъ громадные убытки. Вмѣстѣ съ этимъ разореніемъ отъ ихъ купечества, допустить имъ постройку кирокъ и костеловъ равнялось бы тому, чтобы отдать имъ на поруганіе и поруганіе и душевное наше богатство, т.-е. Православную русскую вѣру, которую они, еще и не властвуя вполнѣ, уже непрестанно хулятъ и укоряютъ. Чтобы истребилось зло — необходимо разорить еретическое зданіе. Молю, да повелятъ такъ быть и не споспѣшествуютъ тому, чтобы хулились имя Сына Божія и Духа Святаго, Тайны, Пречистая Богородица, Угодники, Святыя иконы и весь православный Законъ. Такое попущеніе, по сребролюбію и дарамъ, приведетъ гнѣвъ Божій, особенно, когда царской власти такъ легко предупредить все это, легче, чѣмъ нѣкогда св. Іоанну Златоусту, который не допустилъ въ Константинополѣ воеводѣ Гоѣнѣ, аріанину, имѣть отдѣльную себѣ церковь, сказавъ ему: «всѣ церкви вѣрныхъ отверсты для тебя, а не одна, и никто не воспрепятствуетъ тебѣ входить въ нихъ». Гоѣна указывалъ на свои заслуги государству; на это Златоустъ возразилъ ему, что онъ получилъ уже больше, чѣмъ заслуживалъ: прежде, живя за Дунаемъ, онъ былъ бѣденъ и убогъ, теперь поставленъ полководцемъ, владѣетъ громадными сокровищами и носитъ самыя роскошныя одежды. Надобно, подобно Златоусту, загражс-

дать уста и латинянамъ, лютеранамъ и кальвинистамъ, желающимъ подкрасть русское благосостояніе извѣтомъ купечества и гостинства. Гойна былъ воевода, и то ему не дано разрѣшенія, купцамъ же недостойно и просить о томъ. А если изъ иновѣрцевъ не одни купцы, а и воины, полководцы и прочіе чиновники запросятъ себѣ костела или кирки и будутъ указывать на свои службы, тоже не нужно разрѣшать, не только не потѣшая, но и съ гнѣвомъ отсылая, какъ невѣжествомъ просящихъ, и выставляя имъ, что ихъ труды и служба, въ сравненіи съ царскимъ имъ жалованьемъ и содержаніемъ, малы и худы, прежнее же ихъ житье на ихъ родинахъ было весьма нище, убого и укорительно: нѣкоторые изъ нихъ были достойны на своей родинѣ смертной казни, но спаслись, укрывшись въ Россіи; иные же, если бы жили не изъ-за прибытковъ, держали бы съ нами Православную вѣру, а которые измѣнили своему природному государю, не думаю, чтобы такіе стали вѣрно служить новому; но, улучивъ время, также измѣнятъ, почему и держатся неправовѣрія прежняго своего государя. Отвергни жь ихъ просьбу, хотя бы они показали и христіанское знаменіе: Россія гнушается зловѣрія латинъ, лютеранъ и другихъ еретиковъ и о немъ не хочетъ и слышать, не только-что созидать ихъ костелы и кирки, тѣмъ болѣе близъ своей столицы.

Посмотримъ, какъ хранили Православіе предки. Когда папскій посолъ Антоній, сопровождавшій Софію, подъѣзжалъ къ Москвѣ съ предносимымъ предъ нимъ крестомъ, и великій князь Иванъ Васильевичъ недоумѣвалъ, дозволить ли это ему или нѣтъ; то митрополитъ Филиппъ прямо сказалъ князю: «если легатъ такъ въѣдетъ въ

одни ворота Москвы, я, отецъ твой, выѣду въ другія, потому что кто похвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою». Великій князь велѣлъ тогда Антонію скрыть свой крестъ, не смотря на сопротивленіе тому Антонія и усиленныя хлопоты нашего посла Ивана Фрязина Денежника. Вотъ—урокъ, какъ нужно ревновать о благочестіи, не допуская постройки у насъ костела и «скверныя» кирки, чтобы тѣмъ оградить отъ безчестія нашу Соборную Апостольскую Церковь и Пречистую Богородицу.

Легко знать всякому, какое бываетъ безчестіе Православной церкви отъ еретической. Положимъ, кто-нибудь имѣлъ бы родную мать, живущую достойно съ своими дѣтьми, и велѣли бы въ томъ же домѣ жить явной блудницѣ: допустилъ ли бы тотъ случиться этому на беззаконіе и укоризну своей матери? Такъ точно нельзя давать мѣста подлѣ Православной церкви нѣмецкой киркѣ и латинскому костелу, близь селенія Пресвятой Богородицы поселяться. Ея врагу. Въ противномъ случаѣ, какъ бы намъ, молящимся Ей, Пресвятой Заступницѣ, чтобы Она пребывала съ нами, не услышать того же, что̀ сказано отшельнику Киріаку. Киріакъ, игуменъ лавры Каламоніи, на Іорданѣ, во снѣ увидѣлъ Пресвятую Богородицу вмѣстѣ съ святыми Іоанномъ Крестителемъ и Іоанномъ Богословомъ. Она стояла внѣ его келіи, и онъ просилъ Ее войти внутрь, чтобы здѣсь могъ молиться Ей. «Въ келіи имѣешь ты врага Моего, отвѣчала Она: какъ же ты хочешь, чтобы вошла Я?» Проснувшись, онъ, въ глубокомъ горѣ, началъ перебирать книги, нѣтъ ли въ нихъ чего, и въ одной изъ нихъ, на концѣ, нашелъ два слова Несторія. Онъ поспѣшилъ возвратить эти книги, кто ему ихъ далъ, и тотъ, узнавъ о

причинѣ, вырѣзалъ тѣ слова Несторіевы и сжегъ ихъ, говоря: «да не будетъ въ келіи моей врагъ Пресвятой Богородицы». Лютеранская кирка—явный врагъ Ея: хулитъ Ее, въ молитвахъ не призываетъ и никакой чести, какъ Божіей Матери, не приноситъ, но считаетъ Ее простой добродѣтельною женой и во всемъ послѣдуетъ хуленію Несторія; въ ней не два врага противъ Пресвятой Богородицы, а множество. И въ святой Русской землѣ да не будутъ эти Ея враги, кирки лютеранскія и кальвинскія; но, исполнившись ревностью, должно намъ и основанія кирокъ выкинуть изъ земли, камни разметать, землю разсыпать, деревянныя кирки сжечь, слѣдуя примѣру аввы Киріака. Тогда мы умолимъ Пресвятую Дѣву пребыть въ нашей землѣ, какъ не имѣющей Ея враговъ, еретическихъ кирокъ.

А и послѣ того положишь ни во что̀ гнѣвъ Божій и допустишь созданіе кирокъ, то скажу тебѣ волю Божію. Кто, по твоему попущенію къ построенію кирокъ, изъ простыхъ и немощныхъ въ разумѣ, придетъ и послушаетъ прелестнаго еретическаго пѣнія и молитвъ, знай, что мука этого мужа на тебя обратится, по слову Евангелія: «горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ», и по глубоко-поучительной извѣстной исторіи съ однимъ монахомъ (Синаксарій, гл. VII, декабря 5 дня). Въ монастырѣ св. Ѳеодосія жилъ одинъ инокъ, который, по неразумѣнію, заходилъ въ церкви, какія попадались ему: Египтянъ, Армянъ и другихъ еретиковъ. Явился ему Ангелъ и спросилъ: «скажи, старче, когда умрешь, какъ хочешь, чтобы тебя погребли — по-египетски, армянски, т.-е. еретически, или по-іерусалимски?» Старецъ отвѣчалъ: «не знаю».—«Подумай о томъ, приду

къ тебѣ чрезъ три недѣли, и ты повѣдай мнѣ», сказалъ Ангелъ. Пошелъ старецъ къ другому монаху и сообщилъ ему о сновидѣніи. Этотъ разъяснилъ ему, что, посѣщая иновѣрныя церкви, онъ дѣлается чуждымъ своей, Апостольской, и совѣтовалъ ему отвѣтить Ангелу, что желаетъ быть погребеннымъ по-іерусалимски. Инокъ такъ и поступилъ. Снова явившійся Ангелъ сказалъ ему: «добро, ты освободилъ свою душу отъ муки». Это намъ въ поученіе, чтобы мы не слушали пѣнія еретическаго, латинскаго, армянскаго, лютерскаго и другаго, чтобы ходили въ одни свои церкви, да не погубимъ труда добродѣтельнаго и съ нечестивыми не будемъ осуждены отъ Господа.

Не исчислимъ соблазнъ и вредъ приносятъ православнымъ лютеране, когда у нихъ свои кирки. Прежде они много душъ сгубили напитками, табакомъ и танцами, теперь же не начнутъ ли совращать и своимъ зловѣріемъ. Или сомнѣваешься ты въ Православной вѣрѣ, что хочешь въ Россіи, хотя и тайно, чрезъ костелы и кирки утвердить ереси римскую и лютерскую, угождая иновѣрнымъ купцамъ, а своихъ приведя въ нищету и соблазняя всѣхъ православныхъ? Какъ можешь сказать ты съ пророкомъ: «возненавидѣхъ церковь лукавнующихъ, и съ нечестивыми не сяду»? Если сонзволишь построеніе костела или кирки и созданное не размещешь, то, хотя ты и думаешь, что держишь Греческій закопъ, за помощь еретикамъ не убѣжишь гнѣва Божія: ты хочешь тѣмъ иное основаніе вѣры создать въ Россіи. И зачѣмъ дѣлаешь угодное такимъ людямъ, которые—еретики, неподданные нашихъ государей и не хотятъ принять подданства? Въ прошлые годы посланъ былъ въ Архан-

гельскъ одинъ бояринъ къ Нѣмцамъ лютеранской и кальвинской вѣры съ запросомъ, не желаютъ ли они вступить въ вѣчное подданство подъ державою русскихъ государей. Они отвѣчали, что они живутъ въ Россіи временно, изъ-за одной торговли, и въ подданствѣ, кромѣ своихъ государей, здѣсь не будутъ. Слышишь, что̀ говоритъ этотъ гнилой плодъ отъ злаго сѣмени? Или они овладѣли уже Москвою, что не хотятъ быть подданными у нашихъ государей? Не помогать имъ, а искоренить ихъ кирки и даже тайныя мольбища должно за подобный отвѣтъ. Возсіяетъ тогда одна Православная Церковь, не застилаемая тьмой еретическихъ кирокъ, и скажемъ: «возненавидѣхъ церковь лукавнующихъ, и съ нечестивыми не сяду».

Вотъ что̀ въ этомъ отношеніи дѣлается въ Испаніи, какъ разсказываютъ наши послы. Крѣпко держась своей католической вѣры, Испанцы не дозволяютъ у себя ни строить кирокъ и жидовскихъ школъ, ни жить иновѣрцамъ. Сравненіе съ этимъ указываетъ, насколько Россія, всегда славившаяся крѣпостію въ своей Православной вѣрѣ, теперь слабѣетъ въ ея храненіи, что дала еретикамъ дерзать строить близь столицы большія каменныя кирки и тѣмъ допускаетъ то, что эти еретики въ своихъ киркахъ, катихизисахъ и наставленіяхъ свое богохульное ученіе всегда преподаютъ съ укоризною и проклятіемъ на православныхъ; Церковь Греческаго закона, почитающую Св. иконы, называютъ болванницею, насъ же, православныхъ, идолопоклонниками, за почитаніе представльшихся Святыхъ и за поклоненіе ихъ Мощамъ, мертвослужителями, а какъ хулятъ Святую Богородицу, о томъ страшусь и писать.

Чтобы не слышать укоровъ отъ иныхъ странъ за такую слабость въ охраненіи своей вѣры, и если есть еще остатокъ искры благочестивой ревности, надобно не медля разрушить еретическіе шанцы. Крѣпкій городъ берутъ не ранѣе, какъ построятъ шанцы: тогда приступы и взятіе города бываетъ несравненно удобнѣе. Эти еретическія лютерскія и кальвинскія кирки—шанцы, созданіе діавольскихъ учениковъ и христіанохульныхъ людей: если не разорятся, сдѣлаютъ еретики большой приступъ соблазна и произведутъ сомнѣніе въ Православной русской вѣрѣ греческаго закона. Совѣтуя же разрушить ихъ кирки, получишь милость Божію, возвеселишь святую Соборную Апостольскую Церковь и принесешь радость всѣмъ православнымъ.

Понимая всю тяжесть доводовъ, припявшихъ характеръ обличенія, авторъ присоединяетъ оправданіе своей смѣлой прямоты. «Знай, что когда православные видятъ это бѣсовское зданіе, не утѣшно сѣтуютъ они и скорбятъ, и хотя молчатъ, какъ люди плотскіе, по страху предъ попустившими зданіе, однако въ тайнѣ одолѣваютъ ихъ слезы. Страхъ еще простителенъ мірянамъ, которые, бывши связаны мірскими попеченіями, не могутъ высказать правды. Духовнымъ же лицамъ, священникамъ и монахамъ, совсѣмъ не слѣдуетъ бояться и молчать о правдѣ: молчащіе будутъ въ день суда осуждены безъ всякаго оправданія, какъ человѣкоугодники. Что обличающіе слышатъ иногда отъ обличаемыхъ угрозы смертію, того нечего опасаться отъ православныхъ: въ благочестивой странѣ благочестивыя напоминанія бываютъ съ дерзновеніемъ и обличеніемъ, и хотя есть обличеніе, такъ не называется, но духовнымъ совѣтомъ, и

достойно оно христіанской любви, по слову Премудраго: «обличи премудра, и возлюбитъ тя».

Вельможа становится на международную почву. У лютеранъ, въ ихъ земляхъ, говоритъ онъ, имѣются храмы для христіанъ Греческаго закона: если имъ не будетъ разрѣшено въ Россіи строить кирки, то и они въ своихъ земляхъ воспретятъ православнымъ владѣть своими храмами.

Дѣйствительно, отвѣчаетъ полемистъ, въ обыкновенной рѣчи часто слышится: «надобно искать того, чрезъ что не потеряешь своего», но на это говорятъ: «не столько найдешь, сколько потеряешь». Такъ и твое, христолюбче, намѣреніе было бы доброе, еслибы хотѣлъ построить въ какомъ-нибудь государствѣ новыя церкви, для распространенія Православія. Но и по этимъ побужденіямъ нѣтъ надобности допускать еретикамъ строить въ Россіи кирки, разсѣевать свою вѣру и сообщать въ ихъ киркахъ свое богомерзкое ученіе: въ ихъ земляхъ Православныя церкви лишь въ тѣхъ городахъ, которые нѣкогда были подъ православною русскою державой и которыми теперь владѣютъ еретики. И хотя бы, подъ страхомъ гоненія на Православную Церковь, ты захотѣлъ постройки въ Москвѣ кирокъ, все же безъ всякой надобности и неволи посрамилъ бы себя и свою Православную вѣру: никто изъ иноземныхъ не владѣетъ нашимъ городомъ, и ты, добровольно совѣтуя построеніе, утверждаешь вѣру еретиковъ. Православная вѣра утверждается построеніемъ храмовъ: такъ точно послужитъ къ утвержденію ихъ лютерской ереси твой совѣтъ удовлетворить просьбу о киркахъ. Ни мало не удивительно, если лютеране въ сво-

ихъ городахъ допускаютъ православнымъ имѣть церкви, какъ построенныя изстари, также и изъ-за опасенія нашихъ государей; вновь же они не даютъ строить нигдѣ и ни для кого: не только по городамъ, а и селамъ, не только каменныхъ, но и деревянныхъ, не только для пришедшихъ русскихъ купцовъ, но и для живущихъ тамъ постоянно. Какое же послѣ того станетъ благочестіе въ Русской землѣ, чтобы быть въ ней новопостроеннымъ нѣмецкимъ киркамъ? Нужно разорить еретическое зданіе, чтобы его новостью не развратить православныхъ, не навлечь на себя, при жизни и по смерти, анаѳему, а на всю Россію праведнаго Божія гнѣва, какъ въ старину навлекъ его на себя новгородскій посадникъ Добрыня.

Въ Новгородѣ прежде не было кирокъ, и Нѣмцы прислали отъ семидесяти городовъ посла къ архіепископу, посадникамъ, тысяцкимъ и всему Новгороду съ просьбой о мѣстѣ для построенія себѣ божницы и получили отказъ. Тогда Нѣмцы подкупили степеннаго посадника Добрыню. Взявъ съ нихъ большой посулъ, онъ посовѣтовалъ имъ пригрозить новгородскимъ купцамъ тѣмъ, что если не будетъ дозволено имъ божницы въ Новгородѣ, то и въ нѣмецкихъ городахъ не быть Православнымъ церквамъ. Угроза испугала купцовъ, и они били челомъ архіепископу и всему городу объ отводѣ мѣста Нѣмцамъ подъ ропату; ихъ просьбу поддерживалъ посадникъ. Архіепископъ и новгородцы склонились на ихъ челобитье и совѣтъ и дозволили Нѣмцамъ поставить ропату, отвести же мѣсто указали Добрынѣ. Нѣмцы выбрали его посреди города, на торгу, гдѣ стояла деревянная церковь св. Іоанна

Предтечи; ослѣпленный мздою, Добрыня велѣлъ ту церковь перенести на другое мѣсто, а это отдалъ Нѣмцамъ. Не долго пользовался Добрыня неправедно нажитымъ; не потерпѣлъ св. Іоаннъ поруганія своему храму. Возвращаясь съ вѣча домой чрезъ Волховъ на лодкѣ, посадникъ вдругъ былъ подхваченъ налетѣвшимъ вихремъ, поднятъ выше двухъ саженъ и брошенъ въ воду: его вытащили уже мертвымъ.

Благочестивую легенду о существовавшемъ нѣкогда въ Новгородѣ, въ годы его самостоятельности и широкой внѣшней торговли, католическомъ храмѣ ганзейскихъ купцовъ приложилъ полемистъ и къ новому вельможѣ въ видѣ предостерегающаго его знаменія, чтобы и съ нимъ, дѣйствующимъ по одинаковымъ съ Добрыней побужденіямъ, не случилось чего-либо подобнаго, и въ видѣ урока къ исправленію и приведенію его къ страху Божію.

Выслушавъ укоръ за то, что помогаетъ построенію кирокъ, какъ бы зданій, еще не бывшихъ у насъ, вельможа оправдывается, что такія зданія уже существовали, лишь деревянныя; все его нововведеніе заключается въ разрѣшеніи замѣнить ихъ каменными. «Прежде сего въ Москвѣ были же нѣмецкія кирки деревянныя: почему не дать построить каменныя? Все равно вѣдь, что деревянныя, что каменныя»?—Далеко не все равно, разъясняетъ полемистъ. Деревянныхъ кирокъ никто доселѣ не зналъ у Нѣмцевъ: у нихъ онѣ были тайно, и никто не назвалъ бы ихъ кирками, а простыми амбарами, ничѣмъ не отличающимися отъ прочихъ домовъ. Это же отступническое

зданіе строится не гайно, а явно, безъ всякой боязни, точно будто равное Святымъ церквамъ. Приходящіе въ Москву люди со всѣхъ концовъ владѣній нашихъ государей спросятъ здѣсь живущихъ: что это за большія зданія? какъ зовутъ ихъ? Спрашиваемые отвѣтятъ съ радостью: это—Святая соборная и апостольская церковь во имя Пресвятыя Богородицы, а это—обитель св. Архангела Михаила и святителя Алексѣя, Чудовъ монастырь. Указывая и сообщая о нихъ и о другихъ Святыхъ обителяхъ, они веселятъ вопрошающихъ. Но вотъ, когда увидятъ посѣтители лютеранское зданіе и спросятъ о немъ, тогда спрашиваемые глубоко, съ невыносимымъ стыдомъ и позоромъ, вздохнутъ и вынуждены будутъ сказать: «нѣмецкихъ еретиковъ, лютеровъ и кальвиновъ, кирки, складенныя, за немного дней, по совѣту одного изъ первосовѣтниковъ». Услышавши такую безчестящую вѣсть, спрашивающіе содрогнутся, не смогутъ долгое время вымолвить и слова, затѣмъ также глубоко вздохнутъ и произнесутъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ! сохрани и соблюди Православную вѣру православныхъ христіанъ во вѣкъ вѣка: еретическая лютеранская вѣра пришла уже близко, безъ боязни сѣла на православномъ мѣстѣ и хребтомъ своимъ утѣснятъ Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Но непреложно слово Твое, писанное Святыми Евангелистами: «горе міру отъ соблазнъ, нужда бо есть пріити соблазнамъ, обаче горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ: унѣе ему было бы, аще бы жерновъ осельскій обложенъ былъ о выи его, и ввержень въ море, неже да соблазнитъ сихъ единаго». Слово Твое исполнится и на этомъ первосовѣтникѣ; не дай ему, Владыко, погибнуть безъ покаянія, но обрати

его на путь правый, да опять возсовѣтуетъ благое и полезное о Твоей Святой Церкви, избавитъ Ее отъ скверной сосѣдки, той еретической нѣмецкой кирки, и складенныя пещеры, возненавидя ихъ по Твоему повелѣнію, разметаютъ». Произнесши это, вспомня изъ Божественнаго Писанія и объ иномъ и видя во очію зданіе лютеровъ, отойдутъ съ печалью. По возвращеніи въ свою страну они сообщатъ о томъ остальнымъ, и всѣ слышащіе станутъ проклинать посовѣтовавшаго и, страшась гнѣва Божія за попущеніе кирки, ради своей невиновности, непрестанно будутъ молиться Господу Богу, чтобы не постигъ Онъ гнѣвомъ людей своихъ.

Послѣ этого полемистъ заключаетъ: Опасаясь гнѣва Божія, намъ необходимо быть крѣпкимъ въ Православной вѣрѣ и никакъ не давать еретикамъ помощи и чести ихъ вѣрамъ, не споспѣшествовать въ построеніи костела или кирки. Отринемъ прошенія ихъ и построенныя кирки разсѣчемъ до основанія, да не осквернившись въ жизни ересію, пріимемъ отъ Господа Бога милость, и, какъ православные, получимъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, вѣчныя небесныя блага [1].

---

[1] Это «Слово на лагиновъ и лютеровъ», найденное профессоромъ Харьков. университета А. С. Лебедевымъ, издано имъ въ Чтен. Им. Моск. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ, 1884, кн. III, отд. II, съ особымъ предисловіемъ, въ которомъ, разъясняя свойства и значеніе произведенія, издатель опредѣляетъ время его написанія, имя автора и лицо, къ которому оно написано. Со многимъ согласиться здѣсь нельзя. «Поводомъ къ составленію его (Слова) послужили, говоритъ издатель, челобитныя католиковъ и лютеранъ, въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей (1689—1696), о дозволеніи поставить въ Россіи близъ царствующаго града Москвы

Такъ какъ это увѣщаніе, дышащее столь не поддѣльною ревностію о чистотѣ и ненарушимости Православія и пользѣ народа, явилось въ то время, когда лютеранская кирка Старой общины, согласно правительст-

---

или въ иныхъ россійскихъ городахъ костелъ латинскій и кирку лютерскую—каменные, и явное соизволеніе правительства дать это дозволеніе—по совѣту, ««нѣкоего первосовѣтниковъ»» (по всей вѣроятности Лефорта)... Авторъ... убѣдительно проситъ читателя—если имѣетъ дерзновеніе къ благочестивымъ самодержцамъ, молить ихъ, ««да повелитъ царская ихъ власть обитающихъ въ Россіи иновѣрцевъ, мнящихся имъ великимъ государямъ купечествомъ служащихъ, отъ злаго начинанія ихъ (относительно зданія кирокъ и костеловъ) отставити»» (Предисловіе, стр. III, IV). Г. Лебедевъ полагаетъ, такимъ образомъ, что Слово явилось по свержении (въ сентябрѣ 1689 г.) царевны Софьи и паденіи кн. В. Голицына и что упоминаемый въ Словѣ «нѣкій изъ первосовѣтниковъ» и лицо, къ которому писалось оно, личности совершенно различныя: тотъ—вѣроятнѣе всего Лефортъ, этотъ—простой русскій читатель. Но Слово, несомнѣнно, написано еще при Софьѣ и Голицынѣ. На другомъ сохранившемся его экземплярѣ (г. Лебедевъ знаетъ только одинъ экземпляръ), принадлежащемъ библіотекѣ Архангельской духовной семинаріи, есть надпись: «197 году, августа въ 5 день, по указу преосвященнаго Аѳанасія, архіепископа Колмогорскаго и Важскаго, сія книга списана Новоспасскаго монастыря у Игнатія Корсакова его архіерейскимъ иждивеніемъ» (Журн. Мин. Нар. Прос. ч. CCXXXIX, отд. 4). Но и лѣто 1689 (197) года, когда снята была для холмогорскаго архіепископа Аѳанасія эта копія, не было, по нашему мнѣнію, временемъ составленія подлинника: подлинникъ написанъ за нѣсколько годовъ ранѣе. Такъ какъ въ Словѣ говорится то о томъ, чтобы челобитье еретиковъ, просящихъ, ради ихъ купечества въ Россіи, о каменныхъ киркѣ и костелѣ, было отвергнуто (стр. 17, 18, 28), то о томъ, что «достойно и основанія кирокъ ихъ исторгнути изъ земли и плиноы разметати и персть разсыпати, древянная же огнемъ сожещи»

венному разрѣшенію, уже строилась, то оно не могло измѣнить дѣла: не податливые на допущеніе новаго, наши, разъ дозволивши, обыкновенно не отступались отъ своего слова. Потому, хотя сооруженіе костела, не смотря на

(стр. 23), что «сіе ихъ отступническое каменное зданіе уже не втаінѣ, но явѣ безъ всякаго опасенія и боязни созидается» (стр. 30) и что видны уже «складенныя пещеры» (стр. 31): то естественно предположить, что оно писано послѣ подачи лютеранами и католиками ихъ просьбъ и при началѣ каменной кладки лютеранской церкви Старой (купеческой) общины. Въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ (Дѣла римско-католическія, св. I) сохранилась челобитная католиковъ, впрочемъ, отъ имени однихъ свѣтскихъ лицъ, о разрѣшеніи имъ имѣть своего «пастыря» и церковь: она помѣчена 3 марта 1684 года, лѣтомъ этого же года поселился въ Москвѣ іезуитъ Шмидтъ, домогавшійся дозволенія построить костелъ, и среди католиковъ была уже роспущена молва, будто бы такое дозволеніе правительствомъ дано (см. ниже, кн. II, гл. II, и прилож. №№ I и II); порученіе Старою общиной Энгелю было дано 22 мая того же 1684 года, 28-го января 1686 года въ каменной киркѣ уже служили (см выше, стр. 213)—на этотъ періодъ, слѣдовательно, и падаетъ написаніе Слова. То же обстоятельство, что въ Словѣ упоминается объ однихъ «великихъ государяхъ, самодержцахъ» и ничего не говорится о правительницѣ (1682—1689 г.) Софьѣ, особеннаго затрудненія здѣсь не представляетъ: въ первую половину ея правленія челобитныя обыкновенно писались на имя однихъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, на ихъ имя, безо обращенія къ царевнѣ, подана была и только что указанная челобитная католиковъ.

Отнесши написаніе Слова къ 1684—1686 годамъ, необходимо признать, что и подъ «нѣкимъ изъ первосовѣтниковъ» разумѣется не Лефортъ и вообще не иновѣрецъ, а тотъ же русскій вельможа, къ которому адресовано Слово. При царевнѣ Софьѣ отношеніе Лефорта къ правящимъ лицамъ было не значительно, сближеніе его съ Петромъ начинается не ранѣе сентября 1689 г. (объ

распущенную католиками молву, пока и не было разрѣшено, каменная кирка, какъ видѣли, была достроена и въ началѣ 1686 года въ ней уже служили.

Правительство Софьи этимъ не ограничивалось. Къ

этомъ у Dr. Posselt'a, Der General und Admiral Franz Lefort. Frankf. am Main, 1866, I, и въ нашемъ изслѣдованіи: «Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи», гл. I), да Лефорту не къ чему было хлопотать теперь о киркѣ: онъ былъ реформатъ, Реформатская деревянная кирка замѣнена каменной въ 1694 году (см. ниже), въ восьмидесятыхъ же годахъ строилась каменная лютеранская кирка Старой лютеранской общины, почему подъ порученіемъ Энгелю и нѣтъ его подписи. Помимо этого, въ самомъ Словѣ нѣтъ основаній къ тѣмъ выводамъ, какіе сдѣланы почтеннымъ издателемъ. Имѣя въ виду «нѣкоего изъ первосовѣтниковъ», по внушенію котораго государи дали разрѣшеніе на построеніе каменной кирки (стр. 31), авторъ Слова убѣждаетъ его отвергнуть прошеніе иновѣрцевъ о «таковомъ еретическомъ зданіи» (20), снова разсовѣтовать государямъ и молить ихъ объ отмѣнѣ разрѣшенія (17), раскрывая предъ нимъ весь вредъ отъ его дѣйствій для Православной Церкви, которой онъ состоитъ членомъ (13, 18, 24), и тѣ мысли, какія будутъ имѣть о немъ слышащіе о его совѣтѣ его соотечественники, послѣдніе будутъ даже молиться о немъ, чтобы Господь не допустилъ его погибнуть безъ покаянія, но обратилъ бы его къ покаянію, «да паки возсовѣтуетъ благая и полезная о Церкви твоей Святѣй, избавитъ Ея отъ сквернаго сосѣдки тоя еретическія нѣмецкія кирки, и складенныя пещеры повелѣніемъ твоимъ, возненавидѣвше, да размѣщутъ» (31). Гдѣ же основанія подъ «нѣкіимъ изъ первосовѣтниковъ» считать Лефорта или вообще вліятельнаго иновѣрца, а подъ лицомъ, къ убѣжденію котораго направлено сочиненіе, обычнаго читателя? Напротивъ, это одно и то же лицо, православно-русское, и настолько значительное, что о немъ можно было выразиться, что каменная кирка строится его «повелѣніемъ», и до того сильное, что авторъ считаетъ необходимымъ оправдать предъ нимъ свою

концу своего правленія оно даже сдѣлало было смѣлую попытку къ законодательному утвержденію за протестантами неприкосновенности религіозныхъ убѣжденій: подъ вліяніемъ недружелюбныхъ отношеній къ Людовику XIV

смѣлость, ссылаясь на свой духовный санъ (27). Такой личности, кромѣ кн. В. Голицына, тогда не было: по своей близости къ Софьѣ, онъ былъ самымъ вліятельнымъ русскимъ вельможей, и отъ него, начальника Посольскаго приказа, зависѣли всѣ дѣла, касавшіяся вѣроисповѣданія иноземцевъ. Хлопоча объ іезуитахъ и костелѣ, къ нему, какъ «заступнику» католичества, писалъ льстивыя письма даже самъ цесарь, его расположенія одинаково заискивали и протестанты, и католики (см. ниже, кн. II, гл. II, также Протестант. въ Росс. въ правл. Софьи, гл. I, и гр. Д. А. Толстаго, Римскій католицизмъ въ Россіи, I, гл. IV). Авторъ Слова, архимандритъ Игнатій, происходившій изъ знатнаго боярскаго рода Корсаковыхъ, могъ бесѣдовать съ временщикомъ смѣлѣе, чѣмъ другіе полемисты. Правда, въ одномъ мѣстѣ Слова сказано: «аще имаши дерзновеніе ко благочестивымъ самодержцемъ, моли убо ихъ съ прошеніемъ» (17) и т. д., выраженіе, повидимому, мало соотвѣтствующее высокому положенію кн. Голицына; но въ томъ же мѣстѣ говорится, чтобы онъ, творя придружество къ иновѣрцамъ ради временной купли и подарковъ, теперь «отринулъ прошенія нечестія ихъ», что опять приложимо болѣе всѣхъ къ всесильному Голицыну. Не нужно опускать изъ виду, что Голицынъ сопоставляется тамъ съ государями, какъ ихъ подданный и какъ уже разъ совѣтовавшій имъ о киркахъ: дѣйствительно нужно имѣть «дерзновеніе», чтобы «молить» ихъ объ отмѣнѣ распоряженія вслѣдствіе его прежняго совѣта; съ другой стороны, обнаруживая, что изобличаемый вельможа дружитъ съ иновѣрцами и ради «подарковъ», автору нельзя было слишкомъ отчетливо и прямо обрисовывать его положеніе. Въ разсчетахъ сдѣлать свое сочиненіе открытымъ и для остальныхъ соотечественниковъ, Игнатій долженъ былъ выражаться очень осторожно, чтобы не подвергнуться опалѣ, отъ которой не спасли бы его никакія родст-

оно обѣщало свободу тѣмъ изъ нихъ, кто былъ лишенъ ея во Франціи.

По отмѣнѣ Нантскаго эдикта гугеноты, частію изгнанные, частію сами бѣжавшіе изъ Франціи, большими массами нахлынули въ протестантскую Германію. Народъ промышленный, они стали отбивать работу у мѣстныхъ ремесленниковъ и возбудили въ нихъ противъ себя сильное недовольство; бѣдняки же доставляли властямъ много хлопотъ по ихъ устройству. Часть ихъ бранденбургскій курфюрстъ задумалъ сбыть въ Россію. Зная о неудовольствіи нашего двора на Лудовика XIV, онъ поручилъ своему послу, вмѣстѣ съ предложеніемъ о свободной торговлѣ между русскими и бранденбургскими подданными, хлопотать и о пріемѣ въ Россію гугенотовъ. Рейера Чаплича въ Москвѣ встрѣтили (въ концѣ 1688 года) почетно. Относительно пункта въ грамотѣ курфюрста о гугенотахъ бояре, ведшіе съ посломъ переговоры, спросили его, за что ихъ выгналъ французскій король и какой помощи для нихъ просилъ курфюрстъ. Чапличъ отвѣчалъ, что король мучитъ своихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданія за вѣру, принуждая ихъ къ принятію

венныя связи: не безъ причины же онъ ни разу не назвалъ изобличаемаго по имени. Словомъ, это не былъ трактатъ на общую тему или по поводу событій 90 годовъ XVII столѣтія, имѣвшій въ виду неопредѣленный кругъ читателей; но, думается намъ,— сочиненіе, составленное по опредѣленному случаю изъ временъ правленія Софьи, направленное къ влятельнѣйшему русскому вельможѣ, вѣроятнѣе всего, къ кн. В. В. Голицыну, а затѣмъ, быть можетъ, съ нѣкоторыми переправками, переданное, для назиданія, и остальнымъ православнымъ соотечественникамъ автора.—См. также нашу статью: Построеніе первой каменной протестантской церкви въ Москвѣ. М. 1885.

католичества, и что многіе изъ нихъ бѣгутъ въ сосѣднія государства, также и въ Брандепбургъ; что будутъ прибѣгать они и впредь и за своимъ умноженіемъ, для прокормленія и избавленія отъ гоненій, захотятъ быть въ подданствѣ у московскихъ государей, почему курфюрстъ и ходатайствуетъ, чтобы государи велѣли такихъ пропускать на рубежахъ невозбранно: тѣ люди—служилаго, купеческаго и ремесленнаго званія и «могутъ оказать во всякихъ услугахъ потребныя дѣла». Французскіе іезуиты, пробравшіеся сюда въ польскомъ посольствѣ, пытались было помѣшать успѣхамъ Чаплича. Узнавшій о томъ Келлеръ [1] отмѣтилъ: «Я, насколько могъ, оказывалъ ему свою помощь и совѣтами, и дѣломъ, и Рейеръ соединилъ всѣ свои силы съ моими, чтобъ отразить іезуитовъ». Дѣйствительно, бояре завѣрили Чаплича, что государи соизволятъ исполнить просьбу курфюрста, и въ порубежные города будутъ посланы указы о пропускѣ тѣхъ «утеклецовъ».

Въ отвѣтной царской грамотѣ (21 января 1689 года) въ самомъ дѣлѣ объявлялось: «Которые выгнанцы евангельскія вѣры пожелаютъ быть въ подданствѣ у насъ, великихъ государей, и тѣ бъ, надѣясь на нашу премногую милость, ѣхали въ наше Великороссійское царство не съ сумнѣнною надеждой и безо всякаго опасенія, которымъ отъ рубежей пропускъ въ государство наше будетъ невозбранный, и въ нашу службу будутъ приняты и пожалованы по ихъ службѣ, породѣ, чести и сану; а если кто изъ таковыхъ пріѣзжихъ похочетъ возвратиться въ свое отечество и того имъ возбранено не будетъ и

[1] Possell, I, 467.

отпускъ имъ учинится свободный». [1] Копію съ грамоты въ Пруссіи опубликовали [2] на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Воспользовался ли кто изъ гугенотовъ выхлопотаннымъ для нихъ правомъ—неизвѣстно: въ памятникахъ нѣтъ на то никакихъ указаній.

Въ силу ли полученныхъ грамотъ о пропускѣ этихъ бѣглецовъ или по какимъ другимъ причинамъ, пограничные воеводы, повидимому, значительно ослабили надзоръ за пріѣзжающими къ намъ. Прежде они обыкновенно про-

---

[1] М. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Дѣла Прусскія 1688—1689 года: «Пріѣздъ въ Москву бранденбургскаго посланника Ягана Рейера Чаплича съ разными предложеніями».—Грамота Чапличу напечатана въ Полномъ Собраніи Законовъ, III, № 1.331, и Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ IV, № 195; переговоры Чаплича съ нашимъ правительствомъ, приведшіе къ дарованію этой грамоты, изданы нами въ Памятникахъ, № VII.

[2] Подъзаглавіемъ: «Copia des Passes, welchen beide Tzarischen Majestäten in der Moscau auff Sr. Churfurstl. Durchl. zu Brandenburg geschehene Recommendation, denen der Christl. reformirten Religion halber geflüchteten Frantzosen, in der Moscau sich frey und ungehindert nieder zu lassen und darinnen zu handeln, auch nach beliebten wieder von dannen zu ziehen ertheilet haben. Copie du passeport de leurs Czaars M. en faveur des Refugiez de France; accordé à la recommendation de sa Ser. Elect. ds Brandenbourg» (1689), 4, 1—6. Muralt (7) утверждаетъ, будто бы «Лефортъ, женевскій учитель и другъ Петра великаго, побудилъ послѣдняго открыть у себя убѣжище бѣжавшимъ изъ Франціи гугенотамъ и сочинилъ эту охранную грамоту, напечатавъ ея французскій оригиналъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ». Все, что можно предположить объ участіи Лефорта, развѣ то, что когда Чапличъ былъ въ Москвѣ, Лефортъ, близко познакомившись здѣсь съ нимъ, давалъ ему полезные совѣты.

пускали, лишь спесясь съ Посольскимъ приказомъ или получивъ оттуда предваряющую ихъ о пріѣздѣ такого-то иноземца грамоту; теперь стали чаще довольствоваться простымъ заявленіемъ пріѣзжающаго о своемъ имени и о цѣли его пріѣзда. Это облегчило доступъ такимъ лицамъ, которыя при другихъ условіяхъ едва ли бы проникли въ Москву. Прибывъ сюда, они возмутили спокойствіе протестантской общины и заставили правительство снова усилить надзоръ за пріѣзжающими. Таковъ былъ, напримѣръ, извѣстный послѣдователь Якова Бема, Коттера, Драбика и другихъ подобныхъ мистиковъ, Квиринъ Кульманъ, который, пріѣхавъ (27 апрѣля 1689 года) сюда, возмутилъ было внутреннее спокойствіе протестантскихъ общинъ и тѣмъ вызвалъ сильное противодѣйствіе себѣ со стороны мѣстныхъ пасторовъ.

Однако противодѣйствовать ему выпало уже не на долю Фокерота. Въ благоустроенной своей церкви этотъ правилъ службу недолго, всего года три. Метрическія книги о бракосочетавшихся въ 1689 году начинались замѣткой: «Послѣдующія лица съ этого времени были вѣнчаны мною, Александромъ Юнге, пасторомъ и сеніоромъ, и Бартольдомъ Фагеціемъ, императорскимъ поэтомъ и ординированнымъ пасторомъ».

По своему происхожденію (род. 14 іюня 1656 г.) новый пасторъ принадлежалъ къ одной изъ гамбургскихъ фамилій, давшей нѣсколько мѣстныхъ ученыхъ. По окончаніи ученія въ Виттенбергѣ, онъ получилъ степень магистра, опредѣлился (1679 г.) канторомъ въ городкѣ Бергедорфѣ (близъ Гамбурга) и затѣмъ кѣмъ-то приглашенъ былъ въ пасторы въ Москву. Подвергшись въ Гамбургѣ обычному испытанію для лицъ,

ищущихъ такого рода должностей, подъ символическими книгами онъ подписался: «M. Bartholdus Vagezius, vocatus pastor in ecclesia Germanica Moscoviae», и 12 іюня того же 1684 года онъ былъ ординированъ въ Гамбургской Екатерининской церкви, сеніоромъ Dr. Дав. Клюгомъ. Около этого же времени мы видимъ его членомъ извѣстнаго гамбургскаго стихотворнаго общества, съ званіемъ «поэта римскаго императора» (Rom. Kais. Maj. Dichtmeister). Призвали его въ Россію, повидимому, тѣ, кто не жилъ въ Москвѣ постоянно, почему онъ сначала служилъ то въ Архангельскѣ, то на желѣзныхъ заводахъ Марселиса въ Ченчеховѣ, близъ Тулы. Въ первый разъ его имя встрѣчалось въ Метрическихъ книгахъ Московской Старой общины подъ 1687 годомъ. Затѣмъ, его видимъ дѣйствующимъ противъ Кульмана.

«По ихъ царскаго величества милостивѣйшему указу, 15 іюня 1689 года писалъ онъ судьямъ Посольскаго приказа, признаю, по всесвятѣйшему слову Божію, что книги и письма Квирина Кульмана, Коттера и Драбика полны злыми плевелами, безуміемъ и противны Богу, слову Его и истинной христіанской наукѣ, потому что чрезъ нихъ истинное слово Божіе обращено въ неправду и обругано, а духовный чинъ обезчещенъ, собраніе Христово приводится въ заблужденіе и вредъ душамъ. Поэтому желаю, чтобъ ихъ царское величество, по своему превысокому разуму, такому смущенію и злу быть не соизволили, чтобы такія книги и письма нынѣ и никогда въ государствѣ ихъ не были видимы.

«Превысочайшій Богъ да подастъ ихъ царскому величеству всегда благопристойное здравіе и полезное долголѣтствованіе, высокоблагословенное государствованіе и

всякое желаемое благополучіе получить по высокому желанію. И о томъ ежедневно Всемогущаго Бога молю и впредь ихъ царскому величеству въ высокую милость и оберегательство вручаюсь магистръ Бартольцъ Фагеціусъ, пасторъ».

Несравненно рьянѣе боролся съ этимъ мистикомъ и его приверженцемъ купцомъ Нордерманомъ пасторъ Новой лютеранской общины Іоакимъ Мейнке. Здѣсь былъ примѣшанъ какой-то личный интересъ И въ частныхъ бесѣдахъ, и въ письмахъ, и съ церковной каѳедры пасторъ опровергалъ ученіе бемистовъ и увѣщалъ своихъ прихожанъ блюсти себя отъ козней людей, которыхъ обзывалъ пролазами и сумазбродами. Когда, какъ бы въ качествѣ примирителя враждующихъ, выступилъ живописецъ Отто Генинъ и, съ цѣлію подѣйствовать на сознаніе Мейнке, отправилъ къ нему привезенное Кульманомъ посланіе Бартута, одного изъ амстердамскихъ почитателей Кульмана, гдѣ Николай Драбикъ и другіе выставлялись пророками, проповѣдывалось о близости Іезуелитскаго царства и опровергались доводы лютеранскихъ богослововъ, то Мейнке отвѣтилъ (23 мая) ему: «Бездѣльныя писанія Христофора Бартута не стоятъ того, чтобы читать или опровергать ихъ: авторъ ихъ достоинъ смертной казни, какой подверглись (16 іюля 1671 года) Коттеръ и Драбикъ, и самъ Кульманъ, бывши въ Голландіи, видя, какъ поступили съ его единомышленнымъ чернокнижникомъ Яномъ Ротомъ, отказался отъ своего ученія и велѣлъ сжечь свои книги».

За честь Кульмана, за непоколебимость его въ своихъ убѣжденіяхъ заступился Нордерманъ, возразивъ Мейнке въ необычайно рѣзкомъ письмѣ, безо всякой-пощады его

самолюбію. «Нынѣ же проклятый, негодный звѣрь, безумникъ, негодникъ и невѣрный, безлюбимый богоотступникъ, страшный вавилонскій звѣрь! надъ собою видишь страхъ Божій, потому что судъ Божій надъ тобою объявится словомъ Христовымъ: Не проклинайте, дабы вамъ вѣчно проклятымъ не быть. Ты только для своей корысти многимъ такимъ блудникамъ и грѣшникамъ грѣхи отпускалъ, которымъ по суду Божію быть проклятыми; напротивъ же, проклинаешь многихъ святыхъ, опочивающихъ у Бога, вѣрныхъ слугъ Божіихъ, которые Святымъ Духомъ писали, особенно славнаго Іакова Бема, котораго саксонскій курфюрстъ со своими учеными богословами распрашивалъ накрѣпко, и послѣ разспроса всѣ его ученые люди сказали, что ничего проклятаго въ немъ не нашли, и курфюрстъ опять отпустилъ его. Второй—Николай Драбикъ, это поистинѣ новорожденный въ Святомъ Духѣ, или вновь воскресшій Николай Чудотворецъ. Третій—Христофоръ Бартутъ. У всѣхъ этихъ трехъ я недостоинъ цѣловать ихъ ноги. Четвертый—отъ Бога посланъ господинъ Квиринъ Кульманъ.

«Господь Богъ попущеніемъ Своего Святаго Духа мнѣ объявилъ, что тяжело будетъ къ покаянію привести вельможъ и тѣхъ, которые на свѣтѣ называются великими господами (межъ ними есть люди высшаго и низшаго духовнаго чина) и ихъ товарищей, которые думаютъ, что служатъ міру отъ Бога; но большая часть присланы не отъ Бога, и не отъ міра призваны, но, какъ воры и разбойники, прокрались въ овчарню подъ порогомъ».

Распря достигла такимъ образомъ того, что въ Слободѣ нечего было и думать о прекращеніи ея собственными средствами. Дѣло перенесли въ высшую инстан-

цію—Посольскій приказъ. Поднимается строгій розыскъ, кончившійся для главныхъ виновниковъ возмущенія весьма печально.

На этомъ розыскѣ Мейнке писалъ: «Книги и письма Драбика, Коттера, Христины Понятовской и Квирина Кульмана—безумныя, злоплевельныя и ложныя, Святому Писанію поистинѣ противны, духовному чину весьма безчестны и смутительны, христіанской вѣрѣ превредны, вѣрнымъ христіанамъ весьма злобны и направлены къ тому, чтобъ ими простыхъ людей отвратить отъ Бога, божественной правды и истиннаго святаго слова Божія и ввесть въ сатаническую школу. И я, со своей стороны, усердно желаю, чтобы таковыя и имъ подобныя безумныя и злоплевельныя книги и письма никогда бы не были въ семъ высокославномъ ихъ царскаго величества государствѣ; какія уже здѣсь дерзновенно и злобно между людьми разсѣяны, тѣ сыскать и известь, сочинителямъ тѣхъ книгъ и распространителямъ достойное бы учинить обсмотрѣніе, чтобы собраніе Божіе впредь не было возмущено.

«Богъ да подастъ ихъ царскому величеству долголѣтное здравіе, счастливое государствованіе и сильную надъ непріятелями побѣду! То желаетъ въ истинномъ униженіи и подданствѣ магистръ Ефимъ Мейнке, пасторъ».

Голословностью обвиненія, нетерпимостью къ разномыслящимъ и угодничествомъ власти лютеранскіе пасторы превзошли переводчиковъ приказа и даже жившихъ въ Москвѣ отцовъ іезуитовъ, которые предъ тѣмъ то же давали свои показанія объ ученіи Кульмана. Вмѣсто того, чтобы разобрать сочиненія или подтвердить свое сужденіе хотя бы небольшими изъ нихъ выдержками, какъ

это сдѣлали ихъ предшественники, пасторы ограничиваются одними порицаніями; Мейнке, кромѣ того, высказываетъ свое желаніе, чтобъ авторы и распространители были подвергнуты строгому суду; за то оба съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на свою покорность, о чемъ не поднималось и вопроса.

Уклончивѣе ихъ поступилъ реформатскій пасторъ Шондервуртъ. На предложеніе сообщить свое мнѣніе, онъ отвѣтилъ: «Съ книгой Кульмана, написанною по-нѣмецки, онъ не знакомъ и честь ее не сумѣетъ, потому что не знаетъ нѣмецкаго языка. Сочиненіе Мелина, Драбика и Понятовской, печатанное по-латыни, прежде не читалъ; и хотя по латыни и знаетъ, однако объ этой книгѣ, противна ли и въ чемъ именно противна христіанской вѣрѣ, вскорѣ, не прочтя и не выразумѣвъ, сказать не можетъ. Если государи укажутъ ему ту книгу прочесть, онъ, прочтя, скажетъ, что въ ней найдетъ противнаго».

Далѣе этого различія въ тонѣ отвѣтовъ разногласіе между пасторами въ этомъ дѣлѣ не простиралось. Лица, старавшіяся возмутить спокойствіе и поколебать положеніе протестантскихъ общинъ, были имъ всѣмъ неприглядны. Кто взводилъ на подсудимыхъ извѣстныя обвиненія въ богоотступничествѣ и отрицаніи власти государей, не могъ не знать, что, по тогдашнему нашему законодательству, грозило подобнымъ лицамъ. И новые враги были уничтожены. Не безъ удовольствія Мейнке писалъ за границу, къ Бреверу: «съ тѣхъ поръ, какъ Кульманъ и Нордерманъ, послѣ многихъ вынесенныхъ ими пытокъ, были публично сожжены 4-го октября, послѣдователи Бема скоро разсѣялись и опустили крылья». Со стороны правительства были приняты мѣры, чтобы на будущее

время въ пропускѣ иноземцевъ въ Россію наблюдалась большая осторожность [1].

Много удобнѣе было пасторамъ справляться съ своими врагами, совершать богослуженіе и украшать свои храмы, когда, послѣ паденія Софьи, иноземцы получили полную возможность окружить русскаго государя. Если прежде, въ силу обстоятельствъ, видные представители Слободы старались показать себя приверженцами Софьи и лишь только подъ рукой заискивали расположенія Петра; то теперь напереръвъ стремились къ нему всѣ иноземцы, и знатные, и незнатные. Отношеніе къ нимъ молодаго государя принимало такой видъ, что патріархъ Іоакимъ, бывшій во главѣ той старорусской партіи, которая истинное благо православной Россіи полагала въ возможно самостоятельномъ ея развитіи и религіозно-національной независимости, счелъ необходимымъ предостеречь своего духовнаго сына отъ неумѣреннаго сближенія съ иноземцами, причемъ не дѣлалъ исключенія и для знатнѣйшихъ изъ нихъ. Приглашенный однажды (28 февр. 1690 г.) за торжественный столъ, онъ рѣшительно отказался присутствовать, если будутъ допущены иноземцы. Царь уступилъ, но на другой же день пригласилъ недопущенныхъ къ себѣ на обѣдъ въ одинъ изъ подмосковныхъ дворцовъ и на возвратномъ пути постоянно бесѣдовалъ съ Гордономъ. Это должно было еще болѣе встревожить патріарха. Приближаясь къ смерти

[1] Памятники, I, № VIII, и стр. 176—177, 182, 187, Протестантство въ Рос. въ правл. Софьи, гл. II и IV; проф. Тихонравова Квиринъ Кульманъ въ Русск. Вѣстн. 1867, XII; Busching, II, 185—187; Grot, I, 262—265; Fechner, II, 450—456, 496.

(† 17 марта 1690 г.), онъ составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ съ большей силой и краткостью повторилъ государямъ то, что̀ говорилъ прежде и что̀ было сказано Игнатіемъ по поводу разрѣшенія построить первую каменную кирку. Вмѣстѣ съ заповѣдію государямъ, какъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, оставаться вѣрнымъ Православію, онъ молилъ ихъ, чтобы они не допускали Русскихъ до дружбы съ иновѣрцами, латинянами, лютеранами, кальвинами и другими, и на строго воспретили, чтобы иноземцы, «пришедъ сюда, въ благочестивое царство, вѣръ своихъ не проповѣдовали, во укоризну о вѣрѣ не разговаривали бы ни съ кѣмъ и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своимъ ихъ ересямъ на прелесть христіанамъ не вносили бы», просилъ также не опредѣлять ихъ на высшія должности ни въ войскѣ, ни въ судѣ, а также не дозволять строить имъ «молбищныхъ по прелестямъ ихъ сборищъ еретическихъ», а какія уже и есть, и тѣ годно было бы снести, потому что въ нихъ много чинится хулы на Православную вѣру и на Русскихъ и такъ какъ въ самыхъ иностранныхъ государствахъ нѣтъ ни одной Православно-русской церкви. [1] Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ во многомъ походилъ на своего предшественника: предостерегалъ паству отъ излишнихъ увлеченій чуждыми взглядами и жизнью, хотя въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и не касался вопроса о неприкосновенности иновѣрныхъ храмовъ и при торжественныхъ встрѣчахъ не отстранялъ такъ иноземцевъ.

---

[1] Рукопись Моск. Синод. Библіотеки, № 422, л. 24—30. Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха Московскаго Іоакима. Издан. Общ. Древн. Письменности, 1879 г., № XLVII, стр. 120—138.

Петръ между тѣмъ шелъ своею дорогой. Въ кругъ русскихъ людей, принадлежавшихъ къ неразлучному съ нимъ обществу, каковы кн. Борисъ Голицынъ, Стрѣшневъ, Нарышкинъ, Шереметевъ и др., одинъ за другимъ проникаютъ иноземцы и пріобрѣтаютъ руководящую въ немъ роль; офицерскія мѣста въ прежнихъ Потѣшныхъ полкахъ пополняются иноземцами. Хотя изъ этихъ новыхъ лицъ первенствующее значеніе принадлежало сначала Гордону, рьяному католику, однако оно скоро должно было уступить вліянію Франца Лефорта, кальвиниста, изъ-за котораго и за которымъ приближалась масса другихъ протестантовъ; возродились и остатки прежней Бауманновской партіи. Видя иноземцевъ часто у себя, Петръ сталъ посѣщать ихъ въ собственныхъ домахъ. «30 (апрѣля 1690 года) его величество съ боярами и знатнѣйшими придворными ужиналъ у Гордона и былъ очень доволенъ», читаемъ въ Дневникѣ Гордона. Это первое извѣстное посѣщеніе русскимъ государемъ иновѣрца въ его домѣ; затѣмъ видимъ его въ домѣ Лефорта. «3 (сентября того же 1690 года), значится въ Дневникѣ, царь Петръ Алексѣевичъ обѣдалъ у Лефорта». Чрезъ нѣсколько дней онъ присутствовалъ уже и при кальвинскомъ богослуженіи. «25 (сентября) сочеталась бракомъ дочь Гордона Мэри съ капитаномъ Даніэломъ Кравфордомъ. Царь Петръ Алексѣевичъ и многіе другіе были при этомъ вмѣстѣ съ знатнѣйшими лицами Нѣмецкой Слободы. Вѣнчалъ голландскій проповѣдникъ Шондервуртъ, потому что тогда не было въ Москвѣ ни одного католическаго священника». [1] При этихъ встрѣчахъ и посѣщеніяхъ мѣша-

[1] Gordon, II, 302, 318, 320.

лось дѣло съ бездѣльемъ, серіозное съ веселымъ, и на первыхъ порахъ бездѣлье и веселье преимуществовали. Учинялись такіе жаркіе маневры, что случались несчастія даже съ генералами; отъ устраиваемыхъ пирушекъ хворали потомъ сами иноземные руководители. По сосѣдству съ однимъ изъ центровъ этихъ попоекъ, домомъ Лефорта, строится Петромъ домъ для той, которая разлучаетъ его съ супругой. Въ Аннѣ Монсъ, которая въ глазахъ ея единоплеменниковъ дѣлалась вдругъ значительной личностью, ищутъ расположенія не одни ея родные, но и знакомые. Ее часто приглашаютъ на свои пиры, семейные праздники. Съ нею, въ качествѣ воспріемника, Петръ креститъ нѣсколькихъ дѣтей жителей Нѣмецкой Слободы; къ этому привлекаются и знатнѣйшіе бояре. [1] Часто онъ посѣщаетъ безразличія то лютеранскія, то реформатскую кир-

---

[1] Церковный Архивъ Московской Старой (Михайловской) лютеранской общины: Ein neu Kirchenbuch an der ältesten Lutherisch Evangelischen Gemeine in der teutschen Slaboda vor Moscou verfertiget von Anno Christi MDCXCIV oder 1694 an angefangen von her. Past. Alexander Junge. Въ отдѣлѣ о крестившихся въ 1694 году, съ котораго начинается эта книга, между прочимъ записано: «25 февраля крещена дочь полковника Александра Шарфа Екатерина. (Воспріемники): Генералъ и адмиралъ Францъ Лефортъ; генералъ-маіоръ Павелъ Менезіусъ; Ѳома фонъ-Келлерманъ; жена полковника Екатерина фонъ-Менгденъ, рожденная Шарфъ, жена полковника Екатерина Цамбергъ, рожденная Грабау, дѣвица Анна Маргарита Монсонъ (J. Anna Margaretha Monsonsche); дѣвица Анна Лютцкенъ.—20 декабря крещенъ Рейнеръ, сынъ Ивана фонъ-Келлермана. (Воспріемники:) Коммиссаръ Генрихъ Бутенантъ фонъ-Розенбушъ Старшій; Дан. Гартманъ, Конрадъ Канегиссеръ; Петръ Лефортъ изъ Женевы; госпожа бургграфиня изъ Нарвы Анна фонъ Кохинъ, рожденная Гарсени, вмѣсто нея жена коммиссара Варвара

ки. [1] Съ исторіей отношеній молодаго государя къ Монсъ у самихъ протестантовъ складывается разсказъ о замѣнѣ деревянной кирки Новой лютеранской общины каменною.

«Постройка теперешней каменной церкви, писалъ въ концѣ прошлаго вѣка пасторъ Гротъ, начата была въ 1694 году... Петръ I самъ положилъ основной камень этой кирки и, по весьма вѣроятному предположенію, она была построена на его средства. Изъ счетовъ, сохранившихся отъ того времени, видно, что тогдашняя церковь имѣла на столько мало денежныхъ средствъ, требуемыхъ на эту постройку, что доходовъ едва хватало на пасторовъ и школьныхъ учителей. Хотя община и имѣла нѣсколькихъ состоятельныхъ членовъ, но такихъ большихъ суммъ, которыхъ стоила такая постройка, отъ нихъ нельзя было ожидать. На издержки общины были выведены тогда каменныя дома для священниковъ и для школы.

Книпперъ; г-жа Елизавета Ризенкампфъ, вмѣсто нея г-жа докторша фонъ-Келлерманъ; дѣвица Анна Маргарита Монсонъ.—12 апрѣля крещенъ сынъ подполковника Дитриха Бордевига Матвей. (Воспріемники) Его царское величество самъ царь Петръ Алексѣевичъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, генералъ Францъ Лефортъ, г-жа Елизавета Фадемрехтъ, рожд. Виборгъ; дѣвица Анна Маргарита Монсонъ (J. Anna Margaretha Monsons»).—Въ послѣдующіе годы такія записи встрѣчаются еще чаще. Эта книга можетъ служить источникомъ къ точному указанію протестантскихъ семей, съ которыми Петръ находился въ наиболѣе тѣсныхъ отношеніяхъ.—Книги другихъ протестантскихъ церквей за XVII вѣкъ не сохранились.

[1] Moscowitischer oder Russischer Kirchen-Staat. Zum ersten mahl in Deutschland mit einer Vorrede heraus gegeben von M. Io. Georgio Pritio. Leipzig, 1698, 24. О различныхъ редакціяхъ этого сочиненія, принадлежащаго перу Schleussing'a, см. въ Отеч. Записк. 1854, VIII: Библіографическія отрывки.

объ этомъ есть счетъ одного изъ тогдашнихъ старшихъ: но о расходахъ на постройку церкви нѣтъ никакихъ указаній. Мало имѣется указаній и на то, чтобы на улучшеніе церкви собирались общиною въ ту пору пожертвованія какъ внутри страны, такъ внѣ. Быть можетъ, придворный аптекарь Грегори, сынъ прежняго священника, которому царь оказалъ отличительные знаки своего благоволенія, и особенно фрейлина фонъ-Монсъ, которая у Петра I имѣла большую силу, и которая впослѣдствіи сочеталась бракомъ съ императорскимъ посланникомъ графомъ Ф. Кайзерлингомъ, побудили государя къ неожиданной щедрости для религіозной лютеранской общины. Еще за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ велѣлъ монархъ построить около церкви деревянный домъ для дѣвицы фонъ-Монсъ, гдѣ она, когда посѣщала богослуженіе, останавливалась съ вечера субботы до полудня воскресенья. Постройка церкви была окончена въ томъ же году, въ какомъ и начата. Между тѣмъ пасторъ Мейнке умеръ. Его преемникъ, бывшій пасторомъ въ Архангельскѣ, Францъ Лоренцъ Шрадеръ, въ присутствіи царя, освятилъ ее 5 апрѣля 1695 года, когда вступилъ въ должность. Кирку назвали тогда Петровскою (die Peterskirche). Но это имя утратилось, такъ какъ думали, что императоръ это названіе не одобритъ, и стали называть ее просто только Новой церковью. Община ея имѣла большое число членовъ, какъ и община Старой церкви. Къ ней присоединились также иностранные посланники протестантскихъ дворовъ, прусскаго, датскаго и шведскаго, для которыхъ на церковномъ дворѣ была сдѣлана дорогая усыпальница» [1].

[1] Grot, I, 265—268. У него есть также описаніе и внутренняго вида кирки, но первоначальнаго ли, не видно. Что касается соб-

Освященіе кирки случилось во время сборовъ Петра въ первый Азовскій походъ. Хотя дарованіе имъ денегъ

сівенно участія Петра въ денежныхъ издержкахъ на ея стройку, то другихъ указаній на это нѣтъ. Свидѣтельство Schleussing'а даетъ слишкомъ мало. «Die Evangelischen, утверждалъ онъ въ изданіи своего сочиненія 1698 года, haben anietzo drey Kirchen in der Nova Inasemskoi Sloboda, das ist: in der Neuen Teutschen Officirers Wohnung; die letztere Kirche, hat der ietzig allein regierende Czaar Peter Alexevviz, zu bauen vergönnet, hat auch selbst die Steine, da die beyde ersten nur von Holtz auffgebauet seynd, darzu gnädigst verehret, und, da sie zuvor keinen Thurn noch Glocken gehabt, selbiges auffzurichten, frey gegeben» (Moscovitischer Oder Reussischer Kirchen-Staat. Leipzig, 1698, 23). Schleussing былъ въ Москвѣ въ 1684 году (Rinhuber, 225; Протест. въ Рос. въ правл. Софьи, 39) и послѣдующія за первымъ изданіемъ этого своего сочиненія (первое изданіе носило заглавіе: Anatomia Russiae deformatae... Zittau. 1688) измѣнялъ и дополнялъ на основаніи доносившихся до него слуховъ. Отсюда неточность. Упоминая въ первомъ изданіи о двухъ лютеранскихъ въ Слободѣ киркахъ, теперь онъ насчитываетъ ихъ три, очевидно, предполагая, что каменная кирка не замѣнила собою деревянную; вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждаетъ, что это была будто бы первою каменною лютеранскою киркою и украшаетъ ее колокольней и колоколами, между тѣмъ какъ первая каменная кирка была, какъ видѣли, построена еще при Софьѣ (см. выше стр. 211—213), а колоколенъ и колоколовъ тогда кирки еще не имѣли (выше, гл. I, стр. 27, прим. 3). При всемъ томъ, и у него нѣтъ указанія на денежную субсидію Петра. Другое свидѣтельство о построеніи каменной Ново-лютеранской кирки принадлежитъ исторіографу Миллеру, и также безъ упоминанія о субсидіи. «9 (а не 5, какъ у Grot'a) апрѣля 1695 года, записано у него, была она публично освящена тогдашнимъ пасторомъ Шрадеромъ, въ присутствіи его царскаго величества Петра Алексѣевича» (Памятники, I, № XVIII). Такимъ образомъ, сообщеніе о денежномъ дарѣ Петра на стройку этой кирки нуждается еще въ новыхъ подтвержденіяхъ. Ср. Fechner'a, I, 399—400.

на ея стройку и нельзя считать доказаннымъ, но присутствіе его при закладкѣ и освященіи ея, посѣщеніе имъ кирокъ и отношеніе его къ Монсъ и остальнымъ иноземцамъ не могли оставаться безъ вліянія на русскую молодежь. Особенно соблазнительно должны были дѣйствовать пирушки, на которыхъ, если, подъ возбуждающимъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ и густаго табачнаго дыма, не было сдержки въ поступкахъ, то объ излишкахъ въ словахъ нечего уже и упоминать. Когда устраивались эти пиры и шли оживленныя приготовленія къ походу, патріархъ Адріанъ счелъ необходимымъ напомнить паствѣ объ очищеніи своей души крѣпостію истинной вѣрѣ и совершеніемъ добрыхъ дѣлъ. Положивъ въ основу изреченіе апостола Павла: «Безъ вѣры не возможно угодити Богу», патріархъ произнесъ, въ день святителя Алексѣя, слово, въ которомъ строго осудилъ неумѣренное увлеченіе нѣкоторыхъ членовъ паствы плохими свойствами иноземщины; въ образецъ онъ поставилъ Московскаго Святителя, митрополита Алексѣя, въ день котораго было произнесено это слово. «Сей Святитель, говорилъ проповѣдникъ, добро пасъ свою паству, непрестанно уча людей христіанскихъ, да пребываютъ въ истинной вѣрѣ, въ церковныхъ собраніяхъ, Господнихъ храмахъ, благочестиво совершаютъ молитвы, непарушимо хранятъ молитвенныя чинодѣйства, почитаніе Святыхъ, поминовеніе по усопшихъ христіанахъ, святые посты, воздержаніе отъ нѣкоторыхъ снѣдей, какъ издревле имѣли и заповѣдали соблюдать Святые Отцы; не уклоняться въ иностранные нечестивые обычаи и вредныя словеса и не имѣть общенія съ врагами и ненавистниками нашей Церкви въ ихъ хулительномъ разглагольствованіи. Буду-

чи не римской вѣры, не лютеранской и не кальвинской, а истинной Православной, въ царствующемъ семъ градѣ Москвѣ въ богоугодныхъ подвигахъ проведя жизнь свою словомъ и дѣломъ, онъ восшелъ на небесныя горы ко Господу». Мысль проповѣдника невольно обращается къ современному. Онъ видитъ здѣсь слабыя стороны новаго движенія, то, какъ новые люди, въ неумѣренномъ увлеченіи западничествомъ, порывали прежнія моральныя связи съ прошедшимъ, начавши насмѣшливо относиться къ своимъ духовнымъ пастырямъ, прежнимъ наставникамъ, дѣлаясь холодными къ постановленіямъ Православной церкви и вводя въ русскую жизнь новые пороки, для лицъ мало ученыхъ и развитыхъ такъ легко поддавшіеся заимствованію. «Не только прочіе узаконенные посты, но и великую сію Четыредесятницу многіе презираютъ... Нынѣ и благородные, и простые, даже юноши величаются пьянствомъ, безстыдно хвалясь другъ предъ другомъ: тогда и тогда-то былъ пьянъ и проспалъ церковное торжество въ праздники Господни. Не только по пьянымъ и нощнымъ своимъ тризнищамъ, но и повсюду, люди неученые и незнающіе богопреданныхъ чинодѣйствъ нашея Церкви мнятся быть мудрыми, по отъ нипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совратясь отъ стезей отцовъ своихъ, говорятъ: зачѣмъ такой чинъ въ Церкви и для чего такъ дѣлается? нѣтъ въ томъ пользы, человѣкъ это сдѣлалъ, безъ того жить можно и какъ кто хочетъ. Зачѣмъ, говорятъ, поминовенія усопшихъ, призываніе въ молитвахъ на помощь Святыхъ, посты? И уже хотятъ безъ разбора ѣсть мясную пищу, а блудную плотскую нечистоту и порокомъ не считаютъ. Едва

узнаетъ имя Святымъ книгамъ и складъ словесный, и уже учитъ архіерсевъ и священниковъ, монастыри правитъ, людямъ всѣмъ тщится повелѣвать, устроять чины церковные и гражданскіе. Неискусные и малолѣтніе, добра творятъ мало, пребывая въ бездѣльныхъ, всегда пьяныхъ забавахъ и несмысленныхъ бесѣдахъ, родителямъ непокорливы, благонравнымъ, воздержнымъ, искуснымъ и старымъ людямъ необщики, горды и напыщенны, въ вѣрѣ нашей Православной и Церковномъ преданіи сумнительны и дѣлаются презрительными». Между тѣмъ, продолжаетъ проповѣдникъ, безъ истинной вѣры невозможно угодить Богу. Въ нашей Россійской Православной вѣрѣ спаслись сонмы Святыхъ, бывшихъ вѣрными Ея уставамъ, но у лютеранъ и кальвинъ, по причинѣ ихъ плотскаго мудрованія и отторженія отъ Православной вѣры, поищешь святыхъ и нигдѣ не найдешь, благочинія и святынь не узришь, въ ихъ сборищахъ и киркахъ, сущихъ безъ Святыхъ иконъ, безлѣпоство, и пріимешь лишь одинъ напрасный грѣхъ». [1] Напутствуя войска въ походъ, патріархъ снова и неоднократно повторяетъ свое наставленіе. «Идущимъ на войну, на дѣло смертное, весьма подобаетъ хранить воздержаніе отъ пьянства и всякой нечистоты и безчестнаго сквернословія... Готовясь въ ополченіе и уча свои персты на брань, христіанамъ наипаче подобаетъ хранить души своя и тѣлеса въ чисто-

[1] Рукопись Моск. Синод. Библіотеки, № 221, л. 206—225.—Противъ мнѣнія описателей рукописи (Опис. слав. рук. Моск. Син. Библ. II, 3, стр. 257), по которому данное слово отнесено ко времени перваго похода кн. В. Голицына (въ 1687 г.) и приписано патріарху Іоакиму, сказано нами въ предисловіи къ Памятникамъ, I, стр. XVII—XVIII.

тѣ, воздерживаться отъ пагубнаго пьянства, срамныхъ словесъ, безчинныхъ кличей, избѣгать глумленій скаредныхъ, гуденій и писковъ, бывающихъ при пьянствѣ». [1]

Главнымъ виновникамъ зла пастырь счелъ иновѣрцевъ, которые, какъ онъ выразился въ предисловіи къ новому изданію (1696 г.) Православнаго Исповѣданія, не довольствуясь противнымъ нововымышленнымъ толкованіемъ церковныхъ догматовъ, разореніемъ символа, умышленнымъ печатаніемъ на греческомъ языкѣ своихъ вредословій, «начали уже и въ нашу Всероссійскую полуденную страну, въ Православіи паче полуденныя свѣтлости сіяющую, входя, какъ волки въ овчихъ кожахъ, вносить тайно и явно своихъ нощеподобныхъ во мракѣ предлоговъ и обычаевъ громады, вопрошая: чего ради сіе и на что это?» Адріанъ энергически предостерегаетъ противъ разносимыхъ ими лжеученій и особенно противъ переведенныхъ на славянскій языкъ наполненныхъ величайшихъ плевелъ книжицъ—катихизисовъ Лютера. [2]

---

[1] Тамъ же, л. 473, 482.

[2] Посланіе къ паствѣ патріарха Адріана помѣщено въ Православномъ Исповѣданіи 1696 года; оно было перепечатано потомъ и въ изданіи, бывшемъ при Стефанѣ Яворскомъ. Побужденіемъ послужило то, что «въ немъ (посланіи) обрѣтаются нѣкая, яже и нынѣ вѣдети не безприличнo». Оборотъ выходнаго листа Прав. Исповѣданія 1709 года. Книги, противъ которыхъ предостерегалъ п. Адріанъ, были: «Лютеранскій катихизисъ, то есть наука стародавняя христіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка русскаго», напечатанный на бѣлорусскомъ нарѣчіи въ Несвижѣ Кавечинскимъ, Симономъ Буднымъ и Кришковскимъ въ 1562 г., и «Краткій Лютеранскій катихизисъ съ молитвами» напечат. на русскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ мастеромъ Петромъ Фонь-Селавомъ въ 1628 году.

Слова патріарха, кромѣ отрезвляющаго дѣйствія на сознаніе и поступки сподвижниковъ и послѣдователей Петра, должны были вызывать молодаго государя на болѣе опредѣленное выясненіе для себя и другихъ, чего собственно хотѣлъ онъ, сближаясь съ иноземцами, выяснять, что въ нихъ ему дороги были отблески западноевропейскаго образованія, европейской науки, но не вѣроученіе ихъ и не отрицательныя стороны жизни. далѣе простой вѣротерпимости и дружбы онъ не могъ идти здѣсь. Много дороже Анны Монсъ былъ для него Францъ Лефортъ, въ которомъ нашли покровителя интересы реформатскаго вѣроисповѣданія въ Слободѣ, и однако объ участіи Петра въ сооруженіи каменной реформатской кирки слуховъ не носилось: Реформатская община менѣе нуждалась Ново-лютеранской и могла найти средства въ источникахъ, болѣе прямыхъ.

По смерти Кравинкеля († 1677 г.) его прихожане, «голландцы и амбурцы торговые иноземцы, которые торгуютъ на Москвѣ», обратились (1678 г.) къ ц. Ѳедору Алексѣевичу съ челобитной: «Волею Божіею пастора ихъ Ивана Кравинкеля не стало, и они на его мѣсто призвали изъ Амстердама иного пастора Ѳедора Шондервурта (въ подлинникѣ собственно: «Тимоѳея Схондервелта»), который изъ-за свейскаго рубежа пріѣхалъ въ Новгородъ, но оттуда безъ государева указу къ Москвѣ его не отпускаютъ». Поэтому они просили, чтобы государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ того пастора отпустить къ Москвѣ. Такъ какъ никакого царскаго указа въ Посольскомъ приказѣ о непропускѣ пасторовъ изъ-за рубеха къ Москвѣ не сыскалось, то, по помѣтѣ думнаго дьяка Ларі-

она Иванова, послана была въ Новгородъ государева грамота съ повелѣніемъ пропустить ѣдущаго пастора.

За свои знанія Шондервуртъ пользовался нѣкоторою извѣстностью за границей: Изъ Амстердама разъ спрашивали (1683 г.) у него, слѣдуетъ ли отправлять крещеніе и причащеніе въ частныхъ домахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ старался держаться въ сторонѣ отъ частныхъ и религіозныхъ мѣстныхъ споровъ. Мы уже видѣли, какъ уклончивъ былъ его отвѣтъ о сочиненіяхъ и ученіи Кульмана, именно, онъ отговаривался, что не знакомъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Его вниманіе направлено было на то, чтобы связать свои интересы съ интересами прихожанъ. Когда жившіе въ Москвѣ голландскіе и другіе купцы хлопотали предъ правительствомъ о дозволеніи имъ безпошлинно переправлять купленные ими въ Архангельскѣ предметы для своего домашняго обихода, Шондервуртъ вписывалъ среди ихъ фамилій и свою и такимъ образомъ постоянно пользовался безпошлиннымъ пропускомъ своихъ вещей. [1] Значительные доходы онъ получалъ также отъ покровительствовавшаго ему резидента

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Дѣла Иностранныхъ вѣроисповѣданій 1670 г., приложеніе къ «Дѣлу Баумана»; Дѣла Голландскія 1687—1689 гг.: «Дѣла по челобитью голанскихъ и другихъ въ Москвѣ живущихъ купцовъ о дачѣ имъ проѣзжихъ грамотъ для привезенія изъ Архангельска города товаровъ и разныхъ запасовъ». Въ 1687—1688 годахъ «пасторъ Ѳеодоръ фонъ-Шхондервуртъ» просилъ о безпошлинномъ пропускѣ товаровъ вмѣстѣ съ 27 купцами, въ 1669 году вмѣстѣ съ 40 человѣками. См. также у Grot'a, I, 443; Dalton'a, 127. Послѣдній считаетъ его московскимъ пасторомъ съ 1680 года; но судя по приведенному нами архивному документу, онъ могъ прибыть въ Москву двумя годами ранѣе.

Келлера, послѣ котораго важно было для него покровительство Лефорта. Этотъ счелъ нужнымъ призвать изъ Архангельска другаго проповѣдника, Штумпфа, которому, какъ онъ самъ писалъ (9 марта 1694 г.) своему шурину, онъ каждогодно выдавалъ съ своей стороны до 100 талеровъ; о немъ, какъ человѣкѣ и проповѣдникѣ, Лефортъ отзывался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ виду такихъ отношеній, трудно вѣрить католическому извѣстію о томъ, что будто бы Штумпфъ рѣзко изобличалъ съ церковной каѳедры Лефорта, когда этотъ будто приневоливалъ свою жену, католичку по вѣроисповѣданію, принять реформатство. [1]

Въ служеніе этихъ двухъ пасторовъ, Шондервурта и Штумпфа, ихъ община вмѣсто деревянной кирки построила каменную. Объ этомъ сохранилось такое преданіе. Возрастая численностію, община задумала построить себѣ каменную кирку, обширнѣе прежней, деревянной и уже ветшавшей; но чувствуя себя слишкомъ слабою выполнить всю стройку на собственныя средства, она снарядила двухъ депутатовъ въ Голландію, въ разсчетахъ при посредствѣ Генеральныхъ Штатовъ получить богатый сборъ. Амстердамскій бургомистръ Николай Витзенъ, извѣстный потомъ своимъ сочиненіемъ Noord en Oost Tartarye и дружественными сношеніями съ Петромъ, отсовѣтовалъ имъ, вѣроятно, предполагая, что они соберутъ слишкомъ мало, а времени потеряютъ много; за потерянную надежду онъ однако вознаградилъ ихъ собственнымъ большимъ пожертвованіемъ. Въ память этой щедрости повѣсили надъ входной дверью паперти чугунную доску съ

[1] Possel, II, 158—159, 568; ср. также ниже, кн. II, гл. III.

изображеніемъ фамильнаго герба жертвователя; на гербѣ была латинское изреченіе: «Labor omnia vincit» (трудъ все побѣждаетъ) и обвитая лавровымъ вѣнкомъ надпись: «Primum. ad Senatum. Holl. a. D. D. Ordin. Deputatus. post. D. D. Ord. General. Delegatus» (сначала депутатъ господъ сословій къ Голландскому сенату, затѣмъ посланникъ господъ Генеральныхъ Штатовъ), внизу стояла цифра 1694. Новое зданіе имѣло 8 саженъ длины, 5½ ширины и для 200 человѣкъ сидѣній; оно было изъ кирпичей, со сводами. Въ издержкахъ на сооруженіе, конечно, принимали участіе и московскіе члены общины, голландскіе купцы, а также и Лефортъ, о которомъ передавалось, что онъ хотѣлъ было даже построить колокольню; [1] однако

---

[1] Grot, I, 436; Dalton, 118—119; поправки ихъ неточностей см. у Fechner'a, I, 396—397, 405—406.—Доску съ гербомъ и цифру 1694 можно видѣть въ настоящей Реформатской киркѣ, на передней стѣнѣ, за алтарнымъ столомъ.—Факты, переданные означенными авторами, Соколовъ (24) по обычаю перепуталъ и исказилъ до неузнаваемости. «Въ 1695 году, говоритъ онъ, и реформатская община построила у себя каменную церковь. Задумавъ стройку, община отправила двухъ депутатовъ въ Голландію въ надеждѣ получить богатый сборъ отъ всѣхъ штатовъ или сословій. Но бургомистръ Амстердама Николай Витзенъ, вмѣсто денежныхъ пожертвованій отъ города, далъ имъ свой гербъ съ надписью: «labor omnia vincit» и приказалъ имъ, по возвращеніи въ Москву, поставить его на дверяхъ церковной паперти. Въ самой реформатской общинѣ на Москвѣ было не мало зажиточныхъ членовъ, но они также очень нещедры были на пожертвованія». Цитуется: «Grot. I, 436, 265». Замѣтимъ, прежде всего, относительно цитаты. На 436 страницѣ Grot говоритъ о построеніи каменной Реформатской кирки, а съ 265 страницы о начатой въ 1694 и оконченной въ 1695 году стройкѣ каменной лютеранской кирки Новой общины.

большаго усердія въ нихъ не замѣтно. Едвали не съ сборомъ денегъ за границей соединено было также путешествіе весною 1694 года пастора Шондервурта.

«Великимъ государямъ царямъ и вел. кн. Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, обратился онъ съ челобитной, бьетъ челомъ пасторъ иноземецъ Теодорика фонъ-Шхондервуртъ. Ѣду я, иноземецъ, за моря, за свейскій

Затѣмъ о Витзенѣ у Grot'a прямо утверждается, что онъ далъ депутатамъ значительную сумму, а о постановкѣ вензеля передается, что община сдѣлала это изъ чувства благодарности («Wilsen (sic). widerrieth diess, weil er ohne Zweifel glaubte, dass dabey sehr viel Zeit verlohren würde und dass von dieser Collecte nicht viel zu erwarten sey, und suchte die Gemeine fur diese fehlgeschlagene Hoffnung durch seine eigene Beysteuer schadlos zu halten. Zum Andenken dieser Freygebigkeit richtete man sein Wappen aus gegossenen Eisen vor der Kirche uber der Eingangsthür des Vorhauses» и т. д. Grot, I, 436). Да что бы, въ самомъ дѣлѣ, заставило общину поступить такъ, еслибы она не получила отъ Витзена субсидіи? «Приказать» же ей бургомистръ не имѣлъ права, и его приказовъ она бы не послушала. «Но, продолжаетъ Соколовъ, чего не могла добиться община ни отъ своихъ членовъ, ни отъ заграничныхъ единовѣрцевъ, то съ избыткомъ получила отъ щедротъ русскаго царя. Неизвѣстный авторъ изданной въ 1717 г. ««Religion der Moscoviter oder ausfuhrliche Beschreibung ihrer Glauben, Sitten, Gebräuche und Ceremonien»» говоритъ, что ««нынѣ царствующій Петръ Алексѣевичъ, дозволивъ реформатамъ перестроить церковь, приказалъ отпустить имъ камни и кирпичи» (цит. «Religion der Moscoviter 23, 24»). Изданіе 1717 г. «Religion der Moscoviter» тожественно съ указаннымъ нами выше (стр. 249, примѣч.) сочиненіемъ Schleussing'a «Moscowitischer Oder Reussischer Kirchen—Staat» 1698 года и о приказаніи Петра отпустить на Реформатскую кирку камни и кирпичи тамъ нѣтъ ни слова, а нѣчто подобное говорится (см. выше, стр. 251, примѣч.) лишь о постройкѣ Лютеранской кирки.—«Гротъ и Далтонъ,

рубежъ, въ Голландскую землю для своихъ потребъ; а безъ вашего великихъ государей указу я, иноземецъ, не смѣю. Милосердые государи, пожалуйте меня, велите пропустить за свейскій рубежъ чрезъ Новгородъ и Псковъ и о пропускѣ дать мнѣ вашу грамоту». 16 марта было велѣно дать ему проѣзжую грамоту, справясь напередъ

заканчиваетъ авторъ, полагаютъ, что Петръ совершенно на свой счетъ построилъ кирку и что къ этому вѣроятно расположили его, извѣстные своимъ вліяніемъ на него, придворный переводчикъ Григори, сынъ пастора Григори, и гоффрейлина Монсъ: для послѣдней Петръ еще прежде построилъ близъ кирки деревянный домъ, гдѣ она обыкновенно останавливалась (съ вечера субботы до полудня воскресенья) когда пріѣзжала въ церковь. По словамъ гѣхъ же писателей, Петръ положилъ первый камень при закладкѣ церкви и присутствовалъ при ея освященіи. Безпредѣльно признательные реформаты хотѣли было назвать свою кирку Петровскою; но православный царь не соизволилъ дать свое имя иновѣрческой церкви, она называлась новою церковію или новою обѣднею (цитат.: «Grot s. 265. Dalton S. 118 и Ист. ц. П. В. Устрялова т. IV, I, 145—150»). Далтонъ и Гротъ описаваютъ размѣры, внѣшній и внутренній видъ новой реформатской церкви, хотя къ сожалѣнію нѣсколько разнорѣчатъ между собою, и примирить ихъ, за недостаткомъ другихъ свѣдѣній, нѣтъ возможности. По словамъ Далтона, вновь построенная церковь имѣла 8 саженей длины, $5^1/_2$ ширины и сѣдалища для 200 лицъ; по описанію Грота длиною она была въ 17 саженей, шириною въ 9 саж. и 1 арш. и свободно могла вмѣщать отъ 550 до 580 человѣкъ» и т. д. (снова цитуется: «Daltons 118 и Grot I. 265»). Напрасно и примирять этихъ двухъ авторовъ, такъ такъ они говорятъ о киркахъ совершенно различныхъ: Grot о Новолютеранской, Dalton о Реформатской. И зачѣмъ понадобилось бы Петру строить каменную Реформатскую кирку для Грегори и Монсъ, когда оба эти лица принадлежали къ лютеранскому вѣроисповѣданію?

съ таможнею и въ Посольскомъ приказѣ, нѣтъ ли до него какого дѣла. Съ таможнею не справлялись, потому что иноземскихъ дѣлъ стряпчій Иванъ Якимовъ поручился, что у пастора товаровъ никогда въ привозѣ не бывало и что если случится какое до него дѣло, то въ Посольскомъ приказѣ отвѣчаетъ во всемъ онъ, подьячій. Пастора отпустили (20 марта) [1].

Одно изъ архивныхъ дѣлъ начала единодержавія Петра даетъ право предполагать, что каменная стройка кирки была сдѣлана даже безъ предварительнаго разрѣшенія правительства, въ надеждѣ, быть можетъ, на значеніе Лефорта: «Великому государю царю и в. кн. Петру Алексѣевичу, читаемъ въ немъ, бьютъ челомъ дохтуры, аптекари, торговые иноземцы и иныхъ чиновъ мастеровые люди и всѣ прихожане евангельской новопостроенной каменной кирки, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ для своего царскаго многолѣтняго здоровья и за ихъ безпрестанныя и безпокойныя службы и для платежу съ ихъ торговъ въ его великаго государя казну многихъ тысячъ рублевъ пошлинъ, велѣлъ ту помянутую ветхую ихъ кирку отъ той ихъ новопостроенной каменной кирки сломать и въ новой киркѣ набожество ихъ творить, и ради прицѣпляющихся причинъ и впредь какого спору и для свидѣтельства имъ дать свою царскую съ прочетомъ милостивую жалованную грамоту, чѣмъ бы имъ его царскаго величества превысочайшее милосердое имя вездѣ прославлять предъ Господомъ Богомъ въ молитвахъ своихъ

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1694 г. № 12: «Дѣло по челобитью пастора Ѳедора фонъ-Шхондервурта о пропускѣ его съ Швецію».

и вѣчно со всѣми своими молить за его царское многолѣтное здоровье, и чтобъ та ихъ новопостроенная кирка отъ той старой деревянной кирки отъ пожарнаго разоренія свободна была». По поводу этой челобитной справились, на какомъ основаніи существуетъ кирка. Сдѣлали выписку изъ статейнаго списка о пріѣздѣ Бореля, который въ 1665 году ходатайствовалъ о Реформатско-Нидерландской киркѣ; «а о строеніи нынѣшней новой каменной кирки, откуда она строена и какая подъ нею земля, того въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ не вѣдомо и жалованныхъ грамотъ изъ Посольскаго приказа напредь сего не давано». Позвали церковнаго «старосту», какъ равно опросили старостъ и другихъ кирокъ, о которыхъ, повидимому, тоже поднято было дѣло. Староста предъявилъ данную 1653 года на имя пастора Кравинкеля. Отъ него и изъ нея узнали, что «1653» («ҁ҃ѳ҃а҃») года дано нѣмецкому пастору Ягану Кравинкину въ Нѣмецкой Слободѣ порожнее мѣсто подъ кирку, гдѣ нынѣ построена каменная кирка, вдоль 10 саженъ, поперегъ по большой улицѣ 20 саженъ». Другихъ документовъ, которые оправдывали бы существованіе каменной кирки, не было представлено; но время было теперь не такое, что̀ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, когда подобное сомоволіе было наказано: каменною киркой община потомъ пользовалась безпрепятственно; слѣдовательно, ее за общиной теперь утвердили [1].

---

[1] М Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Протестантскія 1690 г. № I: «Дѣло по прошенію докторовъ, аптекарей, торговыхъ и иного званія людей о позволеніи имъ сломать ветхую протестантскую въ Нѣмецкой Слободѣ церковь и построить новую, ссылаясь на быв-

Такимъ образомъ къ концу XVII вѣка каждая изъ всѣхъ трехъ московскихъ протестантскихъ общинъ владѣла особою каменною киркой, и съ этихъ поръ церковное свое положеніе всѣ онѣ считали установившимся прочно. Изъ кого состояли они теперь и какъ велика была численность каждой изъ нихъ, опредѣлить нельзя, за исключеніемъ отчасти Старой лютеранской общины, у которой сохранились ея Метрики съ 1694 года. Число бракосочетаній простиралось въ ней отъ 10 до 25 въ

шую о томъ же дѣлѣ голландскаго въ Россіи посла Борея въ 1665 году прозьбу. Тутъ же выписка о четырехъ въ той Нѣмецкой Слободѣ иностранныхъ церквахъ» Часть этого документа была издана въ Собр. гос. гр. и догов. IV, № 207, и послужила основаніемъ къ такимъ мнѣніямъ: справка о киркахъ была произведена еще въ 1690 году, въ виду того, что патріархъ Іоакимъ хотѣлъ было уничтожить ихъ (Устряловъ, Истор. цар. П. В. II, 114); въ Нѣмецкой Слободѣ стояло тогда—4, по увѣреніямъ однихъ, или 5 кирокъ, по увѣреніямъ другихъ; здѣсь говорится о каменной киркѣ лютеранской—по однимъ, Старой общины, по другимъ, Новой общины, и т. д. Всѣ остатки отъ этого документа, сохранившіеся въ Архивѣ, будутъ нами изданы во II томѣ Памятниковъ, и въ предисловіи мы подвергнемъ подробному разбору данныя мнѣнія; здѣсь же отмѣтимъ пока, что документъ явился во времена единодержавія Петра, т. е. лѣтъ пять послѣ смерти Іоакима; говорится въ немъ о 4 протестантскихъ киркахъ, изъ которыхъ одна, деревянная, должна была за ненадобностію быть сломана; упоминаемая каменная кирка—кальвинская, а не лютеранская. То, что въ Архивѣ документъ лежитъ подъ 1690 годомъ, ничего не доказываетъ: чрезъ нѣсколько дѣлъ отъ него, подъ 1700 годомъ, лежитъ дѣло изъ времени царствованія Екатерины I. Затѣмъ, если бы говорилось здѣсь о лютеранской каменной киркѣ, то зачѣмъ справка о Борелѣ и какъ можно перетолковать прямое указаніе, что эта кирка стоитъ на мѣстѣ, данномъ Кравинкелю, который, какъ извѣстно, былъ пасторомъ реформатскимъ?

годъ, крещеній — отъ 39 до 63 [1]. Колебаніе цифры находилось въ тѣсной зависимости отъ состава прихода. Къ этому времени община уже не состояла по преимуществу изъ купцовъ, какъ прежде; въ ней преобладало теперь военное сословіе, въ которое, согласно временной потребности, перешли даже нѣкоторые члены торговыхъ и ремесленныхъ семей. Изъ 52 дѣтей, окрещенныхъ въ 1694 году, 6 было полковничьихъ, 9 подполковничьихъ, 4 майорскихъ, 7 капитанскихъ, 1 капитанъ-лейтенанта, 4 лейтенантскихъ, 2 прапорщиковыхъ, 1 коммиссара, 1 золотыхъ дѣлъ мастера, 1 желѣзныхъ дѣлъ мастера, 1 башмачника, 1 двѣнадцатилѣтній черемисскій мальчикъ, 1 татарскій слуга и только остальныя 13 принадлежали родителямъ прочихъ званій. [2] Пасторами въ ней продолжали служить Фагецій и Юнгъ. Когда Юнгъ выдавалъ (18 янв. 1695 г.) [3] свою дочь за майора Цёге фонъ-Мантейфеля, то царь Петръ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ вечерній пиръ.

Фагецій оказывался все болѣе и болѣе практичнымъ. При опредѣленіи въ московскіе пасторы онъ

---

[1] Бракосочетаній: Крестившихся.

Годы.	Число.	Число.
1694	17	52
1695	15	44
1696	12	39
1697	12	50
1698	25	40
1699	20	63
1700	17	и т. д.
1701	10	

[2] Архивъ Моск. Старо-лютеранской общины: Ein Neu Kirchenbuch.

[3] Gordon, II, 503.

обѣщался отправляться съ офицерами въ походы, если будутъ назначать его; но когда армія собралась къ Азову, онъ на той же недѣлѣ, на которой былъ назначенъ (5 марта 1695 г.), отказался отъ общины и отправился въ Архангельскъ, гдѣ мѣсто было вакантнымъ, и, съ согласія купцовъ, оставался тамъ около года, послѣ чего опять его призвали въ Москву [1]. По служебной лѣстницѣ онъ выдвинулся выше всѣхъ пасторовъ. Петръ назначилъ его первымъ суперъ-интендентомъ всѣхъ евангелическихъ общинъ въ Россіи—съ цѣлію подвергнуть контролю внутреннюю ихъ жизнь [2]. Періодъ пылкаго увлеченія иноземнымъ у Петра проходилъ; онъ все яснѣе и яснѣе выражалъ своимъ русскимъ сподвижникамъ, что въ государственномъ домостроительствѣ иноземцы были важны ему, какъ помощники и временное орудіе для достиженія практическихъ цѣлей. Русскихъ вольнодумцевъ онъ уже каралъ и сдерживалъ; изъ иноземцевъ отдавалъ преимущество тѣмъ, кто сливалъ свои интересы съ русскими—и церковно-религіозная жизнь протестантскихъ въ Москвѣ общинъ должна была принимать болѣе опредѣленный и соотвѣтствующій ей характеръ.

Мы видѣли, что московскія общины начали мѣняться своими пасторами съ общинами архангелогородскими: то московскіе пасторы переходили туда, то, еще чаще, архангельскіе пасторы опредѣлялись въ Москву. Дѣйствительно, послѣ Москвы Архангельскъ былъ теперь самымъ важнымъ пунктомъ торговой жизни; это было время

---

[1] Fechner, I, 413.

[2] См. нашу статью: «Вновь открытый законъ П. В. о протестантахъ», Моск. Вѣд. 1882, № 319.

высшаго его разцвѣта, и выстроившаяся тамъ Нѣмецкая Слобода настолько возросла, что многіе иноземскіе дома явились среди посадскихъ домовъ русскихъ жителей [1]. Организація протестантскихъ общинъ принимаетъ такой видъ, что не только реформаты, но и лютеране построили себѣ свою церковь. Извѣстный уже пасторъ Авраамъ Урсинусъ, при которомъ, нужно полагать, основалась Реформатская кирка, лѣтомъ, во время ярмарки, служилъ въ Архангельскѣ, по зимамъ объѣзжалъ общины въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Ярославлѣ. По приглашеніи (1684 г.) его проповѣдникомъ въ Восточную Фрисландію, его мѣсто занялъ его соотечественникъ, уроженецъ того же Гаарлема, Иванъ Равенсбергъ, бывшій первоначально докторомъ медицины. Такъ какъ онъ здоровьемъ не отличался и не могъ предпринимать правильныхъ поѣздокъ въ Вологду и Ярославль, а Архангельская община могла нуждаться въ пасторѣ постоянно,—то эти двѣ отдаленныя общины пригласили (1689 г.) къ себѣ собственнаго проповѣдника, Людовика Германа Штумпфа, который однако считался и архангелогородскимъ пасторомъ. Когда Лефортъ переманилъ (1693 г.) его въ Москву, то въ преемники ему нанятъ былъ Dr. Бартольдъ Датцелеръ [2].

Въ началѣ 80-хъ годовъ встрѣчаемъ извѣстіе о Лютеранской киркѣ въ Архангельскѣ и служившемъ при ней одно лѣто (1683 г.) пасторѣ Иванѣ Блоккъ. [3] Онъ

---

[1] Моск. Архивъ Мин. Юстиціи: Подлинныя писцовыя книги по Архангельску, № 4 и 9. Крестининъ, Кратк. истор. о гор. Архангельскомъ· СПб. 1792.

[2] Dalton, 143—144; Posselt, II, 158—159.

[3] M. Iohannis Block, von Hildesheimb... Muscovien-Fahrt. Hamburg. 1683. 6—14.

родился въ Гильдесгеймѣ, въ Нижней Саксоніи, получилъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, опредѣлился пасторомъ въ Кёслинъ, въ Западной Помераніи, и объѣздилъ чуть не всю Европу. Когда прибылъ (въ іюнѣ 1683 года) въ Гамбургъ, ему предложили, не отправится ли онъ, на приготовлявшемся къ отъѣзду кораблѣ, пасторомъ въ Архангельскъ, къ новой лютеранской церкви; при этомъ ему обѣщали 80 рейхсталеровъ и приличную одежду. Предложеніе было сдѣлано сначала чрезъ доктора Вольфіума, пастора соборной церкви, потомъ чрезъ доктора Рейзерума, пастора церкви св. Іакова, и наконецъ чрезъ мѣстнаго знатнаго патрона Филиппа фонъ-Шёртенъ. Въ Гамбургѣ въ ту эпоху много заботились о религіозныхъ потребностяхъ своихъ единовѣрцевъ въ Россіи, посылая имъ пасторовъ и снабжая средствами. Нашлись, впрочемъ, люди, которые, въ виду приближающейся старости Блокка, отсовѣтовали ему пускаться въ такой дальній путь. Другіе, напротивъ, уговаривали его, что ему нельзя со спокойною совѣстью отказаться отъ подобнаго предложенія: христіанскія души въ Россіи такъ же де возлюбилъ Богъ, какъ и въ Германіи, и достоинство лютеранскихъ пасторовъ тамъ должно быть поддержано съ авторитетомъ. Онъ отправился. На кораблѣ во всю дорогу каждое утро и вечеръ пѣлось по три духовныя пѣсни и, кромѣ установленныхъ для утра и вечера молитвъ, читалась одна особая, о благополучномъ совершеніи путешествія; по четвергамъ совершалось богослуженіе, безъ проповѣди, по гамбургскому служебнику, а въ воскресенья, кромѣ того, говорилась проповѣдь на текстъ изъ Евангелія. Достигли Архангельска. Блоккъ пробылъ здѣсь девять недѣль и

служилъ въ Лютеранской церкви, по четвергамъ проповѣдуя на текстъ, имъ самимъ выбранный, по воскресеньямъ за утреннимъ богослуженіемъ — на установленное чтеніе изъ Евангелія, а за богослуженіемъ вечернимъ — на чтеніе изъ Посланій; въ послѣднюю недѣлю его пребыванія проповѣди имъ были произносимы постоянно. Къ концу своей дѣятельности онъ напомнилъ прихожанамъ, какъ часто онъ имъ проповѣдывалъ, и они добровольно собрали и передали ему 70 рублей. Всѣхъ проповѣдей у него набралось до 36, которыя потомъ, по возвращеніи на родину, онъ хотѣлъ было напечатать, но дороговизна изданія заставила его отложить это намѣреніе.

Такъ какъ Блоккъ получилъ въ Гамбургѣ предложеніе служить «въ новой лютеранской киркѣ въ Архангельскѣ» [1], то можно предположить, что она была основана недавно, и онъ былъ первымъ при ней пасторомъ. Мы не знаемъ, замѣнилъ ли кто его тотчасъ по его отъѣздѣ, или же архангелогородскіе лютеране продолжали опять пользоваться реформатскими пасторами—до приглашенія Франца Лоренца Шрадера, который былъ поставленъ къ нимъ въ пасторы 8 іюля 1686 года въ Гамбургской Екатерининской церкви сеніоромъ Dr. Давидомъ Клюгомъ [2]. Въ этомъ

---

[1] ... Ich den 9 Junii Abends bey der Post in Hamburg hin ankommen, und den 10 Junii darauff uber einen Prediger zu der neuen lutherischen Kirchen in Archangel, bey der Muscowien-Fahrt mit zusenden, ist berathschlaget. Block, 6.

[2] Büsching (II, 171), вслѣдъ за нимъ Grot (I, 337) и Dalton (136) считали Шрадера первымъ лютеранскимъ пасторомъ въ Архангельскѣ: о пасторѣ Блоккѣ и существованіи здѣсь Лютеранской кирки ранѣе 1686 года имъ не было извѣстно. За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній изъ жизни этой общины за XVI и XVII вѣка,

году встрѣчается упоминаніе объ обѣихъ протестантскихъ киркахъ и въ нашихъ актахъ [1]. 21 генваря архангелогородское духовенство жаловалось на различные религіозные соблазны, происходившіе Русскимъ людямъ отъ иноземцевъ, и между прочимъ такомъ, что «у иноземцевъ построены для ихъ мольбы двѣ кирки, и въ лѣтнее время Русскіе торговые и всякихъ чиновъ люди разныхъ городовъ и Архангельскаго города жители во время мольбы ихъ всегда къ тѣмъ ихъ киркамъ приходятъ и пѣнія ихъ слушаютъ». По поводу челобитной сдѣлана была перепись, кто изъ Русскихъ живетъ у иноземцевъ въ услуженіи, причемъ оказалось, что они служили также и при киркахъ, въ качествѣ дворниковъ. «Галанской кирхи дворница, значится въ реестрѣ 16 мая, Вознесенскаго приходу Катеринка Кузмина дочь живетъ у пастора съ

Büsching дополняетъ ихъ данными изъ жизни, по преимуществу современной ему, т. е. изъ третьей четверти XVIII вѣка; между тѣмъ этими дополнительными данными Соколовъ (31 и слѣд.) безъ различія пользуется въ своемъ очеркѣ состоянія общины и за XVII вѣкъ, почему картина представляется произвольной, какъ неточно и необосновано у него и то, что «та и другая община — реформатская и лютеранская—около 1674 г. имѣли свои церкви и своихъ проповѣдниковъ». Büsching, на котораго ссылается онъ, говоритъ объ основаніи около 1674 года одной Реформатской кирки и какъ первый фактъ изъ жизни Лютеранской общины онъ приводитъ ординированіе въ Гамбургѣ проповѣдника Шрадера 8 іюля 1686 года.

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Англійскія 1686 года, св. 29: «Списокъ съ докладной выписки о живущихъ въ наймахъ въ Архангелогородѣ Россійскихъ людяхъ при торговыхъ иноземцахъ и пр. и о происходящихъ имъ отъ оныхъ купцовъ въ отправленіи ихъ благочестія насмѣшкахъ и ругательствахъ». Изд. нами въ Памятникахъ, I, № VII.

1684 года изъ найму, безъ крѣпостей; Амбургской кирхи дворникъ горожанинъ Артюшко Яшневъ съ женою Ульянкою да съ дѣтьми съ шестью человѣками живетъ года четыре изъ найму, безъ крѣпостей». Гамбургской церковью называлась Лютеранская, Голландскою—Реформатская, каковое названіе они носили очень долго.

Пастора Шрадера вскорѣ мы видимъ въ Москвѣ, именно 14 марта 1688 года, когда старѣйшины Лютеранской кирки (die Aeltesten von der lutherischen Kirche) обратились къ Гордону за рѣшеніемъ спора: кому говорить рѣчь на погребеніи его тещи—Фокероту или Шрадеру? [1] Въ слѣдующемъ году онъ женился на дочери первостепеннаго московскаго купца Ѳомы Келлермана [2] и вмѣстѣ съ тестемъ и другими важными иноземцами безпошлинно выписывалъ изъ Архангельска вино и другіе предметы. [3]

---

[1] Gordon, II, 213.

[2] Памятники, I, 182.

[3] М. Гл. Архивъ М. П. Д. Дѣла Голландскія 1689 г.: «Дѣло по челобитнымъ голланскихъ и другихъ въ Москвѣ торгующихъ купцовъ о дачѣ имъ проѣзжихъ грамотъ для привезенія изъ Архангельска товаровъ и разныхъ запасовъ, также и о другихъ прозбахъ по купеческимъ ихъ дѣламъ». Въ этой связкѣ есть «Выписка, кому имяны въ прошломъ во ρ҃ѵ҃ѕ҃ году, по указу великихъ государей и по выпискамъ, велѣно пропустить къ Москвѣ отъ Архангелского города питья и съѣстныхъ запасовъ безпошлинно, а грамоты къ гостю о томъ пропускѣ посланы въ разныхъ числѣхъ». Такіе товары отпущены были резидентамъ польскому, голландскому, датскому, Христіану Марселису, доктору Карбонарію, Симону Зомеру, а также и «московскому жителю Томасу Фонъ-Келдерману: 8 бочекъ ренского, 2 бочки романеи, бочку вина французского, 10 погребцовъ водки, бочку уксусу ренского, да съѣстныхъ припасовъ, масла, рыбы и иныхъ, противъ прошлаго ρ҃ѵ҃з҃ году; сыну его дохтуру

Затѣмъ опять застаемъ его въ Архангельскѣ. Попавъ туда, въ свитѣ Петра, генералъ Гордонъ разъ обѣдалъ (21 іюня 1694 г.) тамъ у Шрадера. [1] По смерти Мейнке онъ окончательно переселился въ Москву, и мы видѣли его при освященіи (въ апрѣлѣ 1695 г.) каменной кирки Новолютеранской общины, въ качествѣ ея пастора. Ближайшими его преемниками въ Архангельскѣ были [2] Ульрихъ Ѳома Ролофъ, также переѣхавшій въ Москву, и Филиппъ Михаэлисъ. Московскій сослуживецъ Ролофа, посѣтившій Архангельскъ въ 1701 году, насчиталъ тамошнюю лютеранскую общину во 100 человѣкъ.

Изъ желѣзныхъ заводовъ, принадлежавшихъ фамиліямъ

Андрею фонъ-Келдерману: 4 бочки ренскаго, бочку романеи, бочку вина французскаго, 3 погребца водки, 4 бочки сухарей, 4 бочки масла коровья, боченокъ уксусу ренскаго, 2 бочки лимоновъ, боченокъ сливокъ; зятю ево Тимасову пастору Францысику Лаврентьеву: 2 бочки полубременные ренскаго, полбочки романеи, бочку вина французскаго, 2 погребца водки, 2 бочки полуамныхъ уксусу ренскаго, 2 бочки сухарей». Это не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Фр. Л. Шрадеръ жилъ тогда въ Москвѣ. Между тѣмъ Grot (I, 267) утверждалъ, что онъ явился въ Москву только ко времени освященія Новой каменной кирки въ 1695 году и Fechner (II, 497, I, 388) вполнѣ довѣрялъ ему, почему, сопоставляя его слова съ извѣстіемъ Gordon'a отъ 1688 года, предполагалъ у послѣдняго ошибку въ именп, т. е. «Шрадеръ» (Schroder-Schröder) поставлено вмѣсто «Шондервурта» (Schoonderwoert), московскаго реформатскаго пастора. Послѣ приведенныхъ нами новыхъ данныхъ, есть полное основаніе утверждать, что ошибки у Gordon'a нѣтъ.

[1] Gordon, II, 461.

[2] Rüsching, II, 171—172; Grot, I, 267, 337; Fechner, II, 497—498.

Акемы и Марселисовъ, гдѣ еще прежде была протестантская община, важное значеніе пріобрѣтали Ченчёвскія, Угодскія и затѣмъ Истинскія [1]. Фагецій занималъ тамъ мѣсто маг. Триренберга. Къ концу 90 годовъ встрѣчается извѣстіе, что тамъ были Лютеранская и Реформатская церкви и школы [2].

Весьма возможно, что пасторы, служившіе на заводахъ, иногда посѣщали также и военнослужилыхъ иноземцевъ сосѣднихъ городовъ, подобно тому какъ навѣщали ихъ московскіе пасторы. Однако протестанты, жившіе въ Бѣлго-

---

[1] Ченчёвскія были подъ деревней Ченчево, тогда Каширскомъ, теперь Алексинскомъ уѣздѣ Тульск. губ.; Угодскій на рѣкѣ Угодкѣ, Малоярославск. уѣздѣ Калужск. губ., Истинскій (съ 1687 г) на рѣкѣ Истіи, Боровскаго уѣзда. Гамель, Описаніе Тульскаго оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи. М. 1826 г., 19 и слѣд.

[2] Памятники, I, 177; Anatomia Russiae deformatae 1688, 161; Moscow. od. Reuss. Kirchen—Staat, 1698, 24. Въ первомъ изъ указанныхъ изданій Schleussing говоритъ лишь о пасторахъ, во второмъ о киркахъ и школахъ, но точно не обозначаетъ, на какихъ собственно заводахъ онѣ стояли. «Weiter ist auf denen teutschen Bergwercken, ohngefehr 8 teutsche Meilweges von der Stadt Mosco eine Evangelische und Reformirte Kirche und Schule», писалъ онъ въ 1688 году; въ изданіи 1694 года (подъ заглавіемъ Derer Beyden Czaaren in Reuss-Land Iwan und Peter Alexewiz... Von Georg Adam Schleissing, Capitan Lieutenant. Gedruckt im Jahr Christi 1694) о религіозной жизни на заводахъ не упоминается совсѣмъ. Теперь понятно, какъ должно отнестись къ сообщенію неизвѣстнаго автора (Христ. Чтеніе, 1857, II, 377; ср. Ж. М. Н. Пр. 1857, X, отд. VI, стр. 70), будтобы со словъ Busching'а, что «уже въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича находились лютеранскія кирки не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, какъто: въ Тулѣ, Казани, и Астраханн».

родѣ, гдѣ ихъ было тогда особенно много и нѣкоторые изъ нихъ обзавелись тамъ своими домами [1], не довольствуясь этими временными посѣщеніями, пригласили къ себѣ въ пасторы учителя московской школы Ивана Энгеля. Въ Россіи обыкновенно въ пасторы еще не ординировали, и онъ просилъ (27 апрѣля 1697 г.): «Великимъ государямъ ц. и в. кн. Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу бьетъ челомъ школьный мастеръ Ивашко Филиповъ сынъ Энгель. Призвали меня, иноземца, въ Бѣлгородъ въ пасторы иноземцы евангельскіе вѣры генералы, полковники и всякихъ чиновъ начальные служилые люди; а для постановки въ пасторы бреду я за свейскій рубежъ, за море, потому что здѣсь поставить въ пасторы и чинъ нашъ некому. Милосердые государи, пожалуйте меня, иноземца, велите, для исправленія и постановки въ пасторы по чину нашему, съ женишкою моею и съ челядникомъ отпустить на время чрезъ Великій Новгородъ и Псковъ и о пропускѣ нынѣ за рубежъ и изъ-за рубежа назадъ дать мнѣ вашу проѣзжую грамоту, чтобъ безъ задержанія вездѣ меня пропускали». За порученіемъ иноземскихъ дѣлъ стрянчаго Ивана Якимова, что за челобитчикомъ ни въ таможнѣ и нигдѣ нѣтъ никакого дѣла, а если объявится что, отвѣчаетъ онъ, Энгель былъ отпущенъ и новгородскому воеводѣ послана грамота о безпрепятственномъ пропускѣ его за границу и обратно, лишь наблюдать, чтобы Русскихъ людей и иныхъ иноземцевъ съ нимъ не отъѣзжало, если объявятся товары, взять съ нихъ пошлину, а при его возвращеніи нака-

[1] Моск. Отдѣл. Архива Главнаго Штаба, оп. 3, кн. 45: «Книга записаная Иноземского приказа.»

зать ему явиться съ воеводской отпиской въ Посольскій приказъ къ дьяку Украинцеву. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ воротился въ Новгородъ (9 сент.) съ 6 иноземцами, двумя мужчинами и 4 дѣвками челядницами, и воевода увѣдомлялъ Приказъ о пропускѣ его въ Москву. Въ Приказѣ велѣно было допросить Энгеля, гдѣ будетъ онъ жить съ тѣми челядинцами. Дальнѣйшее неизвѣстно; но судя по предыдущему, Энгель долженъ былъ отправиться въ Бѣлгородъ и, быть можетъ, начать собою рядъ постоянныхъ тамъ пасторовъ. [1] Когда полки отправлялись въ походъ, едвали онъ не сопровождалъ ихъ. Впрочемъ, эта обязанность по прежнему лежала на нѣкоторыхъ московскихъ пасторахъ. Юнге былъ во второмъ крымскомъ походѣ (1689 г.) во времена Софьи, и впослѣдствіи сильно поспорилъ съ Фагеціемъ, когда этотъ отказался идти къ Азову, отчего до 36 членовъ моск. лютеранской общины померло тамъ безъ напутствія своего пастора и 3 обратились въ католичество. [2] Тѣ же иноземцы, которые жили по городамъ, прилегающимъ къ западной границѣ, пользовались иногда пасторами изъ-за рубежа. Новгородскихъ лютеранъ разъ посѣтилъ, напримѣръ, пасторъ изъ Ніена, Мейнке, что̀, какъ мы видѣли, послужило ему переходной ступенью къ опредѣленію въ Москву.

Разсмотрѣнныя нами историческія данныя такимъ

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1691 г. № 20: «Дѣло по челобитью Шведа Ивана Энгеля о пропускѣ его въ свое отечество для постановленія своего въ пасторы и жить въ Бѣлгородѣ».

[2] Gordon, II, 367; Fechner, I, 413.

образомъ приводятъ къ заключенію, что со второй половины XVI столѣтія протестанты пользовались въ Московскомъ государствѣ не только неприкосновенностію личнаго вѣроисповѣданія, но, въ извѣстныхъ границахъ, и безпрепятственностію общественнаго богослуженія какъ въ своихъ домахъ, такъ и киркахъ. Этотъ фактъ почти единогласно засвидѣтельствованъ тогдашними иностранными писателями—протестантскими съ нескрываемымъ удовольствіемъ, католическими съ завистью и досадой. Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ о Россіи послѣдніе[1] постоянно передавали, что въ то время какъ лютеране и кальвины имѣли свое духовенство и даже кирки, католики не пользовались ни тѣмъ, ни другимъ — почти вплоть до конца XVII вѣка. Исторія свободы католическаго вѣроисповѣданія, дѣйствительно, носила тогда у насъ иной характеръ.

---

[1] Horsay, Possevino, Oderborn, Margeret, Massa, Petrejus, Olearius, Rinhuber, Brand, Tanner, Schleussing и др. Цитаты см. выше, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся заключающіеся у данныхъ писателей факты о киркахъ и пасторахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

СООРУЖЕНІЕ

ПЕРВАГО КАТОЛИЧЕСКАГО ХРАМА

ВЪ МОСКВѢ.

ГЛАВА I.

Время напрасныхъ попытокъ католиковъ имѣть въ Москвѣ свое духовенство и костелъ.

Домогательство папы Григорія XIII чрезъ іезуита Антонія Поссевина о допущеніи въ Россію католическаго духовенства и о разрѣшеніи строить костелы.—Отвѣты и политика Ивана Васильевича Грознаго; вліяніе ихъ на послѣдующую исторію поднятаго вопроса.—Соблюденіе традицій Грознаго его преемниками.—Отклоненіе Борисомъ Годуновымъ предложенія Льва Сапѣги о духовенствѣ и костелахъ.—Натискъ католицизма при Самозванцахъ.—Кремлевская каплица для Марины; договоры о московскомъ костелѣ съ Сигизмундомъ III.—Отказъ Михаила Ѳедоровича польскимъ посламъ на ходатайства о католическихъ храмахъ и французскому послу Людвигу Гаю о духовенствѣ для французскихъ купцовъ.—Правительственныя мѣропріятія къ недопущенію въ Россію католиковъ и католическаго духовенства.—Извѣстія Олеарія, пастора Грегори и барона Мейерберга о религіозномъ положеніи католиковъ.—Проѣзжав шіе чрезъ Россію папскіе послы и миссіонеры.

Когда протестантскія церковныя общины Московской Ново-Иноземской Слободы построили каменныя кирки, вмѣсто прежнихъ, съ-изстари имѣвшихся у нихъ, деревянныхъ, и безпрепятственность общественнаго богослуженія считали дѣломъ вполнѣ уже утвердившимся: два московскіе патера, Францискъ и Павелъ, обратились къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ съ челобитьемъ о разрѣшеніи устроить въ той же Ново-Иноземской Слободѣ костелъ. Въ Посольскомъ приказѣ навели справку, были ли о томъ челобитья въ прежніе годы и какъ удовле-

творялись они. Сдѣланная выписка [1] изъ прежнихъ актовъ начинается извлеченіемъ изъ статейнаго списка о бытности въ Россіи Антонія Поссевина. Такимъ образомъ домогательство папы Григорія XIII у Ивана Васильевича Грознаго въ пользу католическаго духовенства и храмовъ принято было нашимъ правительствомъ за первый случай ходатайства о Московскомъ костелѣ. Съ этого факта и начинается его исторія, хотя католическій храмъ бывалъ въ Московскомъ государствѣ и ранѣе даннаго событія. Такова католическая церковь Ап. Петра [2] въ Великомъ Новгородѣ, на Нѣмецкомъ торговомъ дворѣ, отъ которой, впрочемъ, во вторую половину царствованія Грознаго были видны одни лишь развалины.

Извѣстно, при какихъ тяжелыхъ для Московскаго государства обстоятельствахъ завязались сношенія Грознаго съ папскимъ дворомъ. [1] Стѣсненный польскимъ королемъ,

---

[1] Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, Католическія дѣла 1695 года; копіи съ нея тамъ же и въ Портфелѣ Миллера № 199, также и въ нашихъ рукописяхъ; издана нами въ Приложеніи, № II, 2.

[2] Повесть Новгородская о Немецкой ропате въ Великомъ Новѣгородѣ, рукоп. Имп. Публич. Библіотеки, собраніе Погодина, № 1.570, л. 190—193; Слово на латиновъ и лютеровъ, Чт. Имп. М. О. И. и Др. Рос. 1884, III, 28—30; Riesencampf, Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiliewitsch III im Jahre 1694, Dorpat, 1854; М. Н. Бережковъ, Торговля Руси съ Ганзой. Спб. 1879, гл. IV—VII.

[1] Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными, X, №№ I и II; Древняя Россійская Вивліоѳика, VI; A. Possevino, De rebus Moscoviticis, Antverpen, 1587; A. Turgenev, Historica Russiae Monumenta, I, № CCXII; Supplem. ad Hist. Russ. Mon. №№ XXXIII—XXXV; P. Pierling, Un Nonce du Pape en

искуснымъ на войнѣ Стефаномъ Баторіемъ, и угрожаемый съ сѣверо-запада и юга, Иванъ Васильевичъ, чтобы поунять по крайней мѣрѣ главнаго своего врага, Баторія, отправилъ гонца Ивана Шевригина къ Григорію XIII. Случилось это въ такое время, когда не задолго предъ тѣмъ папскій нунцій въ Польшѣ, Калигари, добивался у короля дозволенія отправить въ Москву римскаго посла, и, получивъ отказъ, задумалъ послать туда довѣренное лицо чрезъ Швецію. Снаряжая гонца, Іоаннъ тѣмъ самымъ шелъ навстрѣчу желаніямъ папы, что облегчало ему возможность взять въ свои руки направленіе сношеній съ Римомъ, доселѣ зависѣвшее отъ Польши, и пріурочить его въ свою пользу. За посредничество о мирѣ съ Баторіемъ Шевригинъ, согласно наказу, имѣлъ право подать надежду папѣ на союзъ московскаго царя съ христіанскими государями противъ общаго врага, султана, и изъявить готовность довести до свѣдѣнія государя предложеніе папы, если таковое послѣдуетъ, о допущеніи въ Россію купцовъ изъ Венеціи и Рима.

Бѣдственное положеніе Россіи и присылка посольства подогрѣли не прекращавшіяся мечты Рима о религіозномъ господствѣ на Востокѣ. Никогда еще московскіе государи не посылали въ Римъ своихъ пословъ первыми, и уже болѣе пятидесяти лѣтъ наши послы не бывали тамъ. Въ Римѣ созрѣвалъ планъ объ усиленномъ и болѣе широ-

---

Moscovie, Paris, 1884 (книга, обнимающая событія 1580—1581 годовъ, критическій разборъ ея представленъ проф. Ѳ. И. Успенскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, VIII); Бантышъ-Каменскій, Историческія Извѣстія объ Уніи § I; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи VI; преосв. Макарій, Исторія Русской Церкви, VIII; гр. Д. А. Толстой, Римскій католицизмъ въ Россіи I, гл. II, и др.

комъ натискѣ на весь православный греко-славянскій міръ съ цѣлію вовлеченія его въ католичество; изъ іезуитовъ одни дѣйствовали уже въ Константинополѣ, искусно интригуя противъ патріарха Кирилла Лукариса; другіе орудовали въ Македоніи, третьи—въ Сиріи. Въ царскомъ обращеніи о посредничествѣ въ дѣлахъ съ Польшей папскій совѣтъ увидѣлъ весьма удобный предлогъ склонить къ «единенію», то-есть подчиненію папѣ и принятію католичества, самого московскаго царя. Мечтательныхъ Итальянцевъ мало отрезвляло то, что, какъ они сами видѣли и какъ писалъ къ польскому нунцію римскій кардиналъ ди-Комо, царь и посолъ выразили «о вѣрѣ хотя бы единое слово. Это очень удивило его святѣйшество, который надѣялся, что князь, если и не искренно, то по крайней мѣрѣ для виду, окажетъ нѣкоторое расположеніе къ святому престолу, чтобы побудить его согласиться на свои желанія (относительно посредничества о мирѣ). Тѣмъ не менѣе, обсудивъ дѣло и выслушавъ мнѣніе опытнѣйшихъ и благочестивѣйшихъ людей, папа рѣшился не пренебрегать и этимъ случаемъ. Рѣшено отправить кого-нибудь, по всей вѣроятности іезуита, можетъ-быть патера Поссевина, главнымъ образомъ, чтобы трактовать о вѣрѣ и попытаться обратить князя и его народъ. Но очевидно, что къ религіозной попыткѣ нельзя приступить иначе, какъ подъ прикрытіемъ посредничества и перемирія, о которомъ проситъ князь». Порученіе дѣйствительно пало на Антонія, іезуита свѣдущаго, изворотливаго и преданнаго планамъ о пропагандѣ на славянскомъ Востокѣ. Подъ предлогомъ перемирія, онъ, согласно врученной ему инструкціи, долженъ былъ вести въ Москвѣ пропаганду въ пользу папства и склонять царя къ походу противъ суд-

тана, по дорогѣ трактовать съ польскимъ королемъ о мирѣ съ Москвой, съ Венеціанами обсудить дѣло о торговлѣ съ Россіей и подготовить у нихъ почву къ антиоттоманской лигѣ, разъяснивъ республикѣ намѣренія папы о пользѣ религіи и выгодахъ Венеціи.

Привлечь къ начатому дѣлу не только польскаго короля, но и Венецію было для папы весьма важно. Съ точки зрѣнія католической, учрежденіе торговли служило прочнымъ началомъ открытія въ Россіи пропаганды и лучшимъ средствомъ добыть у царя разрѣшеніе строить въ Россіи костелы. Потому Поссевинъ усердно убѣждалъ (11 апрѣля 1581 года) венеціанскаго дожа воспользоваться случаемъ, представляющимся въ московскомъ дѣлѣ, чтобы поддержать католическое движеніе и подъ предлогомъ торговли вытребовать у царя торговымъ людямъ Венеціи религіозныя вольности, одинаковыя для лютеранъ и мусульманъ,которые пользовались-де полною свободой. Увѣряя затѣмъ Баторія, что «все предпринятое папой относительно Московіи имѣетъ цѣлію распространеніе славы Божіей», онъ сообщалъ (17 іюня): «Хотя папа и венеціанская синьорія находятъ, что заведеніе Венеціей морской торговли съ Москвой сопряжено съ большими трудностями, тѣмъ не менѣе его святѣйшество, желая извлечь изъ этого дѣла нѣкоторую пользу, приказалъ мнѣ отправиться въ Венецію и объяснить, что, можетъ-быть, царь позволитъ построить католическую церковь, если къ нему прибудутъ венеціанскіе купцы. Если я найду царя расположеннымъ вступить въ торговыя сношенія съ католиками, то я предполагаю оставить тамъ священниковъ, которыхъ теперь везу съ собой. Если онъ откажетъ въ этомъ, то будемъ знать, что онъ обманываетъ

христіанскихъ князей и занятъ лишь пріисканіемъ средствъ избѣгнуть опасности отъ вашего величества». Папскою инструкціей предписывалось Антонію: «Вы должны испросить позволеніе на постройку одной или нѣсколькихъ католическихъ церквей въ Москвѣ для тѣхъ католиковъ, которые будутъ пріѣзжать по торговымъ дѣламъ; объясните, что иначе никогда не установятся торговыя сношенія съ католическими народами». Пунктъ о венеціанской торговлѣ и послужилъ Антонію наиболѣе непосредственнымъ и самымъ благовиднымъ поводомъ вплести въ свои переговоры съ нашимъ правительствомъ предложеніе о постройкѣ Московскаго костела.

Антоній былъ принятъ (18 августа 1581 года) въ Старицѣ, гдѣ находился государь; въ своей свитѣ изъ 11 человѣкъ Поссевинъ привезъ нѣсколько іезуитовъ. Бесѣдуя съ боярами о союзѣ съ папой и другими католическими князьями, объ анти-оттоманской лигѣ и мирѣ съ Польшей, и при этомъ съ особенною силой стараясь доказать всѣ выгоды религіознаго «единенія», въ «третьей рѣчи» Антоній поставилъ вопросъ о храмахъ.

«Твое пресвѣтлѣйшество писалъ наивысшему епископу, чтобы торговые люди Венеціи промышляли торговлю съ твоимъ государствомъ, наивысшій папа послалъ къ нимъ меня съ дворяниномъ твоимъ Истомою Шевригинымъ. Насъ обоихъ Венеціане приняли любезно, Шевригина дарили хорошими поминками, тебѣ, государю, пріятельски послали поздравительную грамоту; меня, когда я много говорилъ о твоихъ дѣлахъ и о твоемъ величествѣ, позвали въ свой тайный соборъ, возвеличали наивысшаго папу и о томъ крѣпко думали, чтобы былъ миръ между твоимъ величествомъ и королемъ Стефаномъ. Въ сознаніи, что

еслибъ уставился между вами, сильными государями, миръ, то вы могли бы направить свое оружіе противъ Турокъ и стереть рога бусурманскому недругу, и владѣнія твои расширились бы до Азіятскаго рубежа, они убѣждали меня промышлять о мирѣ, указывая, что никогда еще не было такого удобнаго для христіанства времени: теперь, по свидѣтельству живущихъ на восходѣ солнца, турецкія дѣла уничижены. Начать торговлю съ твоимъ государствомъ они рады, хотятъ лишь знать, по какой дорогѣ ее вести. Съ одной стороны, надобно беречись турецкой измѣны, съ другой, чрезъ дальнія моря можно бы проѣхать имъ въ твое государство, но еще слѣдуетъ тебѣ промыслить, что-бы не было имъ убытковъ отъ Датчанъ и Шведовъ; ближе бы дорога Чернымъ («Понтумъ Эуксинымъ») и Азовскимъ («Меотысъ Палюсъ») морями къ Дону, на которомъ много городовъ, но помѣшаютъ владѣющіе тѣми мѣстами Турки. Есть еще въ твое государство иная дорога, чрезъ Польскую и Литовскую землю, которою однако ѣздить нельзя, пока не придумаешь ты своею мудростію, какъ бы тебѣ съ королемъ быть въ мирѣ и любви. Надобно тебѣ, сверхъ того, выразумѣть, что Венеты, какъ и цесарь римскій и иные короли, держатъ римскую вѣру и владѣютъ значительною частью Греческаго царства, торговые ихъ люди не ѣздятъ безъ поповъ христіанской вѣры: въ случаѣ болѣзни или смерти на дорогѣ некому было бы ихъ покоить; въ восточныхъ земляхъ, въ Александріи, Сиріи, Триполи и Цареградѣ, таковыхъ поповъ нѣтъ. Ваше пресвѣтлѣйшество, подумай, что̀ мнѣ сказать о томъ наивысшему папѣ и Венетамъ. Буде ты, государь, произволишь, чтобы такіе люди вольно пріѣзжали въ твое царство изъ ихъ

дальнихъ земель латинской вѣры, брали съ собой поповъ и ставили въ твоемъ царствѣ церкви: узнаютъ христіане, что ты хочешь жить съ наивысшимъ папой дружно, какъ христіанскій и богомольный государь, каковъ ты и есть государь на самомъ дѣлѣ; со своей стороны, я, если только пожелаешь, дамъ тебѣ къ тому дѣлу наивысшаго папы наивѣрнѣйшихъ поповъ латинскихъ, которые со мной пришли, весьма славныхъ и богомольныхъ, подъ условіемъ жить имъ здѣсь безпечально и имѣть право выѣзда по своему желанію. На то дай мнѣ опасную грамоту, чтобъ у всѣхъ христіанскихъ государей ты былъ славенъ, и также сообщили намъ, съ какимъ товаромъ велишь Венетамъ пріѣзжать въ свое государство, и на время-ли или навсегда дашь ту грамоту».

О доступѣ католическому духовенству и о постройкѣ храмовъ Поссевинъ присоединилъ отъ себя, согласно данной ему инструкціи, не по иниціативѣ Венеціи и совсѣмъ противъ наказа Шевригину; извратилъ и то, когда утверждалъ, будто государь писалъ папѣ о венеціанской торговлѣ. Царская грамота, переданная Шевригинымъ папѣ, не заключала въ себѣ ни слова о Венеціанцахъ; о нихъ упоминалось въ тайномъ наказѣ Шевригину, но и то въ такой формѣ, что иниціатива о нихъ не должна была принадлежать ему. «А нѣчто учнетъ папа или его думные люди Истомѣ говорити, чтобъ гости изъ Рима и изъ Венеціи идти въ государевы царевы и великаго князя земли, да оттолѣ-бъ на Казань и Астрахань, да въ Шамаху и въ Кизилбаши,—и Истомѣ говорити: пошлетъ папа къ государю нашему своего человѣка, и онъ о томъ прикажи къ государю нашему и въ своей грамотѣ отпиши, а со мною что̀ накажешь къ государю моему, и

я то до государя своего донесу.» Побужденія къ такой осторожности понятны. Какъ ни желалъ Грозный широкихъ торговыхъ связей съ Западомъ, почему, между прочимъ, велъ тяжкую войну съ соперниками за владѣніе прибалтійскою побережною линіей, онъ однако крайне опасался пускать къ себѣ католическихъ купцовъ, зная, что съ ними потянутся люди, готовые сѣять католическую пропаганду. Открыть доступъ этимъ купцамъ онъ готовъ былъ въ крайнемъ только случаѣ, то-есть когда не видѣлось другихъ средствъ склонить папу на хлопоты о перемиріи, но съ соблюденіемъ условій, чтобъ отъ того не произошло никакого вреда религіознымъ убѣжденіямъ православныхъ Москвитянъ. Прикрѣплять католичество къ русской почвѣ совсѣмъ не было въ намѣреніяхъ Грознаго. Поэтому на свое предложеніе о Венетахъ, духовенствѣ и костелахъ Антоній услыхалъ (31 августа) отъ бояръ: «Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси велѣлъ тебѣ сказать...: Венетамъ въ наше государство пріѣзжать вольно и со своими попами и со всякими товарами, церквамъ же римскимъ въ нашемъ государствѣ быть не пригоже, потому что до насъ прежде того обычая не бывало, мы хотимъ держать то по старинѣ, и вновь тому быть не годится». Въ отосланной на другой день Антонію памяти подробнѣе были разъяснены ему взгляды правительства на нѣкоторыя изъ его требованій. Папскимъ посламъ и Венеціанцамъ обѣщалась выдача опасной грамоты; лицамъ, которые будутъ оставлены Антоніемъ при отъѣздѣ его къ Баторію, если почему-либо не воротится онъ, свободный отпускъ со всѣмъ имуществомъ; Венетовъ и папиныхъ людей,

въ случаѣ ихъ смерти, въ Москвѣ похоронятъ по римскому обычаю, на кладбищѣ Нѣмцевъ римскаго закона [1].

Антоній самъ высказалъ боярамъ, насколько важно заключеніе мира Москвы съ Польшей, чтобы завязаться правильной венеціанской торговлѣ. Это замиреніе постоянно указывалось нашими, какъ первоначальное условіе для серіознаго приступа къ особенно интересовавшимъ Антонія вопросамъ, каковы «единеніе» въ вѣрѣ, союзъ противъ Турокъ. Какъ ни бился Поссевинъ, ему давали чувствовать, что дѣло безъ того не двинется ни на шагъ. Объ общемъ союзѣ Антоній отзывался: «нельзя быть крѣпкому соединаченью съ христіанскими княжаты, кромѣ какъ въ единой вѣрѣ христіанской».—«Какой союзъ противъ невѣрныхъ возможенъ теперь намъ съ христіанскими государями?» возражали наши: «мы вооружимся противъ Турокъ, а Баторій пойдетъ на насъ». И хитрый іезуитъ былъ вынужденъ отправиться (14 сентября) сначала къ королю, сумѣвъ лишь оставить въ качествѣ наблюдате-

[1] Кладбище, очевидно, было общее съ протестантскимъ. «О гостяхъ о торговыхъ, которые, пріѣхавъ, здѣсь въ государствѣ помрутъ, какъ ихъ хоронить,—и которые торговые и всякіе люди папины й Венеты, сюда въ государство пріѣхавъ, помрутъ и тѣхъ на Москвѣ похоронятъ по римскому обычаю папы римскаго закону съ тѣми вмѣстѣ, которые Нѣмцы нынѣ римскаго жъ закону кладутца на Москвѣ, въ которомъ мѣстѣ имъ мѣсто на то устроено». Моск. Гл. Архивъ, Дѣла папъ римскихъ: «Статейный списокъ о пріѣздѣ Антонія», л. 222; также въ Памятн. дипломат. сношеній Россіи, X, 182. Въ указанной выше Выпискѣ: «И Антонію сказано..: которые Римляне на Москвѣ помрутъ, и ихъ бы хоронили за городомъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ, а у церквей ихъ похоронять не доведетца и Россійской вѣрѣ противно». Приложеніе, № II, 2. Ср. выше, кн. I стр. 77 и слѣд.

лей двухъ іезуитовъ, Степана Дреноцкаго и Михаила Маріена, которымъ подробно указалъ, какъ слѣдуетъ вести себя. Остерегаясь всякихъ столкновеній съ Русскими, чтобы тѣмъ не вызвать неудовольствія и удаленія, они должны были повременить пока распространеніемъ заготовленныхъ католическихъ книгъ, богослуженіе совершать безъ крестныхъ ходовъ по улицамъ, которые могутъ показаться Русскимъ странными и вызвать насмѣшки со стороны лютеранъ; еслибы завязались религіозныя пренія, вмѣсто отвѣтовъ затруднять Русскихъ вопросами и склонять рѣчь болѣе на нравственныя начала религіи, о русскихъ Святыхъ отзываться незнаніемъ, избѣгать встрѣчи съ митрополитомъ, чтобы не отдавать ему почтенія, при представленіи ограничиться однимъ поклономъ. На ихъ обязанности лежало собрать свѣдѣнія, которыя могли бы потомъ пригодиться Поссевину.

Свои пропагандическія домогательства Антоній возобновилъ, какъ только явился въ Москву по заключеніи мира въ Ямѣ Польскомъ. Помѣстили его въ домѣ Ивана Сѣркова, въ Китай-городѣ. Приглашенный (18 февраля 1582 года) отсюда въ Меньшую Набережную палату къ нашимъ боярамъ, новгородскому намѣстнику Никитѣ Романовичу Юрьеву-Захарьину съ товарищами, Антоній «подалъ рѣчей своихъ письмо въ тетрадяхъ», гдѣ, по пунктамъ, изложены были его требованія, именно: соединеніе вѣръ, наступательный союзъ противъ Турокъ, отсылка русскихъ юношей въ Римъ для образованія, дарованіе, за царскою печатью, грамоты на свободное держаніе венеціанскимъ и другимъ торговымъ людямъ «священниковъ своихъ вѣры католической римской», замѣна въ Россіи «магистровъ люторскихъ нѣмецкихъ, которые

не знаютъ Пречистой Богородицы и Святыхъ Божьихъ, правдивыми священниками римской вѣры, которые будутъ нѣмецкіе же, пришлетъ ихъ, вѣрныхъ, папа наивышній, и тѣмъ великій государь покажетъ христіанскимъ княжатамъ, сколько стоитъ за вѣру христіанскую». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Антоній просилъ личныхъ переговоровъ съ государемъ о вѣрѣ.

Отвѣтъ былъ (21 февраля) сказанъ въ той же палатѣ: «Римлянамъ, Венеціанамъ и Цесаревой области торговымъ людямъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего Русскимъ людямъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить, каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ, и грамотой утверждать то не для чего: въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы ни у кого воли не отнимаемъ, живутъ, кто какъ хочетъ, но церквей по сіе время не ставливали; а что до лютеранъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ, и къ Рускимъ людямъ не пристаютъ; а хотя бы кто и похотѣлъ пристати, того тому чинить не попускаютъ». [1] Послать Русскихъ

[1] Между Статейнымъ спискомъ и Выпиской въ изложеніи этого отвѣта замѣчается различіе, въ Выпискѣ онъ полнѣе. «А что еси говорилъ о Венецѣенѣхъ, ино Венецѣеномъ, всякимъ римскимъ людемъ, и торговымъ, и Цесаревы области въ наше государство пріѣзжати и торговати повольно, и попомъ съ ними ихъ вѣры ѣздити воля безо всякаго возбраненья, только имъ ученія своего Русскимъ людемъ не плодити и костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставити, коижде въ своей вѣрѣ да пребываетъ; а въ нашемъ государствѣ много розныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ;

въ Римъ учиться за скоростью нельзя, сначала надобно подыскать годныхъ для того; излишне поднимать вопросъ и о вѣрѣ: «каждый своей вѣрѣ ревнитель и всякому естественно свою вѣру похвалять, случится о ней въ словахъ споръ и сопреніе, и мы сомнѣваемся, чтобы впередъ оттого не поднялась вражда». Антоній однако не отставалъ, и государь удостоилъ его личныхъ преній, [1] показавъ предъ нимъ всю безпочвенность мечтаній Рима о религіозно-политическомъ господствѣ въ Россіи.

живутъ всѣ по своей волѣ, какъ хто хочетъ, а церквей ещо по ся время никоторые вѣры въ нашемъ государствѣ не ставливали». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла напъ римскихъ 1682 г.: Стат. списокъ о пріѣздѣ Антонія л. 359; Памятн. диплом. сношѳ. X, 291.—«И паннину послу отвѣтъ учиненъ, что Римляномъ, и Венецыяномъ, и Цесаревы области торговымъ людемъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать поволно и попомъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, толко имъ ученія своего Рускимъ людемъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить, коіждо въ своей вѣрѣ да пребываетъ; а грамотою утверждать не для чего; а въ Московскомъ государствѣ много розныхъ вѣръ, и великій государь у нихъ ни у кого воли не отъимаетъ: живутъ по своей вѣрѣ, какъ кто хощетъ, а мольбищъ никакихъ еще по се время никоторые вѣры въ Московскомъ государствѣ не ставливали; а что онъ говоритъ о люторахъ, и въ Московскомъ государствѣ много всякихъ людеи вѣръ живутъ своимъ обычаемъ, а къ Рускимъ людемъ никоторымъ обычаемъ не приставаютъ, а хотя кто и захочетъ пристать, и имъ пристать великій государь не попускаетъ». Выписка (Прилож. № II, 2). Отвѣтъ въ ней объ удаленіи пасторовъ сходенъ съ тѣмъ, какъ онъ изложенъ въ современномъ «Извѣстіи историческомъ о Антоніи Поссевинѣ», изд. въ Древн. Россійск. Вивліоѳикѣ, VI, 101—102.

[1] Подробно переданы у Бантышъ-Каменскаго, Карамзина, IX, Соловьева, преосв. Макарія, гр. Толстаго и др.

Основывая всѣ свои надежды въ религіозныхъ домогательствахъ на самовластіи государя, который-де можетъ приказать подданнымъ измѣнить вѣру по своему усмотрѣнію, и убѣждаясь теперь, что государь считаетъ себя лишь охранителемъ ихъ вѣроисповѣданія и не только чуждъ всякой мысли о перемѣнѣ своей вѣры, но искренно желалъ бы вразумить самого папскаго посла, Антоніи видѣлъ все неудобство замедлять свое пребываніе. Если главною цѣлію Поссевина были религіозныя домогательства, а установленіе перемирія однимъ предлогомъ, то для Іоанна помимо этого перемирія Антоній не имѣлъ значенія: съ нимъ, въ сущности, переговоры были покончены еще въ Ямѣ Запольскомъ, а Антоній думалъ было начать ихъ отсюда. На прощаньи бояре дали письменный отвѣтъ, въ которомъ суммировали всѣ прежнія отповѣди. О духовенствѣ и костелахъ въ немъ значилось: «А что писалъ въ своихъ рѣчахъ, чтобы государь позволилъ римской вѣры людямъ, которые будутъ пріѣзжать въ его государство, ставить и держать свои римскія церкви,—и на то тебѣ не единова отказано: римской вѣры костеламъ здѣсь быть не пригоже, а которые люди римской вѣры начнутъ пріѣзжать въ здѣшнія государства, и въ томъ государь велѣлъ учинить поволность, кто въ которой вѣрѣ, тотъ въ своей вѣрѣ и пребываетъ, зазоры имъ и укоризны въ томъ нѣтъ, ученія же отъ нихъ никакого не принимаютъ». Свое невмѣшательство въ личныя вѣрованія католиковъ и вмѣстѣ заботы объ отстраненія всякихъ соблазновъ для православныхъ Грозный простеръ до того, что въ томъ же письмѣ устанавливалось, что съ католиками вполнѣ безпрепятственно могутъ быть «священники римскаго закона»,

а католики, пріѣзжающіе безъ священниковъ, пусть молятся по своимъ домамъ, только бы не ходили «въ христіанскія церкви».

Отказъ Антонію на ходатайство о костелѣ мотивировали наши, между прочимъ, тѣмъ, что прежде въ Московскомъ государствѣ иновѣрныхъ церквей не бывало. Такая ссылка выдумана была нашими дипломатами, какъ безобидный предлогъ, потому что незадолго до пріѣзда Поссевина, какъ мы уже знаемъ, былъ костелъ въ Великомъ Новгородѣ, а въ Москвѣ стояла лютеранская кирка; самъ Поссевинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ отмѣтилъ, что протестанты выманили у Ивана Васильевича разрѣшеніе построить двѣ кирки, будто бы назвавъ себя католиками, и что государь, узнавъ объ ихъ обманѣ, велѣлъ сжечь ихъ обѣ. Тенденціозная неправда этого объясненія слишкомъ очевидна: церковное лютеранское зданіе, какъ извѣстно, погибло вмѣстѣ съ Нѣмецкою Слободой, которую царь велѣлъ разнести, вознегодовавъ на тщеславіе и высокомѣріе жившихъ въ ней Ливонцевъ. [1] Могло также случиться, что Грозный увидалъ то самое, чего опасался онъ, не дозволяя строить костела—именно, пропагандическія поползновенія протестантовъ: покрайней мѣрѣ встрѣтившійся съ Поссевиномъ Итальянецъ Тедальди [2] сообщилъ ему, что открытая проповѣдь запрещена лютеранскимъ пасторамъ за то, что они слишкомъ стали навязывать другимъ свои религіозныя убѣжденія. Какъ бы то ни было, отвѣтъ и политика Грознаго по отношенію къ просьбѣ Поссевина послужили въ католическомъ вопросѣ прототипомъ и ру-

---

[1] См. выше, кн. I,гл. I.

[2] Pierling, прилож. № VIII, стр. 173.

ководствомъ для послѣдующихъ государей, наравнѣ съ другими его дѣйствіями относительно внѣшнихъ вопросовъ. Если онъ, сознавая заднія цѣли папства, считалъ невозможнымъ разрѣшить у насъ постройку костеловъ и допущеніе католическаго духовенства признавалъ возможнымъ лишь въ крайнемъ случаѣ и на извѣстныхъ условіяхъ; то такъ же должны были поступать и его преемники. Въ противоположность протестантскимъ пасторамъ и киркамъ, существовавшимъ въ Россіи постоянно, хотя и съ различными превратностями въ судьбѣ,—католики, при всемъ томъ, что не были стѣсняемы въ вѣрѣ, никогда, за исключеніемъ эпохи самозванцевъ, не получали дозволенія имѣть ни костела, ни іезуитовъ: послѣ же междуцарствія не допускались къ нимъ и священники, даже было время, когда запрещался въѣздъ въ Россію и простымъ мірянамъ католическаго вѣроисповѣданія.

Одинаково съ Грознымъ долженъ былъ, прежде другихъ, поступить воспитанный въ его школѣ Борисъ Годуновъ. Къ нему Сигизмундъ III прислалъ своего посла Льва Сапѣгу [1] съ предложеніемъ вѣчнаго мира между Россіей и Польшей, подъ условіемъ, между прочимъ, постройки костеловъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ государства для тѣхъ Поляковъ, которые будутъ состоять на царской службѣ, и для торговцевъ и пословъ какъ польскихъ, такъ и иныхъ государствъ. Намѣренія короля и его совѣтниковъ, іезуитовъ, были слишкомъ прозрачны. Не надѣясь распространить католицизма прямо изъ Рима, іезуиты разсчитывали ввести его чрезъ Польшу, и отвѣтъ

[1] Гр. Толстой, I, 77—78; Соловьевъ, изд. 3, VIII, 25—27.

Годунова о свободѣ вѣроисповѣданія и костелѣ былъ, въ сущности, повтореніемъ окончательнаго отвѣта Грознаго Поссевину, именно: дозволить Полякамъ строить латинскія церкви нельзя, но не запрещается имъ пріѣзжать въ Россію и жить по ихъ вѣрѣ. Два іезуита, находившіеся въ свитѣ посла, были тогда выпровожены за рубежъ. Годуновъ не находился еще въ такомъ тяжеломъ политическомъ положеніи, какъ Грозный: задабривать Поляковъ ему было не для чего, потому вопросъ о священникахъ онъ оставляетъ безъ всякаго отвѣта.

Указанная выше выписка 1695 года простираетъ такую строгость правительства къ католикамъ на цѣлое столѣтіе, вплоть до австрійскаго ходатайства въ 1684 году предъ молодыми государями, Іоанномъ и Петромъ. «И по отпускѣ іезуита Антонія», читаемъ въ ней, «при предкахъ ихъ государскихъ, блаженныя памяти великихъ государяхъ царяхъ, и при отцѣ ихъ государевомъ, Алексѣѣ Михайловичѣ, и при братѣ ихъ, блаженныя памяти Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, и при ихъ государевѣ державѣ на Москвѣ въ Россійскомъ государствѣ нигдѣ подъ ихъ государскою державой Римляне костеловъ не только каменныхъ, но и деревянныхъ не дѣлывали, мѣстъ и земель подъ костельное строеніе Римлянамъ нигдѣ не давано и римской вѣры исповѣдники до 1684 («рѵѣ») года на Москвѣ не живали и своего католическаго богомолья не только въ костелахъ, а и въ домахъ не отправляли. А въ 1684 году присылалъ о томъ къ великимъ государямъ, Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, Леопольдусъ, цесарь римскій, пословъ своихъ Ягана Жировскаго и Христофа Блюмберка».

За событіями при самозванцахъ, изъ которыхъ при

первомъ, посаженикѣ Польши, вторглось было въ Москву нѣсколько іезуитовъ, францискановъ и ксендзовъ и для Марины устроена была во дворцѣ домашняя капли-ца, въ Посольскомъ приказѣ значенія, очевидно, не признавали. Къ тому же, теперь достаточно выяснено, насколько были чужды католицизма сами самозванцы и безсильны, еслибы даже задумали ввести его, а слѣдовательно, какъ были преувеличены пропагандическія надежды, возлагавшіяся на нихъ католиками. О своемъ положеніи въ Москвѣ іезуиты писали, не задолго до коронаціи Самозванца I: «Скоро, скоро увидимъ ожиданный нами день, когда свѣтъ, дотолѣ помраченный, засіяетъ для всей Московіи и, если это совершится успѣшно, для всего міра. Теперь мы еще покуда молчимъ и ничего не говоримъ о нашихъ дѣлахъ со свѣтлѣйшимъ государемъ, опасаясь Московитянъ, доколѣ онъ не утвердится на престолѣ и не убѣдитъ главныхъ бояръ дѣйствовать съ собою за одно. Одинъ изъ новыхъ совѣтниковъ спросилъ государя: правда ли, что онъ имѣетъ намѣреніе выстроить въ Москвѣ церковь для Поляковъ? Димитрій отвѣчалъ: «Почему же мнѣ не сдѣлать этого для нихъ, тѣмъ болѣе, что они христіане и оказали важныя услуги? Да и вы сами не позволили построить храмъ (synagogam) для еретиковъ и при ней школу?» И такъ мы имѣемъ основательную надежду, что, можетъ быть, уже въ настоящемъ году общество наше раскинетъ свои станъ противъ враговъ», т.-е. начнетъ наступательныя дѣйствія. Прося о присылкѣ учебныхъ книгъ на латинскомъ, польскомъ и славянскомъ языкахъ «для нашихъ благочестивыхъ, а также и для Москвитянъ, имѣющихъ быть, съ Божіею помощію, нашими», іезуиты продолжа-

ли. «Мы ежедневно отправляемъ богослуженіе, украшаемъ наши алтари самымъ блестящимъ образомъ, а въ торжественные дни употребляемъ звуки бубенъ и трубъ, такъ что Русскіе начинаютъ съ удивленіемъ признавать въ Полякахъ, которыхъ они считали и называли еще недавно еретиками, набожныхъ христіанъ». Спустя нѣкоторое время, одинъ изъ нихъ увѣдомлялъ варшавскаго провинціала, что онъ, вмѣстѣ съ другими своими собратьями, въ день коронаціи обѣдалъ при дворѣ, и что въ продолженіе семи недѣль, прожитыхъ имъ въ Москвѣ, могъ видѣть Димитрія лишь одинъ разъ, потому что «доступъ къ нашему свѣтлѣйшему государю очень затруднителенъ». И хотя, по словамъ того же автора, Самозванецъ увѣрилъ ихъ, что онъ надѣется искоренить въ Русскихъ страхъ и отвращеніе къ католикамъ, и сообщилъ врачамъ о своемъ намѣреніи основать въ Москвѣ Академію, съ преподавателями въ ней изъ Польши, была также рѣчь и о постройкѣ Коллегіума и о прочемъ; однако этотъ отецъ долженъ былъ сознаться, что они, іезуиты, пока все еще вынуждены вести себя осторожно, совершая богослуженіе для однихъ Поляковъ и удовлетворяясь одними надеждами на болѣе благопріятное будущее, такъ что невольно восклицалъ: «О, когда бы милосердый Богъ сжалился и надъ этимъ народомъ и открылъ бы для него хляби Своей благодати, то мы захватили бы въ сѣти Господни обильный ловъ рыбы и дали бы знакъ и своимъ сотоварищамъ, чтобы они пришли и помогли намъ!» Безпрепятственнымъ совершеніемъ богослуженія для природныхъ католиковъ и почти одними этими фантастическими мечтаніями іезуиты и должны были удовлетвориться. Связанный въ Варшавѣ обѣщаніями въ

пользу обращенія, т.-е. совращенія Россіи въ католичество, и готовый предоставить католикамъ свободу богослуженія въ Россіи, какою пользовались у насъ протестанты, Самозванецъ I, будучи въ Москвѣ, совсѣмъ не имѣлъ желанія видѣть іезуитовъ своими совѣтниками и руководителями, и они, опасаясь также надзора и Москвичей, видали его рѣдко; мало того, самыми близкими къ нему лицами были не католики, а братья Бучинскіе, протестанты; когда серьезно зашла рѣчь о костелѣ, онъ, не рѣшаясь покончить съ вопросомъ самовольно, проситъ благословенія и совѣта у патріарха и духовнаго совѣта, и на предложеніе польскихъ пословъ дозволить іезуитамъ и прочему католическому духовенству войти въ Московское государство и строить церкви, объ іезуитахъ и костелахъ далъ отвѣтъ отрицательный. Не помогли здѣсь происканъ іезуитовъ и другихъ католиковъ даже и письма къ нему папы Павла V, въ которыхъ этотъ то намекалъ ему о прежнихъ обѣщаніяхъ, то изъявлялъ готовность прислать къ нему новыхъ духовныхъ лицъ, то съ лестью и не безъ притворства увѣрялъ: «мы не сомнѣваемся, что.... ты хочешь привести въ лоно римской церкви народъ Московскій, потому что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла... Воспользуйся удобностію мѣста и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ Римскую церковь. Такъ какъ ты можешь дѣлать въ землѣ своей все, что̀ захочешь, то повелѣвай». Но если и другія, менѣе безразсудныя дѣйствія Самозванца и его польской свиты привели такъ скоро къ катастрофѣ, то, послѣдовавъ совѣтамъ папы о прямомъ

религіозномъ насиліи, онъ, нѣтъ сомнѣнія, только ускорилъ и испыталъ бы ее въ формѣ болѣе рѣзкой. Часть открытой римской корреспонденціи, убѣждающая его «выстроить въ Москвѣ костелы и, во исполненіе клятвеннаго обязательства, распространить въ Россіи католическую вѣру», и безъ того поставлена была ему въ одну изъ самыхъ тяжкихъ винъ. Отношеніе самозванца къ католичеству, какъ къ временному орудію для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, съ нескрываемою досадою признаютъ отчасти даже сами современные намъ католическіе писатели. Іезуитъ Пирлингъ такъ характеризуетъ это: «Въ Димитріѣ мало-по-малу совершилась печальная перемѣна. Горячую (?) ревность неофита при походѣ на Москву смѣнилъ холодный разсчетъ политика, который думаетъ воспользоваться религіей, какъ средствомъ просвѣтительнымъ. Въ Москвѣ стало еще хуже. Онъ не только вполнѣ удалилъ іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ, хотя и очень мало, со времени вступленія на престолъ, но окружилъ себя совѣтниками-еретиками, пользовавшимися всѣмъ его довѣріемъ... Соединяя низость съ лицемѣріемъ, онъ ласкалъ вниманіемъ папу и короля, когда того требовали обстоятельства; но сдѣлавшись самъ себѣ господиномъ, съ презрѣніемъ говорилъ о священной главѣ церкви и замышлялъ пагубныя намѣренія противъ Сигизмунда III».

Послѣ его гибели, польскіе іезуиты составили планъ введенія у насъ уніи, въ родѣ той, какая была въ Литвѣ. Мысль о ней, по этому плану, должна идти не отъ государя, а какъ бы отъ самихъ Русскихъ, для чего необходимо было католикамъ и уніатамъ, окружающимъ царя и царицу, въ глазахъ свѣтскихъ лицъ ронять пра-

вославное духовенство, среди духовенства возбуждать распри, намекнувъ монашествующему о льготахъ, бѣлому о достоинствахъ; подорвать связь съ Греческою патріархіей, удалить опасныхъ лицъ: греческихъ монаховъ и протестантовъ; завести семинаріи съ католическими учителями, русскихъ молодыхъ людей отправлять для обученія въ католическія страны; Москвитянамъ дозволить присутствовать при католическомъ богослуженіи, намекать на соизволеніе, ради соревнованія, постройки въ Москвѣ костела; изъ Русскихъ приближать къ государю такихъ, которые будутъ удобнѣе для цѣлей уніи; особенно высшее духовенство, назначеніе котораго всегда въ царскихъ рукахъ, непремѣнно должно составиться изъ лицъ, склонныхъ къ уніи. Всѣ эти и другія мѣры и средства должны примѣняться крайне осторожно и постепенно, чтобы не возбудить подозрѣнія. При особѣ государя будетъ сначала самое малое число католиковъ; письма, особенно изъ Рима, относящіяся сюда, должны отправляться тайно; быть весьма разборчивыми, съ кѣмъ изъ Русскихъ заводить рѣчь, потому что преждевременное разглашеніе можетъ повредить дѣлу. Когда почва будетъ подготовлена, издать законъ о подведеніи всего подъ древнія постановленія соборовъ и поручить исполненіе этого закона своимъ сторонникамъ. Всё это приведетъ къ тому, что поднимутся споры, дойдетъ дѣло до государя, который явится какъ бы посредникомъ, примирителемъ, созоветъ соборъ, и тогда къ вопросу объ уніи можно приступить уже прямо. Второй Самозванецъ, котораго католики охотно отождествили съ Первымъ и котораго они думали употребить орудіемъ для исполненія этого хитраго плана, побывалъ только у московскихъ

стѣнъ: возсѣсть на престолъ Москвичи его не пустили. [1] Свои неудачи католики вымѣщали въ кощунствѣ надъ святыней, грабежѣ и убійствахъ въ тѣхъ областяхъ, коихъ не защищали московскія войска. Вотъ какъ изображаетъ бѣдствія Руси современный намъ историкъ, въ спеціальномъ изслѣдованіи, посвященномъ эпохѣ. Не ограничиваясь грабежемъ, насиліями и проч., «для посмѣянія, паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того ни почемъ было и убить. Къ соблазну благочестивыхъ, обдирали оклады съ иконъ въ церквахъ, брали чаши и утварь, клали на дискосы мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья... играли на образахъ въ карты или шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей..» [2] «И кое зло не бысть надъ нами! кая бѣда, кая напасть не покры насъ!» отчаянно восклицалъ бытописатель-очевидецъ.

---

[1] Pierling, Rome et Démétrius d'après les documents nouveaux avec pieces justificatives et facsimile. Paris, 1878 (См. крит. статью проф. Успенскаго, въ Ж. М. Н. Пр. 1884, IX); Аделунгъ, II, за соотвѣтствующіе годы; Соловьевъ, VIII, гл. II—IV; преосв. Макарій, X, гр. Толстой, I, гл. III, не лишено интереса печатающееся въ Христ. Чтеніи сочиненіе Левицкаго: Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ; о польско-литовской католической уніи, по образцу которой у насъ думали ввести ее тогда, лучшіе труды принадлежатъ перу проф. М. О. Кояловича.

[2] Костомаровъ, Смутное время, II, въ Историч. монограф. С.-Пб. 1868, V, 198—199.

[3] Авр. Палицынъ, Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря. М. 1822, 44.

Подобный натискъ католицизма только еще болѣе вооружилъ противъ него Москвитянъ и вызвалъ ихъ на то, чтобы при первой возможности воспретить въѣздъ въ Россію и простымъ католикамъ мірянамъ. Уже въ актѣ (17 августа 1610 года) о призваніи королевича Владислава на царство, какъ ни стѣснены были наши послы, намѣреніе Сигизмунда выстроить въ Москвѣ костелъ парализовалось непремѣннымъ условіемъ неуклоннаго охраненія молодымъ государемъ неприкосновенности Православной вѣры и оговоркой, чтобъ о построеніи костела онъ по своемъ воцареніи посовѣтовался напередъ съ патріархомъ [1]. Согласные, въ случаѣ крайности, признать царемъ иноземнаго принца, наши не хотѣли и слышать о поколебаніи положенія своей народной вѣры. Престолъ занялъ царь, природный Русскій и по національности, и по вѣроисповѣданію, и католики, какъ главные внѣшніе виновники бѣдствій, были по возможности отстранены, свобода общественнаго отправленія ихъ духовныхъ требъ также была стѣснена болѣе прежняго: это было отвѣтомъ на предшествовавшій насильственный натискъ католичества и предохранительною противъ него мѣрой. Когда польскіе послы, условливаясь о Поляновскомъ договорѣ, возобновили прежнее предложеніе Льва Сапѣги о костелахъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ государства для Поляковъ, бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ съ товарищами напомнилъ (17 мая 1634 года) имъ: «церквей иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ прежде не бывало и впредь

[1] Гр. Толстой, I, 86—88.

этому быть нельзя» [1]. Предохранительныя мѣры правительство простерло далѣе.

Съ цѣлью установить торговыя и политическія связи, являлись къ Михаилу Ѳедоровичу посольства отъ различныхъ европейскихъ государствъ, между ними французскій посолъ де-Гай добивался (осенью 1629 года) для французскаго купечества торговыхъ привилегій, какими пользовалась у насъ Англо-Русская компанія, свободнаго проѣзда чрезъ Россію въ Персію, неприкосновенности личнаго вѣроисповѣданія и свободы привозить для совершенія богослуженія своихъ католическихъ священниковъ. Вмѣстѣ съ устнымъ предъявленіемъ посолъ изложилъ (5 ноября) боярамъ, князю Ивану Борисовичу Черкасскому съ товарищами, свои требованія письменно. Предложеніе о вѣрѣ купцовъ было соединено въ письмѣ въ одинъ пунктъ съ предложеніемъ о торговлѣ; собственно о первой значилось: «вольно-бъ имъ жити въ своей вѣрѣ, католической, апостолической, римской, и держать у себя поповъ и учителей своей вѣры, которымъ у нихъ по ихъ вѣрѣ церковную службу служить». Противъ этого пункта думный дьякъ Ефимъ Телепневъ отмѣтилъ: «государь и патріархъ указали про то объявить послу, что торговымъ людямъ торговать по обѣ стороны повольною торговлей съ пошлинами, и ѣздить въ Московское государство, въ Великій Новгородъ, къ Архангельскому городу и къ Москвѣ, какъ ѣздятъ и иныхъ государствъ торговые люди, Англичане, Голландцы и Любчане, и быть всякому въ своей вѣрѣ, а учителямъ ксенжанамъ, іезуви-

[1] Соловьевъ, изд. 2, IX, 242; Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, Спб. 1883, III, 167.

тамъ и службѣ римской не быть. о томъ отказать накрѣпко». Бояре поступили согласно государевой волѣ, въ своихъ доводахъ къ отказу преувеличивъ даже дѣйствительное положеніе дѣла. «Вѣры у французскихъ торговыхъ людей, говорили они, царское величество не отнимаетъ, оставаться имъ всякому въ своей вѣрѣ, но попамъ и учителямъ ксензамъ іезуитамъ и службѣ римской для нихъ въ Россійскомъ государствѣ нигдѣ не быть: въ Московскомъ государствѣ не въ обычаѣ, чтобъ иноземцы держали разныхъ вѣръ ксенжей, учителей и службы; того не бывало, не будетъ и быть тому нельзя, о томъ царское величество велѣлъ тебѣ подлинно объявить». Неудовлетворенный въ просьбѣ о транзитной торговлѣ и свободѣ держать духовенство, посолъ повторилъ предложеніе. Онъ указывалъ на желаніе его короля, Лудовика XIII, и на то, что у всѣхъ другихъ иноземцевъ, которые торгуютъ въ Россіи, есть свои учители. Наши отвѣчали: «о торговлѣ и персидской дорогѣ мы тебѣ уже объявили; быть учителямъ у Французовъ въ Московскомъ государствѣ не пригоже, и у иныхъ иноземцовъ ни у кого учителей нѣтъ и впредь не будетъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось изстари». Посолъ приставалъ, ссылаясь на примѣръ Франціи, гдѣ Греки свободны въ отправленіи богослуженія и гдѣ въ одномъ Парижѣ находится двѣнадцать греческихъ церквей, на обычай Французовъ бывать у своихъ духовныхъ отцовъ по четыре раза ежегодно и на то, что «вѣры какъ греческая, такъ и папежская обѣ добры и мало не сошлися». «Мы о римской вѣрѣ и не говоримъ, объясняли ему бояре: кто въ какой хочетъ быть вѣрѣ, въ такой и остается, и государь у Француженъ вѣры не отнимаетъ,

только имъ привозить съ собой учителей не для чего: они станутъ пріѣзжать къ намъ торговать, на время, а не на житье, однолично держать при себѣ учителя у насъ не позволено, о томъ прямо отказываемъ тебѣ» [1].

Хлопоты Лудвига Гая произвели у насъ дурное впечатлѣніе: вмѣсто того, чтобъ улучшить положеніе Французовъ, они послужили къ еще большему его подрыву. Набирая (1631 года) ратныхъ людей для окончательной раздѣлки съ Польшей о престолонаслѣдіи, правительство поручало своему главному за границей агенту полковнику Лесли «нанимать солдатъ Шведскаго и иныхъ государствъ, кромѣ французскихъ людей, а Французовъ и иныхъ, которые папежскія вѣры, отнюдь не нанимать» [2]. Когда, несмотря на то, среди приглашенныхъ иноземныхъ офицеровъ оказалось нѣсколько католиковъ, тотчасъ же, вознаградивъ за проѣздъ, съ надежными проводниками выпроводили ихъ обратно [3]. По заключеніи съ Польшей мира и не опасаясь болѣе ея притязаній на престолъ, Голштинскую торговую компанію [4] обязали (1634 года) у

---

[1] Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Французскія 1629 года 15 сентября—11 ноября: «Пріѣздъ въ Москву французскаго посла Людвика Деганса». Сообщеніе графа Толстаго (I, 98), что Лудвигъ Гай «въ 1627 году... прислъ дозволенія построить въ Москвѣ католическую церковь», какъ почерпнутое у Олеарія (на этотъ разъ писателя, очевидно, не достовѣрнаго), должно быть оставлено.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Шведскія дѣла 1631 года, № 3; Собран. Госуд. грам. и догов. III, № 85.

[3] Olearius, изд. 1647, 131, 193.

[4] М. Гл. Архивъ М. Дѣлъ, Дѣла Голштинскія 1634 года, № 4; 1635 года, № 2; также въ нашемъ изслѣдованіи: Вѣроисповѣдное

насъ подъ угрозой смертной казни не привозить и не держать у себя на домахъ «римскія вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинскія вѣры людей».

Полный запретъ въѣзда въ Россію думали провести также и относительно ближайшихъ нашихъ сосѣдей. Посламъ, отправляемымъ (въ началѣ 1635 года) для закрѣпленія Поляновскаго мира присягой королевскою, написано въ наказѣ: [1] «если будутъ настаивать, чтобы польскіе купцы ѣздили торговать въ Москву и замосковскіе города свободно, отвѣчать: это дѣло нестаточное, потому что многіе польскіе и литовскіе купцы станутъ пріѣзжать въ Москву и въ другіе города, станутъ привозить съ собою учителей римской вѣры и приводить людей въ свою вѣру, а наша истинная Православная христіанская вѣра греческаго закона до сихъ поръ стоитъ крѣпко и непоколебимо и впредь также стоять будетъ Богомъ хранима и соблюдаема во вѣки, и другихъ никакихъ вѣръ у насъ не принимаютъ. Да въ Московское же государство пріѣзжаютъ иноземцы торговые люди лютеранскаго и кальвинскаго закона, а у Римлянъ съ ними за ту вѣру рознь: такъ ихъ римской вѣры купцамъ съ лютерами и кальвинами будетъ ссора, и безъ брани между ними за вѣру не обойдется». Но, стоявъ крѣпко, на пріѣздъ польскихъ купцовъ все-таки должно было согласиться.

Принимаемыя мѣропріятія не оставались на бумагѣ. Секретарь голштинскаго посольства Олеарій, [2] въ своемъ

положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, гл. VI.

[1] Соловьевъ, IX 247,

[2] Olearius, изд. 1656, 317.

отчетѣ о состояніи Россіи за тридцатые, сороковые и начало пятидесятыхъ годовъ, засвидѣтельствовалъ, что у насъ держали лютеранъ, кальвинистовъ, Армянъ, Татаръ, Персіянъ и Турокъ, но папистовъ и жидовъ не любили и не желали имѣть съ ними дѣлъ, не только что разрѣшать костелы При Алексѣѣ Михайловичѣ, впрочемъ, особенно съ учрежденія Ново-Иноземской Слободы, доступъ въ Россію для католиковъ былъ менѣе труденъ, чѣмъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ; много попадало ихъ въ качествѣ плѣнныхъ изъ Литвы и Бѣлоруссіи; такихъ селили въ Слободѣ. Нѣкоторые изъ нихъ принимали Православіе, другіе безпрепятственно держались прежняго вѣроисповѣданія,[1] только доступъ къ нимъ католическаго духовенства попрежнему воспрещался строго. Пасторъ Грегори[2] не безъ затаенной радости извѣщалъ (въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка) саксонское правительство: «Ни римскому императору, ни папѣ не удается склонить Русскихъ на сторону католиковъ, такъ что тѣ іезуиты и священники, которые проникли было сюда тайно, немедленно были захватываемы и ссылались въ Сибирь на вѣчное время, гдѣ и теперь еще многіе изъ нихъ ловятъ соболей».

Богослуженіе католики могли слушать только у священниковъ, западавшихъ иногда въ Москву въ свитѣ при

---

[1] Хранящіяся въ Архивѣ дѣла о крещеніи, въ отдѣлѣ Выѣзды въ Россію; Опись Нѣмецкой слободы 1665 года въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи (извлеченія изъ нея въ наш. изслѣдованіи: Генералъ Бауманъ и его дѣло. М. 1884, 5 — 6); издан. нами Памятники, I, № II.

[2] L. Rinhuber, Relation du voyage en Russie fait en 1684. Berlin, 1883, 15.

посольствахъ; но окружающая обстановка до того отвлекала ихъ, что они сами не охотно пользовались этимъ средствомъ. Посолъ (1661 года) императора Леопольда, баронъ Мейербергъ [1], горько сѣтовалъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ: «Русскіе всѣхъ приверженцевъ латинской церкви называютъ погаными: къ римскому же первосвященнику питаютъ еще такую ненависть, заимствованную отъ Грековъ, что никогда не хотѣли дозволить свободнаго богослуженія проживающимъ въ Москвѣ католикамъ, между тѣмъ какъ безъ труда даютъ эту свободу лютеранамъ и кальвинистамъ, зная, что они отпали отъ папы, хотя эти люди осуждаютъ такія вещи, которыя въ высокомъ уваженіи у Москвитянъ, каковы: образа, крестное знаменіе и призываніе Святыхъ... И я съ горестью видѣлъ въ Москвѣ, что нѣкоторые изъ нашихъ единовѣрцевъ такъ отвыкли отъ нашихъ богослужебныхъ обрядовъ, что хотя священникъ служилъ у насъ ежедневно, они, къ сожалѣнію, были за службой всего раза два-три, да и то кое-какъ, между тѣмъ могли бы бывать за нею всегда; не позаботились тоже очистить и свою совѣсть, сложивъ священнику на исповѣди свои грѣховныя скверны». Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича едва-ли не служили для нихъ еще проѣзжавшіе на Востокъ духовные послы и миссіонеры: доминиканцы Азарія и Антоній и патеры Испанецъ Петръ Куберіусъ и Итальянецъ Себастіанъ Каваніоли; при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ могъ тоже совершать посолъ папы Климента X, на своемъ возвратномъ пути (1677 года) изъ Персіи. При

[1] Мейербергъ, Путешествіе въ Московію въ 1661 году М. 1874, 103—104.

проѣздѣ чрезъ Россію, они, по тогдашнему обычаю, получали отъ правительства содержаніе [1]. Но ни Алексѣй Михайловичъ, ни Ѳедоръ Алексѣевичъ не разрѣшали католикамъ ни постояннаго духовенства, ни костела, отвергнувъ всѣ домогательства, особенно настойчивыя со стороны польскихъ королей.

---

[1] М. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Каѳолическія дѣла 1674 года, авг. 16, № 1: «Пріѣздъ въ Россію доминиканцевъ Азарія и Антонія, слѣдующихъ въ Персію съ прошеніемъ отъ папы, цесаря, французскаго и польскаго королей, Венеціанской республики и флорентинскаго герцога возбудить шаха къ войнѣ противъ Турокъ»; ноября 25, № 2: «Пріѣздъ въ Россію двухъ римскихъ патеровъ Испанца Петра Куберіуса и Итальянца Себастіана Каваніоли, посланныхъ чрезъ Персію въ Индію для проповѣди евангелія». Гр. Толстой, I, 98—99.

ГЛАВА II.

Временное пребываніе іезуитовъ въ Московской Ново-Иноземской Слободѣ и отправленіе ими богослуженія въ домѣ, купленномъ тайно на средства австрійскяго императора Леопольда.

Отношеніе партіи Милославскихъ къ юго-западному міру.—Возникновеніе у правительства мысли о дарованіи католикамъ постояннаго священника.—Генералъ Гордонъ и архіепископъ Себастіанъ Кнабе.—Челобитная 1684 года московскихъ католиковъ о пасторѣ и костелѣ.—Австрійское посольство въ лицѣ Жировскаго, Блюмберга и іезуита Карла-Маврикія Воты.—Іоганнъ Шмидтъ, первый поселившійся въ Москвѣ іезуитъ. — Старанія католиковъ выпросить у правительства разрѣшеніе имѣть имъ втораго іезуита въ качествѣ помощника Шмидту.—Цесарскій гонецъ Куртцъ 1685 года.—Альбертъ Дебуа, второй іезуитъ въ Москвѣ.—Іезуитъ Георгій Давидъ, преемникъ умершаго Дебуа.—Вымогательство въ Вѣнѣ у посла Б. Шереметева уравненія католиковъ въ религіозныхъ правахъ съ протестантами.—Докторъ Карбонарій и іезуитъ Товія Тихановскій.—Іезуиты изъ Польши и Франціи.—Характеръ дѣятельности московскихъ іезуитовъ. — Дворцовый переворотъ осенью 1689 года.—Первое изгнаніе изъ Россіи іезуитовъ въ октябрѣ 1689 года; ихъ корреспонденція въ періодъ изгнанія.

Съ принятіемъ власти дѣтьми Алексѣя Михайловича отъ первой его супруги, Милославской, послабленіе католикамъ должно было увеличиться. Мы уже видѣли,[1] какой характеръ принимало съ этихъ поръ отношеніе правительства къ иноземцамъ. Милославскіе, дѣйствительно, проникнуты были южно-русскими, а отсюда какъ бы и польскими тенденціями: Ѳеодоръ и Софья получили образованіе у южно-русскаго монаха Симеона Полоцкаго,

[1] Кн. I, гл. III, стр. 203 и слѣд.

слывшаго «латынщикомъ», «папежникомъ», и владѣли польскимъ языкомъ, Ѳеодоръ, кромѣ того, и латинскимъ; его супруга Агаѳія Грушецкая была родомъ изъ переѣхавшей въ Россію шляхетской семьи. При Софьѣ самымъ большимъ значеніемъ пользовался князь В. В. Голицынъ, стремившійся къ сближенію съ Европой, по преимуществу южною, католическою; изъ духовныхъ лицъ руководящая роль при Дворѣ принадлежала іеромонаху Медвѣдеву, въ католическихъ тенденціяхъ ушедшему несравненно далѣе своего учителя, Симеона Полоцкаго. Въ юго-западной Европѣ также чувствовали тогда большую, чѣмъ прежде, потребность въ Россіи. Между тѣмъ какъ посольство Алексѣя Михайловича къ юго-западнымъ государямъ съ цѣлію возбужденія ихъ къ наступательному союзу противъ Турокъ не привело ни къ чему положительному; теперь, когда султанъ началъ угрожать уже Вѣнѣ и Кракову, организуется (1683—1684) тамъ подъ главенствомъ папы союзъ, къ которому положено было привлечь московскихъ царей по преимуществу предъ всѣми христіанскими государями, съ каковыми предложеніями и являются къ намъ одно за другимъ посольства то отъ польскаго короля, то отъ цесаря. Подъ прикрытіемъ этихъ оживленныхъ дипломатическихъ сношеній снова поднимается вопросъ о духовенствѣ и костелѣ, снова проникаютъ къ намъ іезуиты, сначала въ качествѣ лицъ, состоявшихъ при посольствахъ или даже членовъ посольствъ, затѣмъ и какъ нарочитые пастыри московскихъ католиковъ. Послѣднее составляетъ небывалое дотолѣ новшество, введенію коего помогали осѣвшіе въ Россіи католики и податливость, обнаруженная самимъ правительствомъ.

Мысль о разрѣшеніи католикамъ имѣть постоянно живущаго въ Россіи пастыря созрѣвала въ правительственныхъ сферахъ; осуществленію ея мѣшало пока то, что не знали, какъ бы устроить это безъ вреда нашимъ интересамъ. По Московскому договору (1678 г.) съ Польшей, католикамъ отошедшихъ къ намъ пограничныхъ областей было обѣщано дозволеніе «богомоліе свое въ домѣхъ своихъ употреблять и за рубежъ въ ближніе костелы безъ всякаго затрудненія ѣздить [1]». Потомъ нашли болѣе удобнымъ допускать иногда изъ-за рубежа польскихъ духовныхъ лицъ, которыя могли бы отправлять требы и у католиковъ, находившихся на южно-русской военной службѣ. Однако и эта практика возбуждала справедливыя опасенія. Кіевскій воевода князь П. Прозоровскій обратился [2] (16 февраля 1683 года) въ Малороссійскій приказъ съ запросомъ: какъ поступать ему съ пріѣзжающимъ въ Кіевъ изъ польскаго города Корыстышева католической вѣры попомъ, который бываетъ въ верхнемъ городѣ у начальныхъ людей и провѣдываетъ различныя вѣсти. Ему отписали, что для исповѣди и духовныхъ дѣлъ, по челобитью начальныхъ людей, которые бываютъ на службѣ въ малороссійскихъ городахъ, присланъ будетъ пасторъ изъ Москвы, и чтобъ онъ изъ Польши въ Кіевъ римской вѣры поповъ болѣе не пропускалъ.

Изъ иноземцевъ, служившихъ въ Кіевѣ, самымъ видным былъ генералъ-поручикъ Патрикъ Гордонъ. Шот-

---

[1] Полн. Собр. Закон. II, 132, Пунктъ о вѣрѣ этого договора былъ въ сущности повтореніемъ и развитіемъ условія Андрусовскаго мира. Ibid. I, 634.

[1] Приложеніе, № II, 2, и Памят. диплом. сношеній, VII, 949—950.

ландецъ родомъ (родился 31 августа 1635 года), первоначальное образованіе получилъ онъ въ сельской школѣ, потомъ обучался въ іезуитской коллегіи въ Браунсбергѣ. Правительство, при разгоравшейся революціи, тѣснило тогда католиковъ, и Гордону, какъ члену строгой католической семьи, трудно было разсчитывать на образованіе въ какомъ-либо университетѣ. Съ двадцати лѣтъ начинается его скитальческая жизнь внѣ родины, на которую затѣмъ онъ попадалъ лишь въ качествѣ временнаго гостя. Перебывалъ онъ въ различныхъ странахъ сѣверной Европы, служилъ то подъ шведскими, то подъ польскими знаменами, и въ 1661 году опредѣлился съ чиномъ майора на русскую службу въ полкъ Кровфурта, тоже Шотландца. Революція и другія домашнія смуты завлекли въ Россію значительное количество Шотландцевъ, таковы Даліель, Бокговенъ, Уйнрамъ и другіе. Гордонъ часто встрѣчалъ у насъ своихъ земляковъ. Храбрость и военная опытность, обнаруженныя Гордономъ во время нашихъ южныхъ походовъ, связи и особенно личное знакомство съ царскимъ тестемъ, Милославскимъ, и княземъ В. Голицынымъ скоро проложили ему путь къ почестямъ. Хотя его постоянно тянуло на родину, но не менѣе сильно въ немъ было и другое желаніе—пріобрѣсть значительныя средства и служебное и общественное положеніе. Вскорѣ онъ женился на дочери полковника Бокговена; овдовѣвъ, женился снова на дочери полковника Ронера. Женатымъ было выбраться отъ насъ труднѣе, чѣмъ холостымъ; къ тому же правительство вообще всѣхъ иноземцевъ, которыхъ оно находило полезными, старалось удерживать, въ случаѣ ихъ упорства прибѣгая къ угрозамъ или наградамъ. Послѣ первой же свадь-

бы Гордонъ былъ произведенъ въ полковники (13 февраля 1665 года), потомъ получилъ чинъ генералъ-майора (1679 года) и генералъ-поручика (1683 года). За послѣднее время, съ осени 1678 года, онъ жилъ въ Кіевѣ и оставался тамъ до 1686 года, подъ различными предлогами посѣщая иногда на короткіе сроки Москву. [1]

По мѣрѣ прикрѣпленія къ русской почвѣ и возвышенія на служебной лѣстницѣ, Гордонъ все сильнѣе и сильнѣе проникался католическими интересами въ Россіи, все настойчивѣе заявлялъ о нихъ, принимая ихъ подъ свою защиту и покровительство, пока наконецъ не превратился въ главный оплотъ и орудіе іезуитской пропаганды. Не долго спустя по полученіи Прозоровскимъ увѣдомленія изъ Москвы относительно присылки въ Кіевъ пастыря, Гордонъ, подъ предлогомъ просьбы о переводѣ въ Москву или объ отпускѣ на родину, прибылъ въ столицу. Сюда скоро должно было явиться цесарское посольство, съ цѣлію заключить съ нами наступательный союзъ противъ Турціи, выпросить разрѣшеніе на пребываніе у насъ католическаго духовенства и оставить въ Москвѣ іезуита. Если Гордонъ и не зналъ объ этомъ ранѣе, то легко могъ узнать теперь и стараться о подготовленіи почвы. Въ Слободѣ онъ встрѣтился со всѣми видными католиками: Франциском Гваскони, единомышленникомъ іезуитовъ, проживавшимъ подъ званіемъ флорентинскаго купца; генералъ-майоромъ графомъ Давидомъ Вильгельмомъ фонъ-Граамъ, другомъ имѣвшихъ прибыть къ намъ пословъ, и другими. Здѣсь же видѣлся онъ съ католическимъ архіепископомъ Себастіаномъ Кнабе.

[1] Gener. Patr. Gordon, Tagebuch, I—II; проф. А. Г. Брикнеръ, Патрикъ Гордонъ и его Дневникъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, X.

Этотъ, вмѣстѣ съ двумя патерами, остановился въ Москвѣ проѣздомъ въ Персію. Онъ передалъ нашему правительству цесарскую грамоту (отъ 24 сентября 1683 года), извѣщавшую о скоромъ прибытіи изъ Вѣны пословъ, и пытался возобновить прерванныя дипломатическія сношенія Рима съ Москвой. Если не считать эпоху Самозванцевъ, то послѣ Грознаго взаимныхъ письменныхъ сношеній нашихъ государей съ папами не было вплоть до отправки (1674 года) Алексѣемъ Михайловичемъ Менезіуса, когда, снаряжая посольства къ западнымъ государямъ, правительство не обошло и папы. Такъ какъ отвѣтная папская грамота была написана безъ должнаго соблюденія царскаго титула, то Менезіусъ не взялъ ея, какъ ни вынуждали его кардиналы; тогда, для уговора о титулахъ, Климентъ X обѣщалъ прислать въ Москву особаго посла. По представленіи государямъ, Кнабе въ Посольскомъ приказѣ передалъ князю Голицыну, устно, и потомъ прислалъ письменно, что папа Иннокентій XI ищетъ и желаетъ, чтобы ссылки съ государями, затрудненныя титулами, возобновились опять, и что папа, по ревности къ размноженію всего христіанства, склоненъ писать царскій титулъ по достоинству, только бы и государи соизволили ему настоящій титулъ. Для этого архіепископъ просилъ прислать ему письменные царскіе титулы, каковые онъ отправитъ къ папскому нунцію въ Краковъ и въ Римъ къ кардиналу Чибо, первому послѣ папы лицу, чтобы то полезное дѣло утвердилось и совершилось. Возобновить сношенія наши соглашались, если папа пришлетъ, согласно обѣщанію, посла и съ нимъ правильно напишетъ титулы; при этомъ они сообщили архіепископу, какъ слѣдуетъ написать эти

гитулы, поручая ему послать ихъ папѣ и кардиналамъ. Прочтя письмо, архіепископъ предложилъ, чтобы въ титулѣ папы было «святѣйшему великому господину и отцу», а безъ этого ему такого письма нельзя-де ни принять, ни послать. Ему отказали и отпустили его на Востокъ.

Кромѣ дипломатической задачи, архіепископъ трудился надъ поднятіемъ религіознаго чувства мѣстныхъ католиковъ совершеніемъ богослуженія и проповѣдями. При мессѣ и блестящей его проповѣди присутствовалъ (13 января) Гордонъ вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Москву; въ тотъ же день Гордонъ обѣдалъ у полковника фонъ-Менгдена, и когда вернулся домой, его посѣтили знатнѣйшіе члены Слободы. Подъ впечатлѣніемъ проповѣди едва ли не вели они бесѣду и о своихъ религіозныхъ нуждахъ. Покровитель Гордона, князь Голицынъ принялъ его ласково, удостоивъ его (16 января) продолжительнаго «тайнаго разговора» не объ одномъ положеніи дѣлъ въ Кіевѣ, но и о союзѣ съ цесаремъ Леопольдомъ и Польшей и о походѣ въ Крымъ. Генералъ убѣждалъ князя въ томъ, что время было благопріятно военному предпріятію противъ Татаръ. Колеблющійся князь поручилъ ему изложить свои мнѣнія письменно, и на слѣдующій же день Гордонъ принесъ ему цѣлый трактатъ, настолько обширный и стройно составленный, что невольно возбуждается предположеніе, не былъ ли онъ подготовленъ заранѣе. Въ концѣ января явился въ Москвѣ курьеръ «секретарь» Иванъ Эбергардъ фонъ-Гёвель, тайный іезуитъ, съ порученіемъ предупредить нашихъ, что посольство, о которомъ цесарь писалъ съ архіепископомъ, задержалось, но что теперь оно скоро двинется въ путь.

21 января Гёвель былъ «на отвѣтѣ» у бояръ въ Посольскомъ приказѣ, и въ этотъ же день Гордонъ жаловался князю В. Голицыну, что католики не пользуются свободой публичнаго богослуженія, равною съ прочими иновѣрцами. Князь сказалъ ему, если католики обратятся къ государямъ съ челобитною, то возможно, что право имъ будетъ соизволено. Съ челобитной католики не замедлили.

«Царямъ государямъ и великимъ князьямъ, Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, бьютъ челомъ холопи ваши иноземцы католической вѣры генералъ-порутчикъ Петрушка Гордонъ, генералъ-майоръ графъ Давыдко Вильгельмъ фонъ-Граамъ, баронъ Морфискій, и полковники Пашка Минезіусъ, Гаврилко фонъ-Турніеръ, Александерко Левистонъ, Антошка фанъ-Шмаленбергъ и иныхъ разныхъ чиновъ начальные люди, и торговые иноземцы Франска Гвасконій, Еремка фанъ-Троинъ съ товарощами. По вашему указу служимъ и работаемъ мы, холопы ваши, вамъ по разнымъ городамъ вѣрою и правдою многіе годы, и мы, торговые люди, живя въ Нѣмецкой Слободѣ, пошлину платимъ, а молитвеннаго дома и пастыря душамъ нашимъ у насъ нѣтъ. Иноземцы лютерской и кальвинской вѣры имѣютъ и пастырей, и молитвенные дома; намъ же очищенія въ вѣрѣ нѣтъ, и отъ того чинится великое поврежденіе нашимъ душамъ. Милосердые государи, пожалуйте насъ, велите для нашего душевнаго спасенія призвать и держать пасторовъ и быть молитвенному дому, какъ имѣютъ лютеры и кальвины, и о томъ свои жалованныя грамоты дать».

2 марта архіепископъ, въ присутствіи представителей Слободы, фонъ-Граама, датскаго резидента Генриха Бутe-

нанта, датскаго посла фонъ-Горна и другихъ, произнесъ прощальное слово, послѣ чего знатнѣйшіе изъ слушателей обѣдали у Гордона. На другой день (3 марта) состоялась въ Польскомъ приказѣ резолюція на челобитную: «Выписать; о чемъ въ Посольскомъ приказѣ не вѣдомо, о томъ сослаться съ приказами памятьми». 6 апрѣля Гордонъ выѣхалъ въ Кіевъ. Бывъ еще въ Москвѣ, онъ слышалъ, что посольство приблизилось къ русскимъ границамъ [1].

Послами цесарь Леопольдъ уполномочилъ быть Жировскаго и Блюмберга [1]. Съ ними ѣхало около 80 чело-

---

[1] Приложеніе, № I; Памятн. дипломат. снош. Россіи, VI, 221—340; 929—936; Gordon, II, 3—4, 13—14.—Католическаго архіепископа Гордонъ по имени не называетъ, отсюда у Брикнера (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, III, 112) свѣдѣнія о немъ выражены въ такой формѣ: «Въ 1684 году, когда въ январѣ и февралѣ Гордонъ находился нѣсколько недѣль въ Москвѣ, здѣсь жилъ проѣздомъ въ Персію какой-то архіепископъ, пріѣхавшій изъ Рима и Вѣны». Въ Архивѣ сохранилось точное извѣстіе и о «государевомъ жалованьи» архіепископу. «Въ прошломъ во р҃ук году ѣхали чрезъ Московское государство въ Персиду папы римского арцыбискупъ Саватьянъ, да к҃ человѣка ксензовъ, да челядникъ. А великихъ государей жалованья во время бытія ихъ съ пріѣзду дано имъ въ Приказъ: арцибискупу і҃ рублевъ, к҃ ксензамъ по є҃ рублевъ человѣку, челяднику рубль. А какъ они были у великихъ государей на дворѣ на пріѣздѣ съ цесарскою и полского короля зъ грамотами, и тогда на пріѣздѣ дано имъ великихъ государей жалованья въ стола мѣсто въ Приказъ всѣмъ вопче денгами є҃ рублевъ; имъ же дано на отпускѣ всѣмъ вопче вмѣсто милостыни і҃ рублевъ». М. Гл. Архивъ М. И. Д., Цесарскія дѣла 1692 г., № 4.

[1] Статейный списокъ объ ихъ пребываніи въ Россіи изданъ въ Памятн. диплом. сношеній Россіи, VI, № XXXIII, стр. 340 и слѣд., переписка пословъ у Theiner'а въ Monuments historiques de Russie. Rome. 1859, №№ CCV, CCX.

вѣкъ; сколько тутъ было духовныхъ особъ, переодѣтыхъ и подъ вымышленными именами, сказать трудно; несомнѣнно находился іезуитъ Шмидтъ, но относительно этого старались ввести наше правительство въ заблужденіе. По тогдашнему обычаю, послы должны были представить точную именную роспись своимъ спутникамъ съ означеніемъ званія или должности, чтобы сообразно съ тѣмъ каждому оказывать почетъ и доставлять содержаніе. Въ росписи, поданной послами до въѣзда въ Москву, не упоминалось ни объ одномъ духовномъ лицѣ; только во вторичной росписи, представленной (1 іюня) уже въ Москвѣ, на слѣдующій день послѣ переговоровъ съ боярами о костелахъ и духовенствѣ, поименовано одно лицо, но и то въ такой формѣ: «господинъ Шмидтъ пасторъ». Среди остальныхъ лицъ названы: «изъ двора цесарскаго дворяне: Либердъ, Курцъ, конюшей», и другіе.

Члены Посольскаго приказа, князь В. В. Голицынъ, П. В. Шереметевъ, думный дьякъ Е. И. Украинцевъ, слушали предложеніе о костелѣ и духовенствѣ въ «четвертомъ отвѣтѣ», 31 мая. «Повелѣно имъ отъ цесаря, говорилъ Жировскій съ Блюмбергомъ, донести царскому величеству, что въ Русскомъ царствѣ, на Москвѣ, живутъ лютеры, кальвины и католики, и католической вѣры людямъ для ихъ богомолія и спасенія душъ поставить-бы костелъ; также, по братской дружбѣ и любви къ цесарю, царскія величества изволили-бы пропустить изъ-за рубежа къ Москвѣ двоихъ ксензовъ и о пропускѣ дать имъ, посламъ, царскую грамоту въ Смоленскъ, чтобы ксензамъ не было никакого задержанія». Наши предложили посламъ немного подождать ихъ въ Отвѣтной палатѣ, пока они сходятъ на Верхъ и доложатъ о томъ великимъ

государямъ. Послы подождали. Возвратясь съ Верху, ближній бояринъ съ товарищами сообщилъ имъ: «о строеніи католическаго костела и о пропускѣ ксензовъ изволяютъ великіе государи, ихъ царское величество, посовѣтоваться съ отцомъ своимъ и съ богомольцемъ святѣйшимъ Іоакимомъ патріархомъ». Характеръ и тонъ отвѣта убѣдили пословъ, что поднимать въ Посольскомъ приказѣ вопросъ снова было бы совершенно напрасно. Они его здѣсь болѣе и не касались. Ихъ приготовляли къ отпуску. Положено было выдать имъ всѣмъ, въ томъ числѣ и «пастору» Шмидту, награды, «царское жалованье»; Шмидту наравнѣ съ дворянами втораго разряда: двѣ пары соболей, по 10 руб. пара. Количество жалованья царевна опредѣлила 8 іюня; на слѣдующій день объявлено было объ этомъ Сибирскому приказу, откуда требовалось доставить соболи; на 10 іюня назначалась прощальная аудіенція.

Возвратиться, не исполнивъ своей миссіи, посламъ было неудобно. Даже отклоненъ былъ союзъ съ цесаремъ подъ предлогомъ, что намъ надобно напередъ заключить вѣчный миръ съ Польшей на условіяхъ окончательнаго закрѣпленія за нами Кіева съ прилежащими областями. Чтобы добиться союза, посламъ надо было первоначально позаботиться о нашемъ мирѣ съ королемъ. За неимѣніемъ на то полномочій, они ничего не обѣщали положительнаго. Послы продолжили было дѣло, поднятое архіепископомъ Кнабе, о сношеніяхъ царей съ папами, но папскій титулъ помѣшалъ и въ этомъ предпріятіи. За то, въ свою очередь, и послы отказались удовлетворить настойчивымъ требованіямъ нашихъ дипломатовъ, чтобы цесарь поступалъ одинаково съ царями, въ своихъ грамотахъ

писалъ имъ «величество» и отдавалъ свои грамоты нашимъ посламъ и принималъ отъ нихъ царскія грамоты своими руками, какъ пишутъ къ нему и дѣлаютъ съ его послами государи. Отпустить пословъ при подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, не было желательно и нашему правительству, особенно Голицыну, самолюбію котораго такъ усердно льстили послы. Поэтому удовлетворено было, прежде всего, ходатайство пословъ объ отпускѣ лѣсу для іезуитовъ, жившихъ по сосѣдству съ нашей границей, въ Оршѣ. Именно, послы говорили (31 мая): «когда они, по цесарскому указу, ѣхали къ царскому величеству польскими городами чрезъ Оршу, ихъ просили іезуиты донести государямъ, чтобъ они дозволили имъ на тамошнее строенье нарубить на своей царской сторонѣ бревенъ сосновыхъ 60 копъ, а въ копѣ по 60 бревенъ». «Если іезуиты, отвѣчали бояре Посольскаго приказа, желаютъ на строеніе лѣсу сосноваго, а не товарнаго, на поташъ надобнаго, они о томъ до государя донесутъ и чаютъ, что посламъ на то царскаго величества указъ будетъ». Разрѣшеніе послѣдовало, и смоленскому воеводѣ послана была потомъ (24 іюня) грамота, что если пріѣдутъ изъ Орши іезуиты за лѣсомъ, то отвести имъ въ Рѣчномъ урочищѣ въ государевыхъ черныхъ лѣсахъ, и наблюдать, чтобъ они не рубили лѣсъ, годный на поташъ, и болѣе 60 копъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ частной бесѣдѣ Голицынъ позволилъ себѣ устно обѣщать имъ свободу богослуженія и допущеніе въ Москву католическихъ священниковъ. Но устное позволеніе хотя бы и всесильнаго тогда временщика легко могло не осуществиться, и послы рѣшились затянуть свое пребываніе, чтобъ имѣть возможность какъ-нибудь оставить послѣ себя іезуита. Самъ

Шмидтъ соглашался остаться, если получитъ порядочное содержаніе и правительственное разрѣшеніе. Московская община не прочь была видѣть его у себя, лишь бы безъ обремененія для своего кармана. И вотъ 10 іюня послы вдругъ подаютъ въ Приказъ письмо къ нимъ цесарскаго гонца, который пишетъ имъ изъ Смоленска, чтобъ они подождали его, такъ какъ ему повелѣно отъ цесаря переговорить съ ними, пока они еще въ Москвѣ, «о немалыхъ дѣлахъ». Отсрочку имъ дозволили, и вниманіе Посольскаго приказа было отвлечено хлопотами то о продолженіи имъ содержанія, то о пріемѣ гонца.

Гонцу цесарь поручилъ доставить въ Москву поздравительную грамоту (отъ 24 марта 1684 года) по поводу бракосочетанія царя Ивана Алексѣевича. На пути гонецъ долго оставался въ Польшѣ, и король Янъ Собѣсскій далъ (15 мая) ему подобную же грамоту. Такъ какъ вскорѣ обнаружилось, что никакихъ особыхъ предложеній онъ не привезъ, то пріемъ ему былъ устроенъ скромный, въ родѣ того, какъ предъ тѣмъ гонцу Гёвелю. Помѣщенъ онъ былъ на Большомъ Посольскомъ дворѣ, въ Китай-Городѣ. Грамоты принялъ отъ него Голицынъ «въ государскомъ походѣ въ селѣ Воробьевѣ, на своемъ боярскомъ постояломъ дворѣ, въ шатрѣ». Съ переводчикомъ Леонтьемъ Гроссомъ гонецъ прислалъ было въ Посольскій приказъ списки рѣчей, какія онъ намѣренъ былъ произнести отъ имени цесаря и короля на торжественномъ представленіи государямъ, но ему велѣли только исправить въ нихъ царскіе титулы. На аудіенціи, въ Столовой палатѣ, онъ былъ представленъ (20 іюня) государямъ, какъ «цесарскій гонецъ и секретарь Кароль

Маврикій Вота». Рѣчей онъ не произносилъ. По обычаю, спросили его о здоровьѣ, допустили къ царской рукѣ и объявили ему, взамѣнъ стола, государево жалованье: яству и питье. Являлъ его думскій дьякъ Украинцевъ. Князь Голицынъ счелъ однако нужнымъ оказать ему свое вниманіе. Хотя по церемоніалу онъ не былъ назначенъ для присутствія на представленіи, однакоже занималъ мѣсто рядомъ съ государскимъ; впрочемъ, ту же честь онъ въ тотъ же день оказалъ и саксонскому посланному Рингуберу.[1] У насъ спѣшили скорѣе отпустить гонца, чтобы не задерживать изъ-за него пословъ. Украинцевъ писалъ подьячему Алексѣеву: «послалъ я къ тебѣ переводъ съ цесарской и королевской грамотъ: пиши тотчасъ-же на нихъ грамоты отвѣтныя, чтобы нынѣ-же къ вечеру послушать; боярин хочетъ запечатать ихъ утромъ рано. Секретарю быть у государей нынѣ послѣ полудня, да и саксонскому гончику быть же. Ради Бога, приготовь, не оплошай». На слѣдующій день грамота была готова и 23 іюня отдана гонцу въ присутствіи пословъ.

Кто былъ въ дѣйствительности Вота, или вѣрнѣе Вотта (Votta), наши, конечно, не подозрѣвали. О настоящемъ его званіи можно было развѣ догадаться изъ неяснаго намека въ королевской грамотѣ. «Сталъ на дворѣ насъ великаго государя, нашего королевскаго величества, урожденной Король Маврикій Вота, секретарь и совѣтникъ пресвѣтлѣйшаго цесарскаго величества христіанскаго. А

---

[1] Rinhuber, Relation; ср. также нашу статью. «Абиссинскій вопросъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Историческая справка по архивнымъ матеріаламъ» (о посольствахъ Рингубера). Моск. Вѣдом. 1885 г. 8 ноября, № 309.

намъ по достоинству и наукѣ и по инымъ имяннымъ примѣтамъ своимъ весьма любъ цесарскаго величества секретарь и воспочтенъ теологъ и исторіи описецъ». Замѣтимъ кстати, что продолжительную остановку его въ Польшѣ король объяснилъ застигшею его болѣзнью. [1] Изъ не-католиковъ разгадалъ «секретаря» едва ли не одинъ голландскій резидентъ Келлеръ. Онъ писалъ [2] своему правительству: «Курьеръ его величества.... іезуитъ, по имени Вота; онъ одѣвается съ такою изысканностію и изяществомъ, какъ еслибы былъ первымъ придворнымъ государя, и во всѣхъ случаяхъ открыто принимаетъ на себя титулъ имперскаго секретаря». Вота былъ весьма важнымъ членомъ іезуитской конгрегаціи; находился въ близкихъ отношеніяхъ къ главнымъ ея представителямъ и настолько былъ любимъ королемъ Яномъ Собѣсскимъ, что этотъ потомъ предлагалъ его въ кандидаты на Виленскую епископію. Какъ ни скроменъ былъ оказанный ему пріемъ, онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы придать себѣ значеніе, войти въ сношеніе съ московскими католиками, между ними особенно съ Менезіусомъ, вкрасться въ расположеніе Голицына и помочь посламъ не только оставить въ Москвѣ Шмидта, но и укрѣпить его здѣсь.

Это удалось. Шмидтъ остался. Допуская это, Голицынъ, очевидно желалъ съ одной стороны какъ бы косвенно и хотя отчасти удовлетворить челобитной мѣстныхъ католиковъ о пастырѣ и костелѣ, а съ другой—предраспо-

---

[1] Памятн. дипломат. сношеній Россіи. VI. 758—760, 769—770, 812—858, 877.

[2] Гр. Толстой I, 111—112.

ложить цесаря къ себѣ и къ уступчивости намѣреніямъ правительства. Однако это сдѣлалось безъ оффиціальнаго письменнаго объявленія. Посольскій приказъ не располагалъ никакимъ письменнымъ документомъ. Въ статейномъ спискѣ о пребываніи пословъ нѣтъ никакихъ указаній, на основаніи чего Шмидтъ могъ остаться. Впослѣдствіи, когда понадобилось Посольскому приказу справиться объ этихъ основаніяхъ, членамъ его дѣло это представлялось въ такомъ видѣ: «по отъѣздѣ съ Москвы, цесарскіе послы Жировскій съ Блюмбергомъ оставили того іезуита собою, а не по челобитью генерала Гордона съ товарищами; великихъ государей указа о томъ въ Посольскомъ приказѣ, чтобъ тому іезуиту на Москвѣ остаться, не было» [1]; «съ Москвы тотъ іезуитъ съ тѣми послы не поѣхалъ, а остался онъ на Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ; а по какому указу оставленъ, въ Посольскомъ приказѣ не вѣдомо» [2]. Этотъ фактъ былъ нѣкоторымъ сюрпризомъ для самихъ пословъ. Съ дороги Блюмбергъ писалъ Шмидту: «Іисусова собранія къ отцу Ягану Шмиту, у московскаго посольства изъ дворянъ первому, здѣсь на Москвѣ оставленному: Честнѣйшій отче, господине почтеннѣйшій! Между препонами недосужества моего при отсутствіи моемъ, съ честностію твоею по должности простится не могъ, и грѣхъ мнѣ было-бъ вытти за московскія границы безъ усерднаго желанія всяческаго благополучія и безъ благодаренія за твое пріятство и благодѣяніе, безъ объявленія же, что поминая добродѣтелей твоихъ, всегда пребывати буду, честнаго вашего отече-

---

[1] Приложеніе, № II, 2, и Памятн. дипломат. сношеній, VII, 947—948.

[2] Приложеніе, № II, 2.

ства прилежнѣйшій рабъ». Если со Шмидтомъ не успѣлъ проститься самъ посолъ, то это можно объяснить только тѣмъ, что іезуитъ остался какъ бы нечаянно, вдругъ.

Выѣзжали послы крайне медленно, съ большими остановками и многочисленными докуками Голицыну: точно будто намѣренно они старались привлекать къ себѣ все вниманіе правительства, отвлекая его отъ Шмидта. То вдругъ они стали просить, чтобы позволено было Жировскому возвратиться въ Москву, дабы дождаться тамъ цесарскаго отвѣта, то въ крайне льстивыхъ выраженіяхъ благодарили за пріемъ и удобства въ пути, то ходатайствовали за фонъ-Граама и пр. О Граамѣ просили сначала оба посла, потомъ одинъ Блюмбергъ. За покровительство Грааму, который «не только въ Англійской и Шотландской земляхъ, но и въ Римскомъ государствѣ съ знатнѣйшими и благороднѣйшими графскими родами въ свойствѣ», Блюмбергъ сулилъ Голицыну и его потомству «безсмертную славу во всей Нѣмецкой землѣ». Въ лести князю не отставалъ, конечно, и «секретарь» Вота.

«Прежде отъѣзда моего», писалъ онъ Голицыну, «весьма желалъ и радѣлъ опять предстать сіятельнѣйшему и превосходительнѣйшему вашему высочеству, чтобы воздать мою службу и должную благодарность и увеселиться лицезрѣніемъ необычайно добронравнаго князя, по истинѣ высочайшаго мужа и заслуженнаго въ сей цвѣтущей монархіи; и теперь вмѣняю себѣ въ обязанность, прежде, чѣмъ выѣхать изъ наисчастливыхъ сихъ рубежей, послать это письмо къ сіятельнѣйшему вашему высочеству, въ свидѣтельство превеликаго моего послушанія, пріятства, съ которымъ почитаю и вѣчно буду по-

читать и восхвалять изряднѣйшія ваши заслуги, и вѣчной милости, которую буду усердно исповѣдать тебѣ за сладчайшій разговоръ, которымъ меня не такъ давно ты почтилъ и въ которомъ увидѣлъ я превысокую мудрость, сіяющую въ устахъ, очахъ, лицѣ и словахъ и достойную славы по всей Европѣ, и за милосерднѣйшій пріемъ пресвѣтлѣйшихъ и велеможнѣйшихъ царскихъ величествъ». Вота обѣщаетъ не опускать ни малѣйшаго случая къ прославленію его, особенно при дворахъ цесарскомъ и польско-королевскомъ, и непрестанно молить Бога о продленіи его жизни и исполненіи желаній, изъ коихъ, какъ припоминается ему, самое лучшее—оборонять христіанскую вѣру противъ безбожнѣйшихъ непріятелей.

Отклоняя удовлетвореніе домогательствъ о возвращеніи Жировскаго, Голицынъ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ выражалъ удовольствіе на изъясняемыя ему чувства и обѣщалъ исполнить ихъ ходатайства. О Граамѣ онъ писалъ Блюмбергу: «При семъ объявляю тебѣ дружелюбно о графѣ фонъ-Граамѣ, который выѣхалъ въ государства великихъ государей нашихъ, не имѣя никакого чина; однако и тогда, видя его добронравна человѣка и въ воинскихъ дѣлахъ искусна кавалера, я радѣлъ, насколько было моей силы, о полученіи чина и удобной жизни,— и великіе государи изволили его милостиво принять въ свою царскаго величества службу и пожаловали его чиномъ генералъ-майора и многимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. Нынѣ же, по моему ходатайству и доношенію, жалуютъ его прибавочнымъ обыкновеннымъ генеральскимъ жалованьемъ, и это я учинилъ, исполняя заповѣди Божіи и видя его добронравіе, а особенно же по твоей любви и прошенію». Секретаря Маврикія Го-

лицынъ отблагодарилъ: «и я твое любовное благопривѣтствованіе пріемлю въ любовь и желаю тебѣ взаимно отъ Господа Бога добраго здравія и благополучнаго на пути пребыванія; любовь твоя и, какъ разумнаго и честнаго гражданина, поступокъ дѣльный въ моей памяти не будутъ въ забвеніи». Эти письма отправлены Голицынымъ 11 іюля; послѣдній разъ онъ писалъ имъ въ Смоленскъ 3 августа.

Замѣчательно, что о свободѣ католическому вѣроисповѣданію и о Шмидтѣ нѣтъ ни слова во всей этой корреспонденціи. Обходя здѣсь молчаніемъ и какъ бы не придавая оставленію Шмидта никакого значенія, послы совершенно иначе относились къ этому, когда представляли отчеты о своей дѣятельности своимъ западнымъ властямъ и въ особенности въ отдаленный Римъ. Предъ ними они вмѣняли себѣ это въ необыкновенную заслугу, преувеличивая при этомъ свои успѣхи и стараясь отнять другъ у друга пальму первенства: Блюмбергъ приписывалъ все своимъ дѣйствіямъ, Вота—своимъ, хотя въ то же время взаимно и хвалили одинъ другаго.

Почти наканунѣ отъѣзда изъ Москвы Блюмбергъ писалъ (2 іюля нов. ст.) папѣ: «Изъ этихъ послѣднихъ предѣловъ Европы дерзаю подойти къ священнѣйшимъ стопамъ вашего святѣйшества съ привѣтствіемъ, что наконецъ получено отъ царскихъ величествъ право постояннаго жительства обществу Іисуса въ столицѣ Московіи, гдѣ святѣйшія таинства свободно будутъ совершать священники того же ордена, и обѣщано сверхъ того особое покровительство царей. Вытекающую отсюда пользу славѣ Божіей, спасенію душъ и святому апостольскому престолу всего лучше знаетъ ваше святѣйшество, и я

не безъ заслуги помышляю, что вамъ будетъ угодно мое посильное стараніе въ этомъ трудномъ и прежде небываломъ дѣлѣ. Бо́льшаго ожидаемъ въ скоромъ будущемъ, какъ изложитъ отецъ Карлъ М. Вота, который, явившись къ этому двору столь счастливо, вполнѣ снискалъ себѣ такое расположеніе главнаго министра Василія Васильевича князя Голицына, что этотъ, для оказанія почета сему почтеннѣйшему мужу, не усомнился нарочно вызвать въ городъ царскія величества, находившіяся въ то время за нѣсколько миль. Ими онъ былъ принятъ весьма благосклонно и не безъ торжественной помпы, и въ знакъ щедраго благоволенія осыпанъ дарами соотвѣтственно мнѣнію, которое они составили относительно его превосходныхъ дарованій, способныхъ для совершенія всего великаго».

Вота началъ разсыпать похвалы себѣ еще ранѣе. «Я прекрасно принятъ московскимъ воеводой», извѣщалъ (15 іюня нов. ст.) онъ папу изъ Смоленска, на пути въ Москву, «и пользуюсь возможнымъ вниманіемъ, какъ совѣтникъ и секретарь цесарскій и посольскій—титулъ данный мнѣ, вмѣстѣ съ другимъ платьемъ, господами послами, а равно и королемъ польскимъ, для устраненія могущихъ встрѣтиться непріятностей. Смоленскихъ бояръ я нашелъ большими ревнителями христіанства и мечтающими о добрыхъ успѣхахъ въ дѣлѣ противъ общаго врага. Меня также увѣряли, что не можетъ быть дѣломъ нестаточнымъ единеніе душъ, а также и военныхъ силъ, особенно послѣ прибытія цесарскихъ пословъ, которое сопровождалось всѣмъ пріятнымъ и всею роскошью въ пріемѣ. Полковникъ Менезіусъ, католикъ, который при священной памяти Климентѣ X былъ

царскимъ посломъ въ Римѣ и со мной познакомился въ Венеціи, пришедши посѣтить меня, засвидѣтельствовалъ почтительнѣйшую покорность вашему святѣйшему и живѣйшую ревность въ отношеніи общаго дѣла. Онъ увѣряетъ, что если ваше святѣйшество напишетъ царямъ, можно будетъ ожидать плодотворнаго результата, и глубоко сожалѣетъ, что во время его миссіи въ Римъ маловажное взяло верхъ надъ существеннымъ, и надѣется, что теперь случится наоборотъ... Чрезъ недѣлю надѣюсь пріѣхать въ Москву и, согласно съ чувствами выше изъясненными и благосклонно принятыми вашимъ святѣйшествомъ и укрѣпленными вашимъ святѣйшимъ благословеніемъ, приложу всѣ силы къ служенію душамъ и святой церкви... готовый пожертвовать кровь и жизнь для этого столь праваго дѣла» и т. д. То же одновременно съ этимъ обѣщалъ онъ въ письмѣ къ кардиналу, государственному секретарю. «Положу стараніе, труды и жизнь для того, чтобы не безъ пользы послужить церкви и доказать то на дѣлѣ: въ этомъ были бы вся моя слава и удовлетвореніе».

«Положить жизнь» отъ іезуита не потребовалось. О пріемѣ и своей дѣятельности онъ, будучи въ Москвѣ, увѣдомлялъ (2 іюля н. ст.) польскаго нунція Паллавичини: «Въ прошлый четвергъ, 29 іюня, по случаю отъѣзда царскихъ величествъ на нѣсколько миль изъ Москвы, я былъ привезенъ въ мѣстопребываніе князя Голицына, перваго министра, который достоинъ самъ управлять царствомъ. Онъ прислалъ ко мнѣ одного знатнаго боярина, который отъ царскаго имени презентовалъ мнѣ богато убраннаго коня и съ большою свитой проводилъ меня до павильйона, гдѣ ожидалъ меня князь, принявшій меня

со всѣмъ почетомъ. Онъ посадилъ меня и послѣ разныхъ разговоровъ показалъ такое удовольствіе, что самъ взялъ на себя заботу позвать на завтрашній день царскія величества, чтобъ и я могъ видѣть ихъ и они меня— случай, совершенно небывалый и невѣроятный. И, дѣйствительно, ихъ величества въ его сопровожденіи пріѣхали на другой день, въ пятницу, 30 минувшаго іюня При полномъ сборѣ всѣхъ бояръ и сенаторовъ, созванныхъ для оказанія мнѣ бо́льшаго почета, я на царскомъ конѣ пышно провезенъ былъ среди народа по улицамъ и площадямъ, среди московскаго войска. Великимъ канцлеромъ (то-есть думнымъ дьякомъ) были прочитаны разныя бумаги и между ними одна, въ которой воздавалась благодарность ихъ царскихъ величествъ за то, что явился я привѣтствовать ихъ. Затѣмъ я былъ подведенъ къ цѣлованію ихъ рукъ; по прочтеніи другой грамоты, которою дозволялось мнѣ, какъ я просилъ, отправиться обратно вмѣстѣ съ господами послами, ждавшими уже болѣе двадцати дней, меня проводили домой также со свитой На слѣдующій день мнѣ принесли обѣдъ изъ блюдъ царскаго стола, сказаны привѣтственныя рѣчи и даны мнѣ подарки отъ имени ихъ величества. Можете убѣдиться въ ревности, съ которою я хлопоталъ о пользахъ религіи и общаго дѣла. Господа послы дѣлали послѣднія усилія, и Господь осуществилъ благословенія, посланныя мнѣ его святѣйшествомъ, и благожеланія и инструкціи, данныя мнѣ вами, потому что вчера наконецъ господа послы, сверхъ всякой надежды, добились опредѣленнаго постояннаго пребыванія нашего обществавъ этомъ царствѣ, и здѣсь остается отецъ Шмидтъ. Господа послы считали необходимымъ, чтобъ я отправился извѣстить короля и васъ о различ-

ныхъ обстоятельствахъ, важныхъ не только для этого пребыванія, но и о выгодахъ, гораздо бо́льшихъ для религіи католической. Я дѣлалъ все возможное, чтобы господа послы продлили свое пребываніе, но напрасно. Отецъ Шмидтъ можетъ открыть школу и будетъ имѣть собственный домъ... Мы получили отъ царей въ даръ отцамъ коллегіи въ Оршѣ 3.600 деревъ для постройки коллегіи и церкви. Что̀ скажете объ этомъ вы? Они также іезуиты и знаютъ, что я—іезуитъ. Смоленскому воеводѣ я везу объ этомъ царскую грамоту. Если отецъ Шмидтъ сумѣетъ дѣйствовать (а онъ человѣкъ очень хорошій) и начальство будетъ поступать осмотрительно и искусно, то сильно подвинется впередъ слава Господня. Я утѣшалъ этихъ католиковъ, между которыми многіе полковники и офицеры, и раздавалъ имъ сокровища отпущенія грѣховъ (индульгенціи). Простите, что при настоящей величайшей поспѣшности пишу вамъ такъ плохо. Съ нетерпѣніемъ жду минуты увидѣть васъ снова и представить устный отчетъ болѣе полный о многомъ, совершенномъ во славу Божію и святаго престола, прося васъ написать его святѣйшеству и кардиналу Чибо, что я не опускалъ и не премину до послѣдняго издыханія жертвовать всѣмъ и прилагать всевозможныя старанія для распространенія служенія Господня. Воздадимъ безконечное благодареніе Богу за эти успѣхи, которыми обязаны Его одной милости чрезъ посредство благословенія его святѣйшества и вашего и разумной и дѣятельной бдительности госпо̀дъ пословъ».

Паллавичини, впрочемъ, имѣлъ уже и другія, въ нѣкоторыхъ частностяхъ болѣе точныя, извѣстія отъ Либерта. Письмомъ отъ 25 іюня (нов. ст.) онъ извѣщалъ нунція:

«Въ моемъ прежнемъ доношеніи отъ 20 числа текущаго мѣсяца (которое ваше преосвященство получите вмѣстѣ съ настоящимъ) я подробно изложилъ все, что говорятъ католики о той легкости, съ которою, по ихъ увѣренію, можно и вводить, и отсылать отсюда священниковъ; я также писалъ, что они имѣютъ словесное позволеніе перваго министра совершать свое богослуженіе, и что господа послы получили то же самое позволеніе: итакъ, не остается никакого другаго затрудненія, кромѣ пріисканія средствъ для содержанія священниковъ. Теперь я не имѣю ничего сказать новаго вашему преосвященству, кромѣ того, что господинъ баронъ Жировскій обѣщалъ просить у перваго министра позволенія его духовнику, іезуиту, остаться здѣсь, доколѣ не прибудутъ сюда два другіе, и что отецъ Шмидтъ съ удовольствіемъ остается въ этомъ мѣстѣ, лишь бы получить позволеніе и имѣть средства существованія, безъ этого же условія онъ рѣшительно отказывается оставаться. Я постараюсь, заканчиваетъ Либертъ, чтобы тотъ и другой исполнилъ свое обѣщаніе. Въ таковой надеждѣ, католики, которые обыкновенно собирались къ обѣднѣ въ количествѣ приблизительно двадцати человѣкъ, нынѣ пришли свыше тридцати, и выражали сильное желаніе, чтобы Шмидтъ остался, лишь бы онъ имъ только ничего не стоилъ или стоилъ очень не много».

Но въ Римѣ подобныхъ свѣдѣній пока не имѣли, и потому принуждены были вѣрить на слово всѣмъ хвастливымъ извѣстіямъ пословъ. Обрадованная благопріятными вѣстями, папская курія спѣшила отблагодарить и Блюмберга, и Воту. «Великую поистинѣ радость, писалъ (16 сентября) папа Иннокентій къ барону Блюмбергу, при-

несло намъ письмо твое, которымъ ты извѣщаешь насъ о правѣ, даннымъ царями Московіи отцамъ общества Іисуса основаться въ Москвѣ и совершать тамъ церковныя службы для вѣрныхъ. Ибо хорошо поняли мы, какъ много пользы можетъ произойти для католической церкви отъ дѣятельности такихъ трудолюбивыхъ и старательныхъ работниковъ. Воздавая благодареніе благости Божіей за успѣхъ такого рода, мы особенно хвалимъ твою ревность въ проведеніи дѣла, желая тебя увѣрить, что мы не опустимъ ни одного случая ясно доказать тебѣ нашу признательность. А доколѣ посылаемъ тебѣ, любезный сынъ, со всякою любовію апостольское благословеніе». Правая рука папы, кардиналъ Чибо, прислалъ на имя Паллавичини благодарственное письмо для Воты, настолько хвалебное, что пунцій, ближе знакомый съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и самъ принимавшій въ дѣлѣ участіе, не рѣшился передать его по адресу. «Ваше высокопреосвященство, возражалъ (18 октября) онъ изо Львова, прислали мнѣ письмо для отца Воты іезуита въ отвѣтъ на его, писанное вамъ изъ Москвы, гдѣ вы говорите объ его подвигахъ, какъ они вамъ представляются. И такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ воздается хвала этому отцу за его старанія побудить царей къ дозволенію свободнаго богослуженія католикамъ и къ открытію школъ отцовъ іезуитовъ, то я счелъ за лучшее не передавать этого письма. Вмѣсто него я указалъ этому отцу на благоволеніе нашего господина за труды, понесенные имъ въ Московіи для блага религіи и союза. Это я сдѣлалъ въ силу нѣкотораго сомнѣнія, что этотъ отецъ, видя исполненіе порученія касательно религіи въ Московіи и потрудившись, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, для этого

дѣла, могъ вообразить, что онъ тому причиной и что онъ подвинулъ царей на данную милость, а это не согласуется съ дѣйствительностью, такъ какъ милость дана, судя по прилагаемому здѣсь французскому письму (отъ Либерта изъ Москвы), раньше прибытія сюда этого отца. То же самое отмѣчаетъ и отецъ-провинціалъ Литвы, который хорошо освѣдомленъ о всемъ отъ отца Шмидта, оставленнаго въ этомъ случаѣ миссіонеромъ въ Москвѣ. Посылаю и это письмо; изъ него видно, это кладется доброе основаніе этой церкви, а равно и то каковъ принципъ, даваемый школамъ, дозволеннымъ для католиковъ. Современемъ можно побудить ихъ къ привлеченію сюда и природныхъ (Русскихъ), въ каковомъ случаѣ необходимо будетъ однако дѣйствовать съ большимъ благоразуміемъ и осмотрительностію. Я охотно промолчалъ бы объ этомъ дѣлѣ, потому что оно вѣкоторымъ образомъ касается меня, такъ какъ шла работа чрезъ одно близкое мнѣ лицо, отправленное вмѣстѣ съ царскими послами въ Москву; но мнѣ казалось болѣе благопристойнымъ не позволять распространяться той ошибкѣ, въ которую, по моему мнѣнію, впадаетъ этотъ отецъ, заслуживающій, впрочемъ, большой похвалы за свою ревность и за труды, понесенные для общаго блага».

Содержаніе письма Либерта, о которомъ упоминалъ Палланичини, намъ извѣстно; что касается письма литовскаго провинціала Берента, то интересъ его еще значительнѣе. Изъ католическихъ областей, лежавшихъ за рубежемъ, оно снова переноситъ насъ въ Москву, обрисовывая первые шаги дѣятельности Шмидта, совершенные имъ въ ту пору, пока цесарскіе послы находились еще въ предѣлахъ Московскаго государства, и ближай-

шія желанія, соединяемыя съ его дѣятельностію заграничными его друзьями и руководителями. Шмидтъ старался соединить и организовать около себя католическую общину, освободить ее изъ-подъ зависимости отъ протестантской; единомышленники его заняты были заботами о его содержаніи и присылкѣ втораго іезуита въ качествѣ помощника ему.

Выразивъ радость по случаю успѣха и похвалы искусству Паллавичини, Берентъ писалъ (4 октября н. ст. изъ Варшавы) ему: «Прежде всего я забочусь о содержаніи отца Шмидта. Если нельзя будетъ помочь ему подаяніями (которыя въ этомъ царствѣ, по затруднительности обстоятельствъ, очень скудны), то я долженъ буду просить помощи у бѣдной провинціи. О посылкѣ ему товарища я уже писалъ ему; но онъ отъ 2 іюля (нов. ст.) такъ отвѣтилъ мнѣ: ««это не удобно, пока наша миссія ‹не укрѣпится прочнѣе, иначе, стремясь къ большему, ‹намъ не потерять бы всего. Между тѣмъ я надѣюсь ‹пріобрѣсти здѣсь покровительство, такъ какъ славнѣйшій князь и канцлеръ Голицынъ, равно и господа коммиссары и пристава просили меня навѣщать ихъ. Резиденты ‹голландскій и датскій обѣщали мнѣ свое покровительство››. Итакъ, какъ только этотъ ласковый и добрый отецъ проникнетъ въ милость названныхъ выше господъ, тогда получитъ возможность, при дальнѣйшемъ расположеніи, хлопотать о прибавкѣ ему товарища. Я буду ждать его указаній на счетъ того, когда нужно будетъ послать ему помощника. Въ письмѣ отъ 18 іюля (н. ст.) онъ мнѣ сообщаетъ слѣдующее: ‹‹Католическую службу ‹по мѣрѣ силъ стараюсь уставлять и улучшать здѣсь. ‹По воскресеньямъ и праздникамъ утромъ поется обѣдня

«и говорится проповѣдь, послѣ обѣда вечерню совершаю «также съ проповѣдью. Въ пятое воскресенье (послѣ «праздника Святаго Духа), которое лютеране и кальви- «нисты празднуютъ службоіі и проповѣдью въ девятомъ «часу утра, я по просьбѣ самихъ католиковъ устано- «вилъ такую же службу по римско-католическому обряду «и продолжаю ее. Я положилъ основаніе школѣ, побуждае- «мый къ этому какъ призваніемъ и службой ордена, «такъ и настущею насъ здѣсь крайнею необходимостью: «съ самаго отъѣзда цесарскихъ пословъ я не имѣю слу- «жителя при священнодѣйствіи. Начатки эти, конечно, «ничтожны, но я надѣюсь, что станутъ присылать въ «школу дѣтей католики изъ Кіева, Смоленска и другихъ «областей и городовъ, и уже два мальчика (коихъ я на- «чалъ учить читать и писать латинскія буквы; изъ нихъ «одинъ родился въ Америкѣ и тамъ имѣетъ значитель- «ное законное наслѣдство) въ четыре дня научились «порядку прислуживанія при святомъ совершеніи мессы: «ихъ услугами я пользуюсь ежедневно. Священныя пѣсни «и вечерни поютъ сами господа главные нѣмецкіе офи- «церы и купцы съ большимъ увлеченіемъ (cum magna «aviditate) то по-нѣмецки, то по-латыни; самъ я по мѣрѣ «возможности начинаю и помогаю» [1].

Протестантамъ дѣятельность его обрисовывалась въ иномъ свѣтѣ. «Католическіе послы, отмѣтилъ въ концѣ іюня того же 1684 года Лаврентіи Рингуберъ, [2] добились, что въ нѣмецкомъ городѣ Слободѣ, подъ Москвой, можетъ жить католическій патеръ (ein Catholischer Pfaff),

[1] Theiner, №№ CCX, CCXII.

[2] L. Rinhuber, Relation du voyage en Russie fait en 1684. 234.

который въ домѣ голландскаго купца Фонъ-Троенъ читаетъ для нихъ мессу, и все-таки они поютъ въ своемъ богослуженіи пѣсни блаженной памяти господина Dr. Лютера, а именно: Allein Gott in der Höhe sey Ehr, Wir glauben all an einen Gott, и патеръ при этомъ что-нибудь проповѣдуетъ. Евангелическій же пасторъ Фокеротъ со своей церковной каѳедры обыкновенно обзываетъ его старымъ лѣнивымъ пустозвономъ, разсказывающимъ людямъ басни». Рингуберъ, какъ уже знаемъ [1], прежде долго жилъ въ Слободѣ, хорошо зналъ и Фокерота, и другихъ ея дѣятелей, и находился теперь въ качествѣ посланнаго отъ саксонскихъ государей; при всемъ томъ, свидѣтельство его относительно распѣванія католиками пѣсенъ Лютера крайне не вѣроятно. Неужели можно допустить, что московскіе католики до того свыклись съ протестантскимъ богослуженіемъ или цесарское посольство настолько дорожило здѣсь благорасположеніемъ представителей протестантовъ, въ родѣ фонъ-Келлера, чтобъ ихъ іезуитъ Шмидтъ допустилъ подобную несообразность, принаравливаясь къ привычкамъ однихъ и заискивая благосклонности другихъ? Что же касается отзывовъ Фокерота, то они вполнѣ въ характерѣ этого впечатлительнаго и ревниваго пастора.

Среди католиковъ, повидимому, радовались болѣе кіевскіе, нежели московскіе. Ихъ увѣрили, что, благодаря ходатайству цесарскихъ пословъ, государи дозволили католикамъ построить церковь и содержать священниковъ. Они сдѣлали между собою раскладку, и Гордонъ увѣдомилъ (письмомъ отъ 11 августа) фонъ-Граама, посколь-

[1] См. выше, кн. I, гл. II и III.

ку каждый изъ кіевскихъ католиковъ будетъ ежегодно жертвовать на содержаніе священниковъ и другія нужды церкви, въ общемъ по 42½ рубля. Но это заблужденіе должно было скоро разъясниться. Гордонъ съ сослуживцами запросилъ (въ маѣ 1685 года) у правительства, чтобъ имъ прислали католическаго священника изъ Москвы или по крайней мѣрѣ, разъ или два въ годъ, дозволено было, пока длится миръ или перемиріе съ Польшей, приглашать въ Кіевъ священника изъ ближайшихъ польскихъ городовъ. Царскою грамотой (23 мая) на имя кіевскаго воеводы дозволялось имъ призвать на недѣлю или, по нуждѣ, и на двѣ изъ-за польскаго рубежа плебана римской вѣры и у него исповѣдаться; помѣстить его велѣно въ нижнемъ городѣ, подъ присмотромъ капитана и стрѣльцовъ, и наблюдать за нимъ, чтобъ онъ никого не подговаривалъ и не учинилъ какой-либо хитрости. И духовные пріѣзжали сюда изъ-за рубежа. Были, напримѣръ, они осенью того же 1685 года: совершали богослуженіе, крестили дѣтей, посѣтили (19 ноября) Печерскій монастырь, нѣсколько разъ обѣдали у Гордона. Одинъ изъ нихъ, патеръ Маковій, ознакомилъ генерала съ отношеніемъ Польши къ Туркамъ и Татарамъ. Иногда они проникали и далѣе. У Гордона упоминается, что въ іюлѣ того же года пришелъ въ Кіевъ одинъ доминиканскій священникъ изъ Ченчехова и послалъ въ Москву донощеніе о дѣйствіяхъ польской арміи противъ Турокъ, съ такимъ извѣстіемъ чрезъ нѣсколько дней явились въ Кіевъ еще два священника изъ Польши. Очевиднымъ ихъ намѣреніемъ было втянуть Россію въ войну съ Турціей. По случаю такихъ посѣщеній Кіева произошло столкновеніе съ духовною властью. Когда, по приглашенію ка-

толиковъ, явились (въ іюлѣ 1686 года) къ нимъ изъ Луцка два польскіе іезуита, то митрополитъ воспретилъ впускать ихъ, и ихъ выпроводили за рѣку Лыбедь. На запросъ о томъ кіевскаго воеводы, Посольскій приказъ велѣлъ, при соблюденіи указанныхъ прежде условій, то-есть на недѣлю или на двѣ и подъ крѣпкимъ наблюденіемъ, позвать плебана изъ Бѣлой Церкви. [1]

Кіевскія событія были весьма удобнымъ подспорьемъ къ задачѣ іезуитовъ добиться разрѣшенія имѣть Шмидту помощника и укрѣпить его здѣсь. Челобитная Гордона застала уже въ Москвѣ новаго цесарскаго гонца, Ивана Игнатія Куртца [2], хлопотавшаго о такомъ помощникѣ и дѣйствительно успѣвшаго въ томъ. При переваліе на русскую границу, онъ предъявилъ (въ концѣ марта 1685 года) списокъ ѣхавшихъ съ нимъ лицъ. Въ числѣ означенныхъ въ немъ семнадцати человѣкъ былъ «отецъ Дебой, духовникъ». На самомъ же дѣлѣ, какъ сейчасъ увидимъ, іезуита Дебуа съ гонцемъ не было, вмѣсто него пока пробрались, повидимому, другіе іезуиты, скрытно, подъ вымышленнымъ званіемъ.

Леопольдъ, выражая государямъ надежду на возможность союза съ ними противъ султана, благодаря «за допущенное въ царствующемъ своемъ градѣ римскаго чина тайное дѣйствованіе» и обѣщая отплатить имъ чѣмъ-либо пріятнымъ, въ своей грамотѣ (отъ 13 ноября 1684 года), присланной съ Куртцемъ, писалъ о второмъ свя-

---

[1] Приложеніе № II. 2; Памятн. диплом. сношен. Россіи. VII, 950—951; Gordon. II, 37, 87, 101—102, 113.

[2] Памятн. диплом. сношеній Россіи, VI, № XXXIV; VII. стр. 851. Theiner, № CCXIX.

щенникѣ: «Священнику, который тамъ оставленъ одинъ, товарища, конечно надобнаго, назначаемъ, прилежно вручая обоихъ милости и защищенію вашихъ пресвѣтлостей». Грамоту эту Куртцъ вручилъ на аудіенціи 21 апрѣля 1685 года Предложеніе о второмъ священникѣ не встрѣтило отказа. Слишкомъ многозначительно трактовалъ цесарь о дружбѣ и союзѣ, чтобы раздражать его въ данный моментъ. «Что касается религіозныхъ дѣлъ, увѣдомлялъ (13 мая н. ст.) гонецъ нунція Паллавичини, то хотя различные бояре высказали совершенно противное мнѣніе, однако государи рѣшили удовлетворить цесарскому желанію относительно допущенія другаго отца іезуитскаго ордена, для служенія католической религіи, и заявили о готовности содѣйствовать разрѣшенію, на построеніе католическаго храма (?). Между тѣмъ отцы [1] свободно и открыто совершаютъ службу въ весьма благоприличномъ домѣ; кромѣ того, могутъ открыто обучать дѣтей въ школѣ. На этихъ дняхъ одинъ изъ отцовъ отправится съ проѣзжею царскою грамотой въ Кіевъ къ живущимъ тамъ католикамъ, чтобы крестить дѣтей, уже достаточно выросшихъ. Въ Кіевѣ 50 католиковъ, и они заявили о своей готовности собирать ежегодно по 200 флориновъ на поддержаніе отцовъ. Все пойдетъ далѣе согласно желанію, лишь бы только отцы никоимъ образомъ не мѣшались въ государственныя дѣла и не дерзали вести корреспонденцію внѣ Москвы». Царскою грамотой (5 мая) дѣйствительно утверждалось: «а что

[1] «Interea patres libere et aperte in domo convenientissima sacra peragunt» etc (p. 295): кто и откуда появились эти «отцы», если изъ духовныхъ лицъ пользовался правомъ пребыванія въ Москвѣ доголѣ лишь одинъ іезуитъ Шмидтъ?

въ вашей, брата нашего, грамотѣ писано, что, благодаря насъ за допущенное римскаго костельнаго чина дѣйствованіе, желаете, чтобы мы ксензу вашему назначенному въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ быть позволили. и мы, для братскоіі съ вами любви и по желанію вашему, тому ксензу быть до времени указали». О костелѣ однако не было ни слова.

По втораго «ксенза», за котораго хлопоталъ цесарь, въ Москвѣ не оказалось. «Болѣзнь», задержавшая въ прежнее время іезуита Воту, послужила причиной отсутствія и іезуита Альберта Дебуа. Смоленскіі воевода Бутурлинъ доносилъ (отъ 1 мая) Посольскому приказу: 30 марта былъ отпущенъ изъ Смоленска въ Москву цесарскіі гонецъ Куртцъ съ его людьми и съ именною ихъ росписью, скрѣпленною рукоіі гонца; въ неіі былъ написанъ «исповѣдникъ ксензъ» Дебуа, но ни въ пріемѣ, ни на отпускѣ его не объявилось. О немъ гонецъ прислалъ письмо, въ которомъ было написано, что «ксензъ» посланъ съ нимъ товарищемъ, что этотъ ѣдетъ позади и чтобъ изъ Смоленска, когда онъ прибудетъ сюда, отпустили бы его къ Москвѣ, къ государямъ. И ровно чрезъ мѣсяцъ, 30 апрѣля, пріѣхалъ Дебуа на рубежъ въ Смоленскіі уѣздъ и объявилъ пограничной стражѣ, что онъ посланъ къ государямъ съ папежскими листами и передалъ ей копію съ проѣзжаго листа, даннаго ему папскимъ посланнымъ въ Варшавѣ Ефленскимъ архіепископомъ (нунціемъ Паллавичини). Въ Смоленскѣ воевода спросилъ его, почему онъ отсталъ отъ гонца, отставъ, гдѣ пробылъ и есть ли съ нимъ какіе-нибудь листы. Отсталъ онъ, сказалъ Дебуа, на королевской сторонѣ, въ Варшавѣ, за болѣзнію своею, и пробылъ тамъ, пока оправился отъ

нея; изъ Варшавы двинулся самъ-четвертъ; и есть у него къ государямъ папы римскаго листы, посланы съ нимъ изъ Рима. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дебуа передалъ воеводѣ письмо, адресованное воеводѣ отъ Жировскаго, цесарскаго посла въ Варшавѣ.

Жировскій просилъ о пропускѣ подателя, котораго онъ представлялъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланнаго. «Ѣдетъ за господиномъ Яномъ Игнатіемъ Куртцемъ отъ милостивѣйшаго моего государя къ державнѣйшимъ московскимъ царямъ чрезвычайный посланный, весьма препочтенный и изрядный отецъ Альбертъ Дебой, родомъ Нѣмчинъ, имѣя къ нимъ особое вручепіе и отъ крайняго римскаго папы, кромѣ того, что съ нимъ наказано моимъ государемъ.»

12 мая Дебуа былъ впущенъ въ столицу. 14 мая Куртцъ, хотя ему дана уже была (7 мая) прощальная аудіенція, пришелъ къ князю Голицыну съ новыми предложеніями Цесарь прислалъ-де ему съ «ксензомъ своимъ Албертомъ Дебойемъ» грамоту папы къ великимъ государямъ. Ее написалъ папа по просьбѣ цесаря, который, видя къ себѣ царскую любовь, просилъ папу возобновить сношенія съ царскимъ дворомъ, прекратившіяся за несогласіемъ въ титулахъ. Цесарь наказалъ ему поднесть ее государямъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, если напередъ черезъ князя обѣщаютъ ему въ отвѣтной царской грамотѣ написать папскій титулъ такъ же, какъ писали его восточные греческіе цари. Князь пожелалъ сначала ознакомиться съ грамотой (отъ 5 августа 1684 года) и взялъ у Куртца съ нея латинскую копію. Въ ней говорилось лишь объ общемъ союзѣ противъ султана, но о дѣлахъ религіозныхъ не упоминалось. Такъ какъ

въ ней царскіе титулы оказались написанными не по достоинству, то Куртцъ старался убѣдить нашихъ, что папа написалъ ихъ такъ, какъ сообщили ему ихъ изъ Польши, но что на будущее время онъ, узнавъ о нихъ поподлиннѣе, станетъ писать ихъ въ той формѣ, въ какой пишутъ къ государямъ цесари; въ послѣднемъ Куртцъ даже далъ (23 мая) письменное завѣреніе. Тогда составлена была отвѣтная папѣ грамота, самъ Куртцъ допущенъ снова на царскія очи, въ Коломенскомъ (10 іюня), чтобы вручить государямъ привезенную съ Дебуа грамоту. Между тѣмъ въ этой не было подписи папы, въ титулахъ замѣчено еще большее отступленіе, чѣмъ въ представленной Куртцемъ прежде копіи. Поэтому хотя отвѣтная грамота папѣ и была сготовлена, ее Куртцу не дали. Онъ вынужденъ былъ выѣхать (16 іюня) изъ Москвы безъ нея, съ одною грамотой цесарю и шестнадцатью человѣкъ своей свиты.

Неуспѣхъ Куртца однако былъ лишь кажущійся. Подъ предлогомъ затѣянныхъ имъ новыхъ переговоровъ, онъ могъ пробыть въ Москвѣ лишку болѣе мѣсяца, въ теченіе коего успѣлъ незамѣтно водворить Дебуа и на цесарскія деньги купить въ Слободѣ для іезуитовъ собственный домъ, записавъ его на имя «торговаго иноземца» Гваскони. Домъ этотъ сдѣлался потомъ, подъ тайнымъ покровительствомъ цесаря, главнымъ базисомъ затѣянной въ Москвѣ католической пропаганды.

Дебуа жилъ недолго: въ началѣ слѣдующаго года онъ умеръ. При дворѣ нуждались въ хорошемъ лейбъ-медикѣ, за которымъ обратились въ Вѣну. Этимъ воспользовались тамъ, чтобы прислать намъ преемника умершему іезуиту. Увѣдомляя Голицына, что цесарь обѣщаетъ при-

ложить все свое стараніе объ отысканіи доктора, котораго отпуститъ къ Москвѣ съ новымъ іезуитомъ, поставленнымъ на мѣсто недавно умершаго Дебуа, Жировскій присоединялъ отъ себя увѣренность, что когда іезуитъ прибудетъ на московскую границу, одинъ ли или съ докторомъ, его пропустятъ и проводятъ до мѣста свободно. Іезуита Посольскій приказъ велѣлъ (27 марта 1686 года) смоленскому воеводѣ Бутурлину пропустить только въ томъ случаѣ, если онъ явится вмѣстѣ съ докторомъ.

Съ своей стороны цесарь старался рѣшить вопросъ о постоянномъ пребываніи іезуитовъ въ Москвѣ на почвѣ дипломатической. «Недавно возвратившись къ намъ, писалъ онъ къ государямъ въ своей грамотѣ отъ 10 апрѣля 1686 года, нашъ чрезвычайный гонецъ, котораго мы посылали къ вашимъ свѣтлостямъ въ прошломъ году, принесъ намъ отвѣтную грамоту, тѣмъ благопріятнѣйшую, что посланный нами въ товарищи къ живущему въ Москвѣ ксензъ милостиво принятъ и обоимъ объявлена повольность совершать богослуженіе во градѣ Москвѣ по чину римско-католическому.» Послѣ благодарности за это цесарь прозрачно намекалъ, что если государи продолжатъ и письменно обѣщаютъ дарованную повольность и на будущее время и въ религіозныхъ правахъ сравняютъ католиковъ съ лютеранами и кальвинистами, то при врученіяхъ къ царямъ грамотъ имъ будетъ соблюдаться должная равность, а также обѣщалъ удовлетворить царскому желанію относительно искуснаго доктора. Такимъ образомъ цесарь обходилъ вопросъ о преемникѣ для Дебуа, то-есть трактовалъ не о частномъ случаѣ, а объ общемъ правилѣ. У насъ такъ его и

поняли. Грамота достигла Москвы 4 іюня 1686 года. Въ виду изготовляемаго въ Вѣну большаго посольства, думный дьякъ Украинцевъ отмѣтилъ на ней: «Великіе государи и великая государыня, благородная царевна, указали изъ сей грамоты написать великимъ и полномочнымъ посламъ, которые посылаются къ цесарю, въ наказъ, примѣняясь къ прежнимъ указамъ, чтобъ быть во всемъ равенственному чину и поведенію, а о строеніи костела отказать, а въ домѣ Римлянамъ по своей вѣрѣ молитвы отправлять невозбранно; о дохтурѣ говорить, чтобы цесарское величество, по братской любви къ нимъ, великимъ государямъ, послалъ добраго». Слѣдовательно, наши ясно угадали, чего собственно хотѣли въ Вѣнѣ: за обѣщаніе соблюдать извѣстную форму при врученіи грамотъ добиться формальнаго утвержденія правъ на постоянное пребываніе въ Москвѣ іезуитовъ и на сооруженіе костела. Подобную сдѣлку правительство нашло неудобною: іезуиты проживали теперь временно, по особой царской милости, и отъ нихъ всегда можно было освободиться; тогда же они начали бы жить по праву и всякая репрессія относительно ихъ грозила бы спокойствію и независимости нашихъ дипломатическихъ сношеній съ имперскимъ дворомъ.

Отсылая данную цесареву грамоту, Янъ Христофоръ Жировскій, бывшій посломъ въ Польшѣ, писалъ (15 мая) князю Голицыну, что докторъ, назначенный цесаремъ для государей, уже призванъ въ Вѣну, и при этомъ присоединялъ: «Поѣдетъ вскорѣ съ грамотой его цесарскаго величества къ ихъ царскому величеству почтенный отецъ Давидъ, іезуитъ, котораго по милости ихъ царскаго величества, вмѣсто покойнаго отца Дебоа на житіе благо-

умильно предаю милости вашего высочества». Вскорѣ пріѣхалъ (9 іюня) Георгій Давидъ въ Смоленскъ безъ доктора. Воевода поступилъ согласно съ имѣвшимся у него указомъ: онъ не принялъ іезуита, и этотъ вынужденъ былъ повернуть назадъ, въ польско-литовскіе предѣлы. Какъ разъ около этого времени переступилъ границу нашъ посланный въ Польшу и Австрію, подьячій Кузьма Нефимоновъ. Въ Польшѣ стали дѣйствовать чрезъ него. Литовскій канцлеръ Огинскій говорилъ ему: іезуитъ везетъ съ собою цесарскую грамоту къ царямъ и письма къ князю В. В. Голицыну, о немъ уже прежде писано, непропускъ его сочтется за недружбу къ цесарю и можетъ помѣшать не только его миссіи, но и благопріятному пріему ѣдущихъ за нимъ большихъ пословъ, потому его необходимо пропустить. Нефимоновъ извѣстилъ объ этомъ Голицына (15 іюля) и Бутурлина (25 іюля) и просилъ о пропускѣ іезуита. Со своей стороны, Георгій Давидъ побуждалъ (23 іюля) московскаго іезуита Шмидта хлопотать о немъ у Голицына, а также просилъ (письмо 1 августа) самого князя. Предъ Голицынымъ онъ оправдывался тѣмъ, что ждалъ доктора цѣлые два мѣсяца, но докторъ не спѣшилъ, и цесарь велѣлъ ему ѣхать пока одному, докторъ же можетъ прибыть вмѣстѣ съ Нефимоновымъ. Тогда Бутурлину посланъ былъ (31 іюля) указъ: «Если у іезуита окажется цесарская грамота, пропустить его къ Москвѣ и объявить ему, что прежде не пропустили его потому, что не было извѣстно о грамотѣ съ нимъ; а какъ только государи узнали, то и велѣли пропустить его». Грамоту іезуитъ показалъ, и 7 августа былъ отправленъ къ Москвѣ съ провожатымъ. Въ привезенной имъ грамотѣ (отъ 21 апрѣля) не заключалось

ничего, кромѣ ходатайства о принятіи доставителя. «Немного дней миновало, значилось въ ней, какъ послали къ вамъ грамоту, благодаря за допущеніе въ Москву втораго ксенза, назначеннаго нами къ отправленію тамъ вѣры; но пришло къ намъ иное извѣстіе, что тотъ ксензъ померъ и оставшійся опять требуетъ новаго себѣ товарища и помощника для достойнаго выполненія духовной службы. Полагаясь на вашу братскую любовь и склонность, мы увѣрены, что вы, пребывая въ томъ непремѣнномъ благоволеніи, не пожелаете ослабленія ради насъ дозволеннаго совершенія католической вѣры, и сею братскою грамотой просимъ милостиво принять доставителя ея, любезнаго намъ Георгія Давида, рожденнаго въ Германіи и украшеннаго своими поступками въ жизни, и сохранить его такъ же милостиво и подъ такою же защитой, какъ и другаго, живущаго въ Москвѣ. Онъ же, вмѣстѣ съ другими обитающими тамъ католиками, будетъ возносить Господу Богу свое моленіе о постоянномъ здравіи свѣтлостей вашихъ. Новое свидѣтельство братской любви будетъ обязывать насъ къ великимъ воздаяніямъ къ вамъ пріятства и доброжелательства». [1]

Большими послами, о которыхъ надлежало Нефимонову предупредить въ Вѣнѣ, были ближній бояринъ Б. П. Шереметевъ, ближній окольничій И. И. Чаадаевъ, думный дьякъ Протасій Никифоровъ и дьякъ Иванъ Волковъ. Теперь намъ можно было заключать съ Австріей наступательный союзъ противъ Турціи, потому что беречь свои военныя силы на случай борьбы съ Польшей на-

[1] Памятн. дипломат. сношеній, VI, 986 — 992, 1293 — 1304, 1611 — 1616, VII, 564—566.

добности не видѣлось: съ нею заключили (26 апрѣля 1686 года) вѣчный миръ на условіи окончательнаго закрѣпленія за нами Кіева и нашей помощи ей противъ султана и крымскаго хана. Король обязывался не притѣснять православныхъ за ихъ вѣроисповѣданіе, католики же въ Русскомъ государствѣ могли «вѣры своей вольное употребленіе въ домахъ своихъ имѣть» [1]. Поэтому наши послы смѣло возобновили въ Вѣнѣ дѣло о союзѣ и вѣчномъ мирѣ государей съ цесаремъ и объ уравненіяхъ сношеній между дворами [2]. Въ подтвержденіе своихъ требованій о «равенственномъ чинѣ» они ссылались на обѣщанія Жировскаго и на грамоту самого Леопольда. «Равенственный чинъ» касался собственно двухъ вопросовъ: титула «величество» и отданія грамотъ. Первый вопросъ вѣнскіе дипломаты, канцлеръ Кенигсенъ съ товарищами, старались отклонить совсѣмъ; втораго же вопроса они думали коснуться, насколько при посредствѣ его можно было вынудить у нашихъ пословъ закрѣпленіе за московскими католиками религіозныхъ правъ, то-есть права общественнаго богослуженія, пребыванія въ Москвѣ іезуитовъ и постройки костела. «Отдавать грамоты иностраннымъ посламъ собственноручно, говорили (5 апрѣля 1687 года) они нашимъ, у цесаря никогда не было въ обычаѣ; если сдѣлать исключеніе для московскихъ пословъ, запросятъ того и другіе государи Жировскій, когда былъ въ Москвѣ, обнадеживанія никакого о томъ не далъ. Онъ ходатайствовалъ лишь о позволеніи быть въ Русскомъ государствѣ ксензамъ рим-

---

[1] Полн. Собр. Закон., II. 776—777; Соловьевъ, изд. 2, т. XIV, 15.

[2] Памятн. дипломат. сношеній, VII, № XXXVI.

ской вѣры для отправленія богомолья, и бояре, по указу государей, объявили ему, что государи быть тому указали, а также говорили ему о грамотахъ и о титулахъ, но Жировскій обѣщалъ только донести о томъ цесарю. Что же до грамоты 10 апрѣля 1686 года, то, насколько они помнятъ, въ ней писано, чтобы государи позволили въ своемъ царствующемъ градѣ Москвѣ быть ксензу и для римскаго чину дѣйствованія построить костелъ; буде укажутъ то учинить, тогда и обнадеживалась равная взаимность въ отданіи грамотъ. Этого желаетъ цесарское величество и нынѣ, чтобы государи позволили въ царствующемъ градѣ Москвѣ построить костелъ съ колоколами, имѣть іезуитамъ школы, крестные ходы и погребеніе отправлять явно, по обычаю римскому. Имѣете уполномочіе о томъ, мы учинимъ съ вами договоръ, по которому государи обѣщаютъ за себя и за наслѣдниковъ такую свободу, а цесарь — врученіе грамотъ изъ своихъ рукъ.»

Взгляды вѣнскихъ и московскихъ дипломатовъ совершенно расходились; притомъ же наши послы, повидимому, ничего не знали о данномъ будто бы Жировскому отъ именн государей обѣщаніи касательно пребыванія въ Москвѣ іезуитовъ. Шереметевъ со своими товарищами строго держались наказа и потому отвѣчали: «Ксензу, о которомъ писано въ цесарской грамотѣ, чтобы быть въ Москвѣ на мѣсто умершаго ксенза, и чтобы Римлянамъ отправлять молитвы въ ихъ домахъ, великіе государи позволили для братской къ цесарю дружбы и любви, и впредь возбранено то не будетъ; и начинать объ этомъ и договоры чинить совсѣмъ не годится: дозволено оно по любви и дружбѣ, а не для какой-либо взаимности и не

по договору. Объ отданіи же грамоты цесаремъ они, послы, настаиваютъ устроить договоръ въ виду того, что государь отдаетъ грамоты изъ своихъ рукъ, значитъ, соотвѣтственно тому долженъ отдавать грамоты изъ своихъ рукъ и цесарь» Какъ бы пропустивъ мимо ушей доводы пословъ, дипломаты развивали свои требованія. Живущій теперь на Москвѣ ксензъ писалъ-де имъ, сенаторамъ, по почтѣ, что по милости царскаго величества употребленіе римской вѣры въ домахъ имѣть повелѣно, только не дозволено ему держать колоколовъ, между тѣмъ какъ лютеране имѣютъ при своихъ киркахъ колокола невозбранно; потому они, сенаторы, по волѣ цесаря предлагаютъ имъ, полномочнымъ посламъ, чтобы государи указали тому ксензу имѣть для богомолія колокола невозбранно, такъ какъ римская вѣра къ благочестивой вѣрѣ ближе, чѣмъ лютеранская. Въ Москвѣ, возразили наши, въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ лютеране отправляютъ богомолье, колоколовъ нигдѣ нѣтъ и никогда не бывало; богомолье Римлянамъ дозволено по многому прошенью цесаря для братской дружбы, безъ принужденія.

Повторить этотъ отказъ понадобилось также Жировскому, который пришелъ (9 апрѣля) къ посламъ съ цѣлію провѣдать, не поручено ли имъ еще какихъ статей, кромѣ предъявленныхъ. Услыхавъ отъ нихъ, что пока не получатъ удовлетворенія на прежнее, никакихъ новыхъ предложеній они не предъявятъ, Жировскій старался убѣдить ихъ, почему нельзя цесарю согласиться на непосредственную отдачу грамотъ, и прибавилъ: «еслибъ и изволилъ цесарь для братской любви и дружбы къ царямъ склониться на отданіе грамотъ, то въ соотвѣтствіе тому надобно, чтобъ и со стороны ихъ цар-

скаго величества уступка какая-нибудь цесарю взаимно учинилась —при посольскихъ договорахъ всегда уступаютъ другъ другу. Цесарь желаетъ, чтобы цари позволили и нынѣ и впредь быть въ Москвѣ іезуитамъ и построить имъ костелъ и училища и явно имѣть колокола и все дѣйство по обычаю римскому». Послы опять указали на натяжку въ смѣшеніи этихъ условій, на то, что «дѣло о вѣрѣ и костелахъ къ договорамъ не належитъ».

Такъ какъ переговоры не могли двигаться далѣе до полученія отвѣта вѣнскаго правительства на предложенныя статьи, то онъ былъ присланъ. Посольскій переводчикъ Чижинскій перевелъ его, и въ грамотѣ наши вычитали, что на союзъ цесарь согласенъ, дать же титулъ «величество» зависитъ не отъ одного его, а ото всѣхъ подчиненныхъ ему властителей. А что касается вручения грамотъ, то цесарское величество опять обѣщаетъ ихъ давать самъ посламъ перваго и втораго чина, «но присовокупивъ и повторивъ явственнѣйше то обереженіе, что это будетъ, когда ихъ царское величество соизволятъ на Москвѣ явное католической вѣры ученіе, костелы съ колоколами, школы, погребальные ходы и иное по обычаю римскаго костела и за себя и за своихъ наслѣдниковъ на вѣки подтвердятъ»; непосредственная отдача грамотъ продолжится, «сколько со стороны царскаго величества будетъ чиниться удовлетвореніе тому обереженію».

Наши подвергли это письмо весьма жестокому разбору. Русское государство, разъясняли (16 апрѣля) они сенаторамъ, всегда болѣе помогало Цесарскому, чѣмъ Цесарское Московскому; государей московскихъ примѣнять къ королямъ не годится, они—самодержцы, кото-

рымъ множество государей и князей подчинено несравненно сильнѣе, чѣмъ цесарю, и имъ принадлежитъ «величество» по всему достоинству; отдавать грамоты цесарь долженъ самъ изъ уваженія только къ тому, что такъ поступаютъ московскіе государи. «А о костелахъ и о вольности ученія и поминать тутъ не годилось, потому что царское величество, по желанію цесарскаго величества, позволили быть въ царствующемъ градѣ Москвѣ ксензамъ и отправлять службу людямъ римской вѣры въ своемъ дому невозбранно, и то учинили великіе государи изъ воли своей по любви къ брату своему, къ его цесарскому величеству, а не по должности какой и не по принужденію; а чтобы за отданіе грамотъ изъ цесарскихъ рукъ посламъ и посланникамъ царскаго величества позволить быть костеламъ и вольному ученію и въ томъ обязаться царскому величеству и за наслѣдниковъ своихъ, и упоминаться было о томъ и такою взаимностію отягчать непристойно, объ этомъ и слышать не годится. Римскіе костелы въ Русскомъ царствѣ никогда не бывали, и впредь тому быть невозможно. Если же великіе государи позволили, по желанію цесаря, отправлять католикамъ службу въ своихъ домахъ, то довелось бы принять въ великую любовь, а не почитать за что-нибудь взаимностью». Сенаторы ослабили свои требованія. Но чтобы сгладить отступленіе, они слишкомъ преувеличили свои мотивы. Они говорили: костеловъ и колоколовъ ксензы въ Москвѣ хотя имѣть и не будутъ, такъ какъ ни лютеране, ни кальвины кирокъ (?) и колоколовъ не имѣютъ; но какъ только лютеране и кальвины станутъ имѣть кирки и колокола, то чтобъ указали государи Римлянамъ костелы тогда имѣть».

Послы настояли также, чтобы сенаторы грамоту исправили, въ окончательной ея редакціи исключили условіе о костелахъ, колоколахъ и о всемъ до вѣры касающемся, обѣщаясь довести ихъ желаніе до свѣдѣнія государей и безъ означенія того въ грамотѣ.

Обѣщанія вѣнскіе дипломаты не исполняли. Къ посламъ явился (17 апрѣля) имперскій секретарь Франциск Винандъ съ извѣстіемъ отпуска имъ на слѣдующій день. Быть на отпускѣ и видѣть цесаревы очи наши изъявили готовность, съ условіемъ, чтобъ имъ показали напередъ образецъ отпускной грамоты, дабы убѣдиться, все ли написано въ ней по достоинству и выключено-ли условіе о вѣрѣ. Секретарь былъ откровеннѣе сенаторовъ: онъ сообщилъ имъ, что о костелахъ въ грамотѣ не написано ничего; что же касается училищъ и вѣры и потвержденія этого государемъ за себя и за наслѣдниковъ, то все это внесено, такъ какъ хотя государи и позволяютъ теперь быть въ Москвѣ ксензу и молитвы въ домахъ отправлять, только безъ подтвержденія государскаго оно не надежно. Лишь патріархъ, приказные люди или иные захотятъ выгнать изъ Москвы того ксенза, ему нельзя сказать противъ того ни одного слова; если же государь утвердитъ и за наслѣдниковъ своихъ, то не только нынѣ, но завсегда и впредь ксензамъ и училищамъ существовать будетъ надежно и крѣпко. На этомъ основаніи секретарь высказалъ свое предположеніе, что цесарь исключить изъ грамоты такое условіе не согласится. «Въ такомъ случаѣ мы и грамоты не возьмемъ», отвѣчали наши. Поднялись новыя ссылки и пререканія пословъ съ канцлеромъ; этотъ прислалъ сказать, что цесарь исключить условія объ училищѣ и вѣрѣ не соизволяетъ. Про-

спорили весь день; на слѣдующій день отпуска не состоялось. По отношенію къ посламъ употребили репрессію. Леопольдъ выѣхалъ изъ Вѣны въ свои виллы, каковой отъѣздъ Жировскій объяснилъ нашимъ въ томъ смыслѣ, что цесарь, узнавъ объ ихъ рѣшимости не брать грамоты съ условіемъ о вѣрѣ, подумалъ, что они на отпускѣ у него быть не хотятъ. Посламъ грозила опасность уѣхать безъ прощальной аудіенціи. Тогда они положили: пусть цесарь напишетъ въ своей грамотѣ о вѣрѣ— это въ его волѣ, но только никакъ не подъ условіемъ взаимности отдачи грамотъ, а въ видѣ своего личнаго предложенія и съ оговоркой, что такого предложенія, подъ условіемъ отдачи грамотъ, они, послы, не приняли. Цесарь въ Вѣну воротился, и имъ назначили новый день отпуска (25 апрѣля); но въ принесенномъ къ нимъ образцѣ отпускной грамоты опять обнаружилась хитрость: вписано болѣе, чѣмъ говорили и обѣщали послы. Именно: послы будто бы передали цесарю, что государи дали вольность римскимъ католическимъ іезуитамъ и ксензамъ не только пребывать въ Москвѣ и отправлять «вѣры римско-католической нравъ и обхожденіе», но и распространять ее по домамъ и совершать общественные ходы и погребенія, и будто бы послы обнадежили, что государи и впредь всему этому быть безъ помѣшки соизволятъ. «Передай сенаторамъ, замѣтили послы секретарю, мы говорили имъ только, что Римлянамъ въ Москвѣ въ домахъ по своей вѣрѣ молитвы отправлять теперь невозбранено, и впредь то возбранено не будетъ; такъ же пространно, какъ въ спискѣ написано, мы о вѣрѣ не говорили и не обнадеживали». Образецъ грамоты они возвратили назадъ. Стали стращать пословъ и требовать

отъ нихъ сильнѣе прежняго: цесарь взялъ-де грамоту къ себѣ, измѣнять въ ней ничего не велѣлъ, такъ что канцлеру опасно докучать ему объ измѣненіяхъ; онъ нынѣ же оставляетъ Вѣну, посламъ придется выѣзжать безъ отпуска. Послы выразили удивленіе, какъ можетъ то случиться, чтобы канцлеръ не смѣлъ доложить цесарю о такомъ важномъ дѣлѣ: споры постоянно бываютъ во взаимныхъ сношеніяхъ, и канцлеры о нихъ всегда доносятъ государямъ.

Всѣ средства къ понужденію пословъ на уступки были истощены, и вѣнскій дворъ рѣшилъ отпустить (того же 25 апрѣля) пословъ съ тою же честію, съ какою они были приняты. Грамоту обѣщали переписать согласно заявленіямъ пословъ, но копіи съ нея, какъ бы за поспѣшностію, до представленія имъ вовремя не показали: копію наши получили уже на пути ко дворцу, такъ что они не могли ни перевести, ни прочесть ее. На представленіи цесарь вручилъ имъ грамоту изъ своихъ рукъ. Оговорка, что послы взять на себя обязательства не захотѣли, была въ грамоту дѣйствительно внесена, но вмѣстѣ выражено и полное убѣжденіе, что государи, за согласіе цесаря отдавать собственноручно грамоты, подтвердятъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ явное отправленіе католическаго богослуженія и ученія и пребываніе въ Москвѣ іезуитовъ. Въ отпискѣ въ Москву, съ пути, о результатахъ своего посольства послы особенно выставили, что, завѣряя о невозбранности ксензу ради царской къ цесарю дружбы продолжать въ своемъ дому богомолье, объ учиненіи договора касательно строенья костела и свободы общественнаго богослуженія и ученія они «отказали впрямь».

Съ своей стороны и вѣнскіе дипломаты были крайне туги на уступки. Не было еще удовлетворено даже ходатайство о присылкѣ искусныхъ докторовъ. Наше правительство снова просило (грамота 7 ноября 1687 года) о нихъ. Дипломаты рекомендовали (лѣтомъ 1688 года) теперь двухъ врачей, Якова Пелярино, православнаго по вѣроисповѣданію и родственника Лихудамъ, и Григорія Карбонарія, католика. Тотъ и другой у насъ были немедленно зачислены на царскую службу, но съ отпускомъ Пелярино въ Вѣнѣ замедлили подъ предлогомъ, что его отправятъ вмѣстѣ съ Іоанникіемъ Лихудомъ, когда этотъ будетъ возвращаться изъ своего посольства въ Венецію; отправкой же Карбонарія спѣшили, такъ какъ съ нимъ долженъ былъ проникнуть въ Москву преемникъ іезуиту Шмидту.

«По указу цесарскаго величества, обратился (11 августа 1688 года) Шмидтъ къ государямъ и царевнѣ Софьѣ съ челобитной, оставленъ я, богомолецъ вашъ, для духовныхъ дѣлъ, тому назадъ пятый годъ, и нынѣ, ради старости моей, позволено мнѣ отъ генерала моего возвратиться во-свояси, но, по болѣзни и старости, также и по приближающейся осенней безпутицѣ и стужѣ, дожидаться мнѣ того священника, которому на мое мѣсто быть велѣно, невозможно. Милосердые государи, велите дать мнѣ проѣзжій листъ и подводы до рубежа, сколько вамъ обо мнѣ Богъ извѣститъ». Насколько «старость» и «болѣзнь» были причиною отозванія изъ Москвы этого сравнительно сдержаннаго и осторожнаго іезуита, сказать трудно: онъ былъ затѣмъ ректоромъ іезуитскихъ школъ въ Ризселѣ и Браунсбергѣ, и въ 90-хъ годахъ Гордонъ часто переписывался съ нимъ. Шмидта не держали и отпустили до литовской границы

на двухъ казенныхъ подводахъ. Изъ Смоленска онъ благодарилъ (письмо 29 августа) своего московскаго покровителя, князя В. В. Голицына: «Сіятельнѣйшій и высочайшій князь, государь и милостивѣйшій предстатель! Отстоя тѣломъ, но присутствуя сердцемъ, обязаннымъ многими благодѣяніями, покорно простираюсь къ ногамъ пресвѣтлѣйшихъ царскихъ величествъ и колѣнамъ твоего сіятельнѣйшаго высочества, принося вѣчную благодарность царскимъ величествамъ за многочисленнѣйшія ко мнѣ милости, и чрезъ меня всему Іезуитскому ордену, а твоему сіятельнѣйшему высочеству—за преизрядную и никогда не могущую достаточно прославиться милость въ принятіи и защищеніи меня. Преблажайшій Богъ, благихъ всѣхъ Творецъ и Воздатель, да благоволитъ даровать царскимъ величествамъ многолѣтное и цѣлое здравіе и блаженство, а тебя, вмѣстѣ съ твоимъ домомъ и родомъ, обогатитъ всѣми благами; я же, пока буду живъ, помня о твоемъ благодѣяніи, не престану молиться о твоемъ здоровьѣ и вездѣ, по всей Европѣ, разславлю твое благодѣяніе, а нашъ орденъ, разсѣянный по всей вселенной, за оказанное тобою мнѣ добро всепокорно и усердно будетъ почитать тебя. Сіятельнѣйшаго высочества твоего нижайшій рабъ и богомолецъ Янъ Шмидтъ, іезуитъ».

Понятны мотивы этой неумѣренной лести и обѣщаній славы по Европѣ. Всевластный временщикъ тѣмъ вызывался на новое покровительство іезуитамъ. Ему трудно было послѣ того отказать въ замѣнѣ выбывшаго іезуита новымъ, ѣхавшимъ съ докторомъ Карбонаріемъ. Жировскій убѣждалъ Голицына принять доктора со всѣмъ вниманіемъ, такъ какъ этотъ выбранъ самимъ цесаремъ; Лео-

польдъ, рекомендуя Карбонарія, подкрѣплялъ и отправку іезуита.

«Сіятельный, по истинѣ любезный намъ, писалъ (10 декабря 1688 года) цесарь Голицыну. Что вѣры нашей римско-католической дѣйствованіе, на Москвѣ дозволенное, по настоящее время спокойно совершается, признаемъ то по преимуществу вашимъ служеніемъ, за которое воздаемъ вамъ особенную благодарность. А такъ какъ посылаемый на дѣйствованіе ея намъ любезный іезуитъ, священникъ, добродѣтельный и правдивый мужъ, боится, какъ бы отъ незнающихъ и недоброжелательныхъ не подвергнуться обидѣ, то считаемъ полезнымъ утвердить его сею рекомендательною грамотой не только предъ державнѣйшими царями, по союзному образцу, но также и предъ вами. Оказывая, по извѣстной вашей готовности къ совершенію намъ пріятнаго, свое пріятство названному отцу и соблюдая ему милость вашихъ государей, преумножите нашу благодарность и наше цесарское благоволеніе».

Грамота къ государямъ заключала въ себѣ ту же просьбу. «Съ тѣхъ поръ какъ свѣтлость ваша вѣры нашей римско-католической совершеніе въ государствахъ своихъ ради насъ позволили, мы неуклонно заботимся, чтобы посылаемы были такіе духовные, которые, славясь болѣе другихъ ученостію и нравственностью, удостоились бы свѣтлости вашей милостиваго призрѣнія. Потому посылается туда богомолецъ, любезный намъ Товія Тихавскій, іезуитъ ксензъ, котораго высокія достоинства хотя сами собою отрекомендуютъ себя предъ вашею свѣтлостью, однако еще этою грамотой считаемъ нужнымъ снабдить его, братски и усердно домогаясь, чтобы ваша свѣт-

лость не отрицались милостиво принять, утвердить и противъ злорадныхъ, если окажутся, обидъ милостиво защищать и оборонять, чѣмъ учините великую пріятность, обязывающую насъ ко взаимности».

Эти рекомендаціи представилъ Тихавскій или Тихановскій въ Посольскій приказъ, 11 февраля 1689 года. Его приняли милостиво. На цесарской грамотѣ къ государямъ была лишь сдѣлана, рукою дьяка Ив. Волкова, помѣта: «быть ему; а буде прежній похочетъ ѣхать въ свою землю, и того прежняго отпустить» [1]. «Прежній», конечно, ѣхать не захотѣлъ, и они оба, Георгій Давидъ и Товія Тихоновскій, спокойно остались на Москвѣ. На это, какъ равно и на то, что цесарь такъ произвольно разпоряжается назначеніемъ новыхъ іезуитовъ, не справившись напередъ о желаніяхъ и выборѣ правительства, у насъ пока какъ бы не обращали вниманія.

Удачи Австрійскаго двора возбуждали завистливое соревнованіе въ сосѣднемъ съ нами Польскомъ дворѣ. Посолъ Огинскій писалъ изъ Москвы (1686 года 1 мая

---

[1] М. Гл. Архивъ М. Ин. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1685—1690 годовъ, № 7: «Выѣздъ въ Россію по государеву призыву цесарскаго доктора Григорія Карбонарія и съ нимъ лѣкаря Игнатія Абера, аптекаря Ягана Перзеновскаго и іезуита Товія Тихановскаго»; 1689 года, № 5: «Въѣздъ въ Россію доктора Григорія Карбонарія»; Дѣла Католическія 1688 года, № 1: «Отпускъ изъ Москвы римскаго патера іезуита Іоанна Шмидта и благодарственное письмо его къ боярину князю Голицыну». Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи, VII, 324—333, 336—337, 353—356, 390—392; Рихтеръ, Исторія Медицины въ Россіи, II, 303—312, и прилож. № LV.

н. ст.): «Отъ августѣйшаго императора приняты здѣсь два іезуита; такъ нужно, чтобы получили хоть одного отъ нашего славнѣйшаго короля». Мѣсто онъ готовилъ для Бартоломея Меллера. Однако этому обосноваться не удалось, какъ равно не остался въ Москвѣ и іезуитъ, пріѣхавшій (10 дек. 1687 г.) было сюда съ слѣдующимъ польскимъ посломъ. Завязавшіяся болѣе тѣсныя сношенія съ Польшей повели къ учрежденію взаимнаго резиденства. Такъ какъ на подобную должность могъ попасть въ Москву лишь Полякъ, и конечно ученикъ іезуитовъ; то, хотя резиденты допущены у насъ на условіи простаго домашняго «моленія по своей вѣрѣ», Полякамъ естественно было разсчитывать на пребываніе при немъ духовной особы. Первый резидентъ Юрій Доминикъ Довмонтъ, родной братъ одного изъ польскихъ іезуитовъ, дѣйствительно, какъ увидимъ, не однократно домогался завести при себѣ іезуита или ксенза [1].

За польскими іезуитами попали французскіе. Лудовикъ XIV снарядилъ іезуита Филиппа Авриля отыскать дорогу въ Китай сухимъ путемъ, новую и болѣе безопасную, чѣмъ извѣстная дотолѣ морская. Авриль со своимъ спутникомъ, тоже іезуитомъ, сѣлъ (1685 года) въ Ливорно на корабль, побывалъ въ Сиріи и Грузіи, по восточному берегу Чернаго Моря проникъ на европейскій материкъ и достигъ Астрахани, гдѣ просилъ себѣ пропуска чрезъ Сибирь въ Китай. Обоимъ іезуитамъ велѣно было явиться

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Польскія 1689 г.; Дѣла Католическія 1690 г. № I. Theiner, № CCXXVIII, p. 304; Cordon, II, 206—207; Posselt, I, 442.

въ Москву, а затѣмъ возвратиться во Францію. Когда затѣмъ нашъ посолъ князь Яковъ Долгорукій прибылъ въ Парижъ, то министръ Кольберъ убѣждалъ его, чтобы государи, въ интересахъ распространенія христіанской религіи, разрѣшили французскимъ іезуитамъ безпрепятственно проѣзжать чрезъ Россію въ другія восточныя страны. «Посламъ и гонцамъ, отвѣтилъ Долгорукій, путь чрезъ Россію свободенъ; что же касается другихъ лицъ, то на это ему наказа нѣтъ,онъ донесетъ о томъ до великихъ государей». Между тѣмъ пріемомъ, оказаннымъ во Франціи князю Долгорукову, у насъ были крайне недовольны; спустить этого высокомѣрному Лудовику XIV наши не хотѣли. Случай представился скоро. Авриль и Боволье доставляютъ въ Москву грамоту своего короля, въ которой излагалась просьба о пропускѣ ихъ въ Китай. Несмотря на внимательность къ нимъ Голицына, 31 января 1688 года имъ объявили въ Посольскомъ приказѣ: «Королевское величество французскій въ грамотѣ своей, которую вы объявили, писалъ противно и не по обычаю, и для того великіе государи этой грамоты принять у васъ и чрезъ города великороссійскаго царства въ Китай пропускать не указали, а указали грамоту отдать вамъ назадъ и отпустить во свою сторону тою же дорогой, какою вы пріѣхали. Да и для того великіе государи васъ пропустить не указали: когда у короля вашего были царскіе послы, тогда государь вашъ во время посольства ихъ показалъ многую противность съ безчестіемъ на сторону ихъ царскаго величества». Авриля мы видимъ въ Москвѣ еще разъ. 23 января 1689 года онъ хоронилъ Брабандца Эбергарда де-Рулье, казненнаго въ Слободѣ за убійство полковника Шульца, послѣ чего, вмѣстѣ съ другими

духовными лицами и польскимъ резидентомъ, посѣтилъ Гордона. Теперь онъ попалъ сюда едва-ли не вмѣстѣ съ польскимъ посломъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ сопровожденіи четырехъ іезуитовъ, изъ коихъ были два Француза, два Нѣмца; для нихъ посолъ хлопоталъ о правѣ проѣзда въ Китай. Рѣшеніе, по словамъ Келлера (1 февраля и 1 марта 1689 года), вышло такое: «оба Француза ѣхать далѣе не смѣютъ, но должны воротиться съ посломъ; двое другихъ, Нѣмцы, рекомендованные римско-императорскимъ дворомъ, могутъ остаться здѣсь, пока не будетъ извѣстно, окончились ли переговоры о мирѣ между римскимъ императоромъ и султаномъ и включены ли въ этотъ союзъ ихъ царскія величества». «Если, замѣчаетъ отъ себя резидентъ, послѣднее, противъ всякаго ожиданія, не случится, то іезуиту не будетъ позволено ни проникнуть въ Россію, ни оставаться въ ней». Келлеръ доносилъ также своему правительству: «посланному объявлено, чтобы на будущее время такихъ людей въ Россію болѣе не привозили [1]».

Іезуитамъ легче было воротиться чрезъ Россію съ Востока, нежели пробраться туда. Такъ, въ началѣ 1686 года одинъ изъ іезуитовъ, возвращавшихся изъ Китая,

---

[1] Gordon, II, 243—244; Posselt, I, 442—446; Аделунгъ, II, 230—231; Соловьевъ, изд. 2, т. XIV, 64—65. Сообщеніе проф. Брикнера (Журн. Мин Нар. Просв. 1878, III, 114), будто бы Авриль былъ преемникомъ у насъ Шмидта, принять нельзя: оно основано на неточномъ установленіи связи между различными фактами, переданными въ Дневникѣ (II, 236, 245) Гордона.—Съ цѣлью узнать о характерѣ переговоровъ цесаря съ султаномъ отъ насъ ѣздилъ тогда въ Вѣну гонецъ Алексѣй Васильевъ. Памятн. диплом. сношен. VII, стр. 361 и слѣд.

даже старался разстроить наши отношенія съ китайскимъ императоромъ, распространивъ между прочимъ о немъ молву, будто онъ принялъ католицизмъ. Едва-ли не о немъ же говоритъ Гордонъ въ началѣ 1686 года. Такъ какъ правительство приказало этому іезуиту удалиться, то Гордонъ, бывшій въ то время въ Москвѣ, домогался выхлопотать (1 янв.) ему отсрочку на восемь дней. Дѣло затянулось. Гордонъ и Менезіусъ пришли (10 янв.) къ князю Голицыну, не заставъ его дома, дожидались до вечера, ужинали съ нимъ и кстати просили за священника. Князь обѣщалъ доложить государямъ. На слѣдующій день Гордонъ обѣдалъ у князя, но никакого отвѣта о «католическомъ священникѣ» не услыхалъ, что объяснилъ тѣмъ, что должно имѣть терпѣніе [1]. Недолго спустя, извѣстный намъ архіепископъ Себастіанъ Кнабе отправилъ имѣвшагося при немъ Пія, ходатайствуя за него у князя Голицына. «Думаю, помнитъ высочество твое, писалъ (изъ Испагани, 28 апрѣля 1686 года) онъ князю [2], какъ два года тому назадъ, когда я проѣзжалъ чрезъ счастливое государство пресвѣтлѣйшихъ царей, пресвѣтлѣйшія очи ихъ видѣлъ и подалъ грамоты цесаря и короля польскаго; я же съ вѣчнымъ обязательствомъ буду всегда помнить о всѣхъ благодѣяніяхъ, пожалованныхъ мнѣ великими государями чрезъ посредство милости твоего высочества. И теперь, отпущенный изъ Персидскаго цар-

[1] Gordon, II, 118; Posselt, I, 439—440.

[2] М. Гл. Архивъ М. Ин. Д., Дѣла Католическія 1686 года, № 1: «Переводъ съ рекомендательнаго письма къ боярину князю Голицыну отъ находившагося въ Персіи римскаго архіепископа Себастіана Кнабе о спутникѣ его Піи Вильгельмѣ». Пам. диплом. сношен. Россіи, VI, 993—994.

ства и желая идти къ своей Нансіанской епархіи, самъ возвратиться не могу, вмѣсто себя посылаю сего грамотоносца, спутника моего Пія, и покорно прошу за него, чтобы потоки своего благоволенія, изліянные прежде на меня, изволилъ изліять и на сего, далъ ему вольный проѣздъ чрезъ Московское государство. Эту милость не только прославитъ отецъ Пій у цесаря и у иныхъ христіанскихъ государей и королей, но буду и я всегда ее прославлять».

Кромѣ іезуитовъ, пріобрѣвшихъ въ Москвѣ нѣкоторую осѣдлость, такимъ образомъ въ ней почти постоянно находились еще іезуиты, какъ бы случайно западавшіе въ нее, то при нарочитыхъ къ намъ посольствахъ, то проѣздомъ на Востокъ или съ Востока. Обыкновенно они намѣренно старались затянуть время остановки въ нашей столицѣ. Слѣды этого не замедлили отразиться. «Много шуму, доносилъ (5 февраля 1686 года) своему правительству голландскій резидентъ Келлеръ, надѣлали здѣсь опасныя и широкія интриги, которыя повсюду направляютъ католики противъ протестантовъ. За нѣсколько дней начали они распространять при Дворѣ свое худое мнѣніе о протестантахъ и ложно обвинять какъ лютеранъ, такъ и реформатовъ въ томъ, что оба ихъ вѣроисповѣданія оскорбляютъ и поносятъ Дѣву Марію. Разсказываютъ, будто эти обвиненія, написанныя на славянскомъ языкѣ, были принесены во Дворъ и тамъ были читаны».

Это обстоятельство подало Келлеру поводъ вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе обрисовать участіе Гордона, съ года на годъ дѣлавшагося все болѣе вліятельнымъ и фанатичнымъ

представителемъ католическихъ интересовъ въ Москвѣ и недругомъ протестантства. «Это, писалъ о немъ резидентъ, папистъ очень ревностный, вооруженный противъ протестантовъ и стремящійся, чтобъ его взгляды раздѣляли многіе Шотландцы и другіе офицеры... По здѣшнимъ слухамъ, Гордонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые выдумываютъ ложныя обвиненія на протестантовъ, и своими дѣйствіями достигъ того, что выгнанный уже іезуитъ [1] получилъ позволеніе остаться здѣсь и совершать мессу».

Задѣтый такъ близко, Келлеръ, какъ главный защитникъ протестантскихъ интересовъ въ глазахъ нашего правительства, естественно не опускалъ случая противодѣйствовать новымъ врагамъ. Онъ самъ говорилъ, какъ старался онъ препятствовать домогательству французскихъ іезуитовъ пробраться на Востокъ чрезъ Россію. Отъ подобныхъ путешествій онъ ожидалъ лишь худаго. Особенную подозрительность возбуждали въ немъ іезуиты польскіе.

«Польское королевство, писалъ (1 февр. 1689 г.) онъ своему правительству, разсадникъ этихъ учениковъ Іисуса, и если будетъ ихъ много отправляться въ Индію, Персію и Китай, какъ съ такими людьми недавно проѣхалъ въ Испагань польскій посолъ, то іезуиты не надѣлаютъ добра. Слишкомъ извѣстно, что Польская нація въ тѣсномъ союзѣ съ іезуитами, и поляки и іезуиты покорные слуги римскаго престола».

Неудивительно, что католическая церковь организова-

---

[1] Тотъ, который старался разстроить наши отношенія съ Китаемъ.

лась, и преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ Гордонъ переселился на жительство въ Москву. Домъ, въ которомъ совершалось богослуженіе, московскіе католики называли и костеломъ [1]. 5 мая 1687 года, въ день Вознесенія Господня, была освящена церковная палатка и совершено въ ней богослуженіе; Гордонъ пригласилъ въ этотъ день къ себѣ на обѣдъ священника, полковниковъ и другихъ офицеровъ. Какъ лучше устроить дѣла, Гордонъ совѣщался особенно съ Гваскони. Совершеніе богослуженія принимаетъ характеръ болѣе открытый и торжественный. Въ Дневникѣ Гордона значится: «1 ноября (1688 года) торжественно справляли праздникъ Всѣхъ Святыхъ, съ вокальною и инструментальною музыкой»; втораго (того же мѣсяца) справляли они (католики) поминовеніе всѣхъ умершихъ такимъ же образомъ» [2].

Товія Тихановскій и Давидъ обратили свою энергію, повидимому, не столько на внутреннюю организацію, сколько на вопросы внѣшніе. Приглашенные Посольскимъ приказомъ въ качествѣ экспертовъ по дѣлу объ ученіи извѣстнаго протестантскаго мистика Квирина Кульмана,

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Выѣзды въ Россію 1686 г. сент. 28—3 генв. 1687 г., № 15: «Слѣдственное дѣло о застрѣлившемся въ Москвѣ изъ Нѣмецкой Слободѣ Французѣ графѣ Кумейнѣ». Майоръ Балтасаръ Деложеръ на допросѣ показывалъ о себѣ: 28 сентября 1686 года, сходя въ домъ застрѣлившагося Кумейна, своего земляка и иновѣрца, «послѣ того съ того двора пошелъ онъ, Балтасаръ, въ костелъ католицкой и нашелъ въ немъ ксенза да майора Менезіуса да Еремея Фанъ-Троина и Логина Мартынова, просилъ ихъ, чтобъ его, графа, имъ погребсти и устроить по немъ, какъ достоитъ по ихъ вѣрѣ».

[2] Gordon, II, 171, 210, 234; Posselt, I, 435—450.

между прочимъ для сужденія о взятыхъ у него сочиненіяхъ: «Прохладительный псалтырь» и «Свѣтъ изъ тьмы», они отозвались объ его ученіи весьма рѣзко, какъ о крайне опасномъ и подозрительномъ. О первомъ изъ названныхъ сочиненій писали они: «Еслибы кто сталъ читать пророчества и пѣсни, какія въ этой книгѣ напечатаны, тотъ можетъ не только впасть въ соблазнъ, но лишиться и христіанской вѣры; это—книга поистинѣ злоплевельная и бунтующая малодушныхъ людей противъ истинной христіанской вѣры». Не лучше, по ихъ мнѣнію, и вторая книга: она нѣсколько разъ сжигалась цесаремъ на площади, какъ подъ покровомъ вѣры возбуждающая противъ него, государя, къ бунту; много въ ней также противъ вѣры римской и напечатано пророчество о пріемѣ Поляками въ короли себѣ московскаго государя. Іезуиты, конечно, были рады замѣшательству, возникшему въ протестантской общинѣ, и старались увеличивать его [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ они пытались завлекать въ свою школу русскихъ мальчиковъ и внушать имъ католическія мысли; втираясь въ дома вельможъ, набрасывали тѣнь на православное,

---

[1] Изданные нами Памятники, I, № VIII, и наше изслѣдованіе: Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи, 84—85. Однако, какъ дѣлаютъ нѣкоторые протестантскіе писатели, взваливать всю вину несчастія съ Кульманомъ на іезуитовъ, основаній нѣтъ. По этому сообщенію (Arnold, Kirchen und Ketzerhistorie, III Th., 19 Kapit; Grot, I, 264—265), Кульманъ будто бы раскрылъ какой-то политическій заговоръ іезуитовъ, которые, чтобы избѣжать казни, привлекли на свою сторону церковную партію и, подъ предлогомъ еретичества, отдали его подъ уголовный судъ. Мы уже знаемъ (кн. I, гл. III, стр. 240—245), какое важное участіе принимали въ этомъ дѣлѣ также московскіе пасторы.

распространяли въ Москвѣ пропагандическія книги на русскомъ языкѣ и католическіе образа, въ видахъ совращенія православныхъ; косвенно едва-ли даже не разжигали поднявшіеся у насъ тогда споры о религіозныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о пресуществленіи и пр. Получая тайно содержаніе отъ цесаря, они выставляли себя безсребренниками, притворяясь чистыми, въ то же время совершали преступленія противъ самыхъ основныхъ своихъ монашескихъ обѣтовъ. Такъ несомнѣнно извѣстно, что у іезуита Давида было нѣсколько любовницъ; одна изъ нихъ, дѣвица, осталась послѣ него беременною, и царскій докторъ Карбонарій, «костельный» учитель Ѳома и другіе помогали ему прикрыть то отъ людскихъ глазъ. Іезуиты служили также тайными агентами нѣкоторыхъ католическихъ правительствъ для сообщенія имъ о политическихъ въ Москвѣ дѣлахъ.

Дворцовыя дѣла между тѣмъ приняли крайне острый характеръ. Петръ былъ вынужденъ (8 августа 1689 года) бѣжать въ Троице-Сергіевскій монастырь. Около него собрались «потѣшные», часть стрѣльцовъ и боярства, патріархъ, многіе изъ жителей городовъ и селеній, готовые, въ случаѣ надобности, защищать его права противъ честолюбивой правительницы Софьи и ея сторонниковъ. Софья заговорила о мирѣ, но вполнѣ увѣренные въ успѣхѣ Петръ и его партія не хотѣли и слышать о томъ. Заготовлялся уже царскій указъ объ исключеніи изъ царскаго титула имени правительницы; въ Нѣмецкую Слободу принесли приказаніе молодаго государя явиться къ нему служилымъ иноземцамъ въ полномъ вооруженіи. Видя, что вѣсы неудержимо клонятся на сторону Петра, и понимая какъ бы изъ-за дальнѣйшаго выжиданія «не

потерять головы», Гордонъ и другіе иноземные офицеры тайно, не предупредивъ своего ближайшаго начальника, князя В. В. Голицына, оставили (4 сентября) Москву и на другой день лично изъявили Петру свою преданность. Софьѣ былъ посланъ приказъ удалиться въ монастырь, на высшія должности назначены были родственники и сторонники Петра, приверженцы Софьи наказаны, правая ея рука, князь В. В. Голицынъ сосланъ; но воротился Петръ въ Москву не тотчасъ. 15 сентября онъ, въ сопровожденіи своего двора, отправился къ Александровской слободѣ на военныя экзерциціи, которыми, согласно его повелѣнію, распоряжался Гордонъ. Здѣсь въ первый разъ такъ близко и надолго сошлись съ молодымъ государемъ высшіе военные представители Слободы. Гордонъ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Петромъ и, должно быть, много новаго и интереснаго сообщалъ ему. Молодой государь слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, совѣтовался съ нимъ и въ знакъ расположенія подарилъ ему нѣсколько вещей. Изъ-за спины Гордона тянулись къ Петру и другіе иноземцы, чѣмъ подготовлялось то кольцо, которымъ потомъ они старались окружить его.

Военныя упражненія продолжались около недѣли, затѣмъ (21 сентября) Петръ воротился въ Лавру и отпустилъ иноземцевъ въ ихъ Нѣмецкую Слободу, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ встрѣтиться съ ними. Гордонъ же еще нѣкоторое время оставался при немъ.

Вниманіемъ Петра къ иноземцамъ въ Москвѣ были, повидимому, озадачены. Старорусская партія, съ патріархомъ Іоакимомъ, не могла смотрѣть на это равнодушно. Еще при Софьѣ, предъ вторымъ походомъ въ Крымъ, Іоакимъ не совѣтовалъ посылать туда иноземъ-

ныхъ офицеровъ и особенно Гордона, и вдругъ теперь, въ моментъ паденія Софьи, эти иноземцы, во главѣ съ Гордономъ, этимъ важнѣйшимъ мѣстнымъ орудіемъ католической пропаганды, около Петра и становятся его совѣтниками [1]. Такая поспѣшность Гордона и его единомышленниковъ съ цѣлью пріобрѣсть теперь значеніе при Петрѣ не могла пройти имъ даромъ. Ударъ направился туда, гдѣ всего менѣе, повидимому, ожидали его. Въ Москвѣ стали энергично хлопотать объ удаленіи изъ Россіи друзей и руководителей Гордона, іезуитовъ Давида и Товіи Тихановскаго, и безъ того надоѣвшихъ духовной власти своею пропагандой. Особенныхъ дипломатическихъ затрудненій къ тому не было. Если императоръ Леопольдъ самовольно назначалъ и присылалъ въ Москву іезуитовъ, то со своей стороны наше правительство никогда не связывало себя обязательствомъ непремѣнно держать ихъ, позволяло имъ оставаться лишь «по любви къ цесарю», а на рекомендательныя грамоты о послѣднихъ изъ присланныхъ цесаремъ іезуитовъ, Давидѣ и Товіи, оно не посылало ему даже никакого письменнаго отвѣта. Слѣдовательно, правительство всегда было вольно удалить ихъ, если находило почему-нибудь ихъ дальнѣйшее присутствіе вреднымъ или ненужнымъ. Сдѣлавъ изъ прежнихъ оффиціальныхъ актовъ подробную выписку объ условіяхъ и времени пребыванія у насъ іезуитовъ и убѣдясь въ своей здѣсь полной независимости, въ Посольскомъ приказѣ рѣшили немедленно удалить ихъ, тѣмъ

[1] Объ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ между Петромъ и иноземцами во время катастрофы см. въ указанномъ выше нашемъ изслѣдованіи: Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи, гл. IV.

болѣе что съ паденіемъ Милославскихъ наша политика по отношенію къ юго-западнымъ государствамъ должна была подвергнуться ѣспльному измѣненію. И если еще въ началѣ этого года, т.-е. еще во время владычества Софьи, прозорливый Келлеръ предугадывалъ возможность недопущенія въ Москву іезуитовъ; то теперь эти догадки могли осуществиться безпрепятственно. Петру было еще не до противодѣйствія, и царскій указъ долженъ былъ состояться.

Но такъ какъ всѣ правительственныя распоряженія писались отъ имени обоихъ государей и удаленіе Петра къ Троицѣ обозначалось просто «государскимъ походомъ», то хотя Петръ былъ еще въ Лаврѣ, а царь Іоаннъ въ Москвѣ, въ резолюціи, писанной рукой думнаго дьяка Е. И. Украинцева, значилось: «198 (1689) года сентября въ 30 день великіе государи, слушавъ сей выписки въ своемъ государскомъ походѣ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, указали свой государской указъ: въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ цесаря римскаго іезуитамъ Давиду и Товіи сказать, что для дружбы и любви ихъ государской къ цесарскому величеству позволено было имъ побыть на Москвѣ на время; и по тому ихъ государскому указу жили они на Москвѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ многое время, а для чего цесарское величество просилъ у нихъ, великихъ государей, о житіи ихъ іезуитскомъ на Москвѣ и о укрѣпленіи ихъ, и того своего намѣренія подлинно имъ, великимъ государямъ, его цесарское величество никогда, ни чрезъ грамоты свои, ни чрезъословъ и посланниковъ, не объявилъ и не открылъ. Прежде же сего съизстари, при предкахъ ихъ государскихъ, въ Московскомъ государствѣ іезуиты цесарей

римскихъ и королей польскихъ никогда не живали и малое время, потому что цесарскаго величества римскаго подданныхъ шляхетскаго чина и торговыхъ людей въ Московскомъ государствѣ нѣтъ и никогда не пріѣзжаютъ, которые бы были римской вѣры, а какіе и есть, человѣкъ пятъ или шесть, и тѣ живутъ по своей волѣ, а не поневолѣ, и вольно имъ для употребленія своей вѣры выѣзжать въ государство цесарскаго величества. Къ тому жъ, великимъ государемъ билъ челомъ и просилъ у нихъ, великихъ государей, святѣйшій киръ Іоакимъ, московскій и всея Россіи и сѣверныхъ странъ патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, что іезуиты живутъ на Москвѣ многое время безъ дѣла, вопреки обычаю государевыхъ предковъ, при которыхъ они въ Московскомъ государствѣ никогда не живали, хотя и многократно домогались того папы и цесари; живя нынѣ на Москвѣ, они чинятъ много противнаго Святой Соборной Апостольской церкви и ея догматамъ своими печатными письмами, образами на полотнахъ и роговой кости и иными соблазнами, между тѣмъ какъ у Святой Соборной Апостольской церкви съ западнымъ римскимъ костеломъ много несходнаго, Римъ отпалъ отъ нея; по причинѣ такихъ препятствій, великіе государи іезуитамъ больше жить въ Московскомъ государствѣ не дозволили бы. И великіе государи указали нынѣ отпустить тѣхъ іезуитовъ къ цесарскому величеству во всякой своей государской милости: велѣли дать имъ на отпускѣ своего государскаго жалованья соболями на сто рублей человѣку, до литовскаго рубежа подводы, пристава и провожатыхъ, и доставить ихъ до рубежа съ честью и береженіемъ. Жили они до сихъ поръ временно, по указу царскаго

величества и по прошенью цесаря, и цесарскому величеству прежде сего о томъ объявлено, что дозволено жить на Москвѣ іезуитамъ на время, договоровъ и никакого укрѣпленія у нихъ съ цесаремъ, чтобъ іезуитамъ жить на Москвѣ, нѣтъ и не бывало, и они по силѣ сего государева указа въ путь свой сбирались бы и выѣзжали, приставъ и подводы имъ готовы; объ отпускѣ ихъ съ Москвы укажутъ великіе государи объявить цесарю впредь чрезъ своихъ посланниковъ, когда случится посылка, или нарочно чрезъ почту своею царскою любительною грамотой» [1].

Іезуитовъ позвали (2 октября) изъ Слободы въ Посольскій приказъ къ думному дьяку Украинцеву съ товарищами. Здѣсь имъ былъ объявленъ царскій указъ объ ихъ отпускѣ съ объясненіемъ мотивовъ, причемъ было

---

[1] Введенный, очевидно, въ заблужденіе датой документа «198 года» и придавъ выраженію «государскій походъ» смыслъ обычной отправки государей въ Троице-Сергіевъ монастырь на богомолье, почтенный и обыкновенно точный въ передачѣ фактовъ авторъ «Римскаго католицизма въ Россіи» (I, 115—117) пишетъ: «Въ 1688 году государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, по примѣру своихъ предковъ, отправились на богомолье къ Троицѣ. Здѣсь патріархъ Іоакимъ, опечаленный уже волненіями раскольническими и видя новую опасность для православія извнѣ, съ Запада (объяснивъ государямъ причины)... просилъ изгнать іезуитовъ... Православный патріархъ одолѣлъ на этотъ разъ временщика» (князя В. В. Голицына). Изгнаніе случилось въ 1689 году, по паденіи Софьи и низверженіи Голицына, когда Петръ оставался въ Троицѣ послѣ своего бѣгства туда. Эта неточность и ввела въ заблужденіе профессора Брикнера, который выразился: «въ 1689 году какіе-то іезуиты должны были уѣхать изъ Москвы» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, III, 115).

особенно настойчиво указано на ходатайство объ ихъ высылкѣ патріарха, разъяснившаго государямъ, что «іезуиты прежде въ Московскомъ государствѣ нигдѣ не имѣли пристанища, потому что они Святой Соборной Восточной Апостольской церкви и ея догматамъ чинятъ противность и расколъ, и людей прельщаютъ, и римской вѣрѣ научаютъ». Объявивъ имъ указъ, отъ нихъ потребовали, чтобы «въ путь свой готовились безъ замотчанія». Не желая утратить такъ искусно веденное ими въ Москвѣ дѣло, іезуиты употребили всѣ средства, чтобы замедлить исполненіе указа, надѣясь тѣмъ выиграть время или совсѣмъ уклониться отъ выѣзда. Они запросили себѣ позволенія списаться сначала объ ихъ отпускѣ съ цесаремъ и дать имъ сроку, пока они продадутъ въ Нѣмецкой Слободѣ домъ, купленный ими изъ казны цесаря, и пока успѣютъ собраться сами. Дозволить имъ списываться съ цесаремъ значило-бы безъ надобности вмѣшивать его сюда и вызвать, быть можетъ, даже дипломатическое столкновеніе; оставить на ихъ волю, когда они соберутся сами и продадутъ домъ, равнялось бы разрѣшенію на нескончаемыя проволочки и интриги. И имъ сказано: писать имъ цесарю не для чего, по ихъ отъѣздѣ о томъ отпишутъ цесарю государи сами вмѣстѣ съ другими дѣлами, какія случатся; сроку же имъ для продажи двора и сборовъ дается два дня. Не успѣвъ лично, іезуиты обратились къ содѣйствію польскаго резидента Юрія Довмонта. Этотъ просилъ (3 октября) Украинцева ходатайствовать предъ государями объ оставленіи при немъ изъ высылаемыхъ хотя одного іезуита. Украинцевъ выразилъ ему удивленіе, какъ это онъ проситъ оставить при себѣ чужаго подданнаго, не польскаго, а цесарскаго.

Въ назначенный день для отъѣзда (4 октября) іезуиты снова были приглашены въ Приказъ за полученіемъ государева имъ жалованья на отпускѣ. Пришелъ одинъ Давидъ, сообщивъ о своемъ сослуживцѣ, что онъ замедлился исповѣдывая болящаго иноземца. Украинцевъ отдалъ ему жалованье за обоихъ и убѣждалъ выѣзжать изъ Москвы не медля: теперь имъ легче-де ѣхать, пока до распутицы отъ дождей или отъ заморозковъ; провожатые и подводы до литовскаго рубежа имъ готовы. Принявъ жалованье, Давидъ обѣщалъ, что оба они выѣдутъ слѣдующимъ утромъ, рано. 5 числа они дѣйствительно покинули Нѣмецкую Слободу въ пятомъ часу дня, день пробыли и ночевали въ Ямской Дорогомиловской слободѣ, откуда потомъ двинулись далѣе, къ Смоленску. Каждому изъ нихъ было дано по двѣ подводы, провожали ихъ Посольскаго приказа подьячій Аѳанасій Васильевъ и три стрѣльца. Смоленскому воеводѣ И. А. Мусину-Пушкину послана грамота о пропускѣ іезуитовъ за рубежъ безъ задержки. Такимъ вниманіемъ къ высылаемымъ правительство надѣялось посмягчить въ Вѣнѣ непріятное впечатлѣніе извѣстія о высылкѣ. Не дорожа въ такой степени, какъ при Софьѣ, союзомъ съ цесаремъ, правительство однако не желало и раздражать послѣдняго, войти съ нимъ въ столкновеніе. Къ нему была отправлена особая грамота (11 дек.), въ которой значилось, что, для его цесарскаго величества прошенія и братской любви, тѣ іезуиты были на Москвѣ въ добромъ почитаніи и охраненіи, затѣмъ пожалованы царскаго величества милостивымъ жалованьемъ и къ его цесарскому величеству отпущены со всякимъ удовольствованіемъ, каковой отпускъ учиненъ безъ препятствія къ продол-

женію прежней съ нимъ дружбы [1]. Правительство держалось здѣсь на строго вѣжливой дипломатической почвѣ: оно не считало нужнымъ сообщать вины іезуитовъ, что̀ могло бы придать характеръ какъ бы жалобы на нихъ и укора цесарю за присылку подобныхъ въ Москву лицъ; не упомянуло даже о перенятыхъ у іезуитовъ письмахъ, которыя компрометировали ихъ и въ нравственномъ, и политическомъ отношеніяхъ.

Эти письма, какъ и вообще вся корреспонденція іезуитовъ въ періодъ ихъ изгнанія, въ высшей степени интересны и важны для характеристики ихъ авторовъ, іезуитскихъ дѣйствій и плановъ. Не диво, что правительство, ознакомясь чрезъ то поближе съ ихъ авторами, не только такъ отдѣлалось отъ этихъ лицъ, но рѣшило не допускать въ предѣлы своего государства вообще ни одного изъ членовъ Іезуитскаго ордена.

При разставаніи съ Нѣмецкою Слободой, Давидъ и Товія поручили учителю католической школы преподавать дѣтямъ вѣроученіе и по праздникамъ читать и пѣть для общины нѣсколько пѣсенъ въ «церкви», впредь до дальнѣйшаго цесарскаго рѣшенія. Съ пути они отправили въ Москву нѣсколько писемъ. Въ тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли полуоффиціальный характеръ, они сообщали о своихъ «страданіяхъ» и убѣждали видныхъ представителей общины не приглашать никакихъ духовныхъ лицъ, кромѣ іезуитовъ, обнадеживали ихъ на свое возвраще-

---

[1] М. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д., Дѣла римско-католическія 1689 года: «Дѣло о высылкѣ изъ Россіи іезуитовъ». Памятн. дипломат. сношеній, VII, 547—579, 596; Полное Собраніе Законовъ, III, № 1351; Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, IV, № 203.

ніе; въ письмахъ интимнаго характера заключались секретныя распоряженія и порученія о дѣлахъ крайне компрометирующихъ нравственное достоинство ихъ сана. Большая часть этихъ писемъ перенимались Посольскимъ приказомъ, написанныя по-нѣмецки переводились на русскій языкъ и читались государямъ, одно италіянское осталось безъ перевода, вѣроятно за неимѣніемъ въ Приказѣ надежнаго италіянскаго переводчика.

«Нока совершенно не оставилъ Русскую землю, писалъ (14 октября) изъ Смоленска Давидъ генералъ-майору фонъ-Граму, я исправляю еще свою достойную должность и приношу благодарность за всякое доброе пріятство и почитаніе, оказанное мнѣ, обѣщая исполнить все, что̀ мнѣ приказано. По настоящее время мы только однажды опрокинулись вмѣстѣ съ нашими каретами, и то нынѣ, подъ Смоленскомъ, куда мы пришли, какъ непріятные гости, и, не могши найти себѣ подворья, были вынуждены помѣститься въ домѣ великаго литовскаго канцлера г. Огинскаго. Воевода не зналъ еще о нашемъ прибытіи, развѣ нынѣ сообщено ему особою грамоткой, не оказалъ намъ никакой чести, отчего принуждены вездѣ терпѣть. Дай Богъ терпѣніе! При семъ покорно вручаю себя съ отцемъ Товіемъ вашего графскаго превосходительства смиреннѣйшій рабъ отецъ Георгій Давидъ, іезуитъ.— Сейчасъ велѣлъ воевода позвать насъ къ себѣ».

На другой день послано было имъ письмо Петру Балтесу, «кристальному мастеру». «Высокопочтенный и возлюбленный господинъ! Должность моя духовная обязываетъ меня до совершеннаго отшествія моего изъ Россіи принести тебѣ достойную благодарность за твою любовь и благодѣяніе, что̀ исполняю теперь вкратцѣ. Да

воздастъ вамъ всѣмъ Богъ, что вы насъ сподобили благодѣяніемъ своимъ! Мы же то будемъ воспоминать въ молитвахъ нашихъ, вручая Богу тебя, господина, и домъ твой, а изволь поздравить отъ меня учтиво г. Майота. За симъ смиренно вручаю себя слуга твой отецъ Георгій Давидъ, іезуитъ.—Объяви также поздравленіе г. Гвасконію, Юдиѳѣ и всѣмъ прочимъ друзьямъ. Иванъ далѣе съ нами ѣхать не хотѣлъ, хотя ему то позволено было, а я ему обѣщалъ за то много, почему онъ вскорѣ возвратится назадъ».

Въ числѣ стрѣльцовъ, назначенныхъ для проводовъ іезуитовъ отъ Москвы до Вязьмы одинъ назывался «Иванъ Крупинъ», у генералъ-майора Менезіуса былъ слуга [1] «Иванъ Калмыкъ»; тождественно ли которое-нибудь изъ этихъ лицъ съ упоминаемымъ здѣсь «Иваномъ», неизвѣстно; съ фамиліей же Майотовыхъ мы еще встрѣтимся въ слѣдующихъ письмахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изготовлено было письмо «къ госпожѣ дохторицѣ», которую Давидъ благодарилъ «за пріятство», обѣщался ей исполнить въ Вѣнѣ то, что̀ она наказала ему тамъ сдѣлать, и выражалъ желаніе видѣть ее въ ихъ землѣ при первомъ же случаѣ. Имени этой «дохторицы», которую Давидъ назвалъ просто «высокопочтенной госпожей» и подписался ея «смиреннымъ рабомъ», не означено, только это не жена Карбонарія, письмо къ которому заключало менѣе скрытыхъ намековъ. Карбонарію онъ поручалъ очень многое: наблюдать за московскимъ домомъ, чтобы въ немъ ничего не попортили и не покрали, оста-

[1] Памятн. диплом. сношеній, VII, 922. Осенью 1691 года этотъ слуга провожалъ изъ Москвы посла Куртца.

вить все до полученія цесарскаго указа, приказать аптекарю и учителю не наводить на домъ никакой бѣды, писать къ нему, поздравить «госпожу дохторицу» и при случаѣ отдать ей вложенное письмо, поздравить и Майота съ его семействомъ; дать десять рублей «Сарѣ вдовѣ», тайно отдать другое письмо учителю. Въ этомъ письмѣ къ «костельному учителю Ѳомѣ» наказывалось ему отдать незамѣтно для людскихъ глазъ письмо «вдовѣ Сарѣ Майотовѣ», которая бы велѣла прочесть его извѣстной «дѣвочкѣ». Послѣднее письмо іезуитъ недаромъ такъ пряталъ въ другія письма и наказывалъ отдать его съ тою осторожностью, чтобы никто не видалъ. Въ немъ «написано многое безчинство срамное и блудное». Давидъ обѣщалъ Сарѣ присылать ей каждогодно, сколько будетъ для него возможно, а пока получила бы 10 рублей отъ доктора, которому онъ писалъ дать ей эти деньги, только бы никому не сказывала; поручилъ ей передать просьбу «той, которая беременна», написать къ нему о себѣ у Дарьи или Анны по-русски нѣмецкими словами, а грамотки велѣла бы запечатать поаккуратнѣе и передавать доктору; если этой приключится какое безчестіе, то она велѣла бы ѣхать ей, извѣстя его, въ Ригу, гдѣ онъ ее отыщетъ и отъ нея не отстанетъ.

Достигнувъ Вильны, іезуиты шлютъ въ Москву новую серію писемъ. Прося польскаго резидента въ Москвѣ Довмонта писать чрезъ канцлера Огинскаго, Товія Тихановскій извѣщалъ его, что они скоро посовѣтуются съ канцлеромъ, ѣхать ли Давиду къ польскому королю, а что самъ онъ направится въ Вѣну; что заняты теперь составленіемъ полнаго отчета о своемъ изгнаніи, который пошлютъ прежде всего къ вѣнскому правительству;

вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждалъ его поддерживать католическую общину въ надеждѣ, что который-нибудь изъ нихъ да возвратится же къ ней, не допускать ее до просьбы себѣ у Посольскаго приказа грамоты на иныхъ духовныхъ, пока онъ не отпишетъ изъ Вѣны, что намѣренъ сдѣлать цесарь: община проспла бы теперь за нихъ цесаря и промышляла бы объ иныхъ духовныхъ въ томъ лишь случаѣ, если ничего не сдѣлаетъ цесарь; также выражалъ удивленіе, почему ничего не отвѣчаетъ ему докторъ, даже и о томъ, получилъ ли онъ письма отъ ихъ пристава. О нагнетаніи на общину въ пользу іезуитовъ писалъ также Давидъ Петру Гордону. Онъ убѣждалъ его побуждать ее писать просьбу цесарю объ ихъ возвращеніи, а о другихъ духовныхъ отнюдь не просила бы: другихъ цесарь содержать едва-ли станетъ, «иные духовное учить въ школахъ не подымутся, не будутъ радѣть о томъ, какъ должны они по своему званію, и станутъ надокучать, прося отъ общества милостыни» [1].

Такъ двулично переписываясь съ членами Московской католической общины, іезуиты предъ западными правительствами и обществами выставляли себя [2] безпорочными

---

[1] Письма и извлеченія изъ нихъ, къ сожалѣнію, не всѣ, хранятся въ Католическихъ дѣлахъ Архива за 1690 годъ, въ «Дѣлѣ по челобитью находившихся въ Москвѣ чужестранцевъ всякаго чина о дозволеніи призвать изъ-за границы римской вѣры священниковъ Ксаверія Лефлера и Павла Іосифа Ерошха».

[2] Посланіе къ нимъ іезуитовъ издано іезуитомъ Гагаринымъ и комментировано гр. Толстымъ и Possel't'омъ, почему подробно на немъ и не останавливаемся, да и нѣтъ въ томъ особенной надобности, когда изложены нами факты по несомнѣннымъ историческимъ даннымъ.

страдальцами, всю вину изгнанія сваливая на слѣпую будто бы ненависть патріарха къ католичеству и интриги вившихся около Петра протестантовъ, хотя самымъ вліятельнымъ лицомъ изъ иноземцевъ былъ тогда Гордонъ. Для сгущенія красокъ въ изображеніи патріарха и Русскаго народа они указывали также на случившуюся одновременно съ тѣмъ казнь Кульмана, причемъ ни словомъ не обмолвились о томъ, что̀ и какъ говорили они въ Приказѣ въ качествѣ экспертовъ, вліявшихъ на исходъ судебнаго приговора.

ГЛАВА III.

Водвореніе католическаго духовенства и построеніе каменнаго костела въ Москвѣ.

Положеніе вопроса о католическомъ духовенствѣ послѣ изгнанія изъ Москвы іезуитовъ.—Отказъ польскому резиденту Довмонту на ходатайство о пропускѣ къ нему ксенза или іезуита.—Челобитная московскихъ католиковъ о призваніи къ нимъ священниковъ, 18 декабря 1689 года.—Іезуиты Конрадъ Терпеловскій и Михайло Яконовичъ; полученныя правительствомъ вѣсти объ этихъ и другихъ іезуитахъ. — Смоленскій домъ кн. Огинскаго и запрещеніе доктору Карбонарію письменныхъ сношеній съ Вѣной.—Цесарскій посланникъ Куртцъ въ 1691 году.—Оставленный имъ въ Москвѣ „доминикапецъ“ Людовикъ Коблицій. — Антоній Плейеръ и „мірскіе ксензы“ Францискъ Ксаверій Лефлеръ и Павелъ Іосифъ Яросъ.—Хлопоты Гордона о построеніи каменнаго костела.—Челобитная Лефлера и Яроса о каменномъ костелѣ.—Тайная постройка костела и слѣдствіе надъ ней.—Католическое извѣстіе о виновникахъ нарушенія церковнаго благополучія католической общины.—Видъ костела и состояніе общины на исходѣ XVII вѣка.—Пріѣздъ въ Москву новаго духовенства и характеръ его дѣятельности.—Неудачное домогательство католиковъ признанія юридической законности выстроеннаго ими каменнаго костела.

Удаленные изъ Москвы іезуиты Георгій Давидъ и Товія Тихановскій не безъ причины внушали главнымъ представителямъ Московской католической общины нагнетать на остальныхъ ея членовъ, чтобъ они просили себѣ у государей духовныхъ только Іезуитскаго ордена: общину слишкомъ мало озабочивало, какіе духовные будутъ у нея, іезуитами же дорожили одни фанатизированные ихъ друзья, каковы Гордонъ, Гваскони, Менезіусъ, Довмонтъ и т. п. лица. Это значительно облегчало задачу правительства—не допускать болѣе іезуитовъ: послѣдніе

такъ плохо зарекомендовали себя, что, подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ ихъ дѣятельности, при Дворѣ воскресаетъ прежнее мнѣніе о католическомъ духовенствѣ вообще и слабѣетъ готовность допустить къ проживавшимъ въ Россіи католикамъ ихъ духовныхъ пастырей. По бывшимъ образцамъ у насъ снова убѣдились, какъ далеки были эти лица отъ того, чтобы ограничиваться удовлетвореніемъ дѣйствительныхъ религіозныхъ нуждъ природныхъ католиковъ: пропаганда папско-католическихъ воззрѣній и политическіе интересы привлекали этихъ двуличныхъ въ своей жизни отцовъ несравненно сильнѣе, чѣмъ прямое ихъ дѣло, которое казалось имъ второстепеннымъ, предлогомъ и переходною ступенью къ распространенію своего духовнаго господства, своего римскаго католицизма. «Русскіе государственные люди весьма разумѣли духъ этого ученія и очень вѣрно провели черту между религіею и пропагандою, между духовными нуждами католиковъ и кастовыми притязаніями ихъ духовенства; римско-католики могли молиться по обрядамъ ихъ вѣры..., они и въ Россіи оставались католиками, никто не принуждалъ ихъ перемѣнять вѣры, но за то рѣшительно воспрещено католическимъ духовнымъ совращать православныхъ» [1]. Неудивительно, что для скомпрометировавшихъ себя іезуитовъ двери Московскаго государства тогда заперли у насъ крѣпко. Съ вѣдома и разрѣшенія правительства они, пока памятны были ихъ дѣйствія, не могли поселяться здѣсь; и если имъ и удавалось иногда проникать, то тайно или же въ качествѣ проѣзжавшихъ чрезъ Россію миссіонеровъ.

[1] Римскій католицизмъ въ Россіи, I, 125.

Но съ другой стороны, не желая стѣснять католиковъ къ ихъ личномъ вѣроисповѣданіи, правительство снова пришло къ мысли о допущеніи въ Россію римскихъ духовныхъ, но уже только не изъ іезуитовъ и вообще не изъ монашескихъ орденовъ, тѣсно связанныхъ съ утвержденіемъ католичества прозелитизмомъ. Какъ ни много отрицательныхъ качествъ видѣли наши и въ остальномъ католическомъ духовенствѣ, они все же надѣялись, что его члены лучше сумѣютъ служить религіи, а не пропагандѣ. Духъ католической церкви и ея представителей помѣшалъ однако католикамъ прямодушно пойти на встрѣчу и этому благородному и вполнѣ законному желанію нашихъ государственныхъ людей.

Разрѣшило призвать новыхъ духовныхъ лицъ правительство не тотчасъ, не прежде, какъ дало почувствовать католической общинѣ все неудобство для нея отъ своеволія ея духовныхъ отцовъ и точно опредѣлило условія, на коихъ они могли быть впущены: нѣкоторое время оно держало ее въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась до временъ Софьи. Ранѣе другихъ испыталъ въ себѣ это польскій резидентъ Довмонтъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ, въ которомъ были высланы іезуиты, онъ прислалъ (25 окт. 1689 г.) въ Посольскій приказъ письмо [1], въ которомъ, ходатайствуя объ отпускѣ нѣкоторыхъ изъ состоявшихъ при немъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ пропустить къ нему изъ Смоленска «для отправленія службы Божіей ксенза» и о томъ послать туда

[1] М. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Польскія дѣла 1689 г.: «Меморіалы бывшаго въ Москвѣ польскаго резидента Юрія Доминика Довмонта съ боярскими на оные отвѣтами».

государскую грамоту. Наши навели справку съ договоромъ вѣчнаго мира съ Польшей, гдѣ нашли, что тамъ обѣщалось католикамъ лишь «имѣть вольное употребленіе вѣры въ своихъ домахъ». Согласно съ этимъ государи «іезуита и ксенза изъ-за рубежа пропустить къ нему, Довмонту, къ Москвѣ не указали, потому что въ договорахъ вѣчнаго миру о пропускѣ къ Москвѣ іезуитовъ и ксензовъ ничего не написано, а въ палатахъ, въ которыхъ онъ, резидентъ, поставленъ, по тѣмъ же договорамъ моленіе по вѣрѣ своей употреблять ему поволено». Когда царскую волю объявилъ Довмонту его приставъ, переводчикъ Сем. Лаврецкій, то, отблагодаривъ за разрѣшеніе объ отпускѣ его лицъ, онъ сказалъ, что «о пропускѣ іезуитовъ и ксенза онъ донесетъ, какъ будетъ на разговорѣ въ Посольскомъ приказѣ у думнаго дьяка Е. И. Украинцева съ товарищами». Приглашенный (20 нояб.) въ Посольскій приказъ, Довмонтъ излагалъ: «Прежде, предъ тѣмъ какъ отпущены были изъ Москвы іезуиты, онъ говорилъ думному дьяку, чтобы для отправленія по ихъ чину службы были пропущены къ нему изъ-за рубежа ксензъ капелянъ, и думный дьякъ обѣщалъ ему то его прошеніе донести до великихъ государей; но затѣмъ, когда онъ билъ челомъ государямъ о пропускѣ къ нему кзенза, то къ нему былъ присланъ съ приставомъ Лаврецкимъ отказъ. Между тѣмъ въ Московскомъ государствѣ римской вѣры людей много, и безъ духовной особы какъ ему, такъ и инымъ быть невозможно, то противно всенародному праву, католики—христіане же, и имъ надобно имѣть духовную особу. Нынѣ писалъ къ нему изъ-за рубежа нѣкоторый ксензъ капелянъ, что, по его письму, онъ въ Москву ѣхать хочетъ; и великіе государи пожаловали бы

его, резидента, указали того ксенза пропустить и о томъ послать въ Смоленскъ свою грамоту». Вмѣстѣ съ тѣмъ Довмонтъ принесъ жалобу на пропажу посылаемыхъ къ нему по почтѣ писемъ. Украинцевъ его заявленія призналъ не стоящими обсужденія и невходящими въ кругъ полномочій резидента, почему отвѣтилъ ему: «По указу великихъ государей, а по его резидентову прошенію велѣно ему видѣться съ нимъ для государственныхъ дѣлъ, а не для тѣхъ, о которыхъ онъ говоритъ. И онъ, думный дьякъ, его спрашиваетъ: есть ли у него къ объявленію какія государственныя дѣла, по королевскимъ къ нему грамотамъ или по сенаторскимъ письмамъ? А о ксензахъ, іезуитахъ и о почтѣ съ нимъ говорить онъ и указу государей не имѣетъ. Впредь о такихъ малыхъ не надлежащихъ дѣлахъ не говорилъ бы, да и говорить о ксензахъ не прилично: чтобы имъ пріѣзжать къ Москвѣ и отъѣзжать, въ договорахъ вѣчнаго мира не написано, и надобно хранить и беречь положенное, сверхъ договоровъ дѣлать ничего не доведется. Еслибы какая духовная особа пріѣзжала съ нимъ въ Москву, то не была бы выслана, о пріѣздѣ же сюда ксенза онъ, думный дьякъ, не обнадеживалъ. На прежнюю просьбу о пропускѣ ксенза ему государевъ указъ чрезъ Лаврецкаго сказанъ, тѣмъ бы указомъ и довольствовался, сверхъ договоровъ ничего не домогался, службу ему по его закону въ данныхъ ему палатахъ отправлять свободно по договорамъ». Озадаченный такимъ строгимъ отвѣтомъ, резидентъ сказалъ, что указъ чрезъ Семена Лаврецкаго ему извѣстенъ; и больше о пропускѣ ксензовъ уже не упоминалъ.

Если такъ отнеслись въ Приказѣ къ домогательствамъ

резидента; то Гордону съ его единомышленниками теперь нечего было и поднимать вопроса объ іезуитахъ, и они лишь просили (18 декабря 1689 года) государей: «По вашему милостивому указу, были у насъ, холопей вашихъ, для исправленія всякихъ нашихъ духовныхъ потребъ, вѣры нашей священники много годовъ; но въ нынѣшнемъ 1689 году они отпущены во-свояси, и мы живемъ нынѣ безъ пастырей, всякихъ духовныхъ нуждъ исправлять у насъ некому, безъ пастырей нашихъ душъ намъ быть невозможно: велите, государи, намъ призвать къ себѣ вѣры нашей священниковъ, какого закону и изъ какого краю укажете, чтобы намъ безъ пастырей душевно не погибнуть». Челобитная была вручена Гордономъ самому Петру, который прочелъ ее и обѣщалъ дать милостивый указъ. На другой день Гордонъ постарался видѣть государя, но отвѣта на челобитную не получилъ и не имѣлъ возможности говорить о ней съ Петромъ. Время проходило; Гордонъ много разъ бывалъ при Дворѣ, по-долгу бесѣдовалъ и съ Петромъ и вельможами, и все же отвѣта на интересовавшій его вопросъ онъ не слышалъ. Почти чрезъ полтора мѣсяца Украинцевъ написалъ (28 января 1690 года) на челобитной, что государи велѣли навести справку, бывали ли прежде подобныя челобитья и пропускали ли по нимъ ксензовъ. Справка говорила не въ пользу челобитчиковъ, именно: при предкахъ государскихъ, по челобитью исповѣдниковъ римской вѣры, ксензы въ Москвѣ не живали, а если незадолго предъ тѣмъ и находились іезуиты, то они были допущены по просьбѣ цесаря и по любви къ нему и на время; затѣмъ, когда объявились за ними вины, ихъ отпустили назадъ; призывались духовные изъ-за рубежа по

челобитью Гордона съ товарищами, но въ Кіевъ и опять на время, на недѣлю или на двѣ, а не на житье и не къ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано извлеченіе изъ корреспонденціи іезуитовъ во время ихъ изгнанія, которая такъ компрометировала ихъ авторовъ. Результатъ подобной справки можно было предвидѣть легко. Гордонъ нарочно ходилъ (6 февраля 1690 года) изъ Слободы въ городъ и хлопоталъ о католическомъ духовномъ отцѣ. Что ему сказали, онъ не передаетъ: очевидно, неблагопріятное. Челобитная осталась безъ удовлетворенія [1]. Дѣло такъ и замялось, католическаго священника призвано не было.

Вожаки общины задумали тогда воспользоваться проѣзжавшими чрезъ Россію іезуитами-миссіонерами, чтобы какъ-нибудь на перепутьи оставить ихъ у насъ. Гордонъ писалъ (20 марта 1690 года) [2] Шмидту, бывшему тогда

---

[1] М. Гл. Архивъ М. Ин. Д., Дѣла Католическія 1690 г. 28 января: «Дѣло по челобитью находившихся въ Москвѣ чужестранцевъ всякаго чина о дозволеніи призвать къ нимъ изъ-за границы римской вѣры священниковъ» и проч. Памятн. дипломат. сношен. Россіи, VII, 946—951; Gordon, II, 289, 293. Челобитная была подана отъ имени слѣдующихъ лицъ: «Великимъ государемъ... бьютъ челомъ холопи ваши: генералъ Петрушка Гордонъ, поручикъ Давыдко Вилимъ графъ де-Граамъ, генералъ-майоръ Пашка Менезеюсъ, полковники Гаврилко Фанъ-Турниръ, Александрейко Левестинъ, Родко Стразборхъ, Юшка Лимъ, Балтазарко де-Лоннръ, да подполковники, маеоры и всѣхъ чиновъ начальные люди, тако жъ докторъ Гришка Карбонары и торговые иноземцы Еремейко Фанъ-Троинъ, Ефимко да Францко Гваскони, и многіе ремесленные люди: Петрушка Балдусъ, Логинко Лединъ и протчіе многіе каѳолическіе римскіе вѣры иноземцы». «Дѣло по челобитью» и проч.

[2] Письмо издано въ приложеніи къ Tagebuch Gordon'a, III,

ректоромъ іезуитской школы въ Ригселѣ: «Наша община собирается по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ въ обычномъ мѣстѣ, и мы совершаемъ богослуженіе по уставу, предписанному священниками. Преподобный отецъ Терпеловскій изъ Астрахани прибылъ сюда, и мы просили, чтобъ ему было дозволено остаться здѣсь, пока призовемъ другаго. Мы никакъ не можемъ надѣяться, чтобы намъ было дозволено призвать священника вашего ордена. У насъ есть учитель, которому платимъ ежегодно по сорока рублей».

Упоминаемый здѣсь Терпеловскій былъ іезуитъ, возвращавшійся съ Востока. Прошеніе объ его оставленіи, впредь до прибытія священника, было подано 18 марта 1690 года. Объ этомъ Гордонъ лично просилъ (19 марта) Петра, который изъявилъ согласіе, чтобы католики призвали себѣ священника, но не іезуита. 20 числа Гордонъ присутствовалъ при богослуженіи у польскаго резидента Довмонта, обѣдалъ у него, совѣтовался о призваніи священника и тогда же написалъ письмо Шмидту. Между тѣмъ померла у него дочь Іоанна. Гробъ провожали знатнѣйшіе иностранцы, а Терпеловскій совершалъ погребальную церемонію и на могилѣ сказалъ надгробную рѣчь. По случаю кончины патріарха Іоакима, особеннаго торжества въ Москвѣ около Пасхи не было, у католиковъ же пасхальное богослуженіе правилось (20 апрѣля) съ музыкою [1]. И все же этому іезуиту не удалось укрѣпиться въ Москвѣ.

№ VIII. Оно датировано здѣсь 30 марта—ошибочно: см. II, 299 и III, 252.

[1] Gordon, II, 299—301.

У насъ твердо рѣшили не задерживать его, а тутъ еще была перехвачена неудобная для него новая переписка [1]. Товія Тихановскій писалъ Довмонту, что онъ и другіе іезуиты думаютъ, что Терпеловскій съ Запольскимъ въ Москву уже пріѣхали, и поручалъ резиденту передать имъ вложенное письмо, на случай же, если они не пріѣдутъ, просилъ сжечь его. Этихъ онъ предупреждалъ относительно случившагося изгнанія, убѣждалъ поточнѣе узнать отъ московскихъ католиковъ, въ чемъ онъ оклеветанъ своимъ товарищемъ, отцемъ Давидомъ, а онъ «отъ отца Давида ничего не просилъ инаго, только ту бесѣду (?), для которой по устамъ человѣческимъ летали они, отставить, и упросить не могъ», увѣдомлялъ также, что отецъ Давидъ будетъ крѣпко домогаться у цесаря и генерала ордена о возвращеніи къ Москвѣ. Проживавшій въ Литвѣ іезуитъ Михайло Яковичъ писалъ изъ пограничнаго Кадина къ своему начальнику іезуиту Павлу Бохану, что онъ, отъѣзжая на русскій праздникъ въ Смоленскъ служить для приходящихъ туда католиковъ, считаетъ нужнымъ донести ему о своихъ службахъ и увѣдомить, что листъ о посылкѣ въ Смоленскъ онъ получилъ отъ него, а нынѣ принялъ письмо отъ іезуита Терпеловскаго, изъ Москвы, который пишетъ ему, что онъ прибылъ въ Москву съ листами, посланными царямъ отъ китайскаго хана и присланными ему изъ Персіи въ Астрахань, изъ-за которыхъ онъ и вынужденъ былъ покинуть своего товарища, задержавшагося въ Пер-

[1] М. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д., Дѣла Католическія 1690 года: «Дѣло по челобитью находившихся въ Москвѣ чужестранцевъ» и проч.

сіи частію за болѣзнью, частію по боязни разбойниковъ на морѣ; но что лучше было бы совсѣмъ не брать ему этихъ листовъ, привезенныхъ имъ съ такими великими бѣдами и напастьми: «ничего имъ не пользовали, и кисло приняты, а все потому, что езувитъ принесъ». Затѣмъ, въ письмѣ (19 марта) къ Довмонту, онъ увѣрялъ, что «въ Смоленскомъ домѣ такъ долго будетъ служить службу ихъ религіи, пока не получитъ подлинный о томъ заказъ», и просилъ помогать ему совѣтами и указаніями. Тому же резиденту іезуитъ Григорій Шхиль писалъ изъ Вильны: письмо его, отъ 7 марта, какъ ни кратко оно, прочелъ съ радостью и выразумѣлъ изъ него довольно; о возвращеніи іезуитовъ въ Москву есть еще надежда, потому что слышалъ съ Нѣмецкой стороны, будто цесарь въ маѣ отправляетъ въ Москву своего малаго посла, который везетъ съ собой іезуита Гримальда, возвращающагося въ Китай, придружитъ его государямъ и будетъ домогаться возвращенія іезуитовъ; объ отцѣ Терпеловскомъ слышалъ, что онъ изъ Астрахани воротился въ Москву, если Гримальдъ не возьметъ его съ собой, они примутъ его съ распростертыми объятіями. Могилевскій іезуитъ Игнатій Гловичъ прибавлялъ, что письма членовъ ордена къ Терпеловскому онъ послалъ по почтѣ.

Эти и подобныя письма много открывали нашему правительству и ускоряли удаленіе Терпеловскаго. Еще 7 мая онъ получилъ приказъ о выѣздѣ; въ концѣ мѣсяца (31 числа) распоряженіе было повторено. Онъ, однако, затягивалъ время. «Мы, увѣдомлялъ (13 іюня) Гордонъ Шмидта, находимся въ томъ положеніи, о какомъ я писалъ въ предъидущемъ письмѣ, отъ 20 марта. Преподоб-

ному патеру Терпеловскому оставаться здѣсь долѣе позволить не хотятъ. Царь устно выразилъ мнѣ дозволеніе выписать другаго священника, свѣтскаго. Мы писали поэтому г. Жировскому, но отвѣта пока не получено. Учитель, который былъ у насъ съ сентября, долѣе оставаться не желаетъ, и мы вынуждены теперь подыскивать другаго, такъ какъ совсѣмъ не намѣрены посылать дѣтей своихъ въ лютеранскую или кальвинскую школы. Отъ своего и всей общины имени, прошу, чтобы ваше преподобіе были добры прислать намъ такого. Ваше преподобіе знаетъ, что этотъ долженъ понимать латинскій и нѣмецкій языки и музыку и отличаться хорошимъ поведеніемъ и характеромъ. Смотря по обстоятельствамъ, мы будемъ платить ему ежегодно отъ 60 до 100 рейсхсталеровъ. Чрезъ три, два или чрезъ годъ онъ свободенъ, если пожелаетъ, возвратиться на свою родину. Но послать сюда его надобно скорѣе, чтобъ онъ могъ проѣхать вмѣстѣ съ моимъ сыномъ Джемсомъ, который теперь въ Данцигѣ; я поручилъ ему подождать дней 8—14. Съ нимъ онъ проникнетъ безопаснѣе; иначе, при впускѣ въ эту страну, могутъ встрѣтиться затрудненія: потому что, какъ бы не подумали, что онъ изъ духовныхъ («weil man den Verdacht haben würde, er sei ein Priester»). Если такой человѣкъ найдется въ вашемъ городѣ, то его скорѣе пошлите въ Данцигъ или Ригу; если же нѣтъ, то прошу ваше преподобіе написать ректору іезуитской коллегіи въ Данцигѣ, чтобъ онъ доставилъ намъ такое лицо, а я попрошу его немедля увѣдомить о томъ моего сына. Оставаться Джемсъ тамъ долго не можетъ и долженъ беречься, чтобъ не спутаться съ двумя: я также наказалъ ему переговорить объ этомъ

съ преподобнымъ отцомъ, ректоромъ въ Данцигѣ». Учителя, между тѣмъ, уговорили остаться, не уѣхалъ и Конрадъ Терпеловскій. 2 іюля приказаніе выѣхать ему повторено снова; 12-го, въ субботу, его выпроводили насильно. [1]

Такая суровая мѣра къ упорному іезуиту, быть-можетъ, находилась также не безъ связи съ дѣломъ о Смоленскомъ домѣ кн. Огинскаго и замѣшательствами при избраніи кандидата на мѣсто скончавшагося патріарха Іоакима.

Подьячій Посольскаго приказа Ав. Васильевъ, провожавшій Георгія Давида и Тихановскаго до Смоленска, донесъ (24 окт. 1689 г.) своему начальству: «По пріѣздѣ съ іезуитами въ Смоленскъ и представленіи воеводѣ окольничему И. А. Мусину-Пушкину объ ихъ отпускѣ, онъ, согласно приказу воеводы, хотѣлъ поставить ихъ на посадѣ, за Днѣпромъ, на мѣщанскомъ дворѣ; но они туда ѣхать не захотѣли, отговариваясь, что для стоянія и отправленія службы Божіей по своему закону имъ угоденъ дворъ литовскаго канцлера Марціана Огинскаго. На немъ они и остановились и утромъ отправляли въ хоромахъ мшу». Въ распоряженіи Посольскаго приказа были уже собственноручныя письма іезуитовъ, въ которыхъ они, обвиняя воеводу въ холодности имъ пріема, упоминали также о своей остановкѣ въ домѣ Огинскаго. Что̀ это за домъ, сочли нужнымъ навести справку. Оказалось, что за постановленіе вѣчнаго мира

[1] Gordon II, 301, 303, 305, 308, 310; III, 252—253, 264. О высылкѣ его говорится: «Den 12 ten (Julius) am Sonnabend wurde der katholische Priester P. Conr. Terpilowski mit Gewaltergriffen und weggeschickt. Ibid. II, 310.

(1686 г.) съ Польшей Огинскій былъ награжденъ правомъ купить себѣ въ Смоленскѣ, за городомъ, на посадѣ, мѣсто и строить на немъ избы и иныя дворовыя зданія, для пріѣзда его людямъ съ товарами, подъ условіемъ не держать тамъ заповѣдныхъ и потаенныхъ товаровъ, корчемнаго продажнаго вина и табаку. Огинскій выхлопоталъ (лѣтомъ того же 1686 года) также освобожденіе его новаго дома отъ городскихъ податей и поборовъ и дозволеніе пріѣзжать изъ-за литовскаго рубежа и останавливаться на немъ на время ксензамъ съ цѣлію совершенія богослуженія. Резидентъ Довмонтъ добивался затѣмъ (1688 г.), чтобы на этомъ дворѣ, «купленномъ для пріѣзду изъ-за границы разныхъ людей и духовныхъ римской вѣры для отправленія богомолія», разрѣшено было держать въ дворникахъ не смоленскаго жителя, а кадинскаго мѣщанина, изъ владѣній канцлера. Ходатайство было тогда удовлетворено. Укранцевъ сдѣлалъ теперь запросъ (13 ноября 1689 г.) смоленскому воеводѣ, какъ великъ этотъ дворъ, кто пріѣзжаетъ и живетъ на немъ, для чего и съ какими товарами, а равно «не пріѣзжаютъ ли іезуиты и ксензы римской вѣры и не отправляютъ ли по ихъ римскому закону службу, не построено ли для нея особой хоромины и кто бываетъ за ней; есть ли въ Смоленскѣ кто изъ шляхты и мѣщанъ римской вѣры и ходятъ ли они слушать ту службу?» Вмѣстѣ съ мѣрою и описью двора Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ: дворникомъ живетъ присланный Огинскимъ кадинскій мѣщанинъ Иванъ Мартыновъ, останавливаются въ дому одни канцлеровы люди, остальные, кто пріѣзжаетъ изъ-за литовскаго рубежа, располагаются за Днѣпромъ, на посадѣ, на мѣщанскихъ по-

стоялыхъ дворахъ; ксензы - іезуиты при немъ, воеводѣ, пріѣзжали въ Смоленскъ всего три раза: одинъ съ Августиномъ Константиновичемъ, когда этотъ бралъ (1688 г.) деньги, назначенныя по вѣчному миру на сторону короля, другой ксензъ пріѣзжалъ два раза за бревнами, назначенными государскимъ указомъ на построенье оршанскихъ іезуитовъ; останавливались они на дворѣ Огинскаго и совершали службу въ той комнатѣ, въ которой жили, особой свѣтлицы для того не построено; слушать ихъ службу изъ смоленской шляхты и мѣщанъ никто не прихаживалъ; изъ шляхты и мѣщанъ римскаго вѣроисповѣданія нынѣ въ Смоленскѣ не объявляется.

Вѣсти Мусина-Пушкина были не тревожны. Но вотъ въ Москвѣ скоро узнаютъ, что іезуиты задумали воспользоваться домомъ Огинскаго для своего постояннаго мѣстопребыванія [1]. Усиленный надзоръ за домомъ повидимому не воспрепятствовалъ одному изъ такихъ навязчивыхъ гостей пробраться даже въ Москву и предъявить себя въ кандидаты на патріаршество.

При избраніи преемника Іоакиму, († 17 марта 1690 г.), партіи, по извѣстію Гордона, [2] раздѣлились: высшіе духовные сановники стояли за Маркелла, ученаго псковскаго епископа, [3] низшее духовенство, старѣйшіе бояре и царица Наталья Кирилловна, опасавшіеся благосклонности Маркелла къ иновѣрцамъ, держали сторону Адріана Казанскаго,

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Польскія дѣла 1689 г., Католическія дѣла 1690 года.

[2] Gordon, II, 309, 311, 315.

[3] О немъ такъ отзывался Любарскій: «Кромѣ ревности пастырской, онъ весьма ученый, разговоръ умѣвшій греческій, латинскій и нѣмецкій». Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства. 317.

друга покойному патріарху; борьба длилась все лѣто, пока, послѣ продолжительныхъ колебаній, Петръ, почти наканунѣ Новаго года, не согласился съ матерью. Въ концѣ (24) августа Андріанъ былъ возведенъ въ патріархи, и затѣмъ начался рядъ торжественныхъ пріемовъ и религіозныхъ церемоній. Осторожный Гордонъ болѣе ничего не сообщаетъ объ этомъ.

Между тѣмъ въ современномъ житіи патріарха Іоакима находится слѣдующее загадочное извѣстіе. Предъ возведеніемъ Адріана была распря отъ некоего иноплеменника, выдававшаго себя Русскимъ, и лишь только молитвы покойнаго Іоакима и письмо іерусалимскаго патріарха Досифея, чтобы не поставлять въ Россіи пастырями иноземцевъ Поляковъ, предотвратили это, и избранъ былъ любимый ученикъ Іоакима Адріанъ. [1] Это свидѣтельство такого характера, что едва ли цѣликомъ можетъ быть

---

[1] Житіе и Завѣщаніе святѣйшаго патріарха Московскаго Іоакима. Изд. Общ. Древн. Письменности, 1879, XLVII, 98—99. Вотъ это мѣсто: «Бысть же предъ возведеніемъ его (Адріана) и нѣкая распря отъ нѣкоего, иже бяше иноплеменникъ, притворяшеся же Россіянинъ, йже не вѣмъ, како промчеся, якобы произволяшеся оному и на патріашество возведену быти, но Божіимъ предвѣдѣніемъ, молитвами святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго, или посланіемъ, прежде сего писаннымъ отъ святѣйшаго господина Досифея, патріарха іерусалимскаго, не повелѣвающаго въ духовномъ чинѣ въ Россіи иноземцовъ Поляковъ пастырми поставляти, остережено сіе бысть; и самодержавніи наши государи посланіе оно исполниша и благословеніе святѣйшаго іерусалимскаго патріарха, яко да сохраницы прошенія его, сподобишася, и повелѣніемъ ихъ избранъ бысть возлюбленный ученикъ святѣйшаго Іоакима патріарха вышеименованный великій господинъ, святѣйшій киръ Адріанъ, патріархъ Московскій и всеа Россіи».

отнесено къ Маркеллу. И въ Архивѣ хранятся документы, которые, какъ кажется, изобличаютъ участіе въ этой исторіи прокравшагося въ Москву іезуита Михайла Яконовича Мы уже видѣли, что весной 1690 года онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ, старался остаться тамъ, пока не получитъ офиціальнаго запрещенія, и просилъ у Довмонта совѣтовъ и указаній. Затѣмъ осенью того же года въ руки правительства попались его новыя письма, изъ которыхъ ясно видно, что онъ былъ въ Москвѣ и интриговалъ, чтобъ его поставили въ патріархи. Именно въ письмѣ къ царскому доктору Карбонарію онъ увѣдомлялъ его, что другой уже день стоитъ въ Кадинѣ, ожидая Италіянъ, на слѣдующій день отправится далѣе, а пока проситъ его похранить каменную доску, которая виситъ въ той комнатѣ, въ которой онъ спалъ, дать въ новый годъ десять рублей Сарѣ Майотовой и прочесть ей по секрету вложенное письмо. Другое письмо было адресовано на имя почтмейстера Сангалы. Ему онъ выражалъ сожалѣніе, что Москва не приняла его въ патріархи, а подала голосъ за казанскаго митрополита, который теперь станетъ во время предстоящаго праздника служить въ присутствіи царей; вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что въ Кадинѣ онъ останется недолго: отпраздновавъ свой праздникъ, думаетъ опять ѣхать въ Смоленскъ, чтобы встрѣчать новаго воеводу [1]. Если

[1] «Въ листу езувита Михайла Яконовича къ почтмайстеру Сангалѣ написано: Жалуетца ему, что ево Москва въ патріархи не приняла, а голосы подала на митрополита казанскаго, который, покамѣстъ того сана доступитъ, служить станетъ на Москвѣ въ настоящій праздникъ предъ царскимъ величествомъ. А за вѣсти много челомъ бьетъ; одною почтою станетъ въ Кадинѣ на свой

этотъ іезуитъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ Москвѣ, конечно, подъ ложнымъ именемъ какого-то пріѣзжаго самозваннаго пастыря, и добивался патріаршества: то трудно сказать, чему болѣе дивиться здѣсь, дерзости ли потерявшихъ совѣсть іезуитовъ или полному непониманію дѣйствительнаго положенія дѣла ослѣпленныхъ пропагандой узкихъ фанатиковъ и мечтателей. Во всякомъ случаѣ подобныя дѣйствія и письма окончательно подрывали во взглядѣ правительства кредитъ іезуитовъ, безповоротно укрѣпляли его въ мысли не допускать ихъ въ Россію, какія и отъ кого ни приносились бы за нихъ ходатайства и въ какомъ бы положеніи ни находилась Московская община.

праздникъ и, отпраздновавъ, думаетъ въ Смоленскъ опять ѣхать встрѣчать новаго воеводу.

«Того жь езувита къ Карбонарію написано: Уже другой день стоитъ въ Кадинѣ, ожидаючи Италіянъ; завтра, дастъ Богъ, далѣ пойдутъ... Велитъ въ комнатѣ, гдѣ сыпалъ онъ, тщица каменная держать бы ее, чтобъ не пропала. Иного нечего писать, кромѣ, чтобъ не забыть оттуду писать, что ономнясь писалъ съ приставомъ своимъ о дачѣ въ Новый годъ десяти рублевъ Сарѣ Маіотиной, нынѣ то жь повторяетъ, онъ у себя тѣ соблюдетъ или чрезъ господина Гвасконія дать велитъ» и т. д. Хранится въ томъ же неоднократно указанномъ выше Архивномъ дѣлѣ 1690 года: «Дѣло по челобитью находившихся въ Москвѣ чужестранцевъ» и проч. Нельзя не пожалѣть, что по этой связкѣ, очевидно, заключавшей прежде массу весьма цѣннаго историческаго матеріала, прошла чья-то тяжелая рука, и отъ него остались только одни отрывки. Вообще, нельзя не отмѣтить того печальнаго факта, что когда государственные архивы были почти совсѣмъ недоступны русскимъ ученымъ изслѣдователямъ, не мало «утрачено» и вырѣзано дѣлъ, служившихъ къ объясненію интимной стороны жизни иностранцевъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи.

Положеніе послѣдней оставляло желать существенныхъ улучшеній. «Въ настоящее время, писалъ (30 декабря) Гордонъ своему духовному отцу, [1] я могу вамъ сообщить, что учитель остался у насъ еще на годъ. Онъ, правда, не изъ способнѣйшихъ, но намъ такъ нужно было поступить. Мы даемъ ему въ годъ сорокъ рублей, квартиру и дрова. Его царское величество дозволилъ намъ призвать священника, но свѣтскаго или если и изъ какого-либо духовнаго ордена, только не изъ вашего. Отъ Жировскаго, которому мы писали о томъ, отвѣта еще нѣтъ. Должно сожалѣть, что мы, за неимѣніемъ священника, находимся въ печальнѣйшихъ обстоятельствахъ, почему многіе отпадаютъ. Если мы скоро не получимъ его, я охотно пошлю своего сына Ѳедора въ какую-нибудь (іезуитскую) школу для воспитанія и обученія. На такой случай прошу коллегію сообщить мнѣ, сколько будетъ стоить его годовое содержаніе. Вся наша осиротѣвшая община привѣтствуетъ ваше преподобіе и поручаетъ себя молитвамъ вашимъ, и особенно я и мои родственники». Но рядомъ съ печальными вѣстями Гордонъ присоединяетъ въ концѣ того же письма: «Мой сынъ Джемсъ прибылъ сюда 22 сентября и состоитъ въ моемъ полку подполковникомъ. Дочь Мери вѣнчалась 23 сентября съ капитаномъ кальвинской религіи, но я надѣюсь, что онъ послѣдуетъ примѣру г. Страсбурга». Страсбургъ былъ первымъ его зятемъ и принялъ католичество; о томъ же мечталъ Гордонъ, устроивая этотъ бракъ дочери съ Кровфурдомъ. Прозелитизмъ не покидалъ Гордона ни при какихъ обстоятельствахъ.

---

[1] Gordon, III, 264—265.

За нѣсколько дней до этого письма Гордонъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ, что Довмонтъ получилъ отъ императорскаго резидента въ Польшѣ письмо для передачи Украинцеву, гдѣ говорилось, какъ непріятно императору изгнаніе іезуитовъ, и что можно опасаться совершеннаго прекращенія дипломатическихъ сношеній его съ Россіей, если іезуиты не будутъ возвращены. [1] Угрозы не имѣли своего дѣйствія. Изъ перехватываемой корреспонденціи наши уже давно знали о впечатлѣніи, произведенномъ на цесаря высылкой іезуитовъ, и все же правительство не думало смягчать свои требованія для духовныхъ лицъ. Оно запретило даже переписку доктору Карбонарію съ Вѣной, впрочемъ болѣе по другимъ причинамъ [2]. Жена укоряла его оттуда въ невѣрности къ ней, въ крайне непечатныхъ выраженіяхъ говорила ему объ обольщенныхъ имъ женщинахъ и требовала отъ него присылки денегъ, угрожая въ противномъ случаѣ осрамить его предъ государями и прислать ему экземпляръ сложенной о немъ пѣсни. О тонѣ писемъ можно уже судить по одному адресу: «сія грамота да отдастся измѣнному дохтуру Григорію Карбонарію въ его проклятыя руки, на Москвѣ». Адамъ Стилли, переводчикъ при цесарской канцеляріи и нашъ тайный агентъ, увѣдомлялъ Карбонарія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми фактами изъ политической жизни, также о дѣлахъ частныхъ. «Ты забылъ насъ всѣхъ, значилось

[1] Gordon, II, 328

[2] М. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Цесарскія дѣла 1690 года, № 6: «Пріѣздъ изъ Вѣны стародубскаго купца Суслова, чинимые ему распросы о тамошнихъ поведеніяхъ и о перепискѣ доктора Карбонарія съ цесаремъ; тутъ же переводы съ писемъ къ Карбонарію отъ Адама Стилля и отъ жены его».

въ его письмахъ, только недавно видѣли одну твою грамотку, въ которой писалъ ты отцу іезуиту Товію Чавскому о своихъ московскихъ дѣлахъ; но мы вспоминаемъ о тебѣ. И я могу сказать тебѣ, что жена твоя еще въ Вѣнѣ пребываетъ и явилась къ нынѣшнему папскому послу, принося различныя свидѣтельства изъ Штанмарка отъ тамошняго духовнаго собора, что ты жилъ съ нею злобно; но этимъ господиномъ признаны они недостаточными къ разводу. Она проситъ также призывной грамоты къ суду, чтобы здѣсь тебѣ стать; а если не появишься, думаетъ бить челомъ царскому величеству о проѣзжей грамотѣ и ѣхать къ Москвѣ для скораго съ тобою свиданія. Я вижу и познаю изо всего, что льстивые люди и богоотступники сіе несогласіе между вами учинили... Напиши къ женѣ своей, какъ ей путь свой исправить, въ виду скораго посольства изъ Вѣны, или пришли къ ней нѣсколько денегъ, чѣмъ здѣсь жить, и чтобъ тебѣ на Москвѣ не досадила, потому что іезуиты крѣпко за нее стоятъ и чего она не захочетъ, почти все сбывается... По наговору іезуитовъ она все получитъ у цесаря, потому что они обнадежили, что отъ ихъ царскаго величества погодно получаешь большое жалованье; и если она придетъ въ Москву и принесетъ жалобу, и то приключится къ великому твоему безчестію и злополучію». Стиллъ просилъ доктора увѣдомлять его чрезъ Довмонта о московскихъ происшествіяхъ. Содержаніе писемъ было доведено (14 октября) до свѣдѣнія государей. Подобныя же отношенія къ оставленной въ Вѣнѣ женѣ открылись и со стороны генерала фонъ-Граама. Это еще болѣе освѣтило внутреннюю жизнь близкаго къ выгнаннымъ іезуитамъ московскаго кружка. Но докторъ и генералъ—

не іезуиты, служилыми людьми у насъ дорожили, и все ограничилось тѣмъ, что Карбонарію запрещено было писать въ Вѣну и внушено ему, чтобы онъ служилъ государямъ вѣрно, согласно принесенной имъ присягѣ, а о Граамѣ приложено стараніе возстановить его семейную жизнь и защитить его отъ притязаній Леопольда.

Въ Москвѣ знали не только о впечатлѣніи высылки іезуитовъ на цесаря, но и о мести выгнанныхъ отцовъ. Съ однимъ архимандритомъ Исаіемъ были во времена Крымскихъ походовъ при Софьѣ отправлены грамоты къ валашскому воеводѣ и константинопольскому патріарху о цѣляхъ нашего правительства относительно христіанъ, находившихся подъ турецкимъ игомъ. Въ Австріи архимандрита схватили, били, посадили въ тюрьму, а царскія грамоты распечатали. Около двухъ лѣтъ томился Исаія, и наконецъ ему удалось написать къ Іоанникію Лихуду: «Пока я находился въ Вѣнѣ, еще была надежда объ освобожденіи, и теперь хотя трудятся и Стилли и полковникъ, пособить не могутъ, потому что, кромѣ прежней бѣды, новая явилась. Проклятые іезуиты, которые согнаны съ Москвы, пріѣхали сюда и распускаютъ худую славу; были у цесаря и сказали обо мнѣ, что пріѣзжалъ въ Москву съ грамотами отъ воеводы Щербана и отъ патріарховъ, заключавшими предложенія о возстаніи Грековъ, Болгаръ, Сербовъ и Волоховъ, о взятіи Царьгорода и потомъ войны противъ цесаря; они увѣряли цесаря и письменно, что все это такъ чинилось, когда они жили въ Москвѣ; и иныя многія бѣды сказывали цесарю и его ближнимъ людямъ. Если вскорѣ не заступятся государи, всеконечно буду я безъ головы. А нынѣ отселѣ идетъ посланный, и можно ему грамоты патріаршія и

Щербановы показать, что противнаго въ нихъ ничего не написано. Ближніе люди здѣшніе говорятъ: какъ Москали безчестили на Москвѣ нашихъ іезуитовъ, мы здѣсь сдѣлаемъ ему, Исаію, и заморимъ его... Іезуиты воры вымышляютъ много ложнаго и разсѣваютъ здѣсь плевелы... И Лихудій радѣлъ бы въ Москвѣ, потому что іезуиты смѣются и говорятъ, что нѣтъ у Москалей разума и не смѣютъ они ничего для меня сдѣлать. Въ два года ничего не отозвалось обо мнѣ отъ государей, а здѣшніе за своихъ іезуитовъ умираютъ, не только что заступаются» [1].

Такія-то вѣсти предупредили у насъ переходъ чрезъ рубежъ цесарскаго посла, извѣстнаго уже Яна Игнатія Куртца [2]. По взятой у него на рубежѣ росписи, въѣхало съ нимъ 25 человѣкъ: его пасынокъ Антоній Плейеръ, «ксензъ доминиканскій Лудовикъ Кобличъ» и другіе. Увѣдомленный о цѣли его посольства «всѣми мѣрами домогаться о возвращеніи въ Россію іезуитовъ», голландскій резидентъ Келлеръ зорко слѣдилъ за «интернунціемъ» и сообщилъ [3] своему правительству, что посолъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ довольно холодно, но что онъ привезъ съ собой много денегъ. Такихъ сложныхъ приготовленій, какъ въ пору пріѣзда Блюмберга и Жировскаго, теперь, дѣйствительно, не дѣлалось; значеніе цесаря въ Москвѣ было гораздо слабѣе, чѣмъ при Софьѣ, когда на союзѣ съ Австріей надѣялись и желали основать слишкомъ многое. Затруднительное положеніе самого Леопольда, вслѣдствіе возстанія въ Венгріи подъ

---

[1] Памятн. дипломат. сношеній Россіи, VII, 718—721.

[2] Памятн. дипломатич. сношен. Россіи, VII, № XXXVIII.

[3] Posselt, I, 462.

предводительствомъ Текелія, также было извѣстно нашимъ. Отъ Куртца потребовалось много усилій добиться того, чтобы переговоры вести ему не съ однимъ дьякомъ Украинцевымъ, а еще съ особымъ бояриномъ познатнѣе. Этимъ назначенъ былъ ближній окольничій Ив. Ив. Чаадаевъ.

Съ ними «первый отвѣтъ» въ Посольскомъ приказѣ Куртцъ имѣлъ 8 мая 1691 года. По предложенію нашему правительству немедленно отправить войска къ Крыму, чтобы тѣмъ удержать татарскія полчища отъ соединенія съ Текеліемъ, Куртцъ, вынужденный боярами тотчасъ же объявить имъ и о другихъ цесарскихъ ему порученіяхъ, завелъ длинную рѣчь объ іезуитахъ. «Цесарское величество, говорилъ онъ, отъ великихъ государей имѣлъ истинную и надежную неотмѣнность въ пріятельствѣ и дружбѣ, когда они, согласно его желанію, позволили въ своемъ царствующемъ градѣ Москвѣ быть католическому ученію и іезуитамъ, духовнымъ лицамъ римской вѣры, по каковой милости іезуиты жили въ Москвѣ и невозбранно употребляли свое богомоліе, въ надеждѣ, что имъ то не будетъ возбранено и впредь; но нынѣ онъ весьма дивится, что съ Москвы ихъ вдругъ отпустили, чѣмъ оказано нарушеніе братской дружбы и любви, даже неизвѣстно, по какимъ причинамъ состоялся такой быстрый отпускъ. Между тѣмъ пребываніе въ Москвѣ іезуитовъ цесарское величество принялъ отъ царскаго величества братолюбиво и считалъ дѣломъ, наиболѣе важнымъ къ поддержанію братской дружбы и любви; въ своей дружбѣ онъ, по многому государеву желанію и доношенію, соизволилъ самъ отдавать отвѣтныя грамоты царскимъ посламъ перваго и втораго чина. О такой взаимности говорено царскому послу боярину Бор. Петр. Шереметеву съ товари-

щами и постановлено, что то впредь будетъ храниться ненарушимо. Надѣясь на свободное іезуитамъ житье, цесарь отдалъ грамоту самъ не только тѣмъ посламъ, но и бывшему послѣ нихъ гонцу Алексѣю Васильеву, котораго принялъ посломъ втораго чина. Когда же узналъ о внезапномъ отпускѣ іезуитовъ съ Москвы, ему стало то сомнительно; только онъ надѣется, что теперь, послѣ даннаго представленія, великіе государи, въ силу братской своей дружбы и любви къ нему, укажутъ тѣмъ іезуитамъ жить въ Москвѣ по прежнему, для ученія и умноженія ихъ римской вѣры и отправленія богослуженія. Это государямъ возможно, потому что въ Москвѣ имѣло вольное отправленіе вѣры не только католическое духовенство, но и иныхъ постороннихъ и несоюзныхъ народовъ иновѣрцы, лютеры и кальвины, донынѣ невозбранно пользуются здѣсь въ своихъ духовныхъ моленіяхъ и ученіяхъ вольностію, и препятствія имъ нѣтъ ни отъ кого; въ цесарскихъ государствахъ, въ Венгерской и Сербской земляхъ, духовнымъ Греческой вѣры также никакого озлобленія и изгнанія не чинится».

Бояре обѣщались донести о томъ государямъ. На слѣдующемъ засѣданіи (14 мая) объ іезуитахъ однако не упоминалось: предметомъ обсужденія было предложеніе о наступательномъ союзѣ противъ султана; подъ предлогомъ болѣзни Куртцъ выпросилъ себѣ разрѣшеніе, вмѣсто дома окольничаго Богд.Полибина, въ Бѣломъ городѣ, жить дня три-четыре въ Нѣмецкой слободѣ у лѣкаря Ивана Еремѣева.

Но и помимо этого случая посолъ видѣлся съ московскими единовѣрцами. Католическіе представители Слободы, и особенно Гордонъ, могли посѣщать его, или же

послы навѣщали ихъ. Гордонъ отмѣчалъ о себѣ, какъ часто онъ присутствовалъ за богослуженіемъ «доминиканскаго монаха», то-есть Коблиція; и затѣмъ или самъ обѣдалъ у пословъ, или принималъ ихъ въ своемъ домѣ. Коблицій правилъ всѣ требы, 7 іюня онъ окрестилъ у Гордона сына Петра. Воспріемниками были Куртцъ, польскій резидентъ Довмонтъ и жена полковника Ливистонъ. Отецъ новокрещеннаго далъ имъ обѣдъ, и всѣ они провели время съ большимъ удовольствіемъ. Чрезъ мѣсяцъ (9 іюля) дочь Гордона Мэри разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Такъ какъ дитя было слишкомъ слабо, то крещеніе его назначили на слѣдующій день. Въ качествѣ воспріемниковъ были самъ Гордонъ, генералъ-майоръ Менезіусъ и другіе. Крестилъ тотъ же доминиканецъ [1].

Для сношеній католиковъ съ членами посольства времени было слишкомъ достаточно, такъ какъ личное присутствіе Куртца въ Посольскомъ приказѣ не понадобилось очень долго. Выставляя препятствіемъ то болѣзнь царя Ивана Алексѣевича или царицы Натальи Кирилловны, то собираніе точныхъ данныхъ о готовности къ выступленію союзныхъ съ нами польскихъ войскъ, наши замедляли отвѣтомъ до конца лѣта. Наконецъ государи велѣли (29 августа) сказать Куртцу: «костелу, іезуитамъ и училищамъ ихъ нынѣ и впредь на Москвѣ не быть. Когда было дозволено іезуитамъ, для любви къ цесарю, жить до указу на время, спокойно, и отправлять службу на дому; то они начали жить противно, вступаться не въ свои дѣла, вмѣщать новое, писать по почтѣ въ иныя государства о томъ, о чемъ не надлежало; святѣйшему патріарху и всему

[1] Gordon, II, 338 и слѣд.

грекороссійскому духовенству и благочестію чинили многую противность, на прелесть и на ссору печатали на русскомъ языкѣ многіе листы и призывали въ свои училища русскихъ дѣтей. Въ иныхъ государствахъ, именно въ Венеціи, жить имъ также не дозволяютъ. Прежде же допустили ихъ въ Москву на время не для отданія грамотъ, чтобы цесарь началъ отдавать грамоты посламъ, послапникамъ и гонцамъ изъ своихъ рукъ, но изъ любви братской къ его цесарскому величеству. Одному же свѣтскому священнику, кромѣ іезуитовъ и иныхъ законниковъ, побыть въ Москвѣ на время царское величество указали, и то ради начальныхъ людей римскаго исповѣданія, которые нынѣ у государя на службѣ, и отправлять ему для нихъ службу на дому». Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было передать послу, что его болѣе не держатъ. На «третьемъ отвѣтѣ» (2 сентября) бояре все это и объявили Куртцу, повторивъ буквально слова указа. Нѣкоторое развитіе они допустили въ пунктѣ о печатныхъ листахъ, именно, что іезуиты «листы многіе печатали русскимъ языкомъ на прелесть въ Римѣ, привезли съ собой къ Москвѣ и раздавали по домамъ», также присоединили, что изъ иныхъ «христіанскихъ государствъ», кромѣ Венгріи, не держатъ іезуитовъ еще и въ Англіи.

Разрѣшеніемъ правительства имѣть московскимъ католикамъ свѣтскаго священника Куртцъ былъ не доволенъ; онъ продолжалъ домогаться такой льготы собственно для іезуитовъ. «Слыша объ изгнаніи іезуитовъ изъ Москвы, говорилъ онъ, цесарь весьма опечалился, потому что они сосланы напрасно, по оклеветанію живущихъ на Москвѣ еретиковъ, лютеранъ и кальвиновъ. Іезуиты люди ученые

и жили на Москвѣ, по желанію цесаря, не для иного чего, какъ для исповѣданія католиковъ, пребывающихъ на государевой службѣ. Если же они, какъ люди, въ чемъ-нибудь и преступили данные имъ наказы; то можно ихъ удержать и накрѣпко приказать имъ, чтобы они на будущее время того не дѣлали. Въ Венеціи іезуиты живутъ по изволенію папину, лишь перемѣняясь чрезъ каждые три года, а въ Англіи живутъ же, только тайно, и платья своего не носятъ, одѣваются какъ всѣ Англичане». «Самъ же ты объявляешь, возражали ему Чаадаевъ и Украинцевъ, что въ Венеціи живутъ іезуиты всего по три года и въ Англіи тайно и переодѣтые: скажи, зачѣмъ это дѣлается? А намъ подлино извѣстно, что въ тѣхъ земляхъ іезуитамъ на житье повольности нѣтъ».—«Такой ужь, отвѣчалъ Куртцъ, въ Венгріи обычай, чтобы іезуитамъ тамъ перемѣняться; въ Англіи носятъ простое платье ради множества тамъ вѣръ, для лютеранъ и кальвиновъ, чтобы не встрѣчать отъ тѣхъ противныхъ вѣръ подозрѣнія и укоризны, и чтобы ихъ, когда они обращаются съ людьми, никто не узналъ. И великіе государи, дабы удовлетворить прошенію цесаря, позволили бы нынѣ жить іезуитамъ въ Москвѣ по образу венеціанскому, на три года; объ ихъ обязанностяхъ написать статьи, которыя будутъ исполнены іезуитами со всей точностію, какъ исполняютъ они въ Венеціи». Чтобы найти опору для даннаго предложенія, онъ представилъ договоръ, на латинскомъ языкѣ, будто бы заключенный Шереметевымъ въ Вѣнѣ.

Этою грамотою обѣщалось іезуитамъ постоянное пребываніе въ Москвѣ, въ обмѣнъ на согласіе цесаря выдавать посольскія грамоты изъ своихъ рукъ. Наши

отвергли ея подлинность: потому что Шереметевъ съ товарищами такой грамоты не только не давали, но и давать имъ было не для чего, такъ какъ іезуиты жили въ Москвѣ не по обязательству, а изъ любви государей къ цесарю, къ тому же у подданной грамоты нѣтъ посольскихъ рукъ. Тогда Куртцъ сталъ благодарить за дозволеніе служить въ Москвѣ священнику, но тотчасъ запросилъ, нельзя ли жить двоимъ. Впрочемъ, присоединилъ онъ, поправится ли это цесарю, онъ не знаетъ: такъ проситъ онъ отъ своего имени; а цесарь желаетъ, чтобъ на Москвѣ жили іезуиты. Бояре обѣщали донести объ его просьбѣ относительно другаго плебана государямъ и сообщить ему, какая послѣдуетъ царская воля: только бы онъ, посланный, объявилъ теперь имъ, почему цесарь желаетъ быть въ Москвѣ іезуитамъ? Для ученія и выполненія законовъ католической вѣры вѣдь довольно было бы и плебана, а не іезуитовъ. «Желаетъ цесарь этого по той причинѣ, что ему было бы стыдно не сдержать своего слова, которое, въ надеждѣ на посольское представленіе, онъ далъ іезуитамъ, что они съ осквы не будутъ выгнаны; кромѣ того, ему желательно очистить постороннее ругательство на іезуитовъ: живущіе въ Москвѣ лютеране и кальвины весьма ругательными письмами огласили ихъ, взведя на нихъ небывалыя вины, поруганіе до сихъ поръ лежитъ на нихъ во всѣхъ государствахъ, и оправдать ихъ не кому». На это наши не безъ ироніи замѣтили ему: «стыда и кручины цесарскому величеству въ томъ нѣтъ, что іезуиты, живя въ Москвѣ, оказались своими непотребными дѣлами противны Грекороссійской благочестивой Восточной церкви и за то были выгнаны. По причинѣ ихъ

непотребныхъ дѣлъ имъ и впредь жить здѣсь не доведется и не пристойно; вѣры своей римской и католическаго ученія въ Московскомъ государствѣ распространять не надобно, потому что благочестивая Восточная и Апостольская Церковь, мать всѣхъ православныхъ народовъ Русскаго царства, имѣетъ богодухновенное благочестивое ученіе, которое Ею всегда содержится непоколебимо, и иностранныхъ ученій не пріемлетъ. Буде же житье іезуитовъ въ иностранныхъ государствахъ цесарю показалось надобно, то, для умноженія вѣры римской и католическаго ученія, послалъ бы ихъ на житье въ такія иностранныя государства, гдѣ не исповѣдаютъ и не знаютъ истиннаго Бога и живутъ во мракѣ, тамъ бы они и научали и обращали къ своей римской вѣрѣ. За непотребныя дѣла іезуиты понесимы и въ прочихъ государствахъ. Лютераны и кальвины хотя и отстоятъ своимъ еретичествомъ отъ восточнаго благочестія далѣе католиковъ, однако же противности отъ нихъ восточному благочестію нѣтъ и въ духовныя дѣла они не вступаются; и писали ли они какія объ іезуитахъ ругательныя письма, въ Посольскомъ приказѣ того неизвѣстно».

Въ подтвержденіе своихъ домогательствъ Куртцъ подалъ письмо, объявивъ, что оно написано въ прошломъ 1685 году, когда онъ уговорился съ боярами о пребываніи въ Москвѣ іезуитовъ подъ условіемъ собственноручной передачи цесаремъ грамотъ посланникамъ первыхъ двухъ разрядовъ; оставалось-де только скрѣпить руконрикладствомъ; но бояре потребовали, чтобы цесарь началъ отдавать грамоты: тогда-де оно и можетъ быть утверждено. Наши полюбопытствовали относительно этого документа. Переведя его, они не могли не замѣтить, что

оно составлено безъ строгаго соблюденія формы царскаго титула и въ немъ выражены одни давно извѣстныя уже желанія цесаря: за передачу посольскихъ грамотъ изъ собственныхъ рукъ навсегда обязать государей дозволять жить въ Москвѣ іезуитамъ, построить костелъ и открыто отправлять всѣ религіозныя церемоніи. Для укрѣпленія дружбы, утверждалось въ немъ, «мы, великіе государи, настоящимъ письмомъ своимъ царскимъ за насъ и за наслѣдниковъ нашихъ царей и великихъ князей къ удовлетворенію желаніямъ цесарскаго величества, брата нашего любезнѣйшаго, объявляемъ, обѣщаемся и позволяемъ, чтобы впредь въ нашемъ столичномъ городѣ Москвѣ полное и явное вѣры римляно-католическое твореніе съ воздвиженіемъ костела, съ употребленіемъ колоколовъ, съ явными похоронами и иными чинами чрезъ отцовъ іезуитовъ свободно и безопасно твориться и дѣйствоваться могло, такъ чтобы намъ и нашимъ наслѣдникамъ то позволеніе царское всегда сохранять и всякую безопасность римляно-католикамъ, ихъ ксензамъ и служителямъ всегда постоянно ущедрять, и никогда не допускать, чтобы за свою католическую вѣру и ея твореніе кто-нибудь былъ озлобленъ силой или обидой, но могъ бы употреблять съ полнымъ спокойствіемъ и безопасностію» [1].

---

[1] Переводъ этой грамоты въ Статейномъ спискѣ (Памятн. дипл. снош. VII, 849—850); въ Каголическихъ дѣлахъ Архива хранится латинскій ея текстъ и русскій переводъ, съ отмѣткой: «Лѣта ҃ѕ҃с года сентября въ ҃к҃ день подалъ въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ цесарской посланной Яганъ Курцъ, будучи въ третьемъ отвѣтѣ»; на оберткѣ надпись: «1691 г. сент. 2. Переводъ (на латинскомъ языкѣ) съ грамоты государевой жалованной о дозволеніи въ Москвѣ построить публичную церковь римскаго испо-

Желая отбить у интернунція охоту къ продолженію домогательствъ о возвращеніи іезуитовъ, бояре положили наконецъ показать ему подлинныя непристойныя іезуитскія письма. Сдѣлать это они желали съ соблюденіемъ глубокой тайны. Такою осторожностію руководило ими здѣсь не опасеніе, чтобы въ Вѣнѣ не узнали, какому контролю подвергается у насъ иностранная корреспонденція, особенно веденная чрезъ польскаго резидента: въ Вѣнѣ поступали съ чужой перепиской несравненно жестче. Архимандрита Исаію тамъ били, подвергли тюремному заключенію, распечатали имѣвшіяся при немъ даже царскія грамоты. Когда бояре поставили это Куртцу на видъ, объявляя ему, что въ царскихъ грамотахъ къ патріархамъ ничего не было, кромѣ обѣщаній милостыни; то Куртцъ ничего не нашелся сказать, какъ то, что генералъ, который распечаталъ грамоты, поступилъ будто бы самовольно, и что архимандрита-де держали въ тюрьмѣ только потому, что за него у цесаря не было челобитчиковъ, но что теперь, когда за него заступаются государи, онъ отпущенъ и ѣдетъ къ Москвѣ. Осторожность внушалась боярамъ разсчетомъ, чтобы о средствахъ контроля не догадались жившіе въ Москвѣ иноземцы. Заграничные іезуиты и московскіе католики, не получая отвѣтовъ на свои письма, посылаемыя ими и по почтѣ, и чрезъ частныхъ лицъ, нерѣдко объясняли это неисправностью тѣхъ, къ кому писали: теперь судьба ихъ корреспонденціи и пути, какъ она попадаетъ въ руки правительства, могли бы огласиться. Поэтому іезуитскія

вѣданія». Этимъ экземпляромъ пользовался гр. Толстой, I, 124—125, и прилож. 4 е.

письма были показаны Куртцу одному, причемъ были высланы даже его секретари.

Куртцъ самъ принадлежалъ къ Іезуитскому ордену и потому нечего и упоминать, какъ непріятна была ему эта корреспонденція, компретирующая его духовныхъ собратій и объясняющая ему тѣ непреоборимые мотивы, которыми руководствовалось наше правительство въ своемъ отказѣ.

Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ весьма искусный, онъ, осмотрѣвъ пристально письма, печати, надписи на обертках и прочтя ихъ, старался не показать своего смущенія, и заподозрилъ подлинность документовъ: жившіе на Москвѣ іезуиты были-де люди разумные, и не думаетъ онъ, чтобъ они писали такія письма, развѣ не написалъ ли ихъ ради ссоры кто-нибудь изъ лютеранъ и кальвиновъ. Подлинность писемъ была нашими доказана, и его успокоивали, что они показаны ему не съ цѣлію позора іезуитамъ или римскому закону: государи изволили объявить ихъ ему наединѣ, тайно, въ Москвѣ о нихъ никто не знаетъ, ихъ никому не кажутъ, и посланный пусть донесетъ объ нихъ цесарю, что высланные іезуиты отличались непостоянствомъ не только на Москвѣ, но не удержались отъ непотребныхъ дѣлъ и въ дорогѣ. Обезоруженный Куртцъ могъ только сказать: «Во всѣхъ чинахъ между добрыми могутъ быть худые люди, и надобно разсуждать, чтобы изъ-за худыхъ не изгонять добрыхъ». Подобныя общія разсужденія, конечно, были ни для кого не убѣдительны. Тогда посолъ поворотилъ разговоръ на вопросъ о домѣ, въ которомъ прежде жили іезуиты и который былъ оффиціально записанъ на имя

Гвасконія: онъ сталъ домогаться признанія его цесарскимъ. «Бывши на Москвѣ въ 1685 году купилъ онъ въ Нѣмецкой Слободѣ дворъ на имя торговаго иноземца Ивана Гвасконія, занявъ у него деньги, которыя потомъ выплачены Гвасконію изъ цесарской казны; и теперь проситъ, чтобы тотъ дворъ былъ подъ именемъ цесарскаго величества, какъ есть въ Московскомъ государствѣ обывательные дворы иныхъ окрестныхъ государей». Признаніе дома цесарскимъ открыло бы императору самый благовидный поводъ постоянно вмѣшиваться въ дѣла католической общины, и безцеремонному просителю сказано сухо: «Прежде цесарскихъ дворовъ на Москвѣ не бывало, и нынѣ быть имъ не для чего; когда тотъ дворъ купленъ на имя торговаго иноземца Гвасконія, такъ Гвасконій пусть и владѣетъ имъ».

Изъ предложеній Куртца оставалось, такимъ образомъ, нерѣшеннымъ только одно—относительно присоединенія втораго ксенза. Волю государей объ этомъ онъ узналъ 8 сентября, на четвертомъ засѣданіи, причемъ онъ не опустилъ случая вплести новыя предложенія и повторить прежнія. Окольничій и думный дьякъ объявили ему: его просьбу о возвращеніи іезуитовъ они государямъ доносили снова, но государи жить іезуитамъ на Москвѣ не указали за ихъ подозрительные поступки, о которыхъ ему было сказано въ третьемъ отвѣтѣ и подтверждено непристойными письмами; при одномъ же ксензѣ быть другому, для отправленія вѣры у начальныхъ людей, они, по братской дружбѣ къ цесарю, соизволили, подъ условіемъ, чтобы въ Москвѣ имъ отнюдь въ чужія дѣла не вмѣшиваться, Грекороссійской вѣрѣ противнаго не чинить, Русскихъ не прельщать, на дома къ нимъ не ходить,

службу совершать въ домахъ начальныхъ людей католической вѣры, также не писать и не посылать по почтѣ за границу никакихъ вѣстовыхъ или затѣйныхъ писемъ. Ксензы непремѣнно должны быть свѣтскіе плебаны, а не переодѣтые въ ихъ платье и подъ ихъ именемъ іезуиты; если же послѣдніе окажутся, то всѣхъ ихъ, какъ іезуитовъ такъ и плебановъ, вышлютъ навсегда, и впредь имъ жить на Москвѣ не будетъ дозволено. О дворѣ Гасконія государи велѣли сказать, что быть ему подъ именемъ цесарскимъ дѣло новое и нестаточное: въ Московское государство торговые люди, подданные цесаря, не пріѣзжаютъ, дворъ купленъ на имя живущаго въ немъ Гасконія; въ Вѣнѣ, Прагѣ и иныхъ городахъ цесарева государства царскихъ дворовъ нѣтъ.

Выслушавъ это, неугомонный интерпунцій возразилъ: «Обѣщавъ іезуитамъ выхлопотать имъ постоянное въ Москвѣ житье, цесарю послать духовныхъ инаго чина будетъ стыдно. Тѣ ксензы, которымъ теперь дозволяется пріѣхать сюда, привыкли жить при католическихъ свѣтскихъ кастелахъ съ большими мірскими доходами и израсходовать крупныя суммы, въ годъ ефимковъ по 1,000, и они жить въ Москвѣ не захотятъ, на государевой службѣ начальныхъ людей католической вѣры число малое, такихъ большихъ доходовъ плебанамъ не соберется. Между тѣмъ іезуиты— законники, терпятъ всякую нужду, не какъ мірскіе люди, питаются скудною пищей, въ годъ имъ выходитъ на пищу всего ефимковъ по 30 человѣку, имъ при небольшомъ числѣ начальныхъ людей можно было бы жить безъ убытка». На это онъ получилъ въ отвѣтъ: «Да хотя іезуиты и терпятъ въ жизни нужду и питаются скудными кормами, все же жить имъ въ Москвѣ не будетъ дозволено, за

ихъ противныя дѣла, о которыхъ ему объявлено и теперь объявляется ему еще новое письмо, іезуита Товіи Тихавскаго, который обвиняетъ своего товарища Давида Георгія, что этотъ, живя на Москвѣ, ославился непстовымъ поступкомъ [1]. Плебановъ, какъ ни много израсходуется на нихъ, подданные царскаго величества служилые иноземцы прокормятъ безъ скудости».

Значеніе письма Тихановскаго Куртцъ умалялъ тѣмъ, что прямаго обличенія Георгія въ немъ не написано, видно одно, что между отцами вышла какая-то ссора. Однако, сознавая всю безполезность дальнѣйшихъ домогательствъ въ этомъ направленіи, онъ вдругъ началъ просить, чтобъ государи положили на волю цесаря выбрать если не іезуитовъ, то по крайней мѣрѣ членовъ другихъ духовныхъ орденовъ, которымъ онъ прикажетъ жить смирно, по духовному чину, и дастъ имъ изъ своей канцеляріи особыя статьи. Буде и этого не соизволятъ, то вручили бы ему изъ Посольскаго приказа письменное обѣщаніе о неотмѣнной повольности житья на Москвѣ свѣтскимъ плебанамъ, и на случай, когда цесарь, найдя такихъ плебановъ, отправитъ ихъ сюда, въ Смоленскъ послана была бы грамота о безпрепятственномъ отпускѣ. Удовлетворенія удостоилась одна послѣдняя его просьба. Воля государей, сказано ему, чтобы жили у насъ одни свѣтскіе плебаны; письма о нихъ давать не для-чего: они, окольничій и думный дьякъ, обнадеживаютъ его о томъ, пусть цесарь лишь прикажетъ посылаемымъ плебанамъ, чтобы они строго выполняли

[1] Въ подлинникѣ собственно: «оказался непстовымъ поступкомъ».

тѣ условія, на коихъ допущены; на рубежѣ ихъ впустятъ безъ задержки.

Льготой бѣлымъ священникамъ Куртцъ воспользовался, чтобы возобновить вопросъ о домѣ. Прося отвести домъ Гваскопія подъ плебановъ, онъ повторилъ прежнее о немъ предложеніе, опираясь на то, что государи, если пожелаютъ, могутъ пріобрѣсть дома въ цесарскомъ государствѣ, въ Вѣнѣ и Прагѣ, и представилъ Гвасконіеву купчую, чтобы переписали ее на имя цесаря. Крѣпости не взяли и отдать домъ подъ житье плебанамъ не согласились: плебаны должны жить у начальныхъ людей католической вѣры, пребывающихъ на государевой службѣ; домъ же долженъ остаться за Гвасконіемъ. Въ Москвѣ не имѣетъ своего двора даже польской король, государство котораго граничитъ съ Московскимъ; а государство цесаря съ нашимъ не граничитъ, государи въ его владѣніяхъ заводить дома не желаютъ, потому что московскіе купцы тамъ не торгуютъ. Если и есть здѣсь дворъ шведскаго короля [1], то въ немъ живутъ королевскіе торговые люди, какъ находятся, на случай пріѣзда нашихъ купцовъ, торговые дворы и въ предѣлахъ Швеціи.

Послѣ этого интернунцію ничего нельзя было болѣе сдѣлать, какъ выхлопотать разрѣшеніе объ оставленіи въ Москвѣ своего «доминиканца», впредь до прибытія тѣхъ духовныхъ, какихъ назначитъ цесарь. Объ этомъ думали и нѣкоторые изъ московскихъ католиковъ. 13 сен-

---

[1] Объ этомъ Шведскомъ подворьѣ см. въ наш. изслѣдов: «Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ», гл. IV.

тября Гордонъ, послѣ богослуженія, говорилъ съ посломъ и патеромъ, чтобы послѣдній остался въ Москвѣ [1]. Надобно было спѣшить. Уже шли сборы о проводахъ посольства. Посольскимъ приказомъ затребованы были (8 сен.) изъ Сибирскаго приказа соболи для подарковъ интернунцію и его свитѣ, Куртцу на 400 рублей, его пасынку на 60, «ксензу» на 14, и т. д. На прощальной аудіенціи и въ царской грамотѣ (14 сент.) ни о ксензахъ, ни объ іезуитахъ не упоминалось. На слѣдующее утро (15 сент.) принесены были Куртцу назначенные подарки, въ томъ числѣ его пасынку и «ксензу». Но Куртцъ еще наканунѣ узналъ, что его желаніе относительно Коблиціи удовлетворено. Гордонъ отмѣтилъ: «14 (сентября) императорскіе и польскіе послы получили отпускную аудіенцію, приказано, чтобы доминиканскій монахъ оставался, пока не придутъ другіе» [2]. Дѣйствительно, 15 сентября Куртцъ былъ еще разъ въ Посольскомъ приказѣ, на пятой конференціи, и услыхалъ слѣдующее: государи, по его просьбѣ и по челобитью начальныхъ людей католической вѣры, указали, для исповѣданія римской вѣры, оставаться на Москвѣ прибывшему съ нимъ «доминиканцу», впредь до пріѣзда ксензовъ, о которыхъ ему прежде объявлено и которыхъ пришлетъ цесарь, и чтобы онъ накрѣпко приказалъ ему не вмѣшиваться въ чужія дѣла, не чинить никакихъ прелестей, жить смирно. Куртцъ благодарилъ и обѣщался дать доминиканцу должный наказъ [3].

---

[1] Gordon, II, 350.

[2] Ibid, II, 350.

Отчетъ объ этомъ «пятомъ отвѣтѣ» 15 сент. 1691 года отпечатанъ въ Памятн. дипломат. сношен., VII, 908.—Помѣщенный

Разстался съ Москвой Куртцъ 22 сентября. До Смоленска провожали его приставъ, стрѣльцы, сынъ генералъ-маіора Павла Менезіуса, Магнусъ, съ слугой Иваномъ Калмыкомъ. Здѣсь Куртцъ затѣялъ цѣлую исторію. Онъ потребовалъ, чтобы квартиру отвели ему не на посадѣ, а въ городѣ, и пропустили его чрезъ городъ. Воевода кн. Ѳ. Ив. Шаховской отказалъ ему, ссылаясь на то, что всѣ послы останавливаются на посадѣ и ѣздятъ мимо города, тамъ, гдѣ останавливался и проѣзжалъ самъ Куртцъ на своемъ пути въ Москву. Когда онъ покинулъ русскія владѣнія, Шаховскому сообщена была изъ Посольскаго приказа грамота (отъ 20 окт.), чтобы онъ, если явятся на рубежъ съ цесаревою къ Москвѣ проѣзжею грамотою два «плебана или ксенза» и объявятъ, что послалъ ихъ цесарь по обнадеженію чрезъ своего посла Куртца, пропустилъ ихъ безъ задержки, при этомъ крѣпко наблюдая, чтобы по ошибкѣ подъ ихъ именемъ не впустить іезуитовъ; при чемъ присоединялось также, что для этихъ свѣтскихъ плебановъ обѣщано Куртцу житье въ Москвѣ на время.

въ Полн. Собр. Законовъ (III, № 1388) и повторяемый гр. Толстымъ (I, 124) и Possel't'омъ (I, 464) будгобы «именной» указъ о томъ, что «великіе государи на конференціи пятой съ присланнымъ отъ цесаря Іоанномъ Куртцомъ указали, для братскія дружбы съ его цесарскимъ величествомъ, быть на Москвѣ при одномъ ксензѣ и другому», стоитъ въ противорѣчіи съ этимъ отчетомъ статейнаго списка. Повидимому, здѣсь кроется недоразумѣніе. О присоединеніи втораго ксенза къ первому Куртцъ просилъ на третьей конференціи, а отвѣтъ ему данъ на конференціи четвертой, и приведенный указъ, помѣченный 1690 годомъ и безъ означенія числа, лишь повтореніе отвѣта бояръ (Пам. диплом. сношен. VII, 865) на четвертой конференціи, бывшей 8 сент. 1691.

Сношеніи съ Московскою общиной Куртцъ не прекратилъ. Онъ писалъ Гордону и изъ Смоленска, и изъ Минска, и изъ Вѣны. Гордонъ отвѣчалъ (въ началѣ 1692 г.) ему: «Желаю вамъ, дражайшій г-нъ кумъ (theuerster Herr Gevatter), счастія въ вашемъ благополучномъ прибытіи въ Вѣну и сожалѣю, что смоленскій воевода такъ невѣжливо обошелся съ вами. Его величеству извѣстно это, и уже посланъ туда другой, болѣе вѣжливый, которому поручено патеровъ, какъ только пріѣдутъ, переправить сюда. Я не знаю, что бы они могли привезти съ собой, кромѣ книгъ, которыя содержали бы правила къ обученію юношества и вообще полезное, чего здѣсь нѣтъ... Священникъ, котораго вы здѣсь оставили, ведетъ себя очень хорошо, и мы заботимся, чтобы онъ былъ доволенъ».

При Коблиціи, оставленномъ подъ званіемъ «доминиканца», религіозная жизнь общины оживилась. «Мы, римско-католики, увѣдомлялъ (10 марта) Гордонъ іезуитовъ, жившихъ въ Китаѣ, мы, по особой царской милости, пользуемся свободой богослуженія». Не много спустя онъ доносилъ (23 іюля) Шмидту: «Наша община находится въ посредственномъ состояніи; наша церковь или молельня расширена и прилично украшена. Я же долженъ постоянно жить при Дворѣ, такъ что едва имѣю время привести въ порядокъ, о чемъ пишу». Вмѣстѣ съ тѣмъ Гордонъ поручалъ Шмидту своего сына Ѳедора, посланнаго имъ въ іезуитскую коллегію въ Браунсбергъ, куда около этого времени былъ опредѣленъ Шмидтъ; онъ просилъ воспитать его во всѣхъ правилахъ іезуитства. За службой патера Коблиція бывалъ и царь Петръ. Когда овдовѣвшая дочь Гордона Мэри выходила за мужъ

за майора Карла Снивина, вѣнчалъ (12 мая) Коблиціи и въ числѣ присутствующихъ былъ Петръ со множествомъ знати и офицеровъ [1].

Чрезъ цесарскаго переводчика и тайнаго нашего агента Адама Стилли вскорѣ узнали [2] (7 февр. 1692 г.), что цесарь велѣлъ Куртцу готовить во вторичную поѣздку въ Россію своего «сына» Антонія Плейера вмѣстѣ «съ нѣмецкими законниками, которые ѣдутъ къ Москвѣ служить въ папежскомъ костелѣ»; сынъ долженъ прожить въ Россіи нѣсколько лѣтъ и научиться русскому языку, чтобы потомъ служить переводчикомъ; протори имъ всѣмъ отъ цесаря. 20 октября 1692 года эти лица были уже въ Смоленскѣ. Воеводою служилъ здѣсь теперь ближній окольничій Ив. Ив. Головинъ, который ничего не зналъ о прежней грамотѣ относительно ихъ пропуска. «Ксензовъ» онъ задержалъ, донеся Посольскому приказу, что безъ нихъ Плейеръ далѣе ѣхать не хочетъ. О распоряженіи на имя его предшественника, кн. Шаховскаго, его увѣдомили, и путники немедленно прибыли въ Москву. Помѣстили ихъ пока на Большомъ Посольскомъ дворѣ, въ особой палатѣ; цесарскую грамоту съ Плейеромъ велѣно было принять Посольскому приказу, а ему обѣщано, что государевы очи онъ увидитъ въ другое время. Въ грамотѣ, которую вручилъ Плейеръ, цесарь просилъ

---

[1] Gordon, II, 374; III, 306—307, 313—314, 316, 317—319.—На томъ основаній, что Коблиція Gordon обыкновенно называетъ только «Pater» и что Куртцъ принадлежалъ къ Іезуитскому ордену, Posselt (I, 463—464) сомнѣвается, чтобы Коблиціи дѣйствительно былъ доминиканцемъ.

[2] Памятн. диплом. сношеній, VII, 951 и слѣд.

государей, по отпускѣ Коблиція, милостиво принять двоихъ его подданныхъ, «мірскихъ ксензовъ доблестныхъ» Франциска Ксаверія Лефлера и Павла Іосифа Яроса, дозволить имъ жить въ Москвѣ, а Плейеру учиться русскому языку, и, если понадобится, защищать ихъ отъ всякихъ обидъ за время ихъ пребыванія. Переводъ съ нея отправили въ Преображенское; отвѣта оттуда не было, тогда перевели ее въ другой разъ и переводъ вклеили въ столбцы дѣла о пріѣздѣ. Наконецъ Украинцевъ получилъ (28 ноября) простое письмо дьяка Андрея Виніуса съ распоряженіемъ отъ имени Л. К. Нарышкина: «пріѣзжихъ римскихъ поповъ и Курціева пасынка учинить свободными, и дать имъ волю, и пасынку приказать жить, гдѣ сокровенно, и по Слободѣ въ лишнія мѣста не шататься». Письмо принесъ подполковникъ Яковъ Гордонъ. Выслушавъ въ Посольскомъ приказѣ это распоряженіе, Плейеръ благодарилъ и обѣщалъ жить въ Нѣмецкой Слободѣ на наемномъ дворѣ. Людовикъ Коблицій немедленно запросилъ (5 дек.) объ отпускѣ [1]; его отпустили, давъ ему пять подводъ и провожатаго толмача, и въ концѣ декабря онъ былъ за рубежемъ.

Лефлеръ и Яросъ, хотя въ цесарской грамотѣ названы «мірскими ксензами», на самомъ дѣлѣ были францискапскіе монахи [2]. Представителями Московской общины они были

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Католическія 1692 г.: «Дѣло по челобитью римскаго попа Лудовика Коблича объ отпускѣ его съ людьми его въ свою землю и о дачѣ имъ проѣзжаго указа». Памятн. дипл. снош. VII, 973—980

[2] Въ документѣ, находящемся въ Вѣнскомъ дворцовомъ и государственномъ Архивѣ, значится: «Die am 5 August 1692 auf Aller-

приняты съ удовольствіемъ. Тотчасъ же по ихъ пріѣздѣ Гордонъ посѣтилъ (18 ноября) ихъ и затѣмъ выражалъ радость, что имъ позволено остаться, причемъ значительно преувеличивалъ границы дозволенной имъ свободы [1]. 29 ноября патеры пришли въ Нѣмецкую Слободу; на другой день служили и, вмѣстѣ съ многочисленными друзьями Гордона, обѣдали и ужинали въ домѣ послѣдняго. Гордонъ присутствовалъ за ихъ богослуженіемъ почти каждый день; 8 декабря обѣдалъ съ ними у Менезіуса, а 13 сообщилъ о своей радости въ благодарномъ письмѣ къ Куртцу.

«Дражайшій господинъ кумъ! Письмо вашего высокоблагородія отъ 1 сентября настоящаго года, полученное мной чрезъ вашего пасынка, мнѣ въ высшей степени

---

höchsten Befehl nach Moskau abgeschickten zwei Missionarien waren Franciscaner: Xaver Löffler, Dechant und Pfarrer zu Kunstatt, und Paul Joseph Jaross, Pfarrer zu Brunno». Posselt, II, 149, Anmerk.

[1] «Am 28 ten (November) bekamen die Priester und Hr. Bleyer die Entscheidung, dass sie die Freiheit hätten zu gehen, wohin ihnen beliebte und zu bleiben». Gordon, II, 388. Имя Плейера Gordon почему-то писалъ неточно; въ «Римскомъ католицизмѣ» (I, 130) о званіи и объ обстоятельствахъ появленія въ Москвѣ этой личности говорится: «Вслѣдствіе переговоровъ съ императорскимъ посломъ Курцеемъ, оставленъ былъ въ Москвѣ на первое время находившійся при немъ доминиканинъ Блееръ, къ которому въ декабрѣ 1692 года присоединились присланные Курцеемъ миссіонеры—Леффлеръ и Ерошхъ». Посланникомъ Куртцемъ былъ оставленъ, собственно Коблицій, а Антоній Плейеръ не будучи духовнымъ лицомъ, пріѣхалъ на житье въ Москву послѣ, вмѣстѣ съ миссіонерами.

пріятно. Прибытіе преподобныхъ миссіонеровъ намъ доставило большую радость. По недоразумѣнію (durch ein Versehn) смоленскаго воеводы они были задержаны тамъ двѣ недѣли, а здѣсь нѣсколько дней по причинѣ торжественнаго пріема; но теперь устроились уже вполнѣ. Это прекрасные, богобоязненные и ученые мужи, думаю, что они свыкнутся съ здѣшнимъ образомъ жизни; только очень жаль, что они недостаточно понимаютъ по-нѣмецки: проповѣдывать имъ очень трудно. Мы ожидали также учителя, который обучалъ бы юношество; но отцы привезли лишь одного молодаго человѣка, родомъ Венгерца, немного знающаго музыку, и ни слова не понимающаго по-нѣмецки. Такъ какъ онъ призванъ и взятъ священниками, мы положили ему достаточное годовое жалованье, пока Богъ не пошлетъ намъ лучшаго. Сохраненіе и распространеніе католической религіи основывается здѣсь главнымъ образомъ на воспитаніи и обученіи юношества: quo semel est imbuta recens, seruabit odorem Testa diu (Ov. Met 9, 153).

«Преподобный пат. Люд. Кобленцій поступалъ здѣсь очень разумно. Мы, какъ онъ того заслуживалъ и какъ требовалъ этого нашъ долгъ, выдали ему хорошее свидѣтельство и отпустили его съ полнымъ удовольствованіемъ. Писали мы также къ римскому императору, принося ему свою подданнѣйшую благодарность за высочайшую милость и прося объ ея продолженіи. Для пасынка вашего высокоблагородія мы не могли найти лучшаго дома, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ живетъ. Правда, это дорого, за то онъ имѣетъ случай лучше ознакомиться съ языкомъ и нравами этой націи, нежели въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Мы настойчиво совѣтовали ему так-

же, чтобы онъ не оставался у польскаго резидента. Я стараюсь помогать ему, чѣмъ только могу.

«Затѣмъ, съ своей семьей и цѣлой общиной приношу вашему высокородію почтительнѣйшую благодарность за вашу заботу и труды о нашемъ благѣ и за доставленныхъ вами миссіонеровъ. Мы не сомнѣваемся, что вы не престанете и впредь привлекать къ намъ милость его римско-католическаго величества, всѣ будетъ споспѣшествовать славѣ Божіей, чести и распространенію католической религіи и спасенію католиковъ, что, по милости его римско-императорскаго величества, основывается и утверждается.

«Написалъ бы и больше, только этотъ доставитель, который знаетъ все точно, можетъ разсказать вамъ о нашихъ мысляхъ и обстоятельствахъ».

Хотя при новыхъ патерахъ отпаденія отъ католичества не прекратились, обратился въ Православіе даже полковникъ Турниръ, хлопотавшій прежде о призваніи католическаго духовенства; за то въ томъ кругѣ, центромъ котораго былъ Гордонъ, религіозная жизнь все сильнѣе проникалась духомъ іезуитизма и пропаганды. Менезіусъ, женатый на вдовѣ Марселиса, протестанткѣ, воспитывалъ всѣхъ своихъ сыновей въ католичествѣ и предъ смертію поручилъ ихъ Гордону и Карбонарію, грозя проклятіемъ тому, кто отвратилъ бы ихъ отъ католичества. Старшій сынъ былъ отданъ прежде Куртцу съ цѣлію обученія. Этотъ внушилъ ему іезуитскія понятія. По смерти отца мать пожелала возвращенія его въ Москву. Увѣдомляя объ этомъ Куртца, Гордонъ просилъ его, нельзя ли какъ-нибудь задержать его тамъ подолѣе, чтобы онъ еще лучше поукрѣпился въ

католичествѣ, и тогда можно-де быть увѣреннымъ за сохраненіе католичества и младшими его братьями, чему такъ противодѣйствуетъ мать. Гордону поручилъ своихъ дѣтей также подполковникъ Гамильтонъ, умершій въ Бѣлгородѣ. Дочь его взялъ Гваскони, сыновей Гордонъ, и воспитывали въ католичествѣ. Сюда же Гордонъ привлекалъ своихъ родныхъ. Дѣти, родившіяся отъ его дочерей, хотя и выданныхъ за протестантовъ, воспитывались въ вѣрѣ матери. Особенно фанатизировалась его родственница, жена Лефорта. Владѣя собственными средствами и отличаясь вообще скупостію, она однако не жалѣла тратъ на цѣли католичества. Чтобы спасти сына отъ ея вліянія и надежнѣе образовать его въ реформатствѣ, Лефортъ, рѣдко бывавшій дома, счелъ необходимымъ отправить его для обученія въ Швейцарію къ своимъ родственникамъ. Тѣмъ удобнѣе было крѣпнуть и расширяться кругу Гордона, что патеры попринаровились къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ. Весной 1693 года Шмидтъ узналъ отъ Гордона, что «отцы очень богобоязненны и разумны, съ проповѣдью на нѣмецкомъ языкѣ идетъ у нихъ все лучше»; то же распространялось о нихъ и потомъ. Гордона тревожило только, что высылка отъ императора денегъ на ихъ содержаніе крайне неисправна, такъ что онъ и община часто вынуждены бываютъ снабжать ихъ своими средствами [1].

Подобная дѣятельность не могла не обратить посторонняго вниманія. Посольскій приказъ имѣлъ о миссіонерахъ то представленіе, что «тѣ ксензы съ 1692 года

---

[1] Gordon, II, 388—389, 484; III, 325—327, 345—347, 351—355; Posselt, II, 148 и слѣд.

живутъ въ Нѣмецкой Слободѣ на купленномъ дворѣ Франца Гвасконія, размножаютъ свою римскую вѣру, учатъ малыхъ дѣтей римскаго исповѣданія,для богомолія и училища построили на томъ дворѣ деревянный костеликъ и римское богомоліе отправляютъ явно, а не въ домахъ» [1]. Неудивительно, что еще 20 марта 1693 года бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, вѣдавшій Разряднымъ приказомъ, позвалъ въ себѣ Гордона и показалъ ему бумагу, которою ему поручалось переговорить съ нимъ относительно мѣста въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ стоитъ католическая молельня, нельзя ли его продать за деньги или перемѣнять на другое мѣсто и домъ, ради сосѣда доктора фанъ-деръ-Гульста, который хочетъ обстроиться получше, но его собственный участокъ для того недостаточенъ, и онъ хотѣлъ бы пріобрѣсть это ближайшее къ нему мѣсто. На это непріятное предложеніе Гордонъ возражалъ, что ни онъ и никто изъ ихъ общины не имѣетъ права продавать этого дома, такъ какъ хотя домъ и принадлежитъ общинѣ, но онъ купленъ на деньги римскаго императора, въ качествѣ молитвеннаго дома для исповѣдниковъ римско-католической религіи; это мѣсто освящено, почему безъ грѣха нельзя построить на немъ другаго зданія ни протестантамъ, ни католикамъ.

Докторъ фанъ-деръ-Гульстъ, главный лейбъ-медикъ Петра, былъ Голландецъ, видный членъ партіи Келлера и Лефорта и имѣлъ прежде большое вліяніе на выборъ Петромъ иноземцевъ. Догадываясь, конечно, о цѣляхъ Гульста и о томъ, откуда выходили подобные планы, Гордонъ, чтобы парализовать непріязненныя махинаціи,

---

[1] Приложеніе, № II, 2.

обратился къ наиболѣе сильнымъ вельможамъ: кромѣ Стрѣшнева, къ Л. К. Нарышкину, кн. Бор. Голицыну, Ник. Зотову, Ем. Украинцеву и др. Въ нѣсколько дней ему удалось не только уладить все дѣло, но затѣмъ еще приступить къ украшенію и сборамъ на «передѣлку» молитвеннаго дома. Послѣ новаго года онъ пожертвовалъ (4 февр. 1694г.) чашу (chalico), въ 82 золотника вѣсомъ, вызолоченную внутри и отчасти извнѣ [1]; весной выдалъ слишкомъ 17 рублей «на передѣлку церкви» и 5 рублей «на построеніе каменнаго» ея зданія [2]. Отъѣздъ Гордона въ Архангельскъ долженъ былъ замедлить подобныя занятія. Успѣли только устроить одно совѣщаніе въ домѣ Менезіуса, гдѣ, кромѣ Гордона и хозяина, участвовали Карбонарій, Гваскони и патеры; положили ссудить патеровъ 100 рублями [3]. Но между тѣмъ Гульстъ умеръ, его мѣсто при Дворѣ занялъ Карбонарій, и Гордонъ, не безъ удовольствія отмѣтившій этотъ фактъ, по своемъ возвращеніи изъ сѣвернаго путешествія, сдѣлалъ попытку выманить у Петра разрѣшеніе на постройку того каменнаго зданія, на которое уже шли денежные сборы, о коихъ однако Гордонъ умолчалъ. Объ этомъ такъ записано у Гордона: «20 (ноября 1694 г.) пришелъ ко мнѣ его величество, въ 11 часовъ, и оставался около часа. Затѣмъ по-

---

[1] Gordon, II, 401—402, 436.

[2] «Den 8 ten (April 1694) war ich abermals in der Kirche... Fur die Reparatur der Kirche hatte ich 17 Rbl 9 Alt. 4 Dgi ausgegeben; ich erhielt nur dazu Rbl vom Doktor (Carbonary), 5 R. vom Obersten Levingston und für die Mäntel (Cloaks) zwei Male 1 R. 6 Alt. 4 Dgi; es blieb Rest 3 Rbl 3 Alt.—Am 12 ten gab ich 5 Rbl zum Bau der oberen steinernen Kirche». Tagebuch, II, 443, 444.

[3] Gordon, II, 445.

ѣхали мы на свадьбу Юрія Рица... Когда по пути мы проѣзжали по улицѣ, на которой находилась наша церковь, я говорилъ съ его величествомъ, чтобы онъ далъ намъ позволеніе выстроить нашъ домъ Божій каменный, на что онъ милостиво соизволилъ» [1]. Это согласіе имѣло значеніе не болѣе всего того, что говорилось въ частной дружеской бесѣдѣ, и оффиціальнаго, законодательнаго характера не носило. Чтобы получить юридическую санкцію, надобно было пройти обычный путь чрезъ присутственныя мѣста, откуда только и могъ выдти надлежащій указъ. Понимая это не менѣе другихъ, но, очевидно, еще и не разсчитывая тамъ на успѣхъ, Гордонъ не тотчасъ рѣшился прибѣгнуть къ законной формѣ и продолжалъ пока вести все частнымъ образомъ. Подъ 9 февраля слѣдующаго 1695 года у него записаны новые расходы на золото, серебро, краски и работу для алтаря [2].

Какъ бы однако ни медлить, миновать приказы было не только нельзя, но и не безопасно: за произведенную, безъ оффиціальнаго письменнаго разрѣшенія, стройку

---

[1] «Am 20 ten (Novemb. 1694) kam Se. Majestät zu mir um 11 Uhr und verblieb ungefähr eine Stunde. Nachher fuhren wir zur Hochzeit des Jury Rytz, welcher sich mit Franks Wittwe verheirathete. Als wir unterwegs durch die Strasse unserer Kirche kamen, sprach ich mit Sr. Majestät daruber, dass Sie uns die Erlaubniss geben möchte, unser Gotteshaus von Stein aufzubauen, welches Sie Gnädigst bewilligte. Wir waren dann auf der erwähnten Hochzeit». Ibid, 494.

[2] Ibid, II, 508: «Fur den Altar (in der kathol. Kirche) habe ich zu verschiedenen Zeiten auf meine und ihre (their d. i. der Gemeinde) Rechnung verausgabt:

Fur Gold, Silber und Farben..... 6 R. 13 A. 2 Dgl.
Fur Arbeit..... ..... 1 » 10
Ich empfieng dagegen von Doktor (Carbonary) 7 » 16 A. 4 Dgl.

можно было подвергнуться суду. Время казалось благопріятнымъ. Шли оживленныя приготовленія къ Азовскому походу, въ военнослужилыхъ иностранцахъ, и въ частности въ Гордонѣ, чувствовали особую нужду. Когда вниманіе правительства поглощено было подобными приготовленіями и когда было такое настроеніе, иноземцамъ свои частныя дѣла улаживать было всего удобнѣе. И вотъ Франц. Лефлеръ и Пав. Яросъ, москоскіе пасторы, представляютъ въ Посольскій приказъ пространную и витіевато-льстивую челобитную [1]. «Великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцамъ, челомъ бьютъ богомольцы ваши, въ Нѣмецкой Слободѣ каѳолической церкви священникъ Францискъ и священникъ Павелъ. У всѣхъ, государей, иноземцевъ построены въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ каменные костелы, лютерскіе и кальвинскіе, а нашего благочестиваго каменнаго каѳолическаго костела не построено. Милосердые великіе государи, ты, великій государь царь Іоаннъ, тезоименитый благодати Божіей, по имени своему будь намъ благодатію Божіею къ созданію нашей церкви, и ты, великій государь царь Петръ, тезоименитый краеугольному камени-Христу, положившемуся во главу угла костела своего каѳолическаго, будь по имени своему во главу угла церкви нашей каѳолической; пожалуйте насъ, богомольцевъ своихъ, ради въ Троицѣ славимаго Бога и Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ и ради любви брата вашего государева православнаго христіанскаго великаго цесаря Леопольда, укажите, намъ, богомольцамъ

[1] Приложеніе, № II.

вашимъ, построить каменную церковь православно—каѳолическую, за каковую милость вашу укрестованный Орелъ Христосъ благоволитъ хранить васъ подъ своими крылами множество благополучныхъ лѣтъ и покоритъ подъ ноги ваши поганыхъ и дарствуетъ одержати славную надъ ними побѣду. Присемъ, цѣлуя ваши пресвѣтлыя царскія десницы, премного желаемъ, чтобы тамъ, гдѣ возсѣлъ Орелъ укрестованный, одесную Бога, и ваше царское величество орлее, возлетѣвъ вмѣстѣ со всѣми вашими благородными орлятами, сѣли одесную Бога во вѣки царствовати. Великіе государи, смилуйтеся».

По поводу челобитной была составлена необыкновенно полная выписка изъ прежнихъ правительственныхъ актовъ о томъ, какіе отвѣты были прежде даваемы на подобныя просьбы. Оказалось, что наше правительство, не стѣсняя католиковъ въ личной вѣрѣ и домашнемъ богослуженіи, ни разу не дозволяло имъ открытаго богослуженія и устройство костела, откуда бы ни приносились просьбы и ходатайства, изъ Рима ли, Вѣны или Варшавы; было подробно означено также, на какихъ условіяхъ были въ восьмидесятыхъ годахъ допускаемы іезуиты и почему были высланы, и то, благодаря чему допущены вмѣсто нихъ свѣтскіе ксензы. Выписка заканчивалась показаніемъ пріѣзжавшаго въ 1691 году къ намъ за милостыней изъ взятаго цесаремъ у Турокъ города Браилова священника соборной церкви Кипріана Романова о притѣсненіяхъ православнымъ въ жизни, вѣрѣ и богослуженіи отъ цесаря и поселившихся въ томъ городѣ католическихъ властей. По характеру выписки уже можно было предвидѣть рѣшительный отказъ на просьбу пасторовъ; но едва она была изготовлена, какъ Петръ отбылъ подъ

Азовъ, и указа на нее не было учинено. Между тѣмъ католики продолжали стройку каменнаго костела и успѣли уже очень много сдѣлать, какъ встревоженные тѣмъ протестанты постарались натолкнуть правительство на распоряженіе о пріостановкѣ работы. «3 іюня нынѣшняго 1695 («сѯ») года словесно извѣщалъ въ Посольскомъ приказѣ иноземскихъ дѣлъ стряпчій Иванъ Якимовъ, что римскіе исповѣдники, живущіе въ Нѣмецкой Слободѣ на купленномъ дворѣ Франца Гвасконія, строятъ, для католическаго училища и ученія и размноженія римской вѣры, каменный костелъ, безъ указа великихъ государей, и того костела каменной стройки сдѣлано около половины, и что иноземцы опасаются, какъ бы они, римляне, въ строеніи того костела безъ государскаго указу своимъ прельщеніемъ и лживымъ ученіемъ не учинили какого хищнаго мщенія и тѣсноты не только Русскому народу, но и имъ, иноземцамъ».

Посольскій приказъ послалъ своего подьячаго Семена Порѣцкаго на мѣсто постройки. Подвергнувъ все осмотру, Порѣцкій донесъ: Костелъ строится подлѣ бывшаго дома доктора Захарія Фанъ-деръ-Гульста на дворѣ торговаго иноземца Франца Гвасконія, строятъ его каменщики, подрядчикъ крестьянинъ окольничьяго кн. Ѳед. Юр. Барятинскаго, Ярославской вотчины, деревни Макаровой, Никита Кузьминъ Сѣдой съ товарищами: костелъ четвероугольный, подъ нимъ выконанъ и сдѣланъ въ землѣ каменный погребъ по три слишкомъ сажени длины и ширины, надъ погребомъ складены вверхъ изъ кирпича всѣ четыре стѣны болѣе полутора саженъ; стройку каменщики продолжаютъ, и оно часъ-отъ-часу прибываетъ. Подряжалъ каменщиковъ на стройку погреба и костела Гваскони,

и непрестанно торопятъ ихъ той работой какъ Гваскони, такъ и живущій на его дворѣ римскій ксензъ.

Донесенія Якимова и Порѣцкаго были присоединены къ выпискѣ, и дословная копія съ нея была послана (5 іюня) по почтѣ къ государю подъ Азовъ. Оттуда, изъ Паншина, былъ полученъ по почтѣ указъ (30 іюня) государей: такъ какъ ихъ указа римскимъ исповѣдникамъ о строеніи Католической церкви не бывало, то костельное строенье задержать и спросить римскаго попа, по какому указу онъ то началъ, потому что на его челобитную указа еще не состоялось, также допросить съ подкрѣпленіемъ и Франца Гваскопія и взять показаніе.

На неоднократныя требованія Приказа къ Гасконію и ксензу явиться для дачи показаній о стройкѣ костела они, сознавая свою неправоту, не являлись, въ разсчетахъ затянуть и выиграть тѣмъ время. Старый подьячій Посольскаго приказа, Михаилъ Волковъ, освидѣтельствовавъ стройку, вынесъ убѣжденіе, что «каменная палатка» надъ «погребомъ» предназначается для бопослуженія. Слѣдовало ожидать немедленнаго запрещенія продолжать работу. Тогда Гваскони спѣшитъ (1 іюня) въ Приказъ.

Его спрашивали: по какому указу онъ вмѣстѣ съ ксензомъ строитъ на дворѣ, рядомъ съ бывшимъ дворомъ доктора Гульста, Католическій костелъ, кто имъ это приказалъ, чьи израсходуютъ деньги и кому принадлежитъ этотъ дворъ? «Въ Нѣмецкой Слободѣ, отвѣчалъ Гасконій, подлѣ бывшаго двора доктора Захара Фанъдеръ-Гульста, на дворовой землѣ приказалъ ему генералъ Петръ Гордонъ, предъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы на низовую службу, построить каменное стро-

енье, гдѣ бы погребать, по римскому обычаю, людей католической вѣры его, Петра Гордона, фамиліи, стройку вести на его, Петровы, деньги, сколько бы ихъ ни пошло; по Гордонову приказу и на его деньги онъ, Гваскони, то строенье и строилъ, а на чьемъ дворѣ, ему неизвѣстно. Подмастерій для постройки и поставщиковъ кирпича и извести подряжалъ еще самъ Гордонъ, а послѣ него, онъ, Гваскони, строилъ погребъ, надъ нимъ палатку, и теперь это строеніе покрывается. Кромѣ этого зданія, онъ другаго не сооружалъ, никакого костела не строилъ, и это каменное строеніе, сооружаемое по приказу и чертежу Гордона,—не костелъ: погребъ—для погребенія, полатка—не для какого-либо въ богомоліи дѣйствованія католической вѣры, а для гулянья. А генералъ Петръ Гордонъ приказалъ ему строить это каменное погребеніе на томъ дворѣ по указу ли великихъ государей или собою, этого онъ, Францъ, не знаетъ».

Значеніе Гордона при Петрѣ въ настоящее время было настолько велико, что совершенно понятно, почему всю вину Гваскони свалилъ на него; участіе Гордона въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно, хотя и не въ такой степени, въ какой выставилось это здѣсь. Приказывать строить усыпальницу для своей фамиліи на дворѣ, оффиціально числящемся за Гасконіемъ (хотя пока Гваскони и отрицалъ), Гордонъ, конечно, права не имѣлъ. Самое объясненіе назначенія стройки было до такой очевидности фальшиво, что Гваскони не рѣшился подписаться подъ своимъ, занесеннымъ на бумагу съ его словъ, показаніемъ. Живя въ Россіи давно, онъ, разумѣется, зналъ смыслъ поговорки: гдѣ рука, тамъ и голова.

Въ виду такого упорнаго отрицанія Гасконіемъ цер-

ковнаго назначенія постройки, Посольскій приказъ произвелъ новый и болѣе тщательный осмотръ формы зданія. Осматривалъ тотъ же Волковъ. Онъ сообщилъ: на огородѣ, въ землѣ, выкопанъ и сдѣланъ каменный погребъ, длиной и шириной по три слишкомъ сажени, ввышину двѣ сажени, изъ огорода въ немъ окно, спереди ходъ; надъ погребомъ каменная палатка четвероугольная же, въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ по окну, въ третьей — двери, на срединѣ четвертой, восточной, выкладено, по костельному подобію, мѣсто, въ какомъ обыкновенно въ костелахъ ставятъ за престоломъ иконостасъ, подлѣ выкладки въ той же стѣнѣ печура; надпогребное это строеніе вышиной слишкомъ двѣ сажени, разстояніе между стѣнами такое же, какъ въ погребѣ; во всѣхъ четырехъ углахъ снизу до самаго верху выпущено у палатки по полукирпичу для придѣлки какого-то иного каменнаго строенія; потолокъ для палатки деревянный; онъ сплоченъ и лежитъ на землѣ.

Назначеніе стройки было слишкомъ ясно, и Приказъ воспретилъ Гваскопію и ксензу продолжать стройку до полученія особаго царскаго указа, а Ивану Фаркебаху, «которому Нѣмецкая Слобода приказана», велѣлъ (2 іюля) наблюдать, чтобы они ее не додѣлывали. На другой день Гваскони снова явился въ Приказъ, какъ, повидимому, счелъ полезнымъ явится и патеръ. Гваскони теперь уже сознался, что мѣсто стройки принадлежитъ ему. Однако это не могло измѣнить сущности дѣла; едвали онъ не добился лишь отмѣны порученія Фаркебаху. Плотники и каменщики со двора были сосланы. Ждали царскаго указа [1].

---

[1] Приложеніе № IV и № II, 3.

Гордонъ, находившійся въ то время подъ Азовомъ, былъ о всемъ увѣдомленъ. Съ нимъ былъ тамъ другой московскій патеръ, но, какъ кажется, подъ видомъ свѣтскаго лица. Тѣло подполковника Кровфурта, напримѣръ, онъ сопровождалъ не въ ризѣ и не впереди; три раза онъ бросилъ на гробъ земли, произнося memento mori, и сказалъ рѣчь. Впрочемъ, случалось, что на совершаемыхъ имъ похоронахъ присутствовалъ Петръ, и лютеране, за неимѣніетъ своего пастора, обращались къ нему за послѣднимъ напутствіемъ [1]. На ходъ московскаго судебнаго процесса Гордонъ постарался воздѣйствовать теперь чрезъ Петра, но своей непрямодушной натурѣ скрывая истину и отъ этого лица. «17 (іюля 1695 года), отмѣтилъ онъ въ Дневникѣ, его величество взялъ меня съ собой на каланчи. Я предложилъ ему свою просьбу относительно моего мѣста погребенія въ Москвѣ, окончить которое и покрыть крышей представляются различныя препятствія; онъ обѣщалъ мнѣ приказать написать объ этомъ дѣлѣ». Въ концѣ мѣсяца (30 іюля) Гордонъ послалъ письмо о томъ же бояр. Тих. Ник. Стрѣшневу, вмѣстѣ съ челобитной, врученной имъ царю [2].

---

[1] См. выше, кн. I, стр. 266, 275; Gordon, II, 525, 589.

[2] «Am 17 ten (Iuli 1695)... Se Majestat nahm mich mit sich nach den Kalantschen. Ich trug ihr wegen meines Begräbnissplatzes in Moskau, welchen zu vollenden und mit einem Obdache zu versehen ich mancherlei Hindernisse fand, eine Bitte vor; Sie versprach mir, wegen dieser Angelegenheit schreiben zu lassen.—Den 30 ten... Ich schrieb an meine Frau und an Tichon Nikititsch in Betreff meines Begräbnissplatzes, mit einer durch Se. Majestat demselben zugeschickten Bittschrift». Tagebuch, II, 576—577, 583. Ср. Брикнера Патрикъ Гордонъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1878, III, 118, и въ отдѣльн. изданіи, стр. 130.

Вѣдавшій Разрядомъ, Стрѣшневъ возобновилъ слѣдствіе [1]. Пригласивъ (10 авг.) къ себѣ Украинцева, онъ сказалъ ему, что наканунѣ, 9 августа, вечеромъ, присланъ къ нему изъ-подъ Азова указъ великихъ государей, посланный къ Москвѣ съ седьмою почтой, 31 іюля, и велѣно ему, справясь съ Посольскимъ приказомъ и просмотрѣвъ выписку о построенномъ каменномъ костельномъ въ Нѣмецкой Слободѣ зданіи, съѣздить въ Слободу и то строеніе осмотрѣть: точно ли сдѣлано въ ней такое костельное каменное строеніе, какое значится въ осмотрахъ подьячихъ Посольскаго приказа, или обнаружится какое-нибудь несходство. Бояринъ просилъ поэтому думнаго дьяка доставить ему эту выписку о Католическомъ костелѣ. Украинцевъ послалъ ее въ тотъ же день. По ознакомленіи съ ней, Тихонъ Никитичъ съѣздилъ въ Нѣмецкую Слободу, осмотрѣлъ костельную стройку, выписку возвратилъ назадъ и послалъ Петру отношеніе о своемъ осмотрѣ и чертежи зданія. Рѣшеніе не заставило себя долго ждать. Петръ убѣдился въ настоящихъ цѣляхъ сооруженія, и согласно его указу, «то каменное строеніе» было велѣно «закрыть».

Замѣчательно, что между католиками были лица, которыя виновниками всѣхъ этихъ и подобныхъ невзгодъ считали протестантовъ и въ особенности Лефорта. Въ этомъ отношеніи любопытенъ отрывокъ изъ письма одного проживавшаго въ Москвѣ католика [2].

«Лефортъ жестоко преслѣдовалъ учениковъ Петра, т. е.

---

[1] Приложеніе. № II, 3.

[2] Письмо издано у Posselt'а, II, Beil I. Оно было послано въ Вѣну и едвали не принадлежало перу Плейера, служившаго тайнымъ у насъ агентомъ вѣнскаго правительства.

исповѣдниковъ римско-католической религіи. Уже въ 1692 году старался онъ помѣшать въѣзду миссіонеровъ и на свадьбѣ одного не католика въ Нѣмецкой Слободѣ или въ иноземскомъ предмѣстьи онъ явился сильнымъ врагомъ римскихъ патеровъ, разсказывая всевозможныя вымыслы на счетъ католической религіи. Тогда онъ добился только того, что миссіонеры были задержаны въ Смоленскѣ на 17 дней. Въ 1693 г. онъ опять напалъ на нихъ. Домъ, въ которомъ живутъ эти патеры, и даже самую церковь онъ хотѣлъ присоединить къ сосѣднему съ ними жилищу царскаго врача фонъ-Гильзена (sic) и употребилъ слѣдующее средство: нѣкоего генерала Павла Менезіуса онъ почти въ полночь послалъ къ миссіонерамъ и велѣлъ имъ сказать, что намѣреніе и воля царя таковы, чтобы они сами добровольно уступили домъ вмѣстѣ съ церковью своему сосѣду, этому врачу; если же они этого не сдѣлаютъ, то, кромѣ царскаго гнѣва и немилости, пусть ожидаютъ постыднаго и насильнаго изгнанія. При этомъ онъ велѣлъ обѣщать имъ другой домъ, большій, чѣмъ тотъ, въ которомъ находится церковь и который пріобрѣтенъ на цесарскія деньги. На это лукавое предложеніе патеры отвѣтили, что домъ не принадлежитъ имъ, но императору, и купленъ на его деньги; уступка чужаго имущества все равно не была бы дѣйствительною, какъ равно противорѣчило бы и ихъ (протестантовъ) церковному праву отнять то, что́ разъ посвящено Богу, и обратить церковь въ свѣтское (profane) жилище. Они прибавили еще: Царь—властелинъ не только одного какого либо дома, но и всего своего царства, потому и безъ согласія патеровъ можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ; только пусть онъ самъ отъ себя потребу-

етъ уступки дома, если уже онъ такъ предназначилъ, что они должны оставить свое жилище и церковь. На это посланный генералъ угрожалъ ссылкой. Когда отвѣтъ патеровъ дошелъ до слуха царя, онъ нимало не разгнѣвался, но сказалъ, что отцы правы, особенно, когда узналъ, что домъ ихъ былъ купленъ на цесарскія деньги. Такъ какъ Лефортъ не могъ такимъ способомъ навлечь царскую немилость на патеровъ, то попробовалъ другой: онъ досталъ книгу, изданную на французскомъ языкѣ однимъ священникомъ Аврилемъ, іезуитомъ, въ Парижѣ; въ ней описаны нравы и состояніе Московіи, затронутъ царь и его страстная натура. Ее онъ велѣлъ перевесть на русскій языкъ, и этимъ хотѣлъ доказать, что римско-католическіе священники занимаются болѣе тѣмъ, чтобы вредить царскому имени, а не спасеніемъ душъ, что они вмѣшиваются въ дѣла, не щадятъ даже и монарха, и потому ихъ надо прогнать и отнюдь не терпѣть. Но такое преслѣдованіе и ядъ его намъ не повредили. Скоро самъ царь пришелъ въ Католическую церковь и велѣлъ торжественно совершить и принять при себѣ причащеніе, а также произнести въ его присутствіи проповѣдь на славянскомъ языкѣ; былъ при этомъ внимателенъ и спрашивалъ разъясненій даже малѣйшихъ обрядовъ. Когда Лефортъ увидѣлъ, что онъ напрасно хлопочетъ на счетъ изгнанія патеровъ, онъ старался всячески склонить свою жену, католичку, на сторону своихъ ложныхъ убѣжденій и своей искаженной религіи. Онъ устроилъ большой пиръ, призвалъ различныхъ женщинъ своей религіи, какъ и своихъ лжепасторовъ, чтобы такимъ образомъ лестью и превратными доводами убѣдить и опутать ее. Помимо того, онъ велѣлъ приготовить ей въ

Кальвинской церкви великолѣпное сидѣнье, чтобы подкупить ее такой честью. Но здѣсь напрасны были старанія какъ его, такъ упомянутыхъ женщинъ и лжепасторовъ, потому что даже царь, къ которому обращалась съ жалобами эта католичка, порицалъ Лефорта и внушилъ ему, что если онъ хочетъ пользоваться его милостью, то долженъ предоставить своей женѣ спокойно исполнять свою религію, такъ какъ относительно спасенія и религіозности она находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ онъ самъ.

«Затѣмъ этотъ же Лефортъ отвратился отъ своей жены къ какой то женщинѣ, одной съ нимъ религіи, и жилъ съ ней къ публичному скандалу. Въ одно воскресенье онъ повелъ ее въ свою церковь и позволилъ ей занять мѣсто, предназначенное его законной женѣ; но это послужило къ его безчестію, такъ какъ его пасторъ или проповѣдникъ Голландецъ Штумфъ публично обратился къ нему съ каѳедры: «Тебѣ мало, что ты самъ осквернен ядомъ распутства; ты хочешь неправыми и мерзкими средствами заманить въ соучастіе и другихъ и уловить ихъ прелестью блуда». Вслѣдствіе этого рѣшительнаго порицанія, пасторъ долженъ былъ ожидать ссылки или увольненія отъ службы, если бы не заступились за него богатые купцы. Наконецъ, когда Лефортъ отправился изъ Москвы въ качествѣ большаго посла, онъ обѣщалъ патріарху (Адріану) устроить все такъ, чтобы бояре и всѣ русскіе не приняли благословенія папы. Много и другаго, что̀ извѣстно глазамъ и ушамъ живущихъ въ Москвѣ».

Тенденціозная подтасовка и неправдоподобное перетолковываніе фактовъ слишкомъ ясны, чтобы требовать по-

дробныхъ опроверженій. Мы уже знаемъ, чѣмъ была вызвана задержка въ Смоленскѣ патеровъ Лефлера и Яроса, какъ и обстоятельства относительно уступки дома. Что же касается извѣстія о генералъ-майорѣ Менезіусѣ, то этотъ, какъ ревностный католикъ и вліятельный членъ общины въ устройствѣ ея церковныхъ дѣлъ, хотя по военнослужебнымъ обязанностямъ и находился въ подчиненіи у Лефорта, никакъ не могъ служить послѣднему такимъ послушнымъ орудіемъ въ удаленіи патеровъ и уничтоженіи костела, какимъ онъ обрисованъ въ данномъ документѣ. Извѣстной средѣ протестантовъ и католиковъ нечужда была мечта видѣть въ Петрѣ сторонника ихъ вѣрованій, и документъ вышелъ изъ этого именно источника: авторъ его стремился доказать, что Петръ очень сочувствуетъ католикамъ, готовъ отдать ихъ вѣрѣ предпочтеніе предъ протестантской, мѣшаетъ лишь пользующійся царскимъ довѣріемъ еретикъ Женевецъ съ его лжепасторами. Но если Петръ, непоколебимо-православный, не былъ склоненъ къ протестантству, то приведенные авторомъ факты не говорятъ объ его склонности и къ католичеству. Петру не было особенной надобности выражать желаніе видѣть, какъ принимается причастіе, и слышать проповѣдь на славянскомъ языкѣ: причастіе принимается за всякой обѣдней, а пасторы, родомъ Богемцы, лучше владѣли чешскимъ, нежели нѣмецкимъ языкомъ, на что не разъ жаловался самъ Гордонъ. Указанное авторомъ посѣщеніе Петромъ католическаго богослуженія падаетъ на время поминовенія и похоронъ только-что умершаго предъ тѣмъ генерала Павла Менезіуса († 9 дек. 1694 г.): Петръ присутствовалъ теперь за богослуженіемъ совсѣмъ

по инымъ мотивамъ. Не менѣе нарушена была бы правда, если бы начали выводить изъ склонности его къ католицизму допущеніе костела. При всей своей вѣротерпимости и при всѣхъ стараніяхъ Гордона ввести его въ заблужденіе, онъ, какъ мы видѣли, на донесеніе Посольскаго приказа о костельной стройкѣ не только прямо заявилъ, что разрѣшенія на нее не давалъ, но и велѣлъ произвести слѣдствіе, и даже, когда убѣдился въ самоволіи католиковъ, приказалъ закрыть ее.

Распорядившись о прикрытіи стройки, наши успокоились, какъ бы увѣренные, что приказаніе будетъ выполнено въ точности. Каменная кладка дѣйствительно была пріостановлена и первоначальнаго назначенія получить не могла. Изъ свидѣтельствъ конца XVII вѣка узнаемъ, что «церковь» была деревянная, съ четырьмя алтарями; цесарскій посолъ Гваріентъ (1698—1699 г.), найдя ее крайне тѣсною, за время своего пребыванія старался увеличить ея размѣры, украсить ее и способствовать возможной торжественности богослуженія. Его спутникъ Корбъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: «Въ послѣднее время въ Нѣмецкой Слободѣ выстроена первая Католическая церковь: она деревянная. Господинъ посолъ, по чувству благочестія, вчера пожертвовалъ въ эту церковь списокъ съ чудотворной иконы Петценской Пречистой Дѣвы Маріи... Мы отстояли въ этой церкви богослуженіе. Музыка нашихъ артистовъ, сопровождавшая богослуженіе, увеличила торжество и привлекла въ церковь не мало протестантовъ. Лишь только господинъ посолъ вошелъ въ храмъ, его встрѣтилъ у самаго входа господинъ Павелъ Яросъ со святою водою и провелъ къ мѣсту, соотвѣтствовавшему его сану. Сѣдалище было

покрыто шелковымъ пологомъ краснаго цвѣта (17 и 18 іюня 1698 г. нов. ст.)... Такъ какъ Католическая церковь необыкновенно тѣсна, то господинъ посолъ приказалъ на свой счетъ передѣлать ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ (1 іюля н. ст.). Праздникъ Тѣла Господня (2 и 3 іюля н. ст.) былъ отправленъ съ особеннымъ торжествомъ: въ крестномъ ходѣ обнесено было Sanctissimum и предъ четырьмя алтарями прочитано четыре евангелія. Послы императорскій и польскій, каждый съ великолѣпною свитой, присутствовали при божественной службѣ, причемъ играла музыка».

Особенную торжественность богослуженію Гваріенту удалось придать, воспользовавшись остановкой (25 іюня—17 іюля) въ Москвѣ проѣзжавшаго въ Персію анкирскаго архіепископа и викарія въ царствахъ великаго могола, патера Петра-Павла Пальмы д'Артуа. Видѣвшись съ государемъ въ Голландіи, Артуа просилъ его пропустить чрезъ Россію и наказать казанскому и астраханскому намѣстнику кн. Бор. Голицыну, чтобы этотъ принялъ его въ Москвѣ и на казенномъ содержаніи переправилъ до Персіи. Исполняя царскую волю, Голицынъ принялъ архіепископа весьма любезно и помѣстилъ его и его свиту въ своемъ домѣ; при архіепископѣ было нѣсколько священниковъ. Гваріентъ посѣтилъ его и на «восьмой день послѣ праздника Божьяго Тѣла лично обратился къ архіепископу съ просьбой принять участіе въ богослуженіи. Этотъ заявилъ было о своемъ затрудненіи, но когда посолъ представилъ ему, что участіе его въ службѣ придастъ ей болѣе торжественности, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ истинное утѣшеніе всему католическому обществу и несомнѣнно привлечетъ многихъ,

тогда архіепископъ согласился на просьбу, и въ архіерейскомъ облаченіи принялъ личное участіе въ торжествѣ. Императорскій посолъ, съ своей стороны, ничего не опустилъ для того, чтобы увеличить торжественность этого дня и возвысить въ глазахъ некатоликовъ санъ католическаго епископа. Онъ отправился съ поѣздомъ изъ трехъ экипажей, каждый въ шесть лошадей, и со всею своею свитою, въ нарядномъ платьѣ, къ дому князя Голицына, гдѣ, взявъ архіепископа, торжественно ѣхалъ съ нимъ чрезъ весь городъ и предмѣстье къ Католической церкви. Здѣсь архіепископъ встрѣченъ былъ у церковныхъ дверей однимъ изъ миссіонеровъ со святою водой, взявъ которую, поднесъ ее сначала послу, потомъ чиновникамъ посольства и наконецъ всѣмъ присутствующимъ. Во время священнодѣйствія прислуживали два посольскихъ чиновника, изъ коихъ одинъ держалъ рукомойникъ, а другой полотенце. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ въ церкви, и когда архіепископъ, при звукахъ литавръ и трубъ, обносилъ Святые Дары, то у каждаго изъ четырехъ алтарей читали столько же евангелій. По окончаніи службы посолъ, какъ главное лицо въ семъ обществѣ, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ архіепископа съ его священниками, польскаго посла, императорскихъ миссіонеровъ и иныхъ особъ, имѣвшихъ право на подобное приглашеніе».

Такъ какъ многіе изъ католической общины не были конфирмованы, то сочли удобнымъ, чтобы архіепископъ принялъ это дѣло на себя. Конфирмація совершена 5 и 6 іюля съ участіемъ патеровъ надъ 50 лицами. Гваріентъ былъ крестнымъ отцомъ у Гордона и его жены; Гордонъ получилъ имя Леопольда, его сынъ Ѳедоръ названъ Іосифомъ. Польскій посолъ также охотно

принималъ званіе крестнаго отца у тѣхъ, кто просилъ его. Чрезъ нѣсколько дней Гордонъ былъ воспріемникомъ при конфирмаціи сына полковника Лима [1].

Увлеченный успѣхомъ, архіепископъ скоро забылъ осторожность. Онъ возмечталъ простереть свою дѣятельность и на православныхъ Москвичей. Желябужскій разсказываетъ о немъ [2]: «Пришелъ изъ Рима папы римскаго митрополитъ; просился у нашего патріарха, чтобы его велѣли пустить въ Соборную Апостольскую церковь. И святѣйшій патріархъ его пускать въ нее не велѣлъ... И тотъ римскій митрополитъ говорилъ съ соборными протопопами, архидіаконами о вѣрѣ православной христіанской, и о законѣ, церквахъ, службахъ, чтобы церковныя службы служить на однихъ опрѣснокахъ, а не такъ, какъ у насъ, и иные сказывалъ многіе прилоги: «я-де самъ лучше вашего патріарха»». И о такомъ развращеніи и мятежѣ отъ его словъ передали святѣйшему патріарху, и святѣйшій патріархъ велѣлъ сказать ему:

---

[1] Дневникъ Корба. М. 1867, 61—62, 73—76; Gordon, III, 203—204.

[2] Записки Желябужскаго. С-пб. 1840, 127. — Ссылаясь на его слова отъ іюля 1698 года, авторъ «Римскаго католицизма» (I, 131) говоритъ: «Есть извѣстіе, что въ 1698 году... прибылъ въ Москву изъ Рима какой-то латинскій епископъ». Сравненіе извѣстія Желябужскаго съ сообщеніями Корба и Гордона убѣждаютъ насъ, что Желябужскимъ разумѣлся имѣнно архіепископъ анкирскій Артуа. Другаго каколическаго епископа тогда въ Москвѣ не было. О западныхъ миссіонерахъ, проѣзжавшихъ чрезъ Россію во вторую половину 90-хъ годовъ, см. Католическія дѣла Архива 1696 г. 21 апрѣля, 1698 г. 4 генв. и 1699 г. 27 января. Среди упоминаемыхъ здѣсь лицъ епископа не было: это простые патеры, большею частью члены различныхъ монашескихъ орденовъ.

««за такой мятежъ и прельщеніе церквамъ не подобаетъ тебѣ быть въ Московскомъ государствѣ; нельзя пускать тебя и въ Кремль, не только-что по церквамъ: ты сталъ Соборной Восточтной Апостольской Церкви противникъ, а народу мятежникъ»».

Опираясь на деликатный пріемъ кн. Б. Голицына, Артуа не выполнилъ даже обычныхъ формальностей, обязательныхъ для пріѣзжающихъ къ намъ иноземцевъ, особенно знатныхъ: завязавъ сношеніе съ Голицынымъ, онъ не явился предъ тѣмъ въ Посольскій приказъ. Думный дьякъ Украинцевъ далъ ему понять всю несообразность его поведенія. Цѣлыхъ восемь дней добивался архіепископъ у Украинцева свиданія; этотъ отказывалъ и наконецъ согласился, но принялъ (16 іюля) презрительно. Когда Артуа подъѣзжалъ къ дому, дьякъ не вышелъ къ нему, не встрѣтилъ, когда этотъ приближался къ его покоямъ, и не только не посадилъ его на почетное мѣсто, но, ссылаясь на усталость, самъ сѣлъ сюда первый. На слѣдующій день архіепископъ получилъ подорожную и царское жалованье: рѣчное судно, 100 рублей и три пары соболей; къ нимъ Голицынъ прибавилъ со своей стороны еще сто золотыхъ. Предъ отправленіемъ въ путь архіепископъ съѣздилъ въ подмосковное помѣстье Голицына, чтобы отблагодарить князя. 19 іюля знатные иноземцы простились съ нимъ [1].

Гваріентъ заботился о пышной обстановкѣ архіепископа, быть-можетъ, и потому, что его посольская миссія тѣсно была связана съ религіозной. Онъ привезъ съ собой троихъ новыхъ миссіонеровъ: двое изъ нихъ, Францъ

[1] Корбъ, 78—80; Gordon, III, 205.

Эмиліани и Иванъ Берула, свѣтскіе приходскіе патеры Ольмюцкой епархіи, должны были замѣнять прежнихъ московскихъ, Лефлера и Яроса; третій, Иванъ Касагранде, прибылъ на замѣну патера, служившаго въ Воронежѣ у венеціанскихъ корабельныхъ мастеровъ. На представленіи Нарышкину посолъ, прося отъ имени цесаря объ отпускѣ прежнихъ московскихъ патеровъ и принятіи на ихъ мѣсто двоихъ новопріѣзжихъ, о третьемъ заявилъ: привезъ его съ собою по просьбѣ венеціанскаго въ Вѣнѣ посла Рузина, который поручилъ ему сообщить московскимъ боярамъ, что у венеціанскихъ карабельныхъ мастеровъ, присланныхъ въ Воронежъ по просьбѣ государя, находится цесарскій ксензъ, но что теперь для нихъ посылается изъ Венеціи новый ксензъ, и бояре отпустили бы этого венеціанскаго ксенза въ Воронежъ немедля, а цесарскаго ксенза оттуда взяли бы къ Москвѣ. О Лефлерѣ и Яросѣ наши знали, что они уже пятый годъ «живутъ въ Нѣмецкой Слободѣ, на купленномъ Гвисконіемъ дворѣ, для отправленія богомолія по ихъ римскому закону»; что же касается воронежскаго патера, то бояре были озадачены: въ Посольскомъ приказѣ о немъ ничего не знали, отпуска ему отсюда не выдавали, какъ и вообще не выдавалось отпуска ни одному ксензу ни въ Воронежъ, ни къ Азову. Тѣмъ не менѣе, наши замѣнить московскихъ ксензовъ новыми и отпустить третьяго въ Воронежъ согласились (14 мая 1698 г.), только отпускомъ прежнихъ за рубежъ предложили пообождать, впредь до полученія именнаго указа отъ государя, еще не возвратившагося изъ своего заграничнаго путешествія. Касагранде отправился (3 іюня) на мѣсто назначенія въ Воронежъ, въ замѣну служившаго тамъ патера; послѣдній

вскорѣ прибылъ въ Москву: имъ оказался не какой-либо новый патеръ, а московскій Лефлеръ. Царскій указъ объ отпускѣ московскихъ патеровъ пришелъ, и Лефлеръ съ Яросомъ были отпущены (27 авг.) съ 7 человѣкъ ихъ прислуги, на 10 казенныхъ подводахъ. Когда возвратился Петръ изъ-за границы и принялъ отъ Гваріента цесареву грамоту о ксензахъ, въ отвѣтѣ на нее (25 іюня 1699 г.) повторено было прежнее.

У посла разъ состоялось (18 мая 1699 г.) также собраніе по дѣлу о содержаніи церкви и ея общины. Присутствовали Гордонъ съ сыномъ, полковникъ де-Граге, оба патера, докторъ Карбонари и Гваскони. Попеченіе о церковной казнѣ ввѣрено сыну Гордона и Карбонарію. Между тѣмъ Касагранде въ Воронежѣ померъ. На его мѣсто Гваріентъ ходатайствовалъ отправить пока Эмеліани. Просьба Посольскимъ приказомъ была выполнена (13 іюня); Эмеліани получилъ проѣзжую грамоту и память на двѣ ямскихъ подводы. Гваріентъ сталъ просить для него пять подводъ. Ему отказали, и Посольскій приказъ не зналъ, выѣхалъ ли Эмеліани въ Воронежъ безъ ямскихъ подводъ, или нѣтъ [1]. И все же это разрѣшеніе послужило основою къ послѣдующимъ оффиціальнымъ дозволеніямъ московскимъ патерамъ посѣщать католиковъ,

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Цесарскія дѣла 1698 г. № 3: «Переводъ съ грамоты къ государю Петру 1 отъ цесаря Леопольда 1 о перемѣнѣ въ Москвѣ францисканскихъ патеровъ Ліофлера и Ероша на двухъ отправляющихся Емельяна и Беруля»; Католическія дѣла 1698 г.: «Отпускъ изъ Москвы римскихъ ксензовъ Франциска Ксаверія Лефлера и Павла Іосифа Ероска». Памятн. диплом. снош. IX, № XLIV; Корбъ, за соотвѣтствующія числа.

живших̀ъ и внѣ Москвы, и прежде другихъ тому же Эмеліани.

Не миновало и года, какъ онъ просилъ государя: «Въ нынѣшнемъ, государь, 1700 году писали ко мнѣ изъ твоего новозавоеваннаго города Азова иноземцы всякихъ чиновъ люди римской вѣры, чтобы быть мнѣ къ нимъ для духовныхъ дѣлъ: потому что многіе люди живутъ тамъ по году и по два, а по нашему римскому обычаю по сіе время не исповѣдывались. Великій государь, пожалуй меня, ксенза, вели о вольномъ моемъ проѣздѣ до Азова, ради вышеписанныхъ нуждъ, дать мнѣ свою, великаго государя, проѣзжую грамоту». Изъ сдѣланной по этому поводу выписки выяснилось, что прежде только одинъ разъ дозволялось ксензамъ съѣздить изъ Москвы, именно въ 1699 году, тому же Эмеліани въ Воронежъ. Хотя и незвѣстно было, воспользовался ли онъ тогда своимъ правомъ, однако, въ виду прежняго разрѣшенія, бояр. Ѳ. А. Головинъ съ товарищами, выслушивъ выписку, велѣли его отпустить, снабдивъ его проѣзжей грамотой въ Азовъ, чтобы ему тамъ оставаться до государева указа. Проѣзжую грамоту онъ обязывался представить тамъ въ Приказную избу, воеводѣ Ст. Ив. Салтыкову. [1]

Если Эмиліани и Берула застали у Московской общины молитвенный домъ деревянный, то скоро онъ замѣнился каменнымъ, усвоившимъ себѣ названіе Костела Св. Апостоловъ Петра и Павла.

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Католическія дѣла 1700 г.: «Дѣло по челобитью римскаго попа Франциска Емельяна объ отпускѣ его изъ Москвы въ Азовъ».

Петръ, какъ союзникъ Польши въ войнѣ противъ протестантской Швеціи, долженъ былъ выслушивать убѣжденія польскихъ агентовъ, какъ важно ему «для лучшей къ себѣ всей Рѣчи Посполитой склонности», дозволить въ Россіи католикамъ не только свободу вѣроисповѣданія, но и построеніе каменныхъ костеловъ. Актъ, заключающій въ себѣ царское на то обѣщаніе, былъ написанъ въ Гроднѣ 12 декабря 1705 года, на имя полномочнаго польскаго посла Дзялинскаго [1]. Хотя въ немъ ничего не говорилось о начатомъ прежде каменномъ костелѣ въ Москвѣ; но если Московская община могла выполнять свое дѣло въ былую пору, когда за церковными стройками такъ слѣдили, то теперь несравненно было удобнѣе пользоваться болѣе благопріятными для нея обстоятельствами, и о каменномъ костелѣ и іезуитской школѣ увѣдомлялъ папу Климента XI кн. Ал. Меньшиковъ уже 20 октября 1706 года [2]: въ видахъ удерживанія за собой Польши наши дипломаты считали необходимымъ оказывать нѣкоторое вниманіе и къ Риму.

Іезуиты проникли сначала подъ видомъ бѣлаго духовенства, въ его одеждѣ, при императорскихъ послахъ, затѣмъ и подъ собственнымъ званіемъ. Ихъ школа въ 1707 году имѣла до 50 русскихъ мальчиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи времени совратились въ

---

[1] М. Гл. Архивъ М. И. Д., Дѣла Католическія 1695 г. № 2, приложеніе С.: «Списокъ съ соизволенія его царскаго величества для вольнаго употребленія вѣры католической».

[2] Theiner, Neueste Zustände der katholischen Kirche in Polen und Russland. Augsburg, 1841, 111; Pichler, Geschichte der Kirchl. Tr. zwisch. d. Orient. München, 1865, II, 160. Ни въ Папскихъ, ни Католическихъ дѣлахъ Архива этого документа, впрочемъ, нѣтъ.

католичество: подготовленный ими нѣкто Лодыженскій, отпущенный (1710 г.) въ Римъ «для обученія всякихъ наукъ», вступилъ тамъ въ ихъ орденъ, почему іезуиты добивались, какъ бы получить принадлежавшее ему въ Россіи имѣніе [1]. По вторичномъ (1719 г.) ихъ изгнаніи изъ Россіи, Московскій костелъ дѣлается яблокомъ раздора между соперничавшими у насъ орденами капуциновъ, францискановъ и доминиканцевъ. Въ стараніяхъ пріобрѣсть такихъ католическихъ духовныхъ, которые удовлетворяя религіозныя нужды католиковъ, были бы чужды пропаганды и вмѣшательства въ политическія дѣла, правительство отдавало предпочтеніе то тому, то другому ордену [2].

Первоначально были допущены капуцины. 18 іюля 1720 года четверо изъ нихъ представились въ Московскую посольскую канцелярію и сообщили, что они присланы по указу римскаго папы и кардинала, префекта Іосифа Сакринальтеса для отправленія службы въ Римскомъ костелѣ; въ удостовѣреніе своей личности они подали свидѣтельства того же кардинала и находящагося въ Польшѣ епископа Іеронима Гримальда. Ѣхали они чрезъ Кіевъ, по подорожной кіевскаго губернатора кн. Петр. Алек. Голицына, который пропустилъ ихъ согласно имѣвшейся съ ними грамотѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла въ Варшавѣ кн. Григорія Ѳ. Долгорукова [2]. На взглядъ постороннихъ посѣсителей храмъ, къ которому опредѣ-

---

[1] Гр. Толстой, I, 132 и слѣд.

[2] М. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Католическія дѣла 1719—1721 гг.; Протестантскія дѣла 1721 г.

лились они, казался небольшимъ, но довольно красивымъ; богослуженіе они старались обставить внѣшними эффектами. Присутствовавшій за нимъ нѣсколько разъ, на Страстной недѣлѣ и въ Пасху 1722 года, лютеранинъ Берхгольцъ, членъ свиты голштинскаго герцога, говоритъ о томъ [1] слѣдующее:

«Вечеромъ 21 марта ходилъ я съ маіоромъ Эдеромъ, католикомъ, и нѣкоторыми изъ нашихъ людей въ Католическую церковь, чтобы посмотрѣть гробницу Спасителя, устроенную тамъ по католическому обряду и обычаю. Церковь эту я нашелъ гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ: она внутри хорошо отдѣлана, расписана и украшена; снабжена также весьма недурнымъ органомъ. При ней состоятъ теперь четыре капуцина, изъ которыхъ старшій человѣкъ чрезвычайно пріятный. Прежде богослуженіе тамъ совершали іезуиты, получавшіе отъ римскаго императора ежегодно 800 рублей, но теперешніе капуцины не получаютъ ничего. Площаница устроена была съ одной стороны церкви, въ углубленіи, съуживавшемся перспективно. Спаситель изображался лежащимъ во гробѣ, и надъ нимъ лежала дарохранительница въ звѣздѣ, осыпанной брилліантами и обставленной зажженными лампадами и свѣчами, какъ и промежутки декорацій, изображавшихъ плачущихъ ангеловъ. Тамъ были австрійскій посолъ гр. Кинскій, здѣшній генералъ-лейтенантъ Вейсбахъ, графъ Сапѣга и многіе другіе, молившіеся кто на колѣнахъ, кто стоя».

Затѣмъ Берхгольцъ былъ здѣсь во время пасхальнаго

---

[1] Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. М. 1860, ч. II, годъ 1722, стр. 157—158, 160—161.

торжества, и вотъ что онъ отмѣтилъ. «Сперва роздали зажженныя восковыя свѣчи, которыя брали всѣ католики; бывшимъ тамъ, генеральшѣ Балкъ и ея дочери, г-жѣ Лопухиной, также поднесли по восковой свѣчѣ, и онѣ взяли и держали ихъ предъ собой зажженными, какъ католики. Вскорѣ потомъ взошли на алтарь четыре священника въ своихъ облаченіяхъ, а за ними вышло нѣсколько мальчиковъ, которые стали во кругъ алтаря; изъ нихъ одинъ несъ большой крестъ, а другіе держали въ рукахъ зажженныя свѣчи. Нѣсколько времени они пѣли, молились и кадили, а на хорахъ играла музыка (которую, изъ усердія, составили музыканты графа Кинскаго и нѣкоторые изъ нашихъ служителей католиковъ). Послѣ того священники и сопровождавшіе ихъ мальчики пошли ко святому гробу (поставленному, какъ я уже говорилъ, на одной изъ сторонъ церкви), куда за ними послѣдовали и всѣ католики. Такъ какъ мѣсто тамъ было чрезвычайно тѣсно, и я боялся, что, если пойду за другими, любопытство мое можетъ не понравиться, то и удовольствовался слушаніемъ музыки, которая была очень тиха и въ маленькой церкви выходила какъ нельзя лучше. Вдругъ старшій священникъ громкимъ голосомъ началъ провозглашать по-латыни: «Христосъ воскресъ!» — и вслѣдъ за тѣмъ шумно раздались литавры и трубы, потому что на хорахъ были также литаврщики и трубачи князя Меньшикова, приведенные графомъ Сапѣгой. Спустя нѣсколько времени, духовенство возвратилось къ алтарю въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли мальчики, изъ которыхъ одинъ, какъ уже сказано, съ большимъ крестомъ, а остальные съ восковыми свѣчами, потомъ священники—одинъ съ маленькимъ крестомъ, дру-

гой съ кадиломъ, третій, если не ошибаюсь, съ евангеліемъ, четвертый съ дарами, стоявшими у Гроба Господня, которые онъ держалъ обѣими руками высоко надъ головою и передъ которыми католики преклонили колѣна; наконецъ позади слѣдовали (не въ большомъ числѣ) всѣ подходившіе поклониться Гробу, которые потомъ сѣли опять по своимъ мѣстамъ. Затѣмъ продолжалось еще нѣсколько времени пѣніе, музыка, чтеніе, кажденіе, молитва, и дары были заперты въ алтарѣ».

Когда и съ чьего разрѣшенія прежняя деревянная церковь замѣнена каменною, наши не знали. Вслѣдствіе запроса вновь учрежденнаго Св. Синода къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, замѣнившей прежній Посольскій приказъ, свѣдѣній о числѣ и правахъ костеловъ и католическаго духовенства въ Россіи, Коллегія затребовала такія свѣдѣнія изъ Московской Посольской канцеляріи, и эта была поставлена въ крайнее затрудненіе: ни въ дѣлахъ Посольскаго приказа, ни въ ея собственныхъ, послѣ извѣстнаго дѣла 1695 г., не нашлось ни одного акта, который бы касался костела и тѣмъ бы оправдывалъ его существованіе. Прикрывая свое незнаніе осторожностію, члены Коллегіи справились у старосты этого костела полковника Петра Гордона, сына прежняго строителя. Этотъ сообщилъ [1] присланному къ нему посольскому подьячему, что когда костельное строеніе не было допущено Посольскимъ приказомъ къ окончанію, духовенство и прихожане написали въ Азовъ къ его отцу, генералу Гордону, который просилъ государя о соизволеніи довершить стройку; государь соизволилъ, и строеніе довершено; но какой

[1] Приложеніе, № III.

состоялся царскій указъ, письменный или устный, того онъ сказать не можетъ, потому что тогда въ Москвѣ не былъ, а слышалъ о томъ отъ своего роднаго брата и прочихъ прихожанъ; полагаетъ, что письменное свѣдѣніе о такомъ указѣ въ костелѣ и было, только всѣ имѣвшіеся въ костелѣ письменные документы въ минувшемъ 1719 году, при высылкѣ изъ Москвы римскаго духовенства, оберъ-комендантъ забралъ и отослалъ въ С.-Петербургъ, передавъ ему одни печатныя книги.

Данное показаніе отличалось еще большею неправдоподобностью, чѣмъ прежнее Гвасконіево: при генералѣ Гордонѣ († 19 ноября 1699 г.) каменной католической церкви, какъ мы видѣли, не было. Не смотря на отсутствіе осязательныхъ юридическихъ доказательствъ права на существованіе костела, каменнаго зданія наши не тронули. Почти чрезъ полустолѣтіе католики представили «копію» съ указа, выданнаго, по ихъ увѣренію, Петромъ въ 1705 году на этотъ костелъ.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому надлежало знать, отъ имени «императора» Петра навсегда обнародовалось ею: [1] Въ желаніи своему государству помощи отъ Вышняго и въ увѣренности, что военныя побѣды даются отъ Бога, и потому возлагая всѣ надежды въ благополучіи на Его помощь, моля о счастіи оружію и выслушавъ совѣтъ министровъ, государь охотно повелѣваетъ монахамъ-капуцинамъ св. Франциска, за ихъ благочестивый, святой и наипохвальный образъ жизни, основать церковь во имя Св. Ап. Петра и Павла, построить монастырь, огородить и насадить садъ, на томъ мѣстѣ,

[1] Приложеніе, № V.

которое онъ далъ имъ подъ церковное вѣчное владѣніе, съ освобожденіемъ отъ всякихъ податей. Подданные Русскаго государства, лица духовнаго и свѣтскаго чина, не должны никоимъ образомъ, ни сами, ни чрезъ другихъ, препятствовать капуцинамъ въ отправленіи ихъ частныхъ и публичныхъ церемоній «по закону святой римской церкви»; напротивъ, должны оказывать имъ честь, любовь и почтеніе. Утверждая, къ славѣ всемогущаго Бога, это монастырское строеніе, государь желаетъ, чтобы и наслѣдники его охраняли и защищали строеніе своимъ отеческимъ милосердіемъ. Для лучшаго «вѣроятія» всего этого, данную грамоту, подписанную его собственною рукою, повелѣлъ утвердить еще и печатью.

Эта «копія» помѣчена 1705 годомъ; означена на ней подпись Петра, указано мѣсто печати и приведена подпись канцлера Ѳед. Ал. Головина.

Прямая цѣль подателей этого документа была та, чтобы правительство признало его достовѣрность. Но такъ какъ не нашлось никакихъ основаній допустить, чтобы для подобной «копіи» существовалъ когда-нибудь оригиналъ, то домогательство не увѣнчалось успѣхомъ; тѣмъ не менѣе представленный католиками документъ въ Архивѣ сохранялся. Послѣднее обстоятельство дало предлогъ къ новой ихъ попыткѣ [1], при Павлѣ Петровичѣ.

Настоятель костела Павелъ Пешке подалъ такого рода прошеніе: Блаженной памяти императоръ Петръ I пожаловалъ грамоту на заведеніе въ Москвѣ церкви во имя Св. Ап. Петра и Павла, грамота хранилась въ церкви; но въ бывшій за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ пожаръ сго-

[1] Приложеніе, № VI.

рѣла вмѣстѣ съ другими грамотами. Между тѣмъ «уповательно», что отпускъ съ такой жалованной грамоты имѣется въ Московскомъ архивѣ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и потому государь повелѣлъ бы принять прошеніе этому Архиву.

Администрація Архива опять не сочла возможнымъ удовлетворить просьбу. Религіозные мотивы, развиваемые въ данномъ документѣ, совсѣмъ не были согласны съ характеромъ указовъ Петра, въ подобныхъ случаяхъ ограничивавшагося лишь мотивомъ, что онъ «совѣсти человѣческой стѣснять не желаетъ». Свой отказъ администрація Архива обосновывала тѣмъ, что грамота, съ которой хранится въ Архивѣ списокъ, весьма сомнительна: государь Петръ I названъ въ ней императоромъ, каковаго титула онъ тогда еще не носилъ; кромѣ года, не означено ни мѣсяца, ни числа, ни мѣста изданія грамоты; списокъ съ нея попалъ въ Архивъ при указѣ изъ Государственной Коллегіи отъ 30 марта 1762 года, по просьбѣ патера Ангеля, для отысканія къ этому списку отпуска, и изъ Архива тогда же было донесено (25 апрѣля), что въ немъ нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не оказалось такого отпуска, ни по реестрамъ, ни по какимъ-либо дѣламъ.

Католической общинѣ такъ и не удалось пріобрѣсти юридическаго признанія права на существованіе ея перваго въ Москвѣ каменнаго костела, что̀ не препятствовало ему занимать прежнее мѣсто. На планѣ [1] мѣст-

[1] Хранится въ Архивѣ Московской Городской управы и изданъ нами въ приложеніи къ «Исторіи сооруженія перваго костела въ Москвѣ».

ности 1807 года, онъ былъ означенъ подъ № 34, имѣлъ форму четвероугольнаго продолговатаго креста, въ 101 квадратную сажень. Рядомъ съ нимъ виднѣлся другой каменный костелъ, въ 37 квадратныхъ сажень. Тотъ былъ холодный, этотъ теплый. Явилось ли первое зданіе на мѣстѣ, гдѣ строилъ «усыпальницу» Гордонъ, а второе тамъ, гдѣ стоялъ деревянный молитвенный домъ Гвасконія, неизвѣстно. Въ пожарѣ 1812 года они погибли оба. Возстановленъ былъ одинъ холодный храмъ. Но если и прежде на этой мѣстности, уже издавна вошедшей въ черту города, строились русскіе дома, то теперь это дѣлалось еще легче. Иноземцы переселялись на центральныя улицы Москвы, какъ болѣе людныя, богатыя и торговыя, и храмъ сталъ отъ нихъ довольно отдаленнымъ. Тогда у общины является мысль построить новую церковь, поближе къ центру города. Въ прошеніи, поданномъ (2 янв. 1835 г.) отъ имени церковнаго совѣта московскому генералъ-губернатору кн. Дм. Влад. Голицыну, заключались нѣкоторыя историческія указанія относительно ихъ церкви.

«Нѣсколько столѣтій тому назадъ, какъ для прибывавшихъ въ Москву иностранцевъ, благодѣтельствовавшее правительство указало землю для водворенія и временнаго жительства, назвавъ ее Нѣмецкою Слободою, и дозволивъ выстроить церкви Римско-католическую и Лютеранскую. Церкви сіи подъ Высочайшимъ покровительствомъ и мѣстнаго начальства и по сіе время существуютъ; но прихожане разныхъ націй католическаго исповѣданія имѣютъ свое жительство во всѣхъ частяхъ обширной столицы. Въ достопамятную эпоху 1812-го года, во время нашествія непріятеля, Римско-католическая церковь, состоявшая въ двухъ зданіяхъ, теплая и холодная,

съ училищемъ и прочимъ строеніемъ сгорѣла, и послѣ того возобновлена одна только холодная церковь, по несостоянію въ то время церковныхъ денежныхъ суммъ и по бѣдности пострадавшихъ прихожанъ отъ разоренія непріятельскаго. Лютеранамъ же, по ихъ просьбѣ, дозволено выстроить другую церковь, близь центра столицы, въ Мясницкой части, равно и реформатамъ одну въ той же части, другую въ Тверской.

«Нынѣ состоитъ въ нашей церковной кассѣ довольно значительный капиталъ, и въ случаѣ надобности усилить оный усердные прихожане готовы во всякое время, а по сему препоручили сему совѣту всенижайше просить ваше сіятельство позволить купить мѣсто, выстроить на ономъ церковь и при ней училище близь городской части, дабы всѣмъ прихожанамъ, живущимъ во всѣхъ частяхъ города, равно и воинскимъ чинамъ, квартирующимъ въ Хамовническихъ и другихъ казармахъ удобно было для исполненія христіанскихъ обязанностей бывать въ храмѣ Божіемъ и нѣкоторымъ обывателямъ и дѣтей посылать въ училище, долженствующее находиться при церкви; для священниковъ же чрезъ такое устройство не малое будетъ облегченіе и удобство въ исполненіи духовныхъ требъ, кои сженедѣльно обязаны, по требованію Попечительнаго комитета о тюрьмахъ, посѣщать замки Тюремный за Дмитровскою заставою и Пересыльный на Воробьевыхъ горахъ, также въ части прибывать для увѣщеванія при допросахъ католиковъ. Нынѣ же существующую церковь въ Лефортовской части, въ Нѣмецкой Слободѣ, оставить, какъ она есть, для живущихъ близь оной и для разныхъ казенныхъ заведеній и госпиталя, въ коихъ бываетъ не малое количество католиковъ».

Согласно указаніямъ Св. Синода и митрополита Филарета, было разрѣшено (1838 г.) устроить новую церковь «въ Тверской или Мясницкой части, на небольшой улицѣ, не на видномъ мѣстѣ и не въ близкомъ сосѣдствѣ съ церквами Греко-россійскими», съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи стройки, прежняя церковь, какъ безприходная, была упразднена. Мѣсто выбрали въ Милютинскомъ переулкѣ. При началѣ же стройки обнаружилась недостаточность наличныхъ суммъ, и большая половина капитала, требовавшагося на работы, была, съ высочайшаго разрѣшенія, занята въ Приказѣ общественнаго призрѣнія; въ обезпеченіе уплаты поставлено все имущество прежней церкви. По освященіи (1845 г.) новаго храма, также во имя Св. Ап. Петра и Павла, старый приходилъ въ упадокъ. Въ 60-хъ годахъ церковный совѣтъ возбудилъ цѣлое дѣло своими просьбами городскому начальству не требовать починокъ троттуара противъ церкви, мотивируя свое ходатайство недостаткомъ средствъ. Въ 1870 году церковь была продана на сломъ крестьянкѣ Бекетовой, затѣмъ поступилъ въ продажу и самый участокъ земли съ остальными зданіями. При заключеніи купчей, у общины не оказалось документовъ на владѣніе этой землей, и дѣло разрѣшено уже высшей властью. Церковный домъ былъ разобранъ, лежавшіе подъ нимъ гроба были перевезены на иновѣрческое кладбище, что на Введенскихъ горахъ; надгробная плита Гордона перенесена въ Румянцевскій музей. Участокъ земли при продажѣ считался въ 1175 кв. сажень [1]. На мѣстѣ ко-

[1] Эти данныя, заимствованныя нами изъ Архива Московской Римско-католической церкви Ап. Петра и Павла, не правляютъ ука-

стела теперь домъ русскаго владѣльца; о прежнелъ характерѣ мѣстности напоминаетъ лишь сохраняющееся названіе улицы, на которую выходилъ храмъ: она носитъ названіе Кирочнаго переулка.

Судьба закрытаго костела—исторія возникновенія и послѣдующаго его существованія—интересная сама по себѣ, всего лучше говоритъ намъ о формѣ и степени свободы католическаго вѣроисповѣданія въ Московскомъ государствѣ и о причинахъ тѣхъ ограниченій, какимъ подтвергалось оно въ сравненіи съ отправленіемъ вѣроисповѣданія протестантскаго, всего лучше объясняетъ тѣ побужденія правительственныхъ лицъ, которыми они руководствовались въ установкѣ внѣшняго положенія у насъ западному иновѣрію.

занія гр. Толстаго (I, 130) и проф. Брикнера (Патрикъ Гордонъ, 138) на то, что старый каменный костелъ будто бы существовалъ въ первоначальномъ своемъ видѣ въ пору изданія ихъ сочиненій, т. е. въ 1876 и 1878 годахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

I.

ДѢЛО ПО ПРОШЕНІЮ ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧИКА ПЕТРА ГОРДОНА

СЪ ДРУГИМИ ИНОЗЕМЦАМИ КАТОЛИЧЕСКАГО ВѢРОИСПОВѢДАНІЯ О МОЛИТВЕННОМЪ ДОМѢ И ПАСТЫРѢ *.

1684 года.

1. Челобитная Гордона съ товарищами, поданная царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ.

Царемъ государемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Адексѣевичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьютъ челомъ холопи ваши иноземцы католицкой вѣры: генералъ-порутчикъ Петрушка Гордонъ, генералъ-маеоръ графъ Давыдко Вилгелмъ фонъ-Граамъ, баронъ Морфискій, и полковники Пашка Минеезусь, Гаврилко фонъ-Турніеръ, Александерко Левистонъ, Антошка фанъ-Шмаленберхъ и иныхъ розныхъ чиновъ началніе люди, и торговые и иноземцы Франска

* Дѣла духовныя иностранныхъ вѣроисповѣданій, св. I, 1684 г., № I. Надпись на оберткѣ подлинника: «Прошеніе католическія вѣры генерала-поручика Петра Гордона съ прочими иностранцами и торговыми людьми о позволеніи имъ имѣть молитвенный домъ и пастора, по примѣру лютеранъ и кальвинъ».

Гвасконій, Еремка фанъ-Троинъ съ товарыщи. Служимъ и работаемъ мы, холопи ваши, вамъ, великимъ государемъ, многіе годы вѣрою и правдою и мы, торговые люди, по вашему жъ великихъ государей милосердному позволенію живемъ и пошлину платимъ по вашему великихъ государей указу, а живемъ мы въ Нѣмецкой Слободѣ, и мы, холопи ваши, на вашихъ великихъ государей службахъ въ розныхъ городѣхъ, а молитвенну дому и пастыра душамъ нашимъ у насъ нѣту; а которые, государи, иноземцы люторскія и калвинскія вѣры, и тѣ пастыревъ и молитвенна мѣста имѣютъ, а намъ, государи, очищенія въ вѣрѣ нѣту, и отъ тово намъ чинитца великое вражденіе душамъ нашимъ. Милосердыи государи цари и великіи князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте насъ, холопей своихъ, и насъ, торговыхъ людей, велите, государи, для нашихъ душевныхъ спасенія пасторовъ призвать и также держать и малитвенну дому, какъ лютори и калвине имѣютъ, и о томъ свои великихъ государей жаловалные грамоты давать. Цари государи, смилуйтеся.

2. Резолюція, 3 марта 1684 года.

Рѣк года марта въ г̃ день. Выписать, о чемъ въ Посолскомъ приказѣ не вѣдомо, и о томъ сослатца съ приказъ памятми.

II.

ДѢЛО ПО ПРОШЕНІЮ ПАТЕРОВЪ ФРАНЦИСКА И ПАВЛА

О ПОСТРОЙКѢ КАМЕННАГО КАТОЛИЧЕСКАГО КОСТЕЛА ВЪ МОСКОВСКОЙ НОВО-ИНОЗЕМСКОЙ СЛОБОДѢ *.

1695 года.

1. Челобитная патеровъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ.

Великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, бьютъ челомъ богомолцы ваши, что̀ въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ каѳолическія церкви священникъ Францышекъ и священникъ Павелъ. У всѣхъ, государи, иноземцовъ въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ построены каменные костелы люторскія и калвинскія, а нашего благочестиваго каѳолическаго каменнаго костела не построено. Милосердые великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцы; ты, великій государь царь Іоаннъ, тезоименитый

---

* Дѣла римско-католическія, св. 1, 1695 г. № 2. Надпись на оберткѣ подлинника: «Списокъ съ прошенія римскихъ патеровъ Франциска и Павла о постройкѣ церкви въ Нѣмецкой Слободѣ; тутъ же выписка по сему дѣлу и о находившихся въ разныя времена въ Россіи римскихъ патерахъ».

благодати Божіей, по имени своему буди намъ благодатію Божіею къ созданію нашея церкви, и ты, великій государь царь Петръ, тезоименитый краеуголному каменю Христу, положившемуся во главу угла костела своего каѳолическаго, по имени своему буди церкви нашей каѳоличестей во главу угла. Пожалуйте насъ, богомольцевъ своихъ, ради въ Троицы славимаго Бога и Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ и ради любви брата вашего государева, православнаго христіянскаго великаго цесаря Леополда, укажите, государи, намъ, богомолцемъ вашимъ, построить каменную церковь Православно-каѳолическую, за которую милость вашю великихъ государей укрествованный Орелъ Христосъ подъ крылы своими хранити благоволитъ во множествѣ лѣтъ благополучныхъ, и поганыхъ подъ ноги ваша покоритъ, и славную побѣду одержати вамъ надъ ними дерствитъ. Присемъ, цѣлующи ваши пресвѣтлыя царскія десницы, по премногу желаемъ, да тамо, идѣже и Орелъ укрествованный одесную Бога сѣде, да и ваше царское величесто орлее, купно со всѣми вашими орличаты благородными, возлѣтѣвъ, сядете во вѣки царствовати въ десницѣ Бога нескончанно. Великіе государи, смилуйтеся.

2. Выписка въ Посольскомъ приказѣ по поводу челобитной.

И въ Государственномъ Посолскомъ приказѣ выписано. Въ прошломъ въ ҂ζп̄ϑ-мъ году блаженныя памяти къ великому государю царю и великому князю Іоанну Васильевичю, всеа Русіи самодержцу, присылалъ Григорій Третій-на-десять, папа римскій, посла своего езувита Онтона Посевинуса.

И будучи тотъ папинъ посолъ въ отвѣтѣхъ говорилъ и домогался имянемъ папинымъ, чтобъ великій государь поволилъ для богомолія римской вѣры и отправленія службы сдѣлать на Москвѣ костелъ, въ чемъ отправлять

богомоліе римское и служить въ томъ костелѣ римскимъ попомъ; а онъ, Онтоній, для службы тѣхъ поповъ, которыхъ съ собою имѣетъ, двухъ человѣкъ ученыхъ людей оставитъ на Москвѣ, и тѣ попы, выучась руского языка, могутъ латинскому языку Рускихъ людей научать и вѣру римскую умножать, чтобъ Рускіе вѣры людемъ съ римскою сообщеніе было: понеже когда Греки съ римскимъ костеломъ имѣли сообщеніе, тогда щастіе имѣли, а когда отъ римского костела отступили, тогда отъ Турковъ почала имъ быть великая нужда и изгнаніе; а въ державѣ-де папинѣ подъ благословеніемъ ево многіе Святыхъ Апостолъ и Преподобныхъ Отецъ и Мучениковъ моіцп обрѣтаются, и папа-де для умноженія вѣры построилъ во имя тѣхъ Святыхъ многіе костелы великимъ богатствомъ. И будетъ-де великій государь сего ево папина прошенія не презритъ, и костелъ построить велитъ, и ученіе римское на Москвѣ поволитъ,—и то-де ему, великому государю, будетъ отъ всѣхъ храстіанскихъ государеій слава и честь и полской-де король Стефанъ Абаторъ, которой съ нимъ, великимъ государемъ, войну всчалъ, видя на Москвѣ римской вѣры умноженіе, отъ войны престанетъ и будетъ въ миру.

И тому езувиту учиненъ отвѣтъ, что костеламъ римскимъ и попамъ въ Московскомъ государствѣ быть не пригоже, потому что никогда прежде того обычая не бывало, и онъ, великій государь, не хочетъ того держати, а хочетъ быть по старинѣ, а вновь тому не быть; а попамъ римскимъ для отправленія богомолія къ Москвѣ пріѣзжать съ торговыми людми на время и отъѣзжать съ ними жъ, по прошенію папину, великій государь указалъ для духовности ихъ иноземской, а не для ученія Рускихъ людей; а ученіе римское и сообщеніе Рускимъ людемъ противно, и каждый своей вѣрѣ ревнитель, и всякому вѣра своя похвалять: и толко лучитца о томъ въ словахъ споръ или какое преніе, и чтобъ впредь отъ того вражда

не воздвиглася, для того то римское ученіе и не надобно и попамъ ихъ римскимъ жить на Москвѣ не пристойно.

И тотъ езувитъ Онтоній ѣздилъ съ Москвы (sic) подо Псковъ на̀ съѣздъ съ послы для договору съ литовскими комисары и, съ того съѣзду пріѣхавъ къ Москвѣ и будучи въ отвѣтѣхъ, говорилъ: «Проситъ папа о томъ, что великій государь обѣщалъ торговымъ иноземцомъ римской вѣры поповъ своихъ вѣры католицкой въ Московское государство для богомолія съ собою привозить и отвозить невозбрано, чтобъ то утвердить ево государевою грамотою; и чтобъ не держать на Москвѣ маистровъ люторскихъ нѣмецкихъ, которые не вызнаваютъ Пресвятыя Богородицы и Святыхъ Божихъ, а чтобъ толко пріѣзжать къ Москвѣ римской вѣры священникомъ нѣмцомъ же, которыхъ пошлетъ папа»,

И папину послу на то отвѣтъ учиненъ, что Римляномъ, и Венецыяномъ, и Цесаревы области торговымъ людемъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать поволно и попомъ съ ними ихъ вѣры издить воля безо всякого возбраненія, толко имъ ученія своего Рускимъ людемъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить, койждо въ своей вѣрѣ да пребываетъ; а грамотою утвержать не для чего; а въ Московскомъ государствѣ много розныхъ вѣръ, и великій государь у нихъ ни у ково воли не отъимаетъ: живутъ по своей вѣрѣ, какъ кто хощетъ, а молбищъ никакихъ еще по се время никоторые вѣры въ Московскомъ государствѣ не ставливали; а что онъ говоритъ о люторахъ, и въ Московскомъ государствѣ много всякихъ людей вѣръ живутъ своимъ обычаемъ, а къ Рускимъ людемъ никоторомъ обычаемъ не приставаютъ, а хотя кто и захочетъ пристать, и имъ пристать великій государь не попускаетъ.

И Онтоній говорилъ: «Которые-де Римляня торговые

люди учнутъ пріѣзжать въ Московское государство безъ поповъ римскихъ, и чтобъ великій государь поволилъ имъ, Римляномъ, ходить для моленія на Москвѣ къ блачестивымъ церквамъ къ обѣдни вмѣстѣ съ христіяны, потому что съ ними поповъ не будетъ и римской обѣдни пѣть некому; или которые Римляня помрутъ на Москвѣ, чтобъ ихъ хоронить у церквей».

И Онтонію сказано: «Которые торговые люди учнутъ пріѣзжать въ Московское государство римского закону, и священники съ ними будутъ римского жъ закону, и которые безъ поповъ своихъ учнутъ пріѣзжать, и тѣмъ по своему закону въ молбѣ во всемъ воля въ своихъ домѣхъ, а ко христіянской церкве приходить не пригоже и не пустятъ; а которые Римляня на Москвѣ помрутъ, и ихъ бы хоронили за городомъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ, а у церквей ихъ похоронять не доведетца и Російской вѣрѣ противно».

И Онтоней, будучи въ отвѣтѣхъ, говорилъ со многимъ прошеніемъ: «Наказано-де ему отъ папы, чтобъ великій государь изволилъ съ нимъ говорить самъ своею государскою особою о соединеніи и обществѣ Російскіе вѣры съ римскою, потому что де тѣ обѣ вѣры исповѣдаютъ единаго Господа Іисуса Христа и Святыхъ Его. А напредь-де сего была такая жъ разность отъ неискусныхъ толковниковъ въ греческихъ книгахъ съ римскими, и ту де разность на соборѣ во Флоренціи Иванъ Палеологъ, цесарь цареградкій, съ Евгеніемъ, папою римскимъ, и всего костела и съ иными съ Востока учеными людми и съ Греки усмирилъ и во общество соединилъ; и для того-де папа послалъ ево, Онтона, говорити о вѣрѣ съ самимъ великимъ государемъ, чѣмъ отстоитъ римская вѣра отъ вѣры Россійской и какая разность».

И по многому ево Онтоніеву прошенію великій государь велѣлъ ему, Онтонію, быть у себя и говорилъ ему, что, по его государскому желанію, папа прислалъ ево,

Онтонія, для посредничества и усмиренія съ королемъ Полскимъ; и нынѣ то усмиреніе его службою вершилось; а нынѣ онъ хочетъ говорить о вѣрѣ, и буде станетъ говорить и будетъ споръ, и ему, Антонію, будетъ не любо и чтобъ въ его государской ссылкѣ съ папою для того нелюбья не учинилось.

И Онтоній говорилъ: «Григорій Третій-на-десять папа, сопрестольникъ Петра и Павла, велѣлъ тебѣ говорить, что онъ хочетъ съ тобою, великимъ государемъ, быти въ соединеніи, въ вѣрѣ и въ любви, а вѣра римская зъ Греческою вѣрою одна, и папа хочетъ того, чтобъ впредь утвердилась одна церковь, одна вѣра, какъ Христосъ Петру, верхному Апостолу, рекъ: «паси овца моя», и далъ ключъ царствія; а папа Григорей, сопрестолникъ Петрови Апостолу, того хочетъ, чтобъ во всемъ мірѣ въ римской вѣрѣ и въ Греческой была одна церковь, одна вѣра; мы бъ ходили въ Греческую церковь и поновлялись о своихъ грѣсѣхъ греческимъ попомъ, а Греческіе бы вѣры словенской языкъ въ наши церкви римскія приходили. И будетъ греческія книги не сполна въ твоемъ государствѣ переведены, и у насъ книги прямыя греческія есть—Іоанна Златоустаго рука самого и иныхъ великихъ Святителей, и Апостолское ученіе и всѣхъ Святыхъ Вселенскихъ седми соборовъ и послѣдней соборъ Флоренской, на которомъ былъ царь Иванъ Мануиловичъ, и папа Евгеній, и многіе патріархи и философы, и которая и рознь была, и они положили на одно и уложили, чтобъ быть вѣрѣ Греческой съ римскою одной вѣрѣ. А когда будетъ вѣра одна, и церковь одна Греческая съ римскою совокуплено будетъ вмѣстѣ, а ты, великій государь, будешь съ папою зъ Григорьемъ и съ цесаремъ съ Рудолфомъ и всѣ государи въ любви и въ соединеніи, и ты, великій государь, не токмо будешъ на прародителской отчинѣ на Кіевѣ, но и во царствующемъ градѣ государемъ будешъ, а папа, и цесарь, и всѣ государи великіе о томъ будутъ старатца».

И государь царь и великій князь о томъ папину послу много говорилъ, чтобъ онъ, Антоній, съ государемъ о вѣрѣ не говорилъ: «толко намъ съ тобою съ Антоніемъ говорити, и тебѣ, Антонію, не любо; а се намъ, великимъ государемъ, на такое великое дѣло и дерзнути не вмѣсно безъ благословенія и рукоположенія отца нашего и богомолца Діонисія митрополита, и всего освященного собора о вѣрѣ намъ безъ ихъ собору говорити непристойно; ты, Онтоній, говорить хочешъ, и ты на то отъ папы присланъ, а и самъ еси попъ, и ты потому и говорить дерзаешь, а намъ безъ рукоположенія митрополичья и всего освященного совѣту собора не умѣть говорити». И посолъ Онтоній упрямился, говорить почалъ, что брани въ томъ не чаялъ: «ты государь великой, а мнѣ, наименьшему вашему подданному, какъ бранное слово говорить? а что со мною Григорей папа наказалъ, и азъ тебѣ, государю, то и говорю».

И государь царь и великій князь говорилъ Антонію: «Намъ съ вами не сойдетца въ вѣрѣ, наша вѣра христіянская изъ давныхъ лѣтъ была себѣ, а римская церковь была себѣ; а мы, великій государь, во христіянской вѣрѣ родилися и Божіею благодатію дошли есмя совершенного возросту, пятдесятъ лѣтъ съ лѣтомъ намъ, и намъ неколи уже перемѣнятися и на болшое государство хотѣти; мы въ будущемъ воспріятія мало хотимъ, а здѣшняго государства всеа вселенныя не хотимъ, что будетъ ко грѣху поползновеннно; намъ мимо своей вѣры истинныя христіанскія никоторыя вѣры хотѣти нечего, ни ученія никоторого мимо истинныя христіанскія своея вѣры не требуемъ. А говоришь Антоней, что ваша вѣра римская съ Греческою вѣрою одна вѣра, и мы вѣру держимъ истинную христіянскую, а не греческую, греческая словетъ потому, что еще пророкъ Давыдъ пророчествовалъ до Рожества Христова за много лѣтъ: «отъ Еѳіопія предваритъ рука ея къ Богу», а Еѳіопія то

мѣсто, что̀ Византія, что первое греческое царство въ Византіи просіяло въ христіянствѣ, потому и греческая словетъ вѣра; а мы вѣру истинную христіянскую вѣруемъ, и съ нашею вѣрою со христіянскою римская вѣра во многомъ не сойдетца, да толко мы о томъ говорить не хотимъ для супротивныхъ словъ, что вамъ будетъ за досаду наши рѣчи, и мы для того и говорити не хотимъ, чтобъ разни межь насъ съ папою за то и гнѣву не было, и любовь бы наша, что почалась межь папы Григорія съ нами, тѣмъ не порвалася, и ты, Онтоней, о томъ престани».

И посолъ Антоней говорилъ о томъ государю съ докукою, что брани никоторые о томъ не будетъ, а захотѣлъ со государемъ говорить о вѣрѣ. И государь говорилъ: «Мы болшихъ дѣлъ говорить съ тобою о вѣрѣ не хотимъ, чтобъ тебѣ не въ досаду было; а росе малое дѣло, что мы видимъ у тебя бороду подсѣчену, а бороды подсѣкати и подбривать не велѣно и не попу, и мірскимъ людемъ, а ты въ римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешъ, и ты намъ скажи, отъ кого ты то взялъ и отъ которого ученья?» И Антоней передъ государемъ царемъ благочестивымъ говорилъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ.

И государь царь и великій князь говорилъ: «Сказывалъ намъ нашъ паробокъ Истома Шевригинъ, что папа Григорей сидитъ на пресголѣ, а цѣлуютъ его въ ногу, въ сапогъ, а на сапогѣ у папы крыжъ, а на крыжѣ распятіе Господа Бога нашего, и толко такъ, ино пригожее ль то дѣло? и въ томъ въ первомъ нашей вѣрѣ христіянской съ римскою вѣрою будетъ рознь: въ нашей вѣрѣ христіянской крестъ Христовъ на враги побѣда и поклоняемся древу честнаго креста, и чтимъ и почитаемъ по преданію Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ Вселенскихъ соборовъ,—у насъ того не водитца, чтобъ крестъ нижь пояса носить, также и образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ богоугодившихъ ста-

вить, чтобъ на образъ зрѣти душевныма очима возвышающе на первообразіе, а въ ногахъ ставити не пригоже; также и престолы дѣлаютъ по церквамъ въ груди человѣку, что нижъ пояса святыни быти не пригоже: а то у папы у Григорія дѣлаетца чрезъ уставъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ Вселенскихъ седми соборовъ, и то отъ гордыни такой чинъ уставленъ».

И посолъ Антонъ о томъ говорилъ: «Мы папѣ всею римскою властью и окрестными государи великими цесаремъ и королемъ ишпанскимъ и многими государи честь приносимъ его святобливости папежской по его достойному величеству, что онъ всѣмъ государемъ, западнымъ и полунощнымъ, отецъ и учитель, и глава всѣмъ государемъ, сидитъ на столицѣ на великомъ Римѣ, сопрестолникъ Петру и Павлу, а Петръ сопрестолникъ Христу, а вся вѣра Греческая въ Римѣ есть отъ Рожества Христова, и доселѣ и Петръ и Павелъ лежатъ тѣлеса ихъ въ Римѣ, и ученикъ ихъ Варнава и Маркъ Апостолъ, и Ондрей Апостолъ, и великіе государи вселенскіе учители Григорей Богословъ лежатъ мощи ихъ въ Римѣ и иныхъ многихъ великихъ государей Іоанна Златоустаго и Николая Чюдотворца и многихъ мученикъ мощи въ Римѣ есть и доселѣ и кладезь крови мученической полонъ отъ цесаря Нерона и до сѣхъ мѣстъ въ Римѣ есть, что̀ и Шевригинъ самъ своима очима видѣлъ, и святыня вся перешла изо всего свѣта въ Римъ. И такова великого государя папу Грегорія, сопрестолника Петра и Павла, намъ всѣмъ и пріѣзжимъ людемъ какъ не величать и не славить? а Петръ Апостолъ всей вселеннѣй говорилъ и училъ по Христову ученію, что ему Христосъ рекъ: паси овца моя и дамъ ти ключа царствія. А Петръ Апостолъ сопрестолникъ Христу, и папа потомужъ всѣхъ учитъ всю вселенную; потому папу чтятъ. А носятъ его потому, что написаны въ Исаинѣ пророчествѣ», а имянно? того не домолылъ. Да Антоней

же говорилъ: «ты государь великой въ своемъ государствѣ, и пророди́тель твой былъ на Кіевѣ великій князь Владимерь, и васъ, государей, какъ намъ не величать, и не славить и въ ноги не припадать?» Да въ ноги государю Антоней поклонился ниско.

И государь царь и великій князь говорилъ Антонію: «Говоришъ, Антоней, про Григорія папу словеса похвалныя, что онъ сопрестолникъ Христу и Петру Апостолу— паси овцы моя и дамъ ти ключъ небесного царствія—и яко подобаетъ всѣмъ ему покарятись, и въ ноги цѣловать и припадать. И тѣ словеса про Григорья папу говоришъ о себѣ мудрствуя, а не по заповѣдемъ Господнимъ и не по апостолскому преданію, и святителемъ сіе не подобаетъ такъ гордѣтися. Что пишетъ во Святомъ Евангеліи: Рече Господь ученикомъ Своимъ, глаголя: вы же не нарицайтеся учители: единъ бо есть вашъ Учитель, Христосъ, вы жъ всѣ братіе есте; и отца не зовите себѣ на земли: единъ бо есть Отецъ, Иже на небесѣхъ; ниже нарицайтеся наставницы: единъ бо Наставникъ есть вашъ Христосъ; Болiи жъ въ васъ, да будетъ вамъ слуга; а Марко Апостолъ во Евангеліи написалъ: Во время оно призва Іисусъ оба-на-десятъ и начатъ ихъ посылати два два, и даяша имъ власть надъ духи нечистыми, и заповѣда имъ, да ничесоже возмутъ на путь, токмо жезлъ единъ, ни пиры, ни хлѣбы, ни при поясахъ мѣди, ни обуве, ни въ сандалія, ни облачатись во двѣ ризы; а верховный Апостолъ Петръ въ Посланіи своемъ въ Первомъ глаголетъ сице: Пасете еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нужею, но волею, и по Бозѣ, не праведными прибытки, но усердно, не яко обладающе ряду, но образи бывающе стаду. А что говоришъ, что папа Григорей на престолѣ сидитъ на Петровѣ, и вамъ потому его такъ превозношать и чтити пригожъ; и ему подобаетъ смиренно мудрствовати и послѣдовати Петру во всемъ по Христовѣ

заповѣди, а не потому, что, какъ сказывалъ про папу про Григорія нашъ гонецъ Истома Шевригинъ, да что нынѣ и ты говоришъ. А что намъ говоришъ и величаешъ папу, а намъ честь приносишъ, что великому князю Володимеру Монамаху, такъ и намъ, благочестивымъ царемъ, честь надобно приносити: ино такъ есть въ мірскомъ житьѣ, въ нашей царской державѣ, и всѣхъ великихъ государей братьи нашей насъ пригоже почитати по царскому величеству; а святителемъ всѣмъ Апостолскимъ ученикомъ должное смиреніе показывать, а не возноситись и превыше царей гордостію не обноситись,— царская жъ убо царемъ достойная честь, а святителемъ и патріархомъ честь святителская. Попомни самъ, какъ Азія царь захотѣлъ во священное войти и покадити мимо царское, и Богъ на него проказу послалъ, а пророкъ велегласной Исаія не пророчествовалъ за то многа лѣта, что устыдился царя, но по смерти царя Азія открыся ему даръ пророчества. А по преставленіи Святыхъ Апостолъ Петра и Павла въ Римѣ престолъ апостолскій содержали ученики апостолскіе. А отъ Перваго собора отъ Селивестра, папы римского, до Седмаго собора до папы Андріяна, тажъ, по сихъ четырехъ патріархахъ вселенскихъ учителей вмѣсто четырехъ Евангелистъ, глаголемъ же Констянтинополского, и Александрейского, и Антіохійского, Іерусалимского, и по многимъ мѣстомъ безъ числа митрополиты уставлены; а въ нашей царской державѣ уставленъ митрополитъ, и архіепископы, и епископы рускіе митрополіи, и царемъ благочестивымъ подобаетъ царское содержаніе, а святителемъ святителская; а мы почитаемъ для духовного дѣла, митрополита руского называемъ отцемъ и богомолцемъ своимъ, и покланяемся ему, и чтимъ его, и благословенія отъ него требуемъ, и его встрѣчаемъ. А что папа Григорей Третей-на-десять по земли не ходитъ, а велитъ себя носити на престолѣ, а себя называетъ сопрестольникомъ Петру, верховному Апостолу, а по Петрѣ Апо-

столѣ Христу сопрестолникомъ называетца: и папа не Христосъ, а престолъ, на чемъ папу носятъ, не облакъ, а которые носятъ его, тѣ не Ангели,—папѣ Григорью не подобаетъ Христу подобитись и ссопрестолникомъ быть ему; ано и Петръ, начало во Апостолѣхъ, верховной Христовъ ученикъ, и дѣла всѣ и заповѣди Христовы по заповѣдемъ его творилъ, а ровнять и Петра Апостола Христу не подобаетъ. Апостоли, Христови ученицы, послѣ Вознесенія Господня, по сшествіи Святаго Духа, во всю вселенную пошли проповѣдать; въ свои жребіи ити въ проповѣдь—а Христова вся вселенная, исполненія ея, еда ямъ мяса или кровь козлію пію, пожри Богови жертвы хвалы, воздаждь Вышнему молитвы твоя—и Апостоловъ ровняти и ровны имѣти Христу не пригоже. А которые ученики и Апостолскіе были въ Римѣ папы—Селивестръ папа и иные великіе папы вселенскіе учители—послѣдовали Христову ученію и апостолскому преданію, тѣмъ Апостоломъ подоботись (sic) пригоже, толко не превозношатись же гордостію, и на престолѣ велѣть себя носити, и крестъ носити на сапозѣхъ и въ ноги людемъ падать не пригоже; а пригожъ святителемъ показывать смиренія образъ, якожъ Христосъ показалъ и ученицы Его, Петръ и Павелъ и иные Апостоли. А которой папа, по Христову ученію и Апостолскому преданію и по прежнимъ своимъ прежнимъ папамъ, великимъ государемъ Селивестромъ и до великого папы Андріана и инымъ такимъ великимъ святителемъ, по ихъ ученію учнетъ ходить, и заповѣди Божіи, и Апостолскія преданія, и Святыхъ Отецъ седми соборовъ Вселенскихъ сохранять, ино тотъ папа сопрестолникъ тѣмъ великимъ папамъ и Апостоломъ; а которой папа не по Христову ученію и не по Апостолскому преданію почнетъ жити, и тотъ папа волкъ есть, а не пастырь».

И посолъ Антоній и престалъ говорити: «коли-де уже папа волкъ, и мнѣ что̀ уже и говорить».

И государь царь и великій князь почалъ говорити Антонію: «Яжъ тебѣ давежь говорилъ, коли намъ говорить о вѣрѣ, и намъ безъ роздорныхъ словъ не будетъ. А язъ не вашего папу называю волкомъ: толко которой папа не похочетъ Христову ученію и Апостолскому преданію послѣдовати, и азъ того папу назвалъ волкомъ, а не пастыремъ; да нынѣ то скратимъ». Да положилъ государь руку свою на Антонія и пожаловалъ его, примолвилъ, и отпустилъ на подворье.

И послѣ того на третей день изволилъ великій государь папину послу говорить, что похотѣлъ еси съ нами говорить о вѣрѣ, и мы тебѣ говорили, чтобъ ты съ нами о вѣрѣ не говорилъ: толко тебѣ съ нами говорить о вѣрѣ, ино своей вѣры каждый ревнитель; намъ говорить тебѣ о вашей вѣрѣ, ино тебѣ не любити; а тебѣ говорити намъ о нашей вѣрѣ, а про свою сказывать, ино намъ не любить. И ты поупрямился, а съ нами о вѣрѣ говорити похотѣлъ, и мы тебѣ о вѣрѣ отказали изустне сами коротко, и тебѣ стало досадно, и ты бъ тѣ слова скратилъ; а за службу твою, что насъ съ Степаномъ королемъ смирилъ, тебя жалуемъ.

Великій же государь изволилъ говорить: «Антоней! говорилъ еси съ нашими бояры, чтобъ тебѣ быть въ Соборной церкви Пречистой Богородицы смотрити церковного чину нашіе Православные христіянскіе вѣры, и мы нынѣ идемъ въ Соборную церковь Пречистыя Богородицы для исповѣди нашіе Православные вѣры; и ты пойди въ церковь и смотри церковного чину и благочинія нашей христіанскіе вѣры, и какъ мы чтимъ отца своего и богомолца митрополита, и отъ него благословенія требуемъ, и чтимъ его, и почесть ему святителскую воздаемъ, а не божимъ его, какъ еси съ нами о папѣ прежь того говорилъ, что папу носятъ на столѣ и цѣлуютъ его въ ногу, и то есть гордость, а не святителское дѣло. А что папу называешъ, что онъ намѣстникъ

верховного Апостола Петра, а Петръ Апостолъ въ Христово мѣсто, и Апостолъ Петръ такъ не дѣлалъ, какъ папу на столѣ носятъ и цѣлуютъ въ ногу, и то есть гордостная, а не святителская: Апостолъ Христовъ Петръ на конѣ не ѣздилъ и на столѣ его не носили, и ходилъ пѣшъ да и босъ». И Антоней говорилъ передъ государемъ: «Къ церкве, государь, иду и смотрѣть чину церковного хочю; а про папу, государь, и нынѣ говорю, что папа сопрестолникъ Апостолу Петру, на его престолѣ сидитъ отъ Бога поставленъ, а Апостолъ Петръ былъ во Христово мѣсто, и ключь ему царствія небеснаго данъ, и рекъ ему Христосъ: «паси овца моя», и «аще кого свяжеши на земли, будетъ связанъ на небеси, и аще кого разрѣшиши на земли, и будетъ разрѣшенъ на небеси»; а папа нынѣ на Апостола Петрово мѣсто, и намъ его всѣмъ какъ не чтити, и достойнѣе чести папежскіе ему, Петру, носити, а онъ всѣмъ отцемъ отецъ. А восе и у тебя, государя, митрополитъ, и ты, государь, какую ему честь воздаешь: умоетъ онъ въ службѣ руки, и тою водою ты, государь, очи мажешъ». И государь Антонію говорилъ: «Называешся учителемъ и сказываешъ, что пришелъ еси учити, а ты и того не знаешъ, что говоришъ: читалъ ли еси толковую обѣденную службу»? И Антоней позамолчалъ и отвѣту государю не далъ. И государь говорилъ: «Коли не вѣдаешъ, ино язъ тебѣ скажу, что митрополитъ на обѣднѣ руки умывъ, да тою водою очи свои просвѣщаетъ рукою, да и мы тою водою очи свои просвѣщаемъ, да и во всю церковь тое воду митрополитъ велитъ носить ко всѣмъ людемъ: и то прообразованіе страсти Господни, что при страсти своей Господь Іисусъ Христосъ руки свои умылъ и очи свои помазалъ, и то есть прообразованіе страсти Господни, а не почесть митрополита». И папинъ посолъ Антоней тому отвѣту не далъ.

И велѣлъ государь царь и великій князь съ папинымъ

посломъ съ Антоніемъ итти въ церковь Успенія Пречистыя Богородицы соборную Остафью Пушкину да Ѳедору Писемскому, и приставомъ его Залѣшанину Волохову съ товарыщи; а наказалъ государь Остафью Пушкину съ товарыщи, чтобъ они съ Антоніемъ подождали государя передъ Пречистою: какъ пойдетъ государь къ Пречистой, и Антоней бы то видѣлъ, какъ встрѣтитъ государя со кресты митрополитъ со всѣмъ соборомъ, вышедъ изъ церкви; и какъ государь пойдетъ за кресты въ церковь, и Антоней бы шелъ за государемъ въ церковь же; а въ Пречистой Богородицы въ ту пору было устроено, какъ пригоже быти благолѣпію и чину церковному.

И какъ папинъ посолъ Антоней съ приставы пришелъ къ Пречистой и похотѣлъ итти тотчасъ въ церковь, не дожидаяся государскаго приходу, и Остафей съ товарыщи его поуняли, чтобъ онъ подождалъ государя и то видѣлъ, какъ изъ церкви митрополитъ со всѣмъ соборомъ со кресты встрѣтитъ государя. И Антоній почалъ сердитовати, а ждати государя не похотѣлъ, а хотѣлъ ѣхать къ себѣ на подворье; и приставы его уняли, а Остафей Пушкинъ съ товарыщи сказали про то государю. И царь и великій князь прислалъ къ Антонію дьяка Андрея Щелкалова, а велѣлъ ему, Антонію, говорити, что онъ прошался у государя въ Соборную церковь чину церковного видѣти, и государь, по его прошенію, въ церковь его отпустилъ, а велѣлъ ему у церкви немного себя, государя, подождати, для того, чтобъ онъ то видѣлъ, какъ государя встрѣтитъ со кресты митрополитъ со всѣмъ соборомъ, а опослѣ бъ и въ церковь шелъ за государемъ, и онъ сердитуетъ, а государя ждати и въ церковь итти не хочетъ, а хочетъ ѣхати къ себѣ на подворье: и онъ бы непригожева дѣла не дѣлалъ, не хочетъ въ церковь итти, и онъ бы не ходилъ, то на его волѣ». И отпущенъ на подворье, а въ церкви не былъ.

И послѣ того тотъ езувитъ съ Москвы отпущенъ.

И по отпускѣ того езувита при предкахъ ихъ государскихъ, блаженныя памяти при великихъ государѣхъ царѣхъ и великихъ князѣхъ російскихъ, и при отцѣ ихъ государевѣ блаженныя памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцѣ, и при братѣ ихъ государевѣ, блаженные памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцѣ, и при ихъ государевѣ державѣ на Москвѣ въ Російскомъ государствѣ нигдѣ подъ ихъ государскою державою Римляня костеловъ для богомолія не токмо каменныхъ, но и деревянныхъ не дѣлывали и мѣстъ и земель подъ строеніе костелное Римляномъ никому нигдѣ не давано, и римской вѣры исповѣдники до ρ҃ѵ҃к҃ году на Москвѣ не живали и богомолія своего католицкаго не токмо въ костелахъ, но и въ домѣхъ не отправляли.

А въ прошломъ во ρ҃ѵ҃к҃ году присылалъ къ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцамъ, Леополдусъ, цесарь римской, пословъ своихъ Ягана Жировскаго да Христофора зъ Блюмберка.

И будучи тѣ послы у бояръ въ отвѣтѣхъ говорили: «Приказано де имъ, посломъ, отъ цесарского величества ихъ царскому величеству донесть, что въ Російскомъ царствіи пребываютъ на Москвѣ розныхъ вѣръ люторовъ, и калвиновъ, и католиковъ, и чтобъ для тѣхъ католицкой вѣры народовъ спасенія душъ поставить костелъ для отправленія службы и исповѣданія, и изволили бъ великіе государи, для брацкіе дружбы и любви сь его цесарскимъ величествомъ, пропустить къ Москвѣ изъ-за рубежа дву человѣкъ ксензовъ; и естьли великіе государи поволятъ, и чтобъ о пропускѣ тѣхъ ксензовъ дана имъ, посломъ, была ихъ царского величества грамота въ Смо-

ленескъ, чтобъ имъ какова задержанія не было.» И посломъ сказано, что изволяютъ великіе государи о томъ посовѣтовать со святѣйшимъ патріархомъ московскимъ и всеа Росіи. А послѣ того цесарскіе послы о томъ не упоминались.

Да съ тѣми жъ цесарскими послы пріѣхалъ къ Москвѣ езувитъ Яганъ Шмитъ, и съ Москвы тотъ езувитъ съ тѣми послы не поѣхалъ, а остался онъ на Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ; а по какому указу тотъ езувитъ на Москвѣ оставленъ, того въ Посолскомъ приказѣ не вѣдомо; и тотъ ксензъ во ρ҃ѵ҃s году отпущенъ за литовской рубежъ.

Да во ρ҃ѵ҃г году пропущенъ къ Москвѣ къ цесарскому гонцу къ Ягану Курцу Инокентія Перваго-на-десять, папы римского, съ грамотою римской ксензъ Дебое, и тотъ ксензъ на Москвѣ умре.

А въ грамотѣ къ великимъ государемъ съ нимъ папа писалъ о общемъ христіянскомъ противъ бусурманъ воинскомъ пріуготовленіи, а о ксензахъ ничего не писалъ. И противъ той грамоты къ папѣ отъ великихъ государей грамоты не послано, для того, что въ той паппной грамотѣ великихъ государей имянованья и титлъ не написано.

И какъ цесарской гонецъ Яганъ Курцъ съ Москвы отпущенъ, а ксензъ Дебое остался на Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ, для того, что къ великимъ государемъ писалъ цесарское величество римской съ тѣмъ своимъ гонцомъ, съ Яганомъ Курцомъ, съ прошеніемъ, чтобъ великіе государи другому ксензу его, назначенному при первомъ, оставленномъ на Москвѣ, побыть поволили. А въ грамотѣ великихъ государей къ его цесарскому величеству съ тѣмъ же его цесарскимъ вышеписаннымъ гонцомъ писано, что они, великіе государи, для брацкой съ нимъ любви и по желанію его цесарскому тому ксензу быть до времяни указали.

А во рѵ̈д году къ великимъ государемъ въ грамотѣ цесаря римского чрезъ почту писано: «Возвратився недавно къ нему гонецъ его чрезвычайный, которого прошлого году зъ грамотою къ великимъ государемъ посылалъ есмь, отвѣтную принеслъ тѣмъ благопріятнѣйшую, что ксендза, которого первому тамъ же живущему ксензу въ товарыщахъ тогда прислалъ есмь, отъ тѣхъ же милостиво пріятого и обоимъ по чину римляно-католицкому во градѣ Москвѣ священная служить поволность данную объявляютъ, которымъ имянемъ яко свѣтлости ихъ приклонную и брацкую его къ нимъ же волю себѣ пренаболши обязали есте; тако свѣтлостямъ ихъ таковы, каковы равно есть благоволителнымъ желателствомъ сею воздаемъ благодаренія самимъ дѣломъ воздати хотяще, коликожды имъ возблагодаренія благопотребный случай улучить, А понеже ему тотъ же гонецъ его чрезвычайной пристойно предложилъ, также и съ иной стороны памятуютъ, что свѣтлостямъ ихъ первенственно пріятно будетъ, естьли между ими съ обоихъ сторонъ посылатися имущими служители та, которая по се время въ канцеляріяхъ, се есть о поданіи грамоты отвѣтной, хранена была разность, отставлена будетъ; да ему жъ бы не сумнитися, что свѣтлости ихъ твореніе вѣры римляно-католицкой, которому по сіе время въ избахъ быть допустили, пріятствомъ и защищеніемъ своимъ впредь хранити будутъ; и за то имъ и свѣтлостей ихъ брацкимъ желателствомъ и почитаніемъ обьемлетъ, взаимного жъ дружества правящи и вящи укрѣпити и устроити желаетъ сего грамотою любително объявлено быти унепщевалъ есмь, что онъ то, что въ томъ дѣлѣ наияснѣйшаго полского короля посланникъ думной или священного государства вѣрный, любителный, велможный Янъ Христофоръ, волной баронъ зъ Жерова Жировской, въ прошломъ году ближнему боярину чрезъ того жь гонца въ писанной грамотѣ доносилъ, что пріятно и твердо имѣти будетъ и

что впредь къ ево и къ свѣтлостямъ ихъ двору присланнымъ быти имущимъ великимъ посломъ и инымъ нижняго чину служителемъ въ поданіи грамоты отвѣтной тотъ же соблюдается чинъ, которой во дворѣ его, пресвѣтлостей ихъ и ихъ славныхъ предковъ посломъ великимъ и инымъ служителемъ по се время одержался, или взаимно по обыклому во дворѣ свѣтлостей ихъ обычаю и у него отдачѣ таковой же впредь быть на то позволилъ, естьли свѣтлости ихъ, какъ надеждею извѣстною, утверждается, что допущенное по се время тайное (sic) вѣры римляно-католицкоіі дѣйствованіе яве творитися, а менши бы хотя бы такою волностію и привиліемъ, каковы лютры и калвины употребляютъ въ царствующемъ градѣ, вѣчно тѣшитися поволятъ, на что благоволителного и брацкія надежды приличнаго отвѣта ожидати будетъ».

На той цесарской грамотѣ помѣта думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова: «Великіе государи указали изъ той грамоты написать великимъ и полномочнымъ посломъ, которые посылаются къ цесарю, въ наказъ, примѣняясь къ прежнимъ указомъ, чтобъ быть во всемъ равенственному чину и поведенію, а въ строеніи костела отказать, а въ дому Римляномъ по своей вѣрѣ молитвы отправлять не заборонено».

И по той помѣтѣ въ наказѣ великимъ и полномочнымъ посломъ Борису Петровичю Шереметеву съ товарыщи о томъ писано.

А въ статейномъ ихъ спискѣ написано: «Какъ они, великіе и полномочные послы, были цесарского величества на дворѣ у сенаторей въ г̃ отвѣтѣ и говорили и домогались по наказу, чтобъ цесарское величество грамоту свою на отпускѣ имъ, посломъ, изволилъ отдать изъ своихъ рукъ и въ титлѣ бъ къ ихъ государскому имянованію написано было въ тоіі грамотѣ вмѣсто «пресвѣтлѣйшества» «величество», какъ о томъ и въ грамотѣ

цесарского величества обнадеживателно о равенствѣ отданія грамоты отвѣтной къ великимъ государемъ во ρ҃ѵ҃д году чрезъ почту писано,—и сенатори говорили, что-де настоитъ о титлѣ величества, и они сенатори учнутъ о томъ говорить съ ними, великими и полномочными послы, особно; а о которомъ цесарского величества обнадеживаніи объявляютъ они, великіе и полномочные послы, что писано въ грамотѣ его цесарского величества чрезъ почту во ρ҃ѵ҃д году, и тое-де грамоту цесарского величества они, сенатори, памятуютъ. Писано въ той цесарского величества грамотѣ, чтобъ великіе государи, ихъ царское величество, поволили въ своемъ царского величества царствующемъ градѣ Москвѣ быть ксензу и для римского чина дѣйствованія построить костелъ. И естьли укажутъ великіе государи, ихъ царское величество, то учинить, тогда и о отданіи грамотъ обнадеживаніе въ той грамотѣ доложено взаимно противъ того; и нынѣде того цесарское величество желаетъ, чтобъ великіе государи, ихъ царское величество, поволили въ царствующемъ градѣ Москвѣ построить костелъ съ колоколами, а для ученія имѣти бъ езувитовъ школы и ученію, и ходы со кресты, и погребаніе явственное по обычаю римского костела. И естьли-де они, великіе и полномочные послы, полную мочь о томъ отъ царского величества имѣютъ,—и договоръ и постановленіе съ ними, великими и полномочными послы, о томъ учинятъ, чтобъ то не токмо нынѣ, но и впредь отъ ихъ царского величества и отъ наслѣдниковъ ихъ было сдержано: тогда-де и отданіе грамотъ изъ своихъ рукъ взаимно противъ того цесарское величество учинитъ и чинити будетъ.

И великіе и полномочные послы говорили: «По желанію его цесарского величества ксензу, о которомъ писано въ его цесарского величества грамотѣ быть въ царствующемъ градѣ Москвѣ на умершаго мѣсто ксенза, и римляномъ въ домѣхъ своихъ по своеи вѣрѣ молитвы от-

правлять, великіе государи, ихъ царское величество, поволили, для братцкіе къ цесарскому величеству дружбы и любви; и впредь о томъ заборонено не будетъ; а о костелахъ и о ксензахъ и всчинать и договорами въ томъ обязыватца не годитца: что поволили великіе государи, ихъ царское величество, быть на Москвѣ езуиту и молитвы въ домѣхъ Римляномъ отправлять, для брацкіе ихъ царского величества къ цесарскому величеству дружбы и любви изволили, а не для какой взаимности и не по договору».

И сенаторы говорили: «Тотъ-де ксензъ, которой нынѣ на Москвѣ, писалъ къ нимъ, сенаторемъ, чрезъ почту, что по милости царского величества употребленіе римскіе вѣры въ домѣхъ имѣть поволено, толко-де колоколовъ ему держать не велѣно; а люторы кирхъ своихъ имѣютъ колокола невозбранно; и они, сенатори, по указу цесарского величества предлагаютъ имъ, великимъ и полномочнымъ посломъ, чтобъ указали великіе государи, ихъ царское величество, и тому ксензу для употребленія къ богомолію имѣть колокола невозбранно, что римская вѣра къ вѣрѣ благочестивой ближе люторскія вѣры». И великіе и полномочные послы говорили: «Въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ которыхъ мѣстѣхъ отправляютъ въ домѣхъ же своихъ богомоліе люторы, и въ тѣхъ домѣхъ нигдѣ колоколовъ нѣтъ и никогда не бывало».

А въ отвѣтномъ письмѣ, каково прислано къ посломъ отъ сенаторей, написано: «А что ко вручению грамотъ вѣрющихъ и къ титлѣ маестатись, то есть величества, належитъ, его священное цесарское величество паки обѣщаетъ, что отъ себя грамоты вѣрющіе помянутымъ царскимъ посломъ и посланникомъ перваго и втораго чина, и паки при отпускѣ имѣетъ отдавати; но присовокупивъ и повторивъ то обереженіе явственнѣйшее, когда ихъ царское величество явственное католицкой вѣры ученіе, костелы съ колоколы, школы, и ходы по-

гребанія, и иные по обычаю костела римского явственно творити обыкновенно на Москвѣ соизволитъ, и за себя и за своихъ наслѣдниковъ на вѣки подтвердитъ, яко его священное цесарское величество въ грамотѣ своей вѣрющей, при отъѣздѣ господамъ посламъ нынѣ данной, начало соизволити имѣетъ; и нравъ тотъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ паки ко всѣмъ отъ царского величества перваго и втораго чина посломъ и посланникомъ толико долга будетъ совершати, колико и съ стороны царского величество обереженію тому доволство чинитися будетъ. Откуду его священное цесарское величество надежно вѣритъ, что ихъ царское величество дѣлу, толико похвалному, для вещи католицкой начатому и помянутому обереженію для взаимноі брацкой любви свидѣтелства, учинятъ всякое исполненіе».

А въ д ответѣ будучи великіе и полномочные послы сенаторемъ говорили, что костелы и иное употребленіе римскіе вѣры ко взаимности отданія грамотъ не належатъ, а належатъ ко взаимности то, что изволяютъ великіе государи, ихъ царское величество, отдавать грамоты свои цесарского величества посломъ, и посланникомъ, и гонцомъ изъ своихъ царского величества рукъ; а царское величество по желанію цесарского величества повелили быть въ царствующемъ градѣ Москвѣ ксензамъ и отправлять службу для римскіе вѣры людей въ дому своемъ не возбранно, и то учинили великіе государи, ихъ царское величество, изъ воли своей по любви къ брату своему, къ великому государю, къ его цесарскому величеству, а не по должности какой и не по принужденію; а чтобъ за отданіе грамотъ изъ его цесарскихъ рукъ посломъ и посланникомъ царского величества повелить костеломъ и ученію волному быть и въ томъ обязатца царскому величеству и за наслѣдниковъ своихъ, и упоминатца было о томъ и такою заимностію отягчать непристойно, чего и слышить не годитца. И костелы

римскіе въ Россійскомъ царствіи никогда не бывали и впредь тому быть невозможно; а что и въ домѣхъ своихъ великіе государи по желанію цесарского величества службу отправлять поволили, а то было довелось воспріять въ великую любовь, а не заимностію за то почитать». И сенатори говорили: «Костеловъ-де, колоколовъ ксензы имѣтъ на Москвѣ хотя и не будутъ, что ни люторы, ни калвины кирхъ и колоколовъ не имѣютъ; а естьли впредь люторы и калвины будутъ имѣть кирхи и колокола, и чтобъ-де указали великіе государи, ихъ царское величество, и Римляномъ костелы тогда имѣть».

И великіе и полномочные послы сенаторемъ говорили, что то ихъ предложеніе великимъ государемъ, ихъ царскому величеству, извѣстно будетъ; а костеловъ и иныхъ вѣръ храмовъ никогда въ Московскомъ государствѣ не будетъ; а что въ писмѣ ихъ о костелахъ и о иныхъ римскія вѣры употребленіяхъ написано, каково къ нимъ, великимъ и полномочнымъ посломъ, они, сенатори, прислали, и такова писма и принять имъ, великимъ и полномочнымъ посломъ, не мочно; а ксензу поволено на Москвѣ быть по любви царского величества къ цесарскому величеству, а не по должности какой и не для отданія грамотъ.

А въ грамотѣ къ великимъ государемъ съ тѣми великими и полномочными послы цесаря римского написано: «А что належитъ о поданіи вѣрющей грамоты, добрѣ мы памятуемъ, что обѣщалися есмы грамоту вѣрющую отъ насъ самихъ пресвѣтлѣйшества вашего посломъ и посланникомъ перваго и втораго чина, такожде при отпускѣ отъѣздномъ будемъ отдавати, когда пресвѣтлѣйшество ваше явственному католицкой вѣры ученію, школамъ, ходамъ и погребаніямъ и инымъ дѣламъ по обычаю церкви римской совершатися обыкновенно на Москвѣ соизволите и за себя и за своихъ наслѣдниковъ на вѣчныя времена подтвердите; а когда помянутыя пре-

свѣтлѣйшеста вашего послы, что пресвѣтлѣйшество ваше римской католицкой езувицкимъ ксензомъ на Москвѣ пребывати и вѣры нашей римской католицкой нравъ и обхожденіе въ домѣхъ совершати власть и волность уже тогда соизволили, намъ учинили вѣдомость и обнадежили насъ, что пресвѣтлѣйшество ваше римскимъ католицкимъ езувитомъ и ксензомъ и впредь тамъ же пребывати и вѣру римскую католицкую и ея нравъ и обыкновенія безъ перемѣны или помѣшки, тихо, мирно совершати, и тому волному ученію пребывати соизволите. А мы такожде для знаменія взаимного и новаго склонности и брацкаго усердствія, кромѣ того, что пресвѣтлѣйшество ваше во образъ усердствія доброхотного и зѣло пріятного такъ отъ ближнихъ людей нашихъ въ прибытіи нашемъ, какъ и въ приговорѣхъ, секретною печатію нашего цесарскою запечатанныхъ, маестатисъ титлою нарицати уже соизволили есмы нынѣ; такожде грамоты нашей вѣрющей и ввѣренной имъ на отпускѣ отъѣздномъ отданію чинимъ начало. По истинѣ надѣемся, что (хотя помянутые послы на себя воспріять не хотѣли) подтвержденія пресвѣтлѣйшества вашего за себя и за наслѣдниковъ своихъ чрезъ обовязаніе или писмо на вѣки будетъ соизволено. Обаче же, пресвѣтлѣйшество ваше, для свидѣтелства дѣдовского и вѣковѣчного къ намъ дружелюбія и любви, вмѣстѣ съ своими наслѣдниками явственное вѣры римской ученіе въ непреложной соблюдати будете волности, яко и мы и наслѣдники наши отданіе грамотъ изъ рукъ нашихъ будемъ совершати».

А во ρ҃ѵ҃є году по указу великихъ государей, а по писму о томъ хъ князь Василью Голицыну канцлера литовского пропущенъ къ Москвѣ езувитъ Юрья Давыдовъ съ цесарскою грамотою, въ которой къ великимъ государемъ писано брацкою надежностію: онъ, цесарь, проситъ, дабы сея грамоты доноситель Георгій Давыдъ, его же на мѣсто умершаго езувита посылаетъ, милостиво при-

нять и такоюжъ милостію и защищеніемъ сохраненъ, какъ и другой, былъ. И противъ той цесарской грамоты отъ великихъ государей о пріемѣ того ксенза къ Москвѣ никакой отповѣди не учинено.

А во ρ҃ѵ҃ζ году въ февралѣ мѣсяцѣ пропущенъ къ Москвѣ чрезъ Смоленскъ же зъ дохтуромъ зъ Григорьемъ Карбонаріемъ езувитъ Товія Тихавской зъ грамотою жъ цесарского величества.

А въ той грамотѣ къ великимъ государемъ написано: «Какъ свѣтлость ваша вѣры нашей римляно-католицкой твореніе въ государствахъ своихъ для насъ поволили, о томъ въ началѣ крѣпко радѣемъ, дабы таковы посланы были духовные, которые бы, особымъ ученіемъ и нрава благоположеніемъ паче прочихъ славни, милостивого свѣтлостей вашихъ призрѣнія и милости удостоились; того ради посылаетца туды богомолецъ намъ любезенъ Товія Тихавской, езувитъ ксензъ, которого хотя не сумнимся, что знатное вещей искуство и превысокіе, которымъ рачитъ сердце, примѣты свѣтлостямъ вашимъ сами собою препревосхвалятъ, однакожъ сею грамотою сподобити восхотѣли есмы, чтобъ свѣтлость ваша милостивыми его очесы и милости утверженми воспріять и противо злорадныхъ, естьли бъ дѣло случилось, обидъ милостиво защищать и оборонять не отрицалися, хощете учинити вещь, зѣло намъ благопріятну, во всякомъ случаѣ взаимно воздатися имущу».

Да въ грамотѣ жъ особой цесаря римского съ тѣмъ же езувитомъ хъ князь Василью Голицыну писано: «Сіятелный, истинно намъ любезный! Что вѣры нашей римляно-католицкой дѣйствованіе, на Москвѣ поволенное, по се время спокойно вземлется, то премогущимъ вашимъ наипаче причитаемъ служеніямъ, и тѣмъ имянемъ вамъ усугубленное воздаемъ благодареніе. А понеже на дѣйствованіе его богомолецъ, намъ любезенъ езувитъ,

преизрядные добродѣтели и правдиваго разума мужъ, туды посылаетца, боитца, дабы межъ незнаемыми злорадныхъ нѣкогда не впалъ въ обиду, его не токмо къ пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ царемъ, великимъ московскимъ княземъ, друзьямъ и братіи нашимъ любезнѣйшимъ, по союзному образцу, но и къ вамъ такожде сею доносителною хваленія нашего грамотою утвердити намъ показалось. И какъ, по знаемому намъ угодити тщанію, реченнаго отца вашимъ пріятствомъ произслѣдовати будете и милостивѣйшихъ государей вашихъ ему милость соблюдаете, склонность, и милости, и благоволенія нашего цесарского доброжеланіе вамъ пріумножите, которое вамъ, еже крайнее есть, милостиво соблюдаемъ».

На той цесарского величества къ великимъ государемъ писанной грамотѣ помѣта дьяка Ивана Волкова такова: «Быть ему; а буде прежней похочетъ ѣхать въ свою землю, и того прежняго отпустить».

И тѣ езувиты, Товія и Давыдъ, жили на Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ по ρ҃ѵ҃н годъ. А въ ρ҃ѵ҃н году сентября въ л҃ день великіе государи, слышавъ выписки въ своемъ государскомъ походѣ, въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, указали свой государской указъ: въ Государственномъ Посолскомъ приказѣ тѣмъ цесарскимъ езувитамъ Давыду и Товіи сказать, что для дружбы и любви ихъ государской къ цесарскому величеству поволено было имъ, езувитомъ, побыть на Москвѣ на время,, и по тому ихъ государскому указу ,жили они на Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ многое время. А прежде сего изстари при предкахъ ихъ государскихъ въ Московскомъ государствѣ езувиты цесарей римскихъ и королей полскихъ никогда и малого времяни не живали; потому что цесарского величества римского подданныхъ, шляхетского чина и торговыхъ людей, въ Московскомъ государствѣ нѣтъ и никогда не пріѣзжаютъ, которые бъ были вѣры римской, а которые и есть не многіе, и тѣ живутъ по волѣ своей

добровольно, а не по неволѣ, и волно имъ для употребленія вѣры своей и въ государство цесарского величества выѣзжать. Да что великимъ же государемъ билъ челомъ и просилъ у нихъ, великихъ государей, святѣйшій киръ Іоакимъ, московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, что они живутъ, езувиты, на Москвѣ многое время безъ дѣла, а прежде-де сего изстари при предкахъ ихъ государскихъ римскіе езувиты въ Московскомъ государствѣ никогда не бывали и не живали; а нынѣ живучи они, езувиты, на Москвѣ чинятъ многую Святой Соборной Апостолской церкви и догматомъ ее противность печатными писмами, и образами на полотнахъ и на роговой кости, также и иными прелестями, а у Святой Соборной Апостольской Восточной церкви зъ западнымъ римскимъ костеломъ многія несходства, какъ о томъ свидѣтелствуютъ седмь Святыхъ Вселенскихъ соборовъ, и отъ Восточной Апостолской церкви Римъ отпалъ, и чтобъ они, великіе государи, болши сего имъ, езувитомъ, за такими вышепомянутыми препятіями въ Московскомъ государствѣ жить не поволили. И великіе государи, ихъ царское величество, указали ихъ, езувитовъ, нынѣ отпустить къ цесарскому величеству во всякой своей государской милости; а что жили они на Москвѣ, по ихъ царского величества указу и по прошенію цесарского величества, на время, и цесарскому величеству прежде сего о томъ объявлено, а договоровъ и никакого укрѣпленія у нихъ, великихъ государей, съ его цесарскимъ величествомъ, чтобъ имъ, езувитомъ, жить на Москвѣ нѣтъ и небывало.

И по тому ихъ великихъ государей указу тѣ езувиты съ Москвы отпущены.

А во ρϋѳ году присылалъ къ великимъ государемъ цесарь посланнаго своего Ягана Курца. И будучи тотъ посланной въ четырехъ отвѣтѣхъ домогался имянемъ го-

сударя своего и говорилъ: «Егда-де цесарское величество имѣлъ себѣ истинную и надежную отъ нихъ, великихъ государей, въ пріятствѣ и дружбѣ неотмѣнность, когда великіе государи по желанію его цесарскаго величества поволили въ своемъ царствующемъ градѣ Москвѣ быти католицкому ученію и духовнымъ римской вѣры людемъ и езувитомъ, по которой-де ихъ государской милости тѣ изувиты жили на Москвѣ и богомоліе свое употребляли невозбранно въ надеждѣ такой, что имъ впредь въ вѣрѣ ихъ ученіе возбранено не будетъ; а нынѣ-де его цесарское величество о томъ зѣло удивляется, что съ Москвы тѣмъ езувитомъ скорое отпущеніе учинено, и тѣмъ нѣкакое противное братцкой дружбѣ и любови явилось отриновеніе. А то-де было езувитовъ на Москвѣ бытіе его цесарское величество отъ ихъ царскаго величества принялъ благолюбительно, и почиталъ въ братцкую дружбу и любовь крѣпко и не розорванно, выше иныхъ дѣлъ; хъ которой дружбѣ и взаимность его царская къ нимъ, великимъ государемъ, по ихъ государскому желанію понудилась, что его цесарское величество отвѣтныя свои грамоты ихъ царскаго величества посломъ и посланникомъ перваго и втораго чину отдавать изъ своихъ цесарскихъ рукъ благоволилъ, въ такой надеждѣ, что та взаимность во обоихъ сторонахъ равна имѣетъ почитатись. И о той-де взаимности великимъ посломъ боярину Борису Петровичу Шереметеву съ товарищи, будучимъ при дворѣ цесарскомъ, говорено и съ обоихъ сторонъ на мѣрѣ постановлено, что то впредь будетъ содержано не порушимо. И какъ-де нынѣ увѣдомился его цесарское величество о незапномъ отпущеніи езувитовъ съ Москвы, и то-де его цесарскому величеству стало сумнительно; а однакожъ-де его цесарское величество имѣетъ въ томъ надежду, что, по его посланного о томъ донесенію и прошенію, они, великіе государи, по брацкой къ его цесарскому величеству дружбѣ и любви, тѣмъ езувитомъ на Москвѣ жить для уче-

нія и умноженія вѣры ихъ римской и богомоліе свое отправлять укажутъ, для того, что не токмо ихъ духовные на Москвѣ въ вѣрѣ своей имѣли употребленіе волное, но и иныхъ постороннихъ и не союзныхъ народовъ, какъ люторы, такъ и калвины, въ духовныхъ своихъ моленіяхъ и ученіяхъ на Москвѣ и донынѣ имѣютъ поволность невозбранно, и препоны имъ въ томъ ни отъ кого нѣтъ; а въ государствахъ-де его цесарскаго величества Греческія вѣры и не давно взятымъ изъ-подъ ига турскаго духовнымъ, какъ въ Венгерской, такъ и въ Сербской земляхъ, никакова озлобленія и изгнанія не чинитца».

И тому посланному на то его предложеніе учиненъ отвѣтъ, что великіе государи указали ему, посланному, таковъ отвѣтъ о томъ учинить, что костелу римскому, и езувитомъ, и училищамъ ихъ нынѣ и впредь быть на Москвѣ они, великіе государи, не изволяютъ; а напредъ сего поволено было имъ жить для любви цесарского величества на время, до указу, и чтобъ они жили спокойно и службы отправляли въ дому, и они учали жить противно и не въ свои дѣла вступатца, и новое вмѣщать и чрезъ почту въ иныя государства многое писать, что имъ не належало. Да и впредь имъ быть не указали, потому что и святѣйшему московскому и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, и всему грекоросійскому освященному собору, и духовенству, и благочестію учали они чинить многую противность, листы многіе печатали рускимъ языкомъ на прелесть въ Римѣ, и привезли съ собою къ Москвѣ и роздавали въ домы, и въ училища учали призывать рускихъ малыхъ дѣтей. Да и въ иныхъ христіанскихъ государствахъ, а имянно въ Венеціи и въ Аглинской землѣ, за противность же ихъ жить имъ не позволяютъ. А и поволено было имъ пожить не для отданія грамотъ изъ рукъ цесарского величества царского величества посломъ и посланникомъ и гонцомъ, какъ онъ, посланной, предлагахъ, но съ любви

ихъ царского величества къ цесарскому величеству братцкой».

И посланной говорилъ: «Объявленъ-де ему ихъ великихъ государей указъ, что езувитомъ жить на Москвѣ не поволено, будто они, езувиты, російскимъ догматамъ и духовенству чинятъ противность и людей Рускихъ писмами своими прелщаютъ и чинятъ расколы; а цесарь-де, слыша о изгнаніи ихъ съ Москвы, зѣло печалится, понеже они съ Москвы сосланы по оклеветанію нѣкоторыхъ на Москвѣ живущихъ еретиковъ люторовъ и калвиновъ, и то де на нихъ, езувитовъ, солгано напрасно; а они де, езувиты, люди ученые и жили на Москвѣ пожеланію его цесарского величества не для иного чего, токмо для исповѣдыванія католиковъ, въ службѣ ихъ царского величества пребывающихъ; а хотябъ-де они, езувиты, яко человѣцы, и преступили отъ преданныхъ имъ наказовъ, и ихъ-де отъ того мочно воздержать и приказать имъ накрѣпко, чтобъ они впредъ того не дѣлали. А въ Венгріи-де езувиты живутъ по изволенію папину, перемѣняясь по три года; да и въ Аглинской-де землѣ езувиты живутъ же, токмо тайно и платья своего езувитцкаго не носятъ, а носятъ нѣмецкое платье такое жъ, какое носятъ Агличане, для народного множества различныхъ вѣръ, какъ люторовъ, такъ и калвиновъ, и чтобъ тѣ езувиты не имѣли отъ такихъ противныхъ вѣръ какова-либо себѣ подозрѣнія и укоризны; и потому они тамошнимъ обыкновеннымъ платьемъ и сообщаются съ прочіими людми, чтобъ ихъ не узнали. А нынѣ-де хотябъ указали великіе государи, по прошенію цесарского величества, жить езувитомъ на Москвѣ противъ венеційского обычая по три года; а какъ имъ, живучи на Москвѣ, поступать, и потомубъ написать статьи, а они-де то исполняти будутъ со тщаніемъ. А какъ-де онъ въ прошломъ во ρ҃ѵг году былъ на Москвѣ и купилъ въ Нѣмецкой Слободѣ дворъ на имя торгового иноземца Гвасконія,

занявъ у него денги, и послѣ того за тотъ дворъ тому Гвасконію денги изъ цесарской казны заплачены; а нынѣ проситъ онъ, посланной, чтобъ тотъ дворъ былъ подъ имянемъ цесарского величества, какъ есть въ Московскомъ государствѣ иныхъ окрестныхъ государей обывателные покупные дворы».

И посланному сказано: «Напредъ сего, при прежнихъ государѣхъ царѣхъ и великихъ князѣхъ російскихъ, никакихъ на Москвѣ дворовъ не бывало и нынѣ быть непристойно, и не для чего; а когда тотъ дворъ купленъ на имя торгового иноземца Гвасконія, и онъ, Гвасконей, пусть имъ владѣетъ и держитъ; да и въ государствѣ-де цесарского величества ихъ царского величества дворовъ нѣтъ».

Посланной же будучи въ четвертомъ отвѣтѣ, говорилъ съ прошеніемъ, чтобъ великіе государи, для любви братцкой къ его цесарскому величеству, поволили для исповѣдыванія католицкаго быть на Москвѣ у началныхъ людей по прежнему езувитомъ, а его де цесарское величество тому будетъ благодаренъ и прикажетъ тѣмъ езувитомъ жить смирно, а такихъ дѣлъ тѣ езувиты впредь чинить не будутъ.

И по многому его посланнаго прошенію объявлено ему въ отвѣтѣ, что одному свѣцкому священнику, кромѣ езуитовъ и иныхъ законниковъ, побыть на Москвѣ на время ихъ царское величество указали, и то для началныхъ людей, которые римского исповѣдыванія служатъ ихъ царскому величеству, и отправлять ему для нихъ службы въ дому.

И посланной говорилъ: «Великимъ-де государемъ, ихъ царскому величеству, онъ, посланной, за то, что поволили быть на Москвѣ для исповѣдыванія католицкой вѣры началныхъ людей иноземцовъ, въ службѣ ихъ царского величества пребывающихъ, плебану или мірскому духовнику, благодарствуетъ; толко-де одному безъ другова быть

не мочно, и чтобъ поволили великіе государи на Москвѣ жити не одному, имѣтибъ ему товарища и бытибъ имъ двумъ. А его-де цесарское величество проситъ и желаетъ, чтобъ жить на Москвѣ езуитамъ потому: стыдно-де то будетъ его цесарскому величеству, что его цесарского величества слово въ житіи езуитовъ на Москвѣ не удержится; а езуитомъ-де цесарское величество обѣщалъ, что они съ Москвы выгнаны не будутъ; и будетъ-де великіе государи езуитомъ жить на Москвѣ не поволятъ, и то де будетъ его цесарскому величеству зѣло печално, для того, что люторы и калвины, которые живутъ на Москвѣ, зѣло тѣхъ езувитовъ ругателными писмами огласили ложно неистовствомъ, чего они не дѣлывали, и нынѣ то поруганіе на нихъ лежитъ, и имѣютъ поношеніе въ иныхъ государствахъ, а въ той-де ихъ невинности оправдать ихъ некому; и для-де того его цесарское величество отъ великихъ государей той езуитомъ поволности желаетъ, чтобъ то постороннее ругателство съ шеи ихъ збить».

И посланному говорено: «Его цесарскому величеству стыда въ томъ имѣть не для чего; и что езуиты, живучи на Москвѣ, явились непотребными своими дѣлами противные Грекоросійской благочестивой Восточной Церкви, и за тою противностію съ Москвы отпущены, въ томъ его цесарскому величеству печалитца не о чемъ. И о томъ ему, посланному, великихъ государей указъ сказанъ, что езуитомъ нынѣ и впредъ жить на Москвѣ великіе государи не указали для многой ихъ езуитцкой противности и непотребныхъ ихъ дѣлъ. Да и жить имъ за многою ихъ прелестію на Москвѣ не для чего, и не доведется, и вѣры своей римской и католицкаго ученія въ Московскомъ государствѣ распространяти и умножать ненадобно, потому что благочестивая Восточная Соборная и Апостолская Церковь, мати всѣхъ православныхъ Россійскаго царствія народовъ, имѣетъ богодухновенное въ философіахъ грекорос-

сійскихъ на весь свѣтъ благочестивое истинное ученіе, которое всегда содержитца непоколеблемо, и иностранныхъ ученей не пріемлетъ: и для того быть при ней иностранному католицкому ученію, и жить на Москвѣ езуитомъ, и размножать вѣру римскую неудобно. И будебы его цесарскому величеству житье езуитовъ въ иныхъ государствахъ показалось надобно; и тѣхъ бо изуитовъ для умноженія вѣры ихъ римской и ученія католицкого изволилъ бы его цесарское величество послать на житье во иностранныя государства, гдѣ не исповѣдываютъ и не знаютъ истинного Господа Бога и живутъ во мрачности: тѣхъ бы они обращали и научали вѣры своей римской; а на Москвѣ ученіе ихъ католицкое не надобно. А люторы и калвины хотя отстоятъ еретичествомъ своимъ отъ восточного благочестія далѣ католиковъ, однакожъ противности отъ нихъ Грекоросійскому благочестію нѣтъ и ни въ какія духовныя дѣла они не вступаютца. А писма они на езувитовъ какія ругателныя выдавали-ль, того не вѣдомо»..

И по многому его посланного прошенію объявлено ему въ пятомъ отвѣтѣ, что великіе государи, для братцкія дружбы съ его цесарскимъ величествомъ, быть на Москвѣ при одномъ ксензѣ и другому указали, толко бъ тѣ ксензы, живучи на Москвѣ, ни въ какія не належащія и не въ свои дѣла не вступались, и вѣрѣ бы Грекоросійской никакоіі противности не чинили, и Рускихъ бы людей не обращали, и въ домы къ Рускимъ людемъ не ходили, а службу бъ отправляли въ домѣхъ католицкой вѣры у началныхъ людей; также бъ и чрезъ почты какъ вѣстовыхъ, такъ и затѣйныхъ никакихъ писемъ въ иныя государства отнюдъ бы не писали и не посылали; и подъ имянемъ бы тѣхъ ксензовъ въ ихъ ксензовскомъ платьѣ не жили бъ на Москвѣ езуиты, и были бъ тѣ ксензы свѣцкіе плебаны, а не езуиты; и буде вмѣсто тѣхъ плебановъ объявятся на Москвѣ езуиты, и тѣ езуиты

также и плебаны высланы будутъ съ Москвы вовсе, и впредъ имъ на Москвѣ жить будетъ не поволено».

И посланной за то благодарствовалъ и говорилъ, чтобъ о томъ свѣцкихъ плебановъ на Москвѣ житіи дати бъ ему, посланному, во укрѣпленіе изъ Посолского приказу обнадеживателное писмо; а его-де цесарское величество то ксензово, а не езуитово на Москвѣ житіе приметъ ли, и ихъ царскому величеству благодарить изволятъ ли, того онъ не вѣдаеть, для того, что его цесарскому величеству за обѣщаніемъ въ Московскомъ житьѣ езуитомъ кромѣ ихъ иного чина послать будетъ стыдно. И тѣ ксензы, которымъ нынѣ поволено жить на Москвѣ, привыкли жить у католицкихъ свѣцкихъ костеловъ, при которыхъ обрѣтаются многіе мірскіе доходы, и обыкли тѣ ксензы доволствоватся многими денгами, на которые росходы выходитъ имъ по $\overline{\text{ѧ}}$ ефимковъ на годъ, и для того тѣ ксензы на Москвѣ жить не захотятъ, потому что въ службѣ ихъ царского величества католицкой вѣры началныхъ людей малое число, и такихъ многихъ дачъ на росходы тѣмъ плебаномъ не соберется; а чтобъ-де жити на Москвѣ езуитомъ, потому что они законники и нужду всякую терпятъ, не какъ мірскіе люди, и питаютца скудною пищею, и толко имъ выходитъ на годъ на пищу по $\overline{\text{ѧ}}$ ефимковъ человѣку, и для того они на Москвѣ у неболшого числа началныхъ людей, буде ихъ царского величества изволеніе будетъ, жить могли бъ безъ убытку».

И посланному сказано, что езуиты хотя въ законномъ своемъ житіи хотя и нужду терпятъ и кормами скудными питаютца, однакожь за противное ихъ дѣло на Москвѣ имъ жить никогда поволено не будетъ. А что онъ, посланной, говоритъ, что плебаномъ на росходы многія выходятъ денги, и тѣхъ плебановъ могутъ ихъ царского валичества подданные служивые люди генералы и полковники прокормити безъ скудости. А писма въ томъ,

что плебаномъ поволено на Москвѣ жити, давать не для чего, и что ему, посланному, объявлено, и то будетъ у ихъ царского величества содержано, толко бъ его цесарское величество приказалъ тѣмъ плебаномъ, чтобъ они жили смирно и въ домы къ Рускимъ людемъ не ходили и къ себѣ не призывали и не пущали, и службы свои по католицкому обыкновенію отправляли въ дому, а явныхъ своихъ богомолей, какъ ходовъ, такъ и погребенія, не чинили.

Посланной же говорилъ: «Объявленъ-де ему ихъ царского величества указъ, что купленого въ Нѣмецкой Слободѣ на имя торговаго Италіанца Франца Гвасконія двора подъ имянемъ цесарского величества написать не указали, и нынѣ бъ пожаловали великіе государи, велѣли на томъ дворѣ жить плебаномъ, которые будутъ на Москвѣ, и записать бы тотъ дворъ на имя цесарского величества; а что-де ему объявлено, что ихъ царского величества дворовъ въ государствѣ его цесарского величества, а имянно въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, нѣтъ, и великіе-де государи буде изволятъ имѣть тамъ дворы, и въ томъ-де отъ его цесарского величества возбранено не будетъ».

И посланному сказано, что на имя цесарского величества двора великіе государи записывать не указали, а что тотъ дворъ купленъ на имя Гвасконіево, пусть онъ имъ и владѣетъ. А плебаны бъ на томъ дворѣ не жили, а жили бъ у началныхъ людей католицкой вѣры, въ службѣ ихъ царского величества пребывающихъ. Да и потому того двора на цесарское имя записывать не доведетца, что и полского короля, которого государство граничитъ съ государствомъ Московскимъ, двора полского на Москвѣ нѣтъ же, а Цесарское государство съ Московскимъ не граничитъ и подданные цесарскіе торговые люди ни съ какими товары не пріѣзжаютъ; и великіе государи, ихъ царское величество, въ государствѣ цесарскомъ ни въ которомъ городѣ дворовъ имѣть не

желаютъ, для того, что съ Москвы торговые люди тамъ не бываютъ. А что на Москвѣ дворъ свейского короля есть и на томъ дворѣ живутъ его королевскіе подданные торговые люди, да и для того тотъ дворъ свейского короля на Москвѣ построенъ, что и ихъ царского величества подданныхъ въ королевствѣ Свейскомъ дворы есть же.

И послѣ того посланного поѣзду съ Москвы остался на Москвѣ католицкого исповѣданія домниканъ, и жилъ тотъ домниканъ въ Нѣмецкой Слободѣ католицкого исповѣдыванія у началныхъ людей. А въ с̃а году тотъ домниканъ съ Москвы отпущенъ за литовской рубежъ.

А на его мѣсто присланы отъ цесаря два человѣка свѣцкихъ плебановъ, Францышекъ да Павелъ, а въ грамотѣ къ великимъ государемъ цесарь съ ними писалъ, что послалъ онъ къ Москвѣ двухъ ксензовъ мірскихъ вмѣсто одного, оставленого на Москвѣ отъ Ягана Курца, домникана, и дабы тѣмъ ксензамъ, покамѣсть на Москвѣ поживутъ, безопасно поволить и противу зловолныхъ, естьли надобно будетъ, обидъ милостиво оборонять и защищать изволили.

И тѣ ксензы съ с̃а году живутъ на Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ на купленомъ дворѣ Франца Гвасконія, и размножаютъ вѣру свою римскую, и учатъ малыхъ дѣтей римского исповѣдыванія, и для богомолія своего и и училища на томъ дворѣ построили деревяной костеликъ, и отправляютъ богомоліе римское явно, а не въ домѣхъ.

А люторскія и калвинскія кирхи каменные въ Нѣмецкой Слободѣ построены ль и на какихъ земляхъ, и такого ихъ строенія и земель въ Посолскомъ приказѣ не вѣдомо и ихъ великихъ государай указовъ о строеніи такихъ кирхъ не сыскано.

А въ договорѣхъ съ полскимъ и съ свейскимъ короли и съ иными окрестными государи о строеніи люторскихъ и калвинскіихъ кирхъ не токмо каменныхъ, но и о де-

ревянныхъ нигдѣ не написано и строить кирхъ не положено.

А иноземскихъ дѣлъ стряпчей Иванъ Якимовъ сказалъ: въ Нѣмецкой-де Слободѣ люторская и калвинская кирхи построены по челобитью служилыхъ иноземцовъ, генераловъ, и полковниковъ, и полуполковниковъ, по имяннымъ ихъ великихъ государей указомъ изъ Иноземского приказу, а земли подъ кирхи въ Нѣмецкой Слободѣ даваны по указомъ же великихъ государей изъ Земского приказу, для того такого ихъ строенія въ Посолскомъ приказѣ и не вѣдомо.

И нынѣ бьютъ челомъ великимъ государемъ тѣ римскіе исповѣдники, чтобъ имъ для явного римской вѣры богомолія своего построить костелъ каменной.

А съ папою римскимъ у великихъ государей за многія противности западного костела и благочестивой Восточной церкви никакова договору и ссылокъ съ ҃ѕ҃п҃ѳ году нѣтъ, да и въ Риму строенія благочестивыхъ церквей Православныхъ христіанъ нѣтъ же, и Восточная церковь съ римскимъ костеломъ въ догматахъ сообщенія не имѣетъ.

Да и съ цесарскимъ величествомъ у нихъ, великихъ государей, договоровъ никакихъ нѣтъ же и укрѣпленія и обнадеживанія отъ нихъ, великихъ государей, ему, цесарю, чтобъ жить на Москвѣ римскимъ исповѣдникомъ и для богомолія своего строить костелы и размножать вѣру свою римскую, не бывало жъ.

А въ договорѣхъ вѣчного міру съ полскимъ королемъ въ ѳ҃-й статьѣ написано: «Церквамъ Божіимъ, и епископіямъ, и архимандріямъ, и игуменствамъ благочестивой Грекоросійской вѣры и всѣмъ въ Корунѣ и въ Литвѣ живущимъ въ той вѣрѣ людемъ никакова утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденіе не чинить, но по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и волностяхъ церковныхъ быть соблюденымъ».

И послѣ того вѣчного міру къ великимъ государемъ митрополитъ Кіевской и гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа, да изъ Полши резиденты Иванъ Волковъ и Борисъ Михаиловъ писали, что въ Корунѣ и въ Литвѣ духовнымъ особомъ и мірскимъ чинитца въ вѣрѣ насилство и принужденіе къ уніи великое, и многіе монастыри и церкви насилствомъ римляня у благочестивыхъ поотнимали и въ унію обратили, и обращаютъ.

И по ихъ великихъ государеи указомъ, по договорамъ вѣчного міру, резиденты Иванъ Волковъ и Борисъ Михайловъ полскимъ и литовскимъ сенаторемъ о принужденіи уніи говаривали многажды, и по многимъ выговоромъ сенатори имъ сказали, что великимъ государемъ въ ихъ государствѣ роспровляти неприлично и будто уже они неволники, а по ихъ-де праву и самъ король и послѣднему шляхтичу не можетъ ничего въ противность указать и всякой-де шляхтичъ въ добрахъ своихъ воленъ, и належатъ-де уніяты по духовности до Риму.

Въ той же ѳ-й статьѣ вѣчного міру съ полскимъ королемъ написано: «Взаимъ ихъ царскому величеству вѣры римской въ государствахъ ихъ царского величества, паче же въ нынѣшнихъ отошлыхъ странахъ отъ великихъ государей ихъ царского величества, никокое въ вѣрѣ не имѣетъ быть творено безправіе и ко иной вѣрѣ принужденіе, наипаче имѣти будутъ всякую волность, той вѣры держась и въ имѣніяхъ своихъ никакой препоны и убытка не понося, на милости ихъ царского величества, то имъ вредити не имѣетъ, и вѣры своей волные употребленіе въ домѣхъ своихъ имѣть».

И то о употребленіи римской вѣры людемъ въ домахъ въ тѣхъ договорѣхъ съ полскимъ королемъ написано не для пріѣзду къ Москвѣ римскихъ ксензовъ и отправленія богомолій и строенія костеловъ, но для того, что тѣмъ вѣчнымъ миромъ уступлены въ сторону царского величества съ полской стороны завоевонные городы и

мѣста, и въ тѣхъ пограничныхъ уступленныхъ мѣстахъ живали римскіе вѣры немногіе люди, а нынѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ римской вѣры людей нѣтъ. И въ томъ вѣчномъ миру никакого договору у великихъ государей съ королемъ полскимъ о пріѣздѣ къ Москвѣ римскихъ исповѣдниковъ и отправленія богомолей ихъ и о строеніи костеловъ не написано жъ.

Да въ прошломъ во ρϋѳ году пріѣзжалъ къ великимъ государемъ изъ Венгерской земли изъ города Брашова соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы протопопа Сталки зъ братіею зъ заручною челобитною бити челомъ о милостынѣ соборной священникъ Кипріянъ Романовъ. А въ томъ заручномъ челобитьѣ написано; и на Москвѣ тотъ священникъ въ допросѣ сказалъ: «Тотъ-де Венгерской городъ Брашовъ изъ-подъ турского владѣнія взяли цесарскіе ратные люди тому четвертой годъ, и нынѣ тотъ городъ пребываетъ подъ обороною цесарскою; и въ той-де войнѣ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы разорена, а построить нечимъ. А прежь сего жили они подъ турскимъ владѣніемъ, и церковь строили, и питались поданіемъ Православныхъ христіянъ, въ томъ городѣ живущихъ; а нынѣ-де христіяне войною побиты и разорены, и вмѣсто христіянъ живутъ въ томъ городѣ цесарскіе ратные люди и римляня, и подаянія имъ въ церковь отъ нихъ никакова нѣтъ, да и цесарь-де римской милостыни своей имъ не даетъ же, и кромѣ той единой церкве строить иныхъ церквей въ томъ городѣ Брашовѣ по цесарскому указу не велѣно, и православнымъ христіяномъ цесарскіе ратные люди по тому цесарскому указу строить церквей не даютъ же».

3. Дальнѣйшій ходъ дѣла, послѣ справки.

По сей выпискѣ ихъ великихъ государей указу не учинено за скорымъ съ Москвы воинскимъ походомъ.

И въ нынѣшнемъ въ сѯ году іюня въ ѯ день въ Го-

сударственномъ Посолскомъ приказѣ извѣщалъ словесно иноземскихъ дѣлъ стряпчей Иванъ Якимовъ, что римскіе исповѣдники, живучи въ Нѣмецкой Слободѣ, на купленомъ дворѣ Франца Гвасконія для своего католицкого училища и римской вѣры ученія и размноженія строятъ костелъ каменной, безъ ихъ великихъ государей указу, и уже того костела въ каменномъ строеніи близъ половины здѣлано; и они-де, иноземцы, отъ нихъ, римлянъ, опасно, чтобъ въ строеніи того костела безъ ихъ, великихъ государей, указу прелщеніемъ своимъ и лживымъ ученіемъ не токмо въ Російскомъ царствіи не учинили-бъ Російскимъ народомъ, но и имъ, иноземцомъ, какова хищного лщенія и тѣсноты.

И по указу великихъ государей изъ Посолского приказу въ Ново-Нѣмецкую Слободу для досмотру того костельного строенія посыланъ подъячей Семенъ Порѣцкой, и сказалъ, что онъ, Семенъ, въ Нѣмецкой Слободѣ римскои вѣры и исповѣдниковъ костелного строенія досматривалъ, а по досмотру въ Нѣмецкой Слободѣ подлѣ бывшаго дохтура Захарьева двора Фандергулста на дворѣ торгового иноземца Франца Гвасконія строятъ каменщики, подрятчикъ околничего князь Ѳедора Юрьевича Борятинского крестьянинъ ярославской его вотчины деревни Макаровой Микитка Кузминъ прозвище Сѣдой съ товарыщи своими, каменное строеніе четвероуголной костелъ. А по осмотру того строенія выкопанъ и здѣланъ въ земли каменнои погребъ вдлину и вширину по три сажени слишкомъ, а надъ тѣмъ погребомъ выкладено вверхъ кирпичемъ всѣ четыре стѣны ввышину по се число по полторы сажени слишкомъ. И нынѣ то строеніе тѣ каменщики дѣлаютъ же, и часъ отъ часу прибываетъ. А сказали ему, Семену, они, каменщики, что подрядилъ ихъ на томъ дворѣ здѣлать погребъ, а надъ погребомъ костелъ каменнои же Италянецъ Францъ Гвасконій, и по тому подряду подъ тѣмъ костеломъ погребъ

они построили, костелъ надъ погребомъ дѣлаютъ, а къ тому-де строенію принуждаетъ ихъ на томъ дворѣ житель, римской ксензъ, и онъ, Францъ, непрестанно.

Ся подлинная выписка списана слово въ слово и послана въ полки въ низовой походъ сего-жъ іюня въ $\overline{\text{є}}$ день чрезъ царицынскую почту.

И того-жъ іюня въ $\overline{\text{к}}$ числѣ нынѣшняго $\overline{\text{сг}}$ году въ указѣ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, изъ полковъ изъ низового походу изъ Паншина чрезъ почту написано, что ихъ великихъ государей указу римскимъ исповѣдникомъ о строеніи католической кирхи не бывало, и великіе государи указали то костелное каменное дѣло удержать и спросить римского попа, по какому онъ указу то зачалъ, потому что по челобитной его еще указу ему о томъ не состоялось, также и Франца Гвасконія допросить же, съ подкрѣпленіемъ, и взять скаски.

И по сему ихъ великихъ государей указу по римского ксенза и по иноземца по Франца Гвасконія изъ Посолского приказу посылано многожды, чтобъ они для ихъ великихъ государей дѣла были въ Посолской приказъ.

И римской ксензъ и Францъ Гвасконій по той посылкѣ въ Приказъ не пошли и сказокъ не дали.

А по осмотру изъ Посолского приказу здѣлано у нихъ того каменного строенія:

Погребъ вдлину и вширину по три сажени, а ввышину двѣ сажени, а надъ тѣмъ погребомъ здѣлана каменная полатка мѣрою противъ погреба, и у той полатки здѣланъ потолокъ бревенчатой, и положены на то строеніе сверху доски, да въ погребѣ жъ здѣлано окно, да выходъ зъ дверми, да въ стѣнѣ, которая здѣлана на востокъ, выкладено мѣсто, гдѣ можетъ поставитца ихъ приношеніе; да у той же полатки и у погреба у всѣхъ четырехъ угловъ съ земли до верху выпущено изъ стѣнъ

по полукирпичю, знатно для придѣлки иного какова каменного строенія, и по всему знатно, что хотятъ они въ той полатѣ отправляти свою службу. Досматривалъ Посолского приказу старой подъячей Михайло Волковъ [1].

И ҂ѕ҃сг лѣта августа въ і҃ день присылалъ въ Государственной Посолской приказъ къ думному дьяку къ Емельяну Украинцову бояринъ Тихонъ Никитичь Стрѣшневъ Розрядного приказу подъячего Михаила Гуляева, чтобъ онъ, думной дьякъ, съ нимъ, бояриномъ, видѣлся для ихъ великихъ государей дѣлъ.

И того жъ числа къ боярину Тихону Никитичю онъ, думной дьякъ, ѣздилъ. И бояринъ Тихонъ Никитичь ему говорилъ: «вчерашнего-де августа девятаго числа въ вечеру присланъ къ нему ихъ великихъ государей указъ изъ воинского походу изъ-подъ Азова посланной къ Москвѣ сь седмою почтою іюля въ к҃а̀ числѣ; а велѣно ему, справясь съ Посолскимъ приказомъ и посмотря выписки о католицкомъ костелномъ каменномъ строеніи, которое построено въ Нѣмецкой Слободѣ, сьѣздить въ Нѣмецкую Слободу и того строенія досмотрѣть: подлинно ль такое костелное каменное строеніе противъ осмотровъ Посолского приказу подьячихъ въ Нѣмецкой Слободѣ здѣлано или по осмотру явитца не сходно; и чтобъ онъ, думной

---

[1] Этою собственноручною подписью Волкова кончается подлинное дѣло; послѣдующее находится въ копіи (подъ литерой В) съ него конца XVII вѣка, лежащей въ той же папкѣ, а къ подлиннику приписано въ 1721 году, съ предварительнымъ замѣчаніемъ: «При пріискѣ (по присланному изъ С.-Петербурга изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ великого государя указу) дѣлъ о пріѣздѣ литовскихъ пословъ Михаила Халецкого съ товарыщи сыскана въ полскомъ повытьѣ о строеніи въ Москвѣ костеловъ копія съ выписки, въ которой противъ прежде посланной августа 10-го числа изъ Москвы изъ Посолской канцеляріи въ С.-Петербургъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ выписки явилось излишняго: послѣ осмотру Посолского приказу подьячего Михаила Волкова, въ оконченіи сіе».

дьякъ, тое о костелномъ строеніи выписку для подлиннаго выразумѣнія по вышеписанному ихъ великихъ государей указу прислалъ къ нему, боярину».

И думной дьякъ по тому великихъ государей указу тое о строеніи католицкого костела выписку послалъ къ нему, боярину, того жъ числа.

И августа въ к҃а҃ї день бояринъ Тихонъ Никитичь въ Нѣмецкую Слободу для осмотру того костелного каменного строенія въ Нѣмецкой Слободѣ ѣздилъ и то строеніе осматривалъ, а выписку о католицкомъ костелѣ прислалъ по прежнему въ Посолской приказъ.

И августа въ к҃к день бояринъ Тихонъ Никитичь, призвавъ къ себѣ его, думного дьяка, сказалъ, что онъ въ Нѣмецкой Слободѣ костелного каменного строенія осматривалъ и осмотръ и чертежъ тому костелному строенію въ низовой походъ чрезъ почту послалъ; а по ихъ великихъ государеи указу, присланному къ нему изъ низоваго походу, покрыть то каменное строеніе онъ приказалъ.

III.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ДѢЛУ О МОСКОВСКОМЪ КАМЕННОМЪ КОСТЕЛѢ.

НАПИСАННОЕ МОСКОВСКОЮ ПОСОЛЬСКОЮ КАНЦЕЛЯРІЕЙ

въ 1721 году *).

Показаніе полковника Петра Гордона о достройкѣ костела.

А какъ тотъ костелъ въ строеніи довершенъ, и по указу ль какому, или у того костела бывшіе римскіе законники и прихожане собою достроили, о томъ въ Посольской канцеляріи вѣдѣнія не сыскано.

А нынѣ того Католицкаго костела староста или надзиратель полковникъ Петръ Гордонъ по посылкѣ изъ Посольскаго приказу подъячему Ивану Бѣлозерскому (которому велѣно съ нимъ о томъ костелѣ для вѣдѣнія разговориться легко) сказалъ: «Какъ-де тотъ Католицкой костелъ сперва строился, и изъ Посольскаго приказу по посылкамъ то строеніе осматривано и довершенія не допущено; и о томъ-де изъ Москвы писано отъ обрѣтающихся при томъ костелѣ законниковъ и прихожанъ подъ Азовъ ко отцу его, генералу Петру Гордону, а отецъ-де ево тамъ подъ Азовымъ билъ челомъ великому государю,

*) Тамъ же, въ приложенномъ послѣ Дѣлѣ (1721 г.) Московской Посольской канцеляріи объ иновѣрческихъ церквахъ и духовенствѣ въ Россіи.

чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, указать то костельное строеніе довершить. И потому-де его челобитью указомъ его царского величества повелѣно имъ то строеніе довершить, а изъ Посольскаго-де приказу присланныхъ слушать въ томъ не велѣно, и такожъ то строеніе довершено. А какой его царского величества указъ о томъ состоялся, письменный ли или словесной, того-де онъ подлинно сказать не можетъ и не помнитъ, потому что онъ въ то время въ Москвѣ не былъ, а слышалъ о томъ отъ брата своего родного и отъ прочихъ того костела прихожанъ; а чаятъ-де, что о такомъ царскаго величества указѣ вѣдѣніе на письмѣ при томъ костелѣ и было, токмо-де всѣ бывшіе при томъ костелѣ писма и вѣдѣнія о всемъ томъ состояніи въ прошломъ 1719 году, при высылкѣ отъ того костела изъ Москвы римскихъ законниковъ, г. оберъ-комендантъ Измайловъ съ другими забрали и послали въ С.-Петербургъ, а ему отданы токмо ихъ печатныя книги».

IV.

ДОПРОСЪ КУПЦУ ФРАНЦУ ГВАСКОНІЮ

О СТРОЙКѢ ИМЪ КАМЕННАГО ЗДАНІЯ ДЛЯ КОСТЕЛА ВЪ МОСКОВСКОЙ НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДѢ *.

1695 года.

Сѓ-го іюля въ ѓ день,[1] по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, допрашиваны въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ римской ксензъ да[2] Италанскія земли торговой иноземецъ Францъ Гвасконій: по какому указу въ Нѣмецкой Слободѣ[3] подлѣ бывшаго дохтура Захарьева двора Фандергульста на своемъ дворѣ[4] Католицкой костелъ они строятъ,[5] и хто имъ то строеніе строить приказалъ, и на чьи денги[6].

---

* Дѣла Католическія, 1695 г.: «Допросъ Флорентійскому уроженцу Францу Гвасконію, отправляющему въ Россіи купечество, о строеніи имъ въ Нѣмецкой Свободѣ въ Москвѣ католической кирхи».

[1] Первоначально стояло: «въ а̄ день», но потомъ а̄ поправлена на ѓ.

[2] «Римскій ксензъ да» написано на полѣ, рукою исправителя.

[3] Стояло прежде еще: «онъ, Францъ», затѣмъ зачеркнуто.

[4] «На своемъ дворѣ» написано на полѣ.

[5] Вмѣсто «они строятъ» первоначально стояло: «на дворѣ строитъ».

[6] Послѣ «денги» зачеркнуто: «и на своемъ ли дворѣ или на чюжемъ».

А по допросу онъ, Францъ Гвасконій, сказалъ: [1]«Въ Нѣмецкой-де Слободѣ подлѣ бывшаго дохтура Захарьева двора Фандергулста на дворовой землѣ передъ отъѣздомъ своимъ съ Москвы на низовую службу приказалъ ему генералъ Петръ Ивановичъ Гордонъ построить каменное погребеніе, гдѣ по римскому обычаю погребать католицкой вѣры людей ево, Петра Гордона, фамиліи; а приказалъ ему то строеніе онъ, Петръ, строить его Петровыми денгами, во что̀ ни станетъ. И по тому-де его Петрову приказу онъ, Францъ, его Петровыми денгами на томъ дворѣ для католицкаго погребенія то строеніе строилъ; а подмастерья-де подъ то строеніе нанималъ и подряжалъ и къ строенью кирпичъ и известь подряжалъ онъ, Петръ Гордонъ, при себѣ. А построилъ-де онъ того строенія погребъ, да на погребѣ полату, и нынѣ то каменное строеніе уже покрывается; а Костела католицкого, кромѣ тѣхъ каменныхъ погребеній, онъ, Францъ, не дѣлывалъ, [2] а то-де каменное строеніе, которое онъ, Францъ, по приказу генерала Петра Гордона нынѣ построилъ, погребъ для погребенія и надъ нимъ полату, не для костелного дѣйствованія, и то строеніе не костелъ, а надъ погребомъ полата сдѣлана для гулянія, по приказу и по чертежу генерала Петра Гордона, а не для католицкой вѣры какова въ богомоліи дѣйствованія. А генералъ Петръ Гордонъ то строеніе каменное погребеніе на томъ дворѣ ему, Францу, приказалъ строить по указу ль великихъ государей или собою, того онъ, Францъ, не вѣдаетъ».

И къ сему допросу Францъ Гвасконей руки не приложилъ [3].

---

[1] Сначала было написано: «А по допросу онъ, Францъ, сказалъ», потомъ поправлено: «А въ допросѣ римской ксензъ», а надъ «Францъ» поставлено «Гвасконій».

[2] Здѣсь зачеркнуто: «и чей-де тотъ дворъ, про то, онъ, Францъ, не знаетъ».

[3] Затѣмъ зачеркнуто: «А по римского ксенза, которой живетъ

И по указу великихъ государей посыланъ для досмотру того костелнаго каменнаго строенія Посолского приказу подъячей Михайло Волковъ.

А по осмотру его Михайлову на дворѣ въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ живетъ римской ксензъ, на огородѣ возлѣ двора бывшаго дохтура Захарья Фондергулста, построено каменнаго строенія: выкопанъ и сдѣланъ въ земли каменной погребъ, вдлину и вширину по три сажени слишкомъ, а ввышину тотъ погребъ двѣ сажени; да у того погреба съ огорода окошко, да спереди въ погребъ сдѣланъ ходъ, да сверхъ того погреба надъ тѣмъ же погребомъ здѣлана со всѣхъ съ четырехъ стѣнъ каменная полатка четвероуголная жь, а въ той полаткѣ въ стѣнахъ зъ дву сторонъ по окну, въ третей стѣнѣ двери, въ четвертоі стѣнѣ, которая здѣлана на востокъ, о самой срединѣ выкладено мѣсто по подобію костелному, какъ обычай въ костелахъ въ такихъ выкладеныхъ мѣстѣхъ ставить за престоломъ иконостасъ, а подлѣ тоі выкладки въ той же стѣнѣ поблиску здѣлана печюра; а отъ погреба ввышину того строенія двѣ сажени слишкомъ, а вширину въ стѣнахъ мѣрою противъ погреба во всѣ стороны по три сажени, да у тои же верхней полатки съ самаго низу у всѣхъ у четырехъ угловъ выпущено кирпичю, съ самого исподу до самаго верху, по полукирпичю, знатно для придѣлки иного какого каменнаго строенія; да къ той же верхней полаткѣ сдѣланъ деревянный потолокъ и сплоченъ лежитъ на земли.

И по указу великихъ государей Францу Гасконію и римскому ксензу сказанъ ихъ великихъ государей указъ,

---

въ Нѣмецкоі Слободѣ на томъ дворѣ, гдѣ строятъ костель, посыланы изъ Посолского приказу подъячие многажды, чтобъ онъ шолъ въ Посолской приказъ для допросу, по какому государеву указу строитъ Католической костелъ; и тотъ ксензъ учинился ихъ великихъ государей указу ослушенъ и въ Приказъ къ допросу не пошелъ.

чтобъ они того каменного костелного строенія и деревянного потолоку, и кровли, и оконъ, и дверей, и мостовъ до ихъ великихъ государей указу впредь отнюдь не дѣлали [1].

И съ того двора плотники, и каменщики, и работники сосланы».

---

[1] Зачеркнуто: «И ихъ великихъ государей указъ въ Нѣмецкую Слободу къ полковнику къ Ивану Фаркзбаху, которому та Нѣмецкая Слобода приказана, о томъ строеніи, чтобъ онъ того строенія каменнаго и деревяннаго строить и додѣлывать Францу Гвасконію и римскому ксензу до ихъ великихъ государей указу не даваль, и въ томъ строеніи надъ ними надсматривалъ, чтобъ они того костела не додѣлывали изъ Посолского приказу посланъ сего жъ іюля въ 8 день».

V.

КОПІЯ СЪ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ МОСКОВСКОМУ КОСТЕЛУ,

ПРИПИСЫВАЕМОЙ КАТОЛИКАМИ ПЕТРУ I И НЕ ПРИЗНАННОЙ НАШИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ ДОСТОВѢРНОЮ *.

1705 (?) года.

КОПІЯ.

Божіею Милостію Мы Петръ всея Великія Малые и Бѣлыя Россіи Императоръ и про̃. и про̃; Сибири Астрахани ц̃рь и великій Князь Московскій и про̃. и про̃. и други̃ восточны̃ запа̃ны̃ и северны̃ ц̃рствъ древній Наслѣдникъ Государь, и Монарха.

Все̃ обще и всякому особно Кому о семъ вѣдать надлѣжитъ, или впредь вѣдать будетъ надлѣжать объявляемъ

---

* Дѣла Каголическія: «1705-го года. № I. Списокъ съ жалованной Грамоты данной Государемъ Императоромъ Петромъ Первымъ римской Каоолической церквѣ въ Москвѣ». Кромѣ этой надписи на оберткѣ документа, есть еще на оборотѣ самого документа замѣтка Малиновскаго: «Сія копія весьма сумнительна, какъ вразсужденіи Императорскаго титула, которой въ 1705-мъ году Государемъ не былъ еще употребляемъ, такъ вразсужденіи неимовѣрныхъ похвалъ Капуцинскому ордену и неозначенія гдѣ, также котораго мѣсяца и числа дана сія жалованная грамота, въ архивъ же поступить могла при коллежскомъ указѣ отъ 30-го марта 1762-го. Смотри столпъ сего года на лист. 248—260. А Малиновской. 17, VII/15, 97».—Мы печатаемъ этотъ документъ съ удержаніемъ его орѳографическихъ особенностей.

Сею Нашею Грамотою на всегда и в вѣчность; Яко мы Гд рству Нашему, во всемъ, о вышняго желаемъ помощи; и неисповѣдимую Его Божію бл гдть Ею же онъ на паче толики земель, народо, языко, пре почетъ сохраняетъ защищаетъ всегдашни промысло, воспоминающе. Какъ ради обереженія правъ, и волности Свѣтлѣйшей (речи посполитой [1]) Полской не вдавно времени вечнаго примиренія, на помо Пресвѣтлѣйшему, и Державнѣйшему Августу Второму, Королю Полскому великому Кн зю Литовскому, Руссійскому, Мазовецкому, Самогицкому, Волинскому, Подолскому Подляш кому и про; первѣйшему Кн зю, и Наслѣднику Со онскому, Нашему любезнѣйшему брату, противъ Королуса Дванадесятаго Короля Шведскаго, славному государству Полскому непріятеля; с крѣпкимъ воинство въ государство Королевства Полскаго и великаго Княжства Литовскаго Мы Ходили зѣло вѣдаючи, что побѣды и тріумѳы войскъ о рукп Гд неи подаются, о Бг а Нашего во Троицѣ Единаго; и не Единую во всей Силѣ Нашей полагающе Надежду, точію в десницѣ Его, иже Сотвори велія и неизглаголонная чудеса, Единъ имже нѣсть числа, иже умножае языки, и погубляетъ ихъ; па шія же во ставляетъ, иже укрѣпи землю Силою Своею, и Сотвори небеса премудростію Своею, въ Его руцѣ душа всякаго живущаго; и дхъ всякой плоти, иже Есть Бгъ Бг о въ Сіонѣ, Бгъ великъ на всеми Бги; иже попирае Силу враго, низвергае гордыя, и сми ныя возноситъ, низлагае Силныя, воставляе немощныя, умершвляетъ, и оживляетъ; и Егда погубитъ, Сни пошлетъ во Адъ въ Его десницѣ всю надежду, и упованіе благополучія нашего полагающе; Ко вящшей Бг а всемогущаго Славѣ, и во бл годареніе за вся до селѣ на, и народомъ намъ по данны, бывшая благодеянія умоляя Бж ія милосердія, о благополучны оружію Н ашему пове-

[1] На полѣ: «Респубики».

дѣнія, воспріявши доволныій Министровъ нашихъ Совѣтъ; бл. гоизволеніемъ, и охотою Самоизволною уставили, и уставляемъ чрез настоящи чинъ Святаго Ѳранцишка, Капуцинеровъ, в Столичномъ Градѣ Нашемъ Москвѣ завѣсть, и Самы помянутаго Чина монахо сначала житія и благочестіе Святость особливое обыкновеніе добродѣтелное, всякія похвалы достойное пре ложенное на увѣдавше, ввели какъ возможно Наилутши Способомъ такъ заложить, и основать тѣмже монахо ц ковь по имене Святы Ап. лъ Петра и Павла, и Монастырь Состроить, Са огородить, и насадить повелѣли. и сіе на мѣстѣ показанномъ, которое Мы ко владенію цр. ковному пре написали, на всегда, и Свободне о всяки податей здѣлали, и объявили Сею Нашею Грамотою даже во вечность. а кромѣ того по вышереченному о высочайшей Нашей Власти повелѣва, и указуемъ, тако д. ховны яко и мирски персонамъ, г. дарству н. шему по. даннымъ, Чина Святаго Ѳра цишка помянутымъ капуцинеро, каки ні есть образо, выговорами, или досадными умышленіями, в дѣйствія, и церемонія и д. ховны, Какъ особно, такъ и публично о правляемы, по закону Святыя римскія церкве не препятствовали бы и не возбраня бы никто Какъ Самъ чре себя, яко и чре насыщеніе други персо. Но паче честь должную, любовь, почтеніе, все и всякія и особливо вся являть, дѣлать, и показывать долженъ. Которое Строеніе, понеже в намѣреній тако, что ко вящшей было Бг. а всемогущаго Славѣ, нынѣ мы чре сіе здѣлали, и утвердили, за благопріятіе себѣ имуще, желаемъ да и пресвѣтлѣйшія Наслѣдники оное Монастырское Строеніе, отечески милосердіемъ защищать и сохранять за благопріятіе Себѣ имѣютъ; Къ сочиненію, и содержанію ономy Строенію, нужная, и удобная промышлять Соизволяемъ, и Сію Свидѣтелствованную Грамоту Собственою рукою Нашею подписанную, для вероятія все вышереченны печатію Н. шею утвердить повелели.

Дана чре̑ первѣйшаго Канцелярій Н̑шея Генерала Головина въ прису̑ствій.

1705 года. Петръ (М. П.)

Ѳеодо̑ръ Алеѯѣевичъ Голови̑нъ первѣйшій пресвѣтлѣйшаго Царскаго Величества Ка̑цле̑ръ.

VI.

ДѢЛО ПО ЧЕЛОБИТЬЮ НАСТОЯТЕЛЯ МОСКОВСКАГО КОСТЕЛА ПАВЛА ПЕШКЕ

О ВЫДАЧѢ ЕМУ КОПІИ СЪ ГРАМОТЫ ПЕТРА I О КОСТЕЛѢ*.

1797 года.

1. Челобитная Пешке императору Павлу Первому 10 іюля 1797 года.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь, императоръ Павелъ Петровичъ, самодержецъ всероссійсійскій, государь всемилостивѣйшій.

Проситъ Римской католической въ Москвѣ Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла церкви настоятель Павелъ Павловъ сынъ Пешке именемъ всего прихода, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1. Въ прошломъ 1705 году блаженныя и вѣчно достойныя памяти императоръ Петръ Первый всемилостивѣйше пожаловалъ о заведеніи Римской католической въ Москвѣ подъ именемъ Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла церкви жалованную грамоту, которая хранилась въ той церкви и въ бывшій за нѣсколько предъ симъ лѣтъ пожаръ между прочими бумагами сгорѣла.

2. А какъ уповательно, что отпускъ съ оной жалованной

*) Дѣла Духовныя иностранныхъ вѣроисповѣданій или Католическія дѣла 1695 г. № 2, приложеніе F, съ помѣтою «Подано 16-го іюля 1797 года».

грамоты имѣется Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московскомъ архивѣ, то и прошу, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московской архивъ принять.

Прошеніе писалъ оной же Коллегіи регистраторъ Петръ Щученковъ.

Къ подлинному прошенію руку приложилъ Римской католической въ Москвѣ Святыхъ Первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла церкви настоятель Павелъ Павловъ сынъ Пешке.

2. Отказъ просителю администраціей Московскаго Архива Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 3 августа 1797 года.

По сей прозьбѣ въ архивныхъ дѣлахъ, подъ названіемъ «Духовныя иностранныя», найденъ списокъ съ упоминаемой жалованной грамоты; но какъ оная оказалась сумнительною: 1) потому, что въ оной государь Петръ I-й именованъ императоромъ, а въ томъ году еще сей титулъ всероссійскимъ самодержцемъ употребляемъ не былъ, 2), что, кромѣ года, не означено ни мѣсяца, ни числа, ни мѣстопребыванія, гдѣ состоялася оная грамота, и 3) потому, что въ 1762 году при указѣ изъ Государственной Коллегіи отъ 30 марта, по просьбѣ патера Ангеля, препровожденъ былъ сей самый списокъ въ Архивъ для отысканія по оному отпуска; но изъ Архива донесено было рапортомъ отъ 25 апрѣля того жъ года, что ни на какомъ языкѣ такого отпуска ни по реестрамъ, ни по дѣламъ нигдѣ не оказалось: то въ разсужденіи сего и нынѣ, по приказанію господъ управляющихъ Архивомъ, просителю отказано. 3 августа 1797 года.—На подлинной подписалъ секретарь Алексѣй Малиновскій.